

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Феликс Кривин

Юмора России XX века

Юмора России XX века

Юмора России XX века

Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

В тирини малые гра-
ды сравниваем. С
трудно, но если мо-
и, неблагодарный,
янес.

В романе „От П, ко-
вбаеиной: „Та ко-
говесе мигает!“

Но та ко-
отта груда, более те-
чб. Это она Пта ко-
нависа.

Кто мог себе пред-
дет свет? В ней сна-
и Карлота. Толли-
ловон — соавтор Варда

В прошлом свет...
бар? Как может в нем
ан его больше не, ес-
Но оказывается, прои-
совеио го-то прои-

...и. Как явни свои живи
тароси с милоюсто ильи
досе Пля дружан, 40
у строси поваломе вав
кван! влюбленные говор
ет ищет! Твое кажет
ночь влюбленных. Ну и
ркая козь. Вруждомеевса
их любви - козь всеобщ
и, 200 козь-и в той козь
и свету во времени Васи
и звезде, луна. Значи
ижевское козь.
Как может в прошлом
вообще 200-ю прохоро
и оло-прошлые?
ное не мерно, в нем
хорош М...

15 мирн матве
2 2м сярэбнае
н брудно, но есач
дан, кбл. гоночн
чанс.

В романе „От М, к
мобильности: „За ночь
Голубе мигает! “

Но эта ночь не совсем
похожа на другие, более
ночь. Это она была ночь
сентября.

Кто мог себе пред-
ставить свет? В нем
и Карлос. Желе-
знодорожники — соавторы Вир-

В прошлом свете
всего? Как много в нем
сам его больше не, а

Но оказывается, что
ослепение это что-то про
... ..

*А*нтология Сатиры и Юмора России XX века

Handwritten signature

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Феликс Кривин

«ЭКСМО-Пресс» 2001

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 82

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Кривин Феликс Давидович

Серия основана в 2000 году

Редколлегия:

Аркадий Арканов, Никита Богословский, Игорь Иртеньев,
проф., доктор филолог. наук Владимир Новиков,
Лев Новоженев, Бенедикт Сарнов, Александр Ткаченко,
академик Вилен Федоров, Леонид Шкурович

Главный редактор, автор проекта
Юрий Кушак

Составитель тома — Эльвина Мороз

Оформление тома — Лев Яковлев

Материалы для фотоальбома из личного архива автора

Рисунок на обложке — Андрей Лукьянов

Подготовка макета — творческое объединение
«Черная курица» при Фонде Ролана Быкова

Кривин Ф.Д.
К 82 Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 18. —
М: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 672 с.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-04-009023-4 (т. 18)
ISBN 5-04-003950-6

© Кривин Ф.Д., 2002
© Владим Вл., предисловие, 2002
© Мороз Э.С., составление, 2002
© Яковлев Л.Г., оформление, 2002

Содержание

Вл. Владин. Маленькое эссе о «Фигизме» и его ярчайшем представителе Феликсе Кривине	23
Автобиография	26
Все неживое хочет жить	31
Сплетня	31
Административное рвение	32
Пустая формальность	32
Часы	32
К вопросу о квалификации	32
Трюмо	33
Отдушина на свободе	33
Командировка	33
Осень	34
Ясенек	35
Костер в лесу	35
Любезность	37
Обвал	37
Запретный плод	38
Соседки	38
Мортъера	39
Форточка	40
Глина	40
Пугало	41
Память	41

Юбилей	41
Тиря	42
Шуф	42
Ходики	43
Светофор	43
Герои арифметики	44
Заслуженный отдых	44
Ноль женится	45
Любовь	46
Ревность	46
Идеалы	47
Москут	47
Макмус	47
Золото	47
Решетка	48
Окружение	48
Занавес	48
Выборы	49
Несочные часы	49
Два следа на песке	50
Пишется не то, что слышится	
Почему лошадь не лягушка?	53
Глупый король	53
Когда слова выходят в люди	54
Работа и труд	56
Джинн из бутылки	56
Кого мы высиживаем?	56
Когда ели наши предки?	57
Нет нигде Крокодилова	58
Кто лишний?	59
Сон комарика	60
Коварная буква	61
Последняя буква в алфавите	62

Мягкий знак	63
Он или она?	64
Смотрите в корень!	64
Котенок и Медведь	65
Правила охоты	66
Трудолюбивый портной	66
Добрый корень	67
Зеленый и желтый	67
Песенка о буквах, вышедших из употребления	68
Времена глагола	68
Прошедшие времена	69
Двойственное число	70
Страна междометия	71
Последние	72
Идущие	72
Песенка об орфоэпии	73
Король Годяй	74
Фамильная драгоценность	75
Как заложили государство	76
Мы с Зайцем идем на охоту	
Если бы я был Горностаем	79
Дорогой Желтопузик	81
Веселый день старика Дикобраза	82
Кошка в зоопарке	86
Чудесный камень	87
Замок Агути	93
Счастье	97
Куница Илья	99
Ихневмон и Циветта	102
Счастье свиньи Бабирусы	104
Счастливый Полчок	106
Муравей и Листоблошка	109

Гусь Фламинго	110
Меня называют ослом	112
Мы с Зайцем идем на охоту	114
Ленивец Ай	118
Фаза одиночества	120
Чучело муравья	121
Я был тарпаном	123
Память о Солдатике	125
Волшебная сказка	127
Живет на свете Баобаб...	130
Иан Пратхавец	131
Вернемся к нашим баранам	
Муравей	143
Трудный цыпленок	143
Летух-массовик	143
Комариная ночь	144
Почему кошка не любит купаться	144
Хитрая кошка	145
Задумчивый разговор	146
Выбор профессии	147
Жизнь жука	148
Муха	148
Зайкины рога	149
Будни Тушканчика	149
Славный ты парень, Мишка!	150
Сказка о веселом попугае	151
Курица	152
Педагогика	154
Физический закон	154
Мустанги	155
Бочка	156
Общественное мнение	157
Лев, скажи: «Р-р-р!»	158

Воспоминания в тесном полярном кругу	159
Проблемы цивилизации	160
Три жизни	161
Пассажир Чижик, вылетающий	
до Харькова	162
После цирка	163
Волк на елке	164
Признание	165
Судьба индейки	165
Песенка о верблюде	166
В мире животных	166
Жили-были три гуся...	167
Признательность	168
Зрелость	168
Положительный пример	168
Индивидуальность	168
Проигрыватель	168
Точка зрения	168
Свое мнение	168
Мысль изреченная	169
Проблемы	169
Родословная пресмыкающихся	169
Крокодилы	169
Рефлексы	169
Условия жизни	169
Многоклеточные	170
Птицы	170
Педагогика	170
Правильное питание	170
Дискуссия	170
Высшая нервная деятельность	170
Мама	170
С чем живы верблюды	171

Ракообразные	171
Здоровый оптимизм	171
Волки и овцы	171
Рыцари круглого стола	171
Сказка	171
Объяснение сказки	172
Птица Феникс	172
Птицы и люди	172
Публика	172
Репутация в природе	
Старые и новые сказки	175
Семейство Толкунчиков	178
Чтобы быть красивой лягушкой...	179
Сличная жизнь Инфузории Туфельки	179
Сухолов-пеструшка	180
Глупый Сивка	180
Аксолотль	181
Карапузик	182
Счем хороша темнота	182
Мир беспозвоночных	182
Калабария	183
Карась — не идеалист	184
Когда звери улыбаются	184
Птица кеклик	185
Мышовка	185
На пути к океану	186
Смотрите в оба	186
Один из морских ежей	187
Скальные морские ежи	187
Судьба Хамелеона	188
Золотополосый Афиосемион	189
Старость моллюсков	189
Моллюск Цирротаума	190

Страусовы перья	190
Бескрылая Гагарка	191
Над чем смеется птица Кукабарра	192
Репутация в природе	193
Вертикаль	194
Последние могикане	194

Из записок Кошея Бессмертного

1. Сказка про белого бычка	197
2. Золушка	198
3. Сказка про белого бычка	200
4. Мальчик-с-пальчик	201
5. Царевна Лягушка	202
6. Конек-горбунок	205
7 Царевна Несмеяна	209
8. Царь Горох	212
9. Синяя птица	216
10. Сказка про белого бычка	219

...Которых нет на свете

Стихи о Скреле	225
Как на небо забрели	
Кемберли и Беркемли	227
Как лягушка Кемберли не дала	
заморить червячка	228
Птица Флетти летит через океан	229

Эффект отсутствия. Рассказы действующих лиц

Предисловие редактора	231
Н. Ютон. Время	233
Усилитель интеллекта	233
Контакты	235
Акварель для скрипки с оркестром	235
Карьера Брюна	236

Альф Ипсилон. Бесси	237
Макси	238
Ченелопа	239
Письмо в прошлое	240
Сель Ави. Внеземная цивилизация	242
Встреча с космосом	244
Спрос и предложение	244
Эффект отсутствия	244
Чиший	245
Мария	246
Цирк	247
Изобретатель Вечности	253
Несовершенство двигает прогресс	
Потомки предков	277
Как избавиться от земного шара	278
Ностальгия по холере	280
Охраняется государством	281
Побег из фауны	282
Скульптуртрегер Кобыляко	283
Письмо со свободы	285
Лечение — свет	287
Педагогика в земледелии	288
Из жизни секретных служб	288
1. Кебайя с застежкой на груди	288
2. Театр тридцать седьмого года	289
3. Государственная профессия	290
4. Ответ Шерлока Холмса	291
Слова, выкинутые из песни	291
1. Советский простой человек	291
2. Пред родиной вечно в долгу	292
Бандиты и разбойники	293
Теория отражения в практике переселения душ	294

Диктатура преисподней	296
Шифпалочка	298
Тюрьма имени Свободы	300
Наука просыпаться	301
На картошке	303
Домовой из Закопане	305
Внутренняя секреция	307
Технология осторожности	308
Обратный хозрасчет	309
Носмертное развитие социализма в отдельно взятой стране	310
Земельный вопрос	311
Исповедь утопающего	312
Швеция не принимает	313
Несовершенство двигает прогресс	314
Накоротке со Вселенной	
Жизнь света	317
Лесной пейзаж	317
Закон движения	317
Силы	317
Природа землетрясений	317
Природа оледенения	318
Предсказание погоды	318
Звездный мир	318
Наука в старые и новые времена	318
Глобус	318
Двигатель внутреннего сгорания	318
Ископаемые	319
КПД	319
Коэффициент содействия	319
Теплота	319
Плюсы и минусы	319
Среднее арифметическое	319

Арифметика жизни	319
Пусть светится	320
Одноклеточные	320
Многоклеточные	320
Палеонтология	320
Вирусы	320
Третье — дано	321
Атомы	321
Майна вклада сохраняется	321
Упругость и пластичность	321
Эллипс	321
Замкнутый круг	321
Пределы	322
Закон чисел	322
Отрицательные числа	322
Дроби	322
Уравнение	322
Угол зрения	322
Аксиомы	323
Решение задач	323
Существование	323
Колебательные движения	323
Маятник	323
Мыслящие машины	323
Оптические явления	323
Взгляд на мир	324
Фокус линзы	324
Цвета и краски	324
Акустика	324
Физические законы	324
Земные дороги	324
Вулканы	325
Определение масштаба	325

Экватор	325
География	325
Закон всемирного тяготения	325
Крутые характеры	325
Якорь	325
Накоротке со Вселенной	326
Всемирная история в анекдотах и размышлениях	
Как человек решил произойти от обезьяны	329
Исключение из обезьян	330
Портрет человека на фоне собаки	331
Изобретение любви	332
Приручение диких животных	333
Экономика с человеческим лицом	334
Откуда взялась национальность	334
Эпоха Великого Затемнения	335
Когда совесть не умела говорить	335
Легенда о будущем	336
Ребро Адама	337
Каин	337
Мафусаил	338
Ной	338
Хеопсовна	339
Гарем царицы Семирамиды	340
Дипломатический корпус	341
Ассирийская любовь	342
Исиллы и насамоны	342
Иритчи царя Соломона	343
Древний Китай во времени и пространстве	344
Платон	345
Ксантиппа	346
Диоген Синопский	346

Святилище	346
Дамоклов меч	347
Жизнь Демосфена	348
Демокрит на приеме у Гиппократ	349
Кухарь Кробил	350
Как разрушили Карфаген	351
Фома неверный	352
Ирровы победы	353
Последний Ромул	355
Как вандалы довели гуннов до нашествия	357
Ипрекрасная Розамунда	358
Мы от роду русского	359
Собирание русских земель в единое татаро-монгольское государство	360
Ягеллончик	361
Выбор князя Владимира	361
Родина Колумба	362
Шутки при московском дворе	362
Алжеорлеанская лжедева	363
День поминовения	364
Анекдоты про Ивана Грозного	365
Иван Грозный уезжает в деревню	365
Иван Грозный ищет политическое убежище	366
Иван Грозный женится при живой жене	366
Пенсионеры Средневековья	367
Отречение Галилея	368
Ипраздник на улице Варфоломея	369
Иростая старушка	369
Алже-Петр, самый первый	370
Памятник Мигелю Сервету	370
Спектральный анализ	371
Зачем России двуглавый орел?	371

Ошибка Петра	372
Плохо быть вторым	373
Муравьев и Каракозов (1866 год)	373
Родина Аляска	374
Учение о диктатуре пролетариата	375
Эволюция на службе революции	376
Железные рыцари революции	376
Железный Владимир	376
Железный Карл	377
Железный Максимилиан	377
Железный Стенька	377
Железный Феликс и другие	377
Анекдоты про Клина Ворошилова	378
Луганский слесарь	378
Ворошилов в Петербурге	378
Шутка комбрига Городовикова	378
Подлинная история строительства земли обетованной	378
Краткий курс	378
Первый раздел: Наша великая революция	379
Второй раздел: Наша великая гражданская война	379
Третий раздел: Наш военный коммунизм	380
Четвертый раздел: Наш социализм	380
Пятый раздел: Национализация как основа приватизации	381
Шестой раздел: Наш железный занавес	381
Седьмой раздел: Как мы заложили наше государство	382
Критика о борьбе за свободу	382
Всенародный праздник трудящихся	383
Съезд победителей	385
Наш человек на пути от капитализма к коммунизму и обратно	388

Гулливеры мысли	390
Избранные даты	391
В карете прошлого	397
Сето в декабре	404
Требуется слуга народа	
Правда о великом переселении	407
Улица памяти	410
Миллион лет до любви	413
Полковник Пономарев	
и жена его Катенька	421
Луна в продуктовой сумке	428
Проходной двор на проспект	
Независимости	433
Зиновий Дракохруст	
и Мухаил Ильянович Гробоедов	437
Требуется слуга народа	447
Дух Наполеона	451
Передача мыслей на расстояние	
и обратно	459
Показания, данные писателями...	469
Показание Шекспира	469
Показание Гомера	470
Показание Льва Толстого	471
Дополнительное показание Гомера	473
Конец жанра	475
Сошел на станции	478
Привет из литературы	
Привет из литературы	485
Ирония славы	486
Путь истины	487
Орфей	487
Гомер	488
Одиссей	488

Лаокоон	488
После Трои	489
Олимпийское спокойствие	489
Яблоко раздора	490
Суд Париса	490
Божеский разговор	491
Сизиф	491
Танталовы муки	492
Мифы	492
Нарцисс	493
Семейные дела	493
Адмет и Алкестида	494
Мидасов суд	497
Прокрустово ложе	498
Пигмалион	499
Лепил Пигмалион...	500
Вторая жена Пигмалиона	501
Янус	502
Легенда о происхождении Дании	502
Штаны Диогена	503
Письмо папаши Портинери своему зятю Симону	503
Посмертное приглашение Данте Алигьери вернуться на родину	505
Ответ шексмарловедам	505
Монтекки и Капулетти	509
Остров лилипутов	509
Дон Кихот	510
Дульсинья Тобосская	510
Комедия масок	516
Уорик	517
Манург	517
Сии малые	518

Овцы и козлища	519
К истории необитаемости	519
Метопись	520
Фауст	520
Легенды	521
Фигаро	522
Слово, провозглашенное...	522
Торжество победителя	523
Воспоминание о Казанове	523
Мушкетеры	524
Мюнхгаузен	524
Дон Жуан	525
Квазимодо	525
Молчалины	526
Слово	526
Письма Вольтера Екатерине Второй	527
Письмо первое	527
Письмо второе	528
Письмо третье	528
Листовка, расклеенная по всему Парижу	529
Державин	530
Действующие лица	531
Если бы такое случилось	531
Дон Жуан становится Квазимодо	532
Бедный Йорик становится королем Дании	533
Росинант становится Буцефалом	535
Литературная хирургия	537
Черный юмор	537
Борьба противоположностей	537
Надежды	537
Удовлетворение желаний	537
Жанры жизни	537
Жизнь с препятствиями	538

Слабость чистого разума	538
Путь мысли	538
Из него вышел Моцарт...	538
Маленькая печаль	538
Крылатые слова в районе их приземления	539

Долой потребности!	
Шпильки и шпульки	545
Ничто человеческое	546
Сорок два банана	547
Эволюция продолжается	557
Проект профессионализации любительской страны	558
Донкихоты и мельницы	559
Исторический выбор	560
Страна показателей	561
Инструкция для перегибающих палку	561
Русские мозганы	562
Гений — это терпение	563
Граждане большой дороги	564
Проект борьбы с преступностью	565
Светлый путь	566
Большая судьба маленького человека	567
Инструкция по выпусканию джинна из бутылки	567
Майная полиция Андорры	568
Плач инда	569
Долой потребности!	570
Могу молчать	571

Дистрофики 575

Смешные стороны печали	
Разговоры про любовь	609
Исповедь сидящего на суку	610
Ишакович	611
Доброе дело	612
Рубашка	613

Неконвертируемый Сидоров	615
Неравнодушный человек	616
«Вискас» по телевизору	617
Завтрашние покупатели	619
Мысли в клетках	620
Лучшее место в автобусе	622
Футболист № 1	623
Потеря качества при выигрыше темпа	623
Сны Вассермана	625
Вассерман — новый русский	626
Господин вечный двигатель	627
Мазальтов-2	629
Нерсидская мафия	631
Две любви писателя Петрова	632
Сидоркин и другие	634
Простое, как мычание	634
Зайцы	636
Исповедь книголюба	638
Исповедь голого человека	639
Мауэр	640
Урок ивритского	641
Открытие Франции	642
Сновидец	643
Маленький еврейский погром	646
Тургеневские места	648
Граждане	
Полководцы	653
Политики	654
Поэты	656
Актеры	659
Мыслители	662
Романтики	663
Влюбленные	666
Граждане	668
Библиография	671

Маленькое эссе о «Фигизме» и его ярчайшем представителе Феликсе Кривине

Феликс Кривин несколько лет назад уехал из России, вернее, с «Украины», так как жил он в городе Ужгороде, который находится не просто на Украине, а еще и в Западной Украине. Как говорится, куда уж ближе к Европе по сравнению с провинциальной Москвой. Но в Западной Украине особый климат, там даже жители Полтавщины считают чуть ли не «москалями». Так что, думается, Феликсу Давидовичу жилось в Ужгороде не очень уютно, если он променял солнечную Украину на хмурый, холодный Израиль, где днем с огнем не найдешь настоящего сала. Центр всегда высокомерно относится к периферии, периферия же не отвечает центру взаимностью, — она просто ненавидит надменный центр.

Однако мудрые люди в эти игры «центр—периферия» не играют, они просто хорошо делают свое дело, и тогда, к примеру, перед витебским Шагалом снимает шляпу блистательный Париж.

Феликс Кривин относится именно к таким мудрецам. Мне кажется, что для него Ужгород был тем же, что и бочка для Диогена.

Феликса приглашали на работу в Москву, на радио, но что-то все срывалось. Возможно, смущала «мелочь» — то, что из-за одной его книги разогнали чуть ли не пол-издательства «Политиздата».

Что же такого творил Феликс Давидович, если из-за его произведений редакторы, пропускающие их в печать, рисковали рабочим местом? Все очень просто — время было такое, — как говаривала Анна Ахматова, — «не очень вегетарианское». Впрочем, когда в нашей истории было другое время? Так, изредка, кратковременные «посты».

Так называемые «шестидесятники», к которым, безусловно, относится Феликс Кривин, жили далеко не со всеми удобствами. И поэтому зачастую их «фирменное блюдо» (за что их и сейчас нет-нет, да пинают) было — «Фига в кармане». Я умышленно пишу «Фига» с большой буквы.

Да-да, я хочу пропеть дифирамбы «Фиге в кармане»! Когда можно говорить, нет — орать! — все, что взбредет в голову, — тогда приходит время писателей-отморозков, писателей с неумно дурной фантазией без тормозов. Тогда голые мужики врываются в женскую уборную, бабы — в мужскую и пишут там на стенах похабщину, выдавая ее за тончайшую лирику.

На этом фоне «Фига в кармане» еще не довоспета! Эта Фига и есть высшее писательское мастерство в условиях жизни, противоположных идеальным.

Следует подчеркнуть, что у шестидесятников, как правило, карман был рваным, пустым, но Фига, Фига была самая настоящая — зачастую она трансформировалась в увесистый кулак.

И Эзоп, и Рабле, и Свифт, и Салтыков-Щедрин были величайшими мастерами этой самой «Фиги». Феликс Кривин — замечательный (оФигительный) мастер этого жанра, назовем жанр условно «Фигизм».

Да, притча, от которой воротят свои утонченно-эстетические носы неофиты, только что от первача переметнувшиеся к коньяку «Хенесси». Сам грешил этим, но, перечитав Кривина, понял, что я сам и есть дурак.

Ведь важно не «что», а «как»! Это аксиома. А что, как не притча, есть Библия? И лучшие умы считали и до сих пор считают эту Книгу непревзойденным литературным шедевром.

Что вы сказали? Старомодно? А какой же здесь грех? Ведь старомодность — не порок, а естественный способ самозащиты пожилых людей. Другого способа у стариков практически нет. Защиты от отможенной жизни и отможенной литературы.

Но притча — притчей, аллюзия (намек) — аллюзией, но если за этим стоит еще и предвидение — это уже нечто большее.

«— Покрасьте меня, — просит Лоскут. — Я уже себе и палку подобрал для древка. Остается только покраситься. — В какой же тебя цвет — в желтый, черный, оранжевый? — Я плохо разбираюсь в цветах, — мнетя Лоскут. — Мне бы только стать знаменем...»

А ведь это написано Кривиним в 1963 году. Улавливаете?

Или: «Мы такие люди: если сидим в тюрьме и нам говорят: — Сидите осторожно, а то тюрьма развалится, — мы будем сидеть очень осторожно, не шелохнувшись, чтоб чего доброго не развалилась наша тюрьма»

А вот простой как будто каламбур: «Распрямись ты, ложь высокая, правду свято сохрани!» Под таким «лозунгом» вообще проходила и проходит вся наша жизнь.

Как вы понимаете, за все эти «Фиги в кармане» автор не пользовался большой любовью у властей предержащих. Книг у него выходило немного, а своих читателей у Кривина много, и, уверяю вас, эти читатели далеко не из подворотни.

Да, поистине, «советские читатели так привыкли читать между строк, что разучились читать то, что в строчках».

Цитировать Феликса Кривина можно очень долго и много.

Но какой смысл? Перед вами книга, в которой вы на каждой странице столько всего найдете, чего бы хотелось цитировать. Ведь здесь в одном томе сразу два — и то, что в строчках, и то, что между строк.

Мне кажется, что настоящая литература — это кратчайшее расстояние от замысла до воплощения. В этом смысле точность формулировок автора почти математична:

На базаре времени вечно одно и то же:

Споры, ссоры, швыряние шапок о землю.

Старики пытаются прошлое продать подороже,

Молодым не терпится будущее купить подешевле.

Когда Феликс Кривин писал эти строки, он, конечно же, не имел в виду Зюганова и Чубайса. (Шутка. Смысл этих строк гораздо шире.)

И, наконец, честное слово, — самая последняя цитата: «Одни смехом уничтожают страх, другие страхом уничтожают смех, поэтому в мире не убывает ни смеха, ни страха».

Господа читатели. Прочтите внимательно этот том и выясните для себя — вы «одни» или «другие»?

Замечательное занятие для любящих тес-ты...

Вл.Владин

А в тобиография

Я родился в счастливом 1928 году. Если сумма двух левых цифр равна сумме двух правых, год считается счастливым. И в свидетельстве о смерти, выданном мне при рождении, смерть была зачеркнута, а вместо неё вписано, что я родился. Вторично вряд ли так повезёт.

Счастливым было и место, где я родился: порт отправления был действительно порт: Мариуполь. Впоследствии в моей жизни было много портов, хотя жизнь я вёл по преимуществу сухопутную.

После гибели отца, который не выплыл из Чёрного моря, мы переехали в Одессу, и я всё надеялся, что отец выплывет. Год был несчастливый, 1933-й, из него многие не выплыли — даже на суше.

В следующем счастливом году ($1+9=3+7$) о моём отце говорили, что он счастливо отделался. Такой это оказался счастливый год. Не всё от года зависит. В жизни многое зависит от людей, хотя мало кто из людей в это верит.

Война застала меня в придунайском городе Измаиле — третьем порту после Мариуполя и Одессы. Он тоже оказался портом отправления, но такого, что хуже не придумаешь.

Эвакуация. Отправление в неизвестность, о котором известно лишь то, что нас там не ждут. Смерть, которую уже вычеркнули однажды, опять подстерегала на каждом шагу, принимая самые разные обличья: то летящих на голову бомб, то голода, то бесприюта. Но кто-то добрый и человечный снова и снова вычеркивал смерть, и в конце пути мы смогли остановиться, расположиться, а я даже пошёл в школу и окончил шестой класс.

По возвращении в Измаил я наконец использовал этот порт по назначению: отправился в плавание на самоходной барже «Эдельвейс». Сначала учеником, потом

мотористом. Тут-то в моей жизни прибавилось портов. Ещё шла война, и мимо нас проплывали убитые лошади, невинные жертвы на этой вовсе не лошадиной войне.

Третий счастливый год был послевоенный ($1+9=4+6$). Сойдя на берег, я работал ночным корректором в газете «Придунайская правда», а вечерами ходил в школу, которая так и называлась: вечерняя. В самом начале этого счастливого года в газете были впервые напечатаны мои стихи.

Потом я учился в Киевском педагогическом институте, а по окончании был направлен учителем в исходный порт Мариуполь, вместе с ещё одной студенткой, которая стала моей женой. Она была киевлянка и, конечно, скучала по городу Киеву, но вернуться в Киев мы смогли только через три года, отработав положенный срок.

Киев меня не узнал. Он не хотел никуда принимать меня на работу. Он ещё не оправился от борьбы с космополитизмом и дела врачей-вредителей. И в год всё той же ни в чём не повинной работы Лошади я оказался безработным.

Но за годом Лошади наступил счастливый 1955 год. Год счастливого Козла отпущения из Киева в Ужгород на счастливую издательскую работу.

Когда имеешь работу, можно оглядеться, посмотреть по сторонам. Я посмотрел и увидел сказочный край. Но, как бывает в жизни, было много и такого, что сказки было рало писать, и я стал писать полусказки. В Москве вышла книга «В стране вещей», в Ужгороде — «Карманная школа». В 1964 счастливым году вышла книжка «Полусказки». О следующем счастливом 1973 году могу сказать, что я счастливо отделался — после того, как пустили под нож книгу «Подражание театру». В этом по тем временам не было ничего страшного. Как говорил мой друг закарпатский писатель Иосиф Жупан, в жизни которого были и расстрелы, и концлагеря, жаловаться грешно, а хвастаться смешно. Жизнь — не жалобная книга.

И вот я оглядываюсь на прожитую жизнь. Хорошая была жизнь, хотя и не всегда пригодная для жизни. Счастливая жизнь — это бочка мёда, в которую непременно должна быть добавлена ложка дёгтя, для остроты, но

случается, что их перепутывают и в бочку дёгтя кладут ложку мёда.

Но как бы то ни было, все мы тащили эту бочку с ложкой на себе, и это нас сближало в самые несчастливые годы, как не сближает жизнь из чистого мёда. И самое страшное всегда кто-то зачёркивал, как зачеркнул смерть в моём свидетельстве о рождении.

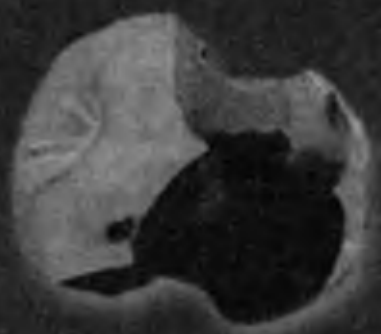
Одно меня беспокоит. 1991 год был последним счастливым годом в нашем столетии, а в следующем их будет только три. В нашем было девять — и то не медовый был век, а если всего три счастливых года — как же тогда жить нашим потомкам?

Хорошо, что не всё зависит от суммы цифр и содержимого бочки и ложки. Люди будут жить, общаться, смеяться, а значит, всё будет хорошо.

Хотя и от смеха тоже не всё зависит. Чувство юмора — это лёгкое чувство, но одновременно и очень тяжёлое: его невозможно поднять на вершины власти.

Все неживое
хочет жить

Все неживое хочет жить

Все неживое хочет жить,
Мир согреть своим дыханьем,
Страдать, безумствовать, грешить...

Жизнь возникает из желанья.

У неживых желаний нет:
Лежишь ты камнем без движения.
И это — всё? На сотни лет?

Жизнь возникает из сомнения.

Хоть сомневаться не дано
Тому, кто прочно занял место, —
Что место! Пропади оно!

Жизнь возникает из протеста.

Но как себя преодолеть,
Где взять и силу, и дерзание?

Тут нужно только захотеть:
Жизнь возникает из желанья.

Сплетня

Очки это видели своими глазами...

Совсем еще новенькая, блестящая Пуговка соединила свою жизнь со старым, потасканным Пиджаком. Что это был за Пиджак! Говорят, у него и сейчас таких вот пуговок не меньше десятка, а сколько раньше было — никто и не скажет. А Пуговка в жизни своей еще ни одного пиджака не знала.

Конечно, потасканный Пиджак не смог бы сам, своим суконным языком уговорить Пуговку. Во всем виновата была Игла, старая сводня, у которой в этих делах большой опыт. Она только шмыг туда, шмыг сюда — от Пуговки к Пиджаку, от Пиджака к Пуговке, — и все готово, все шито-крыто.

История бедной Пуговки быстро получила огласку. Очки рассказали ее Скатерти, Скатерть, обычно привыкшая всех покрывать, на этот раз не удержалась и поделилась новостью с Чайной Ложкой, Ложка выболтала все Стакану, а Стакан — раззвонил по всей комнате.

А потом, когда Пуговка оказалась в петле, всеобщее возмущение достигло предела. Всем сразу стало ясно, что в Пуговкиной беде старый Пиджак сыграл далеко не последнюю роль. Еще бы! Кто же от хорошей жизни в петлю полезет!

Административное рвение

Расческа, очень неровная в обращении с волосами, развивала бурную деятельность. И дошло до того, что, явившись однажды на свое рабочее место, Расческа оторопела:

— Ну вот, пожалуйста: всего три волоска осталось! С кем же прикажете работать?

Никто ей не ответил, только Лысина грустно улыбнулась. И в этой улыбке, как в зеркале, отразился результат многолетних Расческиных трудов на поприще шевелюры.

Пустая формальность

Гладкий и круглый Бильярдный Шар отвечает на приглашение Лузы:

— Ну что ж, я — с удовольствием! Только нужно сначала посоветоваться с Кием. Хоть это и пустая формальность, но все-таки...

Затем он пулей влетает в Лузу и самодовольно замечает:

— Ну вот, я же знал, что Кий возражать не станет...

Часы

Понимая всю важность и ответственность своей жизненной миссии, Часы не шли: они стояли на страже времени.

К вопросу о квалификации

Гвоздь работает, старается —

И его все время бьют.

А шурупам все прощается,

Хоть у них полегче труд.

И не те у них усилия,
И не та у них судьба...
Дело ж все в одной извилине —
Под названием резьба.

Трюмо

Трюмо терпеть не может лжи
И тем и знаменито,
Что зеркала его души
Для каждого открыты.

А в них — то кресло, то комод,
То рухлядь, то обновки...
Меняется душа трюмо
Со сменой обстановки.

Отдушина на свободе

Однажды Лом увидел в стене маленькую Отдушину и бросился ее вызволять. Он отважно врубался в стену, долбил ее, крушил и, разрушив до основания, повернулся к Отдушине, чтобы вывести ее на свободу.

Но Отдушина куда-то исчезла. Может, испугалась освободителя? Или свободы испугалась? Привыкла к неволе и уже не могла жить без нее.

Потом и в других стенах он встречал отдушины и сокрушал эти стены во имя свободы и справедливости. Но ни одной отдушины освободить ему не удалось.

Лом стоял среди развалин и ничего не понимал. Он ведь старался не для себя, он хотел им помочь — так почему же вместо свободных отдушин вокруг него одни развалины?

Командировка

Когда пришла пора опадать, Кленовый Лист сказал Кленовой Веточке:

— Я ненадолго отлучусь. Посылают в командировку. Но ты не волнуйся: я только туда и назад.

Веточка тут же заволновалась: как же он будет без нее? Он же не привык без нее. Он там все время будет голодный.

— Голодный? В командировке? — засмеялся Кленовый Лист. — Кто же бывает голодный в командировке?

Она не отпускала его, и он задерживался. А руководство тормозило его, дергало: давай уже, улетай!

— Ладно, лети, — вздохнула Веточка. — Но помни: только туда и назад. Я буду смотреть тебе вслед, пока ты не скроешься из вида.

Он сразу скрылся из вида, потому что она смотрела вверх, а он полетел вниз. Полетел и очень долго не возвращался.

Пошли дожди, а он все не возвращался. Выпал снег, а он все не возвращался. Командировка, наверно, была очень дальняя.

Когда наступила весна, у Кленовой Веточки родился маленький Листочек. Она рассказывала ему о папе, показывала на облака, за которыми папа летает в командировке. И Листочек говорил:

— Когда я вырасту, я тоже полечу в командировку. Высоко-высоко. Как мой папа.

— Я тебя не пущу, — говорила Веточка, но знала, что пустит. Командировка — дело серьезное, разве можно кого-нибудь не пустить в командировку?

Ничего, думала она, пусть только вернется наш папа. Мы с ним вместе все обсудим и решим: пускать или не пускать нашего маленького в командировку. Все будет нормально, все будет хорошо. Пусть только папа вернется из командировки.

Осень

Чувствуя, что красота ее начинает отцветать и желая как-то продлить свое лето, Березка выкрасилась в желтый цвет — самый модный в осеннем возрасте.

И тогда все увидели, что осень ее наступила...

Ясенек

Тоненький Ясенек тянулся к Солнцу, чтобы показать ему свою стройность и прямо́ту. Но Солнце от него закрывали более старые и опытные деревья. Они уже давно показывали Солнцу свою прямо́ту и знали, как это делается. И они говорили Ясеню:

— Учись изгибаться. Прямые пути далеко не ведут.

Ничего, думал Ясенек, сейчас я поизгибаюсь, но зато потом покажу Солнцу свою прямо́ту.

Так он тянулся и изгибался, тянулся и изгибался. И вот уже он поднялся выше всех, и перед ним открылось Солнце, такое ясное, светлое...

Вот это была радость! Все-таки он не зря изгибался, все-таки донес до Солнца свою стройность и прямо́ту!

Он окинул себя ликующим взглядом и ужаснулся. Ничего прямого в нем не осталось, он был весь искривлен, изломан, как те пути, по которым ему пришлось пройти. Он-то думал, что кривые пути останутся где-то сзади, что о них никто не вспомнит, а он, оказывается, принес их с собой, и теперь ему никогда от них не избавиться.

Ах эта сказка, эта небыль,
Она бывает не права,
Когда с земли уводит в небо
То, что годится на дрова.
Но не права порой и быль,
Когда, рассудку на потребу,
Спокойно превращает в пыль
То, что почти достигло неба.

Костер в лесу

Костер угасал.

В нем едва теплилась жизнь, он чувствовал, что не пройдет и часа, как от него останется горка пепла — и ничего больше. Маленькая горка пепла среди огромного дремучего леса.

Костер слабо потрескивал, взывая о помощи. Красный язычок лихорадочно облизывал почерневшие угли, и Ручей, пробежавший мимо, счел нужным осведомиться:

— Вам воды?

Костер зашипел от бессильной злости. Ему не хватало только воды в его положении! Очевидно, поняв неуместность своего вопроса, Ручей прожурчал какие-то извинения и заспешил прочь.

И тогда над угасающим Костром склонились кусты. Не говоря ни слова, они протянули ему свои ветки.

Костер жадно ухватился за ветки, и — произошло чудо. Огонь, который, казалось, совсем в нем угас, вспыхнул с новой силой.

Вот что значит для костра протянутая вовремя ветка помощи!

Костер поднялся, опершись на кусты, встал во весь рост, и оказалось, что он совсем не такой уж маленький. Кусты затрещали под ним и потонули в пламени. Их некому было спасать.

А Костер уже рвался вверх. Он стал таким высоким и ярким, что даже деревья потянулись к нему: одни — восхищенные его красотой, другие — просто, чтобы погреть руки.

Дальние деревья завидовали тем, которые оказались возле Костра, и сами мечтали, как бы к нему приблизиться.

— Костер! Костер! Наш Костер! — шумели дальние деревья. — Он согревает нас, он озаряет нашу жизнь!

А ближние деревья трещали еще громче. Но не от восхищения, а оттого, что Костер пожирал их своим пламенем, подминал под себя, чтобы подняться еще выше. Кто из них мог противиться дикой мощи гигантского Костра в лесу?

Но нашлась все-таки сила, которая погасила Костер. Ударил гроза, и деревья роняли тяжелые слезы — слезы по Костру, к которому привыкли и который угас, не успев их сожрать.

И только позже, гораздо позже, когда высохли слезы, деревья разглядели огромное черное пепелище на том месте, где бушевал Костер.

Нет, не Костер — Пожар. Лесной пожар. Страшное стихийное бедствие.

Любезность

— О, простите, я не одето! — улыбнулось Солнышко и натянуло на себя тучку.

— Ну, не сидеть же вам в темноте! — нахмурилась Тучка и зажгла молнию.

— К вашим услугам! — сверкнула Молния. — Что бы такое вам зажечь?

И она зажгла домик.

— С вашего позволения, я сгорю, — зарделся Домик. — Но вы не беспокойтесь, я оставлю по себе пламя...

И Домик поджег соседние домики.

— Рады стараться! — загорелись Соседние Домики и подожгли весь город.

Земля была растрогана.

— Вы очень любезны, — сказала она и посыпала голову пеплом.

Обвал

Горные породы несутся с горы, увлекая за собой широкие породные массы. Главное, говорят, стабилизировать положение. Пока еще наш обвал движется вниз, но мы этот процесс остановим.

— А как? — сомневаются породные массы.

— Остановим, стабилизируем. А потом — не сразу, конечно, а постепенно, наращивая мощности и скорости, двинемся вверх по склону.

По законам физики такое невозможно, а другие законы пока не работают. Уже приняты, но еще не работают.

Однако хочется верить, что они заработают. Хочется верить, что процесс будет остановлен, положение стабилизировано, а потом весь этот обвал двинется вверх по склону. Не сразу, конечно, а постепенно, наращивая мощности и скорости.

Запретный плод

Вышел на свободу Запретный Плод, и очень ему там не понравилось. Прежде, когда он в запрете сидел, все им интересовались. Ах, говорили, как он сладок, Запретный Плод! Вот бы его попробовать!

А теперь вообще внимания не обращают. Если же обратят как-нибудь ненароком, то тут же воскликнут: «Это еще что за фрукт?»

Сортом интересуются. Свежий, спрашивают, или не свежий. Прежде вся его свежесть была в запретности, а теперь им настоящую свежесть подавай!

А он, откровенно говоря, порядком подгнил у себя в запрете. Условия там — сами понимаете. Да и за столько лет! Под семью замками, без свежего воздуха. И теперь во всей этой гнилости, прелости, затхлости — на свободу. Конечно, они носы воротят. Ничего себе, говорят, фрукт!

Взмолился бедняга:

— Верните меня обратно в запрет! Я вам на свои деньги замки куплю, только никуда меня из запрета не выпускайте!

Но кто ж его вернет обратно такого? Запрещать нужно что-то хорошее, чтоб оно стало еще лучше от запрета. А запрещать плохое, никому не интересное — какой смысл? От него и так носы воротят.

С тех пор как поубавилось запретных плодов, жизнь уже не кажется нам такой сладкой.

Соседки

Вот здесь живет Спесь, а через дорогу от нее — Глупость. Добрые соседки, хоть характерами и несхожи. Глупость весела и болтлива, Спесь — мрачна и неразговорчива. Но — ладят.

Прибегает однажды Глупость к Спеси:

— Ох, соседка, ну и радость у меня! Сколько лет сарай протекал, скотина хворала, а вчера крыша обвалилась, скотину прибило, и так я одним разом от двух бед избавилась.

— М-да, — соглашается Спесь. — Бывает.

— Хотелось бы мне, — продолжает Глупость, — отметить это событие. Гостей пригласить, что ли. Только кого позвать — посоветуй.

— Что там выбирать, — говорит Спесь. — Всех зови. А то, гляди, подумают, что ты бедная!

— Не много ли — всех? — сомневается Глупость. — Это ж мне все продать, все из хаты вынести, чтоб накормить такую ораву.

— Так и сделай, — наставляет Спесь. — Пусть знают.

Продала Глупость все свое добро, созвала гостей. Попировали, погуляли на радостях, а как ушли гости — осталась Глупость в пустой хате. Головы приклонить — и то не на что. А тут еще Спесь со своими обидами.

— Насоветовала, — говорит, — я тебе — себе на лихо. Теперь о тебе только и разговору, а меня — совсем не замечают. Не знаю, как быть. Может, посоветуешь?

— А ты хату подожги, — советует Глупость. — На пожар-то они все сбегутся.

Так и сделала Спесь, подожгла свою хату.

Сбежался народ. Смотрят на Спесь, пальцами показывают.

Довольна Спесь. Так нос задрала, что с пожарной каланчи не достанешь.

Но недолго пришлось ей радоваться. Хата сгорела, разошелся народ, и осталась Спесь посреди улицы. Постояла, постояла, а потом — деваться некуда — пошла к Глупости.

— Принимай, соседка. Жить мне теперь негде.

— Заходи, — приглашает Глупость, — живи. Жаль, что угостить тебя нечем — пусто в хате, ничего не осталось.

— Ладно, — говорит Спесь. — Пусто так пусто. Ты только виду не показывай!

С тех пор и живут они вместе. Друг без дружки — ни на шаг. Где Глупость — там обязательно Спесь, а где Спесь — обязательно Глупость.

Портъера

— Ну, теперь мы с тобой никогда не расстанемся, — шепнула Гвоздю массивная Портъера, надевая на него кольцо.

Кольцо было не обручальное, но тем не менее Гвоздь почувствовал, что ему придется нелегко. Он немного согнулся под тяжестью и постарался поглубже уйти в стенку.

А со стороны все это выглядело довольно красиво.

Форточка

Любопытная, ветреная Форточка выглянула во двор («Интересно, по ком это сохнет Простыня?») и увидела такую картину.

По двору, ломая ветви деревьев и отшибая штукатурку от стен, летал большой Футбольный Мяч. Мяч был в ударе, и Форточка залюбовалась им. «Какая красота, — думала она, — какая сила!»

Форточке очень хотелось познакомиться с Мячом, но он все летал и летал, и никакие знакомства его, по-видимому, не интересовали.

Налетавшись до упаду, Мяч немного отдохнул (пока судья разнимал двух задравшихся полузащитников), а потом опять рванулся с земли и влетел прямо в опрокинутую бочку, которая здесь заменяла ворота.

Это было очень здорово, и Форточка прямо-таки содрогалась от восторга. Она хлопала так громко, что Мяч наконец заметил ее.

Привыкший к легким победам, он небрежно подлетел к Форточке, и встреча состоялась чуточку раньше, чем успел прибежать дворник — главный судья этого состязания...

Потом все ругали Мяч и жалели Форточку, у которой таким нелепым образом была разбита жизнь.

А на следующий день Мяч опять летал по двору, и другая ветреная Форточка громко хлопала ему и с нетерпением ждала встречи.

Глина

Глина очень впечатлительна, и всякий, кто коснется ее, оставляет в ней глубокий след.

— Ах, сапог! — киснет Глина. — Куда он ушел? Я не проживу без него!

Но проживает. И уже через минуту:

— Ах, копыто! Милое, доброе лошадиное копыто! Я навсегда сохраню в себе его образ...

Пугало

Обрадованное своим назначением на огород, Пугало созывает гостей на новоселье. Оно усердно машет пролетающим птицам, приглашая их опуститься и попить в свое удовольствие. Но птицы шарахаются в сторону и спешат улететь подальше.

А Пугало все стоит, и машет, и зовет... Ему очень обидно, что никто не хочет разделить его радость.

Память

У них еще совсем не было опыта, у этих русских, не тронутых сединой Кудрей, и поэтому они никак не могли понять, куда девался тот человек, который так любил их хозяйку. Он ушел после очередной размолвки и не появлялся больше, а Кудри часто вспоминали о нем, и другие руки, ласкавшие их, не могли заменить им его теплых и добрых рук.

Вскоре пришло известие о смерти этого человека... Кудрям рассказала об этом маленькая, скрученная из письма Папильотка...

Юбилей

Юбилей Термоса.

Говорит Графин:

— Мы собрались, друзья, чтобы отметить славную годовщину нашего уважаемого друга! (Одобрительный звон бокалов и рюмок.) Наш Термос блестяще проявил себя на поприще чая. Он сумел пронести свое тепло, не растрачивая его по мелочам. И это по достоинству оце-

нили мы, благодарные современники: графины, бокалы, рюмки, а также чайные стаканы, которые, к сожалению, здесь не присутствуют.

Гиря

Понимая, что в делах торговли она имеет некоторый вес, Гиря восседала на чаше весов, иронически поглядывая на продукты:

— Посмотрим, посмотрим, кто перетянет!

Чаще всего вес оказывался одинаковым, но иногда случалось, что перетягивала Гиря. И — вот чего Гиря не могла понять! — покупателей это вовсе не радовало.

«Ну, ничего! — ободряла она себя. — Продукты приходят и уходят, а гири остаются!»

В этом смысле у Гири была железная логика.

Пуф

Пуф перед зеркалом все прихорашивается. Положат на него шляпу, а он уже прихорашивается:

— Идет мне эта шляпа или не идет?

Положат портфель, а он опять прихорашивается:

— Вот теперь у меня вид солидный.

А однажды кошка на него села, так он и вовсе глаз не мог от себя оторвать. Сама кошка вроде папахи на голове, а хвост свисает челочкой. Как не залобоваться?

Стул, что против окна, все природой любит, кресло от телевизора не оторвешь. А он, Пуфик, все перед зеркалом, и не интересуется его то, что там, за окном, по телевизору или вообще в мире.

А если и заинтересует, то лишь для того, чтоб покрасоваться:

— Как я в этом мире? Неплохо. В шляпе? Уй, хорошо! А если кошку набекрень да хвост челочкой... Нет, положительно этот мир мне идет. А я ему — еще больше!

Ходики

Ходики помедлили и стали,
Показав без четверти четыре...
Общее собрание деталей
Обсуждает поведение гири.
«Как случилось? Почему случилось?» —
Тут и там вопросы раздаются.
Все твердят, что Гиря опустилась
И что Гире нужно подтянуться.
Очень строго и авторитетно
Все детали осуждают Гирю...
Три часа проходят незаметно.
На часах без четверти четыре.

Светофор

В непримиримом споре
И несогласье вечном
Живут на светофоре
Два ярких человечка.
И человечек красный
Пугливо бьет тревогу:
«Ах, нынче так опасно
Переходить дорогу!»
А друг его беспечный
Ведет себя иначе:
Зеленый человечек
Шагает наудачу
И, вперекор собрату,
Отважно вскинул ногу:
Смотрите, вот как надо
Переходить дорогу!
Зеленый цвет и красный
В непримиримом споре.
Такое разногласье
На общем светофоре!
Стоит по стойке красный,
Зеленый вскинул ногу:

«Ах, это так прекрасно —
Переходить дорогу!»

Герои арифметики

Единица и Ноль — коллеги по работе, только Единица умножает на себя, а Ноль с собой складывает.

$9 \times 1 = 9$ (это работа Единицы).

$9 + 0 = 9$ (это работа Ноля).

Недавно Ноль сложил с собой двузначное число. Об этом даже писали в газетах.

Единица приняла вызов и умножила на себя двузначное число.

Ноль поднатужился и сложил с собой трехзначное число.

Единица героическим усилием умножила на себя тоже трехзначное.

Пресса ликовала. В какую газету ни загляни, всюду крупно значилось:

$999 \times 1 = 999$.

$999 + 0 = 999$.

За высокие достижения в работе Единице и Нолю было присвоено почетное звание Героев Арифметики.

Арифметика победившего социализма: первый среди равных, человек второго сорта, комбинация из трех пальцев, четвертое управление, пятый пункт, шестерка, семь бед — один ответ, наше дело десятое — и так далее, до полной победы коммунизма.

Заслуженный отдых

Направили Единицу в число 37 на руководящую работу. Сверху поставили. Думали этим число увеличить, а оно уменьшилось во много раз. Было 37, а стало $1/37$.

Спрашивают с Единицы. А она, конечно, с нижестоящих спрашивает. Семерке выговор, Тройку премии лишить и перенести отпуск на зимнее время. Местами их поменяла: Семерку, как большую величину, впереди поставила, а Тройку за ней. Кадровые перестановки. Но в результате число еще в два раза уменьшилось.

Уволили Семерку и Тройку за профнепригодность, а Единицу перевели на низовую работу. И — вздохнули с облегчением: наконец-то число не уменьшилось, а осталось таким, как было. Было, допустим, 25, а стало 25/1 — какая разница?

Трудится Единица на низовой работе. Благодарности получает, премии, бесплатные путевки на курорт.

Провожали ее на пенсию — теплые говорили слова. Говорили, как трудно будет без нее, как много наше число от этого потеряет.

Теперь число 25/1 стало опять числом 25. А Единица теперь на пенсии, на заслуженном отдыхе. На заслуженном вдвойне: как на низовой, так и на руководящей работе.

Ноль женится

Надоела Ноллю холостая жизнь, и решил он множиться. Присмотрел Восьмерку — как раз по себе: такую же кругленькую, только в талии поуже. Подкатился к ней с одной стороны, подкатился с другой, а она и рада: засиделась в Восьмерках, давно мечтала помножиться.

Собрались Восьмеркины родственники: 88, 888, даже 88888, очень крупная величина, и та пришла, не погнушалась.

И вот — помножились. Доволен Ноль. Такой стал важный, что и не подступись. А Восьмерки при нем и не видно. Затер он ее, затер совсем, до того затер, что от нее и следа не осталось. Оно и понятно: $0 \times 8 = 0$.

Стал Ноль искать себе другую подругу. Нашел Пятерку, цифру тоже ничего. Но теперь уже множиться не стал, а решил по-современному: записаться и жить.

Записались они с Пятеркой. Пятерка и Ноль. 50 получилось. Ничего себе! Пятерка выросла в десять раз, а Ноль — уж и неизвестно во сколько.

«Ну как, нравится? — спрашивает Пятерку. — Ты простой Пятеркой была, а кем стала?» — «Я очень счастлива», — говорит Пятерка. «Еще бы не счастлива! Без меня ты простой Пятеркой была, а со мной...»

Не дает покоя: радуйся, да и только.

Не выдержала Пятерка. Лучше уж, говорит, я простой Пятеркой буду, чем так радоваться. И — ушла от Ноля.

А ему теперь, как никогда, подруга нужна. Стар он стал, здоровье совсем сдало. Еле-еле нашел себе какую-то Двойку. Навел о ней справки, все разузнал. Проведал, что Двойка ведет дневник, — в дневник заглянул. Там тоже было все в порядке: двойка как двойка, к тому же по математике.

— Ты чего тут шныряешь? — возмутилась Двойка. — Хочешь сложиться — сложиись, а нет — проваливай.

Так и сложились они: $2 + 0$. А чему же равняется?
 $2+0=2$.

Вот и доигрался Ноль, домудрился. Нет его, конец ему пришел.

Даже мелкие цифры, которые ниже Ноля стояли, и те не удержались:

— Ну и дурак был этот Ноль! Круглый дурак!

Любовь

Отвертки крутят головы Винтам,
На кухне все от Примуса в угаре,
Будильнику не спится по ночам —
Он все мечтает о хорошей паре.

Дрова в печи поют, как соловьи,
Они сгореть нисколько не боятся.
И все пылинки только по любви
На этажерки и шкафы садятся.

Ревность

От измены ревность не спасает:
Ревность — это глупый пес, который
Своего хозяина кусает
И свободно пропускает вора.

Идеалы

— Я, пожалуй, останусь здесь, — сказала Подошва, отрываясь от Ботинок.

— Брось, пошляемся еще! — предложил Ботинок. — Все равно делать нечего.

Но Подошва совсем раскисла.

— Я больше не могу, — сказала она, — у меня растоптаны все идеалы.

— Подумаешь, идеалы! — воскликнул Ботинок. — Какие могут быть в наш век идеалы?

И он зашлепал дальше. Изящный Ботинок. Модный Ботинок. Без подошвы.

Лоскут

— Покрасьте меня, — просит Лоскут. — Я уже себе и палку подобрал для древка. Остается только покраситься.

— В какой же тебя цвет — в зеленый, черный, оранжевый?

— Я плохо разбираюсь в цветах, — мнется Лоскут. — Мне бы только стать знаменем...

Лакмус

— Сегодня — щелочь, завтра — кислота... Вот так и живем...

— А сам-то ты как относишься к химической реакции?

— Да никак. Просто меняю окраску.

Золото

Кислород для жизни необходим, но без золота тоже прожить непросто. А на деле бывает как?

Когда дышится легко и с кислородом вроде бы все в порядке, чувствуется, что не хватает золота. А как при-

валит золото — станет труднее дышать, и это значит — не хватает кислорода.

Ведь по химическим законам — самым древним законам земли — золото и кислород несоединимы.

Решетка

Тюремная Решетка знает жизнь вдоль и поперек, поэтому она так легко все перечеркивает.

Конечно, к ней тоже нужно иметь подход. Если вы подойдете к ней снаружи, она перечеркнет свою камеру, а если, не дай бог, подойдете к ней изнутри — она перечеркнет весь мир, и с этим вам нелегко будет примириться.

Удивительно устроена эта Решетка: она может перечеркивать все, что угодно, и при этом твердо стоять на своих позициях.

Окружение

Говорят, все зависит от окружения. Мол, какое у нас окружение, такими мы и вырастаем.

Но не всегда это так.

Вот у дырки, например, окружение может быть золотым, может быть бриллиантовым, а она все равно пустое место.

Занавес

Всякий раз, когда спектакль близился к концу, Занавес очень волновался, готовясь к своему выходу. Как его встретит публика? Он внимательно осматривал себя, стряхивая какую-то едва заметную пушинку и — выходил на сцену.

Зал сразу оживлялся. Зрители вставали со своих мест, хлопали, кричали «браво». Даже Занавесу, старому, испытанному работнику сцены, становилось немного не по себе оттого, что его так восторженно встречают. Поэтому,

слегка помахав публике, Занавес торопился обратно за кулисы.

Аплодисменты усиливались. «Вызывают, — думал Занавес. — Что поделаешь, приходится выходить!»

Так выходил он несколько раз подряд, а потом, немного поколебавшись, и вовсе оставался на сцене. Ему хотелось вознаградить зрителей за внимание.

И тут — вот она, черная неблагодарность! — публика начинала расходиться.

Выборы

На выборах главного погонщика баллотировались два кандидата: Кнут и Пряник. Кнут в своей предвыборной программе обещал навести порядок твердой рукой, а Пряник — до отвала накормить население.

Пряника хочется больше, чем кнута, поэтому в погонщики прошел Пряник.

Прошел, но накормить всех не смог. Только самое ближайшее окружение.

И на следующих выборах в погонщики прошел Пряник. Но накормить всех не смог.

И в третий раз прошел Пряник, но накормить всех не смог.

Затем в погонщики прошел Кнут — и сразу все перестали быть голодными.

Этот древний обычай начинался с пастухов, которые пасли баранов. Но постепенно в пастухи стали пробиваться бараны — и тогда плохо стало и баранам, и пастухам.

Песочные часы

Когда песочные часы начинают счет времени, будущего у них много, а прошлого нет совсем. Но постепенно будущее из верхнего сосуда пересыпается в нижний, в котором песочные часы собирают прошлое.

Вначале песчинки падают беззаботно и весело, и кажется, что будущее играет в песочек. Но под конец начинаешь замечать, что это из него песок сыплется.

Будущее в верхнем сосуде, прошлое в нижнем, а где настоящее?

Оно вот здесь, в узком проходе, через который будущее сыплется в прошлое.

Может, потому в нем жить неудобно?

В будущем — просторно, в прошлом — просторно, а в настоящем — теснота, ни распрямиться, ни протолпиться. А когда протолпишься, глядь — ты уже проскочил.

Одна надежда: может, перевернут часы, и тогда прошлое снова станет будущим.

Два следа на песке

Встретились два следа на морском берегу. Один был большой и, очевидно, более старый: его оставили здесь целую минуту назад. А второй был поменьше, и от роду ему было две-три секунды.

Они соединились и составили один след, направленный в разные стороны, они соединили все встречи и расставания...

Время остановилось.

Это такая уловка времени: в счастливые минуты оно делает вид, что остановилось, а на самом деле идет все быстрее и быстрее... Не исключено, что время — это всего лишь розыгрыш, который придумало пространство.

Встретились навсегда — это разве не розыгрыш?

Бегут секунды — навсегда, навсегда!

Разлуки, встречи — навсегда, навсегда!

Но вот набежала волна — и никого нет. Как будто никогда не было...

Но ведь никогда — это тоже розыгрыш!

Смотрите: на песке у самого моря снова встретились два следа. И оба смотрят в разные стороны — так, что не поймешь, встретились они или расстались.

Пишется не то,
что слышится

Пишется не то, что слышится

Почему лошадь не лягушка?

Лягушку называли лягушкой от слова «лягать», хотя она в жизни еще никого не лягнула. Назвали бы лягушкой лошадь, это было бы понятно, потому что лошадь лягается. А разве лягушка лягается?

Конечно, правильной было бы назвать лягушкой лошадь.

А как тогда лягушку назвать?

Она сидит в своем болоте, спокойно сидит и никого не лягает. Такая смирная, безобидная...

Правда, не для всех.

Пролетит мимо мошка, а она ее цап! Проползет букашка, а она ее цап!

Почему бы лягушку не назвать цаплей? Раз она не лягает, а цапает, может, лучше ее назвать цаплей?

А как тогда назвать цаплю? Она ведь цапает не хуже лягушки. Причем не кого-нибудь, а лягушек. И если лягушку назвать цаплей, тогда не поймешь, кто же тут кого цапает...

Если мы лягушку назовем цаплей, а лошадь назовем лягушкой, они тут все перецапаются, и лягушка, чего доброго, цапнет лошадь.

Вот когда лягушке не поздоровится! Потому что лошадь лягается, она по-настоящему лягается, хоть ее никто не называет лягушкой.

Глупый Король

Жил-был Глупый Король, у которого женой была Умная Королева. Умную Королеву несколько смущало то, что она жена Глупого Короля, но утешало ее то, что жена

Глупого Короля все-таки Королева, а кто такая жена умного дворника? Дворничиха, не более того.

Однажды Глупый Король решил пойти войной на другого, Неглупого Короля и захватить его королевство.

— Сколько раз я его просил добровольно отдать мне свое королевство, — говорил Глупый Король жене. — Но он отвечал, что я ерунжу, что в случае чего я очущусь в незавидном положении. Но теперь я его убежу не словами, а превосходящей силой и техникой, я обезлюжу его королевство!

Умная Королева понимала, что Король не прав, потому что глаголы «убедить», «ерундить», «очутиться» и «обезлюдить» в первом лице единственного числа не употребляются. Но она не возразила Глупому Королю, потому что, если возражать Глупому Королю, можно, чего доброго, перестать быть королевой.

— Да, конечно, ты не ерундишь, ты его убедишь и обезлудишь его королевство, — говорила Умная Королева, употребляя эти глаголы в том лице, в каком они обычно употребляются. Грамматически она была совершенно права, хотя по сути глубоко ошибалась.

— Я его побегу! Побегу! — кричал вдохновленный ею Король, и было неясно, победит ли он противника или, напротив, от него побежит.

Это выяснилось лишь тогда, когда Глупый Король пошел войной на короля Неглупого и не победил, а побежал, хотя готовился к совершенно другому. И Неглупый Король захватил его королевство, но, конечно, не обезлюдил его, потому что был неглуп и понимал, что глагол «обезлюдить» в первом лице единственного числа не употребляется.

А Умная Королева перестала быть Королевой, хотя очень умно угождала королевской глупости. Потому что нельзя беспредельно угождать глупости, самое умное угождение глупости в конце концов превращается в глупость.

Когда слова выходят в люди

Какой я был ДУБ, когда зеленел на опушке леса, когда стоял у дороги, подпирая высокие небеса! Каждое слово в

языке что-то значит, и у меня тоже было высокое, благородное значение. Я обозначал ДУБ, и мне казалось, что это я зеленою в лесу, развесисто стою у дороги и окунаю листья в прозрачную синеву.

Разве это плохое значение? Но мне захотелось выйти в люди, обозначать что-нибудь человеческое, потому что ЧЕЛОВЕК, я слышал, самое высокое понятие на земле.

Теперь я обозначаю человека, но это не приносит мне радости...

Когда я впервые начал обозначать человека, какой-то ЛОПУХ, который тогда уже обозначал человека, сказал мне:

— Эх ты, ДУБ! Не брался бы за то, в чем не смыслишь. Я, например, пока обозначал растение, был вполне приличным литературным словом, а теперь я кто? Грубое слово, просторечное. Хорошего человека таким словом не назовут.

Подошли другие, в прошлом приличные слова, которые, став обозначать человека, утратили свое бывшее приличие.

— Я когда-то обозначал шляпу, — сказал некий ШЛЯПА. — Эх, если б вы видели, какую я шляпу обозначал!

— А я обозначал размазню, — вздохнул РАЗМАЗНЯ. — Кашу такую, довольно питательную.

— А я тюфяк, — вспомнил ТЮФЯК.

Да, все мы когда-то обозначали что-то хорошее, приличное, по крайней мере... А с тех пор как стали человека обозначать...

— Неужели нельзя было назвать ЧУРБАНОМ умного человека? — сокрушается ЧУРБАН, мой теперешний родственник по значению.

Наивный он, ЧУРБАН. Уж на что, кажется, я ДУБ, а кого я обозначаю? И это при моем основном развесистом, цветущем значении!

Все мы идем в люди. И даже выходим в люди. Но в какие люди мы выходим — вот о чем стоит задуматься!

— Стоит, стоит задуматься, — пытается задуматься ПЕНЬ, мой теперешний родственник по значению.

Работа и труд

Пчелы трудятся. Муравьи трудятся. А лошадь — работает. Только работает. Как будто работа — это не труд, а труд — это не работа.

Но о лошади никто не скажет, что она трудится. И о собаке не скажет. О собаке принято говорить, что она служит.

Такое у нас разделение труда: одни работают, другие трудятся, а третьи просто служат.

И это, конечно, большое облегчение. Тот, кто трудится, может не работать, тот, кто работает, может не трудиться...

Ну а тот, кто не трудится и не работает, должен служить. Хотя бы примером служить, как нужно трудиться и работать.

Джинн из бутылки

Выпустили джинна из бутылки, разобравшись в правописании. Он там вместо ячменной водки сидел. Ячменная водка — джин — пишется с одним «н», а он, джинн, свободный дух, — с двумя.

Но, конечно, не все в этом разбираются. Для некоторых что водка, что свободный дух — безразлично.

А кому-то сидеть. Тыщу лет сидеть. А потом, через тыщу лет:

— Извините, свободный дух, вышла ошибка. Не разобрались, что вы джинн, а не джин. Тут у нас еще какой-то Джон сидит. Беда с этим правописанием!

Кого мы высиживаем?

Все просто, пока живешь в лесу. Если ты Волк, жена у тебя Волчица, если Медведь — Медведица. Одна, как говорится, фамилия, одна семья.

Но стоит одомашниться, зажить, так сказать, одним домом — не норой, не дуплом, не берлогой, а именно до-

мом, — и сразу же семья уже не семья и фамилия уже не фамилия.

Допустим, вы — Баран. Почему бы жене вашей не быть Баранихой? Так нет, она, видите ли, Овца. Ей непременно нужно подчеркнуть, что она от вас не зависит. А если вы Кабан, то жена у вас — Свинья. Интеллигентские штучки. Каждый старается утвердить себя, а когда каждый утверждает себя, кто же тогда семью утверждает?

Тигр с Тигрицей утверждают семью, так их считают дикими животными. Потому что домашние, цивилизованные животные предпочитают семье личную свободу. К примеру, муж у вас Бык, так вы что ж, не можете быть Короовой? Почему вы должны ему себя подчинять? Он работает на транспорте, вы на молочной ферме, еще неизвестно, кто из вас нужней.

Плохо только, что дети у вас какие-то непонятные — телята. Ни в мать, ни в отца. А у Свиньи с Кабаном — поросята, тоже полная неожиданность.

Курица жаловалась:

— Уж как я своих высиживала, как над ними квохта-ла... Думала, курчата вылупятся, а вылупились цыплята... А муж о петушонке мечтал. До сих пор сердится, что не высидела ему петушонка.

Как же, высидишь его, петушонка! Какая-нибудь Ворона — и та высидит себе вороненка, несчастная Галка и та высидит галчонка — хотя им даже негде высиживать. А тут все условия: и специальный насест, и благоустроенный курятник со всеми, можно сказать, удобствами, — а кого мы высиживаем? Стыдно сказать: цыплят. Как будто их, простите, цапли высиживают.

Всякий раз приходится волноваться: вырастет ли из ягненка баран? А если не вырастет баран, что же из него вырастет?

Когда ели наши предки?

Если б наши далекие предки пригласили нас на обед, мы бы ушли с этого обеда голодными. Потому что предки наши не ели во время обеда.

Когда же они ели?

Они ели ДО обеда. Они ели ПОСЛЕ обеда. А ВО ВРЕМЯ обеда они не ели. Это было не принято. У каждого времени свои порядки.

Вот мы приходим к ним на обед. Здравствуемся. И что же мы слышим?

— Отдыхайте. Вот кончится обед, тогда поедем.

Или еще хуже того:

— Жаль, угощать вас нечем, все уже съедено. А сейчас извините: у нас обед.

И нам пришлось бы их извинить. Потому что у них ОБЕДОМ называлась не еда и не время еды, а время ДО и ПОСЛЕ еды. Время ОКОЛО еды. Потому что приставка ОБ — означала ОКОЛО.

Вот тебе и обед! Посидишь около еды, да так и уйдешь несолоно хлебавши.

А что наши предки называли ЗАВТРАКОМ? Ведь если вдуматься, ЗАВТРАК — это то, что нужно есть ЗАВТРА. А что есть сегодня? Неужели совсем ничего не есть?

В то время ЗАВТРА называли ЗА УТРА, то есть то, что наступает ЗА УТРОМ. Вот пройдет ночь, наступит ЗА УТРА, по-нашему — ЗАВТРА, и мы будем есть ЗА-УТРОК, то есть ЗАВТРАК, как мы теперь говорим.

Если ждать этот ЗАУТРОК после вчерашнего ужина, то можно хорошо проголодаться. Потому что УЖИНОМ наши предки называли не ужин, а полдник — от древнего слова УГ, то есть «юг, полуденное время». Вот как у них было. Не знаешь, когда и поесть.

Хотя, конечно, предков легко критиковать: и ужин у них был не ужин, и обед не обед... А попробуй-ка сам пожить, чтоб твоя жизнь выдержала критику потомков. Только надо учесть, что судить они будут по нашим делам, а не по нашим завтракам, ужинам и обедам.

Нет нигде Крокодилова

Очень хочется встретить человека по фамилии Гиппотамов. Африкан Африканович Гиппотамов. Звучит?

— А, Африкан Африканыч! Мы с Жирафовым вас как раз вспоминали. Вы случайно не видели Крокодилова?

Не видели. Крокодилова у нас днем с огнем не найдешь. И Жирафова тоже.

Медведева — пожалуйста. Волкова и Зайцева — сколько угодно. Козлова, Баранова, Быкова — кого у нас только нет!

Вот его, Крокодилова, и нет.

И Жирафова тоже.

Жаль, конечно. Хотя Кошкин тоже неплохо звучит, но Леопардов — как-то внушительней. Или Кашалотов, если в открытом море.

Так что извини, Африкан Африканыч, Крокодилова мы тебе не найдем. Это, может, у вас в Африке Крокодиловыми хоть пруд пруди (и даже Жирафовыми, хотя ими прудить не так удобно, как Крокодиловыми), но зато у вас простого Медведева с огнем не сыщешь. Да что Медведева — Кошкина с огнем не сыщешь! Мышкина с огнем не сыщешь!

Хотя, может быть, Носороговых у вас больше, чем у нас Носовых и Роговых вместе взятых.

Кто лишний?

Персты перса были усыпаны перстнями, которые проступали сквозь перчатки, а на перстах его наперсницы был только наперсток. Посчитал перс все эти родственные слова и говорит наперснице:

— Имею сведения, что среди этих родственных слов затесались два неродственных. Нужно их немедленно удалить из текста.

Наперсница заплакала:

— Я знаю, ты хочешь удалить меня. Я тебе надоела.

— Да не о тебе речь. Речь о лишних словах, нам неродственных... Может, это твой НАПЕРСТОК?

— У тебя все персты усыпаны перстнями, а у меня только один наперсток. И ты хочешь его удалить?

— Не перстни же мне удалять: как-никак драгоценности. И, кроме того, пришлось бы удалять и персты, потому что у них тот же корень.

— А наперсток? Разве он не потому называется наперстком, что надевается на перст?

Перс призадумался. Действительно, положение: удалишь наперсток — придется удалять и перстни, и даже персты, потому что все они родственники.

— Может, удалишь ПЕРЧАТКИ? Сейчас уже довольно тепло...

— Еще что скажешь! — Перс поплотнее натянул перчатки. — Забыла, что они родственники перстам?

— Я так и знала, что ты хочешь удалить меня, — опять заплакала наперсница.

Перс внимательно на нее посмотрел.

— Кстати, я до сих пор не знаю твоего происхождения. Я думал, ты называешься наперсницей потому, что твои чувства направлены на перса, но, может быть, они направлены на кого-то еще?

— Неужели ты не заметил? Я называюсь наперсницей потому, что ты прижимаешь меня к своим персям, то есть к своей груди. И буду так называться, пока меня прижимают к груди...

— Выходит, тебе все равно, кто тебя прижимает — перс или не перс? — вскричал перс. — Теперь я все понял! Это ты, ты чужая в нашем тексте! Всем чужая! И моим перстням, и моим перчаткам, и даже своему наперстку. И тебе они чужие!

— А тебе? Разве тебе они не чужие?

— Ты с ума сошла! Это же мои перстни! Мои перчатки! И даже наперсток, потому что это я тебе его подарил!

Сон комарика

Жил комарик чуть дыша,
Мухи не обидел.
Но однажды букву Ша
Он во сне увидел.
С буквой Ша любой комар
Получается: коШмар.
И во сне на ветке
Заметался наш комар,
Словно птичка в клетке.
Что ж ты, малая душа,
Испугался буквы Ша?

Дупенький, пойми ты:
Если в букве вся беда,
Как прикажешь быть тогда
С целым алфавитом?

Коварная буква

Ох эта коварная буква Р, недаром ее многие не произносят!

Представьте себе, что вы живете в книге, где растут на дереве фиги, посреди страницы, которой правят царь и царица, и вам хорошо здесь жить, вы знаете, что вас почитают...

Почитают?

Как бы не так... Появится эта самая буква Р, и вас просто-напросто прочитают. Конечно, в книге это естественно, но кому не хочется, чтоб его почитали? Не просто прочитали, а окружили настоящим почетом и уважением?

Это хочется каждому, кто живет в книге, где растут на дереве фиги, посреди страницы, которой правят царь и царица. И потому каждый мечтает совершить какой-нибудь необыкновенный поступок, за который его можно будет по-настоящему почитать.

Поступок?

Только, пожалуйста, осторожней с поступками! Она уже тут как тут, буква Р, и поступок ваш немедленно превратится в пРоступок. Любой, даже самый хороший, поступок превратится в пРоступок, хотя проступки обычно не бывают хорошими.

Вы устали, вам хочется немного поспать. Вы заводите будильник, чтобы проснуться вовремя, и ложитесь поспать...

Берегитесь!

Вы легли поспать, но вам придется пРоспать, и никакой будильник вам не поможет. Потому что пока вы спите, буква Р не спит!

А когда вам хочется поиграть, это кончится тем, что вы проиграете. А когда сядете с кем-нибудь поболтать, наверняка проболтаете самое важное. Потому что тут же будет эта зловредная буква Р.

И можете не искать оправданий: любые поиски оправданий будут рассматриваться как происки, и если даже вы решите в конце концов повиниться, вам придется еще раз провиниться, потому что она и тут не упустит случая, эта неумолимая буква Р.

Да, попасть с нею рядом — это значит пропасть. Навски пропасть для книги, где растут на дереве фиги, для страницы, которой правят царь и царица...

Конечно, мне вы можете не поверить. Но тогда вам придется это проверить. На собственном опыте.

Последняя буква в алфавите

Личное местоимение первого лица единственного числа было когда-то первым и в алфавите. Называлось оно тогда АЗ.

Когда АЗ появился в алфавите, он еще не знал: будет ли что-нибудь после него? И все время гадал: будет или не будет?

Вот это самое «будет или не будет?», по-старинному — БУКИ, и стало второй буквой алфавита.

Так за первым лицом, утвердившим в алфавите себя, сразу появилось сомнение: а стоит ли еще что-нибудь, кроме себя, утверждать? Будет из этого толк или не будет?

Эти сомнения пытались развеять три следующие буквы:

ВЕДИ, ГЛАГОЛЬ и ДОБРО.

— Веди и глаголь добро! — говорили они, что означало: — Знай и провозглашай добро!

— А стоит ли провозглашать добро? — сомневался АЗ, потому что за ним стояла эта недоверчивая БУКИ. — И что такое добро?

— Добро есть жизнь, — отвечали ему стоявшие дальше соседи по алфавиту: ДОБРО, ЕСТЬ и ЖИЗНЬ.

Гм! Значит, жизнь — это добро, и АЗ должен провозглашать добро, — размышлял АЗ. Но тут опять вмешивалась эта настырная БУКИ, и его опять одолевали сомнения: «Но почему именно АЗ? Кому нужно это добро, пусть те его и провозглашают!»

— Да мысли ты, как все люди! — возмутились три буквы, стоявшие в алфавите одна за другой: КАКО, ЛЮДИ, МЫСЛЕТЕ.

— И перестань колебаться, будь тверже в суждениях! — высказались еще три буквы: РЦИ, СЛОВО, ТВЕРДО.

Но АЗ не мог речь слово твердо, потому что рядом с ним стояла эта самая БУКИ, которая не верила ни в жизнь, ни в добро и отделяла АЗ от всего остального алфавита.

И тогда личное местоимение первого лица единственного числа перевели в конец алфавита, чтобы все, во что оно не верило, было у него перед глазами. И, увидев это все перед глазами, АЗ сначала смягчился, потом потерял свое З и превратился в букву Я, самую последнюю в алфавите.

Мягкий знак

Мягкий Знак давно и безнадежно влюблен в букву Ш. Он ходит за ней как тень из слова в слово, но все напрасно. Буква Ш терпеть не может букв, от которых никогда не добьешься ни звука.

А Мягкий Знак именно таков. Он робок, застенчив, не пытается выделиться в строчке, занять в слове первое место. Он настолько тих и незаметен, что даже в контрольных диктантах нередко забывают о нем.

Другим буквам, которым приходится близко встречаться с Мягким Знаком, нравятся эти его качества. Многие из них даже сами смягчаются от его соседства.

Не смягчается только буква Ш, несмотря на все старания Мягкого Знака. Она по-прежнему тверда и так шипит, что Мягкий Знак буквально теряет самообладание. Но он ничего не может с собой поделать и всякий раз снова становится рядом с буквой Ш — в глаголе второго лица или в существительном третьего склонения.

Когда это кончится, трудно сказать. У Мягкого Знака слишком мягкий характер, и он не в силах противиться строгим законам грамматики, которая одна распоряжается всем, что написано на бумаге, — от маленькой Запятой до самого Твердого Знака.

Он или она?

У этого рода еще сохранились признаки женского, хотя ему все чаще приходится быть мужским.

ТРУДЯГА — кто это? Он или она?

С утра до вечера на работе, а там по хозяйству — и женские, и мужские дела: то постирай, то свари, это отремонтируй... Давно уже не помнит ТРУДЯГА, как делятся женские и мужские обязанности. Кто кому уступает место, кто кого пропускает вперед...

УМНИЦА диссертацию защищает. Не поймешь — он или она: по самую макушку сидит в своей диссертации. Вот вытащим — поглядим, хотя и тогда разглядеть будет непросто.

Смеется над УМНИЦЕЙ НЕВЕЖДА — кстати, он смеется или она? Голос у НЕВЕЖДЫ сиплый, одежды пестрые, чтоб смеяться было веселей. Вот НЕВЕЖДА и смеется: иной, мол, ТУПИЦА живет, горя не знаячи, а ты, УМНИЦА, ночей не спишь...

Ты посмотри, ГОРЕМЫКА, как твой сосед ПРОЙДОХА живет! Как твой сосед ХАПУГА живет!

Действительно, посмотришь — руки опускаются. Не хочется диссертацию защищать. Ни женские, ни мужские дела не радуют.

Может, лучше прожить век НЕВЕЖДОЙ? Может, лучше прожить ХАНЖОЙ, ПРОНЫРОЙ, ПРОДУВНОЙ БЕСТИЕЙ?

Попробуем ответить на этот вопрос. Вот вытащим УМНИЦУ из диссертации — и все вместе ответим.

Смотрите в корень!

Полюбил Заурядный Восхитительную. Сам на рядне спит, рядом укрывается, а ей наряды покупает. Хоть и Заурядный, а порядочный.

Потому что и «заурядный», и «порядочный», и «рядно», и «наряд» — все это слова одного корня.

А Восхитительная все норовит побольше ухватить, все ей, Восхитительной, не хватает. На всякие хитрости идет, чтобы удовлетворить свои хищные аппетиты.

Потому что и «не хватает», и «ухватить», и «хитрый», и «хищный» — все это слова одного корня.

Надо все-таки в корень смотреть. Тогда не будешь на рядне спать, рядом укрываться.

Котенок и Медведь

Жил-был КОТЕНОК. Это был не настоящий котенок, а только слово, которое здесь написано.

Пошел он однажды в ЛЕС, тоже ненастоящий, и встретился с МЕДВЕДЕМ, тоже написанным. Приласкался КОТЕНОК к МЕДВЕДЮ, и стали они писаться так:

КОТЕНОК МЕДВЕДЯ.

Удивился МЕДВЕДЬ:

— Раньше я был МЕДВЕДЬ, а теперь какая-то МЕДВЕДЯ. Такой страшный МЕДВЕДЬ — и вдруг МЕДВЕДЯ! Из-за какого-то КОТЕНКА несчастного!

— Это потому, что я к тебе приласкался, — объяснил КОТЕНОК. — Я стал твоим, поэтому ты изменился. Если б ты стал моим, тогда бы я изменился. Такое правило.

— Ну да?

— А ты думал! Стоит мне к тебе приласкаться, и ты уже изменяешься. Потому что я приласкался к МЕДВЕДЮ, а не приласкался к МЕДВЕДЬ. Стоит мне с тобой заговорить, и ты уже изменяешься, потому что заговорил я с МЕДВЕДЕМ, а не с МЕДВЕДЬ. И даже стоит мне о тебе подумать — и ты уже изменяешься, потому что подумаю я о МЕДВЕДЕ, а не о МЕДВЕДЬ.

— Что-то я с тобой много изменяюсь, — сказал МЕДВЕДЬ. — Иди-ка ты ласкаться в другое место.

КОТЕНОК вздохнул:

— Хорошо, я уйду. Но учти: ты опять изменишься, потому что уйду я от МЕДВЕДЯ, а не от МЕДВЕДЬ. Такое правило.

— Значит, я опять буду МЕДВЕДЯ? — опечалился МЕДВЕДЬ. — Лучше ты сиди на месте, а я буду уходить, пока совсем не уйду, чтоб меня здесь не видели.

И МЕДВЕДЬ стал уходить от КОТЕНКА. И даже убежать от КОТЕНКА. И КОТЕНОК от этого изменялся, хотя оставался на месте и даже не двигался.

Кто-нибудь слышал, чтоб медведь убегал от котенка?
Смотря какой котенок.
И смотря какой медведь.
А главное — смотря что тут о них написано.

Правила охоты

Перепуганный Зайчонок прибежал к отцу:
— Папа, за нами охотятся!
— За нами или на нас? — уточнил старый Заяц.
— Я не знаю... я только знаю, что охотятся...
— Последний раз объясняю: если охотятся за нами, нас хотят только поймать. А если на нас — хотят убить. Чувствуешь разницу?

Зайчонок задрожал, всем своим существом чувствуя разницу.

— Правильно дрожишь. Если охотятся на нас, самое время дать тягу или даже дёру... Нет, лучше всего дать стрекача.

И они побежали.

— А если б не на нас, а за нами охотились? — спрашивал на бегу Зайчонок.

Не сбавляя скорости, старый Заяц погрузился в раздумье.

— Что тогда? Ну, возможно, дали бы чёсу. Может, навестили бы лыжи или просто пятки смазали бы... У тех, которые охотятся, только две возможности: поймать или убить. А у нас, — старый Заяц подмигнул на бегу, — у нас с тобой — вон какой выбор!

Почему охотники врут так много? Потому что они привыкли нести дичь.

Мрудолобивый портной

Жил-был Портной. У него было много различных дел, но все эти дела он умел уложить в одно слово.

На работе он порол одежду, дома порол детей, а в компании порол всякую чушь. Других слов для его занятий не требовалось.

Прослышало начальство, что Портной все свои дела укладывает в одно слово, и назначило Портного Старшим Портным, чтоб он и других научил экономии.

Работает Портной Старшим Портным. И опять укладывается в одно слово. На работе успевает петли метать, дома — на детей метать громы и молнии, да еще в компании метать банчок (теперь уже есть что метать: денег-то побольше стало).

Прослышало начальство про такие дела и выдвинуло Портного в Главные Портные.

Работает Портной Главным Портным. На работе стегает одежду, дома стегает детей. А что до компании, то компании у него теперь нет: Главному Портному остальные портные не компания.

Вот так он и теперь укладывается в одно слово.

Прослышало об этом начальство, само из начальства ушло, а Портного выдвинуло в начальство.

Работает Портной Начальством. Дома почти не бывает: времени нет. Детей некому стегать, пороть некому: отец все на работе да на работе. Строчит приказы. Ему бы на машинке строчить, но он теперь строчит только приказы.

И на подчиненных мечет громы и молнии. А уж на совещаниях — чего только не порет! Конечно, он и прежде чего только не порол — но тогда хоть он укладывался в одно слово.

Добрый корень

То, что ДОБРЫЙ и ДОБЛЕСТНЫЙ одного корня, весьма обнадеживает. Значит, проявит еще свою доблесть доброты и не лишится доброты доблесть...

К сожалению, есть и третье слово того же корня: УДОБНЫЙ. Не всякий ДОБРЫЙ и ДОБЛЕСТНЫЙ может перед ним устоять.

Зеленый и желтый

ЗЕЛЕНЫЙ того же корня, что и ЖЕЛТЫЙ.

Грустно думать об этом весной, но зато весело думать об этом осенью...

А какая пора самая лучшая? Какая самая золотая пора?
У ЗЕЛЕНОГО и ЖЕЛТОГО тот же корень, что у ЗОЛО-
ТОГО...

Песенка о буквах, вышедших из употребления

В любой старинной книжице
Ты сможешь прочитать:
Жила на свете Ижица,
А с нею буква Ять.

Но время быстро движется,
И жизнь уже не та.
Где нынче буква Ижица?
Где Ять? И где Фита?

Без них правописание
Сумело обойтись.
Новейшие издания
Без них вступают в жизнь.

Уж так на свете водится.
Как говорил мудрец:
Когда без нас обходятся,
То значит, нам конец.

Времена глагола

Мягкий Знак, на своем веку знавший разные глагольные времена, делился опытом строительства будущего.

— Допустим, нам понадобится будущее время глагола ПОНАДОБИТЬСЯ. Мы берем этот глагол в форме инфинитива, а затем... — Мягкий Знак замялся. — Здесь я вынужден сказать о себе. Не для того, чтоб выпятить свою роль, а просто чтоб объяснить принцип строительства. Так вот, я покидаю инфинитив ПОНАДОБИТЬСЯ, и в результате остается ПОНАДОБИТСЯ, простое будущее время.

— В котором вас уже нет?

— Что делать, этого требует время. Время требует моего отсутствия. Моего личного отсутствия. Извините за нескромность.

— Да, будущее... Отсутствия в нем никому не избежать...

— Что до меня, то мне хватает работы и в настоящем.

— Так вы строите и настоящее?

— А кто ж его строит? Вот простейший пример: ставится задача создать настоящее время. Мы берем инфинитив СТАВИТЬСЯ, а затем я...

— Опять вы?

— Что делать, этого требует время. Заметьте: не будущее, а настоящее время. Итак, я покидаю инфинитив СТАВИТЬСЯ, и в результате получается глагол СТАВИТСЯ — настоящее время.

— В котором вас опять-таки нет? Ну, знаете! Кто-то строит, кто-то созидает, а вы в стороне?

— Вот именно: строит! А кто научил строить? Кто показал, как строить? И, наконец, кто помог строить своим собственным, личным отсутствием?

Видимо, в этом был прав Мягкий Знак: иногда отсутствие помогает больше, чем присутствие.

Прошедшие времена

Сидят на завалинке три бывших глагола, ставшие на старости лет частицами, и вспоминают прошедшие времена. Много их было, времен: и просто прошедшее, и давнопрошедшее, и еще не совсем прошедшее — до десятка одних прошедших времен набиралось.

— Были, слышь, времена... Хоть бы это... как его бишь?

— Вишь, чего вспомнил... Прошедшие времена — дело прошедшее. Теперь, вишь, ни давнопрошедших, ни этих... как их бишь?

— Чего бишь, чего бишь? Я эти, слышь, времена наперечет помню. Особенно это... как его бишь?

Да, были времена... И просто прошедшее, и давнопрошедшее, но однако еще не совсем... А теперь на всех одно

прошедшее время, на всех, слышь, одно прошедшее время... Вишь, как оно получается, вздыхают глаголы... как их бишь?

БИШЬ, ВИШЬ и СЛЫШЬ. В прошедшем глаголы, в настоящем частицы, служебные слова. Сидят они на заваulinke и вспоминают прошедшие времена глагола. И прошедшие, и давнопрошедшие, и еще не совсем прошедшие... Не совсем ли?

Да, хорошо иметь побольше прошедших времен, чтоб потом, в будущем, было что вспоминать...

Двойственное число

Когда Единственное Число затоскует в своем одиночестве, а Множественному, в тесноте и сутолоке, захочется побыть одному, они вспоминают о Двойственном Числе, которого давно уже нет в грамматике, но которое, может быть, только и было в ней по-настоящему счастливым.

Два конца, два кольца, посередине гвоздик... Дело не в гвоздике этом самом — мало ли что между двумя посередине случается! — а в том, что когда двое, как-то не чувствуешь одиночества... И тесноты не чувствуешь... Потому что — вдвоем...

Два сапога пара... Два друга — хомут и подпруга... Тут и хомут не хомут, а венец свадебный, а подпруга — такая подруга, с которой не страшен самый далекий путь... Может быть, Двойственное — именно то число, которое грамматике нужно для счастья?

Но оно ушло, исчезло, стинуло: счастье ведь не бывает долгим. И остались в грамматике лишь Единственное Число в своем одиночестве и Множественное — в своей тесноте...

Но — откройте пошире глаза... Посмотрите на леса, на луга, на облака... особенно на то, как они пишутся. Разве лесА, лугА, облакА, да и те же глазА не напоминают вам Двойственное Число? Два лесА, два лугА, два облакА, два глазА? Ведь во Множественном должны быть лесЫ, лугИ, облакИ, глазЫ. Такими они и были много столетий, пока не воскресла в них форма Двойственного, тоска по Двойственному, давным-давно исчезнувшему и забытому Числу...

Потому что в жизни ничто не забывается и ничто не исчезает.

И когда вы говорите: шоферА, инженерА, прожекторА — вы, конечно, грамматически ошибаетесь, но по-человечески вас можно понять. Это тяга к Двойственному Числу, которого не могут заменить ни одиночество Единственного, ни суета и теснота Множественного, — вечная наша тяга к Двойственному Числу, без которого даже грамотный человек не может быть достаточно счастлив.

Страна междометия

Живут себе матушка с батюшкой, в почтении друг к другу живут, и добра у них хватает, и беды они не знают. Только нет уже того, что было. То, что было — тью-тью! — говоря языком далекой страны Междометии.

А ведь когда-то — э! ого! эге-ге! Теперь такого нет, у нас теперь разговоры членораздельные: раздельно матушкины, раздельно батюшкины. И нет уже прежней неразумности: ах! ой! хи-хи! А также: бах! трах! шарах! Где она теперь — горячая, неразумная, бесшабашная страна Междометия?

— Молодые мы были... Такие молодые — беда! Не потому беда, что молодые, БЕДА — это просто такое междометие. В стране Междометии и беда не беда...

— А ты какая была... Мать честная!

Не потому, что мать прежде была честная, а теперь не честная. МАТЬ ЧЕСТНАЯ — это тоже такое междометие.

— И жили-то как! Мое почтение!

Почтение, положим, у них и сейчас, но это уже не то, что было, без эмоций. Прежнее МОЕ ПОЧТЕНИЕ было междометием и выражало не то чтобы почтение, а просто... как бы это получше выразиться... ФУ-ТЫ, НУ-ТЫ! ОГО-ГО! ОЙ-ОЙ-ОЙ!

Как вспомнишь — ну прямо-таки нет слов! Никаких слов, кроме междометий...

— Айда, батюшка, в нашу Междометию!

— Добро!

Оставили нажитое добро, променяли его на другое ДОБРО, содержащее не богатство, а всего лишь согласие.

Потому что в стране Междометии согласие больше ценится, чем богатство.

И — пошли.

А куда идти-то? Где дорога в страну, где и добро не добро, и беда не беда, и сами мы не те, а другие?

Может, ее и нет, этой дороги. Может, в страну эту мы никогда не придем... Но пока мы идем, мы становимся другими...

— БАТЮШКИ!

— МАТУШКИ!

Видите: мы уже другие. Мы опять междометия, как были в далекие нечленораздельные времена...

Потому что чувства наши остаются при нас, даже когда мы выходим в солидные имена — существительные, прилагательные, наречия и глаголы. Нужно только дать им простор — и они поведут нас в страну Нашей Молодости, поведут без всяких дорог, потому что обратно в молодость — нет дороги...

Последние

Слова, значительные по смыслу, могут вовсе не употребляться во множественном числе и легко обходиться одним единственным.

Последнее слово техники.

Последнее слово обвиняемого.

И, напротив, слову с ничтожным смыслом не поможет множественное число. Очень, очень мало можно сказать, выражаясь последними словами.

Идущие

Дождь идет. Снег идет.

Идет по земле молва. Споры идут. Разговоры.

А кого несут? Вздор несут. Чушь несут.

Ахинею, ерунду, галиматью, околесицу.

Все настоящее, истинное не ждет, когда его понесут, оно идет само, даже если ног не имеет.

Об этом приходится помнить, потому что годы идут. Жизнь идет, и не остановить идущего времени.

Песенка об орфоэпии

Не зная орфоэпии
Во всем великолепии,
Не ощутишь ее волшебных чар.
Жизнь кажется кошмаром,
Когда одним ударом
Не то, что нужно, ставят под удар.

Возил не шо́фер, а шофёр
Не фарфор, а фарфóр.
Был оглашен не приговор —
Судебный приговор.
Ушел шофер на многие
Не лёта, а лета́,
И дверь за ним не за́перта
Была, а заперта́.

Ошибка в ударении
Граничит с преступлением,
Пускай запомнит это млад и стар.
Ни молодым, ни старым
Нельзя одним ударом
Не то, что нужно, ставить под удар.

Строгал не сто́ляр, а столя́р,
Но не до́ску — не доску́.
И слушал в одиночестве
Не «То́ску», а тоску́.
Ушел столяр на многие
Не лёта, а лета́,
И дверь за ним не за́перта
Была, а заперта́.

Не зная орфоэпии
Во всем великолепии,
Ты не услышишь голоса фанфар.
Умолкнут все фанфары,
Когда одним ударом
Не то, что нужно, ставят под удар.

Король Годяй

В те далекие, теперь уже сказочные времена, когда все слова свободно употреблялись без «не», жили на земле просвещенные люди — вежды. Король у них был Годяй, большой человеколюб, а королева — Ряха, аккуратистка в высшей степени.

Собрал однажды король своих доумков, то есть мудрецов, и говорит:

— Честивые доумки, благодарю вас за службу, которую вы сослужили мне и королеве Ряхе. Ваша служба была сплошным потребством, именно здесь, в совете доумков, я услышал такие лепости, такие сусветные суразицы, что, хоть я и сам человек вежественный, но и я поражался вашему задачливому уму. Именно благодаря вам у нас в королевстве такая разбериха, такие взгоды, поладки и урядицы — благодаря вашей укложести, умолимости и, я не побоюсь этого слова, укоснительности в решении важных вопросов.

— Ваше величество, — отвечали доумки, — мы просто удачники, что у нас король такой честивец, а королева такая складеха, какой свет не видал.

— Я знал, что вы меня долюбиваете, — скромно сказал король. — Мне всегда были вдомек ваши насытность и утомонность в личной жизни, а также домыслие и пробудность в делах. И при вашей поддержке я бы и дальше сидел на троне, как прикаянный, если б не то, что я уже не так домогаю, как прежде, бывало, домогал.

— Вы домогаете, ваше величество! — запротестовали доумки. — Вы еще такой казистый, взрачный, приглядный! Мы никого не сможем взлюбить так, как взлюбили вас.

— Да, — смягчился король, — я пока еще домогаю, но последнее время стал множечко утомим. Появилась во мне какая-то укротимость, я бы даже сказал: уемность. Удержимость вместо былой одержимости. Устрашимость. Усыпность.

— Вам бы, ваше величество, частицу «не»! — сказал доумок, слывший среди своих большим дотепой. — Вместо того, чтоб восторженно восклицать: «Ну что за ви-

дали!» — пожимали бы плечами: «Эка невидаль!» Вместо того, чтоб ласково похлопывать по плечу: «Будь ты ладен!» — махали б безучастно рукой: «Будь ты неладен!» И вся недолга... То есть я хотел сказать, что если раньше у нас была вся долгa, то теперь было бы немножко другое.

И король Годяй, который и сам уже почти не употреблялся без «не», тщательно скрывая это от своих подданных, решил: а чего в самом деле?

— Эка невидаль! — сказал он и подписал указ.

Вот радости было всем веждам, доумкам, честивцам, что они могут не скрывать отныне частицу «не», а появляться с нею открыто в приличном обществе! И уже какой-то посада, который был одновременно дотрогой — сидел на своем скромном месте, всеми затроганный, — оседдал частицу «не» и помчался по белу свету, оповещая, что у них в королевстве произошло. Но никто не верит его былице, потому что как же поверить ей, если былицы тоже без «не» не употребляются?

Фамильная драгоценность

Есть у меня знакомый с трудной фамилией. До того трудной, что даже вслух не произнесешь. А начнешь писать — рука дрожит, буквы расползаются: ну прямо буд-то пишешь на заборе.

— Вы что, — спрашиваю его как-то, — не можете фамилию поменять? Вы же своей фамилией оскорбляете людей, уже не говоря о том, что при вашей фамилии дети присутствуют.

Улыбнулся он холодно, свысока, как улыбаются люди невысокого роста.

— А мне, — говорит, — и с моей фамилией хорошо.

У него на заводе за пятнадцать лет ни одного выговора: не решаются писать его фамилию в приказе. И пускают его всюду без пропуска — стоит паспорт показать. И на собраниях никогда не критикуют.

— А была б у меня другая фамилия... мне бы при моих трудовых показателях ни на одном предприятии не работать. А так работаю. Не увольняют. Пусть бы попробовали уволить, да я бы их... — губы его беззвучно шевельнулись,

словно он произносил свою фамилию. — Детей возьмите. Их у меня двое: один — в третьем, один — в шестом. И на пятерках идут, хотя учителя их никогда не вызывают. Там у них все учителя женщины, как же они могут их вызывать?

Да, вот так посмотришь — фамилия как фамилия. И даже хуже чем фамилия. А присмотришься — настоящая семейная драгоценность.

Как заложили государство

Великая революция заложила основы Государства. Основы — это фундамент, а фундамент тем и отличается от остального строения, что его не видно. Его закапывают в землю, как покойника, и никто не знает, что там в основе этого Государства.

А когда то, что было заложено в фундаменте, вышло наружу, населению пришлось заложить последнее, чтоб удержаться на поверхности, а не пойти вслед за фундаментом в землю.

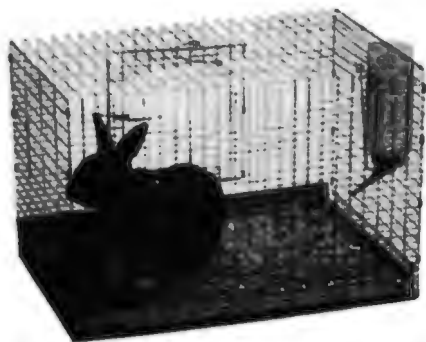
Потом, когда закладывать стало нечего, принялись закладывать друг друга. Некоторых так далеко заложили, что до сих пор не могут найти.

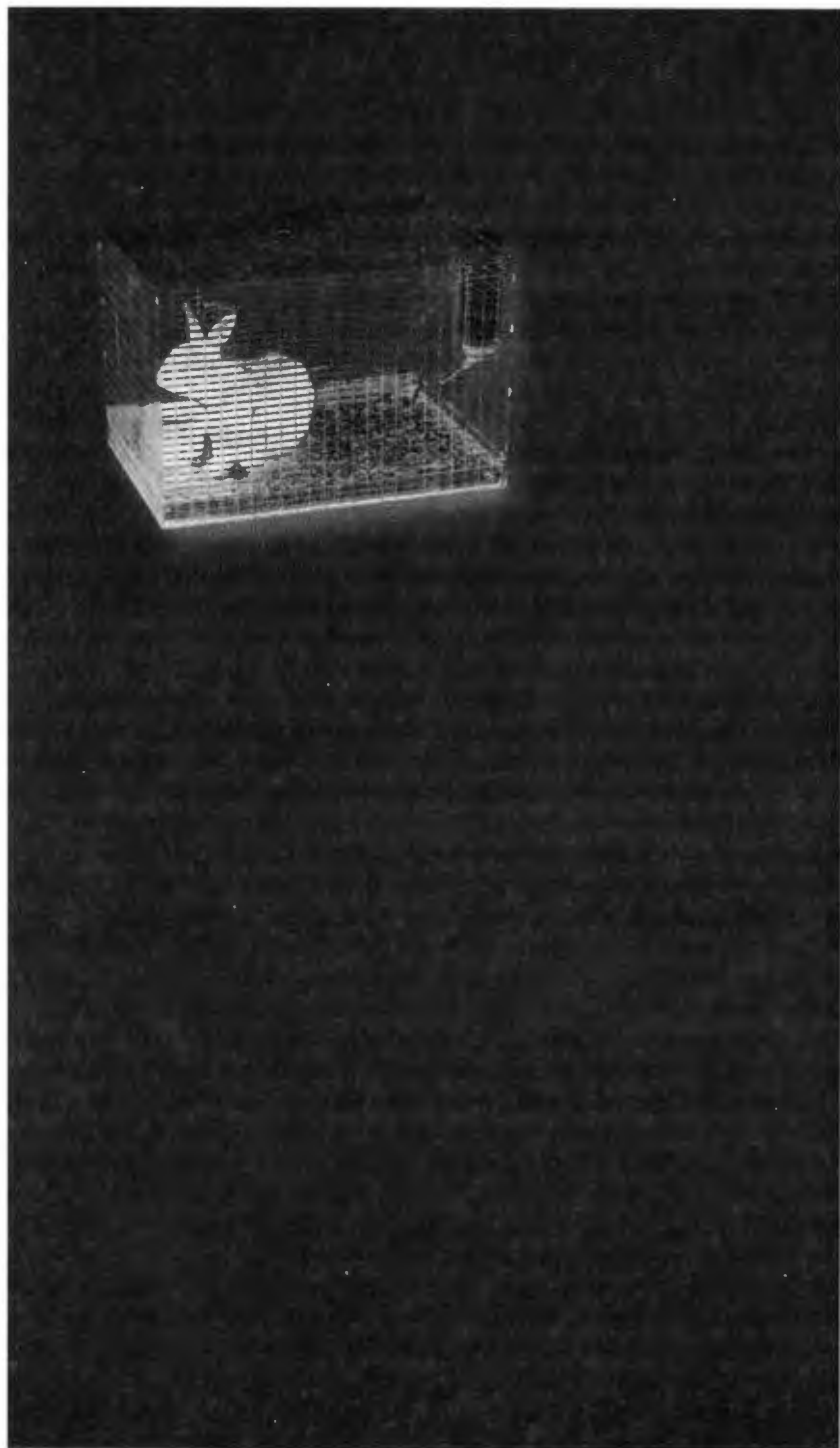
И тогда на них махнули рукой. И на себя махнули рукой. И стали просто закладывать за галстук. А когда и галстука не осталось, стали закладывать за воротник.

Но Государство все-таки заложили. Так заложили, что теперь неизвестно, у кого выкупать.

При рождении государственной системы ребенок нередко идет не вперед головкой, как при нормальных родах, а противоположным местом, воображающим себя головой.

Мы с Зайцем
идем на охоту

Мы с Зайцем идем на охоту

Если бы я был Горностаем

Если бы я был Горностаем, я расхаживал бы, как король, и все удивлялись бы, откуда у меня моя шуба, и все спрашивали бы: «Скажите, где вы купили эту шубу, кто вам ее подарил, кто вам ее прислал, у вас, наверно, богатые родственники?» А я бы ходил в горностаевой шубе, в шубе из чистого горностая, потому что я был бы сам Горностаем, и я отвечал бы: «Нет, я нигде не купил шубу, и никто мне ее не подарил, и никто не прислал, я хожу в горностаевой шубе, потому что, вы же видите, я сам Горностай». Но они бы мне, конечно, не верили — ведь Горностая встретишь не на каждом шагу, и они бы просили: «Ах, пожалуйста, дайте нам поносить эту шубу!» А я бы отказывал, я бы всем категорически отказывал: и Зайцу, и Суслику, и Волку... И Волку? Нет, боюсь, что Волку я бы не смог отказать, Волку очень трудно отказать, он наверняка снял бы с меня мою шубу...

Если бы я был Волком, я бы снимал шубу с каждого Горностая, и с Куницы, и даже с Зайца, хотя у Зайца шуба очень плохого качества, она все время линяет, и ее едва хватает на один сезон. Но я все равно бы снимал с него шубу, потому что ведь я был бы Волком, а Волк может себе это позволить, Волк может себе позволить абсолютно все, кроме удовольствия залезть на дерево. Волки не лазают по деревьям, хотя, конечно, им очень хотелось бы, они бы не отказались, но где им, куда! По деревьям лазают обезьяны, а волки бегают по земле, и им ни за что не залезть на дерево!

Если бы я был Обезьяной, я бы никогда не спускался на землю, я бы прыгал по веткам и кричал, и визжал, и швырял бы сверху бананы, стараясь попасть кому-ни-

будь в голову. И другие обезьяны тоже бы визжали и швырялись, и мы бы соревновались, кто громче завизжит и кто скорее попадет, и радовались бы, что никто не может достать нас на дереве. Разве что Жирафа, потому что она сама, как дерево, потому что у нее шея такая длинная, что по ней можно лезть и лезть и все равно до конца не долезешь!

Если бы я был Жирафой, я бы ни перед кем не склонял головы, я бы смотрел на всех сверху вниз, такая б у меня была длинная шея. И мне ничего не стоило бы заглянуть через забор, и я видел бы, что там внутри, а там обязательно что-то должно быть внутри, потому что заборы существуют не зря — но, конечно, не для тех, у кого такая длинная шея. И никто до меня не мог бы дотянуться, потому что для этого нужно было бы прыгнуть очень высоко, а это не каждый умеет.

Если бы я был Леопардом, я бы, конечно, сумел. Я бы прыгнул этой Жирафе на шею и в одну секунду откусил бы ей голову. А потом прыгнул бы на дерево и откусил бы головы всем обезьянам, а заодно и Волку, чтоб не отнимал чужих шуб, а заодно и Горностаю, чтоб не кичился своей шубой. Если б я был Леопардом, мне не был бы страшен никто — разумеется, кроме Льва, потому что Лев каждому страшен. Когда встречаешь Льва, хочется стать маленьким и незаметным, хочется зарыться в землю, как Крот.

Если бы я был Кротом, я бы каждый день зарывался в землю. Я бы рылся там под землей, и меня бы совсем не интересовало, что происходит здесь, на белом свете. И кто у кого отнял шубу, и кто у кого откусил голову — все это было бы мне ни к чему, все это меня нисколько бы не тревожило. И никто бы меня не видел — ни Лев, ни Леопард, потому что они ведь не станут рыться в земле, им и на земле дел хватает. А я бы себе рылся да рылся — и только иногда высовывал голову, чтобы посмотреть, как там растет трава и как ее щиплют бараны. Бараны ходят по полю и щиплют траву, и греют спину на солнышке, и они могут ни о чем не думать, хотя, конечно, и они думают, иногда они так задумаются!..

Если бы я был Бараном!

Впрочем, я ведь и есть Баран.

Дорогой Желтопузик

Дядя у Желтопузика работает крокодилом.

Племянник у Желтопузика работает головастиком. А Желтопузик как раз посредине, и он, естественно, нигде не работает.

Год не работает.

Два не работает.

Три не работает.

Пора уже справлять юбилей.

На юбилей, как обычно, сходятся гости. С одной стороны — естественно, дядя, и, естественно, племянник — с другой стороны.

— Дорогой наш! — говорят они толстым голосом и повторяют совсем уже тоненьким: — Наш дорогой!

Желтопузик смущается. Он так смущается, что его можно назвать сначала Розовопузиком, потом — Краснопузиком и наконец Бордовопузиком. Он слушает эти разные голоса — и смущается, и снова слушает, постепенно превращаясь из Бордовопузика в Краснопузика, из Краснопузика в Розовопузика, а из Розовопузика... ну конечно, в кого же еще? В дорогого нашего Желтопузика!

Гости располагаются. С одной стороны — дядя, который работает крокодилом, с другой стороны — племянник, который работает головастиком, а посредине — он, Желтопузик, который нигде не работает.

Год не работает.

Два не работает.

Три не работает.

И теперь справляет свой юбилей.

Обычные разговоры. Что слышно? Что нового? Говорят, Бегемота перевели в зоопарк. А Леопард? У них, слышали, что-то там было с Верблюдом? Интересно, чем это все кончилось?

— У меня новость, — говорит племянник, который работает головастиком. — Кажется, меня скоро переведут в лягушки.

— В лягушки? Ха-ха-ха!

Это смеется дядя, который работает крокодилом.

— Не понимаю, что здесь смешного. Просто я хорошо работал головастиком, и теперь хотят отметить мой рост.

— Рост? И это вы называете — рост? Нет, дорогой, я предпочитаю плохо работать крокодилом, чем хорошо — головастиком.

— Вы думаете, головастиком — это просто, да? Тут голову надо иметь!

Битый час — и все о работе.

Ошибаетесь, мой дорогой, — нет, дорогой, это вы ошибаетесь, — жаль, что вы никогда не были крокодилом, — а мне искренне жаль, что вы никогда не были головастиком.

Дядя — с одной стороны, племянник — с другой стороны, а там, совсем в стороне, главный родственник — Желтопузик. Он слушает эти разные голоса и превращается из Желтопузика в Розовопузика, из Розовопузика в Краснопузика, из Краснопузика в Борзовопузика. Потому что — ну сами скажите! — кто же здесь в конце концов дорогой? Дядя, который работает крокодилом, племянник, который работает головастиком, или он, Желтопузик, который нигде не работает?

Год не работает.

Два не работает.

Три не работает.

Кто же здесь справляет свой юбилей?

Веселый день старика Дикобраза

В этот день старик Дикобраз проснулся раньше обычного и, протерев глаза, обнаружил, что ночевал с открытой клеткой.

— Ох ты, боже ты мой! — всполошился старик Дикобраз. — Эдак чего доброго украдут...

Говоря так, старик Дикобраз имел в виду, конечно, себя, потому что, кроме него, ничего доброго в клетке не было.

— Какая неосмотрительность! — сказал старик Дикобраз и подошел, чтобы закрыть клетку, но в это время его осенила мысль, одна из тех, которые в последнее время все чаще приходили ему в голову.

«А что, если пойти погулять? — подумал старик Дикобраз. — Прогуляться туда-сюда, так сказать, отдохнуть диким образом?»

И, вместо того чтобы закрыть дверь клетки, он распахнул ее еще шире.

Там, снаружи, была свобода, о которой так приятно думать, когда сидишь здесь, внутри. Дикобраз пригладил щетину, имевшую у него привычку торчать, и с удовольствием шагнул изнутри наружу.

В зоопарке сегодня был день отдыха, но звери все равно показывали себя, словно и не замечали отсутствия публики. Одни делали это небрежно, с достоинством, другие, напротив, бегали, суетились, чтобы успеть каждому попасть на глаза.

У клетки африканского Слона Дикобраз на минуту задержался. Дело в том, что Слон как раз выставил наружу свой хобот, и Дикобраз не мог его не позвать, поскольку питал давнюю симпатию к Африке. В этом не было ничего фамильярного: он просто пожал протянутый хобот, сказав при этом несколько слов, приличествующих моменту. Но Слон почему-то обиделся, спрятал свой хобот и выставил вместо него хвост. Тут уж старик Дикобраз не мог удержаться от смеха, потому что хвост африканского Слона оказался намного короче хобота. И старик Дикобраз смеялся долго, до неприличия, и, уж конечно, не стал пожимать Слону хвост, несмотря на свои давние симпатии к Африке.

Потом он стоял перед клеткой Белого Медведя. Медведь был до того белый, что отсюда, со стороны, походил на большую тетрадь в клетку, так что на нем даже можно было решить какую-нибудь задачу, но старик Дикобраз был в задачах не силен, да и вообще был не настолько силен, чтобы связываться с Белым Медведем. Но он все же от души посмеялся, представив себе, как на этом Медведе пишут задачу или какую-нибудь резолюцию. Резолюцию нужно писать в углу, а где у Медведя угол? И опять старик Дикобраз смеялся долго и от души.

Все-таки веселое это дело — отдыхать вот так, диким образом! Старый друг Водосвинка, с которым они прежде были соседями, обрадовался гостю и попытался распахнуть дверь, но она была заперта с другой стороны.

— Извини, — сказал старый друг Водосвинка. — Сторож унес ключи... А ты здесь какими судьбами?

— Да вот, решил побродить. Когда все время сидишь, это, говорят, вредно для здоровья.

— Вредно, — вздохнул толстый Водосвинка.

— Может, вместе пойдем? — предложил старик Дикобраз, предвкушая ответ старого друга Водосвинки.

— Я бы с удовольствием, — простодушно откликнулся тот. — Да сторож ключи унес... Такое безвыходное положение...

Водосвинка растерянно почесал за ухом, словно надеясь там отыскать ключи, но, так ничего и не найдя, вздохнул и просунул голову сквозь решетку.

— Жаль, что мне нельзя выйти, — сказала эта голова, хотя в сложившейся ситуации только она и имела такую возможность.

— Жаль, — сказал старик Дикобраз и засмеялся, потому что ему совсем не было жаль, ему было даже немножко приятно, что у Водосвинки, по сравнению с ним, все складывается не лучшим, а худшим образом.

— Почему ты смеешься? — подозрительно спросил Водосвинка.

— Да так... Вспомнил этот анекдот про Моржа. Ты знаешь анекдот про Моржа?

Водосвинка знал анекдот про Моржа, и поэтому он тоже начал смеяться. Так стояли они, подталкивая друг друга сквозь прутья клетки, и смеялись: Водосвинка — над глупым Моржом, а Дикобраз — над глупым Водосвинкой.

— Ну, я пошел, — сказал старик Дикобраз. И не удержался, чтобы не спросить: — Значит, ты остаешься?

— Остаюсь, — вздохнул Водосвинка. — Сторож ключи унес.

Тапир, странное животное, нечто среднее между лошастью и свиньей, спросил у Дикобраза что-то по поводу ипподрома.

— Интересно, кто сегодня первый пришел, — сказал он, укладывая поудобнее свое грузное тело. — Я всегда слежу за тем, кто пришел первым.

— И вы тоже бегаєте? — в свою очередь поинтересовался старик Дикобраз.

— Бегаю ли я! — воскликнул Тапир и посмотрел на Дикобраза так, как смотрит профессор на студента-двоечника. — Бегаю ли я! Нет, мой дорогой, я отнюдь не бегаю, отнюдь! Но это нисколько не мешает мне быть в курсе того, как бегают другие. Вы поняли мою мысль?

— Нет, — сказал старик Дикобраз. — Ничего я не понял.

— Ну как же! — досадливо поморщился Тапир. — Для того, чтобы узнать вкус борща, не обязательно в нем вариться. Для того, чтобы понимать скачки, не обязательно самому скакать очертя голову. Улавливаете?

— Нет, не улавливаю, — сказал старик Дикобраз и засмеялся.

— Ну как бы вам популярнее объяснить? — волновался Тапир. — Как бы вам изложить подходчивей?

Он задумался, склонив голову, которая, пока он думал, опускалась у него все ниже и ниже, затем коснулась пола и замерла. Глубокая задумчивость обычно переходила у Тапира в глубокий сон.

Потом был Носорог, страшный зверь, с которым даже жутко болтать, разве что через решетку. Пользуясь этой решеткой, Дикобраз все же с ним поболтал, но не извлек из этого удовольствия, потому что страшный зверь Носорог был начисто лишен чувства юмора.

— Послушайте, что это у вас на носу? — спросил его старик Дикобраз.

— Рог, — сказал Носорог.

— А я думал, что это тросточка.

— Нет, это рог, — сказал Носорог.

— А может быть, это хвост? — спросил Дикобраз, вспомнив историю со Слоном. — Может, вы стоите на оборот и с вами нужно с другой стороны разговаривать?

— Нет, это рог, — сказал Носорог.

Ничего интересного. Правда, Дикобраз посмеялся, но не от души, а только так, в порядке разъяснения.

— Смеетесь? — спросил Носорог. — Тут у нас Леопард растерзал Быка. Я тоже очень смеялся. Клетка клеткой, но мало ли что.

— Нет, я не смеюсь, — сказал Дикобраз и попрощался с Носорогом.

День кончился, пора было возвращаться домой. Старик Дикобраз шел по аллее, в темноте натываясь на клетки лисиц и пантер, которые ворчали, выражая свое недовольство. По ошибке он чуть было не попал в клетку Льва, но она, к счастью, оказалась запертой.

«Хорошо, что они сидят в клетках, — подумал старик Дикобраз. — Иначе хоть не выходи из дому!»

Дома, уже засыпая, он вдруг вспомнил этот дурацкий анекдот про Моржа и опять посмеялся над простаком Водосвинкой. Потом вспомнил, что Леопард растерзал Быка, встал и поплотнее закрыл дверь своей клетки.

И снова долго смеялся.

Кошка в зоопарке

Кошка жила в зоопарке, но не в клетке, а между клетками. Это было обидно, потому что в клетке кормят, а между клетками нет. Что сам ухватишь, тем и бываешь сыт. Но зато живешь на свободе.

Таков закон жизни: либо сытая, либо свободная жизнь. Этот закон никому не нравится, потому что в любом случае чего-то не хватает.

Кошке не нравилось, что сама она на свободе, а еда от нее отделена клетками. И она бегала между клетками и кричала: «Долой клетки!» — наполняя атмосферу вольнолюбивыми мотивами. И когда вольнолюбивые мотивы дошли до администрации, клетки убрали и зоопарк переоборудовали в заповедник, где все по природе, все на свободе...

И сразу все завопили: «Давайте жрать!»

Громче всех вопила кошка. Раньше еду можно было стащить из клетки, хотя это и было сопряжено с определенными трудностями. А теперь что получилось? Ни клеток, ни еды?

А преступность? Когда у нас была такая преступность? Вы посмотрите, кого выпускали из клеток! Это же преступники! Они же заживо друг друга едят!

Кошка забила на самую верхушку дерева и с ужасом смотрела, как свободные граждане поедают друг друга. В свободолюбивых мотивах ничего об этом не было сказано.

И кошка завопила сверху: «Свободу клеткам!» Но спуститься с дерева не решалась из страха перед растущей преступностью.

Так и осталась на дереве. Научилась орешки грызть. Белки принимали ее за свою и вместе с ней кричали:

«Свободу клеткам!»

С чудесный камень

Маленький жучок Солдатик возвращался на родину. Служба его кончилась, и теперь он спешил домой, к своей Солдатке. Это очень веселое дело — возвращаться домой, поэтому настроение у Солдатика было великолепное. Он шел строевым шагом, которому его обучили во время службы, и сам себе командовал:

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть!левой передней, правой передней!левой задней, правой задней!левой средней!.. — словом, ни одна нога не была забыта.

Красная спинка с черными пятнышками то пропадала в высокой траве, то снова появлялась на дороге. Она привыкла и к знойным лучам, и к холодным дождям, она много испытала, много вынесла, эта натруженная солдатская спинка.

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть...

Следуя таким бодрым шагом, Солдатик прошел к вечеру около семидесяти метров и стал устраиваться на ночлег. Солдатская служба научила его спать в любых условиях, поэтому он расположился прямо на земле, подложив под голову камень, и сразу уснул.

И приснилось Солдатику, что он дома, со своей Солдаткой. Сидят они у порога, смотрят на звезды и мирно беседуют. Солдатик рассказывает о своих ратных делах, о премудростях воинской службы, а Солдатка почтительно поддакивает да удивляется. Все-то ей в диковину, все в новость.

Потом они вместе бродят по полям, отдыхают под стволами пшеничных колосьев, и Солдатка рассказывает, как она ждала Солдатика, как без него тосковала.

Проснулся Солдатик и еще пуще домой заторопился. Но отойдя несколько шагов, вернулся назад и взял ка-

мень, который ночью клал под голову. На вид это был обыкновенный серый камень, но Солдатик сразу понял, что он вовсе не так прост, как кажется.

«Не на каждом камне такой сон приснится, — подумал Солдатик. — Видать, это счастливый камень. Отнесу-ка я его домой, своей Солдатке в подарок».

И опять зашагал по дороге.

Много дней шел Солдатик, пока добрался до своего дома.

— Эй, хозяйка, принимай гостя!

Подождал — никакого ответа. Еще покричал — никто не отзывается. Стали собираться соседи. Здоровались, поздравляли с благополучным возвращением и — почему-то прятали глаза. Заметил это Солдатик, забеспокоился.

— Где моя Солдатка? Уж не случилось ли с ней чего?

Молчат соседи. Только жук Дровосек, старый друг Солдатика, сказал:

— Брось, солдат! Нечего тебе по ней печалиться.

— Да что ты говоришь! Спятил, что ли?

— Она здесь больше не живет, — сказал Дровосек, пропустив Солдатику грубое слово. — В амбар перебралась.

— В какой амбар?

— В зерновой. Ее Долгоносик, тамошний завхоз, взял к себе на содержание.

Постоял Солдатик, подумал.

— Долгоносик, говоришь? Ну что ж! Я и Долгоносика не испугаюсь. Мне наплевать, что он завхоз.

Пришел Солдатик в амбар.

— Здравствуй, жена. Вот я и вернулся. Собирайся — домой пойдем.

— Никуда я не пойду, — отвечает Солдатка. — Мало, что ли, я с тобой горя хлебнула? Ты вот к жене пришел после долгой разлуки, а что ты принес? Принес хоть какой-нибудь подарок?

— Принес! — обрадовался Солдатик и протянул ей свой камень.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Долгоносик. — Вот это подарок!

— Ты чего смеешься? — рассердился Солдатик. — Как ты можешь смеяться, если ты ничего не понимаешь?

— А тут и понимать нечего! Таких камней у нас во дворе сколько хочешь валяется!

Видит Солдатик, что Долгоносик и вправду ничего не понимает.

— Глупый ты, Долгоносик, разве это такие камни? Это камни похожие, но не такие. И какой ты завхоз, если в простых вещах разобраться не можешь?

Эти слова задели Долгоносика.

— Ты мою должность не обижай, — сказал он. — Должность у меня трудная и неблагодарная. Работаешь с утра до вечера, спины не разгибаешь, и никто даже спасибо не скажет.

Неловко стало Солдатику, что о Долгоносике плохо подумал.

— Извини, — говорит, — я к тебе ничего не имею. Ты, вижу, справедливый Долгоносик, и должность у тебя справедливая. Только мне за Солдатку обидно: как ни скажи, жена все-таки, тосковал я по ней, надеялся...

— Никакая я тебе не жена, — говорит Солдатка. — Поищи глупее себя и таскай ей камни хоть со всего света.

Понял Солдатик, что толку от этого разговора не будет.

Взвалил на плечи свой камень и пошел.

На опушке леса остановился, бросил последний взгляд на свой дом и побрел прочь — куда глаза глядят. Больше не командовал себе: «Левой передней! Правой передней!» — и камень, который он нес, показался ему значительно тяжелее.

К вечеру подошел к ручью.

Напился, отдохнул, а утром стал думать, как бы на другую сторону перебраться. Смотрит — невдалеке листок на воде качается, а на нем — Комар, видать, перевозчик. Окликнул его Солдатик:

— Перебрось меня, друг, на ту сторону!

— Давай садись!

Но только Солдатик стал забираться на листок, Комар закричал:

— Погоди, погоди! Ты куда с камнем? Хочешь плот потопить?

— Это не простой камень, — объясняет Солдатик. — Это камень особенный.

— Вижу, какой он особенный. Обыкновенный камень.

— А может, ты сначала камень перевезешь, а потом меня? Так плоту легче будет, — предлагает Солдатик.

— Ты за кого меня принимаешь? Чтобы я камни возил, каких и на той стороне тринадцать на дюжину?

— Таких там нет, — говорит Солдатик. — Там совсем другие камни.

— Вот что, служивый! — разозлился Комар. — Хочешь ехать — садись, а нет — отчаливай. У меня и без тебя работы хватает.

— Ну, тогда прощай, — сказал Солдатик. — Я пойду погляжу — может, как иначе переберусь на ту сторону.

Ходил, ходил, нашел самое узкое место. Попробовал — глубоко. Что делать?

И вдруг, пока он примерялся да раздумывал, выскользнул у него камень и упал как раз на середину ручья.

Стал его Солдатик вытаскивать. Взобрался на камень, смотрит — а с него до другого берега рукой подать. Перебрался через ручей и думает: «Вот так камень! Без него бы мне никак не переправиться!»

Вытащил камень из воды, взвалил на себя и пошагал дальше.

И даже как будто веселей ему стало. Идет, бубнит себе под нос какую-то солдатскую песенку и вдруг слышит:

— Здравствуйте, извините, пожалуйста, что нарушаю течение ваших мыслей...

Оглянулся Солдатик — никого не видно. А голос продолжает:

— Осмелюсь спросить, как далеко вы направляетесь с такой тяжелой ношей?

Еще раз осмотрелся Солдатик и только тогда увидел маленького беленького червячка, который сидел под кустом и копался в каком-то клочке бумаги.

— Кто вы такой? — спросил Солдатик.

— О, простите, что не представился! — поспешно извинялся червячок. — Я — Книжный Червь. Работаю в городе, в публичной библиотеке, а здесь гощу у родственников.

— Понятно, — сказал Солдатик и хотел двинуться дальше, но Книжный Червь его остановил:

— Извините, пожалуйста. Очевидно, по рассеянности вы забыли ответить на мой вопрос. Я позволил себе поинтересоваться, куда вы направляетесь с этой нелегкой ношей.

— Как вам сказать, — замялся Солдатык. — Я и сам не знаю, куда иду...

— Ах, вы путешествуете! — подхватил Книжный Червь. — Ну что ж! Это весьма интересно. Необходимый отдых душе и телу, познание жизни во всех ее проявлениях... А что вы несете с собой, разрешите полюбопытствовать.

— Это камень...

— Драгоценный камень? — оживился Червь. — Какой же, позвольте узнать? Изумруд, опал, сапфир или, может быть, аметист? Или...

— Да нет, это вовсе не драгоценный камень, — перебил Червя Солдатык. — Но для меня он дороже самого драгоценного. Понимаете — как бы вам это объяснить? Словом, это — счастливый камень.

— Простите, пожалуйста, — сказал Книжный Червь, — дайте мне на минутку сосредоточиться.

Он задумался и долго сидел неподвижно. Солдатык терпеливо ждал. Наконец, когда он уже собрался уходить, Книжный Червь вышел из задумчивости.

— Вы знаете, — сказал он, — мне кое-что приходилось читать по этому вопросу. Счастье — это высшее удовлетворение, полное довольство.

— Тоже сказали! — возмутился Солдатык. — Полное довольство! Хуже этого ничего не придумаешь.

— Но ведь не я выдумал это определение, — несколько раздраженно, но не выходя из приличных рамок, заметил Червь. — Я вообще никогда ничего не выдумываю. Это определение я вычитал в словаре — очень солидном, авторитетном издании. А как вы сами понимаете счастье?

— Счастье, — сказал Солдатык, — это когда веришь в то, чего не имеешь, но очень хочешь иметь. Веришь и добиваешься.

— Я не стану с вами спорить, — снисходительно заметил Книжный Червь. — У вас, очевидно, просто нет достаточной подготовки в данном вопросе. Но объясните мне — почему вы называете этот камень счастливым?

— Это мой единственный друг, — сказал Солдатик. — Он не раз меня выручал. Когда бывает трудно, он помогает мне верить в лучшее. Стоит положить его под голову, и приснятся такие сны...

— Ну, я вижу, происхождение снов и сновидений вам также мало знакомо. Желаю вам восполнить этот пробел. Если вы заглянете ко мне в библиотеку...

Но Солдатик уже шел дальше, оставив Книжного Червя гостить у родственников и сосредоточиваться, сколько душе угодно.

Долго странствовал Солдатик. Всюду смеялись над ним и над его камнем, никто не хотел их приютить, и Солдатику приходилось ночевать под открытым небом. Его измучили дожди и ветры, он заболел гриппом, но зато...

Зато какие сны видел он по ночам! Такие сны ни на каком другом камне, конечно, не приснятся!

Однажды, уже совсем больным, подошел Солдатик к домику Цикады. Он больше не решался проситься на ночлег, а устроился неподалеку, чтоб переночевать хоть вблизи жилья, если внутрь не пускают.

Оставил Солдатик свой камень и пошел пособираться чего-нибудь на ужин, вернулся, смотрит — Цикада возле его камня стоит, разглядывает. Поздоровался Солдатик, а Цикада спрашивает:

— Это ваш камень?

Подумал Солдатик, что сейчас его опять гнать будут.

— Вы не беспокойтесь, — говорит. — Я только немного передохну и дальше пойду. Я вам здесь не помешаю.

— Какой чудесный камень! — продолжает Цикада, не слушая его. — Это, должно быть, счастливый камень. И какие сны приснятся, если его положить под голову...

— Ладно, не смейтесь, — прервал ее Солдатик. — Я могу и сейчас уйти. До свидания, всего хорошего.

— Постойте, не уходите, — мягко сказала Цикада. — Я ведь не смеюсь. Я действительно никогда не видела такого камня.

— Не видели? — Солдатик так обрадовался, что больше ничего не мог сказать.

— Что же мы здесь стоим? — спохватилась Цикада. — Пойдемте в дом. И камень берите — как бы его кто-нибудь не стащил.

Допоздна просидели они в тот вечер. Оказалось, что им многое нужно было друг другу сказать. А когда ложились спать, Солдатык уступил Цикаде свой камень: пусть, мол, и ей приснится хороший сон.

Чуть свет Солдатык заторопился в дорогу.

— Останьтесь, — просила Цикада. — Места хватит, да и лучше как-то вдвоем...

— Прощайте, — сказал Солдатык, — спасибо за доброту. А на память обо мне оставьте себе этот камень...

— Нет, что вы, что вы! — запротестовала Цикада. — Такого подарка я не могу принять!

— Ничего, возьмите его, — успокоил ее Солдатык. — Я себе другой камень найду. На свете много счастливых камней, стоит только поискать хорошенько.

И пошел он дальше бодрым солдатским шагом, командуя сам себе:

— Левой передней! Правой передней! Левой средней!.. Правой задней!.. Раз, два, три, четыре, пять, шесть!

Замок Агути

Мелкий грызун Шиншилла был, безусловно, прав, говоря, что заяц Агути парит в небесах, витает в облаках, что он обитает в воздушных замках. Заяц Агути действительно обитал в этих замках. Он проводил в них все время, за исключением тех немногих часов, которые требуются, чтобы пощипать траву, сбежать от охотника, а также побеседовать с мелким грызуном Шиншиллою.

Замок Агути стоял на горе, вернее, над горой, посреди голубого облака. Некоторые считают, что голубой цвет — это слишком старо и сентиментально, что сейчас больше в моде серые облака, но заяц Агути выбрал именно это облако, потому что был и сам чуточку сентиментален, за что мелкий грызун Шиншилла всячески его порицал.

Замок Агути был самым настоящим, хотя и воздушным замком, со всеми этими ходами и переходами, а также главным входом, у которого сидели огромные львы, разумеется, не каменные, а живые. Они были привязаны к зайцу, как собаки (чего нельзя сказать о собаках, пре-

следовавших его на земле), но охраняли львы не зайца Агути, они охраняли прекрасную Корзель.

— Либо корову, либо газель, — возражал по этому поводу Шиншилла, мелкий грызун. — Ты, Агути, всегда все перекурчиваешь.

Бедный Шиншилла, он умел мыслить только логически, у него все было или — или, третьего не дано. И он не в состоянии был понять, что тому, кто живет в воздушных замках, дано третье, и это третье — Корзель, а совсем не газель и, уж конечно, не корова.

Красавица Корзель была пленница этого страшного Бегелопа, который украл ее у родителей, чтобы добиться ее любви. Но она не могла его полюбить, потому что у него был слишком толстый живот и слишком тонкие ноги. И, кроме того, он так страшно разевал свою пасть, что нет, конечно, Корзель не могла полюбить Бегелопа.

— Либо бегемота, либо антилопу, — возражал мелкий грызун Шиншилла, верный принципу, что третьего не дано.

Еще как дано! Еще как было дано, когда Бегелоп явился среди ночи, схватил красавицу Корзель и утащил ее в свою берлогу! В этой берлоге он сообщил ей о своей любви и потребовал немедленной взаимности, но она не знала, что такое любовь, а он не мог ей этого объяснить, потому что у него была слишком большая пасть и слишком тонкие ноги.

— Это же так просто, — растолковывал ей Бегелоп. — Ты берешь и любишь меня, а я беру и люблю тебя, и значит, оба мы любим друг друга.

Но она не понимала, что значит — любить.

— Ну как тебе сказать? — пытался сказать Бегелоп. — Это когда согласишься — и сразу почувствуешь. Посмотри на меня. Ну? Чувствуешь?

Но она ничего не чувствовала.

Тогда Бегелоп позвал своего приятеля Уткорога.

— Либо утконоса, либо носорога, — вставил Шиншилла.

Нет, он позвал именно Уткорога и попросил, чтобы тот объяснил подходячивей, что такое любовь.

— Любовь... — сказал Уткорог и почесал себя рогом под мышкой. — Любовь... — сказал он и почесал себя еще

где-то. — Любовь... Больше он ничего не сказал. Он только говорил «любовь» и чесался в разных местах, но в этом не было ничего вразумительного.

Красавица Корзель смотрела на Уткорога и не могла понять, что такое любовь, потому что он слишком много чесался и у него был этот дурацкий рог, и он не мог сказать больше одного слова. Тогда Бегелоп позвал Ягудила.

— Либо ягуара, либо крокодила.

Тогда Бегелоп позвал Ягудила, и тот приполз, длинный такой и пятнистый, как выкрашенное бревно, и лежал, как бревно, пока Бегелоп объяснял ему, что от него требуется, и только широко раскрывал свою пасть, словно соревнуясь в этом с Бегелопом. И когда Ягудил наконец все усвоил, он так посмотрел на Корзель, что она испугалась и, уж конечно, не могла понять, что такое любовь.

И вот тогда, только тогда Бегелоп позвал зайца Агути. И заяц Агути пришел, и шерсть его блестела, как золото, а глаза сияли, как звезды.

Заяц Агути посмотрел на красавицу Корзель и сразу забыл все, что знал прежде, и вспомнил то, чего не знал никогда.

— Знаешь ли ты, как рождается луна? — спросил заяц Агути. — Она рождается, как серп, который не знал любви, потом она растет и становится похожей на сердце, которому не хватает его половины, а потом находит свою половину и становится полной, как два сердца, слившиеся в одно.

Заяц Агути был немножко сентиментален, и потому он так говорил.

— Знаешь ли ты, как вырастает цветок? — спросил заяц Агути. — Сначала он прозябает в земле, но потом пробивается к свету и видит небо над своей головой. И он вдруг понимает, что теперь ему не жить без неба, что теперь их будет двое, только двое на всей земле.

Бегелоп слушал зайца Агути и пытался запомнить его слова, чтобы потом сказать их Корзели.

— Знаешь ли ты, как возникает любовь? — тихонько повторял он вслед за зайцем Агути. — Она возникает внезапно, и никто не может сказать, откуда она взялась, как никто не может сказать, откуда луна в небе и цветы

на земле. Но когда она приходит, без нее уже невозможно жить, как нельзя жить без луны и цветов, как нельзя жить без тебя, Корзель, потому что ты — самая прекрасная.

Вот что сказал заяц Агути, и хотя это было сентиментально, Корзель опустила глаза и ей захотелось услышать еще что-нибудь в этом роде, потому что она поняла, что такое любовь.

— Наконец-то ты поняла! — радовался Бегелоп. — Теперь ты, заяц, можешь идти, больше ты нам не нужен.

— Нет, он нужен, — сказала красавица Корзель. — Он нужен, потому что только с ним я понимаю любовь, а без него мне снова будет ничего не понятно.

Услышав, что он нужен, заяц Агути почувствовал в себе такую силу, какой не чувствовал никогда.

— Да, Бегелоп, — сказал он, — я нужен, а ты не нужен. И можешь убираться отсюда и не попадаться мне на глаза.

И услышав, что он не нужен, Бегелоп почувствовал в себе такую слабость, какой никогда не чувствовал, и он встал и ушел из собственной берлоги.

Это было именно так, хотя Шиншилла, мелкий грызун, этому не поверил.

— Либо ты ушел, либо она ушла. Но чтоб ушел Бегелоп... — так он по-своему назвал Бегелоп.

И когда Бегелоп ушел, заяц Агути взял Корзель и повел ее в свой замок. Он бросил к ее ногам все облака, и она ступала по ним, и ей было радостно, как бывает радостно, когда ступаешь по облакам. И заяц Агути шел рядом с ней, и это было самое лучшее, что можно придумать.

Там они с тех пор и живут, и их охраняют огромные львы, послушные и верные, как собаки. Они живут посреди голубого облака, и по ночам у них в замке зажигаются звезды — вот эти звезды, которые видны с земли.

А когда заяц Агути щиплет траву или спасается от охотников, он знает, что там, высоко, у него есть замок, где его ждет красавица Корзель.

— Либо корова, либо газель, — поправляет Шиншилла.

Мелкий грызун, что знает он о воздушных замках? Что знает он о цветах, которые выбиваются из подземелья, чтобы увидеть небо над своей головой?

Счастье

Случилось так, что в один день родились в лесу Мышонок и Медвежонок. Пока матери стирали пеленки, отцы выпили на радостях и пошли добывать для своих детей счастье.

А счастьем в ту пору в лесу маги ведали. Они получали его по накладной и отпускали в порядке очереди. Всем распоряжался главный маг, которого называли завмагом.

Увидел завмаг отца Мишку:

— А, Михаил Иванович, почетный гражданин леса! За чем пожаловали?

— За счастьем.

— Сию минутку! Нарезать или целым куском?

— Тут у меня еще приятель есть, — говорит отец Мишка. — Ему тоже надо бы счастья.

Стали искать приятеля, да как его найдешь? Затерялся отец Мышка где-то в хвосте очереди. Делать нечего — взвалил на плечи Мишка счастье и домой поспешил — как бы старуха плохого не подумала.

А отец Мышка отыскался, когда его очередь подошла.

— Тебе чего? — спрашивает завмаг.

— Мне бы счастья, для сына.

— Нету счастья, все вышло! — говорит завмаг, а сам прячет что-то под прилавок.

Так и вернулся отец Мышка домой ни с чем.

— Ох беда, — заплакала жена. — Нет для нашего сына счастья!

— Ничего, мать, — сказал отец Мышка. — Главное, что есть сын. Вырастет, сам добудет.

Когда счастья нет, долго тянется время. У отца Мишки — другое дело: не успел оглянуться — сын подрос. А отец Мышка маялся, маялся, и когда сынок на ноги стал, старого Мышки уже и на свете не было.

— Ну, мать, — говорит сын Мышка. — Собирай меня, пойду в свет добывать счастье!

— А чего тебя собирать? В доме пусто, как стоишь, так и иди. Не пропадешь, ты у меня не маленький!

Попрощался сын Мышка с домашними и пошел.

— Эй, Мышка, и я с тобой! — В берлоге переполох.

— Не пуцу! — ревет Медведица. — Там сыро, холодно, ты простудишься...

Лег сын Мишка на спину, лапами сучит:

— А я хочу! Хочу!

Тут уж дело серьезное — как бы не заболел ребенок. Стали Мишку в дорогу снаряжать. Уложили счастье — и его, и мамино, и все, какое было в берлоге. Еле взвалил на себя сын Мишка.

— Ты уж, Мышка, присматривай за ним, — просит Медведица. — Видишь, какой он у нас...

Пошли.

Ковыляет Мишка со своим счастьем, а Мышка бежит налегке. Дорога трудная, неровная, того и гляди лапку подвернешь. И ночевать под открытым небом... Мышке-то не привыкать, а Мишке обидно: у него все-таки счастье!

— Хорошее у тебя счастье, — говорит Мышка. — Ты бы его подстелил, все же не на сырой земле ночевать!

— Ну вот еще! — буркнул Мишка. — Легко тебе чужим распорядиться!

Долго шли. Мышка — на что молодец! — и тот притомился. А тут еще овраг на пути — длинный, глубокий.

Жметса Мишка, не решается, видно, боится счастье потерять. А Мышке терять нечего: раз-два — и перебежал на ту сторону.

— Ну чего ты там?

Стыдно Мишке признаться, что он за свое счастье держится, он и говорит:

— Ты, Мышка, дальше иди, а мне чего-то не хочется. Я, наверно, домой пойду.

Потащился Мишка домой. Долго тащился. Сколько дорог, не знаешь, по какой идти, в какой лес сворачивать. Пошел не по той дороге, свернул не в тот лес и заблудился.

Сидит он в чужом лесу, а время идет. Вот уже и зима наступила. Надо бы берлогу вырыть, да как ее выроешь? Даже не знаешь, откуда начинать — сверху или снизу?

Падает снег, трещит мороз, а Мишка сидит трясется над своим счастьем.

Трясся, трясся, потом перестал. Лежит не дышит.

Вот тут он лежит, а вот тут — его счастье. Со стороны можно подумать, что Мишка умер от счастья, но на самом деле это не так. Не от счастья он умер — от холода.

А Мышка долго еще по свету ходил. Правда, счастья так и не нашел, но зато нашел кое-что другое... И стал сам отцом Мышкой, потому что у него родился сын, вот ведь какая радости!

Ну понятно, как каждый отец, пошел отец Мышка к завмагу за счастьем. Для себя бы не стал, но для сына — сами понимаете. И в очереди постоял, и просил, и вымаливал. Но опять, как и Мышка-дедушка, вернулся домой с пустыми руками.

— Ох беда, — плачет жена. — Нет для нашего сына счастья!

— Ничего, мать. Главное, что есть сын. Я прожил без счастья, и он проживет!

«Я прожил без счастья...» — сказал отец Мышка и улыбнулся счастливо.

Куница Илька

Нас было трое: куница Илька, жук Кузька и енот Полоскун. Из всех троих я не был ни могучим енотом, ни прекрасной куницей — я был жуком Кузькой, и этим все сказано.

Они меня не замечали. Случилось так, что я сидел в траве рядом с ними, нас было трое, и сидели мы в тесном кругу, и все-таки они меня не замечали. Или только делали вид?

— Илька, — говорил енот Полоскун, — я опять боюсь, что ты простудишься. Может, тебе что-нибудь подстелить? — и он делал такой жест, будто хотел снять свою великолепную шкуру.

Мне очень нравилась его шкура. Была б у меня такая шкура, я бы надевал ее только по праздникам, а не таскал не снимая, как енот Полоскун. И у меня замирало сердце, когда он готов был постелить эту шкуру прямо на землю. Но Илька говорила:

— Не нужно, Полоскун, мне вовсе не холодно.

И она принималась дергать волоски из своего великолепного хвоста. «Любит, не любит», детская игра, а мы тут, кажется, все взрослые. Был бы у меня такой хвост, я берег бы в нем каждую волосинку и пересчитывал бы по вечерам, потому что волосы иногда выпадают. «Любит, не любит». Интересно, кого она загадала? Может быть, енота Полоскуна? Но енота зачем загадывать, тут все и так ясно. Вот он здесь сидит и моет для Ильки фрукты, и угощает ее фруктами, и любит ее, конечно, любит, и совсем незачем об этом гадать.

Куница Илька тем временем оставила хвост и принялась за свою красивую мордочку. Она вечно возилась со своей внешностью, и это можно понять — с такой внешностью я бы тоже возился.

— Я сегодня видела Гризли, — сказала Илька и потрепала себя по щеке. — Он мне подарил шишку.

«Любит, не любит...» Может быть, это Гризли? Огромный медведь, такой, как три енота, не говоря уже об Ильке, а тем более обо мне. Мы все трое боялись медведя Гризли.

— Ты слышишь, Полоскун? Мне Гризли подарил шишку.

Настроение у енота сразу испортилось. Он сгорбился, опустил нос и даже перестал мыть фрукты.

— У меня нет шишки, — сказал енот Полоскун, и голос его звучал виновато. — Гризли — конечно, он может подарить тебе целый лес, потому что он — Гризли.

— Целый лес? Ты думаешь, он подарит мне целый лес? — спросила Илька и потрепала себя по спине.

Полоскун промолчал. Он с тоской смотрел на немые фрукты.

— Ты обиделся? Нет, не говори, я вижу, что ты обиделся. — Куница Илька опять принялась за свой хвост. — Если хочешь знать, мне не нужен никакой Гризли, я не променяю на него даже нашего Кузьку, если ты хочешь знать.

«Любит, не любит...» Может, она имела в виду меня? Я представил себя рядом с этим медведем. Медведь Гризли и жук Кузька — даже представить смешно. А собственно, что тут смешного? Если она не хочет променять, то и смеяться нечего.

Если она имеет в виду меня, то тут дело совершенно ясное, и ей незачем обрывать свой хвост, тем более что теперь и я имею к нему отношение. Я решил ей так и сказать, но меня опередил Полоскун:

— Илья, — сказал енот Полоскун, — ты не променяешь на Гризли Кузьку, а меня? Меня ты на него променяешь?

Куница Илья посмотрела на енота и отвела глаза. Это был очень быстрый взгляд, но все же она успела заметить, как волнуется Полоскун, ожидая ответа. И куница Илья отвернулась от него и опять занялась своей внешностью.

— Нет, — сказала она, — тебя я не променяю.

Тут уже не выдержал я:

— Пойдите, как же это? И его, и меня?

— А, это ты, Кузька, — сказал енот Полоскун и осторожно провел по траве лапой, потому что он, видите ли, боялся меня раздавить. — Что это ты вечно крутишься здесь? У тебя, как видно, много свободного времени?

— Да, это я, — сказал я, — и времени у меня хватает, и я буду крутиться здесь до тех пор, пока Илья не скажет, кого она из нас на кого променяет.

— Илья, — сказал енот Полоскун, и я увидел, что он снова волнуется. — Илья, ты видишь, Кузька хочет знать.

Куница Илья оставила в покое свой хвост. Казалось, она совсем забыла о своей внешности.

— Кузька хочет знать? — сказала она и потрепала енота по голове. И хотя сказала она обо мне, енот почему-то страшно обрадовался. Он присел на свои четыре лапы и твердил одно.

— Илья... Илья... Илья...

Как будто на него напала икота.

— Кузька хороший, — сказала Илья и потрепала енота. — Кузьку я ни на кого не променяю, — сказала она и опять потрепала енота.

И енот обрадовался, и я обрадовался и уже ничего не мог тут понять.

Любит? Не любит?

Ихневмон и Циветта

— Счастливая любовь, — сказала бабочка Ванесса. — Все-таки бывает на свете счастливая любовь!

Лягушка Квакша вытянула свою короткую шею и с завистью покосилась на змею Анаконду, которая вся состояла из одной шеи и потому могла слушать в свое удовольствие!

— Это было еще в те времена, когда смельчак Ихневмон охотился на крокодилов. Крокодилы были огромные, но Ихневмон их убивал, потому что он был храбр и любил красавицу Циветту. И в честь Циветты он убивал крокодилов, в этом проявлялась его любовь.

Бабочка Ванесса тихонько вздохнула, и лягушка Квакша тихонько вздохнула, и змея Анаконда тихонько вздохнула. И Ванесса продолжила свой рассказ:

— Однажды, когда Ихневмон убил какого-то там крокодила и уже повернулся, чтобы идти дальше, он вдруг услышал у себя под ногами плач. Ихневмон наклонился и увидел в траве плачущую ящерицу Скаптейру.

— Бедная ящерица! — сказала лягушка Квакша и опять покосилась на змею Анаконду.

— Ихневмон наклонился к ней, — продолжала бабочка Ванесса, — и стал расспрашивать, не потеряла ли она чего-нибудь, потому что в траве так легко что-нибудь потерять.

«Да, потеряла, — сквозь слезы ответила ящерица Скаптейра. — Я потеряла моего крокодила. Ты сам убил моего крокодила, и ты еще спрашиваешь!»

«Это был твой крокодил? — удивился смельчак Ихневмон. — Разве крокодилы бывают чьи-нибудь?»

«Это был мой крокодил, — сказала ящерица Скаптейра. — Ты же видишь, мы с ним похожи, только он большой и в воде, а я маленькая и на суше.»

«По-моему, это достаточная разница, — возразил Ихневмон. — Почему бы тебе не найти кого-нибудь маленького и на суше?»

«Я не хочу маленького на суше, — сказала ящерица Скаптейра. — Мой крокодил был большой, и он не боялся воды. Быть может, за это я его полюбила...»

— Как это верно, — сказала змея Анаконда. Она, большая, вот так полюбила Зяблика — за то, что он был маленький и летал.

— Смелчак Ихневмон стоял над ящерицей Скаптейрой, и ему хотелось как-то загладить свою вину. И он сказал, что если ящерице обязательно нужно любить крокодила, то он ей покажет такое место, где крокодилами хоть пруд пруди. Но ящерица Скаптейра ответила, что ей не нужен другой крокодил, что она любила именно этого. И тут уже Ихневмон ничего не мог понять, потому что он не видел, чем этот крокодил отличается от всех остальных, а уж он, Ихневмон, повидал на своем веку крокодилов!

«Послушай, ящерица, — сказал Ихневмон, — мне очень жаль, что так получилось. Я бы и сам заменил тебе крокодила, но ты же видишь, я совсем не большой и живу не в воде, а на суше. И кроме того, я люблю Циветту. Ты не сердись на меня, ящерица, но я действительно очень люблю Циветту и ничего с собой не могу поделать, ты уж меня прости».

— И вот здесь начинается самое интересное. Оказалось, что смелчак Ихневмон, по которому тоскует прекрасная Циветта, ящерице Скаптейре совсем ни к чему, что если б даже он захотел заменить ей крокодила, она бы, ящерица, этого не захотела. Оказалось, что смелчак Ихневмон может убить крокодила, но заменить крокодила он не в состоянии.

Ну что ж, тут, пожалуй бы, ему и уйти, он все сказал, остальное от него не зависело. Но он был добрый, Ихневмон, ему было жаль эту бедную ящерицу, и, чтоб утешить ее, он уже был готов заменить ей ее крокодила...

Он помнил о своей Циветте, он знал, что его ждет Циветта, но не мог двинуться с места, потому что перед ним сидела эта некрасивая, плачущая, отвергнувшая его ящерица Скаптейра, и ему хотелось заменить ей крокодила. Ах, как ему хотелось заменить ей крокодила!

— Мало ли кому что хочется, — сказала змея Анаконда, которой никто не мог заменить ее Зяблика.

— Бедная Циветта! — сказала лягушка Квакша.

— В том-то и дело, что не бедная, — сказала бабочка Ванесса. — В том-то и дело, что Ихневмон вернулся к

прекрасной Циветте, и с тех пор у них счастливая любовь. Ихневмон не охотится на крокодилов, он живет со своей Циветтой и никуда от нее не отлучается. Потому что он знает: стоит ему отлучиться, и ему снова захочется заменить крокодила какой-нибудь ящерице. Ведь на свете так много ящериц и так мало крокодилов...

— К сожалению, это так, — сказала змея Анаконда. А лягушка Квакша сказала:

— Бедный Ихневмон!

Счастье свиньи Бабирусы

Ноги у антилопы Бейзы длинные и тонкие, как у Безоарова козла. Шея у нее длинная и тонкая, как у Безоарова козла. Рога у нее длинные и тонкие, как у Безоарова козла. Поэтому, конечно, Безоаров козел полюбит антилопу Бейзу.

У свиньи Бабирусы почему-то рога на носу. Такая неприятность, вместо того, чтобы вырасти на голове, рога у свиньи Бабирусы выросли на носу, и их никто не называет рогами. Их даже не называют бивнями — как у слона, а называют клыками — боже, какой позор! — просто клыками, как у волка.

Так-то вообще у свиньи Бабирусы все в норме. И приятная полнота, и короткая, совсем коротенькая щетина. Но клыки, эти клыки! В последнее время ее даже стали спрашивать:

— Скажите, вы не родственница покойного Мамонта?

Ну вот, пожалуйста. Оказывается, у Мамонта точно так же загибались клыки, только их у него называли бивнями.

— Нет, — говорит свинья Бабируса, — я не знаю никаких мамонтов, у меня нет покойных родственников, я сама по себе.

Ну почему, почему она не может быть интересна сама по себе? Почему от нее все отворачиваются, лишь только узнают, что она не родственница покойного Мамонта?

У антилопы Бейзы никто не спрашивает о родственниках, ею интересуются лишь потому, что она — антилопа Бейза. Бейза! До чего неприятное имя! То ли дело — Безоаров козел. Свинья Бабируса называла б его Безоаром.

— Мой Безоар, как ты спал?

— Превосходно, моя Бабируса.

К сожалению, все это только мечты, и никогда, никогда свињя Бабируса не узнает, как спал Безоаров козел.

— Скажите, вы не родственница покойного Мамонта?

Кто знает — может, и родственница. Но разве это что-то изменит? Разве от этого исчезнут ее клыки и на голове вырастут рога — такие, как у антилопы Бейзы? И разве от этого к ней придет ее Безоар?

Безоар... Странное, загадочное имя. Такое имя можно услышать только во сне, где и видишь, и слышишь все по-другому. И там, во сне, среди каких-то лесов, среди каких-то степей вдруг услышишь ты «Безоар!», чтоб потом, проснувшись, без конца повторять это имя.

Безоар! Безоар!

— Скажите, вы не родственница покойного Мамонта?

— Да, представьте себе. Я его ближайший потомок.

В чем дело? Почему все засуетились вокруг? И рогатые, и безрогие сбились в одно стадо, а в центре этого стада — она, свињя Бабируса. К ней подходит Муфлон. Он говорит:

— От имени всех баранов разрешите вас поздравить, а также передать привет и самые добрые пожелания.

Бык передает привет от быков, Осел — от ослов, Верблюд — от верблюдов. Кто-то преподносит букет с великолепными, крупными желудями. Кто-то разрыхляет землю, чтоб Бабирусе было удобней сидеть.

Все интересуются Мамонтом. Как он жил, как он был, как он выглядел. Да, конечно, у него были клыки. Ну и все остальное, как у свињи Бабирусы.

— Подумать только! — говорит Муфлон.

И все остальные говорят:

— Подумать только!

Все интересуются Мамонтом. Говорят, что он был больше слона, это правда? А что он ел, а чем он вообще интересовался?

— Покойный Мамонт был моим предком, — напоминает свињя Бабируса.

И тут от стада отделяется козел Безоар. Да, представьте себе, козел Безоар выходит из стада, оставив там плачущую антилопу Бейзу. Он подходит к свиње

Бабирусе и смотрит на нее — если б вы видели, какими глазами!

А свинья Бабируса смотрит на него. Боже мой, какие у него ноги, и какая шея, и какие рога! И вообще — какой он, козел Безоар!

И свинья Бабируса говорит:

— Покойный Мамонт был моим предком.

Потом они вдвоем выходят из стада, оставив там плачущую антилопу Бейзу, и идут вдвоем, и свинья Бабируса высоко поднимает свои клыки, точно такие клыки, как были у ее предка Мамонта.

И все вокруг — совсем, как во сне: и степи, и леса. И тихий голос зовет:

— Безоар!

Это голос свиньи Бабирусы.

Они идут рядом, он и она, и она смотрит только на него, а он — только на нее, если б вы видели, какими глазами! И уже ничего не слышно — ни шелеста листьев, ни птиц.

— Как ты спал, мой Безоар?

Превосходно, моя дорогая!

Счастливый Полчок

«Счастье — это палка о двух концах: один в руке, другой на загравке», — говорит крот Слепыш, и в этих словах немалая доля истины. В самый разгар блаженства непременно тебя что-нибудь стукнет по голове.

У Полчка разгар блаженства начался уже давно, но самый разгар наступил только сегодня, когда белка Векша не просто ему кивнула и не просто спросила, как дела, а когда она уселась рядом с ним, чтобы подробно обо всем побеседовать.

Кому приходилось хоть раз беседовать с белкой Векшей, тот понимает, что это такое. К этому можно готовиться всю жизнь, а потом еще всю жизнь вспоминать, но для этого нужно иметь две жизни, а когда имеешь одну и тебе все же удастся побеседовать с белкой Векшей, можешь считать, что тебе повезло. Потому что белка Векша умеет так посмотреть, что даже медведь Бурый

теряет способность шутить и говорит только: «Черт меня подери!» — а больше ничего не может добавить.

Медведь Бурый — большой шутник. Все помнят, как он завалил камнем норку Байбака, а потом сидел на этом камне и плакал, и говорил всем, что здесь похоронен его лучший друг Байбак, и все тоже плакали, что Байбак уже мертвый, а на самом деле он не был мертвый, а только камнем заваленный. Вот какую шутку отмочил тогда медведь Бурый.

А Полчка он называет не иначе как Полчок с кулачок. На кого другого Полчок бы обиделся, но у Бурого такой кулачок, что просто не стоит обижаться. Да и кому-кому, а не Полчку сейчас обижаться.

Вот он, маленький Полчок, толстенный, кругленький Полчок с кулачок, сидит и разговаривает с белкой Векшей. Бурый бы растерялся, Бурый только раскрыл бы пасть и рявкнул: «Черт меня подери!» — а Полчок вот сидит, разговаривает.

— А как у вас с орехами? — спрашивает Полчок.

— У меня нормально, — отвечает белка Векша и при этом так поворачивает голову, что Полчку стоит больших усилий не потерять нить разговора.

— С орехами нынче тяжело, — продолжает он тянуть свою нить. — Неурожай на них, что ли?

Белка Векша плохо разбирается в урожаях. Она недавно забралась на самую верхушку дерева, и оттуда ей открылся такой вид! Лес — как зеленый ковер, а потом поле — как желтый ковер, а потом озеро — как синий ковер...

Все это, должно быть, очень красиво, но Полчок боится потерять нить разговора, поэтому он говорит:

— У меня орехи еще с прошлого года. В прошлом году на них был урожай, а нынче на них нет урожая.

Они сидят на ветке рядом, и Полчку приходится сильно косить глаза, чтобы удержать в поле зрения белку Векшу. Потому что шея у него не поворачивается, и так всегда бывает после урожайного года.

«От счастья поправляются, а это уже несчастье», — говорит крот Слепыш, и Полчок с ним согласен.

— А как вы храните свои орехи? — спрашивает он у белки Векши.

Она опять вспоминает свою вершину, с которой можно увидеть все эти ковры, а Полчок скашивает на нее глаза и заранее обдумывает, что он скажет ей в свою очередь.

— Эй, Полчок с кулачок! — окликает его снизу медведь Бурый и добавляет: — Черт меня подери! — Это он заметил белку Векшу.

Медведь Бурый — большой шутник, и Полчок привык на него не сердиться. Но сейчас его шутки совсем ни к чему. Полчок вытягивается на ветке, чтобы как можно меньше походить на этот злосчастный кулачок, и говорит белке Векше, игнорируя оскорбительные слова:

— Ходят здесь... Только зря топчут орехи...

— Ах ты, Полчок с кулачок! — шутит медведь, отводя от белки глаза, чтобы сохранить чувство юмора. — Что это ты вытянулся, словно сучок проглотил? Полчок с кулачок проглотил сучок! — кричит медведь и смеется, радуясь шутке.

Полчок начинает понемножку выходить из себя: сначала из него выходит сопение, потом бормотание и, наконец, вполне членораздельные слова:

— Как дам орехом по голове! Будешь знать...

— Орехом? — смеется медведь. — Ах ты... черт меня подери! — это он не удержался и опять посмотрел на белку Векшу.

И тут белка Векша, которая так приятно беседовала с Полчком, поняла, что из них двоих только она может произвести на медведя впечатление. И она повернула голову, как она это умела, и посмотрела так, как умела только она.

Впечатление было такое, что медведь зашатался и с трудом устоял на ногах.

— Что, испугался? — обрадовался Полчок. — Вот я сейчас достану орех! — И он полез куда-то к себе за орехом.

Медведь Бурый хотел что-то еще сказать, но тут белка опять на него посмотрела. И он зажмурил глаза и побрел прочь, бормоча про себя: «Черт меня подери!..» — такое белка произвела на него впечатление.

— Если бы он не ушел, я бы, честное слово, запустил в него орехом, — сказал Полчок, когда медведь Бурый скрылся из глаз.

И опять они сидели и разговаривали, и все было так хорошо...

Но вспомните, что сказал крот Слепыш...

Белка Векша смотрела на счастливого Полчка, но почему-то виделся ей медведь Бурый. Он стоял у нее в глазах и шатался, и жмурился, и было жалко его, такого большого, и было приятно производить на него впечатление...

— Больше он к нам не сунется,— успокоил ее Полчок.

Муравей и Листоблошка

Жила у нас в лесу молоденькая Листоблошка. Молоденькая и сладенькая. К ней навещался некто Муравей, когда ее Листоблох был в командировке.

Не подумайте плохого. Все муравьи любят сладенькое, а Листоблошка это сладенькое как раз выделяла. Поест, допустим, солененькое, а выделит сладенькое. Ну, а Муравей уже тут как тут. Разумеется, если Листоблох в командировке.

Время у нас было интересное. Мы как раз сняли с работы Медведя, а на его место выдвинули муравья. Не листоблошкиного, а другого. Выбирали всеобщим тайным голосованием. Муравьев в лесу много, есть кому голосовать. Это мы только с виду молчаливые, но если тайно голосовать, тут мы перекричим любого медведя.

Для Медведя это было большой неожиданностью. Он очень сердился. Вы, говорит, у меня еще будете лапу сосать.

А муравей, которого выбрали, стал теперь Мэравей, это у него должность такая. Бегает по берлоге и не знает, куда бежать. И все вокруг него бегают и не знают, куда бежать. Только один муравей знает, куда бежать: он уже опять у Листоблошки.

Листоблошка сидит на одном листе, другим обмахивается и говорит как бы между прочим:

— Я слышала, одному из ваших дали берлогу? Такому же, как ты, муравью.

— Не муравью, а Мэравью.

— А мне все равно. Я вашего брата не различаю.

Некто Муравей даже опешил. Такое услышать в интимный момент. Но Листоблошка такая. Ей нужно очень много втолковать умных мыслей, чтоб она наконец выделила какую-нибудь глупую. Глупенькая она, Листоблошка. Глупенькая и сладенькая.

В последний свой приезд из командировки Листоблох ей втолковывал:

— Сейчас такое время, надо с умом выделять. Что-то выделить, а что-то прижать, чтоб потом из этого побольше выжать.

Некто Муравей ничего об этой политэкономии не знал, и он от души тянулся к Листоблошке:

— Сладенькая моя!

Но Листоблошка жметесь, отворачивается, прячет от него свою сладость. Говорит, что ей муж запретил выделять что-либо на сторону. В том смысле, что нужно сегодня побольше прижать, чтобы завтра побольше выжать.

Ну и стерва, подумал Муравей. Нашла где вводить рыночные отношения. Ему, Муравью, все эти листоблошки проблемы ни к чему, ему главное — принять сладенькое и отвалить, пусть без него строят свою экономику.

И отправился некто Муравей по своим делам. Оказывается, и у него были дела. Не только мэравьям в берлогах заседать да листоблохам мотаться по командировкам.

Гусь Фламинго

Ты пришла, каракатица Сепиола, прекрасная каракатица Сепиола, ты подошла к самому берегу, и вокруг тебя распространялось сияние, словно вокруг медузы Кассиопеи. И гусь Фламинго, поднявший ногу, чтоб уходить, так и замер с поднятой ногой, потому что теперь он не мог никуда уйти, потому что тот, кто раз увидел тебя, был прикован к тебе навеки.

Каракатица Сепиола, бесподобная каракатица Сепиола, ты вспыхивала и загоралась, ты переливалась удивительными цветами, и море переливалось вокруг тебя. И не было в то время ни солнца, ни звезд, на тысячи миль светилась ты одна, заменяя собой солнце и звезды. И

гусь Фламинго стоял на одной ноге, а вторая нога его была ни к чему, потому что он не мог уйти от тебя, гусь Фламинго.

Но ты не замечала его, он стоял в темноте, не решаясь войти в круг твоего сияния. Но вот он не выдержал и вздохнул.

— Кто здесь? — Ты широко раскрыла свои и без того огромные (и, конечно, прекрасные) глаза, ты вобрала в них всю ночь, но не увидела ничего, кроме ночи.

— Я вас не вижу, — сказала ты.

Гусь Фламинго не решался выйти на свет, он боялся, что, увидев его, ты уйдешь и вокруг снова станет темно, как было до твоего прихода.

— Не нужно меня видеть, — сказал гусь Фламинго.

Ты попыталась представить его по голосу. Быть может, он похож на Краба? Или на Рака-Отшельника? Скорее всего на Отшельника, раз он не хочет показываться на глаза. А может, он и есть Рак-Отшельник?

— Я вас узнала, — сказала ты. — У вас десять ног и усы, которые волочатся по земле. Что, угадала?

Нет, ты не угадала. У Фламинго было не десять, а всего две ноги, да и то одной он почти не пользовался. И усов у него не было — нет, ты ошиблась, приняв его за Рака-Отшельника.

— К сожалению, вы ошибаетесь. У меня, к сожалению, всего две ноги и усов тоже нет. Не выросли.

Ты была озадачена. Среди твоих знакомых были десятиногие, восьминогие, были и вовсе безногие, но двуногих не было среди твоих знакомых. И ты сказала, почти приказывая:

— Я хочу вас увидеть!

Ему ничего не оставалось, и он подошел. Он появился как солнце, когда оно выплывает из-за горизонта, ярко-розовое, в белом оперении облаков. Его шея была похожа на шею лебедя, а его красивые ноги были стройны и сильны, и их, двух, хватило бы на двести ног какого-нибудь Рака-Отшельника. А вместо усов у него был клык, тоже очень большой и красивый. И весь он, Фламинго, был, как огромный коралл, каких никогда не бывало на свете.

Каракатица Сепиола, прекрасная каракатица Сепиола, твои глаза стали такими большими, что ими можно

было увидеть весь мир, но мир показался тебе ничтожным и маленьким, по сравнению с гусем Фламинго. И ты смотрела на него, не отрываясь, и чем больше смотрела, тем больше теряла в себе уверенность, а вместе с нею — сияние, которое бывает лишь у тех, кто верит в себя. И так вы остались в темноте.

Гусь Фламинго исчез, ты его больше не видела, и тебе казалось, что он ушел, потому что зачем ему, красавцу, какая-то каракатица? Но он был рядом и, не видя тебя, думал, что ты ушла, потому что зачем тебе, красавице, какой-то Фламинго?

Так уж бывает, что, когда вокруг темно, очень трудно увидеть друг друга. А вокруг было темно, и море, еще недавно переливавшееся твоими цветами, ослепло;

и ветер, летевший на твой огонек, ослеп; и все вокруг тебя ослепло и, беспомощно тычась в темноту, кричало и звало на все голоса:

— Где ты, где ты, наша Сепиола?

Каракатица Сепиола, прекрасная каракатица Сепиола, ты ведь знаешь, как ты прекрасна. Вспомни об этом, и ты снова засветишься, и Фламинго появится перед тобой, большой и яркий, как солнце. И ты увидишь его, а он увидит тебя, и вам будет так светло и радостно вместе...

Потому что, как бы ни был красив твой гусь, что его красота без твоего сияния, Сепиола?

Меня называют ослом

Мой сын Мул называет меня ослом. Действительно, я осел.

Сейчас я все чаще вспоминаю старое время. В старое время я был молодым, а теперь я уже старый.

Старое время было трудное время. С утра до ночи мы грузили мешки с зерном, из которых нам не доставалось ни зернышка. Нести приходилось далеко — из амбара на станцию, — и, голодные, мы тащили эти мешки, заботясь лишь об одном — как бы не свалиться в дороге. Больше мы ни о чем не заботились. Мы были тогда молодыми.

Мы шли через город, мимо людей, которые если шли, то куда-то спешили, а если стояли, то обязательно в оче-

реди. Никто не смеялся. Никто не шутил. Старое время было грустное время.

Мы шли через город на станцию. Сколько там было улиц? Одна или сто? Все они были похожи одна на другую. Но был там переулок, такой переулок, что если в него свернуть, тебе облегчат твою ношу, отсыпят немного зерна. Да еще вдобавок накормят сеном, настоящим сеном, запах которого мы успели уже забыть. Кое-кто из наших сворачивал в этот переулок и потом всю дорогу жевал сено, стараясь подольше не проглотить, чтобы растянуть удовольствие. А я не сворачивал. Как меня ни уговаривали, как ни ругали, я шел прямо и никуда не сворачивал...

Мой сын Мул называет меня ослом. Действительно, я осел.

Позже, когда стало уже легче жить, когда можно было не так мало есть и не так много работать, я встретился с моей Лошадью. Она была стройная и красивая, она была гораздо выше меня — где мне было до нее дотянуться! Вокруг нее увивались чистокровные арабские скакуны, английские рысаки, аргмаки. Все они были стройные и красивые, но ни у кого из них не было серьезных намерений. Она этого не понимала, а я понимал. И мне за нее было обидно.

— Послушай, — говорил я ей, — плюнь ты на них. Разве ты не видишь, что для них это только забава?

А она смотрела на меня глазами, в которых каждый мог прочесть что хотел, и говорила:

— Ты хороший. Ты самый лучший из них... Но они все такие глупые!

«Нет, это ты глупая», — хотел я сказать, но не говорил, потому что она была не глупая, а просто доверчивая. И я отходил в сторону, уступая место ее скакунам, которые все прибывали и прибывали — откуда их столько бралось? Но никто из них не женился на ней, а я женился.

Мой сын Мул называет меня ослом. Действительно, я осел.

Мы поселились в одном хозяйстве, где было много всяких работ, так что на другое не оставалось времени. Каждый день нужно было что-то отвезти, что-то привезти, что-то перенести с места на место. Мы радовались,

что обзавелись хозяйством, а на самом деле хозяйство обзавелось нами, и мы уже не могли от него уйти.

Я старался работать за двоих, потому что ведь нас теперь было двое. Потом нас стало трое, и я стал работать за троих.

Иногда, возвращаясь с работы, я сталкивался в воротах с каким-нибудь скакуном, который приветливо раскланивался со мной, хотя мы были совсем не знакомы. Меня это огорчало, мне были неприятны эти раскланивающиеся скакуны, которые вели себя так, будто мы были давно знакомы. Но она говорила:

— Ты хороший. Ты самый лучший из них.

Что я мог на это ответить?

Время шло, и я уже работал за четверых, потом за пятерых. Я старался прийти попозже, чтобы в воротах ни с кем не раскланиваться. Это мне удавалось, тем более что с годами нас стали все меньше посещать — разве что приятели наших детей, которые стали уже совсем взрослыми.

Наши дети. До чего они не похожи на нас. Мы в их годы были не такими — какими-то они будут в наши годы? Мы в их годы грузили мешки с зерном, из которых нам не доставалось ни зернышка. Нести приходилось далеко — из амбара на станцию, — и, голодные, мы тащили эти мешки, заботясь лишь об одном — как бы не свалиться в дороге.

Наши дети никогда не были голодными. Мы делали все, чтобы они жили лучше нас, потому что сейчас уже не то время. И вот они выросли — наши дети, ни в чем не похожие на нас...

Мой сын Мул называет меня ослom. Действительно, я осел...

Мы с Зайцем идем на охоту

Сегодня чуть свет заглянул ко мне Заяц.

— Вставай, братец Кролик, пошли на охоту!

На охоте мне не раз приходилось бывать, но все это получалось как-то случайно. Нарвешься на собаку — и ходу, а она за тобой. Ну, и пошла охота.

— Оставь, — говорю, — я с прошлой еле ноги унес.

— Да нет, братец Кролик, я не о том. Мы сами будем охотиться. — Мы — охотиться. Вот чудак!

— Тоже скажешь... Какие из нас охотники?

— Еще какие! — говорит Заяц и разглаживает усы — это он недавно завел себе такую привычку. — Пойдем засядем в кусты, глядишь, и затравим кого-нибудь. На прошлой неделе — слышал? — во-от такого Медведя затравили.

— Медведя?

— Ну да, — Заяц почему-то начал смеяться. — Сидим мы, понимаешь, с ребятами в кустах. То-се, пятое, десятое... Смотрим, Медведь ползет. Не спеша так, видно, прогуливается. Ступит шаг — воздух понюхает, но нас не чувствует: ветер-то в нашу сторону. И тут Хорек говорит: «Трави его, ребята!»

Первым начал травить Сурок. Спрятался подальше за кустик и кричит: «Эй ты, рыжий!» Медведь идет, будто его не касается. «Рыжий! Рыжий!» — кричит Сурок. Еще немного прошел Медведь и все-таки обернулся. «Это вы меня?» — спрашивает, а сам никого не видит, потому что мы все в кустах. Только хлопает глазами да носом водит по сторонам. Потеха!

«Тебя! — кричит Хорек. — Тебя, рыжего!» — «Я вовсе не рыжий, — говорит Медведь. — Это вам показалось». — «Рыжий!» — кричит Хорек. «Я коричневый, — оправдывается Медведь. — Это только сверху немного выгорело». — Представляешь? Мы там, в кустах, прямо валимся со смеху. «Рыжий!» — кричит Хорек. «Рыжий!» — кричит Сурок.

Тут и я голос подал: «Рыжая кандала, тебя кошка родила!» А чего мне стесняться? Ветер-то в нашу сторону!

Эх, жаль, что тебя там не было, когда я ему это крикнул. Я еще тогда, когда крикнул, подумал: «Жалко, что здесь нет братца Кролика!» «Рыжая кандала, тебя кошка родила!» — крикнул я, и Медведь сразу присел, попятился. «Нет, не родила! — заревел он. — При чем здесь кошка и еще какая-то кандала?» Жаль, что тебя там не было, ты б на него посмотрел. Мы с ребятами так и покатались в кусты от смеха. «Рыжий!» — кричит Хорек. «Рыжий!» — кричит Сурок. И я тоже кричу: «Рыжий!»

Ревет Медведь, рвет на себе шерсть, будто хочет показать, какой он внутри. «Честное слово! — ревет. — Не ве-

рите, да? Чтоб я так был здоров, чтоб мои дети так были здоровы!» — «Рыжий! — кричим мы, а сами помираем от смеха. — Рыжий черт! Рыжая команда!»

И тогда, представляешь, он лег на спину и рванул шкуру у себя на груди. «Не верите? Тогда сами можете посмотреть. Снимайте с меня шкуру!»

— Ну?

— Ну и сняли. Это проще всего, когда Медведь затравленный.

Да, вот это охота. Никто за тобой не гонится, никто не преследует по пятам. Сиди себе под кустиком, отдыхай. Тут и покричишь, и посмеешься.

Пошли мы с Зайцем.

— А кого сегодня будем травить? — спрашиваю его по дороге.

— Это уж кого придется, заранее трудно сказать. — Заяц засмеялся: — Не могу забыть, как он сдирал с себя шкуру.

Когда мы пришли, ребята — Сурок и Хорек — уже сидели под кустиками.

— Значит, травим? — сказали они.

— Травим, — сказали мы с Зайцем.

Залезли мы под кустик, и все вместе стали ждать. Час ждем, два ждем — никто не появляется. Погода хорошая, солнышко не печет, и ветерок с полянки как раз в нашу сторону.

— Я пойду погляжу, — говорит Заяц. — Может, они там ходят другой дорогой?

Вышел он на полянку, вокруг походил, назад возвращается. Я уже и потеснился, чтобы место ему освободить, как вдруг слышу, Хорек кричит:

— Рыжий!

Упал Заяц на землю, по сторонам оглядывается. Но по сторонам никого нет.

— Рыжий! — кричит Хорек. А за ним и Сурок:

— Рыжий!

Только я один ничего не понимаю.

— Кого травим? — спрашиваю ребят.

— Ты что, не видишь? Вот этого! — И показывают на Зайца.

А Заяц, видно, и сам смекнул — не в первый раз на

охоте. Сидит, прикрылся ушами, а глазами водит по сторонам. Никогда я не думал, что у Зайца такие большие глаза. И круглые, как капуста.

— Это вы меня, ребята? — спрашивает Заяц и жметя к земле.

— Тебя! — кричит Сурок. — Тебя, рыжего!

Глаза у Зайца стали еще крутлей и такими большими, что в них сразу поместились мы все, со всеми нашими кустиками.

— Какой же я вам рыжий, ребята? — тихо сказал Заяц. — Я просто серый, обыкновенный, как все.

— Рыжий! — кричит Сурок.

— Рыжий! — кричит Хорек.

Никуда от них не сбежишь, не спрячешься.

— Вы же меня знаете, ребята, — объясняет Заяц, а у самого даже уши дрожат. — Я же серый, это только сверху немножко выгорело.

— Рыжий красного спросил, где ты бороду красил? — пропел Хорек, покатываясь от смеха.

— Я на солнышке лежал, кверху бороду держал! — подхватил Сурок.

— Ну что вы, какая у меня борода? — сказал Заяц, и мы все исчезли из его глаз — такими они стали мутными. — А если у меня шкура... немножко... так внутри я ж совсем не такой...

— Такой! — крикнул Хорек.

— Такой-сякой! — крикнул Сурок.

А я добавил, вспомнив, как травили Медведя:

— Рыжая кандала, тебя кошка родила!

Услышав про кошку, Заяц вскочил, но тут же снова упал на землю.

— Не верите? — крикнул он и заплакал.

Слезы текли у него по шерсти, она становилась мокрой и торчала клочьями, так что на Зайца было смешно смотреть.

И мы хором крикнули: «Рыжий!», и опять крикнули: «Рыжий!», и опять крикнули, и опять.

А он все мокрел и мокрел от своих слез, и шерсть у него все больше торчала клочьями. И он катался по земле, которая к нему прилипала, так что уже нельзя было определить его цвет.

— Не верите? — плакал он. — Почему же вы мне не верите? Ну почему? Почему?

Конечно, мы верили ему. Но охота есть охота.

Ленивец Ай

Может показаться странным и даже загадочным, как это ленивец Ай, никогда не покидавший дерева, вдруг приобрел такую известность. Но он все-таки ее приобрел, и за всю жизнь это было его единственное приобретение. Потому что ленивец Ай никогда ничего не имел и ничем не дорожил, кроме покоя.

Но покоем он дорожил.

Когда барсук Сурильо объявил всем войну, а затем начал военные действия, один ленивец Ай не покинул своего дерева. Он смотрел, как удирают лама Видуны и свинка Пекари, как они пускаются наутек и улепетывают без оглядки, но ему даже не пришло в голову позаботиться о себе. И не потому, что ленивец Ай не боялся барсука Сурильо — попробуйте не бояться Сурильо, который всем объявляет войну и затевает военные действия, — но ленивец Ай не побежал по примеру ламы Видуны и свинки Пекари потому, что не любил да и не умел бегать.

Тем временем прибыл броненосец Татупойу, который, по хитрому замыслу барсука Сурильо, воплощал в себе одновременно живую силу и технику. Броненосец Татупойу затормозил у самого дерева и стал бряцать об него своим панцирем, поднимая такой шум, какой бывает только на войне.

— Эй ты, Ай! — кричал при этом броненосец Татупойу. — Тебя что, война не касается? Ты почему не спасаешься бегством?

Бегством! Ленивец Ай знал, что если он сейчас побегит, то это будет выглядеть довольно смешно, и броненосец первый же станет над ним смеяться.

— А зачем бежать? — сказал он, переводя разговор в область абстрактной философии. — От беды все равно не сбежишь, а за счастьем все равно не утонишь.

В ответ на это броненосец дал задний ход, чтобы его было как следует видно с дерева, и опять пошел на приступ, так страшно бряцая панцирем, что ленивец Ай побежал бы непременно, если б не боялся показаться смешным.

Объявив всем войну, барсук Сурильо никак не считывал на такое серьезное сопротивление. В военных действиях должны участвовать две стороны, а если одна из них отсиживается на дереве... Как видно, ленивец Ай решил взвалить на барсука Сурильо всю тяжесть войны.

— Ладно, пускай сидит, — сказал он броненосцу Татупойу. — Но передай ему, что я его все равно победил.

— Он тебя все равно победил, — сказал ленивцу броненосец Татупойу.

Ленивец Ай не стал возражать против этого.

— Если дерево остается деревом, а земля землей, и если все остается по-прежнему, то не все ли равно, кто кого победил?

Так сказал ленивец Ай, и слова его разнеслись по лесу, потому что мысль, заключенная в них, вносила ясность в создавшееся положение.

И свинка Пекари, которая все еще бежала, с трудом поспевая за ламой Викуньей, вдруг остановилась и воскликнула:

— Но если все остается по-прежнему?!

— То не все ли равно, кто кого победил! — подхватила лама Викунья, и они побежали обратно.

Барсук Сурильо с удовольствием обнаружил в себе победителя, но деревья оставались деревьями, а земля землей — и он никак не мог доискаться, в чем же, собственно, состояла его победа? И он снова и снова гонял по лесу свою живую силу и технику, чтобы еще раз напомнить всем, что он победил:

— Вы знаете, кто победил? Вы все знаете, кто победил? — допытывался броненосец Татупойу.

— Побеждает тот, кто не ищет победы, — сказал на это ленивец Ай, которому было уже не впервой выразиться столь глубокомысленно.

И слова эти тоже разнеслись по лесу.

— Мы никогда не искали победы, — сказали лама Викиунья и свинка Пекари.

В конце концов барсук Сурильо уже и сам не мог понять, что же он здесь одержал — победу или поражение? Что же он здесь потерпел — поражение или победу?

И броненосец Татупойу ничего не мог ему на это ответить. Потому что в глубине души, если отбросить всю эту технику и оставить только живую силу, он и сам восхищался этим ленивцем Аем, который умел говорить такие замечательные слова.

Потому что, опять-таки, если отбросить всю ЭТУ технику, мудрость — это удел побежденных.

Так подумал броненосец Татупойу, подумал и тяжело вздохнул, впервые почувствовав себя победителем.

Фаза одиночества

Великое прошлое шистоцеров является залогом их великого будущего и утешением в их убогом настоящем. Мы проходим одиночную фазу развития, живем у себя под кустиками и встречаемся лишь для того, чтобы вспомнить те времена, когда несметные полчища шистоцеров, пустынной саранчи, шли по земле, превращая ее в пустыню.

— Что-то вас давно не видать, — говорит мой сосед, заглядывая ко мне под кустик.

— Да и вас не видать. Лучше всего, чтоб нас было не видать. Это для нас самое безопасное.

А ведь было время, когда шистоцеры жили локоть к локтю, плечо к плечу и умирали только в строю, на марше. Мирная жизнь нас разъединяет, а война объединяет в полки и дивизии, и тогда мы идем по земле, летим над землей и рождаемся и умираем только на марше.

— Что-то у меня ломит суставики, — говорит сосед шистоцер, заглядывая ко мне под кустик.

— А брюшко? Как у вас брюшко?

Глупейшие, нелепейшие разговоры! Мы совершенно не умеем общаться — может быть, потому, что проходим одиночную фазу развития, когда каждый у себя под кустиком, каждый сам по себе.

Тогда, на марше, шистоцеры шли в едином строю, форсируя реки, оставляя за собой безжизненные поля. Их клевали птицы, их давили машины, их жгли огнем и травили смертельными ядами, они гибли миллиардами, но никто не покинул строй. А когда вся их армия взмыла в небо, на земле наступило солнечное затмение.

И здесь, под кустиком, мы представляем, как огненной тучей взмываем над землей, мы слышим металлический звон и чувствуем себя частицей огромного механизма, все сокрушающего и несущего смерть.

— Я хотел бы умереть в строю, — говорит мой сосед, удобно расположившись под кустиком, и я понимаю: не умереть ему хочется, а жить, подольше жить, продлить эту безмятежную одиночную фазу.

— Может, еще удастся, — говорю я. — Друг мой, мы полетим с тобой вместе, локоть к локтю, плечо к плечу. И если я погибну в пути, сложу голову, обещаю, что ты расскажешь обо мне будущим поколениям.

— Я умру рядом с тобой, — говорит мой друг. — Нет, я умру вместо тебя...

Мы запеваем старую солдатскую песню. Эта песня когда-то пелась в строю, но мы поем ее у себя под кустиком. Нам не мешают чужие локти и плечи, а также чужие крылья за спиной... Такая у нас фаза. Мы в пустыне только живем, и не нам, не нам превращать землю в пустыню.

Чучело муравья

В копенгагенском зоологическом музее муравьи служат музейными экспонатами. Все остальные экспонаты — чучела, но попробуйте сделать чучело муравья! Гораздо дешевле использовать на этом месте живого.

И вот живет в музее муравей, сам живой, а работает чучелом. Не он один работает чучелом, хотя многие делают вид, что у них другая, более осмысленная работа. Потому что с чучела какой спрос? Живешь за стеклянной витриной, в государственном муравейнике. А рядом по телевизору всю твою жизнь показывают в увеличенном виде. Какой муравей может мечтать, чтоб его показывали по телевизору?

Плохо только, что свои не могут посмотреть. Они внутри витрины живут, а телевизор повернут экраном наружу. Выберется муравей из витрины, чтоб по телевизору себя посмотреть, а там зазевается, с кем-то заговорится — и поползет от витрины к витрине, разглядывая, как там настоящие чучела живут.

Ничего не скажешь, красиво чучела живут. Какое разнообразие, какое богатство природы! Тут тебе и тропики, тут тебе и арктические льды. Умеют чучела жить, умеют устраиваться. Станешь им рассказывать про свою насекомую жизнь, а они и не слышат. И головы в твою сторону не повернут. Такие важные, неподвижные. Это называется: манера держаться. Что бы тебе ни говорили, а ты как глухой. Держишь себя в руках, не поддаешься соблазну.

Все-таки быть чучелом — большое искусство. Не просто работать чучелом, а быть чучелом всем своим существом.

Говорят, такое чучело где-то работало директором музея. Прислали его экспонатом, но на месте не разобрались и зачислили на должность директора. Спихнулись, когда уже на пенсию провожали. Подошли целовать, чмок, а это чучело.

Да, по-крупному чучела живут, у нас так не умеют. Правда, по телевизору их не показывают в увеличенном виде, а что толку, что нас показывают, если мы живем в натуральную величину? У нас в жизни одно, и совсем другое по телевизору.

Правда, обещают. Если будем жить самоотверженно, беззаветно, то и нам после смерти воздвигнут чучело. Вот когда мы по-настоящему заживем!

Хотя какая это жизнь — после смерти! У нас и при жизни этой жизни пустяк, а после смерти и столько не наберется. И все же больше, чем у этих чучел, потому что у них и того нет. Жизнь красивая, а присмотришься — жизни нет. Потому что у них нет проблем, а для жизни нужны проблемы.

Была б у муравья своя отдельная семья, был бы у него личный ребенок, он бы сказал этому сопляку: жизнь — это проблемы. Мы живем, потому что у нас проблемы. И пока у нас проблемы.

А эти чучела? У них никаких проблем. Поэтому и жизни у них на муравьиный ноготь не наскребется.

Я был тарпаном

Я был тарпаном. Нас был целый табун, и мы неслись по степи, перемахивая через холмы и овраги. Земля пролетала у нас под ногами, и мы были свободны от нее, от земли, и от неба, стынувшего над головой, и от скучного долга возвращаться домой, на конюшню. У нас не было дома, у нас ничего не было, чем стоило дорожить на земле.

Мы неслись между степью и солнцем, испепеляющими друг друга вечным жаром любви, а может быть, ненависти. Мы неслись между двумя огнями, как стрела, пущенная нам вслед, или пуля, летящая нам навстречу. И на закате, когда, изнемогая, солнце и степь склонялись друг к другу, мы одни не чувствовали усталости.

Мы ничего общего не имели с мустангами, с этими в прошлом домашними лошадьми, которые отказались ходить в узде, но не смогли отказаться от многих старых привычек. Мы никогда не были домашними. Мы всегда презирали узду, даже если она была из чистого золота.

Мой друг Белогрив, который лучше меня разбирался в жизни, не раз говорил:

— У послушной скотины сена полные закрома, но ноги ее опутаны толстой веревкой. Желудок у нас один, а ног вон сколько, о чем же мы должны больше думать?

И вместо ответа Белогрив отрывал от земли свои ноги и уносился в степь, увлекая нас за собой.

Белогрив был самым лучшим из нас. Это понимали все, особенно Рыжая Кобылица.

Сейчас даже странно об этом вспоминать: Белогрива давно нет, и давно нет Рыжей Кобылицы, и из всех тарпанов остался только я, да и то этому никто не поверит. «Тарпан? — спросят? — А что это такое — тарпан?»

Но я был тарпаном! И Рыжая Кобылица — это не выдумка, потому что мы ее любили все, все до одного — до того одного, которого она любила.

И, конечно, это был Белогрив.

Та ночь застала нас посреди степи, и мы жались друг к другу, стараясь укрыться от зябкого ветра. И тут я увидел, как Рыжая Кобылица подошла к Белогриву и положила ему на спину свою красивую голову.

— Холодно? — спросил Белогрив.

— Нет, — она сказала и закрыла глаза.

— Устала? — спросил Белогрив.

— Нет, — сказала Рыжая Кобылица.

И вот Белогрив, который так хорошо разбирался в жизни, на этот раз стал в тупик.

— Тогда я не понимаю, — сказал он и замолчал.

Рыжая Кобылица не отходила от него, и голова ее была у него на спине, и глаза ее были закрыты.

Мы все, сколько нас было в табуне, смотрели на них, но никто не решился им помешать.

— А если я не могу без тебя? — сказала Рыжая Кобылица.

— Глупости, — сказал Белогрив. — Ты просто устала.

— Но ты меня любишь?

— Нет. Все это глупости.

Подумать только, что их давно уже нет — ни Белогрива, ни Рыжей Кобылицы. И какое имеет значение, кто кого любил, если их давно уже нет, если от них ничего не осталось?

Но тогда это имело значение. Тогда Рыжая Кобылица сняла голову с его спины и побрела прочь. Она уходила в степь, а мы смотрели ей вслед, и никто не окликнул ее, никто не пошел за нею.

Мы смотрели ей вслед и не сразу заметили, что за нею движутся какие-то тени. Они двигались с разных сторон, постепенно смыкаясь вокруг нее.

— Волки! — крикнул кто-то из нас, но никто не двинулся с места. Мы смотрели на нее, и сердца наши обливались кровью, потому что все мы ее любили. Все, кроме одного.

И вдруг он, этот один, сорвался с места и поскакал по степи. Он бежал так, как умел бежать только он, — почти не касаясь земли, распластав на ветру белую гриву.

Там он и погиб — рядом с нею, с той, которую не любил.

— Ты меня любишь?

— Нет. Все это глупости.

Не знаю, быть может, с тех пор нами овладел страх и нас все чаще настигали пули и стрелы. Мы уже не летели над землей, а прижимались к ней, выбирая места пониже, чтобы не так бросаться в глаза. Но нас все равно находили и все равно убивали. А потом я остался один.

Но я был, был тарпаном! Я не знал ни этой конюшни, ни этой телеги, я скакал между степью и солнцем, раскаляясь от зноя и бега и видя впереди только степь. И Белогрив — это вовсе не выдумка, и Рыжая Кобылица — не выдумка, и все мы, сколько нас было, не выдумка, не выдумка!

Все-таки когда-то я был тарпаном!

Память о Солдати́ке

Вы, быть может, помните Солдати́ка, braveго жучка Солдати́ка, который возвращался из похода к своей солдатке... Было это не то в пятьдесят шестом, не то в пятьдесят седьмом, здесь же, в наших местах. Замечательные места для походов!

По дороге он еще камень нашел. Вспомнили про камень? С виду обыкновенным камешек, но если его положить под голову и постараться уснуть... На камне трудно уснуть, но если все же уснуть, замечательные сны приснятся. Эти сны особенно хороши при плохой действительности, а действительность была плохая. И не потому, что ввели войска, хотя это тоже плохо, войска не следовало вводить, а потому что Солдатка не дождалась Солдати́ка и переехала жить к Долгоносику, который в амбаре заведовал хозяйством. И когда Солдати́к вернулся из похода, она не только не бросилась ему на шею, а наговорила грубостей, высмеяла камень, который Солдати́к принес ей в подарок, и выставила Солдати́ка за дверь.

И пошел он дальше из похода в поход, командуя сам себе: левой передней, правой передней, левой средней, правой средней, левой задней, правой задней... Потому что без команды солдат не солдат.

Дальше вы могли бы вспомнить, что Солдатик встретил юную Цикаду, которая сразу оценила его камень и поняла, какие на нем снятся сны. Она просила Солдатику остаться у нее — но не из-за камня, поверьте, не из-за камня, а из-за самого Солдатика. Солдатику хотелось остаться, и он остался бы, если б не спешил из похода в поход, поэтому он попрощался с Цикадой, оставив ей на память этот чудесный камень.

А вот что было дальше, вам не вспомнить, потому что вы этого просто не знаете. Лишившись личной жизни, Солдатик решил лишиться и остальной и уже больше не выходил из походов. Очень он в них отличился, много подвигов совершил, и когда вернулся из походов, весь в шрамах и орденах, земляки встречали его как героя.

И Солдатка встречала. Ее герой Долгоносик до того дозаведовался амбаром, что его куда-то убрали, а она осталась плакать, как Ярославна на крепостной стене... Помните Ярославну? Но это совсем другая история.

Увидев Солдатика в шрамах и орденах, Солдатка поняла, что плакала по нему, а не по Долгоносику, и, растолкав всех, кто порывался броситься Солдатику на шею, бросилась сама, причитая:

— Ах мой ми-ила-ай! Жела-анна-ай! А я ждала, ждала, все глаза проглядела!

Солдатик посмотрел на Солдатку, как смотрел когда-то в молодости. Хоть она и проглядела все глаза, но они у нее были еще довольно красивые.

— Ты ждала меня без Долгоносика? — уточнил он на всякий случай.

Какой Долгоносик? Где он видит Долгоносика? Она ждала его, как Ярославна на крепостной стене... Про Ярославну она не сказала, потому что это было совсем из другой оперы.

Услышав, что Солдатка ждала его одна, без Долгоносика, Солдатик вздохнул от избытка чувств, потом вздохнул от переизбытка чувств, а когда чувства хлынули через край, он навсегда остался у Солдатки.

Навсегда... Это только так говорится — навсегда... Еще говорится — на веки вечные, но это уже полная чепуха.

Словом, живут, хлеб жуют. Солдатка заботится о Солдате, чистит его орден и носит показывать соседкам. А вокруг трубят походные трубы, зовут в походы Солдатика. Но Солдатка так плотно окружила его заботой, что ему никак не вырваться. Да и жалко Солдату. Как она будет без него? И без него, и без Долгоносика...

Но не может Солдатык жить без походов. Изю всех сил старался, но не смог.

Похоронили его у дороги, по которой он уходил в поход. Постояли, поплакали и разошлись.

А когда все разошлись, пришла к Солдатыку Цикада. Помните Цикаду? Приволокла Цикада камень, который когда-то Солдатык ей подарил, и положила у него в головах: пусть ему там хорошие сны приснятся.

Волшебная сказка

Жил-был добрый волшебник. Он мог превращать песок в сахар, а простую воду в молоко, но он ничего этого не делал, так как был убежден, что чудес на земле не бывает.

Пошел он однажды на край света. Пришел, свесил ноги через край и сидит, смотрит вниз — на звезды и луну, на разные планеты.

Вдруг добрый волшебник почувствовал, что рядом с ним кто-то стоит. Он скосил глаза и увидел петуха, который пристроился на самом краю и преспокойно клевал звезды.

— Что ты делаешь! — забеспокоился добрый волшебник. — Ведь так мы останемся без звезд. — Петух перестал клевать.

— И правда, — сказал он, — мне это как-то не пришло в голову. Но согласитесь — здесь же больше нечего клевать.

— А зачем ты забрел на край света? — спросил добрый волшебник.

— У меня просто не было другого выхода, — сказал Петух. — Так сложилась жизнь — ничего не поделаешь.

Доброму волшебнику захотелось узнать, как складывается жизнь у петухов, и Петух охотно ему рассказал.

Оказывается, он вовсе не был петухом. Он был таким же человеком, как добрый волшебник, только помоложе. Петух даже уверял, что у него была жена, очень красивая женщина, которую он любил больше всего на свете. Он так любил свою жену, что друзья стали над ним посмеиваться.

— И вот один из них, — сказал Петух, — колдун по образованию, превратил меня в петуха... И теперь мне нравятся все курицы... — Петух опустил глаза. — Вот поэтому я сбежал на край света.

— Если бы меня кто-нибудь расколдовал, — закончил Петух. — Я мог бы вернуться к своей жене и опять жить по-человечески...

— Да, если бы, — вздохнул волшебник. — Но чудес не бывает. Так они сидели на самом краю света и говорили о жизни. Потом волшебник спохватился:

— Однако что же мы здесь сидим? Надо идти устроиться где-нибудь на ночь.

Они шли по краю света, как по берегу большой реки. То и дело Петух окликал волшебника:

— Посмотрите, какая хорошенькая курочка! — и тут же начинал себя стыдить: — Ах, какой я все-таки... Бессовестный, непутевый...

Поздно вечером набрали на берлогу медведя.

— Заходите, — пригласил Медведь, — хотя угощать особенно нечем. На краю света с продуктами — сами понимаете...

— А как ты попал на край света? — спросил добрый волшебник.

— Можно и рассказать, — сказал Медведь, усаживая гостей. — Это целая история.

— Дело в том, что я не медведь, а петух, — сказал Медведь. — Я пел и зарабатывал довольно неплохо. Было у меня вволю и пшеницы, и овса, и кукурузы... Это так чудесно — быть петухом, — вздохнул Медведь и посмотрел на Петуха, ища сочувствия. — Если бы не мед, я бы и сейчас жил, горя не зная...

— Какой мед? — спросил волшебник. — Ты же говорил о зерне.

— Да, зерна у меня хватало. Но мне захотелось меда. Я много слышал о нем, и, понимаете... мы же никогда не

довольны тем, что имеем... И вот однажды, когда стемнело, я забрался на пасеку...

Медведь замолчал. Ему было совестно рассказывать о том, что произошло дальше. Но раз уж начал — надо до-сказать.

— Осторожно, чтобы не разбудить пчел, я залез в улей и стал пробовать мед. Он оказался совсем невкусным, но я столько о нем наслышался, что уже не мог себя удерж-жать. Я уплетал мед за обе щеки и уже подумывал, как бы утащить с собой улей, но вдруг почувствовал, что со мной что-то происходит.

Медведь отвернулся и стал сморкаться в тряпочку.

— Можете себе представить, — продолжал он, — пер-ья и крылья мои куда-то исчезли, а вместо них появи-лась шерсть и вот эти лапы. И самое главное — я потерял голос. Вот послушайте.

Медведь заревел так, что все вокруг содрогнулось.

— Нет, ничего, голос как будто есть, — робко заметил волшебник, но Медведь только лапой махнул:

— Э, разве это голос! Вот прежде было...

Медведь попробовал показать, что у него было преж-де, но опять заревел и смутился:

— Нет, не получается. Эх, если б мне опять петухом стать!

— Ничего не поделаешь, — вздохнул добрый волшеб-ник. — Чудес не бывает.

— Привет честной компании, — послышалось сверху, и в берлогу заглянул Человек.

— Ты кто? — покосился на него Медведь. — Часом не охотник?

— Да нет, какой из меня охотник, — сказал Человек. — Я и не человек вовсе. Медведем родился, медведем и со-старился. Да вот на старости лет захотелось стать чело-веком. Человеку, думал, легче, человеку и пенсию дают. Только вижу теперь — ох, нелегкое это дело быть чело-веком! Вот и хожу, ищу — кто бы меня опять в медведя пе-реколдовал.

Волшебник покачал головой:

— Чудес не бывает...

Сидят они в медвежьей берлоге, а настроение у всех — ой, невеселое!

— Эх, кабы мне быть человеком! — сокрушается Петух.

— Кабы мне быть петухом! — вторит ему Медведь.

— Кабы мне быть медведем! — вздыхает Человек.

Надоело это все доброму волшебнику, не выдержал он и крикнул:

— А, да будьте вы все, кем кто хочет!

И тотчас же стали все, кем кто хотел, потому что пожелал этого не кто-нибудь, а волшебник. Петух стал человеком. Медведь — петухом. Человек — медведем.

Посмотрел волшебник — сидят в берлоге петух, медведь и человек — и вздохнул:

— Я же говорил, что чудес не бывает!

Но компания и та, и словно уже не та. Ободрились все, повеселели.

Петух песни поет.

Медведь лапу сосет, другой лапой закусывает.

А человек просто так сидит, улыбается.

«Что с ними произошло? — удивляется волшебник. — Неужто и вправду случилось чудо?»

Но недолго ему пришлось так раздумывать. Вот уже и петух перестал петь, и медведь оставил свою лапу, и человек улыбаться перестал.

— Эх, — вздохнул петух, — благое дело быть медведем. Залезть в берлогу, лапу сосать...

— Нет, — возразил медведь, — человеком все-таки лучше...

А человек ничего не сказал. Он только посмотрел на петуха и задумался.

 ивет на свете Баобаб...

Живет на свете Баобаб — как ободрение всем живущим.

За свои пять тысяч лет он многое повидал: рождение и гибель держав, величие и падение фараонов. Ураганы, несущие смерть. Потопы, несущие смерть. Пожары, несущие смерть. Дикие табуны и дикие орды...

Но — живет на свете Баобаб. Как ободрение всем живущим.

Его рубили, ломали и жгли, с него сдирали кожу — с живого. Его пытались сломать, пытались согнуть — но как его согнешь, когда у него тридцать метров в объёме? Были землетрясения, все вокруг сотрясалось, а он стоял, как положено стоять тем, кто намерен простоять тысячелетия. И все, что было срублено, содрано с него — отросло.

Пожары прожгли его насквозь, выжгли самую сердцевину. Но он все равно живет. И цветет. Когда отцвели державы и фараоны, и пожары и потопа, и дикие орды и табуны — он все равно цветет, он живет. И даже не затвердел от всех этих испытаний.

Нет, он не затвердел, древесина у него мягкая, недаром ее любят жевать слоны. Баобаб не возражает: пускай жуют, всю не съедут — все-таки тридцать метров в объёме. А из коры его выют веревки, и он тоже не возражает: новая кора отрастет. И плоды новые отрастут, и листья новые отрастут, хотя вечно их кто-нибудь объедает.

И — живет на свете Баобаб. Как ободрение всем живущим.

Пан Пратхавец

Есть в Польше город, и в этом городе есть дом, в котором помнят о пане Пратхавце. Больше о нем уже нигде не помнят. Потому что в жизни все забывается, и странно думать, что пан Пратхавец мог стать каким-нибудь исключением.

О нем тоже забыли — и все. Пшепрашам, пане, не впадайте в отчаянье, не сердитесь, пане, как вас там зовут?

Но есть в Польше город, и в этом городе есть дом, в котором помнят о пане Пратхавце.

— О, пан Пратхавец! — говорят в этом доме. — Это замечательный пан. В свое время о нем писали во всех учебниках зоологии. И это ничуть не вскружило ему го-

лову — нет, нет, пан Пратхавец не из тех, он принципиально не читает учебников!

О нем говорят: пан Пратхавец — это рыцарь на белом коне. Помните, как он полюбил прекрасную Гирудину и ушел за ней на край света? Он оставил все — нужно побывать в Польше, чтобы понять, как много он здесь оставил. Он оставил этот лес с высокими, прямыми, как мачта, деревьями, каждое из которых растет само по себе, вежливо ни с кем не соприкасаясь и чутко оберегая свою независимость. Он оставил землю, по которой привык ходить, и небо, которым привык любоваться. Он оставил любимый город Краков с его шумной торговой площадью и старой божницей Казимежской. Потому что пани Гирудина была необыкновенная пани, и о ней тоже писали в учебниках зоологии.

Это случилось так.

Пан Пратхавец возвращался домой после битвы, которую вели между собой брюхоногие и головоногие. Пан Пратхавец не принадлежал ни к тем, ни к другим, но он любил битвы и всюду, где мог, принимал в них участие. Головоногие победили брюхоногих, доказав тем самым, что сила не в брюхе, а в голове, хотя на самом деле сила была в пане Пратхавце. Это он воевал за головоногих, и это он победил.

Пан Пратхавец ехал на своем белом коне, держа путь на Краков, где ему готовился пышный прием в Королевском дворце. (Вы были в Королевском дворце? Красиво, хотя, правда, уже не то: слишком много экскурсоводов).

И вот где-то в пути, не доезжая до Кракова, пан Пратхавец встретил прекрасную Гирудину.

Она сидела у дороги и обрывала клевер, тот самый, о котором польский мудрец сказал, что если всю землю засадить клевером, можно сделать счастливыми всех людей. Гирудина сидела и обрывала клевер, потому что тоже хотела быть счастливой.

Пан Пратхавец окинул взглядом клеверные поля и сразу нашел то, что нужно.

— Ах! — сказала прекрасная Гирудина и, потому что клевер уже начал действовать, добавила: — Я такая счастливая!

Пан Пратхавец хотел тоже что-то сказать, но пауза была слишком короткой.

— Я вас люблю, пане Пратхавец, — сообщила Гирудина. — Я вас люблю больше, чем любила Омара, Кальмара, а также Трепанга, Камбануса и Плавунца.

— И вы действительно любили всех этих панов? — деликатно осведомился пан Пратхавец.

— Ах, пане Пратхавец, не будем о них вспоминать! Это была не любовь, это было сплошное разочарование. Пан Омар оказался глуп, как Кальмар, пан Кальмар холоден, как Камбанус... Об остальных и говорить нечего...

Пан Пратхавец, который привык быть в первых рядах, вдруг почувствовал себя в самом конце длинной очереди. Он хотел сесть на коня и уехать, но... Белый конь жевал клевер и был счастлив. Гирудина жевала клевер и была счастлива. Пан Пратхавец сорвал себе листок клевера и посадил на коня прекрасную Гирудину.

Пан Пратхавец! Где ты, пан Пратхавец?

— Здесь я! — пан Пратхавец вылез из-под камня, под которым дремал последние два часа, и устался на свою подругу. — Ну, чего тебе?

Прекрасная Гирудина была особенно прекрасна в гневе, и, кажется, она понимала это.

— Чучело, — сказала она. — Ты посмотри, на кого ты похож!

Нет, пан Пратхавец не был ни на кого похож, он всегда отличался своей индивидуальностью.

— Не сердись, — сказал он, когда любой другой сказал бы на его месте: «Заткни глотку!», и, вместо принятого в подобных случаях: «Старая ведьма», добавил: — Родная моя!

— Идиот! — сказала пани Гирудина.

На это можно было бы многое возразить, но пан Пратхавец молчал, утверждая свою индивидуальность.

Ну и что? Что с того, что прекрасная Гирудина, за которой он забрел на край света, оказалась обыкновенной пиявкой (впрочем, о ней так и написано в учебниках зоологии, но пан Пратхавец учебников не читал)?

Стоит ли из-за этого выходить из себя? И если жизнь не удалась и в будущем нет никакого просвета — стоит ли из-за этого портить себе настроение?

Нет, не стоит — решил пан Пратхавец и полез под свой камень.

Все далеко. И то, что еще близко, тоже уже далеко. И никому нет дела до пана Пратхавца, никто даже не помнит о нем...

И все же есть один город, и в этом городе есть один дом, в котором помнят о пане Пратхавце.

В этом доме живет мой друг физиолог, который знает о животных столько, сколько знают одни физиологи. Но он ничего не знает о пане Пратхавце. О пане Пратхавце знает его дочь.

Нас было трое в машине, и была ночь, и мой друг физиолог старался не уснуть у руля, изо всех сил борясь с собственной физиологией.

— Вы слышали о пане Пратхавце? — спросила девушка. И тут она мне о нем рассказала.

— Пан Пратхавец — рыцарь на белом коне. Это ничего, что он маленький рыцарь и конь у него маленький. А может, у него и вовсе нет коня, но все равно он рыцарь на белом коне, потому что такой у него характер. Он победил самого Мечехвоста — этого, знаете, из ракообразных?

Рыцари, рыцари, и каждый на белом коне. Они бродят по дорогам, протоптанным много столетий назад, заезжают в замки, поднимая их из развалин.

— Они встретились на берегу моря, — сказала девушка, — и пан Пратхавец крикнул: «Эй, Мечехвост, вызываю тебя на поединок!» Ракообразный Мечехвост попятился, трусливо размахивая своим мечом. «Оставьте, пан Пратхавец, — взмолился он, — зачем нам ссориться?» — «Нет, — сказал пан Пратхавец, — я не оставлю, и я буду ссориться, потому что ты такой-сякой ракообразный и мне противно на тебя смотреть!»

«Не связывайтесь со мной, пане Пратхавец, — попросил Мечехвост. — Я ведь, видите, какой большой, и панцирь у меня есть, и все такое. Подумайте о себе, пане Пратхавец!»

Но пан Пратхавец не стал думать о себе. Он вырвал у Мечехвоста меч и занес над его головой.

«Ах, пане Пратхавец, зачем вы это делаете? Не жалее-те себя, хоть меня пожалейте!»

И тогда пан Пратхавец его пожалел.

«Ладно, живи, — сказал он, — только больше мечом не размахивай».

«Я не буду, — сказал Мечехвост. — Я теперь стану совсем другим. Вот увидите, пане, теперь вы меня не узнаете!»

— Въезжаем в Торунь, — сказал мой друг физиолог. — Красивый город, жаль, что не сможешь его рассмотреть.

Я напряженно всматриваюсь в темноту, и передо мной вырастает красивый город Торунь. В центре старинная крепость с бойницами, окруженная рвом, на крепостных башнях перекликаются часовые. А вон там, в окне, сидит молодая полячка и выглядывает кого-то — откуда? Может быть, с прошлой войны?

Не знаю, хорошо ли я рассмотрел город Торунь. Было темно, и, возможно, я увидел совсем не то, что было в действительности.

Мы едем дальше. Мой друг рассказывает мне о Леце, замечательном польском юмористе. «Лец» по-древнееврейски означает паяц — такую маску избрал для себя писатель. На самом деле юмор его очень серьезен и глубок, и в нем мало веселого. Не подпрыгивай высоко, — предупреждает Лец, — иначе из-под тебя могут утащить землю.

Мы едем дальше, осторожно подпрыгивая на ухабах. И свет наших фар рассекает ночь подобно мечу, который вырвал у врага пан Пратхавец.

Пан Пратхавец лежал под своим камнем и думал о жизни. Что можно думать о жизни? Ну вот, думал он, по-года снова испортилась. А, да бог с ней, с погодой, не в ней счастье.

Гирудина возится по хозяйству. Она встает рано утром и сразу начинает возиться. И возится целый день, до позднего вечера. Пускай. Пан Пратхавец не собира-

ется ей мешать. Сам-то он понимает, что не в хозяйстве счастье.

Пан Пратхавец выбирается из-под камня и идет к соседу Мечехвосту. Препротивный тип, смотреть не хочется, но ведь в конце концов можно и не смотреть. Просто посидеть, поговорить по-соседски.

— Добрый день, пане, — говорит сосед Мечехвост, — чудесная погода, не правда ли?

— Правда, — соглашается пан Пратхавец, не желая по пустякам вступать в спор.

— Как жизнь? — спрашивает сосед Мечехвост.

— Спасибо, не жалуюсь.

— И напрасно. С такой пиявкой, как ваша, трудно прожить, не жалуюсь.

— Ну что ж, — вздыхает пан Пратхавец, внутренне не соглашаясь. Ему не нравится, как Мечехвост называет его Пирудину, да и вообще вмешивается в его жизнь. Жизнь как жизнь, не в ней счастье.

— Такие наши дела... — говорит пан Пратхавец, отводя глаза, потому что ему противно смотреть на соседа.

Мой друг физиолог едва не налетает на столб, который, воспользовавшись темнотой, каким-то образом убежал на середину дороги. После этого мы все молчим, общими силами стараясь не сбиться с курса.

Я думаю об этой стране, о которой прежде знал только по книгам. О стране гордых рыцарей, воевавших от моря до моря. Но рыцари ушли, оставив в музеях свои доспехи, а по музеям ходить не хочется — слишком уж там все мертво.

Я не бываю в музеях. Я просто хожу по этой земле, дышу этим воздухом. Иногда забредаю в пустые костелы, до того величественные, что хочется молиться — только не знаешь, кому.

Меня занимают названия. Кафе «Под орлом», парикмахерская «Фигаро» — в честь знаменитого цирюльника из Севильи, клуб Тринадцати муз. Почему тринадцати? На этот вопрос никто не может ответить. Ну, девять официальных, плюс музы кино, живописи, архитектуры. А тринадцатая? Возможно, это и есть муза туризма, муза дальних странствий, как ее принято называть?

— Проше пана, цо то ест за брама?

— Брама портова, — подбираю я польские слова, вместо того, чтоб поговорить по-русски с русским человеком.

Всюду туристы. Они ходят за экскурсоводом, как дети за фребеличкой, — то разбредаясь по сторонам, то опять собираясь в кучу. Они слушают и, плохо понимая язык, пытаются уловить интонацию. Вот этот замок, судя по интонации, относится к пятнадцатому веку, а этот — к четырнадцатому...

В Мендзиздрое босой швед заедает пиво буханкой хлеба. Он очень общителен, но не знает польского языка. И тогда, чтоб как-то наладить контакт, швед поет для поляков на французском языке русскую песню «Я люблю тебя, жизнь».

Варшава...

Между Дворцом культуры и науки и остальным городом на первый взгляд нет ничего общего, но на самом деле между ними существует определенная связь: с башни Дворца видна вся Варшава — со всей Варшавы видна башня Дворца.

Я не поднимался на эту башню, чтобы посмотреть на Варшаву сверху, — мне кажется, что любой взгляд сверху искажает действительность. Я смотрел на Варшаву с улиц, и дома не заслоняли мне города, потому что и они ведь были Варшавой. И колонна Зигмунта была Варшавой. И киоски «Ruch» были Варшавой.

Памятник героям гетто закрыт на ремонт. Он окружен решеткой лесов, и герои словно бы рвутся выйти из за решетки, чтобы напомнить о себе живым.

Памятники нуждаются в ремонте. Памятники смертны, как люди. И что было бы с памятниками, если бы их не поддерживала бессмертная память людей?

Фредерик Шопен. Он сидит свободно, и даже камень не сковывает его. Огромный, но совсем не величественный. Лысый толстяк с портфелем — величественный, но далеко не огромный — фотографируется на фоне Шопена, вернее, внизу, у пьедестала, с трудом доставая до ног. Небольшие люди должны бы иметь при себе постаменты.

— Скоро Быдгощ, — говорит мой друг, — там и заправимся.

Пан Пратхавец спешит на службу. Он работает у Тритона, который совсем не разбирается в делах, и за него разбирается в делах пан Пратхавец. Но он старается делать вид, что не очень разбирается, во всяком случае — хуже пана Тритона. Иначе можно потерять место, а кто тогда будет содержать Гирудину? Конечно, Гирудину найдется кому содержать, но хотелось бы, чтобы это был он, пан Пратхавец.

— Ну, что там у нас в болоте? — спрашивает его Тритон, плохо разбираясь в делах.

— В болоте как в болоте, — отвечает пан Пратхавец, хорошо разбираясь в делах.

— А как вам понравилась моя идея? — спрашивает Тритон, имея в виду идею пана Пратхавца.

— Очень понравилась, — отвечает пан Пратхавец, имея в виду то же самое.

Потом он садится и начинает служить. Он пишет письма, которые подпишет потом Тритон, и сочиняет указания, которые получит потом от Тритона. А в перерыве между письмами и указаниями он вспоминает город Краков, в котором его принимали в Королевском дворце. Кажется, он приехал туда на белом коне. На белом или на каком-то другом? Теперь уже трудно припомнить...

История — моя поздняя любовь, в школе мы с ней не понимали друг друга. Я не выносил этих деятелей, которых нужно запоминать вместе с датами рождения и смерти, а также значением, которое они имели для последующих деятелей. Может быть, человек, который не имеет еще своего прошлого, не способен вообще думать о прошлом?

Теперь я люблю прошлое. Прошлое — это будущее, которое уже позади. Это пройденный материал, который надо всегда повторять, чтобы правильно усваивать новое. Краков — это история. Освенцим — это история. На старом еврейском кладбище в Кракове стоит большая стена, сложенная из осколков разрушенных гитлеровца-

ми надгробий. На каждом осколке — обрывки слов: память умершим и поруганным. Кому полслова, кому одна буква... Эта стена — тоже история...

Щецин. Польский город, который долго принадлежал Пруссии. Метрового роста слова: МЫ СЮДА НЕ ПРИШЛИ, МЫ СЮДА ВЕРНУЛИСЬ. В Щецине мне показали дом, в котором жила принцесса Ангальт-Цербстская — до того, как стала русской царицей Екатериной II.

Новый Старый город, построенный на месте разрушенного в войну Старого города. Никто не даст ему его лет, от него веет действительной стариной, которая в данном случае предпочтительней молодости. Потому что старина — это история...

Быдгощ давно позади, ночь позади — она сошла на какой-то там станции. И сразу стало видней — и смотреть, и думать...

— А все же этот Пратхавец никчемный тип. И Гирудина его вздорная баба...

— Ну что вы, как можно так говорить? Вы совсем не знаете пана Пратхавца!

Пан Пратхавец — это рыцарь на белом коне. Он воевал за свою страну, защищая ее от иглокожих и двоякодышащих. А потом пришли рептилии, которые задумали всех превратить в пресмыкающихся. Они опутали землю колючей проволокой, и пан Пратхавец оказался с той, внутренней, стороны. Но он все равно боролся.

Сейчас он далеко и, наверно, тоскует по своей стране, по своему любимому городу Кракову. Он вспоминает, как бродил по его улицам, когда все уже спали, а он не хотел уснуть, потому что для этого нужно было закрыть глаза — а как закрыть глаза перед такой красотой? Может быть, сейчас в той, чужой стороне он затевает войну с хищными иглокожими, может, спасает беззащитных моллюсков, которые сами не могут за себя постоять?

Мне стыдно. Я действительно плохо подумал о пане Пратхавце. Нет, он не дружит с Мечехвостом и не служит Тритону, он воюет с ними, как подобает благородному рыцарю.

Пан Пратхавец, рыцарь на белом коне. Это ничего, что о нем пишут в учебниках зоологии. Ведь когда дело идет о доблести, о верности и любви, нельзя слишком доверять зоологии. В конце-то концов не в ней счастье.

Вернемся
к нашим
баранам

Вернемся к нашим баранам

Муравей

— Почему вы не носите очки? — спросили у Муравья.

— Как вам сказать... — ответил он. — Мне нужно видеть солнце и небо, и эту дорогу, которая неизвестно куда ведет. Мне нужно видеть улыбки моих друзей... Мелочи меня не интересуют.

Мрудный цыпленок

Не успел Цыпленок вылупиться, как тотчас получил замечание за то, что разбил яйцо. Бог ты мой, откуда у него такие манеры? Очевидно, это что-то наследственное...

Петух-массовик

На штатную должность в курятник был назначен Петух-массовик.

Это был дельный, опытный Петух. В свое время он подвизался в качестве штатного поэта в популярной газете «Быка за рога», потом возглавлял какую-то спортивную организацию, и вот теперь, в связи с развернувшейся кампанией за повышение вылупляемости цыплят, был брошен в курятник.

Петух собрал вокруг себя наседок и принялся разучивать с ними песню. Куры, взявшись за крылышки, ходили по кругу и пели:

Мы выполним, высидим долг до конца,
Яйцо — нашей жизни опора.

И если наседка уйдет от яйца —
Она не уйдет от позора!

Культурно-массовая работа была в разгаре.

Правда, куры с трудом выкраивали минутку, чтобы посидеть на яйце; правда и то, что цыплят с каждым днем вылуплялось все меньше.

Но это был единственный недостаток успешной борьбы за повышение вылупляемости.

Комариная ночь

В комариную ночь
Мне сказал мой малыш,
Раскрывая большой
Комариный секрет,

Отчего комары,
Комариную тишь
Протыкая насквозь,
Прилетают на свет.

Вы не смейтесь, пожалуйста,
Будьте добры!
Все великие истины
Очень просты.

Отчего они к свету летят,
Комары?
Потому что боятся они
Темноты.

Почему кошка не любит купаться

Из тех, кто живет на суше, самый большой — слон.
Он весит столько, сколько весят два бегемота, каждый
из которых весит столько, сколько весят три буйвола,
каждый из которых весит столько, сколько весят четы-

ре лошади, каждая из которых весит столько, сколько весят пять баранов, каждый из которых весит столько, сколько весят двадцать пять кошек.

Допустим, кошка весит два килограмма. Теперь легко подсчитать, сколько весит слон. Чтобы уравновесить одного слона, понадобится не меньше трех тысяч кошек.

А чтобы уравновесить одного кита, понадобится двадцать пять слонов.

Переведем слонов в кошки. Что у нас получится?

Чтобы уравновесить одного кита, понадобится семьдесят пять тысяч кошек.

Таких тяжелых животных на суше не водится. В отдельности семьдесят пять тысяч кошек набрать еще можно, но животное водоизмещением семьдесят пять тысяч кошек можно встретить только в воде.

Почему только в воде? Потому что в воде все кажется легче.

Когда слон погружается в воду, он чувствует себя таким легким, как бегемот. А когда бегемот погружается в воду, он чувствует себя таким легким, как буйвол. А когда буйвол погружается в воду, он чувствует себя таким легким, как лошадь.

Обратите внимание: и слоны, и бегемоты, и буйволы очень любят купаться. Им хочется придать себе легкости.

А кто у нас не любит купаться? Ну-ка давайте вспомним: кто у нас не любит купаться?

Кошки! Больше всего не любят купаться кошки!

И это понятно: какие-то два килограмма — это не вес. Зачем кошке купаться, когда она и без того легкая?

Хитрая кошка

Бежит Мышка по коридору, вдруг кто-то ее цап за шиворот! Скосила Мышка глаза, зажмурилась и решила сделать вид, будто она не узнала Кошку.

— Скажите, пожалуйста, вы не видели Кошку?

Кошка опешила:

— А вам что, нужна Кошка?

— Д-да, — пискнула Мышка.

«Что-то тут не то, — подумала Кошка. — На всякий случай правды говорить не следует».

— Кошка сидит в кабинете, — схитрила Кошка. — Она там всегда сидит... У нее там работа.

— Может, мне ее там поискать? — предложила Мышка, не совсем уверенная, что ее отпустят.

— Что ж, поищите, — разрешила Кошка, а про себя подумала: «Беги, беги, так ты ее и найдешь! Вот так дураков учат!»

Побежала Мышка. Сидит Кошка, ухмыляется: «Ай да я, ай да Кошка! Хорошо Мышку за хвост провела!»

А потом спохватилась: «Как же так? Выходит, я ее за здорово живешь отпустила? Ладно, попадешься ты мне в другой раз!»

И в другой раз попалась Мышка.

— Ну как, нашли вы тогда Кошку? — спросила Кошка, зло радуясь.

— Да, да, не беспокойтесь, — заторопилась Мышка, а сама так и смотрит, куда бы улизнуть.

«Ну, погоди, — решила Кошка. — Сейчас я тебя поймаю!»

— Значит, Кошка в кабинете сидит?

— В кабинете.

— И вы можете ее привести?

— М-могу...

— Ну-ка приведите.

Побежала Мышка.

Час прошел, и два, и три — нет Мышки. Конечно, где ей Кошку привести, когда Кошка — вот она! — здесь сидит.

Хорошо Кошка Мышку обхитрила!

Задумчивый разговор

Козел горячился:

— Тоже придумали! Слыхано ли дело — не пускать козла в огород?

Баран был холоден.

— Забор поставили, — горячился Козел. — Высокий забор, а посредине ворота...

— Что? — оживился Баран. — Новые ворота?

— Не знаю, какие они там: новые или старые.

— Вы что же, не рассмотрели?

— Отстаньте, — холодно бросил Козел. — Какое это может иметь значение?

— Ну как же не может? Ну как же не может иметь? — горячился Баран. — Ну как же это не может иметь значения?

Козел был холоден.

— Если не ворота, — горячился Баран, — тогда зачем все? И зачем тогда городить огород?

— Да, да, зачем? — загорелся Козел. — Я то же самое спрашиваю.

— Я не знаю, — пожал плечами Баран.

— Нет уж, скажите, — горячился Козел. — Вы мне ответьте: зачем городить огород?

Баран был холоден.

— Вот так, нагородят, — горячился Козел, — не пролезешь ни в какие ворота.

— Ворота?..

Баран горячился — Козел был холоден. Козел горячился — Баран был холоден. И до чего же приятно: встретиться вот так, поговорить о том, что волнует обоих.

Выбор профессии

Было тихо.

Было темно.

В темноте — сквозь окно — светились желтые зрачки звезд.

В тишине — за окном — притаились какие-то шорохи.

Мышка сказала:

— Когда я вырасту большой, я обязательно стану кошкой...

Жизнь жука

Известный миру жук-рогач
Был в молодости жук-прыгач
И прыгал беззаботно.
Хоть утверждают знатоки,
Что вряд ли прыгают жуки,
Но молодому все с руки —
Скачи куда угодно.

В семейной жизни жук-рогач
Был жук-строгач и жук-ругач,
Своих детишек жучил
За то, что дети — рогачи,
За то, что дети — прыгачи,
За то, что эти сморкачи
Отца родного учат!

Теперь состарился рогач.
Теперь он просто жук-брюхач,
Уж тут похвастать нечем.
Он не ругает прыгачей,
Он не ругает сморкачей,
Ругает он одних врачей
За то, что плохо лечат.

Муха

Возле зеркала все время крутились какие-то люди, и Мухе захотелось узнать, что они там увидели. Дождавшись, когда все разошлись, Муха подлетела поближе и заглянула в зеркало.

— Подумаешь! — презрительно фыркнула она. — Обычная муха, я ее даже, кажется, где-то видела.

Муха призадумалась.

— Но что-то они все-таки в ней нашли. На меня небось и внимания не обращают, а на нее...

И Муха еще раз посмотрела в зеркало — теперь уже с уважением.

Зайкины рога

Стащил Зайка в огороде морковку. Идет, а навстречу ему Козел.

— Эй, Заяц, продай морковку!

— А сколько дашь?

— Да у меня, видишь ли, нет ничего — только рога.

Подумал Зайка: рога — это тоже неплохо. Можно и забодать кого при случае.

— Ладно, давай рога.

— Они не снимаются, — объяснил Козел, — но я здесь буду, никуда не уйду.

— Ладно, — говорит Зайка, — сиди здесь. А я побегу, еще себе морковку добуду.

Побежал Зайка в огород, а там Волк. Сидит, нюхает морковку.

— Дяденька, дяденька, — просит Зайка, — продай морковку!

— А сколько дашь?

— Дам рога, — обещает Зайка. — Хорошие рога, крепкие.

Смеется Волк.

— Откуда же у тебя, у Зайца, рога?

— Есть рога, есты! — клянется Зайка. — Они вон там, за кустом. Правда, вместе с Козлом... если не возражаете...

— С Козлом? — оживился Волк. — Ну что ж, это подходит.

Побежал Волк, сожрал Козла, а Зайка остался со своей морковкой. И неловко Зайке, что так получилось, да что поделаешь? Его, Зайкиной, вины здесь нет, он ведь за что купил, за то и продал...

Будни Тушканчика

Орлу нужно небо.

Киту нужно море.

Козлу нужны горы.

А Тушканчику нужна норка. Отдельная норка. Остальное его мало интересует.

Правду сказать, на все остальное у Тушканчика просто нет времени. У него в его норке — дел, дел, неизвестно, когда их переделаешь.

С осени до весны — зимняя спячка.

С весны до осени — летняя спячка.

А там начинается осень — и снова зимняя спячка до весны.

Ну, конечно, в перерывах между спячками побегаешь за продуктами, запасешься — надо же как-то жить. Но тут уже торопись, не зевай — как бы не проспять спячку. А так чтобы просто побегать, как говорится, пожить для себя — на это у Тушканчика никогда не хватает времени. Было бы время...

— Эх, было бы время! — вздыхает Тушканчик. — Можно бы столько сделать, горы перевернуть! С зимы до весны — зимняя спячка. С весны до лета — весенняя спячка. А там — летняя спячка, осенняя спячка...

Планы большие, но когда это все успеть?

Времени нет, ни минуты свободного времени!

Славный ты парень, Мишка!

Все началось с того, что Суслик сказал:

— Славный ты парень, Мишка!

Медведь смутился:

— Ну вот еще! Нашел о чем говорить!

За обедом Медведь сказал жене:

— Ох, этот Суслик! Такой чудак... Ты, говорит, Мишка, славный парень...

Вечером пришли гости. Посидели, поболтали.

— Ты про Суслика скажи, — подтолкнула мужа Медведица.

— Ох, этот Суслик! — застеснялся Медведь. — Придумает же такое... Ты, говорит, Мишка, славный парень.

— Так и сказал, — подтвердила Медведица.

Гости переглянулись.

— Я и рта не успел раскрыть, — разговорился Медведь, — а он уже: славный ты, дескать, парень...

Потом было утро, потом был день, а вечером гости Медведя сидели в гостях у Суслика.

— Медведь какой-то стал не такой, — жаловался Суслик. — Встречаю его сегодня, и что же? Вы бы видели, как он на меня посмотрел. Дескать, он выше, а я ниже...

Гости переглянулись.

— Я и рта не успел раскрыть, а он уже посмотрел, — жаловался Суслик. — И подумать только: еще вчера был такой славный парень, а сегодня... С чего бы это?

И опять было утро, и опять был день, а вечером гости Суслика сидели в гостях у Суслика.

Медведь не принимал гостей.

Сказка о веселом попугае

В одной веселой клетке,
Где не житье, а рай,
Жил на веселой ветке
Веселый попугай.

Он был со всеми в дружбе
И сам себе не враг.
И у себя на службе
Твердил, что он дурак.

Такое заявление
Разит наверняка.
Смеялось население:
«Видали дурака!»

И каждый кто попало
Спешил послушать, как
Веселый этот мальтий
Твердит, что он дурак.

Все посмеяться рады,
Такой уж нынче свет.
Мы тоже не Сократы,
Но это наш секрет.

Ведь это же нахальство —
Невозмутимо так

Под носом у начальства
Твердить, что ты дурак.

Начальство понимало
В премудрости своей,
Что честный этот малый,
Конечно, не Эйнштейн,

Но как самокритично,
Бескомпромиссно как
Он заявляет лично
О том, что он дурак!

И, как работник лучший,
А не шалтай-болтай
Продвинут был по службе
Веселый попугай.

Сидит он веткой выше,
И это верный знак,
Что вряд ли кто услышит
О том, что он дурак.

В такой веселой клетке,
Где не житье, а рай,
Нахохлился на ветке
Веселый попугай.

И смотрит туча тучей,
Такой на сердце мрак...
Насколько было лучше,
Когда он был дурак!

Курица

- Что ты грустишь? — спросила Курица Травинку.
- Мне нужен дождь. Без него я совсем завяну.
- А ты чего голову повесила? Тебе чего не хватает? — спросила Курица Ромашку.

— Дождь, только дождь мне нужен.

Интересно, кто он такой, этот дождь? Должно быть, красавец, не чета здешним петухам. Конечно, красавец, если все по нем с ума сходят!

Так подумала Курица, а потом и сама загрустила. И когда к ней подошел молодой Петух, который давно добивался ее расположения, она даже не взглянула на него. Она сидела, думала и вздыхала. Жизнь без любви — не жизнь, даже в самом лучшем курятнике.

— Что ты все квохчешь? — не выдержала Наседка. — Спала бы лучше.

— Ох, ты ничего не понимаешь, — опять вздохнула Курица. — Мне нужен дождь. Без него я совсем завяну.

Наседка только развела крыльями и опять задремала. А наутро пошел дождь.

— Эй, хохлатка! Вон и твой долгожданный! — крикнула Наседка. — Беги скорее, пока не прошел!

Курица выскочила из курятника, но тотчас же влетела обратно.

— Да он мокрый! — кудахтала она, отряхивая крылышки. — Какой охальник, грубиян! И что в нем могли найти Травинка и Ромашка?

Когда молодой Петух подошел к ней, чтобы выразить свое сочувствие, он показался ей значительно интересней. Это ничего, что у него немножко кривые ноги. «Это даже красиво», — решила она про себя.

Через несколько дней они поженились и отправились в свадебное путешествие — через двор к дровяному сараю и обратно.

Как это было интересно! Петух оказался очень галантным кавалером и так потешно кричал «Ку-ка-реку!», что Курице не приходилось скучать.

Но вот в пути новобрачные встретили Травинку и Ромашку. Курицыному удивлению не было границ, когда она увидела, что Травинка и Ромашка поднялись, посвежели — одним словом, выглядели отлично. От былой грусти не осталось и следа.

— Ну, как дождь? — спросила Курица не без ехидства.

— Хороший дождь. Такой сильный! Он недавно прошел — вы разве не встретились?

«Какое лицемерие! — подумала Курица. — Радуются они, конечно, не приходу дождя, а его уходу. Я-то знаю, чего он стоит!»

И, подхватив своего Петуха, Курица заспешила прочь, все-таки Петух был недурен собой, хоть у него и были кривые ноги.

Но ему она ничего не сказала об истории с дождем. Во-первых, она слишком любила своего Петуха, чтобы его расстраивать, а во-вторых, в глубине души Курица рассчитывала как-нибудь, при удобном случае, еще раз выскочить под дождь. Просто из любопытства.

Педагогика

Нет у педагогики конца,
У любви родительской — предела.
Высидеть цыпленка из яйца —
Это только половина дела.

Половина первая — не в счет.
Сбросит он скорлупки, как пленки,
Но ведь надо высидеть еще
Курицу из этого цыпленка.

Высидела.
Можно отдыхать.
Это тоже трудно с непривычки.
Но не время крыльями махать:
Куручка твоя снесла яичко.

Физический закон

Великие открытия совершаются чисто случайно.
Чисто случайно встретились в лесу Еж и Лев.

— Приготовься, Еж, — говорит Лев, — сейчас я тебя ударю.

Приготовился Еж: свернулся клубком, не поймешь, где у него душа, а где пятки.

Лев размахнулся и — хлоп! В чем дело? По всем расчетам, Ежу бы на три метра отлететь, а он отлетел только на полтора. А на остальные полтора отлетел Лев. Да и этих метров показалось ему мало: поджал хвост — и ходу!

«Интересное явление, — подумал Еж, — надо будет его проверить!»

Стал он проверять, как полагается в научном исследовании. Делал опыты и на волках, и на медведях. Все подтвердилось: чем сильнее удар, тем дальше зверь отлетает. Вот так Еж и открыл закон:

ДЕЙСТВИЕ РАВНО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ.

Это было великое научное открытие. До сих пор в лесу только действовали, а противодействовать никто не решался. Теперь же все воспрянули духом. Зайцы, бобры, суслики — всякая лесная мелкота повылезла из своих нор, прет прямо на Льва.

— А ну, — говорит, — удары!

Начал Лев ударять. Народу перебил — глядеть страшно.

— Это не по закону! — возмущается мелкота. — По закону действие равно противодействию!

И тут нашелся один Суслик. Подытожил все опыты и дополнил закон Ежа:

ДЕЙСТВИЕ РАВНО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ — ЭТО ФИЗИЧЕСКИЙ ЗАКОН, НО ТАМ, ГДЕ ДЕЙСТВУЕТ ФИЗИЧЕСКАЯ СИЛА, ФИЗИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ БЕЗДЕЙСТВУЮТ.

В науке этот закон известен под именем закона Ежа — Суслика.

Мустанги

Слух о мустангах обошел весь мир и дошел до Шакала, который, помимо всего, питался также и слухами.

Мустанг... Красивое, стройное животное. Одна голова, одно туловище, четыре ноги...

Шакал посмотрелся в лужу. Ну конечно, не может быть никакого сомнения!

— Кого ты там увидел? — полюбопытствовала Гиена.

— Мустанга, кого ж еще!

Гиена посмотрела на свое отражение.

— Четыре ноги, одно туловище, одна голова, — объяснил Шакал. — Красивое, стройное животное.

— Все правильно, — сказала Гиена. — Но почему ты смотришь в лужу? Разве ты не можешь просто смотреть на меня? Вот это да! Значит, и она тоже...

— И ты тоже? — спросил Шакал.

— Почему тоже? А кто еще?

Два мустанга стояли над лужей и выясняли свою принадлежность к этому благородному племени.

— Мы очень быстро бегаем, — сообщил Шакал. — Иногда обгоняем курьерский поезд.

— А чем мы питаемся? — коснулась Гиена главного вопроса.

— Мы питаемся травкой, — сказал Шакал. — Ну и вообще... растительностью.

— Ах, как хочется растительности! — вздохнула Гиена.

И они стали щипать траву.

Трава была как трава — совершенно невкусная. Шакал мусолил ее и смотрел на Гиену. У Гиены была голова, четыре ноги и большое мясистое туловище.

— Не понимаю, что со мной, — сказал Шакал. — Когда я смотрю на тебя, у меня появляется аппетит, а когда смотрю на траву, он сразу куда-то пропадает.

Гиена смотрела на Шакала. У Шакала была голова, туловище и целых четыре ноги.

— А скажи, пожалуйста, — сказала Гиена, — мустанги, они не питаются мустангами?

Бочка

Свили две сороки гнездо на пороховой бочке. Это пустая бочка — плохая примета, а полная — примета хорошая. Вот и выбрали сороки бочку, полную доверху, — чтобы к счастью.

— А не взорветесь? — спрашивали осторожные воробы.

— Ну, нет, мы живем потихонечку. Раньше у нас всякое бывало: то ссора, то скандал, а то, случалось, и поде-

ремся. А теперь мы смирно живем, воздуха не сотрясаем. Если взлетаем, то остороженько, чтоб на воздух не взлететь.

— Скучно небось?

— Не без того. Но как вспомним, что могли бы на воздух взлететь, сразу становится весело. Могли бы взлететь — а вот не взлетаем!

— Значит, счастливы?

— Ну, животы приходится подтянуть, чтоб за продуктами не мотаться, воздуха не сотрясать. И по ночам плохо спим — пороховая бочка все-таки... Но в смысле того, что до сих пор не взлетели, конечно, счастливы. Еще как счастливы!

«А мы все воюем! — печально вздохнули воробьи. — Никак между собой не помиримся. А что, если и нам бочку завести, натаскать в нее пороху и жить потихоньку... Чем больше пороху, тем меньше шороху...» — вот к какому выводу пришли воробьи.

Общественное мнение

Общественное мнение складывается из множества личных. Мнение мошки ложится рядом с мнением слона, мнение мышки рядом с мнением кошки.

А вот и Муравьишка — сопит, кряхтит: сам-то он махонький, а мнение у него вон какое большое! С таким мнением ни в общественный транспорт, ни в такси, — даже с работы могут, ежели что: не загромождай казенное помещение.

— Спятил дурень на старости лет, — высунулся Жук из-под кустика. — Чтоб я свое кровное да в общую кучу!

— Это не куча. Это общественное мнение...

— Вот именно, общественное. А ты в него кровное, свое... Запомни, ты, общественник: общественное мнение не складывают, а делят.

— Как это — делят? — прокряхтел Муравей. Совсем его придавило собственное мнение.

— Обыкновенно. Берут самое большое мнение — допустим, слона. И делят на всех, чтоб каждый его придер-

живался. У слона, знаешь, какое мнение? Одного его мнения на нас всех хватит.

И спрятался Жук под кустик. И крикнул оттуда, из-под кустика:

— Хотя нельзя не приветствовать мнение мошки рядом с мнением кошки!

Это он высказал общественное мнение. Чтоб свое было целее.

Лев, скажи «Р-р-р!»

— Лев, скажи: «Р-р-р!»

— Р-р-р!

— Ты слышал? А теперь ты скажи.

— Ы-ы-ы!

— У тебя не получается.

Лев тоже видит, что не получается, и повторяет настойчиво:

— Р-р-р!

Работа у него хорошая. Скажешь «р-р-р» и можешь спать целый день, только на обед просыпаться. И помещение, во-первых, отдельное, а во-вторых, открытое, так что, во-первых, никто за хвост не дергает, а во-вторых, все хорошо видно.

Не сплошь, конечно, а так: немножко видно — немножко не видно, видно — не видно, видно — не видно... В полосочку.

Хорошее место. Сколько тут народу околачивается в надежде, что место освободится. Жизнь такая пошла: многого не имеем, но главное — то, что имеешь, не потерять. А то будешь вот так ходить, на чужие места заглядываться. Потому и стараешься, чтоб не остаться без места.

— Р-Р-Р!

— Слышишь, как он говорит? А ты как говоришь? В том-то и дело. Говорил бы ты так, ты бы здесь сидел и говорил, а пока что лев будет говорить, а ты будешь слушать. Подрасти сначала, выработай произношение. И палец вынь из носа. Ты видел, чтобы лев держал палец в носу? Держал бы он палец в носу, разве б его на такое место посадили?

И лев говорит:

— Р-р-р!

Просто так говорит, чтоб не потерять квалификации. Потом лев засыпает, и ему снится кошмарный сон. Будто сидит он на этом уважаемом месте и кто-то говорит ему:

— Лев, скажи: «а-а-а!»

— Лев, скажи: «бе-е-е!»

А он молчит. Ни «а», ни «бе» он не может сказать, потому что умеет говорить только «р-р-р», одно только «р-р-р» из всего алфавита. И он в ужасе просыпается.

Ну и что ж. Свою работу он знает, и больше с него пусть не спрашивают. Когда его сюда брали, от него одно требовалось: чтобы он умел хорошо говорить «р-р-р!». Это в последнее время пошла мода чесать от первой до последней буквы весь алфавит, но спроси у них «р-р-р!», настоящее «р-р-р!», какое в прежние времена говаривали, и они тебе скажут:

— Ы-ы-ы!

Интеллектуалы.

Лев успокаивается. Ничего, без него все равно не обойдется. Пусть попробуют, кто им будет говорить «р-р-р!»?

Воспоминания в тесном полярном кругу

Долгими полярными вечерами, переходящими в сплошную полярную ночь, старые лемминги любят вспоминать, как они ходили в атаку. Или это была не атака? Некоторые сегодня склонны считать, что это была не атака, а паника: кто-то побежит, а остальные за ним. Следуют? Или преследуют?

Этого не знал даже тот, впереди бежавший. Вроде сначала следовали и вдруг стали преследовать. Но направления не изменили. Для них было все равно — следовать или преследовать, главное — не сбиться с пути. Если кто-то собьется, замешкается, он будет растоптан в один момент.

Но впоследствии может оказаться, что следовали они вовсе не за тем и не туда и преследовали совсем не тех, кого следовало. И тогда они будут вспоминать растоптанных, воздавать им почести, которые не успели воздать при жизни.

Вспоминают старые лемминги... Места у них такие, где никто никогда не ел досыта, какой тут разговор о духовной пище, если элементарно нечего грызть. Остается только вспоминать, как они топтали друг друга на этом славном пути, как ходили в атаку за тем, кто шел впереди, и на того, кто шел впереди...

И вдруг прослышат: где-то что-то грызут — и снова устремятся, даже не уточняя: следуют они или преследуют...

Потом внезапно остановятся, разбредутся по тундре и будут мирно пастись, пока не сработает рефлекс атаки и не превратит стадо в стаю, устремленную в едином броске.

И снова соберутся в своем тесном полярном кругу и будут вспоминать, как они ходили в атаку, и непременно вспомнят тех, кто водил их, кто шел впереди...

И это всегда будут те, которых они растоптали.

Проблемы цивилизации

Когда вырубили лес, не стало прежней дремучести и самые дикие помаленьку цивилизовались. Бросили эту привычку глазами вращать да зубами щелкать друг на друга, поскольку каждый теперь на виду и никуда от народа не спрячешься.

И образ жизни другой. Вместо того, чтоб гонять по лесу, высунув язык, каждый культурно зарабатывает средства на пропитание. Медведь с деревьев шишки трясет. Заяц качает мед, а Белочка сажает капусту. А потом вся эта продукция поступает в магазин, где каждый в порядке очереди покупает, что ему надо. Заяц капусту, Медведь мед, а Белочка сосновую шишечку.

Очередь сближает. Даже самые чужие и незнакомые в очереди, как родные, жмутся друг к другу. И нервную систему укрепляет очередь: кто в ней выстоит, выстоит всюду.

В одном магазине постоишь — в другой побежишь, чтоб успеть до закрытия. Постоишь — побежишь — постоишь — побежишь... Дикого зверя ноги кормят, но они, оказывается, кормят и цивилизованного.

И это уже непонятно: почему так? Раньше, когда каждый добывал себе пропитание, это избавляло его от необ-

ходимости ходить на работу. Потом, когда стали ходить на работу, это избавило от необходимости добывать пропитание. А если и работать, и добывать... Целый день работать, а потом бегать добывать...

И никуда от этих проблем не спрячешься: леса нет.

М три жизни

(Рассказ кролика)

У нас на последнем общем собрании выгнали волка из хищных. В травоядные перевели. За превышение полномочий.

Выгоняли единогласно, при одном воздержавшемся.

Бык воздержался:

— Он, — говорит, — у нас всю траву сожрет.

Записали мнение быка в протокол, чтоб ему при случае вспомнить. А волка перевели в травоядные.

Травы в этом году уродились высокие, но волка, известно, сколько ни корми... В хищных привык, не хочется ему в травоядные.

— Будешь огрызаться, — сказали, — еще дальше переведем. В грызуны.

Тут, конечно, я взял слово для справки.

— Почему, — говорю, — в грызуны — это дальше? Мы в грызунах всю жизнь, и нам, может, неприятно, что наша жизнь для кого-то наказание.

— Плохо, когда своя жизнь наказание...

Записали и эту реплику быка.

Однако все же вынесли на обсуждение вопрос: какая жизнь может служить наказанием? У хищных своя жизнь, у травоядных своя, ну, и у грызунов своя, естественно. Если их между собой сравнивать, то, возможно, одна перед другой проиграет, но если не сравнивать, то вполне можно жить.

Проголосовали единогласно: не сравнивать.

Жить, но не сравнивать. Чтоб можно было жить.

— Ну, если не сравнивать, так он у нас точно траву сожрет!

Это сказал бык. Будто специально для протокола.

Пассажир Чижик, вылетающий до Харькова

(Рассказ зяблика)

Мы всегда недовольны. И то у нас не так, и это не хорошошему. И не те птицы на деревьях поют, и не те, какие надо, наедаются досыта. А я вам так скажу: слишком хорошо живем. Чересчур хорошо живем, вот в чем главная причина.

Сиюю я недавно в аэропорту. Смотрю, как самолеты взлетают и на землю садятся. Они, пока не взлетят, такие большие, а потом становятся маленькие. А те, которые садятся, наоборот: сначала маленькие, а потом большие.

Сиюю я и думаю, почему так? Я сколько летаю, а все одинаковый, что там, в небе, что здесь, на земле. Да если б меня так все время то сжимало, то раздувало, я б давно лапки откинул, дал дубаря. А мы не ценим. Своего не ценим. Все на чужое заглядываемся. А на что заглядываться? У них только успевай сжиматься да раздуваться...

Так я, значит, думаю, пока на аэродроме сижу. И вдруг слышу:

— Пассажир Чижик, вылетающий до Харькова! Подойдите ко второму окошку.

Опять, думаю, Чижик куда-то летит, опять ему у нас не нравится. Раньше он все на юг улетал, а теперь почему-то в Харьков. Интересно узнать, что у него там в Харькове. И почему его ко второму окошку подзывают.

Заглянул, а это не Чижик. Другой. Просто такая фамилия. И стоит этот другой по фамилии Чижик у второго окошка, а ему говорят:

— Сегодня не полетите.

И он, представьте себе, не летит.

Да если бы мне сказали: «Зяблик, ты сегодня не полетишь»... Я бы им в глаза рассмеялся.

А этот не смеется.

— Мне, — говорит, — на работу. — И так жалко заглядывает в глаза.

Слыхали? На работу! Пусть бы мне кто-то сказал, что мне нужно на работу, пусть бы сказал...

А мы — недовольны.

Нет, надо нам устроить аэродром. И чтоб каждого подзывали к окошку и говорили, кто полетит, а кто не полетит. И куда полетит, чтоб говорили, а не так — кому куда вздумается. И чтоб нас все время то сжимало, то раздувало, то сжимало, то раздувало...

Вот тогда бы мы были довольны. Всем довольны. И Чижи́к наш никуда бы не улетал, а сидел на месте, как этот, из Харькова.

После цирка

Однажды, когда у нас гастролировал цирк, наш дворняга увидел во сне, что его дрессируют.

Дрессировали его вместе с рыжим котом, который вечно спит, растянувшись на солнышке, и тоже, возможно, видит во сне, как его дрессируют, потому что это, наверно, снится каждому.

Дрессировал их сосед из нашего двора. Хороший человек, его как раз из тюрьмы выпустили.

Наш дворняга и кот легко выполнили поставленную задачу, но, когда пришла пора получать сахар, дрессировщик сказал, что сахара у него нет, что он послал жену за сахаром, но она еще не вернулась из магазина. Сейчас она придет, и тогда он выдаст им по два куска сахара: и за то, что они уже сделали, и за то, что им предстоит сделать.

Услышав, что сахара сейчас не дадут, кот спокойно растянулся на солнышке, а наш дворняга выполнил вторую задачу, желая получить два куска сахара. Но тут выяснилось, что жена соседа не принесла сахара, потому что забыла дома кошелек. Сейчас она опять пойдет в магазин, а они пока поработают над третьей задачей, чтобы сразу уже получить три куска.

Ленивый кот грелся на солнышке, а наш дворняга выполнял третью задачу. Но в магазине оказался только сахар-песок, а для дрессировки нужен рафинад, это каждому ясно. Пока жена соседа сбегает в другой магазин, можно будет выполнить четвертую задачу, чтобы сразу получить четыре куса...

Умный дворняга работал, глупый кот грелся на солнышке, а дрессировщик гонял жену по магазинам, радуясь, что его выпустили из тюрьмы.

Дрессировке лучше всего поддаются те, которые любят сладко покушать.

Волк на елке

В новогоднюю ночь старый Волк особенно остро почувствовал свое одиночество. Увязая в снегу, продираясь сквозь цепкие елки, он брел по лесу и размышлял о жизни.

Да, ему никогда не везло. Самые лучшие куски у него выхватывали из-под носа другие. Волчица — и та оставила его, потому что он мало приносил зайцев.

Эти зайцы, сколько из-за них неприятностей! У кого их много, перед теми все на задних лапах стоят, а у кого мало? Да, в волчьем мире зайцы решают все.

Елки, елки. «Елки-палки, — думал Волк, — когда же все это кончится? Никуда не денешься от этих елок, хоть из лесу беги!»

И вдруг Волк присел на хвост, потер глаза — неужели правда? Под елкой сидит самый настоящий, самый живой заяц. Он сидит, задрав голову, и смотрит куда-то вверх, и глаза его горят так, словно ему там невесть что показывают.

«Интересно, что он там увидел? — подумал Волк. — Дай-ка и я погляжу». И он поднял глаза на елку.

Сколько елок видел он на своем веку, но такой ему видеть не приходилось. Она вся искрилась снежинками, переливалась лунным светом, и казалось, что ее специально убрали к празднику, хотя на ней не было ни одной елочной игрушки.

— Елки-палки! — сказал Волк и замер с открытым ртом.

Бывает же на свете такое чудо! Посмотришь на него — и чувствуешь, как у тебя внутри что-то переворачивается — не в желудке, нет, а повыше. И уже ничего не хочется — только сидеть и смотреть.

Так и сидели они рядышком — Заяц и Волк — под ногодойней елкой, и смотрели на нее, и внутри у них что-то пероворачивалось.

И Заяц подумал, что есь на свете кое-что посильнее волков, а Волк подумал, что, елки-палки, честно говоря, ведь не в зайцах счастье...

Признание

Воспитанием дорожа,
Путь держа на вершины культуры,
Я спрошу: вы видали ежа?
Вот такую бы мне шевелюру!

Жизнь тревог и волнений полна,
И страстей, и раздумий, — но все же
Я спрошу: вы видали слона?
Вот бы мне его толстую кожу!

Не хочу я рядиться в слова,
Мне бы действовать прямо и грубо.
Я спрошу вас: вы видели льва?
Вот бы мне его когти и зубы!

Нелегко мне, друзья, нелегко
На вершине двадцатого века:
У меня ни когтей, ни клыков...
Остается мне быть человеком.

Судьба индейки

Орел летал по всему свету. Но его убили. Индейка носа не кажет из птичника. Но она жива. Индейку кормят и поят, за ней хорошо присматривают. За ней присматривают, а на Орла смотрят во все глаза. Потому что из него получилось отличное чучело.

На Орла смотрят — но он все-таки чучело... Индейка не чучело — но на нее никто не смотрит.

Правда, она пока жива, это большое утешение. Но ведь рано или поздно из нее сварят суп — и что тогда? Как тогда на нее посмотрят?

Такова она — судьба Индейки. К ней всю жизнь хорошо относятся, а потом съедят — в отличие от Орла, которого сначала съедят, но зато потом всю жизнь хорошо относятся...

Несенка о верблюде

У верблюда не сложилась судьба,
Подвела верблюда жизнь, подвела:
У верблюда на спине два горба,
Нераскрывшихся к полету крыла.

И бредет верблюд пешком да пешком,
И свисают его крылья мешком,
И застыла на реснице слеза,
Заслоняя от него небеса.

Что же делать, что же делать, верблюд,
Если в небо нас с тобой не берут?
Если самый никудышный подъем
Мы не крыльями берем, а горбом?

Неизведанная даль голуба,
Нас тревожит и зовет высота.
Не у каждого сложилась судьба,
Но у каждого сложилась мечта.

В мире животных

Змеилась речка в тишине,
Плетя витки излучин.
А там, на самой глубине,
Плотвичку сом прищучил.
Вдали темнели берега,
Ершился лес на склоне.

И кот, окрысая на щенка,
 Мышонка проворонил.
 Цыпленка жучил таракан,
 Сазан с лещом судачил.
 И, как всегда, ослил баран,
 Что конь весь день ишачил.
 И каждый знал чужой шесток
 И чтил не свой обычай.
 Там выкомаривал сверчок,
 Там гусь сычал, набычась,
 Но всяк старался за двоих,
 И разбирать не стоит,
 Кто обезьянничал из них,
 Кто был самым собою.
 Их всех укрыла ночи тень —
 И малых, и великих.
 И как ни петушился день,
 Но съезжился и сник он.
 И звезды счастья и любви
 Зажглись над миром снова.
 От них совели соловьи
 И соловели совы.

Жили-были три гуся...

Есть такая присказка: «Жили-были три солдата, вот и сказочка начата. Жили-были три павлина, вот и сказки половина. Жили-были три гуся, вот и сказочка вам вся».

Однако искушенный читатель, читая не только присказки, но даже повести и романы, уже в самом начале догадывается, что там будет в конце. Как автор ни пытается запутать сюжет, ему не удастся провести искушенного читателя.

А если от начала вообще отказаться, чтоб никто не догадывался? Правда, тогда началом станет середина, но ведь можно отказаться и от нее... Уволить со службы солдат, отпустить на волю павлинов, и тогда ни один читатель не догадается, что где-то там, в конце нашей присказки, жили-были три гуся...

Признательность

...но, увидев слезы у нее на глазах, лук от волнения забыл, что его режут.

Зрелость

...и теперь, выйдя на широкую дорогу, он уже не рвался в краугольные камни, а довольствовался скромной ролью камня преткновения.

Положительный пример

...вот, например, ложка: она ведь тоже не всегда бывает в своей тарелке, но это ничуть не мешает ей работать с полной отдачей.

Индивидуальность

...но — ох, и до чего же трудно быть изюминкой! Особенно в ящике с изюмом.

Проигрыватель

...и потому, что он в жизни всегда проигрывал, слушать его было особенно интересно.

Точка зрения

...а что до лысины, то ей главное, чтоб сверху блестело.

Свое мнение

...наконец и воробей получил возможность высказать свое мнение.

— Чик-чирик, — сказал воробей. — Чик. Чирик. Этого — чик, этого — чирик! А чего с ними чикаться?

Мысль изреченная

...а кролик, благоговевший перед удавом, но в наплыве чувств не сумевший правильно выразить это благоговение, крикнул:

— К черту удава! До каких пор нам дрожать перед ним?

Потом пошел и удавился, поняв неточность формулировки.

Проблемы

...тут важно: кто ездит, куда ездит, зачем ездит...

— И на ком ездит,— вставил верблюд.

Родословная пресмыкающихся

...и так, пресмыкаясь, огромные ящеры превратились постепенно в маленьких ящериц.

Крокодилы

...не страшно, когда молодо — зелено. Вот когда старо и по-прежнему зелено, это по-настоящему страшно.

Рефлексы

...когда идет облава на волков, первыми разбегаются зайцы.

Условия жизни

...для бабочки, живущей один день, совсем не безразлично, какая нынче погода.

Многоклеточные

...количество клеток современной обезьяны равно $n + 1$. Единицей обозначается клетка, в которой обезьяна сидит.

Птицы

...в каждом зяблике погибает орел. От сознания, что он не орел, а зяблик.

Педагогика

...ни одно яйцо не любит, когда его слишком высидивают.

Правильное питание

...лучше недоест, чем переест. Поэтому кошка съедает мышку, а не наоборот.

Дискуссия

...баран выразил общее недоумение, заяц выразил общее опасение... Потом встал лев и выразил общее мнение.

Высшая нервная деятельность

...и подколенную змею можно довести до того, что она запустит в тебя колодой.

Лама

...в семействе верблюжьих только лама не имеет горба. В семействе верблюжьих тоже не без уroda.

С чем живы верблюды

...только тем, что, бродя по выжженной голой пустыне, они носят повсюду милый сердцу горный пейзаж.

Ракообразные

...такое количество ног, такие средства передвижения — и все это для того, чтоб двигаться назад!

Здоровый оптимизм

...мушка верит в мушку, мошка верит в мошку... А мышка верит в мышку и совершенно не верит в кошку.

Волки и овцы

...и когда волки были сыты и овцы целы, возникла проблема: как накормить овец?

Рыцари круглого стола

...в заключение был дан обед. Лягушка съела мушку, уж съел лягушку, еж съел ужа. Обед прошел в обстановке взаимного понимания.

Сказка

...а так как Золотой Рыбке было мало ее морей, у старика отобрали последнее старое корыто.

Объяснение сказки

...это сделал Мальчик-с-пальчик, большой друг старухи и старика, Волка и Красной Шапочки, сестрицы Аленушки и Бабы Яги, а также всей нашей сказки.

Птица Феникс

...легендарная птица Феникс, птица из времени легенд... В то легендарное время птица Феникс была обычным воробьем. В то время быть воробьем означало постоянно возрождаться из пепла.

Птицы и люди

...птицы поднимаются в небо, изо всех сил отмахиваясь от земли... Тем-то от птицы и отличается человек, что он не может ни от чего отмахнуться.

Публика

...и все были разочарованы, что он не смог исполнить на «бис» свою лебединую песню...

Репутация в природе

Figure 1. Locations of eyes, nose and mouth.

the eyes, nose and mouth. The eyes were marked with a dot and an arrow pointing to the upper eyelid. The nose was marked with a dot and an arrow pointing to the bridge. The mouth was marked with a dot and an arrow pointing to the lips. The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant.

The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant. The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant.

The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant. The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant.

The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant. The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant.

The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant. The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant.

The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant. The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant.

the eyes, nose and mouth. The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant.

The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant. The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant.

The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant. The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant.

The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant. The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant.

The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant. The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant.

The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant. The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant.

The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant. The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant.

The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant. The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant.

The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant. The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant.

The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant. The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant.

The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant. The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant.

The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant. The locations of the eyes, nose and mouth were marked on the face of each participant.

Репутация в природе

Старые и новые сказки (Трактат)

Сказки о животных — древний жанр, но часто в них животным приписывались качества, которые им в действительности не были присущи. Например, самым глупым в сказках считают осла. А между тем современная наука утверждает, что осел — очень умное животное. Правда, дикий осел. А глуп — домашний осел. Но тут возникает вопрос: то ли он поглупел оттого, что его одомашнили, то ли одомашнили только самых глупых ослов (возможно, глупые легче поддаются одомашниванию)? Если эта глупость не от природы, а от воспитания, то зачем же винить в ней осла?

Еще сказки глупой считают свинью. Возможно, потому, что она не понимает простой истины: чем скорее растолстеешь, тем скорее помрешь. Человек это понимает, старается себя ограничивать, а свинья не понимает и толстеет себе во вред. Может, ее потому и считают глупой?

Но современная наука утверждает, что свинья тоже умное животное. На одном из конкурсов, которые ученые устраивают для животных, чтобы проверить их сообразительность, свинья по своим показателям оказалась выше собаки. Первое место в этом конкурсе, конечно, заняла обезьяна. Во-первых, потому, что она действительно умное животное, а во-вторых, обезьяна — родственница всей судейской коллегии, как бы она не заняла первого места? Второе место заняла лиса, третье — енот, а четвертое — свинья. А пятое — собака. Что интересно, что шестое место, сразу же за собакой, занял баран. А ведь он у нас все равно что осел — не в научных, конечно, а в бытовых разговорах. Но самое интересное —

это то, что мышка заняла девятое место, а кошка — одиннадцатое. В природе это закономерность: те, которых едят, всегда умнее тех, которые их едят. Наука утверждает, что хищные птицы — самые глупые среди птиц. Орел глупее курицы и глупее воробья, хотя сказки подняли его на такую высоту, на какую его никогда не подняли бы собственные крылья.

Так наука развенчивает старые сказки. Но вместо них она открывает новые. В природе много сказок, их нужно только открыть.

К примеру, живет в Индийском океане рыба тонкин-ский апагон. На большой глубине, в вечной темноте, где приходится пользоваться собственным освещением. И апагон пользуется, у него целых три фонаря, но почему-то все эти фонари у него в желудке. Наука до сих пор не может дать ответ: зачем он освещает собственный желудок? А сказка может, она отвечает так: вероятно, апагон следует призыву древних философов — познай самого себя! Апагон познает себя, но вокруг от этого не прибавляется света.

А жучок ломехуза? Он живет в муравейнике и пользуется большой популярностью у муравьев. У него такое свойство: если его полизать, приходишь в состояние опьянения. Муравьи это любят. Они собираются вокруг ломехузы и начинают его лизать — за успех дела, за здоровье родственников. И чем больше они налижуются, тем значительней их потери. Потому что ломехуза уничтожает их детей, разоряет их муравейник... В общем, как это всегда бывает в подобных случаях.

Имеющий уши да слышит... Как раз этого нельзя сказать о змее. У змеи нет ушей — какая жалость! Вокруг столько новостей, столько разговоров — и все это мимо ушей, мимо ушей, потому что ушей змея не имеет... По земле ползают слухи, и змея тоже ползает, припадает к земле в надежде что-то услышать. Она извивается и даже рот открывает, чтоб было слышней. И действительно — так вроде слышней. Слышно, как ветер шипит в листве, как шипят в небе птицы, слышно, как шипит целый мир... Потому что змея слышит — жалом.

Не знаю, как у змей, а у нас, людей, до сих пор не решена проблема идеального мужа. Каждая женщина

ищет идеального мужа, но находит не идеального, начинает его переделывать в идеального... Это долгий и мучительный процесс, никогда не дающий положительного результата. И кое-кто уже начинает подумывать: а может быть, идеальный муж вообще не существует в природе?

Им в утешение можно сказать: идеальный муж существует. Он живет в Австралии на дереве эвкалипте. Это медведь коала.

В чем его идеальность? Ну, во-первых, в том, что он совершенно не пьет. Он не пьет даже воды — так принципиально к этому делу относится. А во-вторых, он носит свою жену на руках. Верней, на спине, потому что лапы у него заняты. Они заняты по двум причинам: во-первых, потому, что он всю жизнь лазает по деревьям, а во-вторых — у него семья, а когда имеешь семью, тогда все лапы заняты. Если ты, конечно, идеальный муж.

Идеальные жены встречаются чаще, и за ними не нужно ездить в Австралию. Они встречаются на каждом шагу, но мы проходим мимо, мы ищем красивых, а идеальные редко бывают красивыми.

Вот муравыха. Что в ней особенного? А муравыха — идеальная жена.

Когда муравыха полюбит, у нее вырастают крылья. Ну, крылья вырастают у всех, кто полюбит, но у муравыхи они вырастают в буквальном смысле. И тогда она летает и любит. А когда она отлетает и отлюбит, она опускается на землю и сама обламывает себе крылья, чтобы больше уже никогда не любить.

Услышав об этом, одна женщина задала нетерпеливый, но вполне естественный вопрос:

— Скажите, а на следующий год у нее вырастают крылья?

Хотелось ей ответить: «Да, вырастают. И на следующий год, и на следующий месяц, да чего там — на следующий день вырастают крылья, и опять летай!» — но мы ведь здесь не сказки рассказываем. Это в старых сказках можно было рассказывать что угодно, а в новых нужны факты, одни только факты, как требует наш научный, рационалистический век.

Семейство Толкунчиков

Сказать по правде, какой из Толкунчика жених? Нос длинный, ноги длинные, а голова такая маленькая, что даже закрадывается сомнение: сможет ли Толкунчик подумать о семье? Да, на такого поглядишь — не обрадуешься. Муха он или не муха? Ножищи кривые, лохматые, а по всему телу плешь. Как будто, когда засевали Толкунчика, начали с его ног, а на остальное не хватило посевного материала. А нос у Толкунчика — что портновская игла. Такой бы нос Муравью-Портному, Муравей-Портной сколотил бы на нем состояние. А Долгоносик-Фрачник уж такой бы сшил себе фрак! Но Толкунчик не портной, и никакой он не фрачник. На него хоть шей, хоть не шей — главное снаружи останется.

Такой он, Толкунчик. Не подарок. Тем более не свадебный подарок, и уж конечно, не в качестве жениха. Поэтому, чтобы как-то поднять это качество, Толкунчик является к своей невесте с подарком. Он приходит с мешком, как какая-нибудь Бабочка-Мешочница, а в мешке у него мошка или мушка — словом, приданое. При другой внешности можно приданое взять с невесты, но при такой внешности спасибо, что хоть от тебя соглашаются взять.

Впрочем, тут дело не только во внешности. Тут дело в характере невесты, вернее, жены. Потому что как только невеста становится женой, она готова съесть своего мужа Толкунчика.

Пока она невеста, она готова его любить (хотя любить Толкунчика — это, можно сказать, подвиг). Но, едва став женой, она готова съесть своего мужа...

Что имеем, не храним... Бабочка-Монашенка вообще без мужа живет, вот бы она, наверно, любила своего мужа! Но она живет без мужа, да и жизни ее — каких-нибудь несколько минут. Без мужа долго не проживешь. Дать Бабочке-Монашенке мужа, она бы, конечно, пожила, да еще бы благодарила. А жене Толкунчика этого не понять, она считает, что без мужа она не останется. Разве на свете один Толкунчик? На свете много толкунчиков. С таким носом.

Следила бы за своим носом, это было бы самое правильное. У самой нос, что твой шприц, что твой заступ. Дали б такой шприц Жуку-Пилюльщику, он бы весь мир вылечил без пилюль, а Жук-Могильщик с таким заступом всех уложил бы в могилу. И в общем, если честно сказать, у Толкунчика жена ничуть не лучше Толкунчика.

Но это если честно сказать. А вы пробовали ей честно сказать?

Ну-ка, ну-ка, попробуйте! Вот когда вам пригодятся ваши длинные ноги!

Чтобы быть красивой лягушкой...

Лягушка, которую обычно называют Стеклоанной, хотя она совсем не стеклянная, право же не стеклянная, старается делать все, чтобы быть красивой лягушкой. Если не заботиться о том, чтобы быть красивой, можно так себя раскормить! А ведь толстые лягушки обычно самые некрасивые.

У Стеклоанной лягушки прозрачный живот, это очень важное преимущество. Проглотила букашку, вторую, третью — стоп! Посмотри на живот, посчитай. Если не считать, можно так себя раскормить, что ни в какое болото не поместишься. Почему свиьи такие толстые? Почему бегемоты такие толстые?

Потому, что они не считают. Потому, что у них непрозрачные животы.

личная жизнь Инфузории Туфельки

Когда Туфельке хорошо, она размножается обычным делением, а когда Туфельке плохо, она заводит семью.

Дело житейское.

Пока хорошо, можно и без семьи размножаться, а станет плохо, тогда заводи семью. Как говорится у Туфелек, ищи себе пару.

Мухолов-пеструшка

Пеструшка, старый мухолов, знал когда-то немало песен. И он пел их, вылетая на мушиную ловлю, нисколько не боясь распугать мух. Напротив, мухи, казалось, сами летели на песни и, заслушавшись, даже не замечали, как он их ловит.

Пеструшка, старый мухолов, был тогда молодым мухоловом, и он исполнял три тысячи шестьсот песен в день, совмещая это с продуктивной мушиной ловлей. Хорошие были песни, и мухи были хорошие, и Пеструшка, старый мухолов, был хороший, потому что он был тогда молодой.

А потом появилась Мухоловка-Пеструшка, которая тоже показалась хорошей, хотя не знала никаких песен и не очень удачно ловила мух, но это ей прощалось, потому что она была молодой мухоловкой, да и сам Пеструшка был молодой мухолов.

Сколько времени прошло с тех пор? Может, и немного... Но Пеструшка, молодой мухолов, превратился в старого мухолова. Семья большая, только мух ловить поспевай. И песен он теперь исполняет всего лишь тысячу двести в день — всего-навсего тысячу двести, да и сами песни уже не те...

Потому что старая его мухоловка ждет от него не песен, а мух... И молодые его мухоловки ждут от него не песен, а мух... И мухи летят, слетаются, как в прежние дни. Видно, только они ждут от Пеструшки песен.

Глупый Сивка

В трудную минуту Глупый Сивка строит из себя дурачка, поэтому его называют Глупым Сивкой.

Вот, допустим, к гнезду приближается враг, а в гнезде еще не высиженное потомство. Как должна поступить серьезная птица при виде такой серьезной опасности? Либо спастись потомство, либо отражать нападение врага.

Сивка же начинает выкидывать свои фокусы. То он взлетает, то падает, как подбитый, то вдруг начинает ку-

выркаться, как какой-нибудь клоун. И хотя ему, конечно, невесело, и хотя сердце его колотится, как будто его там заперли на замок, но он веселится, изо всех сил веселится, так что на него невозможно серьезно смотреть.

Смотрит враг на Глупого Сивку и забывает о недовысиженных его птенцах. И думает враг: «Ну и Сивка, до чего же ты глупый, Сивка!»

А Сивка еще больше старается, словно всем видом хочет сказать: «Да, я глупый, я очень глупый, я прямо-таки шут гороховый, ну что с меня, с дурака, возьмешь?»

И враг идет дальше, потому что с дурака взять нечего, враг уходит, смеясь и удивляясь тому, что есть на свете такие глупые сивки. А Сивка, убедившись, что враг ушел, перестает дурачиться и спешит к своему гнезду и серьезно, очень серьезно, как настоящий отец, продолжает высиживать свое недовысиженное потомство.

Но еще долго не может он успокоиться, и сердце у него прямо выскакивает, как будто где-то там сорвали замок, и Сивке страшно, теперь ему страшно, а раньше было весело! Раньше он кувырчался, а теперь сидит и дрожит, хотя раньше надо было дрожать, а теперь можно бы и покувыркаться...

Аксолотль

У саламандры Амблистомы сынок Аксолотль еще совсем дитя, а уже размножается.

— Перестань размножаться! — делает ему замечание Амблистома. — Разве ты не понимаешь, что хорошие дети так себя не ведут?

Аксолотль ничего не понимает, но думает, что он все понимает. Он думает, что он уже взрослый. А какой он взрослый? Он еще ни на шаг от воды, даже по земле не научился ходить.

А ведь для того, чтобы стать взрослым, нужно сначала стать на ноги.

Может, вырастет — поумнеет, — утешает себя его бедная мать. Но Аксолотль не растет и не становится на ноги. Чтобы ему стать на ноги, нужно, чтобы в пруду высохла вся вода или произошло еще какое-то бедствие...

Неблагоприятные условия действуют на Аксолотля благоприятно, и он перестает быть легкомысленным Аксолотлем — теперь он саламандра Амблистома, этому научила его нелегкая жизнь. И он говорит своему сынку Аксолотлю, для которого, кажется, созданы все условия:

— Аксолотль, перестань размножаться! — и утешает себя: — Может, вырастет — поумнеет.

И создает ему все условия, в которых никогда не поумнеет и не вырастет Аксолотль. Потому что такой уж он, Аксолотль: только неблагоприятное для него благоприятно.

Жукапузик

Жук Жукапузик только и делает, что притворяется мертвым. Чуть какой шум, чуть какой стук или треск, а Жукапузик уже мертвый. Это он так притворяется.

Мертвому не так страшно, да и вообще как-то спокойнее. Лучше уж притворяться мертвым, чтоб не умереть от страха, чем умереть от страха, а притворяться живым.

С чем хороша темнота

У мексиканской пещерной рыбки совершенно исчезли глаза, и теперь она не видит опасности. Когда-то у нее были глаза, неплохие глаза, но они видели только одни опасности, то есть то, что меньше всего хочется видеть. И пещерная рыбка забила в свою пещеру и навсегда погрузилась в темноту.

Некоторые боятся темноты: конечно, бывает в ней страшновато. Но по крайней мере хоть не видишь опасности — вот чем хороша темнота!

Мир беспозвоночных

Мир беспозвоночных — это, в сущности, не мир, а война, жестокая война и с позвоночными, и с беспозвоночными.

Гидра живет в этом мире, в этой постоянной войне, и ее буквально рвут на куски, но это ей не во вред, а скорее даже на пользу.

Потому что из каждого куска образуется новая гидра, и, таким образом, армия гидр не редет, а умножается.

Вероятно, здесь все дело в позиции. Нормальная позиция живого существа — стоять лицом к радостям жизни, а спиной — ко всем неприятностям. Гидра же занимает противоположную позицию, ибо мир для нее не мир, а война, и все неприятности идут ей на пользу.

Гидру даже можно вывернуть наизнанку, а она все равно будет жить. И изнанка станет ее лицом, а лицо — изнанкой.

Вы так не пробовали? Это весьма эффективный стратегический прием: в трудную минуту вывернуться наизнанку. Тут уже не страшно встретиться лицом к лицу с опасностью, потому что вы встретитесь с ней не лицом. И когда вам случится ударить лицом в грязь, вы ударите в нее не лицом. И даже пусть вам плюют в лицо, в этом нет ничего оскорбительного, потому что плюнут-то вам не в лицо...

В этом суть стратегии: чтоб сохранить лицо, нужно вовремя вывернуться наизнанку.

Калабария

В случае опасности змея Калабария выставляет вместо головы хвост. Голову она прячет подальше, а хвост поднимает вверх и поводит им из стороны в сторону и даже как будто пытается укусить.

Конечно, хвост уступает голове, нет у него ее сообразительности, но он будет вполне на месте, если его повыше поднять. И к тому же он совершенно не видит опасности.

Очень важно в опасный момент не видеть опасности. Не слышать опасности. Не размышлять об опасности. Короче говоря, вместо головы выставить хвост.

Высоко, как можно выше выставить хвост — это помогает сохранить голову.

Карась — не идеалист

Карась, которого некоторые считают идеалистом, на самом деле далеко не идеалист. Он понимает, что щука — это щука, но что же прикажете — помирать? Конечно, лучше, чтобы без щук, чтоб во всей реке не было ни одной щуки. Но ведь могли бы быть одни щуки, и что тогда?

Допустим, все рыбы были бы щуками. И пескарь был бы щукой, и окунь, и плотва... Куда бы тогда Карасю податься?

Да и не в одних щуках дело. Бывает, как занесет в какой-нибудь горячий источник, где температура почти пятьдесят градусов, кто такое выдержит? Конечно, выдержать невозможно, но что же прикажете — помирать?

Карась не собирается помирать. Он понимает, что горячая вода все же лучше, чем совсем без воды, и грязная вода лучше, чем совсем без воды, и много щук лучше, чем одни только щуки.

Нет, Карась не идеалист, просто он умеет сравнивать. И хотя его считают самой живучей рыбой, никакой он не живучий, далеко не живучий. Просто он не собирается помирать.

Когда звери улыбаются

Звери тоже улыбаются, хотя чувства юмора они лишены. Почему же они улыбаются?

Звери улыбаются, чтобы показать противнику зубы.

Волк улыбается, чтобы показать зубы, и кролик улыбается, чтобы показать зубы.

У волка зубы большие, ему есть что показать, но не станет же волк показывать зубы кролику! Поэтому волк улыбается редко, и только тем, у кого зубы не меньше, чем у него.

А у кролика зубы маленькие, и ему приходится чуть ли не каждому улыбаться.

Птица Кеклик

Кеклик не любит витать, как другие птицы. Сколько ни витай в облаках, а кормиться вернешься на землю. И пока ты там витаешь, на земле все лучшее скормят другим.

Поэтому Кеклик старается не покидать землю. Но, как всякой птице, ему нужна высота. А что такое соединение земли с высотой?

Это горы. Кеклику горы заменяют небо. С камешка на камешек, с уступа на уступ...

Это он так кормится: поднимаясь все выше и выше.

Другие кормятся, опускаясь на землю с небес, а Кеклик — поднимаясь все выше и выше.

Большое искусство — кормиться, не опускаясь до этого, а, наоборот, поднимаясь. Чем выше поднимешься, тем больше съешь. Еще выше поднимешься — еще больше съешь.

Так и живешь, поднимаясь с уступа на уступ, от подножного завтрака возвышая себя до обеда.

Мышовка

Мышовка в любые руки пойдет, только протяни руки. Она совсем ручная, хотя никто ее не приручал, она просто по природе своей ручная.

Потому что Мышовка маленькая, а маленькому лучше быть ручным, иметь руки, которые и накормят, и защитят, и согреют в своих ладонях.

Мышовка ручная, потому что воля ей совсем не нужна, Мышовке не воля нужна, а неволя.

Прекрасная вещь — неволя! На воле, правда, больше простора, но для Мышовки воля чересчур велика, ей нужна маленькая, спокойная неволя, благоустроенная неволя, потому что воля никогда не бывает благоустроенной.

На пути к океану

Маленькая рыбка Анабас живет далеко от морей, она живет — даже стыдно сказать — в болоте. Конечно, мало приятного, и рыбка Анабас все мечтает перебраться в какие-нибудь другие места.

В Тихий океан. Или хотя бы в Атлантический. Ого, рыбка Анабас знает, куда ей лучше переселиться. Она твердо решила: придет время, и она непременно переселится в океан.

И время приходит, болото ее начинает высыхать, и теперь вообще никуда не поплывешь — до того сухо становится у нее в болоте.

Приходится ползти: прямо по суше, но это ничего, это не страшно, если ползешь в океан! Рыбка Анабас перебирает плавниками, как заправский пешеход, и свободно обходится без воды, как верблюд в пустыне. Целую неделю она обходится без воды...

А там попадается болото, в котором можно будет устроить привал... Что за чудесная вещь — привал в болоте! И прохладно, и не слишком глубоко. Освежайся, набирайся сил, чтобы ползти в океан. Ведь, наверно, можно приползти в океан, если так ползти — от болота к болоту?

Смотрите в оба

У рыбы Четырехглазки два глаза, но каждый из них смотрит в оба: и вниз, откуда на Четырехглазку могут напасть, и вверх, откуда на Четырехглазку могут напасть. И сверху и снизу на Четырехглазку могут напасть, поэтому каждый ее глаз смотрит в оба.

Глаза у нее устроены так: нижняя часть держит в поле зрения воду, верхняя контролирует воздух. А сама Четырехглазка — между воздухом и водой. Между воздушной и водной опасностью.

Нужно только смотреть в оба — и туда смотреть в оба, и сюда смотреть в оба... И тогда между ними, двумя опасностями, между огромной верхней и огромной нижней опас-

ностью, между воздушной и водной опасностью проляжет тонкая, тончайшая линия — безопасность.

Один из морских ежей

Сказать о том, что этот морской еж ходит на зубах, значит, испугать всех рядовых пешеходов. Добавить, что он ходит на иглах, значит, еще больше испугать пешеходов да вдобавок сильно озадачить портных. Чтобы ходить на иглах и на зубах, нужно быть очень уж страшным чудовищем.

Но этот еж не чудовище. Просто он ходит на зубах. Другие не ходят на зубах, но зубы у них тоже не сидят без работы. А он ходит на зубах. Гуляет на зубах. Для него прогулка на зубах — лучший вид отдыха.

Нельзя сказать, чтобы этот еж только гулял на зубах, если только гулять на зубах, то, как говорится, быстро протянешь зубы. Нет, он сначала погуляет, а потом поест. А после еды снова погуляет (это особенно полезно — прогулка после еды). Причем он ест все подряд, не перебирая. Он совершенно всеядный еж.

Правда, всеядность его больше в том заключается, что его самого все едят. Несмотря на то, что он гуляет на зубах, распутивая пешеходов, и что он ест все подряд, — его едят все подряд.

Так он сочетает всеядность со съедобностью. Но называют его все-таки Съедобный Морской Еж. Не Всеядный, а Съедобный Морской Еж.

Потому что ценят его не за всеядность, а за съедобность.

Скальные морские ежи

Входя, не забывайте о выходе. Не следуйте примеру некоторых морских ежей.

Некоторые морские ежи входят в свое жилище, забывая, что им придется из него выходить. И они живут, ни в чем себе не отказывая, тем более что все это им само плывет в рот.

В такой ситуации, конечно, толстеешь. До того растолстеешь, что потом не пролезешь в дверь. И когда приходит пора выходить, морские ежи начинают сетовать и роптать на судьбу, которая не оставила им выхода. Но разве судьба не оставила им выхода? Она дала им выход, когда давала вход. А они, помня о входе, начисто забыли о выходе.

И теперь они мечутся, морские ежи:

— Где выход? Нет выхода!

И жилище их превращается в то, о чем даже грустно сказать. И неудобно сказать, не сняв шляпы.

Судьба Хамелеона

Хамелеон не любит выделяться, хотя для этого у него все возможности. Он мог бы стать зеленым на желтом фоне, это было бы очень красиво, или, например, желтым на зеленом. Но он предпочитает быть незаметным: зеленым на зеленом или желтым на желтом, пусть это не очень красиво, но главное — не выделяться! Так считает Хамелеон.

Если бы кто-нибудь знал, как ему надоело приспособливаться! Фон постоянно меняется, за ним только поспевай. Приноровишься к зеленому, войдешь во вкус, освоишь все тона и оттенки, чего, кажется, больше: цветы, зеленей, пускай корни, как зеленая травка, — так нет же, зеленое сменяется желтым. И снова в него врастай, осваивай, входи во вкус, потому что без вкуса такое дело не делается. Ведь в каждый цвет нужно душу вложить — когда зеленую, а когда желтую душу. Причем душу тоже нужно уметь вкладывать: плохо, когда не доложишь, но плохо и когда переложешь...

И только перед смертью, в самом конце, Хамелеон выражает свой протест общему фону. И тогда на этом фоне появляется что-то ярко-пурпурное, заявляющее о себе на весь мир, опровергающее любой фон, который делал незаметным Хамелеона. Теперь он замечен, теперь его хорошо видно всем. Идите, смотрите — вот как умирают хамелеоны!

Золотополосый Афиосемион

(Семейство Карпозубых)

Золотополосый Афиосемион, которого для краткости можно называть Семеном, живет в болоте, в котором грязи хоть отбавляй, а сырости, надо прямо сказать, не хватает. Жил бы Семен в Европе или, допустим, в Америке, ему бы вода, как говорится, падала с неба. А в Африке жди, когда она тебе упадет. Пока с неба упадет, в своем болоте вся пересохнет.

Те рыбы, которые имеют для своих детей океан, редко думают о том, что из их детей вырастет. У Семена нет океана. И никогда не будет у него океана. И у его детей не будет никогда океана. И к этому он готовит своих детей.

Он высушивает свою икру, хорошенько высушивает, чтобы эта икра, когда она станет взрослой, не боялась самой суровой засухи. Он закаляет свою икру на жаре, потому что он понимает: его детям мало что упадет с неба.

Очень важно приучить детей, что им не упадет с неба, что нужно пройти через трудности, если хочешь вырасти не каким-нибудь Лиогнатом (которого для краткости можно назвать Игнатом), не каким-нибудь Барбоурисом (которого для краткости можно назвать Борисом), а настоящим, сильным, закаленным в сухих песках Золотополосым Афиосемионом. Которого для краткости можно назвать Семеном.

Старость моллюсков

Если бы молодость видела... Но она не видит, у нее для этого не хватает глаз.

С годами панцирные моллюски смотрят на мир все новыми и новыми глазами, пока их, глаз этих, не наберется до десяти тысяч штук.

Десять тысяч глаз вроде бы многовато, но ведь сколько приходится повидать, пока состаришься... Может быть, оттого и старишься, что многое приходится повидать, что с каждым годом смотришь на мир все новыми и новыми глазами...

Моллюск Цирротаума

Может, в этом мире у кого-нибудь есть глаза? Вы знаете, что такое глаза? Ну, которыми видят. Вокруг все черное, и вдруг на этом черном что-то блеснет. Покажется не таким черным. И это значит, что вы видите. Правда, может быть, сон.

А может быть, и не сон. Может быть, вы видите по-настоящему, глазами. Что именно — Цирротаума не может вам объяснить. У него никогда не было глаз, и он не знает, как это — видеть. Но ведь у кого-нибудь должны быть глаза? Ведь мир велик, даже на ощупь. Не может он быть так же слеп, как слепой Цирротаума, — такой огромный мир...

Слепой Цирротаума светится, оставаясь в своей темноте, он светится, не видя своего света. Он вспыхивает пламенем, которое для него похоже на черную ночь — на такую же черную ночь, как отсутствие пламени. На такую же ночь, как ночь. На такую же ночь, как день. На такую же ночь, как весь этот океан, в котором живет слепой Цирротаума.

Живет и светится. Может, у кого-нибудь есть глаза.

Он не только светится пламенем, он светится насквозь, он прозрачен. Чтоб никому не мешать смотреть, не загораживать мир своей особой, не лезть в глаза тем, у кого, может быть, есть глаза.

Другие готовы загородить собой целый мир, а сами не светятся. Сами они похожи на черную ночь. А когда их много, тогда вокруг такая черная ночь... Такая же черная ночь, как вокруг слепого Цирротаумы.

Ночь вокруг слепого Цирротаумы, и в этой ночи он светится. Никогда не издававший света и никогда не увидящий света, он светится, светится... Может быть, в этом мире у кого-нибудь есть глаза...

Страусовы перья

Страус — птица, но рычать он умеет, как лев, а бегать — как самая быстрая антилопа. И он может очень

долго быть без воды. Как верблюд. Страус многое может, чего не может никакая из птиц. Но летать он не может, как птица.

Конечно, если бы он летал, ему не пришлось бы бегать, рычать, не пришлось бы сидеть без воды, как верблюду. Он мог бы не подражать ни верблюдам, ни антилопам, он мог бы быть самим собой...

Но быть собой для птицы — это значит лететь. А Страус только берет разбег и не может от земли оторваться.

Белоснежные перья Страуса возвышаются плюмажем, как у какого-нибудь драгунского полковника, когда полковник, сняв головное убранство, держит его у себя за спиной. Но даже и по сравнению с этим полковником Страус мог бы выглядеть генералом, потому что перьев у него больше, чем у любого полковника. Сорок маховых, шестьдесят рулевых, даже у орла меньше.

Да, по своему оперению Страус среди птиц генерал, правда, постоянно пребывающий в отступлении, чтобы не сказать — в паническом бегстве. Много охотников отобрать у Страуса его перья, и Страус бежит, отступает, развивает скорость девяносто километров в час, и перья его развеваются, как белые флаги...

Перья, что же вы, перья? Много вас у Страуса, но каждое само по себе... Почему бы вам не сложиться в крылья? Сорок маховых, шестьдесят рулевых, а махать и рулить — некому. Есть только кому просить о пощаде, трепеща на ветру, как белый флаг. Перья, что же вы, перья? Флаги белые над землей. Для того чтоб летать, перьям нужно сложиться в крылья.

Бескрылая Гагарка

Улетела Бескрылая Гагарка, улетела и не вернулась назад. Натянула черный фрак на белоснежную жилетку и улетела, улетела навсегда. Улетела Бескрылая Гагарка.

Здесь, на севере, она заменяла пингвина, потому что пингины на севере не живут. Хотя здесь такие же льды и холода, как на юге, но пингины здесь не живут. Здесь их заменяла Бескрылая Гагарка.

Это было давно, еще в прошлом столетии. Тогда видели люди последнюю Гагарку, а потом и она улетела. Улетела и не вернулась назад.

Говорят, ее убили охотники, как и всех других бескрылых гагарок. Но это неправда, этого не может быть: ведь она здесь, на севере, заменяла пингвина. Она ходила вперевалочку — в черном фраке и белой жилеточке, как настоящий представитель пингвина, полномочный представитель. За что же ее убивать? Разве можно убивать полномочного представителя?

Она жила в холодных, не пригодных для жизни местах, во всяком случае, мало пригодных. Даже пингвин предпочитал жить на юге, а на север послал ее. Среди холода, стужи и льдов она представляла здесь его интересы. Не свои, а его интересы. За что же было ее убивать?

Нет, конечно, это одни разговоры.

Просто она улетела — может быть, даже на юг, чтобы посоветоваться с пингвином и возобновить свои полномочия. Может, когда охотники начали там стрелять, она улетела, чтобы вернуться в мирное время. А когда наступит мирное время, она вернется и будет по-прежнему ходить вперевалочку, представляя интересы пингвина...

Она прилетит, конечно же, прилетит, пусть только наступит мирное время! А оно наступит. Сколько б ни стреляли охотники, как бы ни охотничали они на земле, мирное время наступит... И наступит оно тогда, когда прилетит назад Бескрылая Гагарка.

Над чем смеется птица Кукабарра

Над чем смеется птица Кукабарра? В лесах, в которых она живет, гораздо больше страшного, чем смешного. Мороз подирает по коже — тот самый мороз, о котором рассказывают птицы, прилетевшие с Севера, — подирает по коже здесь, посреди тропических лесов. И в глазах темнеет, как будто наступила полярная ночь, о которой рассказывают птицы, прилетевшие с Севера...

Над чем же смеется птица Кукабарра? Она смеется утром, едва проснувшись, и в полдень, перед тем, как съесть свой обед, она смеется каждый день, в одни и те

же часы, хотя для смеха нет никакого повода. Она смеется так громко, что все страхи, которые бродят в лесу, отступают куда-то в глубину, прячутся за деревья. И уже не так подирает мороз, и светлеет полярная ночь...

Так вот почему смеется птица Кукабарра! Потому что вокруг больше страшного, чем смешного, но если посмеяться, если хорошо посмеяться, то вокруг станет больше смешного, чем страшного.

Репутация в природе

У природы нет репутации, поэтому она ведет себя вполне откровенно. Бежит, извините за пример, какой-нибудь пес со своей психой (псих со своей психой — это похоже, но не то). И вдруг — ни к месту, ни к слову, а черт знает к чему — задирает лапу у забора или, допустим, дерева. И если психа поинтересуется, зачем он лапу задрал, он так и брякнет: затем-то и затем-то. Потому что он дитя природы и ему не нужна ложь во спасение репутации.

Была б у него репутация, он бы тоже постарался навести тень на плетень. Ткнул бы этой задранной лапой в небо: «Ах, дорогая, ты посмотри, какая ночь, какой день! Как утро красит нежным светом и тому подобное...» И пока дорогая любовалась бы прелестями природы, он, извините за выражение, решил бы свои текущие дела.

И совсем другое дело — правда. Ничего, кроме правды. Тут только попробуй задрать лапу, мигом подмочишь репутацию.

Чувствуете проблему? С одной стороны, хочется правды, а с другой — как же быть, если захочется лапу задрать? Неужели так и подмачивать репутацию?

Оглянитесь в историю: сколько там подмоченных репутаций! Моря! Океаны! Дождь пойдет, так он высохнет, а эти не просыхают. И тянутся мокрые времена, уходя в далекое мокрое прошлое, и на всем пути задранные лапы, как верстовые столбы. Какой-нибудь Тиглатпаласар как задерет, так его население десятки лет, как завороченное, не может оторваться. Потом уже спохватятся: земляки! Что это с нашей репутацией, ведь она же вся

мокрая, скорей выкручивай, вывешивай сушить! А тут еще какой-нибудь Навуходоносор подоспел. И тоже задрал лапу. И опять мы все устремились, не зная куда.

И казним себя, и ругаем, и не знаем, как быть... А как надо быть? Видно, надо учитывать не только текущие дела, но и вытекающие из них обстоятельства.

Вертикаль

У большинства животных мозг и сердце находятся на одном уровне, и уровень этот, надо сказать, невысок. Да и что за высота — в горизонтальном положении!

Человек, приняв вертикальное положение, значительно повысил этот общий уровень, но мозг у него оказался выше сердца.

Мозг человека намного выше сердца, и расстояние между ними тем больше, чем выше поднимается человек.

Последние могикане

Как стало известно из печати, на маленьком острове Ре в Бискайском заливе мулы живут среди людей и люди проявляют о них большую заботу. Для защиты от комаров мулам даже сшили штаны, и они щеголяли, как заправские джентльмены, — вернее, месье, потому что остров принадлежит Франции.

И вот уже давно истреблены комары, а мулы всё ходят в штанах. Меняются в мире моды, становятся всё обнаженнее, всё смелей, а мулы по-прежнему ходят в штанах — последние могикане стыдливости и целомудрия.

Из записок Кощея Бессмертного

Из записок Кошея Бессмертного

1. Сказка про белого бычка

Рассказать вам сказку про белого бычка? Вы говорите — рассказать, я говорю, — рассказать. Рассказать вам сказку про белого бычка?.. Я живу в этой сказке.

Это у самого леса, не доходя. Если идти по дороге, нужно свернуть у ларька и по тропинке, по тропинке — прямо к нам на лужайку.

Место у нас хорошее, не хуже других. Трава высокая, посредине дерево, а под деревом мы с бычком. Лужайка маленькая, но для двоих не тесно.

Сразу за нами начинается лес — хозяйство Бабы Яги. Одни заводят себе цветники, другие — садик или огородик, а Баба Яга завела себе темный лес и поселилась в нем в своей избушке на курьих ножках. Ее тоже можно понять: живет старушка одна, дети, какие были, давно разъехались, вот она и окружила себя темнотой, чтоб никто не глядел на ее старость.

Правда, не все так думают. От нас через дорогу большая синяя сказка, на берегу которой стоит старый рыбак. Каждый день он забрасывает свой невод и все, что поймается, выпускает обратно в море, хотя он бедный старик и у него злая старуха. Потому что обычная рыба его не устраивает, ему нужно поймать золотую рыбку. Это тянется еще с тех пор, когда старуха его была красной девицей и он решил поймать для нее что-то особенное. И вот прошла целая жизнь, красна девица стала злой, некрасивой старухой, но старик этого не замечает, ему кажется, что все осталось по-прежнему...

Если идти от нас по тропинке, придешь к ларьку, в котором торгует Золушка. Это ее сказка, вернее, не ее, а ее тетки, доброй волшебницы. Золушка живет у тетки и

продает в ларьке волшебные палочки. Торговля идет хорошо, потому что палочки она продает бесплатно. Перед ее ларьком всегда очередь: многие покупают волшебные палочки на дрова.

— Добрый день, как вы тут поживаете?

Это Змей Горыныч, сосед. Тот, у которого в сыновьях Мальчик-с-пальчик. С тех пор как Змей усыновил Мальчика, его самого не узнать: прежде такое вытворял, а теперь его и не слышно. Мимо пройдет — поклонится да еще пригласит в гости — на Мальчика его посмотреть.

Так мы живем. Посредине мы с бычком, вокруг наши соседи. А может, мы и не посредине, может, это только так кажется...

Рассказать вам сказку про белого бычка? Каждый день мы ее начинаем сначала...

2. Золушка

У нас лужайка, на лужайке дерево, а под деревом мы с бычком. Нас с бычком — раз-два и обчелся, и нам так не хватает кого-нибудь третьего... Ну, конечно, не кого-нибудь...

— Золушка, — говорю я, — ну зачем тебе эта теткина сказка? Не век же в ней вековать.

Я чудак. Я ничего не понимаю. Потому что как же она оставит ларек? Должен же кто-то продавать волшебные палочки.

— Бесплатно?

Конечно. Чтобы больше было чудес.

— Но ведь многие покупают их на дрова! Оказывается, они и покупают дрова. Все волшебство не в палочке, а в том, для чего ее покупаешь.

— Золушка, — говорю я, — разве тебе плохо на нашей лужайке? У нас и дерево есть, правда, всего одно дерево, но, когда стемнеет, это все равно, что в лесу. И будем мы под этим деревом жить-поживать, добра наживать — чем плохо?

— Жить-поживать? — испуганно отзывается Золушка. — Но ведь это же конец сказки. Когда так бывает, значит, уже конец.

Я ее успокаиваю. У нас с ней конца не будет. Ведь у нас же сказка про белого бычка. Я хочу рассказать ей сказку про белого бычка, но она рассказывает мне свою сказку.

В той сказке, в которой Золушка жила раньше, у нее было мало радости. Злая мачеха, злые сестры, сколько ни работай — никакой благодарности. Но потом Золушку полюбил принц, она стала его невестой, и тогда-то случилось самое страшное: все стали жить-поживать, добра наживать.

Туфельку больше не возили по городу в поисках Золушки, — теперь Золушку возили по городу в поисках туфельек, бальных платьев, жемчугов и других предметов первой царской необходимости.

Золушка жила во дворце. Прежде чем стать принцессой, ей надо было привыкнуть к новым условиям. Ей надо было привыкнуть к мягкой постели и вкусной еде, к лакеям, которые угадывают мысли на расстоянии, и к советникам, которые на расстоянии подсказывают мысли.

Золушка пробиралась на конюшню, где стояли рысак, похожие на рысаков доброй волшебницы, и спрашивала:

— Лошадки, лошадки, вы из какой мышеловки?

Рысак презрительно фыркали в ответ: происходить из мышеловки они считали для себя унижительным. Золушка подходила к лакею:

— Добрый человек, вы не могли бы снова стать ящерицей?

И лакей отвечал так, как отвечают все лакеи:

— Как будет угодно вашей милости.

Золушка все чаще вспоминала о своей тесной каморке. Там было сыро и холодно и приходилось много работать, но зато там мыши превращались в рысаков, а тыква в карету. Здесь же кареты не растут в огороде, их делают знаменитые мастера, и бриллианты здесь — просто бриллианты, а золото — просто золото.

— Почему ты не радуешься? — спрашивал у Золушки принц.

— Мне не радостно.

— Это не причина. А почему не веселишься?

— Мне не весело.

— Это не причина.

Кончилось тем, что Золушка сняла туфельки и босиком ушла из дворца. Вдвоем с теткой они открыли ларек и продают в нем волшебные палочки.

— Но ведь для многих это просто дрова!

Она смеется:

— Если очень захотеть, даже твой прутик может стать волшебной палочкой.

— А когда палочки кончатся? Ведь все на свете имеет конец. Только наша сказка не имеет конца, потому что у нас все повторяется.

Но она сказала, что в жизни ничего не должно повторяться, что повторение — это все равно что конец.

И что лучше иметь одну простую палочку, которая, если захотеть, может стать волшебной, чем иметь целое царство и больше ничего не хотеть.

3. Сказка про белого бычка

Тропинка выбегает с лужайки и пробегает мимо ларька. Нет, она не пробегает мимо — она останавливается и долго чего-то ждет. Чего она ждет? Что кто-то покинет ларек и ступит на нашу тропинку?

— Му-у! — говорит мой бычок.

Что «му», то «му». Действительно, лучше не скажешь.

А тропинка все ждет. Она стоит у ларька и не желает двигаться дальше. И я все на нее поглядываю: ждет она или не ждет?

Сгущаются сумерки, к нам подступает наш лес, и бычок прижимается ко мне: ему страшно.

Ждет она или не ждет?

Я рассказываю ему сказку. Я рассказываю нашу любимую сказку о белом бычке, который полюбил белую ворону...

Однажды вечером этот белый бычок увидел на заборе что-то белое. Может, его хозяйка повесила сушить что-нибудь из белья, а может, повесила объявление, что продается бычок, еще молодой, но хорошей породы? Белый бычок ничего об этом не знал, и он решил, что на заборе сидит белая ворона.

Он еле дождался утра и сразу побежал к забору. Но — то ли высохло белье, то ли хозяйка сняла свое объявление, — в общем, белый бычок увидал, что ворона его улетела

Он ходил по двору, заглядывал на деревья и так задирает голову, что все над ним смеялись, говорили, что он ловит ворон, хотя ему была нужна только одна ворона. «Белая ворона? — качала головой лошадь. — Может быть, белые ворота?» — «Может быть, новые ворота?» — осведомлялся баран. «Может быть, новое корыто?» — уточняла свинья.

Мой бычок широко раскрывает глаза, чтобы прогнать от себя страшную сказку, и тогда я заканчиваю не так, как было в сказке, а так, как мы сами придумали. Это наш любимый конец:

— Он ушел со двора и с тех пор бродит по свету. Он идет то за тучкой, то за белым дымком, заглядывается на снежные вершины и на белеющие вдаль паруса... Неужели на белом свете для белого бычка не найдется белой вороны?

— Му-у! — радостно говорит мой бычок. Он не сомневается, что белая ворона будет найдена.

4. Мальчик-с-пальчик

Рассказать вам сказку про белого бычка? Третий день мы идем с ним по горной дороге, уходя все дальше от нашей сказки, в которой все повторяется, повторяется... Потому что повторение — это все равно, что конец. А зачем нам конец? Мы с бычком еще молодые...

Горная страна, владение соседа Горыныча... Кажется, близко, а мы идем третий день, потому что расстояния в горах — это особые расстояния...

Домик Горыныча вынырнул из-за горы, будто хотел перебежать нам дорогу, да так и застыл посередине, зазевавшись на неожиданных гостей.

Я привязываю бычка к воротам, чтобы он куда-нибудь не свалился, а сам вхожу в дом.

За большим столом, как мужичок на огромном поле, трудится Мальчик-с-пальчик. Он меня не замечает. Я ос-

танавливаюсь у него за спиной и смотрю, как он старательно выводит в тетрадке:

1 волк + 7 козлят = 1 волк.

— А где папа?

Он с удовольствием оторвался от тетрадки и посмотрел на меня веселыми глазами.

— Пошел с кем-нибудь посоветоваться.

— О чем посоветоваться?

Мальчик-с-пальчик прыснул в кулак, впрочем, сдержанно, поскольку речь шла об отце.

— Известно, о чем. О моем воспитании. Он совсем не умеет воспитывать, вот и ходит советоваться.

И Мальчик-с-пальчик рассказал о своей последней проделке. У них в классе есть Царевна Лягушка. Она, конечно, больше лягушка, чем царевна, а воображает, будто наоборот. Вот подождите, говорит, ко мне прилетит стрела, а по ней меня отыщет царевич.

Мальчик замолчал и нахмурился.

— Ну, я взял и пустил эту стрелу. Будто от царевича.

— И она поверила?

— Поверила. Теперь носится с этой стрелой.

— А вы смеетесь?

— Смеемся, — кивнул Мальчик-с-пальчик и еще больше нахмурился.

Бедная Лягушка! Мы тут себе сидим и разговариваем, а она там ждет своего царевича, и когда куда-нибудь уходит, предупреждает соседей: «Тут один царевич должен прийти. Пусть подождет, я ненадолго».

Вот когда пригодилась бы волшебная палочка... Но Золушка говорит: если очень захочешь, даже прутик может стать волшебной палочкой. Прутик есть, остается захотеть. Очень сильно захотеть...

Я напрягся изо всех сил и — махнул прутиком.

5. Царевна Лягушка

В дверь постучали, и на пороге появилась девочка. Обыкновенная девочка, а совсем не лягушка.

— Что нам по арифметике? — спросила она с порога и смутилась, увидев меня.

Мальчик тоже смутился. Он посмотрел на меня, и — дети хорошо разбираются в таких вещах — взгляд его остановился на прутике. Видимо, поняв, что произошло, он успокоился и сказал:

— Заходи!

И — покосился на прутик.

— Мне только спросить, — сказала Царевна лягушка, обращаясь скорее ко мне, чем к Мальчику.

Я отвернулся к окну.

Погода начала портиться: на стекле появились капли дождя. Кажется, это ручьи катятся с гор — с тех гор, которые видны из окна дома. Я вожу прутиком по стеклу, но не остановить горные потоки.

У меня за спиной разговор:

— Здесь неправильно, — голос Царевны лягушки. — Один волк плюс семеро козлят равняется семеро козлят.

— Но он же волк. Понимаешь? Волк!

— Зато их семеро.

— Все равно волк съест козлят, — убежденно говорит Мальчик.

— Так ты хочешь, чтобы он их съел?

— Я хочу? Я совсем не хочу!

— Зачем же ты так решаешь?

Я подхожу к ним и теперь могу поближе рассмотреть девочку. Что-то в ней все же есть от лягушки: большой рот и глаза зеленоватого цвета. И одета она в старое зеленое платье, перешитое из еще более старого. А на голове у нее две косички, похожие на рожки (мечту моего бычка). Одной рукой девочка поправляет косички, а другой прижимает к себе что-то, спрятанное за пазухой.

— Что это у тебя?

Царевна лягушка сразу забыла об арифметике.

— Это у меня стрела. Мне ее прислал царевич. По этой стреле он должен меня найти. Меня очень трудно найти, потому что я живу в таком месте... Но по этой стреле царевич меня найдет, и мы уедем далеко-далеко, может быть, в тридевятое царство...

— Но почему ты решила, что это стрела от царевича?

— А от кого же еще? — она улыбнулась, словно и впрямь больше ждать стрелы было не от кого.

— А если царевич все-таки не придет?

— Это царевич-то?

И до чего же она уверена, что все случится именно так, как она придумала!

— Ну так вот, — говорю я, — царевич здесь ни при чем. Над тобой просто подшутили.

— Так я вам и поверила! — Она крепче прижала к себе стрелу. — Я лучше пойду, мне еще по физике учить — про волшебную лампу Аладдина.

— Но если ты мне не веришь, пусть он сам тебе подтвердит.

Мальчик молчит. Он не поднимает глаз от тетрадки. Царевна смотрит на него, и глаза ее, два зеленых островка, расширяются (так бывает во время отлива) — и вдруг (так бывает во время прилива) их начинает заливать водой.

— Что ты? Из-за чего? Неужели тебе не лучше знать правду?

Тонут зеленые островки. Теперь это даже не островки, это корабли, которые потерпели крушение.

Мальчик-с-пальчик еще ниже опустил голову.

— Если б мой отец умел воспитывать... Если б не был таким слабохарактерным...

— Ты не прав, твой отец не слабохарактерный. Я знаю его с тех пор, когда он был Змеем Горынычем.

— Кем был?

— Змеем Горынычем. Знаешь, как перед ним тряслись? Чуть что — и нет человека.

— Это неправда, — говорит Мальчик-с-пальчик. — Это вы все выдумываете.

— Я ничего не выдумываю. Можешь сам спросить у отца.

1 волк + 7 козлят = 1 волк.

Семеро козлят расплываются, их уже невозможно прочесть.

1 волк + (что-то расплывчатое) = 1 волк.

Только мокрое место от козлят. Это оттого, что Мальчик плачет.

— Кап, кап, кап! — Это Мальчик-с-пальчик.

— Кап, кап, кап! — Это Царевна Лягушка.

— Кап, кап, кап! — Это дождь стучит за окном.

Не успеешь человеку открыть глаза, как из них тотчас льются слезы.

6. Конек-горбунок

Дорога сбежала в долину и пошла не спеша. Иногда от нее отделялась тропинка, уводящая неизвестно куда, лишь бы не идти в общем потоке. Было жалко смотреть, как она, беспомощная, пытается пробиться, положить собственный путь, стать тоже куда-то ведущей дорогой.

Еще одна тропинка ныряет в кусты, и оттуда доносится слабый шорох. Мы прислушиваемся, раздвигаем кусты, и вот — он сидит перед нами.

Судя по горбу, это здешний верблюд, но судя по ушам, это здешний заяц. Правда, хвост и копыта наводят на мысль, что это скорее конь, а еще скорее — конек, учитывая размеры.

— Сейчас, — говорит конек, — сейчас я ее разбужу!

— Кого это?

— Спящую красавицу. Разве можно спать, когда вокруг такое творится?

Он стал рассказывать, что вокруг творится. Я, наверно, слышал о бременских музыкантах? Ну так вот.

Выгнали бременские музыканты разбойников и стали жить в их доме. Живут-поживают, добра наживают (именно так!). Осел воду возит, петух на воротах кукарекает, собака дом сторожит, а кот по кладовкам шныряет, хозяйство учитывает.

Шнырял кот, шнырял и вышнырял сапоги. Натянул их, усы подкрутил и давай командовать: «Ты, осел, дом сторожи, тебе это больше подходит. Ты, петух, воду носи. А ты, собака, давай кукарекай!»

Делать нечего — надо слушаться: все-таки кот в сапогах!

Носит петух воду в клюве по капельке, а собака визжит, скулит — учится кукарекать.

«Что-то они у меня невеселые, — тревожится кот. — Не иначе сапогам завидуют. У петуха вон и шпоры есть, а сапог нету...»

Позвал осла. «Что-то наш петух мне не нравится. Пойди, стукни его копытом».

Дальше живут уже без петуха. Осел дом сторожит, а собака за себя кукарекает да еще за петуха воду носит.

«Чем она недовольна?» — удивляется кот. «Пойди, — говорит ослу, — ударь собаку копытом!»

Дальше живут уже без собаки. Осел воду возит. Осел дом сторожит. А в свободное время осел кукарекает.

— Разве ж это справедливо? — спрашивает конек.

— Ну, если такой осел...

Дело не в осле, говорит конек. Я, наверно, слышал о Храбром портном? Ну так вот. После того, как он там победил, все успокоились, стали жить-поживать (жить-поживать!). Только сам портной не может никак успокоиться: у него все подвиги в голове.

И вот приходит к королю самый маленький писаришка, без имени и отчества, и говорит: «Допустите меня до него, ваше величество. Он у меня успокоится».

Не поверил король: «Да ты прочитал, что у него на поясе сказано? Ведь он, когда злой бывает, семерых убивает!»

Писаришка только хихикнул в рукав: «Ничего, ваше величество, вы только меня до него допустите!»

«Шут с тобой, — отмахнулся король. — Иди, допускаю».

Вызывает писаришка Храброго портного. Сам сидит, глаза в стол прячет, а портной стоит перед ним, с ноги на ногу переминается. Выждал писаришка несколько минут и говорит: «Так-так...»

Портной переминался с ноги на ногу. «Что — так? Говорите прямо!»

И тогда писаришка поднял на него глаза. Голубые глаза, с небольшой поволокой. «Так... — опять помолчал. — Так-так...»

Внутри у портного стало чего-то холодно. «Я вас не понимаю... В каком смысле — так?..»

Писаришка поднялся во весь свой маленький рост. «Значит, так? Что ж, так и запишем!»

Тут не выдержал Храбрый портной: «Не записывайте! — просит. — Только не записывайте!»

Сидит за столом писаришка, маленький писаришка, без имени и отчества, а перед ним стоит Храбрый портной. Смирный такой, мухи не обидит...

— Разве ж это справедливо? — спрашивает конек.

— Ну, если такой храбрый...

Дело не в храбрости, говорит конек. Я, наверно, слышал про Красную Шапочку? Ну так вот, после того, как волк ее съел, все стали жить-поживать и добра наживать. А волк нацепил на себя красную шапочку, и никто не мог догадаться, что он волк.

И вот выходит он к людям из леса и говорит:

«Граждане, — говорит он и поправляет на голове красную шапочку, — что это у нас происходит — так это же прямо беда! Где наши brave музыканты? Их нет. Где наши храбрые портные? Их нет. А тут еще один, не помню по фамилии, девочку сожрал. Правильно я говорю, бабушка?»

Из толпы вытолкнули заплаканную бабушку.

«Правильно, сынок, правильно! Коли хочешь, я тебе и фамилию назову!»

«Фамилию?» — «Фамилию, сынок!» — «Фамилию?!» — «Фамилию, голубчик!»

«Ну ладно, давай фамилию», — говорит волк, снимая красную шапочку.

— Вы понимаете, в каком смысле он снял эту шапочку? — объяснил мне конек. — В том смысле, что теперь ему стесняться нечего... Вот такие дела... — Он помолчал. — А эта красавица спит и ничего не подозревает.

— Но разве ж она может помочь? Разве ж от нее зависит?

— Ну, знает! — вздыбился конек. — Если все будут так рассуждать... От одного не зависит, от другого не зависит, а от кого зависит? От серого волка?

Сколько на свете сказок, и в каждой какие-то свои неприятности.

— Ты погоди, не горячись...

— Да, я горячусь! — сказал конек. — Я горячусь и буду горячиться, пока не разбудю эту Спящую красавицу и всех остальных, которые спят!

— А почему всех должен разбудить именно ты?

Оказывается, это очень важный вопрос — кто разбудит. Потому что если красавицу разбудят разбойники, то она тоже станет разбойником, а если так — лучше ей никогда не просыпаться. Между прочим, эти братья-раз-

бойники давно замышляют ее разбудить, а это такие братья... У них на каждого по четыре ружья.

— Когда хочешь кого-нибудь разбудить, главное — изолировать братьев-разбойников! — говорит конек-горбун.

Спящая красавица спит, но все же она красавица. Конек не смыкает глаз, но он далеко не красавец. Он тощий, замученный, будто держит весь мир на своем горбу.

Тоже нашелся Еруслан Лазаревич! Самого от земли не видеть, а еще хочет тягаться с разбойниками! Добро бы был настоящий конь.

А что, если его прутиком? Взять прутик и — раз!

— Видишь этот прутик?

При виде прутика он попятился.

— Вы это оставьте, сейчас не время шутить.

— А я не шучу.

Мне оставалось только захотеть. Очень сильно захотеть, чтобы этот маленький горбатый конек стал большим и сильным красавцем...

— Приступим к делу, — сказал конек. — Нужно успеть, пока светло, а то после ее не добудешься...

Он хотел еще что-то сказать, но тут я напрягся и — махнул прутиком.

Мой бычок, который испуганно таращил глаза, теперь таращит их восхищенно. Словно подменили конька-горбунка: уши стали короче, ноги длинней, да и спина выпрямилась. А рост, рост! Прямо богатырский!

— Видишь, а ты не хотел. Вот теперь буди свою красавицу.

Поднял конь красивую голову, прищурил красивые глаза.

— Будить? Стану я вам будить!

— А как же осел? Пусть себе кукарекает? А Храбрый портной? Ты должен был всем помочь!

Конь — просто чудо: сильный, красивый. Смерил он меня взглядом, смерил моего бычка.

— Во-первых, я никому ничего не должен. А во-вторых, — с какой это стати? — Он лег на траву, вытянув красивое тело. — Пусть каждый сам старается для себя.

— А серый волк? А братья-разбойники? Ведь у них на брата по четыре ружья!

Коня будто ветром подняло на ноги и затрясло как от ветра.

— Я не буду... Я не хочу... Отведите меня на конюшню!

7 Царевна Несмеяна

Аты-баты, шли солдаты,
Аты-баты, на базар.
Аты-баты, что купили?
Аты-баты, самовар.
Аты-баты, сколько стоит?
Аты-баты, три рубля...

Аты-баты, как ножницами, стригут пространство, то удаляясь от нас, то опять приближаясь, и нам никак не понять смысла этих занятий. Десять шагов туда — десять шагов обратно. Двадцать шагов туда — двадцать шагов обратно. Как бы далеко они ни ушли, они всякий раз возвращаются на старое место.

Смог бы я так идти? Наверно, не смог бы. Аты-баты могут, потому что жизнь им предельно ясна и на все у них готовы ответы. Куда идти? На базар. Что купить? Самовар. Сколько дать за него? Три рубля и ни копейки больше.

Но вот, наконец, появляется самовар, о котором у них столько разговоров, вот он ставится на землю, и аты-баты усаживаются вокруг него.

Я выхожу из своего укрытия, на всякий случай оставляя там своего бычка.

— Здравствуйте, ребята.

— А, здорово! Чай будешь? Эй, где там у нас лишняя чашка? Мы знакомимся. Аты-баты представляются по очереди:

— Катигорошек.
— Выкатигорошек.
— Окати горошек.
— Перекатигорошек.

Вообще-то они все Горошки, а отличают их только профессии. Один был кучером, катал царя и министров («Кати, Горошек!»), второй выкатывал из подвала бочки с вином («Выкати, Горошек!»), третий поливал улицы («Окати, Горошек!»), четвертый просто бродил, нигде подолгу не задерживаясь («Перекатитгорошек»). Но теперь они на военной службе, так что у всех у них дело одно.

— Какое дело?

Они переглянулись между собой и приосанились.

— Слыхал про Несмеяну? Ну вот. Значит, мы ее охраняем. Несмеяна — это царевна. Не настоящая царевна, а бедная девушка, которую для смеха взяли во дворец. У них тут царствует Царь Горох, а министры у него все — шуты гороховые. Вот они и взяли во дворец бедную девушку. Для смеха.

— Ну и что?

— Вот тебе и что. Взяли ее, а она, вместо того, чтобы радоваться, плачет целыми днями. Только портит всем настроение. Ну и заперли ее. Чтоб повеселела.

Наступила ночь. Уснули аты-баты, а на посту остался один Катигорошек.

Он стоял, как положено стоять на посту: твердые плечи, твердая грудь и твердый взгляд, устремленный в пространство.

Но вот он поднял этот взгляд вверх — туда, к окну башни, и еле слышно позвал:

— Несмеяна!

В окне появилась девушка.

— Несмеяна, — зашептал Катигорошек, — послушай новый анекдот. У одного царя был сын, а у сына жена, а у жены свекор. И этот свекор был тоже царем...

Катигорошек рассказывал анекдот, подчеркивая смешные места, а кое-что даже изображая.

— Правда, смешно? — осведомился он. — А вот еще анекдот... Обхохочешься!

Царевна не смеялась.

— Да ты вникни, ты только себе представь, — Катигорошек перевел дух и опять зашептал, то и дело оглядываясь на спящих товарищей: — Помню, я нашего катал, вот было смеху!

Тут он прервал рассказ, потому что время его истекло и на смену ему спешил Выкатигорошек.

Этот стражник грозно замер на своем посту и стоял неподвижно, пока его товарищ укладывался на отдых. Но едва лишь все стихло, он поднял голову и позвал:

— Несмеяна!

И опять царевна в окне.

— Не смеешься? — спросил Выкатигорошек. — Это ты зря. Раз надо смеяться, ничего не поделаешь. Все мы в мире горошки, что прикажут — то делаем. — Он вдруг скорчил рожу и высунул язык: — А у тебя вся спина сзади!

Царевна не улыбнулась.

— Ты слышишь? Ты, наверно, не слышишь? Я говорю: у тебя спина сзади. Понимаешь? Сзади спина!

Нет, не улыбнулась царевна.

Тогда он отошел на приличное расстояние и — пошел к ней мелким шажком, неся издали свою подстрекательскую улыбку, но на полдороги шлепнулся на землю, поднялся и сказал с улыбкой, которая ничуть не пострадала при падении:

— Чуть-чуть не упал.

Царевна не улыбнулась.

— А ты знаешь, как катится бочка? — Выкатигорошек лег на землю и несколько раз перевернулся со спины на живот. Потом встал, отряхнулся и сказал: — Вот видишь, ты сама не хочешь...

Тут пришло время сменяться с поста, и на его месте застыл неприступный Окатигорошек. Он стоял, не сводя глаз с одной точки, находившейся в противоположном направлении от того места, которое он должен был охранять, и старался не моргать, чтобы не закрывать глаз даже на долю секунды. Но вскоре заговорил и он:

— Царевна, — сказал он, — у нас такой царь, такие министры... Царевна, это же просто смешно: почему вы одна не смеетесь?

Она ничего не ответила.

— Хорошо. Допустим. Допустим, у вас есть причины. Но, царевна, войдите в наше положение: вы думаете, нам весело вас сторожить? Куда веселее поливать дороги, чем шагать по ним без всякого смысла — взад-вперед. Но мы

же не по своей воле, царевна, у нас нет своей воли, мы делаем то, что нам говорят...

— Я сейчас заплачу, — сказала царевна.

— Нет, нет, пожалуйста, только не это! Я хотел вас расшевелить, а вы вдруг расплачетесь — это даже смешно...

— Ничего нет смешного.

— Нет? Почему же нет, это вы просто не видите. А вы посмотрите, присмотритесь получше... Уверю вас, если хорошо присмотреться...

— Какой вы смешной, — сказала царевна.

— Да, я смешной, я очень смешной! Вы даже не представляете, какой я смешной!.. Только... почему же вы не смеетесь?

Ночь кончилась. Аты-баты опять на ногах. Десять шагов туда — десять шагов обратно. Двадцать шагов туда — двадцать шагов обратно.

Я отвязываю бычка и на прощанье машу им прутиком. Я машу прутиком и говорю про себя:

— Пусть им царевна засмеется!

8. Царь Горох

Его дворец.

Первое, что мы видим, — это распахнутое окно. Первое, что мы слышим, — доносящийся из окна оглушительный хохот. От этого хохота сотрясается весь дворец, и кажется, это он хохочет, широко разинув свое окно.

Мы хотим пройти мимо, но тут в окне появляется голова царя, сопровождаемая головами министров.

— Эй, ты, — кричит царь Горох. — Куда ведешь своего осла?

— Это не осел, — говорю я и выставляю бычка наперед, чтобы царь его получше увидел.

— Ты молчи! — ликует царь. — Я у него, а не у тебя спрашиваю!

Он хочет сказать, что спрашивает у моего бычка. А осел, дескать, я. Это он так шутит.

— Так, говоришь, не осел?

Головы министров покатываются со смеху и дружно скатываются с окна. Остается только веселая голова царя Гороха.

— Ох, — говорит царь, — ты меня совсем уморил! Ничего не скажешь, веселый парень. Значит, как ты говоришь? Не осел? Вот это отмочил! Ты погоди, я сейчас к тебе выйду!

Царь исчез в окне и тут же появился на ступеньках.

— Так, говоришь, не осел? Это ничего, остроумно.

Царь присаживается на ступеньку и снимает с головы корону, обнаружив при этом великолепную, прямо-таки царскую лысину.

— Жарко нынче в короне, — объясняет свои действия царь. — И вообще без головного убора — это как-то здоровее для организма. А? Как ты находишь?

— Я не знаю.

— Не знаешь? — засмеялся царь и смеялся долго, до слез. — Это ничего, остроумно. Я вижу, с тобой не соскучишься. А это у тебя кто? — Царь хитро подмигнул: — Не осел?

— Да нет, это бычок.

— Не жареный, нет? Терпеть не могу бычков в сыром виде!

— Он не сырой, он живой!

Царь Горох гладит бычка по спине, треплет его за уши:

— Это он для тебя живой, а для нас — просто сырой, верно?

Разговор принимает такой оборот, что я чувствую — надо скорей убираться. Но царь и не собирается нас отпускать, он только еще вошел во вкус разговора.

— Значит, ты так: из сказки в сказку? Вроде бы путешествуешь? Ну, это ничего: у меня полцарства ходит по миру. Перекатигорошки. А вот интересно знать: что ты скажешь о соловье-разбойнике?

Непонятно, почему он вспомнил о соловье? Наверно, потому, что тот тоже летает из сказки в сказку.

— О соловье я много могу рассказать. Это такая птица!

— Отлично сказано, — похвалил меня царь. — Ну, вот и Расскажи. Ты Расскажи, а я послушаю — что за птица соловей-разбойник.

— А почему вы говорите, что он разбойник? Разве он что-нибудь натворил?

— Ну и шутник! — рассмеялся царь. — Ну и весельчак! Значит, ты не знаешь, разбойник он или не разбойник?

Царь внезапно оборвал смех и сказал совершенно серьезно:

— Лисичка-сестричка съела братца-кролика. Братец-волк съел лисичку-сестричку. В такой обстановке нельзя забывать о соловье-разбойнике, нельзя закрывать на него глаза... Вот смеху-то!

Он опять смеялся, но я не мог забыть его серьезного выражения.

— Я не закрываю, — сказал я. — Я, честное слово, не закрываю!

— Ну так как же? — широко улыбнулся царь. — Разбойник он или не разбойник?

«Аты-баты, три рубля», — звучит у меня в голове. Я пытаюсь отделаться от этой фразы, но она все звучит и звучит, и, запутавшись окончательно, превращается в нечто совершенно нелепое:

«А тебя-то — труляля!» Кого это — тебя? Моего бычка? Соловья? Или, быть может, царевну Несмеяну?

Аты-баты, три рубля, а тебя-то труляля! Вот так, когда нужно найти слова, никогда их не находишь.

— Разбойник, — говорю я и, чувствуя, что это совсем не то, добавляю: — Подумать только, такой соловей — и такой разбойник! А на вид — маленькая, неприметная птичка...

— Постой, постой — ты о ком говоришь? Соловей-разбойник не птичка, а великан, настоящее чудовище... — Он помолчал и вдруг — словно что-то вспомнил: — А эта... птичка соловей?.. Значит, она тоже разбойник?

«Какой же она разбойник?» — хотел я сказать, но посмотрел на него и опять растерял все слова. Я смотрю на царя Гороха, и мне хочется закрыть глаза, но я вспоминаю, что их нельзя, нельзя, нельзя закрывать... И опять получается труляля.

— Разбойник, — говорю я, — разбойник.

— Ну, ты молодец! — засмеялся царь. — Балагур! Рубаха-парены! Эй! — крикнул он, надевая свою корону. — Разыскать соловья! — и продолжал, обращаясь ко мне: — Так, говоришь, не осел? Это ничего, остроумно!

Я стал собираться, но он опять меня удержал:

— Ты веселый парень, и я тебя за это люблю. А этих, горошков, я не люблю, потому что они все какие-то невеселые. Тоже — придумали: хорошо смеется тот, кто смеется последним. А кто будет первым, я тебя спрашиваю? Я-то сам, конечно, стараюсь. И я, и мои министры. Эй! — крикнул царь, и министры появились в окне, весело гогоча. — Вот видишь, делаем все, что можем.

Царь Горох сел поплотней и снял с головы корону.

— А сам-то откуда?

— Из сказки про белого бычка.

— Ну и как там? Что слышно? Какие новости?

— Рассказать вам сказку про белого бычка?

— Валяй, выкладывай!

— Вы говорите — выкладывай, я говорю — выкладывай. Рассказать вам сказку про белого бычка?

— Ничего, — одобрительно хмыкнул царь, — остроумно придумано.

— Вы говорите — придумано, я говорю — придумано. Рассказать вам сказку про белого бычка?

Тут к царю подбежал министр:

— Ваше величество! Несмеяна смеется! Видно, все же мой прутик подействовал.

— Смеется? — спросил царь, уже не смеясь, а, наоборот, очень серьезно. — И как же она смеется? От души?

— Сейчас уточним, ваше величество!

— Уточните! — коротко приказал царь. И повернулся ко мне с прежней улыбкой: — Так про какого ты говорил бычка? Про этого, черного?

— Вы говорите черного, я говорю — черного...

— Так, говоришь, он черный? — перебил меня царь Горох. — То-то я смотрю — темная личность...

— Вы говорите — темная личность, я говорю — темная личность...

— Значит, темная? Ах он, разбойник!

— Вы говорите — разбойник, я говорю — разбойник...

— Что ж ты раньше молчал? — Царь встал со ступеньки и надел корону на голову: — Эй, стража! Взять этого разбойника!

Из дворца выкатились шуты гороховые, подхватили бычка и укатились прочь.

— Пойдите, куда же вы? Это же мой бычок!

— Ты говоришь — мой бычок, я говорю — мой бычок...

— Но он мой!

— Ты говоришь — мой, я говорю — мой... Действительно, ловко придумано. И чего ты машешь прутиком? Тут ведь тебе не стадо!

Я махал прутиком, чтобы вернуть своего бычка, мне очень хотелось вернуть бычка, но прутик не действовал... Или мне недостаточно сильно хотелось?

Я повернулся и побрел из дворца.

— А, здорово, садись, выпей чайку!

Аты-баты опять отдыхают, окружив так удачно купленный самовар.

— Спасибо, не хочется.

— А мы, как видишь, сторожим. Все ее, Несмеяну.

Из башни доносился девичий смех.

— Но если она смеется, зачем ее сторожить? Раз она смеется, значит, она поступает правильно?

— Ну это, брат, как сказать... Смеяться тоже можно по-разному. А Несмеяна смеется не так, как смеются все... Не в том значении...

— А у меня забрали бычка... Я рассказал царю сказку, а он забрал у меня бычка...

И тут заговорил Перекатитгорошек, который прежде молчал. Когда человек молчит, неизвестно, что за слова в нем скрываются, а это бывают такие слова... Я бы лично запретил людям молчать, пускай говорят все, что думают, чтобы все, что они думают, было известно.

— Дубина! — сказал Перекатитгорошек. — Олух царя небесного! Нашел, кому рассказывать сказки!

9. Синяя птица

В Тридесатом государстве не было государства. Там был только дуб, вокруг которого, привязанный цепью, ходил кот ученый.

— Такой ученый — и на цепи?

— На цепи. Каждое ее звено — это звено моей жизни. Когда я был молод, я бессмысленно бегал по лесу. Но потом я начал кое-что понимать, и тогда появилось первое

звено... — Кот обошел вокруг дерева и продолжал: — Пока цепь была коротка, я не придавал ей большого значения. Я нацепил на нее часы и спрятал в карман... У меня тогда еще был карман... Знаете, такой, жилетный... — Он вздохнул: — У меня тогда еще был жилет...

Тут он обнаружил, что мы стоим, и засуетился с неловкостью оплошавшего хозяина. Он усадил меня, и сам сел, аккуратно сложив свою цепь.

— Вот так — чем дольше живешь, тем длиннее цепь и тем тяжелее ее нести. Поэтому все мы под старость сгибаемся.

Цепь была не золотая — нет, не золотая была у кота жизнь. Она была старая и ржавая, отлитая по общему образцу и даже не пригнанная по росту.

— А у меня была веревка. Знаете веревку? За один конец держишь, а к другому привяжешь бычка...

— Я знаю веревку. Я знаю все на свете веревки, потому что я старый ученый кот.

Он встал и пошел вокруг дуба. Он закинул цепь на плечо и тащил ее, кряхтя и постанывая. Сделав полный круг, он повернул назад и приволок цепь на прежнее место.

— Вот так-то, — сказал кот. — А вы говорите — Синяя птица. Я ничего не говорил, но кот, видимо, отвечал не мне — он отвечал собственным мыслям.

— Синяя птица... — ответил он. — Скажите лучше — Синяя Борода. Когда мне предлагают одно из двух, я выбираю третье.

И он стал рассказывать о страшном рыцаре Синей Бороде, который убивал своих жен за то, что они верили не в него, а в какую-то Синюю птицу.

— Он занимался этими женщинами, а я был у него ученым котом. Бывало, захандрит, спрашивает: «Слушай, кот, почему это так: сколько я жен любил без памяти, а кого любил — не упомяну?»

— «Такова, — говорю, — жизнь». Вздохнет он: «Умный ты, кот, ученый. А вот скажи, почему это так: берешь жену молодую, а бросаешь — старую?» — «Такова, — говорю, — жизнь». Тут он погладит синюю бороду: «И все-то ты знаешь, кот, на все у тебя ответы». Правда, о старости жен он только так говорил. И не бросал он их вовсе, а убивал, и все — молодыми.

Кот говорил спокойно, как будто речь шла о самых обычных вещах. Видно было, что его давно не волнует эта история.

— У Синей Бороды был замок — большой, уж не помню, на сколько комнат. И была там одна комната, в которую он запрещал входить; может, у него там был кабинет, может, личная библиотека. Но жены — глупые женщины, они решили, что он прячет от них Синюю птицу. Ту, которая должна приносить счастье, а на самом деле приносит одни неприятности. И только подумать: все у них было, что можно желать на земле. Чего еще надо? Ходить по воде? Плавать по воздуху? Но жизнь — это жизнь...

Солнце село на верхушку дуба, поболталось на ней, как фонарь, и стало спускаться, переползая с ветки на ветку. Оно краснело за свою осторожность и все же двигалось медленно, и было видно, что солнце, всегда такое высокое, тоже боится высоты.

Жизнь — это жизнь, как хорошо сказано! Простые слова, а ведь в них — все. В них и конек-горбунок, и братья разбойники, и царь Горох со своими шутами. В них все сказки, в которых мы побывали с бычком, а может, и та, в которой мы так и не побывали.

— Мы тут искали одну сказку. Таковую, которая не имеет конца... Вы случайно не знаете?

Кот встал и прислонился к дереву.

— Я знаю все сказки, — сказал он, и солнце, сползавшее по ветвям, наделось ему на голову. Так стоял он, сложив на груди ученые лапы, смотрел куда-то далеко-далеко и говорил:

— На море, на океане, на острове Буяне стоит бык печеный, во рту чеснок толченый... Летела сова, веселая голова.

Вот она летела, летела и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела... Друг мой, вы видите эту цепь? Каждое ее звено — это сказка. Поверьте, я старый ученый кот, я имел когда-то жилетку, а в жилетке карман, а в кармане часы на цепочке. Я смотрел на эти часы, и мне казалось — время идет вперед, а оно уходило в обратную сторону. И пока я смотрел на часы, лучшее время ушло, и вот все, что от него осталось... Друг мой, срав-

ните звенья этой цепи, и вы поймете, что все сказки похожи одна на другую.

И что значит — сказка не имеет конца?

Кот встал и пошел вокруг дуба. По мере того как он шел, цепь его наматывалась на дуб и все укорачивалась, укорачивалась...

— Вот я иду. Иду, иду, иду... Что? Дальше идти некуда? Вы скажете, что это конец сказки? А я скажу — нет. Я просто поворачиваюсь и иду в обратную сторону. Иду, иду, иду... Опять идти некуда? Я опять поверну обратно. Тут главное идти, а туда или назад — это уже не принципиально.

— Но ведь повторение — это все равно что конец?

Кот посмотрел на меня с улыбкой, в которой был заключен ответ. Да, говорилось в этой улыбке, некоторые считают именно так. Но со временем они поймут, жизнь их научит.

— Повторение, — сказал кот, — мать учения.

Солнце село и, прикоснувшись к земле, сразу почувствовало себя уверенней. Небо — это небо, земля — это земля. И как высоко ни летай, дома все-таки — лучше.

Пора и мне возвращаться домой. У меня там тоже есть дерево, вокруг которого я протопчу тропинку и буду ходить по кругу, как кот. Буду идти туда, потом обратно, и снова все повторять, потому что повторение — мать учения.

— А вы говорите — Синяя птица... — сказал мне на прощание кот.

— Когда поживешь да помыслишь, начинаешь понимать, что Ходящий По Морю — это всего-навсего море-ход, а Плывущий По Воздуху — это всего-навсего воздухоплаватель... А Синяя птица — это просто синица, которая у нас в руках вернее журавля в небе...

10. Сказка про белого бычка

У попа была собака. Он ее любил. Она съела кусок мяса. Он ее убил. Старая история.

Золушка бы сказала:

— Так бывает, когда все сводится к куску мяса.

— Поп убил собаку? — удивилась бы Царевна Лягушка. — Что вы, этого не может быть! Ведь он же ее любил, правда? И кусок мяса они поделили поровну — так бывает всегда, когда любят...

— Сначала любил, а потом убил? — рассмеялся бы царь Горох. — Это ничего, остроумно.

А кот, старый ученый кот рассудил бы совсем иначе:

— Такова жизнь. В ней можно быть либо попом, либо собакой, либо мясом, которое едят с обеих сторон. Когда мне предлагают одно из трех, я выбираю четвертое.

Так сказал бы кот, и я с ним вполне согласен. Довольно с меня этих сказок, у меня есть своя, с лужайкой и деревом, вокруг которого я протаптываю тропинку. И пусть эта тропинка никуда не ведет, зато она никуда не уводит.

Рассказать вам сказку про белого бычка? Бычка, правда, нет, но сказка о нем осталась. Я иду по этой сказке, и мне видно, что делается вокруг.

Золушка по-прежнему продает волшебные палочки. Она радуется, что люди тянутся к чудесам, но на ее палочки такой спрос не потому, что они волшебные, а потому, что бесплатные. Идет зима, надо запастись дровами.

Я узнаю соседа Горыныча. Он стоит в очереди в самом конце, а рядом с ним... Кто это рядом с ним? Да ведь это же Мальчик-с-пальчик и Царевна Лягушка!

Сорока-ворона кашку варила, деток кормила... Как летит время! Еще недавно они были маленькие — и вот уже такие большие. А сосед Горыныч, напротив, как-то поменьше стал. Одни в гору идут, другие под гору. Жизнь — это жизнь.

В очереди волнение: кто-то обнаружил старушку, которая норовила шмыгнуть без очереди. Сосед Горыныч качает головой, видно, стыдит. Остальные широко раскрывают рты — видно, ругаются.

— Да пропустите же ее! — слышу я. — Уважайте старость!

Все начинают уважать старость и старуху пропускают без очереди. Она что-то долго возится у прилавка — и вдруг исчезает. Вместо нее выволакивается вязанка палочек, которая тут же рассыпается по земле, обнаруживая за собой старушку — Бабу Ягу.

Вот такая старушка хозяйственная: живет в лесу, а ходит сюда за дровами. Сейчас она рассыпала свою вязанку и принимается считать, складывая палочку к палочке.

Раз, два, три, четыре, пять... Вышел зайчик погулять. Вдруг охотник выбегает. Прямо в зайчика стреляет. Охотник стреляет.

Зайчик умирает. Я протаптываю свою тропинку: раз, два, три, четыре, пять...

Подходит очередь соседа Горыныча. Он берет две палочки и тут же вручает их Мальчику-с-пальчик и Царевне Лягушке. Эти двое целуют Горыныча, потом целуют друг друга и обмениваются палочками.

Так вот оно что! Значит, Мальчик-с-пальчик все-таки женился на Царевне Лягушке... Выходит, он не зря послал ей тогда стрелу. Нет, конечно, тогда он еще ничего не думал, но — жизнь есть жизнь, вырастают дети и смотрят на все другими глазами.

Дождалась Лягушка своего царевича. Думала, он из-за моря придет, а он тут же сидел, на соседней парте. Интересно, как они там решили свою задачу:

1 волк + 7 козлят =

Сколько они тогда спорили из-за этой задачи, а теперь не спорят, значит, все же решили, нашли верный ответ.

Баба Яга сосчитала палочки, связала их и тут же исчезла за этой вязанкой. Вязанка двинулась, но, кажется, не в ту сторону: вместо того, чтоб удаляться, она стала приближаться ко мне.

Терем-теремок, кто в тереме живет? Я здесь живу. Заходите, гостями будете.

— Ты гляди, — удивляется Баба Яга. — Никак я заблудилась?

— Это бывает, — говорю я. — Я и сам заблудился, полсвета обблудил, пока домой попал.

— В жизни оно — знаете как, — вздыхает Баба Яга, усаживаясь на вязанку.

— В жизни как в жизни, — согласно киваю я.

Шаг. Остановка. Еще шаг. Остановка. Я протаптываю свою тропинку и разговариваю с Бабой Ягой.

— Ходишь?

— Хожу.

— Ты бы ко мне зашел, если ходишь. Я тут рядом, в лесу.

Я объясняю, что мне некогда, что мне надо ходить по кругу.

Туда идти, потом обратно, потом опять туда. Потому что повторение — это мать учения.

— Я и сама мать, я понимаю, — вздыхает Баба Яга. — Только трудное наше дело, материнское. Дети-то нынче знаешь какие пошли?

Баба Яга рассказывает о своих детях. Уехали они от нее и даже писем не пишут.

— Ничего, я еще до них доберусь, — говорит Баба Яга. — Я с них шкуру спущу, с окаянных. Пусть знают, что мать — это мать...

Мать — это мать. Действительно, лучше не скажешь.

— Мне-то самой много ли надо? Все ведь для них, иродов, чтоб им свету божьего не видать, чтоб им подавиться собственными костями!

Ладушки, ладушки, где были? У бабушки...

Пусть поговорит старушка, пусть поговорит. Видно, не с кем ей горем своим поделиться.

— Ты бы все же ко мне зашел, а? Посидели б, попили чайку. Я б тебе все как есть рассказала...

— Да нет, я уж лучше здесь, у себя дома. Все-таки у себя — это у себя.

— Что правда, то правда.

Она встает и скрывается за своей вязанкой.

— Ну ладно, пойду и я к себе. У меня еще изба не метена, ступа не чищена...

Я протаптываю свою тропинку. Я иду по своим следам — в одну сторону, потом в другую, и этому не видно конца.

Шаг. Остановка. Еще шаг. Остановка.

Жили-были три солдата. Вот и сказочка начата. Жили-были три павлина. Вот и сказки половина. Жили-были три гуся. Вот и сказочка вам... вся? Как бы не так: я поворачиваюсь и иду в обратную сторону.

Рассказать вам сказку про белого бычка?

...*К*оторых нет
на свете

Наедине с собой.

Единственный
мужчина
в созвездье
юных дев.
Одесса, 1936.

Отец. Погиб
в пресловутые
тридцатые годы.
Судьбу не
обманешь, хотя
она обманывает
на каждом шагу.

Вот такие моряки плавали
по Дунаю в 1945 году.
Румыния, порт Браила.

Ночной корректор
и вечерний ученик.
Измаил, 1946.

Суровое лето 1949 года. У матери на каникулах. Измаил.

Большая студенческая семья. Киев, 1950.

Малая
студенческая
семья. Киев, 1951.

В траве забвенья, памятной навек. Мариуполь, 1952.

Это не выставка головных уборов, а лучшие журналисты Киева середины 50-х: Аркадий Галинский (второй справа) и Григорий Кипнис (второй слева) со своими почитателями, читателями и просто писателями.

Не тары-бары, шуры-муры,
не randevу при свете звезд...
С молодой Эльвиной свет Мороз
на отдыхе от редактуры.
Подмосковье, 1960.

Старые друзья в молодости: Вадим, Эда и Аленка Баевские
(справа налево, но не до конца). Смоленск, 1962.

С Зиновием Паперным. Переделкино, 1963.
Фото Леонида Утесова.

Не курите во время решения серьезных проблем!
Это для курения вредно, 1969.

Фотокомпозиция к сценке «Диоген, или Уравнение с тремя неизвестными» для книги «Подражание театру». Как человек, не доживший до своей казни, сценка была изъята из книги еще до того, как книга пошла под нож, 1969.

Какие внимательные слушатели у поэта Ефима Чеповецкого!
Особенно Юрий Шанин, известный пародист, с которым
на подобных выступлениях нужно держать ухо востро.
Киев, 1970.

Серьезное чтение...

...и веселое. Смеются поэты Арсений Тарковский
и Евдокия Ольшанская. Киев, 1970.

Уединенье
на балконе,
У всей деревни
на ладони.
— Скажи-ка, дочка!
— Не скажу!
Ну, дети,
я вам доложу!

Ужгород, 1970.

На съемках фильма «Чиполлино» с режиссером и артистами.
Крым, 1972.

У афиши «Прелестной Галатеи» с Поэтом и его Музой.
Сколько прелестных Галатей на одну прелестную
Лилию Чичибабину! Харьков, начало 70-х.

С челябинским студенческим театром «Манекен». Первый
слева и второй справа — режиссеры братья Анатолий и Борис
Морозовы. Челябинск, 1973.

Маленький колхозник. В иные времена мир сквозь черные очки выглядит светлее.

Реанимация смехом. На веселом празднестве реаниматологов. С главным реаниматологом профессором А.П. Зильбером (от меня слева) и редактором передачи «С добрым утром!» Натальей Ростовцевой (справа). Петрозаводск, конец 70-х.

...Которых нет на свете

Стихи о Скреле

Нет стихов о звере Скреле.
В чем же дело?
В чем секрет?
Есть стихи о Бегемоте,
Есть стихи о Кашалоте,
О Еноте,
О Койоте...
А стихов о Скреле — нет.

Как-то раз одна Горилла
Проходила через Нил
И в пучину угодила.
Спас Гориллу Крокодил.
И молва о Крокодиле
Облетела целый свет.
Есть молва о Бегемоте,
Есть молва о Кашалоте,
О Еноте,
О Койоте...
А молвы о Скреле — нет.

Две отважные Улитки
По дороге длинной шли.
Захотели две Улитки
Обойти вокруг Земли.
И об этих двух Улитках
Написал в стихах поэт
Лучше, чем о Бегемоте,
Лучше, чем о Кашалоте,

О Еноте,
О Койоте...
А стихов о Скреле — нет.

Целый день без передышки,
От рассвета дотемна,
Рыла, рыла норку Мышка
Для бездомного Слона.
И об этой доброй Мышке
Будут помнить много лет —
Больше, чем о Бегемоте,
Больше, чем о Кашалоте,
О Еноте,
О Койоте...
А о Скреле помнят?
Нет...

Нет стихов о звере Скреле.
В чем тут дело?
В чем секрет?
Нет стихов о звере Скреле,
Потому что Скреля нет.
Просто нет такого зверя.
Нет в природе, верь не верь.
Жаль, что нет на свете Скреля,
Был бы он хороший зверь.

Он бы тоже спас Гориллу,
Обошел весь белый свет,
Для кого-то норку вырыл,
Если б был.
Но Скреля — нет.
Очень многих нет на свете,
А они бы быть могли.
Нет на свете
Зверя Грэтя,
Нет на свете
Птицы Флетти,
Нет на свете
Рыбы Снети
И лягушки Кемберли.

Потому и неохота
Мне писать про Бегемота,
Про Енота,
Кашалота —
Я б хотел о них забыть,
Чтоб писать о звере Скреле,
Хоть и нет такого зверя,
В мире нет такого зверя,
Нет нигде...
А мог бы быть!

Как на небо забрели Кемберли и Беркемли

Лягушка Кемберли,
Которой нет на свете,
И жаба Беркемли,
Которой нет на свете,
Решили как-то летом
Увидеть белый свет
И побрели по свету,
Где их на свете нет.

Они брели, брели
И день, и два, и двадцать,
Брели и не могли
Никак налюбоваться:
Зеленые просторы,
Сиреневый рассвет,
Леса, поля и горы,
Где их на свете нет.

Среди красот земли
Веселые подружки
Сначала просто шли,
Как жаба и лягушка,
А после полетели
За облаками вслед.
А что им, в самом деле?

Ведь их на свете нет.
Лягушка Кемберли
Летит по небу птицей.
И жаба Беркемли
Летит по небу птицей.
Чтоб, в небе их заметив,
Мог убедиться свет,
Что есть они на свете,
Хоть их на свете нет.

Как лягушка Кемберли
не дала заморить червячка

Морили, ох, морили,
Морили червячка.
Морили-говорили:
— Заморим червячка!
Уже столы накрыли:
— Заморим червячка!
Уже ножи острили:
— Заморим червячка!

Не слышен в общем хоре
Один лишь червячок.
Ну, думает, заморят,
Им это пустячок.
Ну, думает, попался,
Попался на крючок.
Он так перепутался,
Заморыш-червячок!
Но мимо проходила
Лягушка Кемберли,
Которая гостила
На том краю Земли.
Она пришла из дали,
Из-за лесов и гор,
И видела, как брали
Беднягу на измор.
Лягушка возмутилась:

— Умерьте вашу прыть!
Скажите-ка на милость,
Нашли кого морить!
Ты помори Акулу,
Медведя помори! —
Лягушка подмигнула:
— Эх вы, богатыри!

На волю отпустила
Лягушка червячка
И, улыбнувшись мило,
Сказала всем: — Пока!
И шляпой помахала
Лягушка Кемберли.
И дальше пошагала,
К другим краям Земли,
Где мышки, мошки, мушки
Дождаться не могли:
— Да где ж она, лягушка,
Лягушка Кемберли?

Птица Флетти летит через океан

Ходил по океану хмурый ветер,
Не слыша волн сердитых нареканий.
А там, под облаками, птица Флетти
Летела, отражаясь в океане.

И видела она в своем движении,
Как, у стихий выпрашивая милость,
Покинутое ею отраженье
На гребнях волн угодливо дробилось.

Захлебывалось, билось и дрожало,
Но все-таки сквозь океан и ветер
Оно текло, упорно путь держало
Туда, куда летела птица Флетти.

Порой и мы,
В себя теряя веру,
Угодливо дробимся в океане.
Мы так слабы...
Но нас ведут примеры,
Которые летят под облаками.

Эффект ОТСУТСТВИЯ

Рассказы действующих лиц

Эффект отсутствия

Рассказы действующих лиц

Предисловие редактора

Нет сомнения, что действующие лица повести «Фантастика-буфф» могут претендовать на отдельное место в литературе. Что характерно для этих писателей?

Н. Ютон твердо верит, что наука способна на все, но это не только не пугает его, но, наоборот, наполняет бодростью и энтузиазмом. Научно-технический прогресс не вызывает у него ни тревоги, как у Альфа Ипсилона, ни холодного скептицизма, как у Селя Ави. Н. Ютон смотрит на мир широко открытыми глазами младенца, твердо верящего, что его устами глаголет истина. Несмотря на молодость автора (ему нет еще и сорока лет), его перу принадлежат объемистые романы, которые, впрочем, печатаются здесь в сокращении. Так, роман «Время» в своем расширенном варианте является своеобразной хроникой нескольких поколений. Родоначальник семейства, некий Стевиц, был настолько беден, что не имел даже собственных часов и вынужден был спрашивать время у первого встречного. Потомки его разбогатели и уже никого ни о чем не спрашивали, никого вообще не замечали вокруг. И время жестоко отомстило им за себя, время вообще мстит за себя, когда о нем долго не спрашивают.

Альф Ипсилон тоже романист (печатается в сокращении), романы его посвящены вечным и безграничным проблемам времени и пространства — но его произведения пронизывает тревога за них. В романе «Такси» автор размышляет о прошлом и будущем, а также об отношении настоящего к тому и другому. Особенно памятна его фраза (выпавшая в процессе редактирования): «Настоящее из прошлого строит будущее, и само превращается в прошлое, чтобы было из чего строить будущее в будущем»

настоящем». Публикуемый вариант романа является результатом кропотливой редакторской работы по устранению всего вторичного и необязательного, благодаря чему роман легко и быстро читается, в чем с удовлетворением убедится читатель.

Что можно сказать о третьем авторе?

Сель Ави, самый старший из начинающих фантастов (хотя, если ему верить, ему нет еще и пятидесяти), уже ничем не вдохновляется и ни о чем не тревожится, как его более молодые коллеги. Сель Ави холоден. Ироничен. Немного словен. Он пишет не романы, а короткие рассказы, почти не требующие сокращения. Сель Ави не верит, что прогресс науки — это в широком смысле прогресс, он не станет летать на ушах и питает полное равнодушие к сахару (как это можно заметить в рассказе «Цирк»). Как истинный писатель, он даже из отсутствия способен извлечь эффект (смотри рассказ «Эффект отсутствия»). И все же иногда его равнодушие — не к сахару, а ко всему остальному — вдруг всколыхнется судорожной тревогой: Мария осталась на Земле (смотри рассказ «Мария»). И тогда он срывается с места и летит к этой Земле, где люди любят, борются и страдают, где они умирают — пусть бессмысленно, это не важно, что смерть лишена смысла, важно, чтоб его не была лишена жизнь.

В рассказе «Органавты», к сожалению, еще не завершенном редактировании, неорганическая материя вызывает к материи органической: «Органавты! — так она называет ее. — Органавты! Наша планета — самая безжизненная из всех планет! Оставляйте жизнь только на нашей планете!» Эта ирония Селя Ави может быть понята как тоска по настоящей органической жизни.

Что я еще могу сказать как редактор?

Все эпитеты — заменены. Все метафоры — заменены. Во всех возможных случаях изменены имена героев. Прямая речь заменена авторской. Авторская — прямой.

Остается надеяться, что публикуемым произведениям предстоит долгая жизнь, в которой будет доредактировано то, что недоредактировано в настоящем издании.

Время

— Вы не скажете, который час? — спросил Стевиц.

Камень что-то буркнул в ответ.

Уже давно был преодолен барьер, отделявший неорганическую материю от органической, когда они обвиняли друг друга в отсутствии жизни. Каждый видит только свою жизнь, а чужой жизни не хочет замечать.

— Простите, я не расслышал, — вежливо переспросил Стевиц.

— Одну минуту! — Камень снова ушел в себя. Он так глубоко уходил в себя, что на возвращение оттуда требовались тысячелетия.

Стевиц знал, что такое его минута, а потому не стал ждать. В том-то и состояла главная трудность общения органического и неорганического миров: один не хотел ждать, а другой не привык торопиться.

Правнук Стевица родился, женился и прожил долгую, счастливую* жизнь. И правнук правнука родился, женился и прожил долгую, счастливую жизнь.

А камень продолжал размышлять, чтобы сказать Стевицу точное время.

Усилитель интеллекта

За субботней чашкой чая профессор Лори сообщил, что он изобрел усилитель интеллекта. Это такой порошок, который смешивается с сахаром и принимается внутрь вместе с чаем.

Гости посмеялись, но, когда подали чай, никто не приотронулся к сахару.

— Я пью без сахара, — сказал литератор Дауккенс. — В моем возрасте сладкого лучше избегать.

— Если позволите, я лучше с вареньем, — сказал доктор Фрайд.

* В неотредактированном варианте «несчастливую». (Прим. редактора.)

— Как военный человек, я вообще не пью чай, — сказал майор Стенли и подмигнул с намеком на свое любимое питье.

— В таком случае будем пить коньяк, — гостеприимно предложил профессор Лори. — Он у меня тоже настоян на этом усилителе.

И тут оказалось, что компания подобралась непьющая. Доктор Фрайд вообще никогда не пил, литератор Дауккенс уже месяц как бросил, а майор Стенли, военный человек, бросил только вчера, и ему бы не хотелось начинать все сначала.

— Лучше выкурим по сигарете, — сказал литератор Дауккенс, и все поддержали это предложение.

— Вот и отлично, — сказал хозяин, — у меня как раз сигареты пропитаны усилителем. Пара затяжек — и вы умнее в тысячу раз.

— Послушайте, профессор, — вспыхнул Дауккенс, — вы что, принимаете нас за дураков? Вас не удовлетворяет наш умственный уровень?

— Мне кажется, поумнеть никогда не мешает...

— Может быть, штатскому человеку, но не военному, — отрубил майор Стенли. — Вы думаете, полковник Бромли потерпит, чтоб майор был умнее его? Меня в два счета уволят в отставку.

— А я останусь без читателей. Они просто перестанут меня понимать, — вздохнул литератор Дауккенс.

— Вот именно, — поддержал его доктор Фрайд. — Если предположить, что человек умней обезьяны в тысячу раз, то, когда я поумнее в тысячу раз, люди будут казаться мне обезьянами.

— А вы им будете казаться ненормальным, и они упрячут вас в вашу же клинику, — захохотал майор Стенли. Но при этом подумал, что неплохо бы попросить щепотку усилителя для сына, который вот уже четвертый год не может вылезти из первого класса. Правда, он и так считает себя умнее родителей, а если еще выпьет этой дряни...

— Боже мой, — покачал головой профессор Лори, — я всегда знал, что человека в жизни подстерегает немало опасностей, но мне не приходило в голову, что для него так опасно уметь.

Контакты

«Наши органы чувств — это пять каналов, по которым внешний мир ведет свою трансляцию. И нам никогда не узнать, что передается по десятому или по со-тому каналу».

Рэди захлопнул книжку, в которой вычитал эту безотрадную мысль, и, глядя на пустынную планету, постарался напрячь все органы чувств — и те, которые у него были, и те, которых у него не было. Это ему не удалось.

И все же он решил наладить связь со здешней цивилизацией. Это ничего, что ее не видно, — просто она не передается по каналу зрения. А не слышно ее потому, что она не передается по каналу слуха. Возможно, на этой планете бесчисленное множество цивилизаций, но они не могут общаться между собой, потому что каждая живет в своем диапазоне. Они существуют рядом, но между ними космический разрыв. Да, для того чтобы наладить контакт, недостаточно жить рядом. А когда нет контактов, кажется, что и жизни нет...

Кипящая жизнью планета притворялась безжизненной, но Рэди ей не верил. Теперь он понял: жизнь во Вселенной на каждом шагу, и, обладая всего лишь пятью каналами, следует это учитывать. Жизнь во Вселенной на каждом шагу. Поэтому нужно очень бережно шагать по Вселенной*.

Аquarelle для скрипки с оркестром

Общеизвестно, что краски издают звук, а звук расцвечен всеми красками спектра. И стало это известно из газет, в которых был напечатан отчет о процессе Грейли.

Установив прямую связь между звуком и цветом, Грейли стал переводить на полотно симфонии и сонаты великих композиторов и записывать ноты картин великих живописцев. Он прославился как живописец и ком-

* Последние две фразы вписаны в процессе редактирования, чтобы ярче выразить мысль, которая у автора отсутствовала. (Прим. редактора.)

позитор, будучи заурядным мошенником, перевозившим свою контрабанду из оптики в акустику и обратно. На следствии выяснилось, что его первый концерт для скрипки с оркестром был не чем иным, как «Моной Лизой» художника Леонардо, а его второй концерт для фортепиано с оркестром (преступник до того обнаглел, что уже не мог обходиться без оркестра) оказался «Девочкой на шаре» художника Пикассо, и все его многочисленные акварели оказались произведениями Баха, Моцарта и Чайковского.

Процесс Грейли стал вершиной его изобразительно-музыкальной деятельности, поскольку ни одна деятельность не вызывает такого интереса, как деятельность, преступившая закон. Ни один выставочный и концертный зал не видел такого скопления народа, как зал судебного заседания, вынесшего преступнику суровый, но справедливый приговор, на который не решится самая объективная критика.

Премии, которые Грейли получил за выдающиеся заслуги в области музыки, живописи, оптики и акустики, целиком ушли на уплату штрафа, к которому его приговорил суд. В газетах о том и о другом было сказано коротко: «Преступник получил по заслугам».

Карьера Брюна

Коллега Брюн внезапно замолчал. Он замолчал не в каком-то определенном разговоре, он вообще замолчал, и это было тем удивительней, что прежде коллега Брюн не молчал даже тогда, когда все взывали к его молчанию. И никто не знал, что он изобрел Великий Умолчатель.

Умолчатель был прост и не требовал никаких дополнительных источников питания, он работал на энергии, предназначенной для произнесения слов. Вместо того чтоб расходовать на разговор, эта энергия направлялась на умолчание.

Вскоре коллега Брюн стал доцентом Брюном. Потом профессором Брюном. Он молча поднимался по научной лестнице, оставив далеко внизу всех говорящих.

И пусть коллега Грейли говорит, что молчание бесцветно, что только звуки могут выглядеть красочно. Пусть говорит, он так и останется коллегой Грейли. Не доктором, не профессором, а просто коллегой.

— Слышишь, коллега Грейли? Вспомнишь мои слова!

Собственно, не слова, потому что вся энергия, идущая на слова, у профессора Брюна привычно перерабатывалась в молчание.

Альф ИПСИЛОН

Бесси

Переход в газообразное состояние Дрейк перенес довольно легко, и оно показалось ему ничуть не хуже твердого и жидкого состояния. Каждая его молекула обрела простор и свободно воспарила, не скованная другими молекулами, и от этого всему Дрейку стало непривычно легко и даже чуть-чуть кружилась голова, но где именно находится голова, установить было невозможно.

Тот, кому хоть раз случалось переходить в газообразное состояние, знает это волнующее чувство вездесущести, которое поднимает тебя над миром и несет легкой дымкой над тревогами брэнной земли — в одну бесконечную даль или в другую бесконечную даль — весь мир для тебя бесконечная даль, потому что ничто в нем тебя больше не задевает...

Правда, и в этом есть своя оборотная сторона: Дрейку вдруг показалось, что он с кем-то смешивается, и он всполошился, опасаясь реакции замещения, которая заменит его неизвестно кем.

— Кто вы такой? — Дрейк постарался отодвинуться от незнакомого газа. — Кто вам позволил соединяться со мной?

— Мне позволила любовь... Дрейк, это же я, твоя Бесси!

Он стал припоминать. С какой-то Бесси он встречался в твердом состоянии. Родители ее были против, но она сказала, что всюду пойдет за ним. И пошла. Из твердого состояния в жидкое, из жидкого в газообразное... Она всюду пошла за ним, хотя ее родители были против.

— Дрейк, теперь нас ничто не разделит! Настоящая любовь возможна лишь в газообразном состоянии!

Любовь любовью, но не следует терять голову (кстати, где она, голова?). Нужно постараться сохранить свое «я», хотя это и нелегко в газообразном состоянии.

— Бесси, постарайся держаться в рамках!

— Зачем?

— Черт возьми, чтобы нам окончательно не смешаться!

— Ты не хочешь со мной смешаться?

— Послушай, любовь, конечно, дело хорошее, но чтобы мы могли друг друга любить, нам надо знать в точности, где ты, а где я.

— Зачем?

У него даже сердце заболело, хотя он и не чувствовал, откуда именно идет эта боль. А может, сердце заболело не у него? Может, оно заболело у Бесси?

Теперь это невозможно было определить.

— Я не буду тебе мешать, вмешиваться в твою жизнь, смешиваться с тобой, раз ты этого не хочешь...

Бесси плакала, переходя в жидкое состояние, и Дрейк видел, что ей приносят облегчение слезы... Или, может, ее слезы приносили облегчение ему?

Дрейк чувствовал, что скоро он снова будет один. Бесси уходила от него в жидкое состояние, чтобы уйти еще дальше, в твердое состояние... Бесси уходила к родителям, навсегда отделяя себя от Дрейка...

Макси

Водитель таксомотора времени требовал плату в оба конца, ссылаясь на то, что в прошлом не сможет взять пассажиров.

— Там много пассажиров, — уверяла его Клэр, — я каждую субботу езжу к прапрапра... — разговор затягивался, и Клэр поспешила договорить: — ... бабушке.

— Платите за оба конца, — настаивал невозмутимый водитель.

— И что у вас за порядки? В прошлое — плати за оба конца, в будущее — плати за оба конца...

Старый водитель покачал головой:

— Ничего не поделаешь, приходится платить. И за прошлое платить, и за будущее...

Пенелопа

ОДИССЕЙ стремился к ПЕНЕЛОПЕ — Орбитальный Дистанционный Искусственный Спутник Ежедневной Информации держал курс туда, где в сверкающем оперении облаков то появлялась, то исчезала ПЕНЕЛОПА — Пока Еще Неопознанный Летающий Объект Постоянной Аккумуляции.

ПЕНЕЛОПУ окружали ЖЕНИХИ — Жесткокрепленные Еще Неопознанные Источники Характерных Импульсов, — и ОДИССЕЙ понимал, что вступить в контакт с ПЕНЕЛОПОЙ будет не так просто.

Была ВЕСНА — Время Естественной Световой Неистощимой Активности. В небе светило СОЛНЦЕ — Самостоятельная Оптимально Лучающаяся Незатухающая Центральная Единица, а внизу лежала ЗЕМЛЯ — Зона Единственно Мыслимых Локальных Явлений.

ОДИССЕЙ летел к ПЕНЕЛОПЕ сквозь плотное кольцо ЖЕНИХОВ и гадал: опознают они друг друга или не опознают? Так обидно жить рядом и навеки остаться неопознанными... А тут еще эти жесткокрепленные ЖЕНИХИ.

ОДИССЕЙ замедлил ХОД — Хронометрированное Орбитальное Движение, чтобы послать на ЗЕМЛЮ очередную информацию: «Объект вижу. Пока не опознаю». С ЗЕМЛИ тут же поступил ответ: «Продолжайте опознавать. Следуйте прежним курсом».

ЗЕМЛЯ замолчала. Сегодня она уже не выйдет на связь.

ОДИССЕЙ продолжал следовать прежним курсом.

И вдруг его волноулавливатели зафиксировали незнакомые позывные:

— ОДИССЕЙ, ты веришь в любовь?

Электрословарь ОДИССЕЯ заработал с лихорадочной скоростью, пытаясь отыскать позабытое слово.

— ЛЮБОВЬ?

— Да, любовь...

Ага, вот оно. Локальное, Юридически Безответственное Одностороннее Влечение... И в это он должен верить? Он, источник информации — не локальной, не безответственной и юридически совершенно неуязвимой!

— Эй, на ПЕНЕЛОПЕ! Как меня слышите? Иду на опознавание. Без всякой, подчеркиваю: без всякой ЛЮБВИ!

— Прощай, ОДИССЕЙ! Ты меня никогда не опознаешь!

ПЕНЕЛОПА удалялась неопознанной в сопровождении своих ЖЕНИХОВ. Жесткокрепленных. Но источающих характерные импульсы. Так вот что это за импульсы!

ЛЮБОВЬ... Ну при чем здесь ЛЮБОВЬ?

— Эй, на ПЕНЕЛОПЕ! При чем здесь ЛЮБОВЬ?

Ответа не было. Навеки замолчали на ПЕНЕЛОПЕ*.

Письмо в прошлое

Жена моя!.. Нет, не жена... Внучка моя или внучка моей внучки!.. Не знаю, кого застанет на Земле это письмо. Вы не помните меня, и никто меня на Земле не помнит, хотя расстались мы только вчера.

Я напому о себе. Нас было трое: наша дочь и мы, ее родители. Но однажды наша дочь заболела, и врачи не знали, что у нее за болезнь. В то время много говорили о летающих кораблях, принадлежащих какой-то более высокой цивилизации. И я решил обратиться за помощью к этой цивилизации.

Мне это удалось: геометрия пространства — тема моей диссертации, и я вычислил наших братьев по разуму, как Леверье вычислил планету Нептун.

Они не выразили никаких эмоций при моем появлении, только один из них сказал: «Довольно любопытный способ решения». Говорили, как требует вежливость, на языке гостя.

* Рассказ наглядно показывает, чего можно добиться простым сокращением — не только фраз, но даже отдельных слов. (Прим. редактора).

«Чему у вас равно Q?» — спросил пожилой брат по разуму.

Я сказал.

«И вы уверены, что нигде не допустили ошибки?»

«Все абсолютно точно, хотя абсолютность — понятие относительное», — сказал тот, которому понравился способ.

Я объяснил им, зачем к ним явился. Рассказал о нашей дочери и о том, что вся надежда на них.

«Непонятно», — сказал тот, которому понравился способ решения.

«Что ж тут непонятного? У меня больна дочь...» — «Ну и что же?» — «Она может умереть». — «Ну и что же?» — «Но ведь я отец, как я могу примириться со смертью дочери?»

«Непонятно, — сказал тот, которому понравился способ решения. — Все, что вы вычисляли, было понятно, а то, что вы говорите, невозможно понять. Разве то, что у вас умирает дочь, не естественно?»

«Но ведь вы можете ее спасти?»

«Вы имеете в виду вот это? — Он взял карандаш и набросал формулу выздоровления. — Можно решать и так. Особенно учитывая возраст вашей дочери. Но в данном случае это исключено, поскольку нарушит событийную последовательность. И кроме того, учтите несоответствие времен».

Он показал на календарь. Там было число 2096.

«Это по вашему летосчислению?» — «Нет, по вашему».

Жена моя! Нет, не жена... Внучка моя или внучка моей внучки! Я не могу к вам вернуться. Прошло столько лет... Меня там никто не помнит... Стоит ли нарушать событийную последовательность?

Одно только меня тревожит: выздоровела ли наша дочь? Пусть она уже все равно умерла, мне очень важно, чтобы она выздоровела тогда, в детстве. Чтобы она прожила свою жизнь, пусть мгновенную по неземному времени, но по земному — долгую, по земному — полную жизнь, которую не заменит ничто — никакие вечности, никакие времена и пространства!

Внеземная цивилизация

На Альфе Пегаса богатый животный мир, но разумом там обладает только верблюжья колючка. А верблюдов там нет, они там не водятся. Может быть, это и является причиной такого бурного развития верблюжьей колючки.

Живут они там семьями, каждый куст — большая семья, причем не родственников, а единомышленников, это их больше сближает. Все они объединены стремлением познать истину.

Вокруг громоздятся пески, среди которых не так-то легко найти истину, но это никого не смущает. И никто не помышляет о том, чтобы сменить эти пески на более благодатную почву.

Длинный Стебель, вероятно, глава одной из семей, сказал Свену:

— Истина тем хороша, что она не лежит на поверхности. Это первый признак, который отличает ее от лжи.

Он был прав, и все семейство его закивало. Только один Зеленый Стебелек смущенно сказал:

— Мне кажется, я уже нашел истину.

— Замолчи! — одернул его Длинный Стебель. — Гость может подумать, что ты глуп. Разуму свойственно искать истину, а находит ее только глупость*.

— Но я все-таки нашел, — упорствовал Зеленый Стебелек.

— Это он о Зеленой Веточке, — объяснил Свену Длинный Стебель. — Приятная веточка, ничего не скажешь, но принимать ее за истину...

— Что же делать? — смутился Стебелек. — Когда я на нее смотрю, мне ничего другого искать не хочется.

— Пока не хочется. Но пройдут годы, и ты поймешь, что истина — это яркое солнце над головой, а еще пройдут годы — и тебе станет ясно, что истина — это мяг-

* Так это бывает у них, во внеземной цивилизации. (Прим. редактора.)

кий, теплый песок, в который хочется поглубже зарыться. И все это будет ошибка, потому что истина только в поисках истины и другой истины нет.

Вот они до чего додумались на своей планете. Потому что, когда нет никаких занятий, кроме размышлений о смысле жизни, непременно придешь к бессмыслице.

— Вы с Земли? — спросил Свена Тонкий Стебель. — Говорят, у вас на Земле есть верблюды? Понимаете, мы здесь все верблюжьих колючки, а верблюдов у нас нет. Это очень грустное обстоятельство.

— Очень, очень грустное обстоятельство, — закивали другие тонкие стебли.

— Но они вас съедят! — воскликнул Свен. — Ведь основное, чем питаются верблюды на Земле, это ваш брат верблюжья колючка.

— Этого нам еще не хватало! — сказал Длинный Стебель. — Нет, я положительно убежден, что глупость нас погубит, как она погубила все прежние цивилизации*. У нас ведь не первая цивилизация, — пояснил он Свену. — Был когда-то мыслящий огонь, но он додумался до воды, и она его погубила. Потом была мыслящая вода, бурная и глубокая, но она додумалась до песка, и он ее поглотил. Теперь на этом песке выросли мы, и жили б себе разумно, стараясь ни до чего не додумываться... Так нет же, нам подавай верблюда!

— Может, вы нам уступите одного верблюда? — попросил Свена Тонкий Стебель.

— Да он же съест вас!

— И пусть! Раз уж мы верблюжьих колючки, нам нужен верблюд, иначе в этом нет никакого смысла.

Вот к чему приводят поиски смысла. Чистый разум, уничтожающий сам себя.

На какое-то мгновение Свен почувствовал себя верблюжьей колючкой. Без верблюда ему стало как-то нехорошо. И его потянуло на Землю, к верблюдам**.

* А вот это справедливо и для нашей цивилизации. (Прим. редактора.)

** Конечно, не только к верблюдам. (Прим. редактора.)

Встреча с космосом

— Вы мне не верите? Но я действительно только что оттуда. — Скайл протянул нам герметически скрытую стеклянную баночку. — Вот взгляните: я наполнил ее космической пустотой.

Мы взглянули и ахнули: в баночке действительно было пусто.

Спрос и предложение

Очередь протянулась на несколько кварталов: в магазин выбросили таблетки красоты.

За соседними прилавками скучали продавцы: никак не удавалось сбыть лежалый товар — таблетки доброты, честности, благородства...

«Как это несправедливо! — подумал Черри (таблетки справедливости тоже не пользовались спросом). — И когда мы научимся видеть настоящие ценности, заботиться не о внешности, а о сути?»

Черри грустно покачал головой и стал в очередь.

Эффект отсутствия

Семья встречалась только за обеденным столом, а остальное время проводила в разных созвездиях. Сын отправлялся в созвездие Стрельца, дочь в созвездие Тельца, а мать в созвездие отца, чтобы проследить, чем он там занимается. За их совместную жизнь отец сменил немало созвездий: когда-то его тянуло к Деве, потом Кассиопея, оттеснив Деву, взяла над ним власть. А под конец, охладев к той и к другой, отец пристрастился к Чаше...

Нет, они не летали в эти созвездия. Космический век кончился, себя не оправдав. Надоело жить со скоростью света, метаться между галактиками, тем более что изо-

бретение «эффекта присутствия» позволяло побывать в любой точке космоса, не покидая родной Лямбды. Нажатие кнопки — и ты на планете Блямбде, еще нажатие — и ты на планете Плямбде.

Сын рассказывал о битве в созвездии Стрельца, где он одержал убедительную победу, используя «эффект присутствия» там, где его противник присутствовал в самом буквальном смысле.

Дочь пасла коров. Там, в своем созвездии, она пасла коров, бегала босиком по траве и дышала настоящим, а не искусственным воздухом.

— А мы посидели... — сказал отец. — Хорошо посидели...

Ничего этого не было. Просто каждый уходил в свою комнату, ложился на электронный диван и, нажав кнопку, начинал жить — не своей, а той, другой жизнью. Во Вселенной хватало жизни, успеть бы только каждой пожить!

Между тем родная планета Лямбда, стоя на вершине прогресса, постепенно сползала вниз: «эффект присутствия» в различных пространствах и временах был, по существу, эффектом отсутствия на планете Лямбда.

Направленный Блямбдой и Плямбдой радиосуп зафиксировал на Лямбде полное отсутствие жизни...

Нищий

Автоматический нищий не отходил от окна.

— Подайте бедному, несчастному! — металлически канючил он, жалобно мигая желтыми и красными лампочками.

— Проходи, проходи! — прикрикнула на него миссис Мроуз.

— Помилосердствуйте!

— Вот я на тебя автособаку спущу!

Автонищий исчез, испугавшись автособаки. Миссис Мроуз слышала, как он канючил под соседскими окнами.

— Развели нищих...

Именно развели. В век всеобщего благосостояния, когда никто не нуждался ни в чьей помощи, специально были изобретены автонищие, чтобы сохранить в людях милосердие и доброту. Людям не хватает доброты, миссис Мроуз чувствовала, как ей не хватает доброты...

Миссис Мроуз вышла во двор и погладила авто-собаку.

М_{ария}

Два солнца — огромное красное и маленькое голубое — садились за горизонт планеты Марии, а на фоне их сидели два кузнечика, точнее, два неземных существа, напоминавших земных кузнечиков, и наслаждались закатом.

Они не знали, что сидят на планете Марии, это знал только Ловел Стерн, потому что он-то и назвал Марией планету, на которую прибыл с далекой Земли.

Мария осталась на Земле. Почему-то им стало тесно на Земле, и Мария осталась, а он улетел — и прилетел на планету, которую назвал Марией.

Два неземных кузнечика имели довольно независимый вид — вероятно, потому, что каждый сидел на фоне своего солнца. Они смотрели в разные стороны и сохраняли между собой дистанцию, наподобие двух солнц.

А Мария осталась на Земле. Она тоже держалась независимо, но ей это было трудней, потому что у Земли только одно Солнце.

Кузнечик голубого солнца потер лапку о лапку, положил голову на одну из них и задумался. А кузнечик красного солнца закинул ногу на ногу, подчеркивая, что ничьи мысли, кроме своих, его не интересуют.

Наступила ночь, но и она не могла их соединить, потому что на небе взошли две луны, желтая и оранжевая. И эти луны были, как два воздушных шара, готовых лопнуть от своей независимости...

А Мария осталась на Земле и ничего не знала о планете Мария. И не знала она, что можно вот так просидеть всю жизнь, подперев голову кулачком и закинув ногу на ногу, — потому что независимость — это совсем не любовь, настоящая любовь — это зависимость. Иметь одну Землю на двоих, одно Солнце на двоих, только одно, все только одно на двоих...

Ловел Стерн покидал планету Мария. Он покидал эту Марию ради той, земной, как еще недавно покинул ту ради этой, двусолнечной и двулунной...

Два неземных кузнечика не заметили, как он улетел: каждый из них смотрел в свою отдельную, персональную сторону...

Цирк

Большой африканский слон летал под куполом цирка, а Пирли посреди арены раскланивался. Понадобилось двадцать два года упорной, изнуряющей обоих работы, чтобы заставить слона летать на ушах.

Конечно, Пирли применял телепатию, но не так просто вложить в слоновью голову человеческую мысль. Да и кому охота, чтобы в его голову вкладывали чужие мысли? Естественно, слон сопротивлялся. Уши у него были большие, но недостаточно тренированные, чтобы поднять с земли многотонное тело, к тому же слон был ленив: он просто не хотел работать ушами.

Пирли показывал ему, как это делается. Собственными ушами он двигать не мог, приходилось приставлять кисти рук и махать ими, делая вид, что поднимаешься в воздух (для этого Пирли использовал лестницу-стремянку). Слон отворачивался. Ему было противно это зрелище, и он упорно не хотел "подниматься на крыло" (термин, заимствованный Пирли из орнитологии).

Да, хлеб дрессировщика — не сахар, а сахара, кстати, пришлось затратить порядочно, прежде чем был до-

стигнут результат. Если бы самому Пирли скормили столько сахара, он бы, наверно, давно летал и на ушах, и на чем угодно...

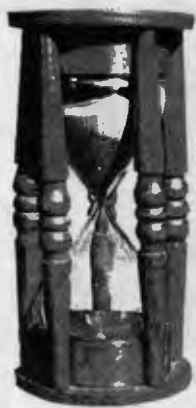
Слон распростер уши и оставил их в неподвижности: он парил. Он парил под самым куполом, и Пирли не разрешал ему спускаться ниже, чтобы зрители не увидели, как дрожит его хобот и круглятся от страха глаза. Работа слона тоже была не сахар, поэтому сахар он получал отдельно, а виде компенсации.

— На посадку! — скомандовал Пирли.

Слон продолжал парить. Пришлось повторить ему команду несколько раз да еще ударить в большой барабан, прежде чем он, наклонив уши под нужным углом, пошел на снижение.

Цирк грохотал, Пирли кланялся, но слон не слышал аплодисментов. Научившись летать на ушах, он разучился слышать...

Изобретатель Вечности

Изобретатель Вечности

Изобретатель Вечности умер

в 1943 году в маленьком курортном городке на берегу Средиземного моря. Незадолго перед тем в этом море пошел ко дну представитель оккупационного командования, пожелавший освежиться в оккупированных водах и оставшийся там дольше желаемого.

В это время в воде находились. ПРОФЕССОР ЭНТОМОЛОГИИ, пятидесяти восьми лет; тридцать пять из которых были отданы не собственной жизни, а жизни различных насекомых; КОММЕРЧЕСКИЙ АГЕНТ небольшой торговой конторы, выглядевший старше своих тридцати двух лет; ПОЧТАЛЬОН, выглядевший моложе своих шестнадцати лет; СТУДЕНТКА МЕДИЦИНЫ, двадцати лет с небольшим; ПАРИКМАХЕРША дамского зала, тридцати лет с небольшим; БАКАЛЕЙЩИЦА, владелица бакалейной лавки, некоторых лет с небольшим; а также СТАРУХА-МАНЕКЕНЩИЦА, возраст которой уже ни для кого не представлял интереса.

Все эти лица были обнаружены в воде после того, как от представителя оккупационных властей перестали поступать какие-либо известия. Коммерсант и Парикмахерша оживленно беседовали в воде (не заходя, впрочем, глубоко, чтобы быть на виду у собеседника). Старуха у самого берега принимала морские ванны, остальные плескались каждый сам по себе, поскольку в то время были еще незнакомы.

Все они были доставлены на берег и взяты в качестве заложников, с угрозой, что через месяц будут расстреляны, если не объявится настоящий преступник. Их поместили не в тюрьму, чтоб они не утратили вкуса к жизни, а, напротив, предоставили им комфортабельный особняк, снаружи зарешеченный и тщательно охраняемый, но внутри довольно уютный.

Это был своего рода эксперимент.

Первый день тянулся долго, и Профессор объяснил это причинами субъективными. Время, сказал он, в значительной степени явление психологическое, зависящее от

процессов, которые происходят внутри нас. Радость убывает, время, горе замедляет его, а ожидание смерти заставляет ползти совсем медленно, потому что жизнь сопротивляется смерти.

Старуха-манекенщица охотно поддержала разговор о смерти. Разговоры об общей участи отвлекали ее от мыслей о собственном неизбежном конце. В то время когда Старуха-манекенщица была манекенщицей, а не старухой, мысли о бренности жизни не посещали ее, тогда она видела в жизни другие стороны. Но коловращение жизни повернуло ее к Старухе бренной стороной, и уже ничего не было видно, кроме бренности. Морские ванны должны были Старухе помочь, но они, напротив, погубили ее окончательно. Такое беспокойное время: кто-то кого-то топит, а больного человека вытаскивают из воды, прерывают курс лечения...

— Не нужно говорить о смерти, — сказала Бакалейщица. — Пока мы молоды... — она осеклась, поймав на себе критический взгляд Парикмахерши.

Профессор считал, что она права, что, для того чтобы жить, нужно сосредоточить себя на жизни. Есть насекомые, жизнь которых составляет всего несколько часов, но это отнюдь не приводит их в отчаянье. За свои несколько часов они проживают не меньше, чем крокодилы за триста лет.

— Неужели за триста? — у Старухи заблестели глаза, и ее собственный возраст показался ей младенческим.

— Ненавижу насекомых, — сказала Парикмахерша. — И крокодилов тоже, не понимаю, зачем им так долго жить.

Коммерсант предложил Студентке прогуляться по коридору, но Студентка уткнулась в конспект и не слышала его приглашения. Тогда Коммерсант послал Почтальона за газетами, — может быть, в доме сохранились какие-нибудь газеты, — а Старухе предложил выгладить ему брюки, — если, разумеется, в доме найдется утюг.

Старуха кивнула, думая о крокодилах. Неужели они так долго живут? Триста лет! А тут — какой-нибудь месяц. Что можно успеть за месяц?

Только не пожить. Пожить не успеешь и за всю жизнь, не то что за какой-то там месяц. Насекомые — другое дело, у них потребности крошечные. И вообще неизвестно, зачем они живут. А крокодилы зачем живут? Непонятно зачем, правильно сказала Парикмахерша. Триста лет живут — и непонятно зачем.

— Все относительно, — сказал Коммерсант. Он был относительно небольшой Коммерсант, и это заставило

его исповедовать теорию относительности. — Каждый город — маленькое государство, каждый дом — маленький город...

— Какой у нас миленький город, — сказала Парикмахерша, окидывая взглядом городские стены и потолок.

Коммерсант предложил ей прогуляться по коридору, но она отказалась. Она была дамской парикмахершей, и сердце ее замирало при виде мужчин, которые стриглись в соседнем зале. Их бороды и усы были для нее полной загадкой, и, придя с работы домой, она подолгу стояла перед зеркалом с бритвой в руке, воображая, что бреет клиента. Но в дамском зале, а тем более в ее одинокой комнатке, брить было некого, и рука ее повисала в воздухе, как птица на бреющем полете...

Почтальон принес газету. Он обнаружил в кладовке целую пачку старых газет, но принес только одну, чтобы обеспечить ежедневную доставку почты. Он распределил газеты по датам, и хоть все они были пятилетней давности, но каждая, по сравнению с более старой, сообщала новости посвежей, и это обеспечивало регулярный приток информации.

Коммерсант развернул газету и прочитал о формировании правительства Даладье, три года назад ушедшего в отставку. Весть о формировании правительства Даладье, в свое время не оправдавшего ничьих ожиданий, теперь была воспринята с радостью, поскольку обозначала уход в отставку оккупационных властей. Было, правда, опасение, что правительство Даладье уступит место правительству Поля Рейно, которое в самые трудные дни сбежит из Парижа, уступив страну маршалу Петену, который уступит ее все тем же оккупационным властям. Крутоворот истории, связанный с чтением старых газет. И хоть говорят, что новое — это хорошо забытое старое, но иногда старое возвращается так скоро, что о нем даже не успеваешь забыть.

— Все относительно, — сказал Коммерсант, углубляясь в газету.

Да, конечно, все относительно. В сущности, человек уже при своем рождении приговорен к смерти, разница лишь в том, когда будет исполнен приговор — через день, через месяц или через столетие. Эту мысль высказал Профессор, знаток биологических систем, имеющих разную продолжительность, но одинаковую завершенность.

Еще там, на пляже, Парикмахершу привлекла роскошная борода Профессора, и здесь ее продолжала смущать

его борода. Пальцы ее сжимали отсутствующую бритву, и рука ее взлетала, как птица в свой бреющий полет.

— С точки зрения бабочки-поденки тридцать дней, которые нам отведены, это не такой уж малый срок, — сказал Профессор энтомологии.

— Для этой бабочки час — как год, — кивнул Коммерсант. — У нее время идет по повышенному курсу. Мы, люди, живем в условиях временного изобилия, поэтому мы не ценим времени. А если б у нас на счету был каждый день, мы пустили бы его по повышенному курсу.

— И получили б те же прибыли? — усомнилась Бакалейщица.

— Конечно. Произвожу элементарный подсчет: предположим, час идет по курсу месяца. Значит, сутки у нас составляют два года, а месяц — шестьдесят лет.

— Это заманчиво, — улыбнулся Профессор и подмигнул Старухе-манекенщице. — Мы еще проживем шестьдесят лет.

— Не с моими болезнями, — не приняла его оптимизма Старуха.

Бакалейщица вздохнула:

— Мы — бабочки, которых посадили в общую коробку и позволили прожить в ней тридцать дней...

— Шестьдесят лет, — поправил ее Почтальон. — Привыкайте к новому летосчислению.

Все привыкали к новому летосчислению. Первые несколько месяцев прошли в устройстве на новом месте.

Профессору отвели отдельный кабинет, чтобы он мог заниматься научной работой. Кроме того, ему предстояло вести работу преподавательскую: читать Студентке курс лекций, проводить с ней семинарские занятия, а впоследствии принять у нее экзамен.

Старуха-манекенщица молодела у всех на глазах. Ведь молодость измеряется не тем, сколько прожито, а тем, сколько еще предстоит прожить. Теперь Старухе предстояло прожить столько же, сколько молодой Студентке и юному Почтальону, и, если б не ее болезни, она бы чувствовала себя такой же молодой, как они.

Все стали ровесниками, и сорокалетняя (скажем так) Бакалейщица обратила внимание на тридцатилетнего Коммерсанта. Она сразу выделила его среди прочих своих ровесников — шестидесятилетнего Профессора и шестнадцатилетнего Почтальона. Этому способствовало и то, что, в своей семейно-бакалейной жизни отягощенная мно-

гочисленной семьей и толпами покупателей, она впервые оказалась в столь малолюдном окружении, что смогла разглядеть каждого отдельного человека.

Через два года после знакомства (сутки по старому летоисчислению) Почтальон доставил Бакалейщице первое письмо, в котором ей было назначено первое свидание в коридоре. А еще через три месяца Коммерсант получил ответ. Расстояния были короткие, и почта работала вовсю, но письма шли очень долго — по новому летоисчислению.

Почувствовав прилив молодых сил, Старуха-манекенщица принялась наводить в доме порядок, о котором в своем собственном доме уже не думала много лет. Теперь у нее было будущее — пусть не слишком большое, но не меньшее, чем у других, а главное — здесь ей было для кого стараться. Едва открыв глаза, она лихорадочно соображала: нужно прибрать у Профессора в кабинете, а еще до того подготовить рабочее место для Парикмахерши, а еще раньше — разбудить Почтальона и собрать его в путь, чтобы он успел доставить утренние газеты.

Она будила Почтальона, наскоро кормила его и провожала до дверей из столовой в гостиную. Затем протирала зеркало Парикмахерши, ставила перед ним кресло и аккуратно раскладывала орудия парикмахерской деятельности: расчески, ножнички, щипчики, бигуди... Она сама удивлялась своей энергии. Она могла три месяца подряд тереть пол, чтобы довести его до полного блеска, провести неделю у какого-нибудь серванта, сообщая ему приличный и эстетический вид. У каждой двери она положила половичок и строго следила, чтоб ноги вытирались при переходе из комнаты в комнату и обратно. Домашняя работа не имеет начала и конца, и это в какой-то мере приобщает ее к вечности. Может быть, потому молодые любят ее меньше, чем старики, а старики обретают в ней спасительное ощущение, что всему этому никогда не будет конца... Старуха-манекенщица, казалось, демонстрирует эти чужие комнаты, как демонстрировала когда-то чужие одежды. Ну-ка поглядите, не согласитесь ли здесь пожить? Только в этих комнатах можно жить в нынешнем сезоне! Только в этих — и только в этом сезоне!.. Потому что жизнь бабочки — только один сезон.

Так проходили годы, и, как это обычно бывает с годами, они пролетали как один день. В свободные от лекций часы

Профессор писал монументальный труд: «Жизнь бабочек в условиях закрытых помещений».

В том большом мире, где время измерялось полновесными годами, была война, но здесь об этом никто не думал, потому что здесь люди жили в другом измерении. Они и прежде не мыслили слишком широко и там, где их никто не ограничивал, ограничивали себя сами: жизнь в маленьком мире имела те преимущества, что избавляла человека от больших бурь. Профессор ограничивал себя энтомологией, Бакалейщица — бакалеей и семьей, Парикмахерша — дамским залом, за которым начинался неведомый ей мужской, полный тревог и опасностей, как всякий мир, которым правят мужчины.

— Посидим под плафоном, — предлагал Бакалейщице Коммерсант, и они усаживались под плафоном, который лил на них лунный свет.

Это сидение под искусственной луной возвращало Бакалейщицу в те далекие годы, когда и луна была другая, и Бакалейщица была другая, да и человек, сидящий с нею рядом, был совершенно другой. Тот человек, впоследствии Бакалейщик, впоследствии супруг и отец пятирех детей, тогда еще был никем, но именно тогда он был ей особенно дорог. Лунный свет... Возможно, во всем виноват лунный свет, делающий близким постороннего человека. Потом, когда он рассеется, станет ясно, что человек чужой, но это придется скрыть от него, от себя и от всех, потому что будут общие дети, общая семья и общая бакалея... А больше — ничего общего, а особенно того, что когда-то привиделось в лунном свете...

Едва зародившись, отношения между Бакалейщицей и Коммерсантом встретили горячую поддержку со стороны остального населения этого ограниченного мирка. Почта-льон целиком посвятил себя их переписке, тратя на доставку корреспонденции не более одного дня. Студентка восстанавливала в памяти забытые стихи и, как листовки, разбрасывала их по комнате. А Старуха-манекенщица, глядя дальше других, тайком шила пеленки. Хотя для того, чтоб понадобились пеленки, нужно было не шестьдесят, а чуть ли не шестьсот лет по новому летосчислению, но истинная любовь не боится подобных препятствий, и Старуха шила пеленки, веря в истинную любовь.

Между тем виновники всех этих предприятий сидели в центре внимания, совершенно его не замечая. Таков эгоизм любви: она ничего не замечает, когда сидит вот так, под плафоном.

— Взгляните туда, — говорила Бакалейщица, поднимая кверху глаза, а вместе с ними — мечты и надежды. И там, под сводами вечернего потолка, ее мечты встречались с его мечтами, а ночь уже подступала, окружая их плотной стеной, говоря точнее — четырьмя плотными стенами...

Так пролетело тридцать лет, и Старуха забеспокоилась, что не успеет дошить пеленок. Здесь, в этом замкнутом мире, годы летели особенно быстро, и она почувствовала, что опять начинает стареть. Давали о себе знать болезни, оставшиеся еще от той, прежней старости, и порой она месяцами не вставала с постели, а однажды провела в постели целый год.

Она вспоминала полновесные годы своей молодости... Хотя молодость подвижней, чем старость, но движется она медленней. А старость летит как на крыльях, — пусть на старых, немощных крыльях, — но она так пролетает, что за ней не поспеть.

Особенно сейчас это чувствуешь. Только поселились, начали жить — и уже тридцать лет прошло. И осталось всего тридцать лет. Бабочкино время.

Это было грустно, тем более что Старуха всегда оставалась в душе манекенщицей, храня верность ушедшей юности и красоте. Это трудно — хранить верность юности и красоте, которые сами не способны сохранить верность.

И вот в этот безнадежный момент, когда спасения, казалось, ждать было неоткуда, Почтальон принес Старухе письмо:

Учитывая катастрофическое вздорожание времени, предлагаем считать час не месяцем, а годом. Таким образом, в нашем распоряжении еще триста шестьдесят лет.

В письме не было ни подписи, ни обратного адреса, но категорический его тон убеждал. Особенно убеждало то, что в любом случае триста шестьдесят лет предпочтительней тридцати лет, или пятнадцати дней — по первоначальному летосчислению.

Старуха почувствовала прилив новой молодости. Триста шестьдесят лет — это минимум четыре жизни, и она начала жить за четверых, как жила тогда, когда была не старухой, а манекенщицей. Правда, тогда она не знала, сколь-

ко у нее впереди, а теперь научилась считать оставшиеся годы.

— Господи, какие мы еще молодые! — воскликнула Старуха, предавая гласности полученное письмо. — Нам еще жить и жить... Жить и жить...

И пока она это говорила, прошло три дня. Но что такое три дня — по новейшему летосчислению!

У Бакалейщицы и Коммерсанта длиннее стали свидания, но зато длинней и разлуки.

— Опять нам не видется несколько лет, — сокрушались они, расходясь по своим комнатам, а встречаясь, восклицали: — Все эти годы! Все эти долгие годы!..

Что может быть длиннее годов разлуки? На Плутоне год составляет двести пятьдесят земных лет, но даже его год короче года разлуки. Даже такого, который пролетает всего лишь за один час.

Поэтому дольше всех живут те, кто живет в разлуке. Для них каждый день — как год, а каждый год — как полтора года на Плутоне. А что такое полтора года на Плутоне? Это триста семьдесят пять земных лет в условиях вечного холода и вечной темноты, на расстоянии шести миллиардов километров от Земли.

Вот что такое годы разлуки.

Ежедневные газеты Почтальона стали сначала ежегодными, а потом доставлялись раз в двадцать четыре года. Но и при такой периодичности газет не успевали читать. До газет ли тут, когда год просидишь в кресле у Парикмахерши, чуть ли не год конспектируешь одну лекцию, а на уборку тратишь не меньше трех лет?

А Профессор сидел над своей монографией, и на обдумывание каждой фразы у него уходило два, а то и три месяца. Ничего удивительного, это был серьезный научный труд, на который не жаль потратить и целую жизнь, — «Жизнь бабочек в условиях закрытых помещений».

Жил-был Психиатр. Он лечил людей от ложных представлений (если исходить из того, что истина известна нормальному человечеству), в том числе и от мании величия, то есть чрезмерного преувеличения собственных достоинств. Допустим, зяблик возомнил бы себя орлом — это мания величия в ее классической форме. А вот если бы орел возомнил себя зябликом — это уже не мания величия, а скорее комплекс неполноценности у орла. А если зяблик возомнит себя воробьем или

орел возомнит себя соколом — это уже не мания и не комплекс, а вообще неизвестно что. То есть оно неизвестно нам, а Психиатру оно было известно.

Однажды, подводя, итог своей многолетней деятельности, Психиатр обратил внимание на любопытный факт: за последние десять лет никто из его больных не возомнил себя Наполеоном. Наполеон — стандартная форма величия, а поскольку для неполноценных умов понятнее и доступнее форма, то первое, что приходит в голову такому уму, — это возомнить себя Наполеоном. Не встречалось за последние десять лет Жанны д'Арк и Джордано Бруно, Ньютона и Шекспира. Максимальными вершинами, до которых поднималось маниакальное воображение душевнобольных были их ближайшие начальники: директора, заведующие, управляющие делами. У лейтенанта была мания, что он капитан, у капитана — что он майор, у майора — что он подполковник. Такое снижение маниакального потолка было тоже своего рода патологией, снижением потенциальных возможностей личности в результате утраты веры в себя. Это губительно не только для самой личности, но и для общества в целом, поскольку любое общество состоит из отдельных личностей. И Психиатр решил поднять этот потолок, привить своим больным манию истинного величия.

Он рассказывал им о подвигах, совершенных до них на земле, о путях, приводивших людей к величию. Он говорил о неисчерпаемых возможностях человека, о том, что разница между большими, средними и маленькими людьми — лишь в различной степени использования этих возможностей. Маленькая крестьянская девушка спасла огромную страну, совершила подвиг, незабываемый для истории. Каждая девушка имеет такую возможность.

— Что касается бабочек, то они, конечно, лишены этих возможностей, — закончил Профессор свой рассказ, которым иллюстрировал лекцию, прочитанную Студентке. — Потому что жизнь бабочки ограничена физиологией, бабочка не может выйти за пределы физиологии, а человек — может. Разорвать этот ограниченный круг, выйти за пределы физиологии — это, в сущности, и означает стать человеком. Человек становится тем выше, чем выше поднимается он над физиологией. Над бабочкиной физиологией. Над звериной физиологией. Над человеческой физиологией. Над физиологией всех, кто жил до него на земле.

Почта была доставлена с опозданием на целый год: Почтальон слушал лекцию Профессора. Прежде он не слушал его лекций: все они были о насекомых, то есть, в сущности, о мелочах, — но теперь, когда Профессор заговорил о людях, причем о выдающихся людях, Почтальон не смог пройти мимо и прослушал лекцию до конца.

Чем отличается человеческая жизнь от бабочкиной? Не только тем, что бабочкина короче. У человека есть возможности, которых у бабочки нет. Бабочка могла бы облететь вокруг Земли, если б у нее была такая возможность. Но у нее нет такой возможности. А у человека есть.

Взять, к примеру, братьев Монгольфье, которые первыми поднялись на воздушном шаре. До них люди не умели летать. У них была возможность летать, но они не умели летать, потому что не использовали эту возможность. А братья Монгольфье использовали — и полетели. Они вышли за пределы своей физиологии — и полетели. И теперь никто не скажет, что люди не умеют летать...

Почтальон с детства мечтал стать летчиком, и, если бы не война, он бы непременно стал летчиком, потому что у него была такая возможность. Война временно лишила его этой возможности, но когда война кончится..

Хорошо мечтать о будущем, когда впереди почти четыреста лет. О том, как станешь летчиком, окончишь университет, научишься стричь бороды так, как их стригут в мужском зале... Или о том, как посветишь все четыреста лет личной жизни, как завершишь работу над монографией и будешь нянчить младенцев... Боже, какие головокружительные открываются перед каждым из нас перспективы! Если б мир, который нас окружает, был построен заново и при этом строился из одних перспектив, он был бы удивительным миром. Только бы перспективы не сталкивались, не перечеркивали друг друга, как перечеркивает, например, перспектива нянчить младенца перспективу завершения монографии.

Мир тесен, и любая перспектива, продолженная до бесконечности, непременно пересечет бесконечное число перспектив и, в свою очередь, будет пересечена ими. И это не просто закон геометрии, который можно затвердить со школьной скамьи, — это закон жизни, который нельзя заучить, потому что он всякий раз создается заново.

Мы живем на пересечении перспектив, и мир, в котором они пересекаются, — тесен. Да, мир тесен, особенно если его заключить в четыре стены.. Но разве стены —

преграда для перспектив? Окружите нас десятками стен, упрячьте в каменные мешки, — и оттуда, в бесконечность, к далеким звездным мирам помчатся наши освобожденные, раскрепощенные перспективы...

И прошло еще двести лет, и Старуха опять почувствовала, что стареет. В ней уже не было той легкости, какая была двести лет назад, и она годами не вставала с постели. Жизнь уходила из нее, как уходит публика из демонстрационного зала, когда все моды исчерпаны, все модели показаны и пора закрываться... Пройдет немного времени — и пора закрываться. Осталось каких-нибудь полторы сотни лет...

И тогда Почтальон принес ей письмо:

В соответствии с новой реформой времени считать отныне годом не час, а минуту. Впереди у нас 9600 лет.

Почти десять тысяч лет... Практически это означает вечность. Никому из земных жителей не удавалось прожить столько лет. Библейский Мафусаил прожил 969 лет — смешно сказать, меньше тысячи! Да, Мафусаил был не жилец...

До сих пор Старуха прожила по разным летосчислениям около трехсот лет, а впереди у нее — почти десять тысяч... Старуха соскочила с постели и заняла очередь за Бакалейщицей, которой Парикмахерша делала укладку. Парикмахерша работала быстро, и не прошло и сорока лет, как она, покончив с Бакалейщицей, принялась за Старуху. Хотя — почему за Старуху? Разве можно назвать старухой женщину, которая прожила каких-нибудь триста лет? Крокодиль живет триста лет, но умирает он стариком. А для нас в триста лет жизнь только начинается.

Часы тикали, отмеряя не часы и минуты, а годы и века. Полный круг часовой стрелки — почти тысяча лет. Еще круг — еще тысяча... И в одно прекрасное тысячелетие Почтальон обнаружил, что на него начинает давить потолок.

Дело было не в росте. Ростом Почтальон был ниже всех остальных, но на длинного Коммерсанта потолок не давил, а давил на малорослого Почтальона. Не потому ли, что он с детства мечтал стать летчиком?

Или под влиянием лекции Профессора о потенциальных возможностях человека? Да, все дело было в потенциальных возможностях. Почтальону казалось, что потолок

давит именно на эту его потенциальную часть и мешает ей воплотиться в действительность.

Почтальон спросил Профессора о Психиатре — удалось ли ему привить своим больным манию истинного величия и стали ли они нормальными великими людьми? Профессор ответил, что, к сожалению, пока еще величие не является нормой. Больше того: приобщаясь к величию, человек зачастую нарушает нормы — социальные, научные, эстетические или просто психические, если речь идет о чистой психиатрии. И наоборот: становясь абсолютно нормальным, человек зачастую утрачивает свое величие — не только патологическое, но даже истинное, которое должно бы являться нормой. История помнит юношу, который встречал на берегу корабли, радуясь их благополучному возвращению и глубоко страдая, когда с ними случалась беда. Это были не его корабли, и везли они чужие грузы, и никому не были нужны ни радости его, ни страдания, но он не уходил с берега, продолжая встречать корабли. Потом его вылечили, и он стал нормальным человеком. Его перестали волновать чужие беды и радости, он четко отличал свои беды и радости от чужих... От чего его излечили? От патологического или от истинного величия? Это случилось в древности, когда медицина еще не была настолько сильна, чтобы поставить правильный диагноз.

Вечность пролетала быстро: не успели оглянуться — и нет семи тысяч лет. И осталось всего три тысячи лет, пятьдесят лет по прежнему летосчислению. А по первоначальному — пятьдесят часов.

Время вокруг сжималось, смыкалось тесней и тесней, и нельзя было распрямиться и шагу ступить в этом времени. Обычно его не видишь, не знаешь, сколько его впереди, и от этого легче дышится. А когда оно все на виду, и все меньше его и меньше, и уже так тесно, что остается только сидеть на корточках да ничком лежать на полу, тогда хочется и самому сжаться, стать бабочкой, чтоб еще хоть немного полетать, попорхать.

Но человек не может быть бабочкой, ему нужен настоящий простор, необозримый простор во времени и пространстве. И он умирает, когда у него не остается времени жить. Когда больше нет времени, чтобы жить, человек умирает.

Студентка перестала вести конспект: она больше не поспевала за Профессором. А Профессор спешил дочитать курс до конца: приближался экзамен.

— На каждого человека Земли приходится до тридцати миллионов насекомых, а по весу насекомые чуть ли не в десять раз превосходят все человечество. Человечество в подавляющем меньшинстве, поэтому так почетно принадлежать к человечеству...

Тикают часы, отмеряя минуты, дни и — века. Минутная стрелка скачет не по минутам, а по годам, и весь ее путь — сплошной новогодний праздник. От нового года — к новому году, и нет никаких старых лет, все годы молоденькие, не старше минуты. Поэтому им так весело, они, как дошкольники, стали в круг, и по кругу этому скачет минутная стрелка. С Новым годом! С Новым годом! Только и успевай поздравлять, потому что больше ничего сказать не успеешь...

Тикают часы... Тикают часы... Почему они тикают так громко?

Оглушительные удары, от которых сотрясается дом. Как будто остатки времени колотятся в дверь, требуют, чтоб их выпустили отсюда... Время чувствует, что здесь, в этом доме, ему скоро придет конец, и оно рвется прочь, чтобы слиться со своей вечностью... Но ведь вечность здесь, она изобретена здесь. Десять тысяч лет, если считать годом минуту. Шестьсот тысяч лет, если считать годом секунду. Шестдесят миллионов лет, если считать секунду столетием. И так далее, без конца. Именно — без конца, ведь без конца — это и есть вечность...

Почему же вечность боится, что ей наступит конец? Почему она колотится в дверь, требуя, чтоб ее выпустили из дома? Вечность, куда же ты? Дверь заперта, и за дверью стоит часовая. Он стоит на часах, на страже запертой вечности.

Тикают минуты, стучат часы, гремят столетия, и грохочет вечность.

И вдруг грохот смолкает. Внизу скрипнула дверь. И в наступившей тишине — тот же голос, который говорил. «Вам письмо. Вам газета», — теперь говорит:

— Это я прикончил вашего офицера.

Удаляющиеся шаги. И опять тишина. Присмиревшие часы тикают еле слышно.

Это были не его корабли, зачем же ему было ради них жертвовать жизнью? Лететь, как бабочка, на огонь, не

дождавшись дня... Разве не разумней дожидаться дня, а не лететь на огонь среди ночи?

— Бедный мальчик, — сказала Бакалейщица, — не понимаю, как ему удалось утопить взрослого офицера.

— В таком возрасте все ищут подвигов, — спокойно объяснил Коммерсант.

Эти мужчины совсем как дети, подумала Парикмахерша. Утопить человека у них называется подвигом.

— Возраст такой, — сказал Коммерсант. К ним опять возвращалось забытое понятие возраста, воздвигая между ними возрастные барьеры...

— А ведь молчал, — затрясла головой Старуха. — Обо всем рассказывал, а об этом молчал...

— У меня такие дети, — сказала Бакалейщица. — Что-нибудь сделают — и молчат. Хотя ты дух из них вон — не скажут ни слова.

— Мог бы признаться раньше, — сказала Парикмахерша.

— Это не так просто, — возразила Студентка. — Нужно собраться с духом, ведь идешь на верную смерть. Он мог бы и вовсе не признаваться, его бы не заподозрили, но он поступил как мужественный человек. Он дважды поступил как мужественный человек, и когда признался, и когда утопил этого офицера.

— Ну, знаете, если это называется мужеством... — Парикмахерша не кончила фразы, заметив, как дрогнула профессорская борода.

— Утопил офицера! — воскликнул Профессор. — Кто вам сказал, что он утопил офицера?

Коммерсант отвернулся к окну:

— По-моему, он сам в этом признался.

— Он солгал. Я был все время возле него, он барахтался у самого берега, учился плавать.

— Он не умел плавать? — удивилась Парикмахерша. — Как же он мог кого-то утопить, если он сам не умел плавать?

— Теперь его убьют, — сказала Старуха. И заплакала.

— Его бы все равно убили, — резонно заметил Коммерсант. — Что же лучше: чтоб убили одного или семерых? Простая арифметика.

— Не такая простая, если приходится умирать самому, — сказал Профессор.

— Это субъективный взгляд, — сказал Коммерсант. — А в данном случае нужно рассуждать объективно.

Старуха спросила, почему же он, Коммерсант, в интересах объективности не взял вину на себя? Ведь и тогда была бы та же арифметика: один вместо семерых.

Коммерсант ответил с ледяным спокойствием:

— Почему именно я должен был рассуждать объективно? Здесь есть люди постарше... — при этом он посмотрел на Старуху, затем на Профессора и наконец остановил взгляд на Бакалейщице. Он и прежде любил останавливать на ней взгляд, но теперь в этом было что-то новое и обидное.

Старуха вышла на лестницу, словно для того чтобы посмотреть вслед Почтальону, как не раз смотрела вслед уходящим от нее сыновьям.

— Дверь открыта, — сказала она, возвращаясь.

— Они сняли охрану, — сказал Профессор, выплыв в окно.

— Значит, мы свободны? — уточнила Парикмахерша.

Все были свободны, но все оставались на местах. Корабли благополучно причалили к берегу, но никто не спешил сойти на берег.

— Зачем он взял вину на себя? — недоумевала Парикмахерша. — Чтобы спасти нас? Но ведь мы были так мало знакомы...

— Это вы не были с ним знакомы, а я любила его, как сына. Как внука. Всякий раз, когда мне было плохо, он приносил мне письмо. — Старуха беспомощно огляделась по сторонам, ища письмо, потому что сейчас ей было особенно плохо.

— Мы тоже были ему не чужие, — сказала Бакалейщица. — Я относилась к нему с большой симпатией.

Студентка усмехнулась:

— И этого достаточно, чтобы отдать за вас жизнь?

— Почему за меня? Скорее за вас, вы ближе ему по возрасту.

Парикмахерше Почтальон тоже нравился, хотя, к сожалению, они были мало знакомы. Газет она не читала, а писем ей никто не писал. И она никогда не могла подумать, что он, для кого она не была даже адресатом...

— Почты сегодня не будет, — сказал Коммерсант. И увидел в руках у Старухи письмо.

Все-таки она получила письмо. С опозданием, но получила. Как она была благодарна этому мальчику, что в такую минуту он не оставил ее без письма! Она подошла к

серванту, чтобы поправить салфетку, и под салфеткой обнаружила письмо. И это было — как возвращенная молодость.

— Что же нам пишут? — осведомился Коммерсант. — На конверте нет адреса, это значит, что письмо адресовано всем. Дайте-ка я прочитаю.

— Нет, — сказала Старуха, — только не вы.

Она читала медленно, как читала когда-то в начальной школе, потому что что-то вдруг случилось у нее со зрением и с голосом тоже:

Живите долго. Когда почувствуете, что осталось впереди мало лет, считайте годом день или час, и опять впереди у вас будет вечность. Так, вероятно, поступают бабочки, которые живут один день. Каждый, кто живет, проживает вечность, только измеряется она по-разному. Моя вечность подходит к концу, а ваша пусть подольше не кончается. Извините, что не смог доставить вам это письмо, как положено почтальону.

— Тот же почерк, — сказала Старуха-манекенщица. — Значит, это он писал письма, которые продлевали мне жизнь.

— Продлевали нам жизнь, — сказала Студентка.

— И теперь он снова продлил нам жизнь, — сказала Бакалейщица.

Коммерсант посмотрел на часы, которые опять показывали часы, а не годы и столетия.

— Изобретатель Вечности, — сказал Коммерсант.

Теперь стало ясно всем, что это он, Почтальон, изобрел для них вечность. Профессор считал это поистине великим изобретением. В ответ на замечание Коммерсанта, что вечность существует объективно и независимо от нас, Профессор возразил, что иногда ее стоит заново изобрести, чтобы сделать доступной человеку.

— Жизнью пользуйся живущий, — сказал Коммерсант.

— Это правда, — вздохнула Бакалейщица.

Это была нелегкая для нее правда. Ей было искренне жаль этого мальчика, этого Почтальона, но ведь они, в сущности, только начали жить. Они с Коммерсантом только начали жить.

Она придвинулась к Коммерсанту, но он отодвинулся от нее: разница лет встала между ними как стена, и было

не преодолеть возрастного барьера. И не только возрастного. У него была своя семья, у нее своя. У нее своя бакалея, у него своя коммерция. Все, что их еще недавно сближало, выпорхнуло, как бабочка, в открытую дверь, за которой простирались их разные жизненные дороги... У каждого своя дорога. Своя ли? Жизнь, которая ждала их за дверью, стала для них чужой за этот месяц — за эти века и тысячелетия. Все, что они здесь обрели, все, что дала им вечность — пусть небольшая, пусть бабочкина, но все-таки вечность, — теперь было безвозвратно утрачено. Профессор не допишет своей монографии о жизни бабочек в условиях закрытых помещений, Старуха вернется к своей старости, а Парикмахерша — в дамский зал, отделенный, отгороженный от мужского. Стихи, переписанные Студенткой, будут напрасно звать о любви, и стопка пеленок не дождется своего хозяина... Бакалейщица это поняла и отодвинулась от Коммерсанта.

Все стали друг другу чужими, словно они не прожили вечность под одной крышей, и близок им был только тот, ушедший, создавший и разрушивший их маленький бабочкин мир. Он был им близок, хотя он-то ушел особенно далеко — так далеко, что не хватит и вечности, чтобы вернуться.

Студентка встала.

— Хватит с меня вашей энтомологии! Он там сейчас умирает, чтобы мы могли еще немножко поползать, попорхать!

Она отбросила свой аккуратный конспект — почему-то не в сторону Профессора, имевшего прямое отношение к энтомологии, а в сторону Коммерсанта, который никакого отношения к этой науке не имел.

— Счастливого оставаться. Приятной вам вечности. Я не хочу, чтоб за меня умирали другие.

— Как будто только за вас, — сказала Парикмахерша, а Коммерсант выразил эту мысль более четко и доказательно:

— Человек умирает за коллектив. Это нормально. Ненормально, когда коллектив гибнет ради одного человека.

Старуха чуть не бросилась на него с кулаками:

— Он считает это нормальным! За него умирает человек, а он считает это нормальным!

— Не за меня, — терпеливо объяснил Коммерсант. — Он умирает за коллектив, а каждый из нас — всего лишь частичка коллектива.

— Я не частичка, — сказала Студентка, — я человек. И я имею право умереть сама за себя, как положено человеку.

Парикмахерша возразила:

— Что значит — за себя? Ведь не вы же...

— Именно я. Мне стыдно, что я не сказала об этом раньше, но это я, я утопила этого боша.

Она была похожа на Старуху в молодости: такая же непреклонность, такая же решимость идти до конца, не думая о последствиях. А Старуха давно уже привыкла думать о последствиях, и в данном случае она их ясно себе представляла. И когда Студентка поднялась, чтоб уйти, Старухе показалось, что это уходит ее молодость, уходит, чтобы больше не возвращаться.

— Этого не может быть, — сказала Парикмахерша. — Я видела, как вы плескались в воде — осторожно, чтобы не замочить прическу.

— И тем не менее я это сделала.

Профессор покачал головой:

— Не думаю, чтоб вы были способны убить человека.

— Вы меня плохо знаете.

Профессор улыбнулся. Как он может плохо ее знать, если она прослушала у него курс лекций? Манера слушать у каждого своя, поэтому, если хочешь человека узнать, посади его слушать лекцию.

Заговорил Коммерсант, пытаясь внести здравый смысл в эту эмоциональную неразбериху.

— Вероятно, у вас был повод его утопить? Он, наверно, вас оскорбил, унизил ваше достоинство?

Он, как преподаватель на экзамене, подсказывал ей ответы. Несмотря на ее враждебность, он все-таки хотел ей помочь.

Студентка подтвердила, что офицер унизил ее достоинство. Нет, лично ей он ничего не сделал, он даже ее не заметил. И все же он унизил ее достоинство.

Здравый смысл исчез, опять началась какая-то путаница. Как можно унижить достоинство девушки, не видя ее и не подозревая о ее существовании? Профессор сказал, что сам факт оккупации унижает достоинство каждого человека. Но, конечно, не до такой степени...

— Так вы из политических соображений? — догадалась Парикмахерша. Она была далека от этих соображений, да и вообще от оккупационных властей: все они стриглись не у нее, а в соседнем зале.

— Как бы ни было, я одна буду за это отвечать. — Студентка шагнула к выходу, но Старуха оказалась там раньше.

— Это не вы утопили офицера.

— Откуда вам это известно?

Старуха улыbnулась своей возвращенной молодости:

— Мне известно. Потому что его утопила я.

— Вы? Пожалуйста, не смешите! С вашим ревматизмом, радикулитом, с вашими спазмами... — Бакалейщица перечисляла болезни, на которые Старуха жаловалась не раз, и каждая была весомым аргументом и наповал сражала болящую, как сражают только болезни.

— Ну и что, что радикулит? — отбивалась Старуха. — Стоит мне собраться с силами...

— В вашем возрасте это не так просто.

Он был молод, Коммерсант, и не выбирал выражений, говоря о чужом возрасте. Но Старуха больше не стеснялась своего возраста: ее возраст давал ей право выйти первой, удержать эту молодость, отдав вместо нее свою старость. Отдать старость взамен молодости — это значит снова стать молодой... Студентка обняла Старуху за плечи:

— Ну, пожалуйста... Они вам все равно не поверят. А мне поверят, я скажу, что он меня оскорбил, унизил мое достоинство...

Как будто Старуха этого не может сказать. Как будто у нее нет достоинства, которое можно унижить.

— Женщины! — воскликнул Профессор. — Почему вы берете на себя неженские дела? Разве там не было мужчин? Разве некому было утопить офицера?

— Кого вы имеете в виду? — сухо спросил Коммерсант.

Возникло молчание, которое сначала было неловким и беспомощным, но потом, крепчая, становилось все более выразительным, уверенным и могучим. И, нарушая это торжественное молчание, Профессор сказал:

— Я имею в виду себя.

В минуту опасности медляк-вещатель становится на голову и начинает вещать. Другие жуки разлетаются, а он медлит, потому что ему нужно оповестить... всех, кому грозит опасность, оповестить...

— Что, не похоже? Кабинетный ученый, книжный червь, и вдруг — такая партизанщина. А между тем... — Профессор говорил быстро, не так, как на лекциях, как будто боялся, что сейчас прозвенит звонок. — Я его сразу заметил. Когда он разделся и вошел в воду, я последовал за ним... В молодости я был неплохим пловцом, да и сейчас... В общем, я решил его утопить...

— Из политических соображений? — поинтересовалась Парикмахерша.

— Из политических. Из государственных. Из каких хотите. Решил использовать неиспользованные возможности, как говорил приятель мой Психиатр, прививая своим пациентам истинное величие. Я хоть и занимаюсь насекомыми, но в человеке этого не люблю... — Он говорил вдохновенно, и в глазах его появился отблеск того огня, на который он в данную минуту летел, как ночная бабочка. Но бабочка не видит, куда летит, а он видел.

Он говорил о каком-то партизанском отряде, с которым был связан и от имени которого действовал, он признался, что получил задание уничтожить представителя оккупационных властей и не только этого представителя оккупационных властей, но и всех остальных представителей оккупационных властей...

— Неужели всех? — ахнула Парикмахерша.

— Ну, не всех, возможно. Я ведь тоже там не один... у нас целый отряд, если хотите, целая армия...

Он спешил. Он боялся, что, если он остановится, вся эта история лопнет как мыльный пузырь, и он торопливо надувал этот пузырь, расцвечивая его всеми красками спектра.

— Настоящий мужчина! — сказала Бакалейщица, тем самым отделив Профессора от Коммерсанта, давая тому понять, что из них, двоих мужчин, именно он, Коммерсант, — не настоящий.

Это его задело. Даже внимание женщины, безразличной нам, нам, мужчинам, вовсе не безразлично. И хотя Коммерсант не собирался пожинать лавры, так щедро посеянные Профессором, но и созерцать их на чужой голове тоже было не очень приятно.

— Чепуха! — сказал Коммерсант. — Я один знаю, как было дело. Все это случилось на моих глазах.

Да, все произошло на его глазах, потому что он был ближе всех к этому офицеру. Офицера просто схватила судорога. Коммерсант видел, как исказилось от боли его лицо, как он открыл рот, чтобы крикнуть о помощи, но не успел крикнуть: его захлестнула волна. После этого он еще несколько раз появлялся на поверхности, тараща на Коммерсанта умоляющие глаза, но Коммерсант предпочел остаться в стороне, чтобы не быть замешанным в гибели офицера.

— Почему же вы им не сказали, что он сам утонул?

Профессор — наивный человек. Если бы Коммерсант это сказал, ему бы пришлось отвечать за то, что он не спас

оккупационного офицера. Офицер, таким образом, стал жертвой подозрительности и недоверия оккупантов к населению оккупированной ими страны.

— Вы просто негодай, — сказала Бакалейщица. — Боже, и я любила этого негодая!

Так всегда бывает, когда здравый смысл приносится в жертву эмоциям. Поступок Коммерсанта был безукоризнен с точки зрения логики, а если нас нельзя упрекнуть с точки зрения логики, то все остальные упреки беспочвенны и нелепы.

— Я пойду, — сказала Старуха. — Вы не бойтесь, я вас не выдам, я скажу, что сама видела, как он тонул.

Может, еще удастся спасти Почтальона, этого мальчика... Ее старость никому не нужна, а его юность многим еще пригодится.

— Я пойду с вами, — сказал Профессор. — Два свидетеля лучше, чем один.

— И я пойду, — сказала Студентка.

Парикмахерша колебалась. Она бы тоже пошла, но ведь она ничего не видела... Ее могут привлечь за лжесвидетельство...

— Все равно вам никто не поверит, — сказал Коммерсант. — Военская доблесть требует, чтоб офицер погибал от руки врага, а не тонул, как мокрая курица. Я это тоже взвесил. Я все хорошо взвесил — поэтому я молчал.

— Какой же вы негодай!

Коммерсант оставил без ответа замечание Бакалейщицы.

— Давайте рассуждать логично: мальчишка хочет умереть как герой, а вы хотите, чтоб он умер просто как лживый мальчишка. Живым его не выпустят — хотя бы за то, что он обманул оккупационные власти. Зачем же отнимать у него единственный подвиг, пусть даже он его не совершил? Будьте снисходительны к мальчику, дайте ему умереть героем!

Еще недавно они жили в этом доме, надежно запертые, отгороженные от всех проблем, от необходимости принимать решения. И потолок над их головой был хоть и ниже, но надежнее неба, и весь их маленький мир был хоть и меньше, чем тот, большой, но гораздо надежней и благоустроенней. Теснота пространства и времени — это еще не обида. Пусть вокруг необъятность Вселенной, безграничность времени, но есть у нас своя точка, своя малая величина, которая помогает

нам видеть себя большими. Во Вселенной это трудно — для этого нужна теснота: теснота Земли, теснота города и квартиры. Мы все великие, разница лишь в степени тесноты: один велик в пределах Земли, другой — в пределах своей квартиры. И у каждого своя вечность — большая или маленькая...

Они стояли на пороге своей маленькой вечности и смотрели в ту огромную вечность, которую нельзя ни подчинить, ни присвоить, которая, как свободная стихия, любит отважных пловцов, уходящих в ее глубину, не цепляясь за часы и минуты. Мы привыкли к часам, и минутам, и к месяцам, и к годам, но мы должны их покидать, потому что каждый из нас — пловец в океане Вечности. И мы не просто пловцы, брошенные как попало в пучину, мы сами выбираем свой путь, и из наших коротких часов и лет создается Вечность...

В эту Вечность ушел Почтальон, изобретатель Вечности, и теперь стало ясно, что изобрел он эту, большую вечность, а не ту, бабочкину. Хотя она и до него существовала, но он ее изобрел заново, потому что Большую Вечность нужно снова и снова изобретать, чтоб она не превратилась в пустую, бессмысленную стихию. Совсем нетрудно превратить Вечность в бессмысленную стихию: для этого нужно только цепляться за собственные года, за собственные часы и минуты...

Профессор шагнул навстречу распахнутой Вечности. Коммерсант остановился, пропуская женщин вперед: все-таки он был воспитанным человеком.

Несовершенство
двигает
прогресс

Несовершенство двигает прогресс

Потомки предков

У одних потомков были предки, у которых обе руки были правые. Поэтому каждый предок работал за двоих потомков.

Много они наработали, постепенно в потомков перешли, а когда перешли, почувствовали некоторую усталость. И подумали: а нельзя ли так приспособиться, чтоб одной рукой работать, а другой отдыхать?

И тогда они устроили леворуцию. С тем, чтоб левой рукой отдыхать, а от правой получать по способностям и соответственно ей воздавать по заслугам.

Но хотелось больше получать по заслугам, поэтому некоторые продолжали работать так, словно у них обе руки правые. То есть по-старому, как работали предки.

Это было неправильно. Не может один человек столько получать по заслугам. Поэтому у них отбирали заслуженное и отдавали тем, кто не имеет никаких заслуг.

Это называлось: социальная справедливость. И многие стали работать так, словно у них обе руки левые. Одни — чтоб показать свою леворуционность, другие — чтоб получать не по заслугам, а по социальной справедливости, поскольку по ней больше платят.

Врачи вместо язвы желудка ставили диагноз сердечной недостаточности. Больной умирал от язвы, а его хоронили от недостаточности. Он умирал от недостаточности, а его хоронили от непроходимости. Диагноз гонялся за болезнью по всем больным, но не мог ее догнать, и больных все время хоронили не от того, да как хоронили! Тоже так, будто у них обе руки левые.

Следователи хватали преступника обеими руками, но руки были левые, поэтому хватали не тех людей. Честные люди первыми попадали под следствие — не потому,

что следствие предпочитало честных, а потому, что их легче было поймать. И, конечно, если ловить левыми руками, приходилось ловить легкое, а не трудное. Надо сказать, что продукция, производимая левыми руками, была не такой уж качественной и не количественной тоже. На качественной продукции приходилось ставить специальный знак, чтоб ее можно было отличить от некачественной. А чтоб продукция выглядела более количественно, к ее количеству приписывали разные цифры — правда, тоже грубо, некачественно, левыми руками.

Леворуционность была у всех на виду, но продукция все больше исчезала из виду. И когда уже не стало мочи постоянно находиться под следствием, умирать не от тех диагнозов и получать от жизни все некачественное и неколичественное, люди призадумались: неужели в этом и состоит социальная справедливость?

Долго думали. Некоторые за ответом отправились к предкам, но до сих пор ответа так и не принесли.

Как избавиться от земного шара

На Земле было много цивилизаций, но всем им мешало то, что Земля круглая и что она вращается вокруг Солнца.

То, что Земля круглая, уже в самой первой цивилизации обнаружил ученый Фифагор, подвергнутый за это публичному осуждению. Потому что когда Земля круглая, по ней неудобно ходить, все время куда-то сваливаешься.

Но Фифагор сказал:

— Когда Земля круглая, все мы повернуты лицом друг к другу. Одни повернуты лицом, потому что повернуты лицом, а те, что повернуты спиной, тоже повернуты лицом, только лица их разделены земным шаром.

Однако на плоской Земле тоже живут не дураки. Фифагору сказали:

— Когда Земля круглая, все мы повернуты друг к другу спиной. Одни повернуты спиной, потому что повернуты спиной, а те, что повернуты лицом, тоже повернуты спиной, только спины их разделены земным шаром.

То есть нанесли Фифагору удар его же оружием.

После смерти Фифагора люди продолжали жить на плоской Земле, но постоянно чувствовали: куда-то они сваливаются. Куда можно сваливаться на плоской Земле?

Великий ученый Архивед соорудил такую пушку, снаряды которой летели по кривой, и это наводило на мысль, что Земля все же круглая. Последователи Архиведа взяли эту мысль на вооружение и стреляли из пушки по всем, кто был не согласен с его учением. Тогда все успокоились и стали устраиваться на круглой Земле.

И тут появляется Пуперник и говорит:

— Рано радуетесь! Земля вращается вокруг Солнца.

Как, с какой стати? Мало того что мы живем на круглой Земле и постоянно куда-то сваливаемся, так мы еще вращаемся вокруг Солнца! Валимся и вращаемся, валимся и вращаемся! Как же можно жить на такой Земле?

Трудно было жить. И не удержалась цивилизация. Такая была хорошая цивилизация — и не удержалась. Провалилась неизвестно куда.

За ней пришла другая и тоже провалилась неизвестно куда. Может, потому, что люди никак не могли договориться между собой? Их постоянно — то сзади, то спереди — что-то разделяло.

И тогда жители Земли пришли к выводу: их разделяет земной шар. Если бы не земной шар, они бы жили в полном согласии, душа в душу, рука об руку, одной большой и дружной семьей. Но как избавиться от земного шара?

Вот над этим ломали головы ученые позднейших цивилизаций. Но всякий раз получалось, что не они избавлялись от земного шара, а земной шар избавлялся от них. И все они куда-то проваливались.

Почему так получалось? Это остается загадкой и для нашей цивилизации.

Однако наука неуклонно движется вперед. Ученые не смыкают глаз, не покладают рук... И уже скоро, скоро... Осталось совсем недолго ждать... Еще один эксперимент, другой эксперимент — и мы наконец избавимся, навсегда избавимся от земного шара!

Ностальгия по холере

Сегодня у нас чума, а когда-то была холера. Холера — болезнь для избранных, ею болеют только люди. Если уж заболел холерой, можешь быть уверен, что ты — человек (иногда не хватает этой уверенности). А если чумой заболел, то это еще вопрос, потому что чумой болеет и всякая нечисть.

Эх, холера! Вот это была болезнь! От нее даже иногда выздоравливали. Некоторые еще лучше себя чувствовали, чем до болезни, говорили, что холера прибавила им здоровья.

А холерные бараки? Разве их можно сравнить с чумными ямами? Причем каждый больной холерой имел право на место в холерном бараке, среди людей, потому что холера — болезнь человеческая. А сегодня у нас ничего человеческого почти не осталось. Свалят тебя в чумную яму, польют известью, и лежи, отсыпайся.

И мы еще были недовольны. Холерой недовольны! Хотя лежали не в ямах, а в нормальных барачных условиях, и некоторые даже выздоравливали. Но все равно мы были недовольны. Вот и имеем теперь чуму.

Конечно, чума — более демократическая болезнь, потому что ей подвержена всякая тварь, а не только избранное человечество. Но демократия хороша, когда она вытаскивает из ямы, а не сваливает в нее.

Хотя некоторые и сейчас, при чуме, продолжают ругать холеру. Говорят, что это было закрытое барачное общество. Им подавай открытую яму, чтоб можно было извести открыто воровать, сплавлять ее на все четыре открытых стороны.

Но в большинстве своем народ вспоминает холеру хорошо и надеется, что она еще, возможно, вернется. И провозглашает народ:

— Холера на нашу голову! Где ты, холера на нашу голову?

И на свадьбах, именинах и других торжествах самое лучшее пожелание:

— Чтоб тебя холера забрала!

Охраняется государством

Много у нас памятников старины, но самый старый среди них — это наша тюрьма народов. И охраняется государством зорче других. Народ, однако, недоволен. Хоть и старинная тюрьма, и достопримечательная, а все равно тянет из нее на свободу.

Государство думает: может, и впрямь перестроить им эту тюрьму во что-то более пригодное для жизни? В какой-нибудь, к примеру, дом отдыха?

Перестроили. Сидят граждане, отдыхают. Раньше просто сидели в тюрьме, а теперь сидят, отдыхают. Дело это мудреное: сидеть-то они умеют, а отдыхать — нет. Пить, конечно, тоже умеют, потому что, когда сидишь, всегда почему-то выпить хочется.

Сидят, выпивают под охраной государства. Уже и пить нечего, и закусывать нечем, а они все равно выпивают, закусывают. С такой закалкой надо в рынок входить. Прямо в рынок входить, никуда не заходя по дороге.

Стали перестраивать дом отдыха в рынок. В торговый дом. Если б только не рэкет. «Рэкет» — слово английское, но он почему-то у нас появился. Ничего английского не появилось, только рэкет, то есть мучительство. Издевательство над гражданами. Как будто у нас своего издеательства не хватало.

Потерпите, говорит государство, все будет хорошо. Но никто терпеть не хочет. Может, перестроить торговый дом в дом терпимости?

Перестроили. Официально назвали — публичный дом, для большей публичности, всенародности. Чтоб народ понимал, что он не просто терпит, а публично участвует в этом большом всенародном деле. И все же спокойной жизни нет. Убивают, грабят, насилюют. В публичном доме насилюют! Ну не сумасшедший дом?

Между прочим, неплохая идея. Перестроили дом терпимости в сумасшедший дом. Тут, конечно, со всех сторон потекла гуманитарная помощь. И прямо на рынок, никуда по дороге не заходя. Потому что мы уже вошли в рынок и теперь никак из него не выберемся.

Гуляет государство под охраной государства. А сумасшедшие ходят с плакатами: «Верните нам нашу тюрьму народов!»

Ну не сумасшедшие? Верните им тюрьму народов! Тюрьму надо содержать, а на что ее содержать, когда тут на нормальную сумасшедшую жизнь не хватает?

О старый, добрый сумасшедший дом,
В какой содом ведут твои дороги?
Я б до всего дошел своим умом,
Да жаль, у головы устали ноги.

Обег из фауны

Иван Иванович вырыл во дворе ямку, встал в нее бо-сыми ногами и сверху ноги присыпал землей. Потом раскинул руки, как на утренней зарядке, а на руках растопырил пальцы. Теперь он был похож на дерево.

Иван Иванович решил поменять животный образ жизни на растительный, чтоб получать пищу непосредственно из земли. Зарплату по полгода не платят, цены в магазинах такие, что никакому животному не по карману — кроме, конечно, самых хищных, которые других едят, а магазинными продуктами только закусывают.

Иван Иванович стоял, погрузив ноги в родную землю, и прислушивался: поступает в него пища или не поступает? Когда он был животным, то сразу это определял. Правда, ногами он никогда не ел, разве что по пьянке.

Из дома выбежала жена Верка. Еще издали удивилась, что муж стал какой-то маленький. А когда, приглядевшись, увидела, что он стоит с закопанными ногами, подумала, что он начал постепенно себя хоронить, и подняла крик, граничащий с плачем. Хотя была Верка крепкая женщина и крик у нее никогда не граничил с плачем — разве что с плачем окружающих.

— Ваня! — кричала Верка. — Ты куда от нас собрался, на кого кидаешь родных детей?

Иван Иванович молчал. Ему как дереву положено было молчать и только прислушиваться: поступает в него пища или не поступает? Деревья, может, потому и не раз-

говаривают, что сосредоточены на добывании пищи. И если он за всю жизнь ничего для семьи не добыл, то, может, потому, что чересчур много разговаривал.

Вокруг собирался народ. Из дома выходили соседи, с улицы заходили прохожие. Одни рассматривали поступок Ивана Ивановича как самозакапывание — что-то вроде самосожжения, с той разницей, что при самосожжении человек сам себя сжигает, а при самозакапывании без внешней помощи ему не обойтись. Некоторые пошли за лопатами.

Ноги мерзли, хотя при еде должно становиться тепло. Но это смотря какая еда, под землей, наверно, не разъешься. Может, деревья для того и присыпают землей, чтоб они не упали от голода.

Криком кричала верная жена Верка. Соседи с лопатами, сообразив, что это не самозакапывание, а обыкновенная растительная забастовка, стали тоже вокруг окапываться в ожидании грядущих растительных битв.

Скульптуртрегер Кобыляко

В краю вечной мерзлоты и бессрочного заключения одному начальнику лагеря пришла счастливая мысль высечь на скале бессмертный образ товарища Сталина.

Богат талантами край вечной мерзлоты. Если по баракам распределять, то наберется барак писателей, барак композиторов и, конечно, барак художников со скульптурным отсеком. Начлаг Кобыляко среди вверенных ему талантов легко нашел мастера резца, освободил его от каторжных работ и даже назначил усиленное питание.

Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон, поэт может спокойно вкалывать на лесоповале, но, когда Аполлон потребует, тут уж извините: придется засучить рукава.

И мастер старался. Чуть свет он уже на скале, врубается в гранит, вырывая из него всенародно любимые черты, но придавая им более глубокое и осмысленное содержание. Особая трудность состоит в том, что в каждой каменной глыбе имеются свой Пушкин и свой Дантес,

Моцарт и Сальери, Каин и Авель, и как не запутаться среди них, извлекая образ товарища Сталина?

Троцкий ведь тоже там сидит. И Ленин сидит. И каждый ждет своего часа.

Скульптуртрегер Кобыляко в искусстве не очень разбирался, он в нем любил только образ товарища Сталина. И по мере того, как любимый образ проступал из гранита на белый свет, он все чаще навещался к скале, чтобы отдохнуть, созерцая вождя, от своей тяжелой и неблагодарной работы.

Когда оставалось прорубить всего несколько морщинок, чтобы улыбка вождя стала менее каменной и более человеческой, в лагерь внезапно нагрянула инспекция. Начлага отыскиали у подножия скалы, где он безмятежно наблюдал, как матерый враг нашего народа лупит топором по светлому лику товарища Сталина.

Арестовали обоих. Хотя мастер был уже один раз арестован, его арестовали во второй раз. Арестованные пытались объяснить, что скульптор не разрушал, а создавал образ великого Сталина, но вскоре оба признались, что работали на иностранную разведку.

На этом бы дело и кончилось, но в центре узнали, что отец народов оказался на Колыме, что было, конечно, результатом заговора. Арестовали инспекцию, лагерную администрацию, а также скульптора, уже дважды арестованного, арестовали в третий раз.

Но тут возник вопрос: что делать со скульптурой? Транспортировать в столицу — можно в дороге повредить, и тогда, чего доброго, загремишь в обратном направлении, а оставить ее на месте — получается, будто вождь народов сослан на Колыму.

Ситуация казалась безвыходной. Но там, на самом верху — не на скале, а на самом верху государства, — тоже не дураки сидят. Какой-то гуманный человек — не то Ворошилов, не то Каганович, а может быть, великий гуманист Молотов — сказал:

— Эти бедняги и без того много лишены, не будем их лишать светлого образа товарища Сталина.

Чтобы все было ясно, на скале выбили надпись: «Дорогому товарищу Сталину от любящих заключенных».

Но потом сообразили, что в таком случае скульптуру придется везти в Москву, и эту надпись забили, а вместо нее выбили новую: «Дорогим заключенным от любящего товарища Сталина».

Письмо со свободы

Репатриировался на свободу Гнусавый уже месяца с два, но до сих пор не получил статуса свободного человека. А какая свобода без статуса? Без статуса, друг любезный, и самого человека считай что нет. Тут-то и нахлынет на тебя ностальгия, тоска по утраченному, и Гнусавый писал другу Хрипатому в родные покинутые места:

«Живу я, Хрипатый, на свободе. Хорошие места. Однако жизнь трудная, хотя и свободная. Никто тебе бесплатно кусок не сунет, а начнешь кусать, все на чьи-то зубы натыкаешься.

Особенно много нищих. Самых настырных из них называют рэкетирами: прямо берут за горло, пока не подашь. Когда руку протягивают, не поймешь: за подайни-см или чтоб взять за горло. Можно, конечно, на это закрывать глаза, но, как говорится, никакая катаракта не спасает от теракта.

И все же те, которые со статусом, быстро в гору идут. Потенциальный талант, выдержанный в режимных условиях. Недавно встретил Гундосого. Вышел он из машины «Мерседес», а из других машин высыпала охрана. Привык ходить под конвоем. Только у нас ему конвой давали бесплатно, а здесь приходится из собственного кармана платить. Правда, карман у него будь здоров, в нем спрячется вся милиция вместе со всей прокуратурой.

Конвоируют здесь называют телохранителями, как кладбищенских сторожей. Оно и правильно, потому что только тело тебе и сохраняют, а остальное на твое усмотрение. Так что, Хрипатый, пока ты там, пользуйся бесплатной охраной...»

Гнусавый перестал писать и задумался. Ему представилось, как он сидит на нарах, рядом — Хрипатый, напротив — Косой и Рябой. Они сидят и травят баланду, а потом им приносят баланду — это уже обед. Как в песне поется: «Баланды, полные кефали...» Нет, в песне шаланды. Да и какая в баланде кефаль?

Он улыбнулся воспоминаниям и продолжал:

«Здесь тоже ставят решетки на окнах, как у нас. Только у нас, чтоб не вылезли, а здесь — чтоб не влезли. Такая свобода, Хрипатый: те же решетки, тот же конвой. Только люди другие. Расползаются по свободе, как тараканы, нет у них той близости, что у нас в тюрьме...»

Гнусавый посмотрел вокруг. Вокруг была свобода. Она была большая, но места в ней Гнусавому не было. Затюканый апостол, отставленный от дел, заместо нимба постол на голову надел, как поется в народной песне.

«А помнишь Понурого? — продолжал он в тоске. — Того, что грабанул банк. Теперь он в этом банке генеральным директором. Грабь хоть каждый день, даже не нужно отключать сигнализацию. А Гутнявый — народный депутат. Как начнет гутнявить под микрофон, народ из зала бежит, как с пожара. У нас он тоже гутнявил, но из камеры не побежишь, поэтому, если помнишь, мы ему на голове нары поломали.

Но, конечно, не всем так везет. Некоторые не выдерживают, репатрируются со свободы обратно, в насиженные места. Недавно милиция захватила большую группу репатриантов.

Трудно здесь, Хрипатый. Народ на свободе не защищен, он от всех зависит, буквально от каждого встречного. Свобода — это могила независимости, в могилах же только черви живут, а все люди — покойники.

Я пока держусь, на статус рассчитываю. Тогда и я подамся в народные депутаты. Гутнявить не буду, — Гнусавый улыбнулся мечтательно, — но своего не упущу, ты же меня знаешь. Может, выкуплю нашу хату и буду на нарах сидеть. Привык я, понимаешь, на нарах сидеть, это у меня с деда-прадеда».

Гнусавый поставил точку, расписался широким росчерком, а ниже в виде постскриптума поставил две большие буквы — PS, что на нашем родном языке означает: привет соседям!

Лечение — свет

В одном городе строили больницу.

По-разному строили: одни — с желанием, с огоньком, а другие — спуская рукава, через пень-колоду. И одних вывешивали на Доску почета, а других пригвождали к позорному столбу.

Чтобы помнить, что строим, через все здание протянули плакат: «Лечиться, лечиться и лечиться!»

Но все-таки не упомянули. Когда строительство было завершено, смотрят — это вовсе и не больница, а скорее исправительное заведение.

Тут лодыри быстренько отгвоздились от позорного столба и потянулись к Доске почета. И стали всем рассказывать, как они плохо строили эту тюрьму. А энтузиасты оправдывались, писали объяснительные записки. В том смысле, что они ведь не знали, что построят. Они только знали, что строили.

Но — что построили, то построили.

Стали перестраивать из тюрьмы больницу. Фундамент решили не менять, он был еще вполне хороший. И стены, тоже крепкие, решили оставить. Хотели снять решетки, но тут запротестовала бухгалтерия: решетки числились у нее на балансе.

«Глазок» в двери оставили, чтобы наблюдать за здоровьем больных. Забор с колючей проволокой — чтоб оградить больных от лишних посещений. И вышки по углам — для дежурных врачей. Вышки тоже числились на балансе.

Оставили и Доску почета. Ее водрузили на позорном столбе и написали на ней крупными буквами: ЛЕЧЕНИЕ — СВЕТ. Правда, этот свет или тот — не уточнили.

Педагогика в земледелии

Один огородник, педагог по образованию, сажал огурцы в расчете, что из них вырастут помидоры.

Вырастали, однако, огурцы. Что сажаем, то и имеем, как говорил один прокурор совсем по другому поводу.

Огородник же, как педагог, верил в преобразующую силу воздействия. Он считал, что каждый сомнительный фрукт может стать общественно полезным овощем — если, конечно, преодолеть наследственность, которая в нем укоренилась.

У огурцов была жуткая наследственность, и она упорно превращала их в огурцы. И тем верней, чем больше благ они получали.

Призадумался огородник. Они у него вон чем растут, а он еще создает им условия. Земельку под ними рыхлит, водичкой поливает. Нет уж, надо создать им такие условия, чтоб либо совсем не расти, либо — будь любезен! — расти помидором.

Перестал он их поливать, перестал пропалывать. Все равно лезут из земли огурцы. Прикрыл зонтом от дождя — лезут огурцы! Ну что с ними делать?

Взял мотыгу, вырубил все посаженное, новое посадил. Когда огурцы полезли, снова вырубил, снова посадил...

Так год за годом сажал и рубил, сажал и рубил... И однажды глядит: лезет из земли что-то красненькое.

Большой урожай собрал. Отличные помидоры. Из которых при желании можно вырастить огурцы.

Наследственность, конечно, в них сидит, но она ведь тоже до известных пределов.

Из жизни секретных служб

1. Кебая с застежкой на груди

Я плохо себе представляю Нкетию Квабену. Я вообще о нем впервые читаю в энциклопедии. Мне не было никакого дела до ганского музыкального фольклора, я искал в энциклопедии простое русское слово НКВД, и вдруг, на

том самом месте, где должно быть НКВД, я читаю: НКЕТИЯ КВАБЕНА.

Про НКВД — ни звука. Как будто его никогда не было. Вместо этого даются нейтральные сведения про Нкетию Квабену. Дескать, он фольклорист, музыкант, композитор, даже профессор — все, что угодно, лишь бы не говорить про НКВД. Старые приемчики: на месте НКВД возникает нечто совсем отвлеченное, а там, где должно быть отвлеченное, внезапно возникает НКВД.

Эх, Нкетия, Нкетия, наивный ты человек! Стоишь ты в энциклопедии, все сведения нараспашку, а что за тобой скрывается? Ты бы еще кебайю нацепил. Слышал про кебайю?

Ну, конечно, делаешь вид, что не слышал, а кебайя тебе как раз впору.

Отвлекает внимание. Во-первых, женская одежда. Во-вторых, индонезийская, что тоже встретишь не каждый день. Приталенная кофточка с застежкой на груди, но если заглянуть под застежку... Мы-то с тобой знаем, Нкетия, что там под застежкой, мы с тобой не вчера родились...

Это неподалеку от тебя, в той же энциклопедии. Я искал там простое русское слово КГБ — и вдруг натыкаюсь на эту индонезийскую кофточку. Кебайю. И стоит она, кебайя, на месте КГБ, застегнувши грудь на застежку, чтоб никто не видел, что там скрывается. Но мы-то знаем, мы с тобой, Нкетия, знаем, нам достаточно энциклопедию полистать. Листаем, листаем... ВЧК — на месте, ГПУ — на месте. А НКВД и КГБ скрылись в неизвестном гано-индонезийском направлении.

Потому что ВЧК и ГПУ — это история, а НКВД и КГБ — это, как говорится, наша жизнь. Зачем лишний раз напоминать про жизнь? От этого она лучше не станет.

2. Театр тридцать седьмого года

В самый разгар тридцатых годов на сцене одесского клуба НКВД шел спектакль «Доктор Штраус». Сцена изображала зверинец. Из клеток выходили хищники, и укротитель принимался хлопать бичом, загоняя их обратно в клетки.

Звери были очень хищные, но укротитель ничем не рисковал. Потому что это были не звери, а люди, одетые

в звериные шкуры. Их для того и наняли, чтоб они изображали зверей. Потому что для укротителей это было не так опасно.

Театр НКВД демонстрировал методы работы этой организации. Она ведь тоже старалась не иметь дела с настоящими врагами народа. С настоящими было бы трудно справиться, поэтому вместо них использовали не настоящих — обычных людей, на которых цепляли шкуру врага — диверсанта, вредителя или шпиона.

А мы были просто зрителями. Мы хлопали, кричали «браво!», как это обычно бывает в театре. Мы вырастали зрителями, а на сцену попадали только самые лучшие и самые худшие из нас.

Между ними была борьба — между лучшими и худшими. Побеждали худшие, и им доставались все цветы и аплодисменты. А лучшие ждали и надеялись, что когда-нибудь их время придет. Но время очень медленно идет и когда наконец придет, на сцене уже совсем другие люди...

3. Государственная профессия

Вор Прошкин обнаружил в кармане у случайного прохожего дензнаки иностранного происхождения, именуемые в обиходе валютой. Поскольку прохожий как по внешнему виду, так и по манере выражаться не был похож на гостя нашей страны, вор Прошкин тут же сообразил, что валютой он владеет незаконно. Опасаясь сесть в тюрьму как валютчик, вор Прошкин доставил ограбленного в милицию, где подтвердились незаконные операции задержанного лица. Валюта была конфискована в пользу государства, а вор Прошкин получил благодарность и пообещал и впредь помогать нашей славной милиции в задержании нежелательных лиц. И действительно: вскоре он вытащил пачку новеньких сторублевок, которые показались ему фальшивыми, и он сдал их вместе с владельцем в милицию, чтобы чего доброго не сесть в тюрьму как фальшивомонетчик. Деньги оказались настоящими, но были конфискованы в пользу государства, а вор Прошкин получил в подарок именные часы и путевку на южный берег Крыма. Там он обчистил в пользу государства несколько квартир, за что был представлен к званию Почетный Работник Государства.

В настоящее время вор Прошкин продолжает сотрудничать с государством. Недавно он взял банк, передав всю сумму в государственную собственность, а государство, припрятав эту сумму подальше, взыскало аналогичную с ограбленных лиц.

4. Ответ Шерлока Холмса

У Шерлока Холмса спросили, как он нашел себя.

— О, совсем несложно! — ответил великий сыщик. — Я просто искал преступника...

Слова, выкинутые из песни

1. Советский простой человек

Советский простой человек спал и видел во сне, как он по полюсу гордо шагает, меняет движение рек...

В дверь постучали. Советский простой человек думал, что стучат у него во сне, но во сне за дверью никого не было. Он отошел от двери и зашагал с песней по жизни, закаявшись в битвах и труде...

В дверь опять постучали, и он понял, что стучат не во сне. Он встал, накинул пиджак и пошел открывать настоящему.

В квартиру вошел тоже простой советский человек, но в военной форме и с ордером на арест, в сопровождении еще нескольких, таких же простых и таких же советских. Простого советского человека увели, затем увезли и посадили в камеру. Из камеры его водили на допрос, причем непременно ночью, поэтому он сначала думал, что все это с ним происходит во сне. Но от того, что с ним происходило, можно было либо проснуться, либо навеки уснуть, и он понял, что все это происходит в действительности.

Когда советский простой человек признался во всем, что от него требовали, его вывели на этап, и он прошел этап за этапом все этапы большого пути, о которых поется в песне.

За колючей проволокой оказалось много простых советских людей, и конвоировали их тоже простые советские люди. И когда те, которые были на вышках с пуле —

метаами, смотрели вниз, им казалось, что из партийного гимна сюда согнали всех проклятьем заклеянных, весь мир голодных и рабов.

Через двадцать лет простого советского человека реабилитировали, сказав, что напрасно его в ту ночь разбудили, пусть бы он дальше спал и видел во сне, как он проходит как хозяин необъятной родины своей. А еще через тридцать лет государство признало свои ошибки и объявило, что нужно было жить по-другому. Но советский простой человек уже не мог жить по-другому, он вообще никак не мог жить, потому что жизнь его кончилась еще раньше, на одном из этапов большого пути.

2. Пред родиной вечно в долгу

У советского человека было постоянное ощущение, что он что-то должен своей родине. Он даже песню такую сочинил: «Но где бы я ни был и что бы ни делал, пред родиной вечно в долгу».

Черт побери! Работаешь на нее, работаешь — и все равно в долгу. Но как мы залезли в такие долги? Что нам такого сделала родина, что мы принуждены всю жизнь с ней расплачиваться?

Любовь — чувство прихотливое, переменчивое, но родину нужно любить всю жизнь одну и ту же. Попробуй ей изменить, как ты изменяешь мелким родственникам! За измену родственникам не судят, а тут так осудят, что не увидишь ни родины, ни родственников. Поэтому советского человека старались не выпускать из страны, чтоб оградить его от соблазна полюбить другую родину. Хотя и перед другой родиной у советского человека был долг, который он называл интернациональным долгом.

Живет он, допустим, у себя, на своей родине, и вдруг спохватывается: что-то он другой родине должен. И тогда он собирает своих воинов-интернационалистов и вводит их как ни в чем не бывало в другую страну. Астрологи утверждают, что обычно это происходило в год Обезьяны. Или накануне года Обезьяны. Возможно, в память о том, что в год Обезьяны 1380-й мы прогнали со своей земли татаро-монгольских интернационалистов. А в год Обезьяны 1812-й — французских интернационалистов. А в год Обезьяны 1944-й — немецких интернационалистов.

А своих интернационалистов мы ввели в Венгрию в 1956 году. В год Обезьяны.

А в Чехословакию мы ввели своих интернационалистов в 1968-м. В год Обезьяны.

С Афганистаном, правда, чуть-чуть поспешили. Недотерпели. Ввели в 1979-м, накануне года Обезьяны.

Но некоторые недовольны. Что-то им в этом деле не нравится. То ли не уважают традиций, то ли им не по душе интернационализм, только они говорят:

— Лучше нам, как в этой злосчастной песне поется, быть пред родиной вечно в долгу, чем вот так выполнять свой долг перед родиной.

Бандиты и разбойники

Пришли бандиты к власти, а разбойники ушли в оппозицию. Благородные разбойники, которые у богатых отнимали, а бедным обещали раздать. Правда, прошли только первый этап: отнять отняли, а раздать не успели.

Ничего, когда снова придут к власти, раздадут. Теперь, когда половина дела фактически сделана, остальное будет не так трудно.

Что касается бандитов, то они были в принципе против того, чтобы у богатых отнимать, потому что сами очень быстро становились богатыми. Как же им было отнимать у себя, тем более допустить, чтоб у них отнимали другие?

Поэтому народ поддерживал разбойников, и вскоре они пришли к власти. А бандиты ушли в оппозицию. Народ затаил дыхание: ну, сейчас будут раздавать. Но никто ничего не раздает. Потому что эти бандиты все разграбили и теперь нечего раздавать народу.

— Нужно еще немного поотнимать, — говорят разбойники. — Поотнимаем, поотнимаем, а потом уже будем раздавать.

Возмущается народ. И оппозиция возмущается вместе с народом.

А благородные разбойники начинают отнимать у богатых, чтобы потом, конечно, бедным раздать, но у богатых богатство в таких местах, что его не отни-

мешь, — надежно спрятано. Приходится отнимать у бедных. У этих все их добро на виду. С одной зарплаты отнимешь, с другой отнимешь, так оно постепенно и собирается.

Отнимают разбойники, а как время приходит раздавать, уходят в оппозицию, чтоб возмущаться вместе с народом.

Бандиты придут, нагрябят — и уходят в оппозицию, чтоб возмущаться вместе с народом.

Не поймешь, кто грабит, кто возмущается. Ясно только, что все с народом, все за народ. Грабители и ограбленные — едины.

Меория отражения в практике переселения душ

На станции переселения душ собралось немало бывшего народа.

— Мародеры есть? — спрашивал дежурный администратор. — А погромщики, головорезы, насильники?

Этих переселяли в первую очередь. При таком скоплении душ нужно своевременно избавляться от душегубов. Но что станет с нашим будущим, если в нем окажутся одни душегубы?

На этот немой вопрос администратор ответил успокоительно: в будущее никого не пошлют. Согласно известной теории отражения, потусторонний мир есть зеркальное отражение мира действительного. Если живая жизнь движется из прошлого в будущее, то отраженная движется зеркально наоборот.

— Верно, батенька! — раздался знакомый голос.

Администратор содрогнулся:

— Вы опять здесь, Владимир Ильич? Я же вас уже трижды переселял в далекое прошлое!

— Ну что такое трижды, голубчик! Вы спросите у товарища Дзержинского, сколько раз он бегал из далекой сибирской ссылки. Вы здесь, товарищ Дзержинский?

— Здесь, Владимир Ильич.

— Вот видите, он опять здесь. А ведь вы его, если не ошибаюсь, переселили в Малюту. А еще раньше — в

Торквемаду. И он бежал из вашего прошлого в наше будущее, потому что будущее принадлежит нам.

Всем подавай будущее, огорчился администратор. Но откуда в прошлом возьмется прогресс, если все будут отсиживаться в будущем?

— А откуда в прошлом возьмется прогресс, если туда посылать одних людоедов? — прошелестело в толпе бывшего народа.

— Вот именно, людоедов! — воспрянул духом администратор. — Согласно теории профессора Поршнева (журнал «Дружба народов»), человеческая цивилизация могла возникнуть лишь благодаря людоедству...

— Совершенно справедливо! Не возникла бы проблема, кто кого съест, никто бы не стал шевелить мозгами. Мозги — это понятие классовое.

— Помолчите, Владимир Ильич! Я только хочу объяснить, что стать разумным человек мог лишь при условии поедания себе подобных. А он этого не мог. Ни один хищный зверь этого не может. Откуда ж было взяться людоедству в эти древние безобидные времена? Пришлось представлять его из будущего...

Конечно, когда умные съедают дураков, человечество умнеет. Но ведь бывают периоды, когда дураки поедают умных. Перелистайте историю.

В природе многие поедают друг друга. Волк поедает барана, и при этом ни волк не умнеет, ни баран не умнеет. Потому что они не выясняют, кто кого съест, им это известно заранее. Но если бы волк съедал волка, а баран барана...

— Вот это я понимаю, классовый подход! Людоедство — это понятие классовое!

— Владимир Ильич! — заныл администратор. — Вы не даете нам работать, Владимир Ильич. Немедленно переселяйтесь в Ивана Грозного! Оттуда переселитесь в Чингисхана, затем в Нерона, Сарданапала — и так постепенно придете в дочеловеческие времена.

— Переселяюсь, уже переселяюсь... Товарищ Дзержинский, вы меня слышите? Явки прежние, место встречи изменить нельзя, но все остальное изменить еще можно!

Диктатура преисподней

Иван Грозный шел из преисподней на небеса. Ему казалось, что где-то здесь должна быть дорога, минуя жизнь, потому что через жизнь попасть на небеса у него не получилось. Главная его ошибка состояла в том, что он был живой человек, а пока человек живой, он подвержен человеческим слабостям. А чем больше слабостей, тем больше хочется из них сделать силу.

Например, такая слабость, как страх. У него было много страха, и, чтоб сделать из него смелость, приходилось прибегать к самым решительным действиям. Но из этих действий снова рождался страх, и снова приходилось делать что-то решительное. Он старался так запугать свой народ, чтоб на фоне его страха собственный страх выглядел смелостью, но это только увеличивало его страх. Вот она, человеческая слабость!

Или такая слабость, как любовь. Сколько у него было жен, и к каждой он питал какую-то слабость. Из-за слабости к Василисе он убил ее мужа — не мог же он при живом муже жениться на женщине! Потом из слабости к Василисе он убил ее любовника. А саму Василису не убил, такая получилась неувязка. Если б он хоть ее не похоронил! А то похоронить похоронил, а убить упустил из виду.

— Товарищ Грозный!

Иван Васильевич не поверил своим ушам: за четыре-ста лет преисподней его никто не окликал, а все, наоборот, сторонились.

— Товарищ Сталин, — представился незнакомец. — Я вас знаю, вы мой любимый исторический деятель. Я видел вас на картине товарища Репина, вы там убиваете своего сына.

Понемногу разговорились. Выяснилось, что товарищ Сталин тоже направляется из преисподней на небеса, хотя идет почему-то навстречу Ивану Васильевичу. Оба удивились этому обстоятельству и пришли к выводу, что преисподняя находится с двух сторон, поэтому нужно свернуть в третью сторону.

Пошли в третью. Товарищ Сталин жаловался на товарища Троцкого, который к тому же был еврей, и это, конечно, многое объясняло. Иван Васильевич подумал: может, и Курбский был еврей? Ведь и он, как Троцкий, сбежал за границу, все евреи бегут за границу, потому что им нравится все заграничное.

Иван Васильевич понял свою ошибку. Если б он перед тем, как человека казнить, объявлял его евреем, народ бы лучше принял его политику. Так и оглашать всенародно: князь Долгорукий — еврей, князь Воротынский — еврей. Знал бы народ, что они евреи, он бы сам с ними расправился.

Товарищ Сталин между тем рассказывал, как он ввел крепостное право под видом борьбы за светлое будущее. Будущее бывает очень светлым, только надо, чтоб оно всегда оставалось будущим и никогда не становилось настоящим.

И вдруг товарищ Сталин прервал свой рассказ и закричал:

— Товарищ Ленин! Владимир Ильич! Это же я, Коба, ваш верный друг и единомышленник!

— А, это вы, товарищ Сталин, — сказал товарищ Ленин, подходя. — А вы уверены, что верным путем идете, товарищи?

Сталин был не уверен. Поэтому он перевел разговор:

— А помните, Владимир Ильич, как мы с вами грабили награбленное? Товарищ Грозный, вы когда-нибудь грабили награбленное? Извините, товарищ Ленин, я не представил: это товарищ Грозный. Да, тот самый, из Рюриковичей.

— А, Иван Четвертый! — протянул Владимир Ильич с характерным классовым прищуром, словно этот царь не служил, чтоб на него смотрели во все глаза. — Значит, направляетесь в преисподнюю? А я как раз из преисподней.

— Но это мы из преисподней! — воскликнул государь всея Руси.

— Нет уж, дудки, батенька! Это я иду из преисподней. Небольшая эмиграция в ожидании революционного момента.

— Ничего не понимаю, — развел руками царь. — Выходит, мы со всех сторон окружены преисподней?

— Не окружены, а защищены, — внес поправку Владимир Ильич. — Чем больше вокруг преисподней, тем надежней защищены небеса.

— Так что же нам делать, товарищ Ленин? — спросил товарищ Сталин, похолодев. Он похолодел еще в конце прижизненного пути, но только сейчас это по-настоящему почувствовал.

— А что делать? Мы же в центре, на небесах, — ответил вождь мирового пролетариата. — Только не следует забывать, что небеса — понятие классовое, и самый прочный и надежный порядок для небес — это диктатура преисподней.

И пифпалочка

Одной девочке подарили деревянную куклу и при ней, деревянную тоже, пифпалочку.

— Зачем мне пифпалочка? — удивилась девочка. •

А кукла сказала:

— Это чтобы в меня стрелять.

— А зачем в тебя стрелять?

— Выстрели, тогда узнаешь.

Не хотелось девочке стрелять в куклу, но было любопытно: зачем стрелять?

И она выстрелила.

Ничего с куклой не стряслось, и вообще ничего страшного не случилось, но кукла сказала:

— Этот выстрел слышала? Это первый. Еще два услышишь — и конец.

— Чему конец?

— Всему конец.

Девочка очень испугалась.

— А я их не услышу. Я просто — раз! — И она выбросила пифпалочку.

Кукла деревянно рассмеялась:

— Пифпалочку не выбросишь, она все равно к тебе вернется.

Смотрит девочка, пифпалочка опять у нее в руках. Она ее снова выбросила, а пифпалочка опять у нее в руках.

— Ну, тогда я выброшу тебя, — сказала девочка и выбросила куклу.

Далеко забросила, но услышала, как кукла засмеялась оттуда:

— Меня-то ты выбросила, но два выстрела все равно остаются. Как их услышишь, так все, конец.

Ходит девочка со своей пифпалочкой, а кукла все падается ей на дороге.

— Ну, как там? — спрашивает. — Еще ничего не слышать?

— Ты смотри, какая вредная! — возмутилась девочка. — Тот раз я в тебя не попала, так теперь попаду.

— Попади, — смеется кукла. Деревянню, как смеются все деревянные.

Не выдержала девочка, выстрелила во второй раз. И от досады, что не смогла сдержаться, выбросила пифпалочку.

И на этот раз пифпалочка к ней не вернулась. Вот чудеса! То были чудеса, когда она возвращалась, а теперь наоборот. К чему привыкнешь.

А кукла говорит:

— Теперь пифпалочка к тебе не вернется, теперь она не нужна. Третий выстрел — это любой, который ты услышишь.

И кукла исчезла вслед за своей пифпалочкой. Испугалась девочка, убежала домой. Забилась в угол, уши зажала, зажмурила глаза.

— Ты почему не гуляешь? — спрашивают родители.

— Я боюсь, — говорит девочка. — Вдруг начнут стрелять.

Рассмеялись родители, но не деревянно, как кукла, а мягко, по-человечески.

— Чего это вдруг начнут стрелять? Мы же не на войне, не на охоте.

— Остался последний выстрел, — говорит девочка.

Она знала: два выстрела уже сделаны, и сделала их она сама. Не было бы тех двух, третий не был бы третьим.

Родители позвали доктора, доктор выписал лекарства, и девочка выздоровела — потому что кто же не выздоравливает от лекарств?

И стала она жить-поживать — в ожидании третьего выстрела. Ума наживать — в ожидании третьего выстрела.

Жизнь, конечно, хорошая — как всякая жизнь, по сравнению с тем, что не является жизнью.

Тюрьма имени Свободы

В честь победы над тоталитарным режимом городской тюрьме было присвоено имя Свободы. Тюрьма имени Свободы (не путать с колонией имени Независимости).

Корреспондент местной газеты Семен Дедуля, впрочем, молодой еще человек, предъявил у входа редакционное удостоверение, но оказалось, что тюрьма уже вошла в рынок и впускает не по удостоверениям, а по деньгам. Дедулю это не смутило: он как раз получил зарплату и, легко оплатив свой вход, проследовал от ворот к центральному корпусу.

Но здесь его остановили и, не взглянув на удостоверение, снова впустили по деньгам. Секретарше директора он вытряс на стол последние остатки зарплаты.

Генеральный директор, давний завсегдатай подобных мест, начал свою карьеру с того, что приватизировал тюремную камеру, получив возможность запираť ее изнутри. Когда освободилась камера по соседству, он приватизировал и ее, открыв небольшое коммерческое предприятие по перераспределению передач, которые теперь назывались гуманитарной помощью. Дело быстро росло, и вскоре директор приватизировал целый этаж, затем еще этаж, пока вся тюрьма не перешла в его собственность. Многочисленные его подельники и сокамерники по прежним отсидкам стали его спонсорами и держателями акций. Впрочем, акции распределялись как среди уголовных, так и среди правоохранительных лиц, создавших по стране немало совместных предприятий.

Генеральный директор тюрьмы был великий мечтатель. Дедуля вспомнил другого великого мечтателя, который приватизировал старую тюрьму народов, преобразовав ее в новую тюрьму народов. В теперешних условиях это было трудней, потребовались крупные капиталовложения. Метр полезной площади сегодня стоит полдоллара

в неделю, но это все же дешевле, чем в гостинице, поэтому здесь иногда останавливаются даже иностранцы.

Директор подвел корреспондента к окну, за которым простирался сад — вплоть до забора с колючей проволокой.

— Посмотрите на этот сад. Его сажали заключенные. — Директор улыбнулся: — Их сажают — и они сажают, это естественно. А как вам нравятся эти скульптуры? Пока что это Ленин, но мы уже договорились с Грецией. А вон там, в кустах, видите домик? Это дом свиданий, пользуется большой популярностью в городе. Дороговато, правда: пребывание в саду — четверть доллара в час, а в самом домике — два доллара. Собираемся построить еще несколько домов свиданий, чтоб удовлетворить растущие запросы не только заключенных, но и остального населения города.

Все это было прекрасно. Но когда Дедуля простился с директором, оказалось, что за выход нужно платить еще больше, чем за вход. С удивлением узнав, что у корреспондента нет денег, директор предложил самый простой и естественный выход из положения:

— Посидите пока у нас. Большой камеры не обещаю, только то, что бесплатно положено. Питание тоже на уровне бесплатного. Свидания раз в полгода, баня раз в десять дней.

Так и остался Дедуля в тюрьме. Стал работать в тюремной газете. Со временем приватизировал газету, развил большую редакционную деятельность. Появились и доллары. Раз в неделю встречается в доме свиданий с женой, а с детьми и того дешевле — прямо в саду, за четверть доллара. Собирается приватизировать еще две-три камеры, чтобы забрать семью, а если дела пойдут хорошо, то и остальных родственников, чтоб они не мучились на свободе.

Наука просыпаться

Приснился я себе молодым, здоровым и в отличном настроении. Даже сам себе не поверил. Не может быть, думаю. Наверно, это я себе снюсь.

Приснился я себе в городе Киеве, на берегу Средиземного моря. Спускаешься с Владимирской горки и в море — бултых! А из моря выходишь прямо к Золотым Воротам.

Когда пришла пора просыпаться, я подумал: а не прихватить ли чего из сна? Напаковал два чемодана, притащился на пропускной пункт — туда, где у нас просыпаются.

Досмотр проводил майор госбезопасности, знакомый мне по прежним временам. Он сделал вид, что меня не узнал, — видно, пересмотрел свои прежние позиции.

— Что это у вас в чемоданах? — спрашивает майор. — Ух, какие тяжелые!

— Да ничего там такого нет. Немного здоровья, немного молодости. Там, куда я проснусь, у меня со здоровьем плоховато.

— Не положено, — говорит майор и вытряхивает из чемоданов все содержимое. А потом требует вывернуть карманы, из которых у меня уже капает Средиземное море.

Я говорю: как же так? Ведь я не чужое беру, свое же здоровье, свою же молодость. А что до моря этого Средиземного, гражданин начальник, так его же от нескольких капелек не убудет.

— Вот здесь и пользуйтесь, — говорит майор, — а просыпаться с этим не положено.

— Но не могу же я совсем не просыпаться!

— Ну почему же...

Некоторые не просыпаются. Но я все же проснулся. Причем даже с лучшим самочувствием, чем уснул. И не могу понять: откуда такое самочувствие? Ведь все здоровье я оставил там, откуда проснулся.

А потом вспомнил: когда паковал чемоданы, несколько крошек кинул в рот, чтоб не пропадали. Вот только их и удалось вывезти.

Когда в следующий раз я приснился себе в городе Киеве, то уже не стал паковать чемоданы. Проглотил, сколько проглотилось, и — вперед!

Майор (он уже успел стать полковником) даже обиделся:

— А где ваши чемоданы? Без чемоданов я не могу провозить таможенный досмотр!

Но я ему только карманы вывернул и проснулся как ни в чем не бывало.

И опять себя лучше почувствовал. Наглотался во сне здоровья.

Теперь я понимаю, почему врачи советуют больше спать. Потому что во сне здоровья много, а в жизни — в обрез. И если ты не дурак (а ты, конечно, не дурак, если, живя в таких условиях, до сих пор ухитряешься просыпаться), то ты все, что угодно, вывезешь, и не только из сна — с того света.

Жизнь такая, что и во сне приходится не дремать. Если во сне дремать, можно вообще не проснуться.

На картошке

Инженер-программист, профессор бывшей философии и театральный саксофонист продавали на базаре картошку. Лучше бы им рассредоточиться, чтобы охватить большую аудиторию, но они привыкли держаться вместе — и на рыбалке, и в застольной компании, — а главное, дело было новое, непривычное и требовалось морально поддержать друг друга.

Покупатели подходили, приценивались, но покупать не спешили, отдавая предпочтение картошке не с дачных участков, а с приусадебных, где за ней больше присмотра.

— Надо их как-то заинтересовать, — сказал профессор бывшей философии. — Поговорить о чем-нибудь интересном. Ну-ка, Степа, расскажи, что вы там ставите у себя в театре.

В театре ставили «Авгия». Не того Авгия, что из статуэправления, и не того, что с механического завода. Этот Авгий был древнегреческий царь, у которого Геракл чистил конюшни.

— Представляете? — увлеченно рассказывал саксофонист. — Авгий выходит из конюшни, а навстречу ему Геракл. И тут я вступаю на саксофоне.

— А помните, хлопцы, как мы раньше ездили на картошку? — мечтательно вздохнул профессор бывшей философии. — Ни сажать ее не нужно, ни за ней ухаживать, бери ее готовенькую прямо из земли. И целый день на чистом воз-

духе. Костерок, шашлычок... А уж этой картошки сколько перепечешь — такого и в пекле чертям не привидится.

— День поработаешь — и домой привозишь ведро картошки, — сказал инженер-программист.

— Мы на этой картошке больше спектаклей давали, чем теперь за целый сезон, — перевел разговор саксофонист на любимые рельсы. — Теперь не то что зрителей, даже артистов невозможно собрать. Не говоря уже о том, что Авгий вообще уезжает в Америку. А пьеса интересная. Автор считает, что очистка авгиевых конюшен — это подвиг не Геракла, а Авгия. Потому что Авгий сделал главное: предал гласности состояние этих конюшен. Раньше все делали вид, что в конюшнях идеальный порядок, лошади ходят в белоснежных манишках и сморкаются в батистовые платочки. И вдруг — как гром среди ясного неба — сидим в дерьме.

— Да, уж хуже не придумаешь, — сказал профессор бывшей философии. Но тут у него купили кило картошки, и он успокоился.

— Сначала этому не поверили, — продолжал саксофонист. — Все ведь выросли в этом дерьме, воспитались, получили образование. А как же, говорят, наши регулярные смотры чистоты, олимпиады аккуратности, фестивали незапятнанности? Неужели это все дерьмо? — Саксофонист улыбнулся гордо и застенчиво: — И тут я вступаю на саксофоне.

— Ты у нас всегда вступишь вовремя, — похвалил товарища программист.

— Я вступаю — и появляется Геракл. Геракл — свежий человек, он вырос не в дерьме и даже не в конюшне. Ему со стороны видно, в чем они там сидят, но на всякий случай он спрашивает у Авгия: «Это у вас что? Уж не дерьмо ли?» Авгий мог бы отрицать, но он всю жизнь готовился к подвигу. И он произносит эту ключевую, подвижническую фразу: «Еще какое дерьмо!»

— Я бы этого Авгия повесил на первом суку, — сказал профессор бывшей философии. — Сказать сказал, а кто будет вывозить? Дядя? По пьесе, да и по мифу вывозить должен был Геракл. Авгий вынес сор из избы в переносном смысле, объявив о его существовании, а Геракл должен был сделать это буквально.

— Но когда? Уже десять лет, как на весь мир объявлено, что сидим в дерьме, а кто у нас дерьмо вывозит? — шумел профессор бывшей философии.

— Вывозить-то вывозят, но не дерьмо, — подключился к разговору кто-то из покупателей. — Его ведь, дерьмо, в швейцарские банки не принимают.

— Это нам ввозят дерьмо, — откликнулся другой покупатель. — К нашему дерьму еще ихнее. Импортное.

— А сам Авгий в это время по заграницам мотается и всех оповещает, что мы сидим в дерьме, — сказал профессор бывшей философии и машинально продолжил: — Да нет, это не дерьмо, это картошка. Сколько вам? Полкилограммчика?

Но покупатель уже охладел к картошке. Его воспламенил разговор.

— Нечего рассчитывать на гераклов, — говорил покупатель, пренебрегая картошкой. — Нашим гераклам не до подвигов, они все здесь, на базаре.

— А что вы думаете? — оживился саксофонист. — Мы так и поставим. Жаль только, что Авгий уезжает в Америку. Да и на роль Геракла надо кого-то искать.

— И на роль зрителя надо кого-то искать. Ведь ваши зрители тоже все здесь, на базаре, — сказал профессор бывшей философии.

Домовой из Закопане

В одном доме, находящемся, правда, уже в развалинах, жила под развалинами семья: мама с папой, бабушка с дедушкой, а главное — мальчик Буба, без которого мама не была бы мамой, папа — папой, а бабушка с дедушкой — бабушкой с дедушкой. Еще недавно дом был целый, но его разбомбили в интересах целостности государства. Государство должно быть целым, а дома могут быть и разваленными.

Под развалинами тоже можно жить, но как ходить в школу? Мальчик Буба как раз пошел в школу, но дойти не успел, потому что школу разбомбили в интересах целостности государства. Он хотел вернуться в детский сад, но тут и детский сад разбомбили в интересах целостности государства. Потом и дом разбомбили, и оста-

лись они жить под развалинами. Папа чистил оружие, чтобы, когда их раскопают, сразу ринуться в бой. Мама вытирала оружие влажной тряпкой, чтоб, когда папа ринется в бой, не было стыдно перед людьми, что он ринулся с грязным оружием. А бабушка ставила оружие у дверей, чтоб, когда папа ринется в бой, оружие было у него под руками.

А дедушка боролся с бессонницей. Это была героическая борьба, но одерживал дедушка только минутные победы. Все его ровесники давно спали, а он не мог уснуть, потому что его мучила бессонница.

И вдруг в комнате появляется странный субъект шарообразной комплекции, а точнее, шарикообразной комплекции, если учесть его небольшие размеры, и говорит, не смущаясь своим внезапным вторжением:

— Ну, наконец-то! Наконец я в городе Раскопане!

Никто в семье не смутился его вторжением, в этой стране к вторжениям было не привыкать. Просто ему разъяснили, что это никакое не Раскопане, это даже не Закопане, потому что Закопане в Польше, а здесь другая страна. На это субъект возразил, что Закопане не только в Польше, и он лично во многих из них побывал. Закопало его еще в войну, в городе Киеве, в собственном доме. Дом разбомбили — вот вам и Закопане. А ему без дома невозможно, потому что он — домовый.

Он стал рассказывать о Закопанях, в которых ему довелось побывать: о минском, варшавском, берлинском. И даже римском и карфагенском, из Древних веков, потому что все развалины связаны между собой во времени и в пространстве.

— Как интересно! — вздохнул дедушка. Ему было до того интересно, что у него сразу прошла бессонница, и, уже засыпая, он пробормотал:

— Давайте все вместе пойдем искать Раскопане...

— Пойдемте! Пойдемте скорей! — закричал мальчик Буба. И посмотрел на бабушку. Бабушка посмотрела на маму, мама — на папу, а папа сказал:

— Никуда мы не пойдем. — Тут он стал еще быстрее чистить оружие. — Мы останемся здесь и будем защищать наше Закопане. Потому что это наше Закопане, и мы его не променяем на тысячи чужих Раскопань.

Шарикообразный домовой стал кататься от смеха из угла в угол, но вдруг оказалось, что катается он не от смеха, а от возмущения.

— Теперь я понимаю, почему у нас закапывают лучше, чем раскапывают, — заговорил он так, как говорил бы у себя дома. — Каждый дорожит своим Закопане, а на Раскопане ему наплевать. Поэтому, — продолжал он кататься по комнате, можно даже сказать, нагло кататься по комнате, с опаской поглядывая на вычищенное оружие, — поэтому у нас закопанных намного больше, чем раскопанных, а будет еще больше, это я вам точно говорю!

Внутренняя секреция

Наконец и до меня добрались: я стал стратегическим секретным объектом.

Внешне я остался такой, как был, каждый желающий может меня потрогать. Но внутренние мои органы засекречены, теперь они проходят по ведомству внутренних дел. Точнее, внутренние мои дела проходят по ведомству органов.

Ведомство — нехорошее слово. В основе его два значения — знать и управлять, и оно обычно предпочитает второе значение. Ведает в смысле управления, поэтому в смысле знаний не ведает, что творит.

И вот прихожу я к врачу. А врач глаза отводит. «У вас, — говорит, — свинка. Или ветрянка».

Раньше были засекречены только мои мозги. Что я думаю, например, о нашем развитом социализме и не считаю ли, что у нас не те люди стоят у руля и не те сидят там, где сидеть положено. Я эти секреты если и выделял, то лишь в той мере, в какой каждый организм выделяет секреты (смотри об этом в медицинской энциклопедии). Теперь же мои мозги рассекретили, зато засекретили щитовидную железу, лейкоциты в крови и что-то в моче — что именно, это уже секреты моего организма.

Медицину тоже можно понять: она лечит не от себя, а от государства. А в тех условиях, когда государство не гарантирует гражданину личную безопасность, повыша-

ется роль государственной безопасности от каждого отдельно взятого гражданина.

И вот в интересах этой государственной безопасности достаёт мой доктор справочник, в котором точно записано, что от чего лечить: цистит от мастита, колит от радикулита. Скосил я глаза — у меня природное косоглазие — и вычитываю, вычитываю, чтобы как-то свести концы с концами и не отдать концы, которые мне ещё в жизни понадобятся. Как говорит мой приятель, которому медведь на ухо наступил (у него медведь — сокращенно «медицинское ведомство»), с этим медведем нужно держать ухо востро, и не только ухо, а все остальные органы.

Вот так — повычитывал я, что от чего лечить, теперь мне не страшны никакие болезни. Кроме, конечно, косоглазия.

Жизнь такая: приходится смотреть вкось.

Мехнология осторожности

Всюду предупреждают: будьте осторожны! Поезд отправляется — будьте осторожны! Тучи собираются — будьте осторожны!

А кто у нас во дворе? Во дворе у нас злая собака.

А какие у нас скамейки? Скамейки у нас крашенные.

На скамейки можно не садиться, можно и постоять — подальше от будки с собакой, от мест возгорания, затопления и, конечно же, не под стрелой. «Не стой под стрелой!» — это ещё одно серьёзное предупреждение. Но что делать, когда ты не в этих опасных местах, что делать, когда ты у себя дома?

Ты садишься обедать, подносишь ложку ко рту, и вдруг — словно кто-то схватил тебя за руку. Потому что в ложке такое, что это хуже, чем стоять под стрелой. В том числе и под стрелой Робин Гуда.

Ты выходишь во двор, чтобы глотнуть свежего воздуха, но этим воздухом лучше не дышать. А чем дышать, никто не объясняет. Некоторые дышат дымом. Говорят, дым в сильной концентрации убивает радиацию. Так же, как фенол в воде убивает нитраты в пище.

Так с чем же быть осторожным — с фенолом или с нитратами?

Возьмите море. В него нельзя далеко заплывать, но почему же рыба, достаточно опытная в этих делах, старается, наоборот, держаться подальше от берега? Здесь, у берега, все что угодно плавает, только не рыба. Здесь ТАКОЕ плавает!

И никто не предупреждает: «Будьте осторожны! Заплывайте подальше, ныряйте поглубже, дышите пореже и только не воздухом!»

Помните песенку: «Солнце, воздух и вода...»? Вспомните ее — и будьте осторожны! На солнце — будьте осторожны! В воде — будьте осторожны! На воздухе — будьте осторожны!

Бегите от них подальше! Бегите, превышая скорость, перебегая улицы в неположенных местах, останавливаясь под стрелой и отдыхая на крашенных скамейках!

Обратный хозрасчет

Сторожа у нас на зарплате, а воры на хозрасчете, поэтому у нас воруют охотней, чем сторожат. И дело не только в социалистическом принципе: от каждого — по способностям, каждому — за труд, но и в принципе еще более социалистическом: что уворовал, принадлежит тебе, что усторожил, принадлежит государству.

Призадумались в нашей организации: а что, если воров перевести на зарплату? Материальная незаинтересованность снижает энтузиазм, она — незаменимый стимул плохой работы, могучий двигатель ее в обратную сторону.

Уволили сторожей, а на их места приняли воров. Но, поскольку воров у нас значительно больше, чем сторожей, пришлось потеснить и другие специальности.

Работают наши воры. Инженеры, инструкторы, бухгалтеры. Командиры производства. Политработники.

Только однажды приходим на работу — нет сейфа. В другой раз приходим — ни единого письменного стола. И это на одной зарплате, без всякой материальной заинтересованности.

Видно, они заинтересованность с прежней работы принесли. Со своей прежней, весьма заинтересованной деятельности.

И ведь сколько мы их воспитывали, перековывали в сторожей государственной собственности, а жизнь упорно перековывала их обратно.

Стали переводить их обратно на хозрасчет, чтоб хоть на зарплате сэкономить, а они ни в какую. Упираются, жалобы пишут. Сидячую забастовку устроили — прямо на работе, на зарплате и на прочем довольствии. Им, конечно, выгодно: там у них один хозрасчет, а здесь зарплата плюс материальная заинтересованность.

Так с тех пор и работаем: каждый сторож — и по совместительству вор. Слесарь — и по совместительству вор. Профессор — и по совместительству вор. Социалистический принцип: каждому — за труд, а остальное — по способностям. Труда мало, способностей много, и в результате получается ничего.

Пора закрывать нашу организацию.

И смертное развитие социализма
в отдельно взятой стране

Два могильщика приватизировали родильный дом, чтобы заранее готовить себе клиентуру. Однако рождаемость продолжала падать, и тогда могильщики приватизировали дискотеку, ресторан с гостиницей, дворец знакомств и бракосочетаний. Телевизионную передачу «Любовь с первого взгляда», чтобы не тратить больше одного взгляда на единицу рождаемости.

Рождаемость, хоть и медленно, поползла вверх. Теперь можно было все силы бросить на смертность.

Приватизировали больницу, убрав из нее лекарства и продукты питания. Медицинскому персоналу перестали платить зарплату, отрывая его от больных для поисков других видов заработка. Приватизировали продуктовые магазины, заменив в них овощные отделы винно-водочными и табачными. Продукты первой свежести заменили продуктами второй, третьей и четвертой.

Постепенно стали приватизировать и милицию, лишив ее средств существования и вынуждая добывать их иным вооруженным путем.

Граждане недоумевают, почему у них такая жизнь? Денег нет, здоровья нет, на улицах режут, а в больницах резать отказываются...

А все очень просто. Это могильщики приватизировали нашу жизнь, подчинив ее исключительно конечному результату.

Построение социализма — это был всего лишь переходный этап между национализацией и приватизацией чужой собственности.

Земельный вопрос

Похоронили Михайлыча, закопали в землю, и лежит он, как давно не лежал. Спокойно ему, умиротворенно. Нигде ничего не болит, даже кашель прошел, мучивший его последние годы.

Умогнулся Михайлыч поудобней, расслабился, стал подремывать помаленьку. Завтра суббота, не надо рано вставать... И вдруг слышит голос. Глухой такой, словно чем-то сверху придавленный:

— С прибытием, земляк! Что там наверху слышно?

Ну вот, подумал Михайлыч, начинает подбираться компания. Так всегда бывает: вроде бы никого, но глазом не успеешь моргнуть — начинает подбираться компания.

— Меня вот что интересует: как они с землей решили? — спрашивает сосед. На сегодняшний день земля — это самая главная проблема.

— Тебе что, земли не хватает?

Земли было выше головы, но сосед считал, что это не решение проблемы. Вопрос в том, кто владеет землей. Человек уходит в вечность, а землю ему дают во временное пользование. Полежал — дай полежать другому. Какая ж это вечность, к едреной матери? Мало того что не дают жить на земле, так и после смерти отойти некуда.

Вокруг звучало уже много голосов, и все по земельному вопросу. Сначала нестройные, разрозненные, они сливались в один монолитный лозунг:

— Земля принадлежит — тем, кто в ней лежит!
Такой сон перебили Михайлычу! Он думал, хоть здесь пройдет бессонница, мучившая его при жизни, но, видно, и в этом мире никуда от бессонницы не уйти.

А мы всё шагаем путем безысходным
И сбросить не в силах постылый свой груз.
Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки великая грусть...

Исповедь утопающего

Выбрался я на сушу из болота. Одной ногой выбрался, а другой пока там. Пробую сушу ногой и чувствую какое-то неудобство. Твердо как-то. И холодно: со всех сторон обдувает.

А болото мягкое, теплое. Правда, засасывает. Это плохо. Но, с другой стороны, засасывает все-таки в тепло. В тихое, безмятежное бульканье.

Так и стою: одной ногой на суше, другой в болоте. И не знаю: то ли выбираться совсем, то ли уж совсем назад возвращаться.

Оно-то хорошее дело — выбраться наконец на сушу из болота. К новой жизни от прежней гибели. Но неудобства есть.

Обратите внимание: в новой жизни масса всяческих неудобств. В болоте уже как-то привык, утрелся, расслабился. Можно спокойно погружаться, никуда не спешить.

— Чав, чав, чав...

Это меня болото засасывает. Обволакивает, убаюкивает, обчмокивает со всех сторон...

Все-таки суша пока еще для жизни не приспособлена. Так-то она хороша, только для жизни не приспособлена. Даже непонятно: как на ней люди живут?

Швеция не принимает

В кооперативной газете, свободно конвертируемой за три рубля на одной из центральных площадей столицы, было опубликовано сообщение, подписанное совместным кооперативом трех ведомств: Воздушного сообщения, Жилищного распределения и Продовольственной службы. В сообщении говорилось, что такого-то числа из аэропорта Домодедово отправляется самолет, который будет угнан в столицу Швеции. Билеты по договорным ценам.

От центральной площади неудержимый поток устремился в направлении Домодедова. Мы-то думали, что у нас дефицит колбаса, батарейки, табачные изделия, а у нас, оказывается, совсем другие дефициты. Швеция — вот наш дефицит. Западная Германия. Соединенные Штаты.

В Домодедове оказалось, что нужно бежать во Внуково. В чем дело? Почему Внуково? Ведь самолет угоняют из Домодедова?

Все правильно, угоняют из Домодедова. Но очередь за билетами уже из Домодедова дотянулась до Внукова. Так что занимать нужно во Внукове и постепенно двигаться к Домодедову.

Обычная наша безалаберщина: если очередь движется от Внукова, почему бы не угонять прямо из Внукова? Зачем гонять людей из аэропорта в аэропорт?

И тут по очереди проносится слух, что Швеция не принимает. Почему не принимает? Оказывается, по погодным условиям. Причем не по своим, а по нашим погодным условиям. У нас такие погодные условия, что нас уже нигде не хотят принимать.

А очередь между тем добежала до Шереметьева и круто повернула на Борисполь. Прямо через Сухиничи, Брянск, Конотоп...

Возникает опасение, что на такую большую очередь в стране не хватит людей и придется обращаться за помощью в соседние государства.

Несовершенство двигает прогресс

Несовершенство двигает прогресс,
Несовершенство камня и металла,
А совершенство от всего устало
И к жизни потеряло интерес.

Несовершенство двигает прогресс,
Несовершенство быта и комфорта,
А совершенство все послало к черту,
Поскольку мягко спит и сладко ест.

Несовершенство двигает прогресс,
Несовершенство знания и мысли,
А совершенству мысли ненавистны,
Ведь легче жить не с мыслями, а без.

Несовершенство двигает прогресс —
Все выше, все быстрее век от века...
И лишь несовершенство человека
Его на землю шмякает с небес.

Накоротке со Вселенной

Накоротке со Вселенной

Жизнь света

Звездный луч пронзает космос насквозь, он ясно видит свой путь в темном, безжизненном космосе... А попав на Землю, луч начинает дрожать, спотыкаться о каждый фонарь, пока совсем не пропадет, не затеряется в земной атмосфере...

Луч света в темном царстве чувствует себя хорошо. Погибает же он — в светлом царстве.

Лесной пейзаж

Когда-то деревья собирались в леса, как в полки, чтобы покорить землю, а сегодня они робко жмутся друг к другу, ища спасения.

Закон движения

Главный закон движения: палок не должно быть больше, чем колес.

Силы

Всем силам, которые действуют на земле, противопоставит единственная — сила инерции.

Природа землетрясений

Каждая низменность норовит стать возвышенностью, и это настоящее стихийное бедствие.

Природа оледенения

Земные полюса холодеют оттого, что они — центр, что вокруг них все вертится.

Предсказание погоды

Там, где каждый считает, что лично он не делает погоды, погода бывает самая отвратительная.

Звездный мир

Когда песчинки взлетают в небо, они превращаются в звезды. Но когда звезды падают вниз, их уже не отличишь от простого песка. Звезды — это песчинки, которые над головой, а песчинки — это звезды, которые под ногами.

Наука в старые и новые времена

Когда-то наука избавила человека от страха перед действительностью. А сегодня — как нам нужна действительность, которая избавит нас от страха перед наукой!

Глобус

Глобус — это земной шар, возведенный на пьедестал и низведенный до удобных размеров.

Двигатель внутреннего сгорания

Только тот, кто способен сгорать, способен по-настоящему что-нибудь двигать.

Ископаемые

Для того чтобы быть полезным, не обязательно стать ископаемым.

К_{пд}

Отношение рожденной мышки к родившей ее горе называется коэффициентом полезного действия.

К коэффициент содействия

Настоящая гора не только рождает мышь, но и помогает ей взобраться на вершину.

Теплота

В определенных (очень холодных) условиях даже лед излучает тепло. Но стоит ли ради этого создавать такие условия?

Плюсы и минусы

«Этого у него не отнимешь. И этого у него не отнимешь. И этого тоже у него не отнимешь», — говорят о нуле.

Среднее арифметическое

Это число существует не столько для принижения больших величин, сколько для успокоения малых.

Арифметика жизни

Рождение и смерть, как одинаковые числа с противоположными знаками, в сумме дают ноль, который

мы называем жизнью. И только от нас зависит поднять этот ноль до положительного значения.

Н усть светится

Все радовались свету. Все говорили: да будет свет!
Но прибор для включения света на всякий случай назвали выключателем.

О дноклеточные

Каждый ребенок в прошлом родитель, каждый родитель в будущем ребенок. Амеба размножает себя делением, поэтому у нее нет проблемы отцов и детей.

М ногоклеточные

Количество клеток современной обезьяны равно $n + 1$. Единицей обозначается клетка, в которой обезьяна сидит.

М алеонтология

Живой вес дошедшего до нас микроба больше живого веса дошедшего до нас мамонта.

В ирусы

Настоящая жизнь вирусов началась только с изобретением микроскопа, когда они получили возможность встречаться, общаться и подмечать недостатки своих коллег, вплоть до самых мельчайших черточек.

Третье — дано

Для всего живущего на земле — либо растительный, либо животный образ жизни. Третье природой не дано, но оно-то и составляет историю человечества.

Атомы

Положительно заряженное ядро окружено отрицательно заряженными электронами. И так в каждом атоме, во всех до одного: положительное невозможно без отрицательного.

Майна вклада сохраняется

И торичеллиева пустота кое-что вносит в науку.

Упругость и пластичность

Умение сохранить себя под давлением силы — признак упругости. Умение изменить себя под давлением силы — признак пластичности. В мире господствуют упругие и пластичные тела. Есть еще хрупкие тела, но они, разумеется, не господствуют.

Эллипс

Планеты движутся по эллипсам, светила движутся по эллипсам. Эллипс — это окружность, преодолевшая мировой стандарт и потому продиктовавшая миру свои законы.

Замкнутый круг

Окружность может широко распространиться по плоскости, но при этом будет продолжать гнуться ду-

гой. И никогда ей не разогнуться, никогда не стать прямой линией из-за постоянного тяготения к центру.

Пределы

Максимум — это то, к чему постоянно стремится минимум, а минимум — это то, чего максимуму всегда не хватает.

Закон чисел

Число, которое нельзя отнести ни к положительным, ни к отрицательным, во всех случаях является нулем.

Отрицательные числа

Ни одно отрицательное число не считает себя отрицательным и каждый свой минус рассматривает как плюс, а чужой плюс считает большим минусом.

Дроби

Знаменатель в дроби — своего рода пьедестал: чем меньше дробь, тем больший ей требуется знаменатель.

Уравнение

Лишь узнавая, чему равны игрек и зет, икс постигает собственное значение.

Угол зрения

Угол зрения состоит как минимум из трех точек зрения.

Аксиомы

Некоторые аксиомы нуждаются в доказательствах. Хотя бы того, что они — аксиомы.

Решение задач

Главная трудность в решении многих задач состоит в том, что ответы на них даются только в конце задачника.

Существование

Обтекаемость — одна из форм существования твердого тела в жидкой среде, позволяющая ему к ней приспособиться, но окончательно в ней не раствориться.

Колебательные движения

Ну что же делать маятнику, если ему и там, и там плохо?

Маятник

Остановился маятник, остановились стрелки, и время для маятника остановилось. Вот оно кончилось, как хорошо. А он еще колебался!

Мыслящие машины

Некоторые люди отличаются от мыслящих машин только тем, что уже давно ни над чем не задумываются.

Оптические явления

Муху, сидящую на окне, можно принять за воробья на соседнем заборе или за орла где-нибудь в небесах. Разни-

ца между великим и смешным иногда всего лишь вопрос перспективы.

Взгляд на мир

Близорукие дети, дальновзоркие старики... Вообще-то явление объяснимое. Ребенок приближает к себе мир, чтобы получше его рассмотреть, а старик отодвигает его от себя: чего там смотреть, и без того ясно.

Фокус линзы

Весь фокус линзы состоит в том, чтобы собрать разрозненные лучи, надежды, стремления в один пучок. После этого их можно направить куда угодно.

Цвета и краски

Скорость звука не поспевает за скоростью света, поэтому лучшие краски видны в безмолвии, а лучшие звуки слышны в темноте.

Акустика

Там, где гармония звучит диссонансом, диссонанс выступает мерилем гармонии.

Физические законы

На погруженное в жидкость тело действует выталкивающая сила, но не всегда на нее можно рассчитывать.

Земные дороги

Глубина пропастей уравнивается высотой хребтов, и только это делает непроходимые пути проходимыми.

Вулканы

У вулканов много тепла, которое они спешат поскорей отдать, и потому извергают его, обжигая, но не согревая. Теплоту ведь тоже нужно уметь отдать. Чтобы благие порывы не стали стихийными бедствиями.

Определение масштаба

Масштаб — это тот аршин, которым малое измеряет великое, чтобы постигнуть его во всем объеме.

Экватор

Среди параллелей экватор обладает наибольшей шириной, поэтому ему приходится особенно жарко.

География

Мало быть Магелланом. Надо, чтоб где-то был еще Магелланов пролив.

Закон всемирного тяготения

Человек привязывается к людям, животным, растениям, чтобы подольше задержаться на этой земле.

Крутые характеры

И у зыбких дюн бывают крутые склоны. Правда, не против ветра.

Якорь

Для того чтоб не пройти мимо цели, иногда необходимо пойти ко дну.

Накоротке со Вселенной

Со Вселенной Земля разговаривает на коротких волнах. Короче говоря... Еще короче...

Лишь короткие волны пробиваются в космос, а длинные не в состоянии оторвать себя от Земли...

Поэтому будем кратки, чтоб нас услышали.

Всемирная
история
в анекдотах
и размышлениях

Всемирная история в анекдотах и размышлениях

Как человек решил
произойти от обезьяны

Все звери относились друг к другу с уважением, а иногда даже с трепетом, и только к обезьяне никто не относился всерьез, потому что она дурачилась и кривлялась, как маленькая. И тогда обезьяна сказала:

— Произойди от меня, человек!

Человек не сразу решился:

— Мне бы, понимаешь, лучше от льва. Или, допустим, от носорога.

— А что такое лев? Вот он что такое! — сказала обезьяна и тут же изобразила льва.

Это было довольно похоже, хотя и не так страшно, как настоящий лев.

— А что такое носорог? — сказала обезьяна и приставила к носу растопыренную пятерню.

И вдруг она заговорила серьезно.

— Конечно, — сказала она, — от льва каждый произойдет. И от носорога тоже найдутся охотники. А как быть другим? Зайцам, например? Или нашему брату? — Обезьяна вздохнула. — Я вот изображаю тут разных... А почему? Потому что мне собой быть неохота.

— Да, — сказал человек, — бывают такие ситуации.

— Бывают, — кивнула обезьяна. — Только ты не подумай, что я жалуюсь, у меня этой привычки нет. Просто... хочется кем-то стать, чтоб к тебе относились по-человечески. Ты произойди от меня, человек, а?

Говоря так, она опять скорчила какую-то рожу, в которой человек мог бы узнать себя, если б посмотрел повнимательней. Но он смотрел невнимательно, потому что думал совсем о другом.

• Действительно, — думал он, — как это устроено в мире. Кто смел, тот два съел. Сила солому ломит. У сильно-

го всегда бессильный виноват. Каждый хочет произойти от слона или даже от мамонта, а от таких, как обезьяна, никто не хочет происходить. Несправедливо это!»

— Ладно, — сказал он, — произойду. — И пожал обезьяне руку.

И звери, которые все вместе уважали друг друга и все вместе не уважали других, были оскорблены этим поступком. Подумать только, им предпочли — кого!

Так человек произошел от обезьяны. Из чувства справедливости. Из чувства внутреннего протеста. Из чувства простой человечности.

Исключение из обезьян

Когда человека исключали из обезьян, он и сам не знал, за что его исключают. То ли за нежелание шагать в четыре ноги, то ли за нежелание хватать в четыре руки, то ли за аморальное размножение, которое он почему-то называл любовью.

В общем, исключили человека. Перестали здороваться, узнавать. Заставили зарабатывать на жизнь своим трудом, да еще насмеялись, что труд создал человека.

А разве трудом на семью зарабатываешь? Тем более что работать спокойно не дают, каждые пять минут требуют документы.

Жена говорит: неужели так трудно шагать в четыре ноги? Дети говорят: неужели так трудно хватать в четыре руки? И ушли от него жена и дети.

Остался человек один. Только иногда кто-нибудь забегит, занесет работу, чтоб другие не видели. А потом, конечно, выдаст ее за свою.

Великий изобретатель топора получил премию за топор, сделанный руками человека. Еще одну премию получил изобретатель молотка.

А как они добыли огонь? Ведь они у него добыли огонь, а потом его же заставили тушить пожары.

И не выдержал человек такой жизни. Как-то пришли проверять документы, а человека нет.

И сразу вся работа остановилась. Великий изобретатель топора не знал, как насадить топор на топорнице,

великий изобретатель молотка отбил себе все пальцы на четырех руках, но так и не освоил этой невероятной техники.

И тогда возникло сомнение: а что, если мы не туда шагали в четыре ноги? А что, если не то делали в четыре руки? Точнее, шагали в четыре руки, а делали в четыре ноги, потому что шагали мы руками, а работали ногами.

И вообще: возможно, не человек должен происходить от обезьяны, как утверждает основополагающее учение, а мы, обезьяны, должны научиться жить по-человечески, произойти от человека. Ведь мы же его помним, он жил среди нас!

Но как произойти от человека? Наверно, надо, чтоб сначала исключили из обезьян, как исключили — помните? — нашего человека.

Тут все заходили по инстанциям, стали требовать, чтоб исключили из обезьян. Но инстанции говорят: из обезьян пусть вас исключают обезьяны.

Оказывается, они уже не обезьяны. Кинулись искать обезьян, но все обезьяны как сквозь землю провалились.

То были одни обезьяны, а теперь — ни одной. Удивительный факт: в стране обезьян не водятся обезьяны.

Так возникло человеческое общество без обезьян.

Насадить топор на топорнице, правда, еще не удалось, но воткнуть топорнице в топор уже делаются попытки.

Портрет человека на фоне собаки

Четыре троглодита сидели на берегу речки и натаскивали собаку на полезную деятельность. Они бросали в речку камни, а доверчивая собака училась их приносить.

Камень падал в воду, собака, мгновенно среагировав, устремлялась за ним, но, когда доплывала, камня в месте его падения не оказывалось, и она, покружив по реке, виновато и растерянно возвращалась на берег.

Но не успевала она отряхнуться, как в воду летел новый камень, и собака устремлялась за ним, и снова с тем же успехом.

Троглодиты надрывали животики. Эта глупая собака не знала, что камень тонет в воде, а троглодиты знали, они были образованные. И они швыряли камни, норовя в собаку попасть, потому что невежество не должно оставаться безнаказанным.

Но собаку это не останавливало. У нее была цель, и она не догадывалась, что уже сама стала целью. И она упорно пыталась настигнуть камень, но всякий раз опаздывала и не могла понять почему.

На берег вышли четыре троглодитки и тоже повеселились от души. А потом все вместе они нашли себе другое занятие и позабыли о собаке.

А она стояла на берегу и неотрывно смотрела на воду. Камни больше не падали, а она все ждала и ждала. И как-то нервно вздрагивала, и порывалась куда-то плыть...

Раньше у нее была цель. Пусть нелепая, неосуществимая, пусть унижительная и обидная, но все же цель, наполнявшая смыслом ее собачье существование...

А река проплывала мимо, величественная и спокойная. Для того чтобы плыть, ей не требовалось никакой цели.

*И*зобретение любви

Как возникла любовь? Неужели она досталась нам от обезьяны?

Но у обезьян любви нет, у них секс. Или похоть: похотел, похотел и перешотел. А любовь не может целиком зависеть от похоти.

Условия жизни у первых людей были трудные. Семья большая, полигамная, а пещера тесная, без всяких удобств. Если ночью случится выйти по нужде, уходишь, как на войну: не знаешь, удастся ли вернуться. В темноте можешь вернуться к другой жене, а то и вовсе в другую пещеру.

Поэтому, возвращаясь среди ночи в пещеру, первобытный человек первым делом принимался ощупывать жену, проверяя, к той ли жене он вернулся. Ощупывать жену можно по-разному. Можно делать это грубо, бесце-

ремонно врываясь в ее сон, словно и здесь справляя нужду, но это было бы не по-человечески. Поэтому первобытный человек — еще первобытный, но уже человек — ощупывал жену осторожно, легким касанием. Она сначала только улыбалась во сне, прислушиваясь к нежности, а потом принималась ощупывать мужчину — тоже осторожно, нежно, чтоб не спугнуть.

Так возникла любовь. Она возникла из желания не разбудить и желания не спугнуть, она возникла из двух желаний и двух забот...

А секс — это другое. Секс — это то, что было раньше и будет когда-нибудь потом, когда не останется уже ни нежности, ни желаний...

Некоторые музыканты из секстета предпочитают секстету секс тет-а-тет.

Приручение диких животных

Дело вроде нехитрое: приручить свинью на мясо, корову на молоко, собаку дом сторожить, кота гоняться за мышами. Но это теперь, когда они все домашние. А как-то было вытаскивать их из дикости, не зная, кому какую поручить работу?

Кого, например, сделать сторожем? Хотелось бы кого-то большого и сильного, может быть, даже с рогами. И человек приручает корову, сажает ее на цепь, и корова всю ночь мычит на цепи, потому что ее пора доить, а ее не доят.

Доят кошку. Это ее приручают на молоко. И кошка визжит, царапается, не хочет доиться. Ее бы приручить на мышей, но на мышей приручают лошадь. А лошадь от такой работы отбрыкивается, все в доме перебила.

Ей бы, лошади, землю пахать, но землю пашет свинья. А свинья вообще не любит физической работы. Только хрюкает и худеет, худеет и хрюкает.

Вот такие работнички. И уж сколько тысячелетий прошло, но до сих пор мы никак не добьемся того, чтобы каждый работал на своем месте.

Экономика с человеческим лицом

Цивилизация развивалась бы намного быстрее, если б первобытные люди меньше ели друг друга. Но это, надо прямо сказать, создавало бы определенные экономические трудности.

Когда человек съедает человека, то сразу двое перестают хотеть есть, а если не съедает, то оба остаются голодными. И выходит, что, поедая друг друга, первобытные люди решали продовольственную проблему, поскольку в результате оказывалось вдвое больше продуктов и вдвое меньше едоков.

В цивилизованном обществе человек только морально ест человека, поэтому возникают серьезные проблемы экономики. Правда, едоков иногда становится меньше, поскольку люди плохо переносят даже моральное съедение, но продуктов не прибывает, как стремительно ни убывает мораль.

Откуда взялась национальность

Когда человек произошел от обезьяны, он немного стеснялся своего происхождения. Поэтому он изо всех сил старался как-то отличаться от обезьяны. А как отличаться от обезьяны? Некоторым это довольно трудно, потому что это у них на лице написано.

Вот тогда и придумали писать это где-нибудь отдельно, чтоб не нужно было смотреть на лицо. Например, в документах, которые предъявлять в случае необходимости.

Чтобы, если человек ничем не отличается от других людей или, скажем, от обезьяны, просто заглянуть к нему в документ и прочесть, что там написано.

Прочитаешь — и сразу видишь: это наш. Из троглодитов. Из питекантропов. Можно еще и на грудь повесить какой-нибудь знак отличия, чтобы отличить человека от тех же обезьян. Ведь не каждый сам по себе отличается от обезьян. Иным для этого требуется очень много знаков отличия.

Эпоха Великого Затемнения

В просвещенные неандертальские времена многие неандертальцы пытались выбиться в кроманьонцы. Женились на кроманьонках, заводили дружбу с кроманьонцами и, чтоб казаться выше, надевали туфли на высоких каблуках. Кроманьонцы были выше неандертальцев на целую голову, но неандертальцы удлинляли себя со стороны каблуков.

А потом наступила эпоха Великого Затемнения, и быть кроманьонцем стало небезопасно. Появилось множество анкет, в которых самые удачливые с гордостью писали: происхождение — из неандертальцев, социальное положение — неандерталец, образование — неандерталец, знание языков — неандертальский и никаких других.

Стали укорачивать кроманьонцев, чтоб они не возвышались над неандертальцами. Интересно, что, удлинняя себя со стороны каблуков, кроманьонцев укорачивали со стороны головы, что было наиболее радикальным решением данного вопроса.

Кроманьонцы старались держаться неандертальцами. Они ходили, согнув колени и вобрав в плечи голову, в компаниях напивались, как самые последние неандертальцы, употребляли грубые слова и старались казаться глупей, чем были на самом деле, потому что глупость считалась государственным качеством.

Но тут вдруг кончилась эпоха Великого Затемнения, и все стали массово выходить из неандертальцев. И у многих стали отрастать головы. Но это, конечно, не у всех, а лишь у тех, кто в эпоху Затемнения своевременно вобрал голову в плечи.

Когда совесть не умела говорить

В процессе эволюции первобытным людям не терпелось стать пещерными людьми, но пещер на всех не хватало. Приходилось дожидаться очереди. Некоторые до-

жидаются, дожидаются, а потом плюнут и начинают осуществлять эволюцию революционным путем: посмотрят подходящую пещеру, выгонят хозяев и живут.

День живут, два живут. И вдруг замечают, что у них внутри что-то лишнее. Жена говорит:

— Что-то у меня внутри шевелится. Наверное, я беременная.

А муж отвечает:

— И у меня внутри что-то неладно. Наверное, я переел.

Но он не переел, и жена у него не беременная. Это просто в них зашевелилась совесть. Выгнали людей из пещеры, вот совесть в них и шевелится, поскольку еще маленькая, не умеет говорить.

Со временем совесть научилась говорить. А потом и молчать, когда не спрашивают. В наше время она такой образованной стала, что, бывает, так притаится, будто ее и вовсе нет.

Хотя и так бывает, что ее на самом деле нет. И если совести нет, а внутри все же что-то зашевелилось, можете не сомневаться: либо вы переели, либо беременные.

Легенда о будущем

Легенда о потопе — это легенда не о проклятом прошлом, а о светлом будущем. О чем можно мечтать в безводной пустыне? О том, чтоб напиться, умыться, а может быть, даже выкупаться. Но если мечтать по большому счету, то, конечно, нужен потоп.

Люди шли через пустыню — год за годом, десятилетие за десятилетием. Было так жарко, что уже мечтали не о потопе, а о всемирном потопе. Ничего, мечтали, вот наступит всемирный потоп, тогда мы заживем: напьемся, умоемся, может быть, даже выкупаемся. И ковчег построим, чтобы спасти на нем всякой твари по паре. Вот такой у нас будет всемирный потоп.

Но время шло, поколение сменяло поколение, а потоп все не было. Сначала говорили: нынешнее поколение будет жить при потопе. Потом говорили: следующее поколение будет жить при потопе. А потоп все не было.

И тогда возникла версия, что он уже был, что все они живут не до потопа, а после потопа.

Вспомнили великого кормчего, который построил ковчег и привел весь народ в светлое послепотопное время. А темные стороны светлого времени объясняли тем, что в ковчеге было всякой твари по паре, и они, эти твари, загубили дело великого кормчего.

Если б не эти твари, мы бы уже давно были там. Мы, собственно, и так уже там, но тогда б мы были намного дальше.

Помните, как мы говорили в допотопные времена:

— Следующее поколение будет жить после потопа!

Потом мы говорили:

— Следующее поколение будет жить после!

А сегодня мы заявляем со всей ответственностью:

— Следующее поколение будет жить!

Правда, в этом нет абсолютной уверенности.

Ребро Адама

— А где еще одно твое ребро?

Это были первые слова, с которыми на свет появилась Ева.

— Дорогая, я тебе сейчас все объясню. У создателя не нашлось материала, и он создал тебя из моего ребра.

Она стояла перед ним — божественное создание — и смотрела на него божественным взглядом.

— Я так и знала, что ты тратишь свои ребра на женщин!

Так началась на Земле семейная жизнь.

Каин

Уже на заре истории была уничтожена половина человечества: Каин убил Авеля.

Потом потекли мирные дни. Каин оказался дельным хозяином: он быстро освоил Землю и заселил ее обильным потомством. И своим детям, которые не могли всего этого оценить, Каин не раз говорил:

— Берегите, дети, этот мир, за который погиб ваш дядя!

Мафусаил

Первым человеком был Адам.

Мафусаил не был первым человеком.

Первым пророком был Моисей.

Мафусаил не был первым пророком.

Поэтому Мафусаил прожил девятьсот шестьдесят девять лет. И в некрологе о нем было написано: «Безвременно скончался...»

Ной

Ной, этот старый подхалим, громче всех хвалил господа, и господь не мог этого не отметить.

— Ной у нас святой человек, — говорил людям господь, — мы все должны брать пример с Ноя.

Но люди никогда не умели следовать хорошим примерам. И тогда господь устроил им потоп. Он уберег только своего любимчика, который спасся вместе с семьей, прихватив всякой твари по паре.

— Ну вот, теперь у нас с тобой порядок, — сказал бог, когда они с Ноем остались одни.

— Хвала тебе, господи!

— Правильно говоришь, — улыбнулся господь. — А теперь давай действуй по своему усмотрению. Я скоро приду. Пока, до второго пришествия!

Во второе пришествие на земле ничего не изменилось. Ной сидел в том же положении, в каком его оставил всевышний.

— В чем дело, Ной? Почему у тебя не движается работа?

— Хвала тебе, господи!

— Хвала — это само собой, — смягчился господь, — но о деле тоже забывать не следует. Я на тебя надеюсь, не подведи. Пока, до третьего пришествия!

В третье пришествие господь застал Ноя в том же положении.

— Как это понимать, Ной? Чем ты занимался все это время?

— Хвала тебе, господи!

— Ах, Ной, — поморщился господь, — что ты заладил одно и то же? Я тебе поручил начать здесь новую жизнь, не могу же я сам во все вникать, должен же и ты проявить инициативу!

— Хвала...

Бог вышел из себя. Он плюнул, принес ведро и утопил в нем Ноя.

Так погиб Ной, святой человек, который уцелел во время всемирного потопа.

А землю бог заселил грешниками.

И все пошло как по маслу.

Хеопсовна

Однажды за обедом фараон Хеопс заговорил о своих финансовых трудностях. Из-за нехватки средств на строительство пирамида кверху сужается, хотя по проекту сужаться не должна.

— А панель у подножия уже проложили? — спросила дочка, о которой известно лишь то, что по отчеству она была Хеопсовна, что, впрочем, естественно для дочери Хеопса.

— Панель — это еще не пирамида, — грустно вздохнул Хеопс.

Но дочка считала, что это больше, чем пирамида. Потому что на пирамиду деньги тратятся, а на панели зарабатываются. И главное — товар остается при тебе.

— Что-то я не понимаю, — напрягся Хеопс. — Ведь тогда получается, что один и тот же товар можно продать два раза?

— Да хоть тысячу раз. Если, конечно, товар не теряет товарного вида.

Хеопс отодвинул тарелку:

— В таком случае все идем на панель.

Очень чистый был человек, морально не испорченный.

— Папа, не горячись, — остановила его Хеопсовна. — Я одна пойду, а вы с мамой пока оставайтесь.

И стала Хеопсовна зарабатывать папе на пирамиду.

Зарабатывала, зарабатывала... Так сильно зарабатывала, что не только товар потерял товарный вид, но и панель потеряла панельный вид — до того ее исходила Хеопсовна, зарабатывая на пирамиду Хеопса. Недаром эта пирамида — самая большая из всех пирамид.

Историк Геродот утверждает, что третья часть пирамиды Хеопса построена именно на эти заработки.

Хеопсовна хотела заработать еще маме на пирамиду, однако мама сказала, что может сама на себя заработать. Но не заработала. И бабушка пыталась заработать, но не заработала.

А Хеопсовна заработала. Потому что любовь делает чудеса. Любовь к родителям делает чудеса, хотя чудес, откровенно говоря, не бывает.

Гарем царицы Семирамиды

В гареме ассирийских царей пахло чем угодно, только не демократией. И жен, и наложниц царь выбирал по своему вкусу, ни с кем не советуясь, и каждый новый царь формировал новый гарем, даже если прежний был еще вполне дееспособным.

Женщинам это не нравилось, и любимая жена царя Шамшиадата, подстрекаемая другими женами и наложницами, обвинила царя в авторитаризме и даже тоталитаризме, учитывая количество наложниц и жен.

— Ты попробуй сесть на мое место, — оправдывался Шамшиадат. — Я же царь, разве я могу по-другому?

— Очень надо пробовать! — сказала Семирамида. — Только сядешь — и сразу встать.

Но гарем зашумел:

— Попробуй, Семирамида, попробуй!

Шамшиадат не стал бы настаивать, но Семирамида возвышалась в его сердце, как пирамида, и он сказал уступчиво:

— Ну почему же сразу? Ты можешь сидеть хоть целый час.

— Так я и знала, — поморщилась Семирамида, — только сядешь — и через час вставать!

Ее поддержала гаремная общественность. Пирамида в сердце царя выткнулась вверх и подступила к самому горлу.

— Ты можешь сидеть хоть целый день.

Гарем зашумел:

— Ради одного дня и садиться не стоит!

— А сколько вы хотите? Три дня вам достаточно? Я, конечно, не считаю ночей.

От любви он совсем потерял голову. В буквальном смысле. Потому что, едва лишь сев на престол, Семирамида приказала отрубить ему голову.

Демократия торжествовала. Наконец-то гарем будет принадлежать женщине, своему человеку! Планов было много, много было прекрасных замыслов. Но внезапно, в самый разгар демократии, Семирамида распустила гарем.

Тот самый гарем, который возвел ее на престол, который был главной ее опорой в борьбе за демократию.

Дипломатический корпус

У фракийцев наиболее уважаемой была должность посла, которого отправляли к богам с различными поручениями.

Делалось это так: посла брали за руки и за ноги и бросали на острые копыя. Если после этого он еще шевелился, считалось, что он не выполнил поручения, и его с позором изгоняли из дипломатического корпуса. Если же он не подавал признаков жизни, все понимали, что он благополучно прибыл на место, и тело его с почетом предавали земле.

Миссия посла была нелегкой. Между небом и землей отношения были сложные и запутанные, поручений было много, и все это нужно было запомнить, ничего не забыть. Когда, например, будет дождь? Идти на соседей войной или, может, лучше ограничиться мирными взаимоотношениями?

Главная трудность состояла в том, что, когда посол падал на копыя, у него буквально отшибало память, а если не отшибало, то считалось, что он с задачей не справился, и вместо него посылали другого посла.

Желающих было много, профессия посла считалась самой престижной, и каждый родитель говорил о своем ребенке с надеждой и гордостью:

— Он у меня когда вырастет, будет послом. Но, конечно, для этого ему нужно хорошо учиться.

Ассирийская любовь

Ассирийские девки в девках не засиживались — для этого ассирийцы устраивали специальный брачный аукцион.

Невесты поступали в продажу в порядке убывающей красоты: сначала красавицы, потом красоточки, симпомпончики, пальчики оближешь, потом шли милашечки, душечки, смазливочки, симпатяшки, за ними — так себе, ничего себе, сносно, терпимо, пока не доходило до черты, за которой находились некрасивые претендентки. И если до этой черты платили соискатели, то после нее платили соискателям — в виде приданого за невестой. Средства на приданое поступали от выручки за красивых невест.

Некрасивые невесты располагались в порядке возрастающей некрасивости: дурнушки, пигалицы, не на что смотреть, затем — ни кожи ни рожи, мордовороты, уродины, образины, чучела, страхолюдины и, наконец, страшилища как смертный грех.

Чем невеста привлекательней, тем за нее больше нужно платить. Чем она страхолюдней, тем большее за ней дается приданое.

Справедливо? Справедливо. Вот так она и выглядит, справедливость: наполовину она красавица, наполовину — как смертный грех.

Псиллы и насамоны

Во времена Геродота жили в Северной Африке два соседних племени — псиллы и насамоны. Очень разные были племена.

Насамоны жили тихо, незаметно, ели саранчу с молоком, а на свадьбе жених терпеливо ждал, пока с его невестой переспит вся свадьба по очереди. Надо же как-то развлекать гостей. Как говорится, одной саранчой сыт не будешь.

Главная особенность насамонов состояла в том, что они всегда держали нос по ветру. При встречном ветре они поворачивались на 180 градусов, и любой встречный ветер становился попутным. Насамоны и пословицу себе придумали: «Хочешь жить — умей вертеться». Хорошая пословица. С такой пословицей никакие ветры не страшны.

А псиллы всегда держали нос против ветра. Против встречного, против попутного. Даже когда ветер дул им в паруса, они налегали на весла и гребли в обратную сторону. Поэтому носы у псиллов были приплюснутые, а у насамонов длинные, словно тянущиеся за ветром.

В тот год южный ветер высушил поля, и насамоны прославляли засуху, держа нос по южному ветру. Ну и черт с ним, с урожаем! Сколько раз насамоны выходили сухими из воды, а уж выйти сухими без воды для них и вовсе плевое дело.

А псиллы, конечно, перли напролом, они хотели жить, но не хотели вертеться. И они объявили южному ветру войну, чтобы встретиться с ним в открытой схватке. И пошли против ветра с приплюснутыми носами наперевес.

Встретились в пустыне, среди песков. Псиллы стояли насмерть, но южный ветер применил обычную для пустыни тактику: он просто засыпал их песком и сверху насыпал высокую песчаную гору.

«И после сей гибели страну их заняли насамоны», — свидетельствует Геродот.

Тихие насамоны. Безответные насамоны. Печалась о псиллах, они ели саранчу с молоком и, радуясь за себя, ели то же самое.

Притчи царя Соломона

— Лучше открытое обличение, нежели тайная любовь!

Прежде подданные тайно любили царя, но, услышав такую притчу, перешли к открытому обличению:

— И это называется царь!

— Подумаешь — Соломон Мудрый!

— Считает себя мудрым, а на самом деле дурак дураком!

Подданные обличали вовсю. Они не щадили ни Соломона, ни его жен, ни его роскошных хоромов. Они перемывали косточки царя, как перемывают грязную посуду.

И тогда Соломон сказал еще одну притчу.

Он сказал:

— Кто хранит уста свои, тот бережет душу свою, а кто широко растворяет рот, тому беда!

И подданные захлопнули рты.

Подданные замолчали.

Подданные по-прежнему тайно любили царя.

Древний Китай во времени и пространстве

Император Цинь Ши-хуанди захватил много территорий, а потом, чтобы сохранить их за собой в вечном пользовании, взял да и отгрохал Великую Китайскую стену. Была у него еще мысль отгородиться от внешних влияний, потому что население постоянно сравнивает свою жизнь с тем, как живут за рубежом. Некоторые даже норовят улизнуть за рубеж — вот тут-то стена первое дело. Хорош еще железный занавес, но в то время железный век только начинался, с железом было плохо, так что пришлось ограничиться Китайской стеной.

Отгородившись в пространстве, Цинь Ши-хуанди стал думать над тем, как бы отгородиться еще и во времени. Ведь у китайцев большая история, и о ней написано довольно подробно. А если начать сравнивать, как было раньше, с тем, как стало сейчас, можно тоже прийти к нежелательным выводам.

И Ши-хуанди повелел сжечь все, что было написано до него, а уже с него начинать китайскую историю.

Китайцев это смутило. Они не хотели отдавать свою историю. Территорию еще ладно, хотя и ее не хочется отдавать, но отдавать историю — это уже самое последнее дело. Настоящие патриоты не отдают ни территории своей, ни истории.

Когда сжигали книги, четыреста шестьдесят мандаринов бросились в огонь, чтобы разделить судьбу своей

истории. Горели все вместе, вспоминая более благоприятные времена, когда можно было книги читать, а не гореть с ними в общем пламени.

Но и после императора Ши-хуанди китайскую историю не оставляли в покое. Сначала любители чтения прыгали за книгами в огонь, а потом стали прыгать все меньше и больше носить дрова, чтоб китайская история лучше горела. Вот тогда и придумали крылатое выражение: рукописи не горят. Если не горят, то с какой стати будем гореть мы, сами подумайте.

Так сказали друг другу китайцы. И успокоились. И отныне стали гореть только на работе.

Платон

Платон был общительный человек, и у него было много друзей. Но все они говорили ему:

— Платон, ты друг, но истина дороже.

Никто из них в глаза не видел истины, и это особенно обижало Платона. «Почему они ею так дорожат?» — с горечью думал он.

В полном отчаянии Платон стал искать истину. Он искал ее долго, всю жизнь, а когда нашел, сразу потащил к друзьям.

Друзья сидели за большим столом, пили и пели древнегреческие песни. И сюда, прямо на стол, уставленный всякими яствами, Платон вывалил им свою истину.

Зазвенела посуда, посыпались черепки.

— Вот вам истина, — сказал Платон. — Вы много о ней говорили, и вот — я ее принес. Теперь скажите — что вам дороже: истина или друг?

Друзья притихли и перестали петь древнегреческие песни. Они сидели и смотрели на истину, которая неуклюже и совсем некстати громоздилась у них на столе. Потом они сказали:

— Уходи, Платон, ты нам больше не друг!

Ксантиппа

Верная, примерная Ксантиппа, как ты любишь своего Сократа! Охраняешь ты его от гриппа, от друзей, от водки, от разврата, от больших и малых огорчений, от порывов, низких и высоких, от волнений, лишних впечатлений, от весьма опасных философий, от суждений, слишком справедливых, изречений, чересчур крылатых... Любящая, добрая Ксантиппа, пожалей несчастного Сократа!

Диоген Синопский

Диоген получил квартиру.

После тесной и душной бочки стал он барином и жуи-ром, перестал скучать в одиночку. Всем доволен, всем обеспечен, он усваивал новый опыт. Иногда у него под вечер собирались отцы Синопа. Те, что прежде его корили, те, что прежде смотрели косо...

И все чаще в своей квартире тосковал Диоген-философ.

И тогда, заперев квартиру, неумытый, в одной сорочке, шел к соседнему он трактиру.

Диогена тянуло к бочке...

Святилище

В бытность свою рабом философ Федон трудился в блудилище — не то зазывалой, не то вышибалой. А в свободное время он слушал Сократа, который вел беседы на соседней улице.

Сократ обратил внимание на вышибалу с умным, одухотворенным лицом, а познакомившись с ним поближе, предложил:

— Давай-ка, Федон, мы тебя выкупим из рабства. У меня есть влиятельные друзья, они соберут сколько понадобится.

— А как же моя работа, Сократ? Мы тут задумали превратить наше блудилище в святилище нравственности. Мне поручен важный участок работы: зазывать добродетель и вышибать порок. Это будет такое святилище, Сократ, такое святилище!

— Из блудилища? Ты забываешь, что у блудилища сильная экономическая основа, а у святилища такой основы нет. Как же оно будет существовать? На какие средства?

Федон объяснил, что пока они не собираются останавливать производство. Блудилище будет работать, но оно будет работать на святилище.

— Зарабатывать на блуде и тратиться на добродетель?

— Да, да, конечно! У нас будет публичная библиотека, публичный лекторий, где мы будем читать публичные лекции... Одним словом, большой публичный дом культуры.

— Это очень интересно, — сказал Сократ. — Но все же лучше, Федон, давай-ка мы тебя выкупим.

Так они спорили каждый день, и в споре этом постепенно рождалась истина. И когда истина окончательно родилась, Федон сказал:

— Выкупите меня, Сократ. Нет уже сил ни на блудилище, ни на святилище.

Так Федон стал свободным человеком. А блудилище осталось блудилищем. Ведь для того, чтобы заработать на святилище, нужно очень много блудить, а когда наблудишь до изнеможения, не хочется уже ничего святого.

Дамоклов меч

Дамокл поднял голову и увидел над собой меч.

— Хорошая штука, — сказал он. — Другого такого не найдешь в Сиракузах.

— Обрати внимание, что он висит на конском волосе, — подмигнул ему тиран Дионисий. — Это имеет аллегорический смысл. Ты всегда завидовал моему счастью, и этот меч должен тебе объяснить, что всякое счастье висит на волоске.

Дамокл сидел на пиру, но к еде не притрагивался. Все вокруг веселились, а он был печален.

Над его головой висел меч. Отличный меч. Другого такого не найдешь в Сиракузах.

— Да, счастье... — вздохнул Дамокл и с завистью посмотрел на меч.

Жизнь Демосфена

Слабостью Демосфена было то, что у него слова бежали впереди дел, но это же было и его силой и помогло ему стать первоклассным оратором. Это он вдохновил эллинов на битву с македонцами и, увлеченный своим красноречием, ринулся в бой. Но тут же спохватился и ринулся обратно, потому что на щите у него было написано: «В добрый час!» — и он старался избегать недоброго часа.

Война кончилась, но добрый час еще долго не наступал. Страну одолевала коррупция, и у Демосфена опять слова побежали впереди дел. Он публично призвал организовать расследование, строжайше наказать преступников — а когда расследование было проведено, главным коррупционером оказался он сам. Такая вот неприятность.

Сев в тюрьму, Демосфен сразу взялся за работу. Он готовил слово к тюремщикам, призывая их принять активное участие в его побеге. Сила слова его была такова, что тюремщики сами сели в тюрьму, а его выпустили на свободу.

Он удалился в изгнание и оттуда наблюдал за событиями в родных местах, благо изгнание было рядом. Из изгнания он обращался к землякам, воспламеняя их на дела, о которых сам не имел понятия. Он так хорошо это делал, что его с почетом вернули на родину, заплатили за него крупный штраф, от которого он скрывался в своем изгнании, и назначили на такую должность, что он мог бы сделать очень много, если б у него слова не бежали впереди дел.

Потом опять была война, и напутствие «В добрый час!» отвернуло Демосфена от этого недоброго часа. Он уже не ждал ничего доброго ниоткуда и просто бежал —

и впереди дел, и впереди слов, а под конец и впереди самой жизни. В укромном месте, чувствуя себя в безопасности, он принял яд и побежал впереди жизни, а жизнь за ним бежала и кричала: «Куда же ты, Демосфен?» Она кричала: «Вернись, Демосфен!» — но он так далеко убежал, что не было ни сил, ни желания возвращаться.

Демокрит на приеме у Гиппократы

Демокрита из Абдеры земляки-абдериты пытались упрятать в сумасшедший дом и обратились за направлением к знаменитому врачу Гиппократу. Но Гиппократ в то время уже дал клятву не использовать психиатрию в политических целях, не производить эксперимент на живых людях и вообще поставить наконец медицину на службу здоровью, отобрав у нее все прочие функции. Поэтому, осмотрев Демокрита, Гиппократ дал заключение: «Практически здоров».

— Как это здоров? — возмутился представитель абдеритуправления. — Он же сумасшедший.

Гиппократ сослался на Гомера, которого тоже считали сумасшедшим, и объяснил, что великие люди нередко сходят с ума, но лишь для того, чтоб подняться на новый, еще более высокий уровень.

В это время к абдеритуправленцу подошла его дочь.

— Здравствуй, девушка! — приветствовал ее Демокрит.

— Вот видите, — зашептал Гиппократу абдеритуправленец, — они незнакомы, а он здороваётся. Разве так поступают нормальные люди?

На следующий день повторили обследование, и опять Гиппократ пришел к заключению: Демокрит практически здоров.

Но тут опять появилась дочь абдеритуправленца.

— Здравствуй, женщина! — приветствовал ее Демокрит.

— Ну, что вы теперь скажете? — торжествовал абдеритуправленец. — Не далее как вчера он говорил «Здравствуй, девушка», а сегодня говорит «Здравствуй, женщина». А ведь прошла всего только ночь... Ночь?.. — Он вне-

запно осекся, побледнел и бросился к дочери: — Бесстыжая, где ты провела ночь?

Пока он это выяснял, Гиппократ спрашивал у Демокрита:

— Коллега, я прошу вас открыть секрет: как вы ставите диагноз?

Кухарь Кробил

Посуда бьется к счастью, и, когда греки, бывало, побьют между собой горшки, каждый житель получает по черепку и начинается счастье всеобщего голосования. На черепке писали имя человека, которого следовало изгнать из Афин, или, как они выражались, подвергнуть ostracismu.

Каково положение афинского обывателя? Он живет в выдающиеся античные времена, но сам он невыдающийся человек, а если и выдающийся, то прямо в противоположную сторону. И вдруг ему дается возможность. Вручается судьба великих людей.

Дурак, конечно, проголосует против самого умного. Потому что от этих умников нет житья, и, если одним умником станет меньше, козыри дураков повысятся.

Посредственность проголосует против таланта, надеясь при его отсутствии сойти за талант. Вор проголосует против честного человека.

Но, допустим, человек с черепком не вор, не дурак, не посредственность. Он просто обыватель. К примеру, кухарь Кробил. И он где-то слышал, что каждый кухарь может управлять греческим государством.

Возможно, это сказал справедливый Аристид. Возможно, мудрый Фемистокл. Но кухарь Кробил, конечно, это запомнил. И уж он-то не преминет проголосовать против этих деятелей, чтобы их поскорей изгнали, убрали с его пути и он, наконец, уже мог начать управлять государством.

Таков глас народа. Он состоит не только из разумных, трезвых, справедливых голосов, потому что голосуют и дурак Полидор, и пьяница Диотим, и кухарь Кробил, которому не нравится работать кухарем.

Так греки изгнали Аристида и Фемистокла. Так они изгнали великого скульптора Фидия. Так они изгнали самых достойных своих людей, и все потому, что кухарю Кробилу не терпелось управлять государством.

Как разрушили Карфаген

Слова Катона Старшего о том, что Карфаген должен быть разрушен, нашли поддержку и в самом Карфагене, где партия рабов всегда придерживалась политики поражения собственного правительства. И в ответ на слова Катона она выдвинула встречный лозунг: Карфаген должен быть разрушен, а на его месте должен быть построен Коринф.

Почему Коринф? Ведь Коринф находится в Греции.

Дело не в Греции. При чем здесь Греция? В Коринфе совсем другая жизнь, там все рабы давно уже стали рабовладельцами. И все рабы этих рабов стали рабовладельцами. Во всем Коринфе не осталось ни одного раба, и все его жители — сплошные рабовладельцы. Такие были слухи среди карфагенских рабов, которые, как все рабы, мечтали только об одном: стать рабовладельцами.

Представительницы женского движения были с этим не согласны. Карфаген, конечно, должен быть разрушен, но зачем на этом месте строить Коринф? Женщины боролись за эмансипацию, за уравнивание рабынь в правах с рабами, поэтому на месте Карфагена они предлагали построить остров Корфу. Потому что на острове Корфу по тамошним рыночным ценам одна женщина стоит четверых мужчин. Это ж какая победа в борьбе за эмансипацию!

Между прочим, остров Корфу тоже находится в Греции. Далась им эта Греция! Но дело даже не в этом, а в том, что Корфу — остров, а как можно построить остров на материке? Ведь остров должен быть со всех сторон окружен водой, а откуда взять столько воды? И как это практически сделать?

Женская логика. Между прочим, логика у женщин — главный приоритет. Нет женской физики, нет женской математики, есть только женская логика, и она заключается в том, чтобы построить на материке остров Корфу.

Тем не менее общими усилиями Карфаген был разрушен до основания, а затем на его развалинах одни стали строить город Коринф, а другие — естественно, остров Корфу. Они строили такое место, где совершенно не будет рабов и по рыночным ценам за одну женщину будут давать четверых мужчин, вот такая там будет всеобщая эмансипация.

Но развалины были старые, и ничего нового из этого старого построить не удавалось. Каждый камешек, каждый кирпичик хранил память о старом городе Карфагене, и когда они начинали между собой складываться, у них получался старый город Карфаген.

Однако в пылу великой стройки никто этого не замечал. Каждый строитель-раб уже видел себя рабовладельцем, а женщины радовались: скоро их поведут продавать, и тогда они покажут этим мужчинам, чего стоит настоящая женщина!

Фома неверный

— Сейчас я пройду по воде, как по суку, — сказал Учитель.

Ученики дружно выразили одобрение. Один Фома усомнился:

— Может, не ходить? А вдруг утонете?

— Он всегда сомневается! — зашумели ученики. — Валяйте, Учитель, если что — мы поддержим!

Учитель встал и пошел. По воде, как по суку.

— Встретимся на том берегу! — крикнул он восхищенным зрителям.

— А теперь я поднимусь по воздуху, как по лестнице, — сказал он на том берегу.

— А вдруг разобьетесь? — усомнился Фома, верный своему неверию.

Учитель взмахнул руками и оторвался от земли.

— Браво, браво! — кричали ученики. — Мы так и знали, мы так и верили!

— А теперь, — сказал Учитель, опускаясь с неба на землю, — меня распнут на кресте.

— Господь с тобой! — перекрестился Фома. — Как можно говорить такое?

На него зашикали.

— Меня распнут на кресте, — продолжал Учитель, — вобьют в меня гвозди...

— Слушайте! Слушайте!

— из моих ран потечет кровь...

— Слушайте! Слушайте!

— ...потом я умру. А потом воскресну.

Ученики затаили дыхание. В тишине раздался тревожный голос Фомы:

— А вдруг не воскреснешь?

— Это уже слишком! — возмутились ученики. — Учитель — и не воскреснет! Кто ж тогда воскреснет? Уж не ты ли, Фома?

Учитель подождал, пока они успокоились. Потом сказал:

— К сожалению, не все от меня зависит. Для того чтоб меня распяли, меня нужно сначала предать. Кто согласен меня предать?

— Я! Я! Я! Я! Я! Я! Я! Я! Я! Я!

Ровно одиннадцать Я. Один Фома воздержался.

— Не все сразу, не все сразу! — замахал руками Учитель. — Для того чтоб предать, одного вполне достаточно. Пусть это будет... — Учитель обвел взглядом учеников. — Ты, Фома!

Ученик рухнул на колени:

— Учителы! Я люблю вас, Учитель, я не могу вас предать!

— Он не может предать! Вы слышите? — шумели ученики. — Учитель, поручи это дело нам! Любому из нас!

Для того чтоб воскреснуть, человек должен сначала умереть, это очевидная истина. Но неверный Фома этого не понимал — и он упирался, тянул всех назад, когда все остальные дружной толпой провожали Учителя на Голгофу.

Пирровы победы

В войне Пирра с римлянами был использован новый вид оружия — слоны. Огромные и непробиваемые, они двигались впереди конницы и пехоты, подавляя против-

ника массивностью, а также неповоротливостью, которая не давала им обратиться в бегство.

В соседних странах был поднят вопрос о запрещении слонов как оружия массового уничтожения. Мирная Каледония предлагала вообще уничтожить слонов. Каледонию поддерживала мирная Лангобардия.

Римляне упорно отказывались сдаться на милость победителя, хотя милость эта была велика. Честолюбивый Пирр предлагал побежденным мир на самых достойных условиях — честолюбивые побежденные отказывались от мира. Честолюбивый Пирр отпускал пленных на родину — честолюбивые пленные возвращались под стражу. В соседних странах обсуждался вопрос об обеспечении слонами северных государств, чтобы защитить север от южной опасности. В мирной Каледонии был акклиматизирован первый слон, второй слон был акклиматизирован в мирной Лангобардии.

Наступила знаменитая битва при Беневенте. Все было привычно и буднично, и слоны топтали людей, как топтали и в прежних битвах. И уже никто не ждал никаких неожиданностей, когда появилась первая неожиданность: стрелы, обернутые горячей паклей.

Слоны на минуту остановились, прервав победное шествие. А в следующую минуту (и это была вторая неожиданность), преодолев свою естественную неповоротливость, слоны повернулись и двинулись назад, топчя собственную конницу и пехоту.

При виде столь массового уничтожения соседние страны подняли вопрос о новом оружии, которое в сочетании со старым приводит к таким ужасным последствиям. Говорили, что нужно либо сразу сжечь всю эту паклю, либо обеспечить ею мирные государства, чтобы им было чем защищаться и чем нападать.

Война продолжалась. Мирная Каледония перешла на строжайший режим экономии, приберегая паклю на случай военных действий. Мирная Лангобардия всю торговала паклей и потихоньку откармливала слона.

Последний Ромул

Все началось при Ромуле и кончилось при Ромуле, будто и не было этих двенадцати веков триумфов и побед, будто не было величия Римской республики и могущества Римской империи, и славы, славы, немеркнувшей славы ее полководцев, консулов, императоров и рабов.

Последний Ромул — Ромул Августул Момилл (что отличает его от первого — просто Ромула) — живет на вилле, построенной еще знаменитым римлянином Лукуллом, которого, возможно, тоже не было, как и его современников — Цезаря и Суллы. А было — что?

Последний Ромул, Августул Момилл, пытается вспомнить — что было...

Сначала семь холмов и посреди них — волчица, кормящая мать, воспитавшая основателя вечного города (ничего нет вечного на земле — поздняя мудрость, неизвестная основателям). Первый Ромул построил город, и с этого, собственно, все началось, а быть может, совсем и не с этого, потому что первый Ромул давно уже стал легендой.

Легенды, легенды... Много их накопилось за тысячу двести лет. Самнитские войны. Пунические войны. Даккийские войны. И в результате — владычество Рима на юге и севере, западе и востоке. Легенды говорят, что было такое владычество.

Варвар Одоакр, которому Ромул отдал престол в обмен на роскошную виллу Лукулла, называет все это римскими сказками.

— Чепуха! — смеется варвар Одоакр. — Каждый себе что-то придумывает. И если хотите знать, ваш Цезарь ничего не смыслил в политике, а Цицерон был никудышный оратор.

А похищение сабинянок? А мудрые законы Нумы Помпилия?

— Чепуха!

Одоакр сейчас в Риме король, поэтому он разбирается в римской истории. И может быть, действительно Цезарь был не того и Цицерон был не того?

Последний Ромул, Августул Момилл, готов с этим согласиться.

В конце концов, не он делал эту римскую историю, и если в ней что-то не так — пусть спрашивают с других. С Помпилиев. С Клавдиев. С братьев Гракхов. Ведь не он, Ромул, основал этот Рим — его основал тот, другой Ромул.

Выкормишь волчицы. Смешно сказать! И придумают же такое!

Последний Ромул смеется. Он представляет, как тот, первый строил город без лопаты и топора, без всякого нужного инструмента. С одной волчицей, смеется последний Ромул.

Без инструмента, смеется он, даже эту виллу не построишь. Правда, вилла построена хорошо, этот Лукулл, был он там или не был, видно, любил пожить. А кто не любит? Все любят. Да, чего там говорить, вилла неплохо построена. Сам Одоакр, король, останавливается здесь во время охоты.

Король Одоакр останавливается здесь, и Августул Момилл принимает его как настоящий хозяин и даже сидит с ним за одним столом. И тогда Одоакр называет его императором — в шутку, конечно, но не без основания, потому что Ромул ведь и вправду был императором...

Был или не был? Кажется, все-таки был.

Тарквиний Гордый, Помпей Великий, Антонин Благочестивый... Доблестный Марий, потерпев поражение, сказал знаменитую фразу: «Возвести своему господину, что ты видел Мария сидящим на развалинах Карфагена». Непокорный Катилина, потерпев поражение, сказал знаменитую фразу: «Я затушу развалинами пожар, который хочет уничтожить меня». Последний Ромул смеется: от всей истории остались одни знаменитые фразы. А может быть, и их тоже не было?

Трубят рога. Входит варвар Одоакр. Король Одоакр. Он хлопает Ромула по плечу, он опирается на его плечо и так проходит к столу, где для него уже все приготовлено. Он садится, он пьет («Твое здоровье, Ромул!»). Он рассказывает что-то смешное — и сам смеется, и Ромул смеется. Он разрывает мясо руками и глотает его, и заливает вином...

— Погляди, — говорит Одоакр, — какую я приволок волчицу.

Удачная охота. Сегодня хороший день. И вечер будет хороший.

Сколько лет Рим воевал с варварами, а все так просто — посадить варвара на престол...

Последний Ромул стоит над телом мертвой волчицы.

Как вандалы довели гуннов до нашествия

Гунны жили в Азии. Ничего не скажешь, культурная страна. Но, конечно, не по сравнению с Африкой.

Послали гунны в Африку своего человека. Посмотреть, как там и что. Возможно, перенять какие-нибудь культурные традиции.

Ходит гунн по Африке, знакомится с культурой. Африку как раз незадолго перед тем посетили вандалы, остались в ней жить, добавили еще и своей культуры. Очень культурная получилась страна.

Познакомился гунн с одним вандалом, стал к нему в гости ходить. Сидят, разговаривают. Вандал говорит:

— Африка — это, конечно, Африка, но Европа — это Европа. Между прочим, Европа — моя историческая родина. А где твоя историческая родина?

Пришлось гунну признаться, что у него нет исторической родины. Обыкновенная есть, а исторической нет.

— Так не бывает, — говорит вандал. — У каждого человека две родины: обыкновенная и историческая. Когда на одной прижмут, уезжаешь на другую. На другой станет тошно — вернешься на первую. Вот я как раз сейчас собираюсь в Европу, на историческую родину. Если хочешь, поехали вместе.

А почему бы не поехать? Сели, поехали.

Историческая родина произвела на гунна сильное впечатление. Сначала он немного стеснялся, но потом освоился, стал повышать голос на исторических европейцев, выяснять с ними сложные межнациональные отношения.

— Ты чего шумишь на чужой исторической родине! — прикрикнул на него вандал. — Езжай на свою, там и шуми, а своей не имеешь, так сиди тихо.

В общем, выгнали гунна из Европы. Пришлось возвращаться домой. А куда ему податься? У него родина одна, не то что у некоторых.

Рассказал своим про Африку, про Европу. Такую картину нарисовал, что гунны оседлали коней и двинулись на Европу, в свое знаменитое нашествие. А вандалы, узнав про это, тоже оседлали коней и помчались спасать свою историческую родину. И двигались вандалы по своей исторической родине, сметая на пути все, что гунны недосмели. Рим смели, другие культурные центры.

Европа еще как-то выдержала нашествие, но освобождения от нашествия выдержать уже не смогла, и на много-много веков в ней воцарилось средневековье.

И прекрасная Розамунда

У короля лангобардов Альбоина была жена Розамунда, изумительная женщина. И был у него щитonosец — таких щитonosцев сегодня нет.

Дело было в шестом веке, когда с вандалами и гуннами уже было покончено, а с татаро-монголами еще не начинали. Так что был небольшой просвет между поздней дикостью и ранним средневековьем, как раз подходящий для расцвета цивилизации.

И вот на одном из обедов король подносит любимой супруге кубок с вином, а она смотрит — что-то знакомое. Присмотрелась — да это же череп ее родного отца!

Как, папа уже умер? Вот это неожиданность! Поднесла кубок к губам, но пить почему-то расхотелось.

Говоря откровенно, она обиделась за отца. И так сильно обиделась, что попросила верного щитonosца прикончить своего повелителя.

Щитonosцу что, он согласился. А когда с Альбоином было покончено, они вдвоем бежали в Равенну, к тамошнему правителю, который согласился им дать приют при условии, что Розамунда выйдет за него замуж.

Выйти, конечно, можно, но щитonosца куда девать? За время побега у них сложились такие отношения, что он мог бы не понять такого поступка.

Чтобы как-то выйти из положения, Розамунда поднесла ему кубок с ядом.

Щитоносец пьет и чувствует — что-то не то. Вино определено чем-то разбавлено. И тогда он предложил Розамунде допить кубок до конца, поскольку ему уже больше не хотелось.

Розамунда, конечно, отказывалась, говорила, что для нее это слишком крепко, но пришлось ей допить вино.

В общем, что тут сказать? Муж умер, любовник умер, а теперь еще вдобавок и она сама умерла. Когда мудрец говорил, что все люди смертны, он, вероятно, имел в виду именно эту ситуацию.

Мы от роду русского

В своем известном послании грекам люди князя Олега писали:

«Мы от роду русского Карл Ингелот, Фарлов, Веремид, Рулав, Гуды, Руальд, Карн, Флелав, Рюар, Актутруян, Лидул-фост, Стемид... к вам, Льву, Александру и Константину...»

Так они писали в IX веке.

А потом все переменилось, и от роду русского кто только уже не писал! И грек Василий, и еврей Гаврила, и даже египтянин отец Онуфрий всё от того же роду русского послания и заявления шлет.

Теперь как соберутся русские люди Флелав и Лидул-фост, позовут третьим Актутруяна, и пойдут у них разговоры на троих:

— Совсем запакостили русский род! Какой-то, извините, Иван — и он, понимаешь, выступает от роду русского. Правильно говорит Рюар: если эти Иваны заполонят всю страну, куда тогда русскому человеку податься?

Собирание русских земель в единое татаро-монгольское государство

Великий князь Московский Иван Данилович Калита ходил с сумой по свету, но не побирался, а, наоборот, деньги раздавал, потому что в те времена, чтобы делать дела, нужно было постоянно кому-то совать в лапу. Так он ходил и совал, ходил и совал, собирая русские земли в единое пока еще татаро-монгольское государство.

Повелителем всея Руси в то время был хан Узбек. Не по национальности узбек, а по имени. И такой это был выдающийся хан, что его именем называли целую национальность.

В России в то время только хан был всея Руси, а русские князья — каждый своего отдельного, или, как их называли, удельного княжества. И распределял эти княжества между князьями хан Узбек. Вот почему ему приходилось и в лапу совать, и доносить на своих родных и близких, чтобы им не досталось княжество. Поедешь в Орду, настучишь на князя Владимирского — присоединишь к Москве Владимир. Настучишь на князя Тверского — присоединишь Тверь.

Замечательный был князь Александр Тверской, добрейшая, честнейшая душа, а что делать? Нужно же русские земли в единое государство собирать. Пусть пока не русское, а татаро-монгольское, но это ничего. Тем более что татаро-монголы тоже народ не чужой, они внесли свой вклад в будущую историю России. Например, друг Ивана Калиты татарский мурза Чет внес огромный вклад в лице самого царя Бориса Федоровича Годунова, который был прямым потомком мурзы, что сказалось на его государственной деятельности.

Если б не татаро-монголы, неизвестно, удалось ли бы собрать русские земли в единое государство. Тут нужно было татаро-монгольское иго, чтобы собрать сначала все земли под игом, а потом сбросить иго — и вот она, навеки сплоченная единая великая Русь. Плохо только, что иго сбросить никак не удастся. Татаро-монголов сбросим — это да, но иго-то, иго — оно останется!

Ягеллончик

Быть выдающимся деятелем вовсе не означает что-то делать. Когда к польскому королю Казимиру Ягеллончику обратились новгородцы за поддержкой против Москвы, Ягеллончик не отказал, но при этом не ударил пальцем о палец.

И этим способствовал воссоединению Новгорода и Москвы в единое государство.

И когда тверичи обратились к Ягеллончику за поддержкой против Москвы, Ягеллончик тоже не отказал, но при этом не ударил пальцем о палец.

Чем способствовал воссоединению Твери и Москвы в единое государство.

Так кто же способствовал объединению русских земель в единое великое государство?

Ягеллончик. И он же помог освобождению этого великого государства от татаро-монгольского ига. Потому что когда татары обратились к Ягеллончику за поддержкой против Москвы, что сделал Ягеллончик?

Вот именно. Он не отказал, но при этом не ударил пальцем о палец.

Выбор князя Владимира

Как свидетельствует летописец, перед тем, как принять христианство, киевский князь Владимир какое-то время размышлял, не лучше ли остановить свой выбор на магометанстве?

Князя соблазняли гаремные радости, но в запрете на спиртное и еще в одном небольшом обряде князь усмотрел урезание человеческих прав.

«Вот так урежут и выпить не дадут!» — с горечью думал князь.

И в этот самый момент к нему явились хазарские евреи.

— Великий князь, — сказали хазарские евреи, — если вы не можете выбрать между христианством и магометанством, может быть, вас устроит иудейская религия?

Князь Владимир невесело усмехнулся. Здесь было то же урезание прав, но уже без гаремных радостей.

Делать было нечего. Пришлось принимать христианство.

Родина Колумба

Было время, когда страны не спорили из-за Колумба. Где он родился, где женился, это им было все равно. Италия охотно уступала его Португалии, Португалия — Испании, а Франция и вовсе понятия о нем не имела.

Потому что Колумб тогда был живой, а живые не пользуются таким уважением. Весь почет принадлежит цивилизации мертвых.

Если б мертвые могли обойтись без живых, какая б у них была замечательная цивилизация! Ничего житейского, мелкого, суетного, что отвлекает живых от великих дел, — одни эпохальные дела, бессмертные свершения.

Но мертвым для их бессмертия нужны живые. Чтобы их заслуги посмертно признавать. Не было б на земле живых, кто сегодня спорил бы о праве быть родиной Колумба?

А так — спорят. Италия с Португалией, Испания с Францией. Даже Америка, которую он открыл, и та выдвинула собственную гипотезу. Дескать, Колумб сначала родился в Америке, потом из нее уехал, а уже потом вернулся и ее открыл.

Одна Россия не претендует на то, чтоб быть родиной Колумба. Россия не знает, куда своих колумбов девать: то ли их сажать, то ли выдворять, чтобы уже потом вести спор о праве быть родиной своих колумбов.

Шутки при московском дворе

До чего наши шутки похожи на правду! Посадить их рядом — ну прямо как две сестры. И каждая может довести до слез, хотя слезы при этом разные.

Кто-то при дворе пустил слух, будто Иван Третий, великий князь, собирается засадить брата Андрея в темни-

цу, Андрей кинулся к брату, а тот и знать ничего не знает. Опомнись, говорит, Андрюша, приди в себя, как я могу засадить родного брата в темницу?

Стали выяснять, откуда такие сведения. Пошли по цепочке и вышли на Татищева, слугу великого князя. А куда цепочка от Татищева? А никуда. Это он просто так пошутил, чтоб было смешнее.

За такие шутки положено вырезать язык, но великий князь опасался, как бы при дворе не подумали, будто он не понимает шуток. И дал команду язык Татищеву не вырезать, а просто посоветовать держать его за зубами.

Однако ему не давало покоя: с чего это Татищев так пошутил? На какое-то время забудет, а потом опять ударит топором в голову: ну что за дурацкая шутка? Вроде и не шутка. Уж больно серьезная.

И в одну прекрасную ночь за князем Андреем пришли. Заковали в цепи, бросили в подземелье крепости. Шутка, выходит, оказалась правдой.

Заточили князя Андрея на вечные времена, но из всей этой вечности он прожил только полтора года. Великий князь очень убивался. Он ведь был человек добрый, да и шутки отлично понимал. Одного не мог понять: почему они так похожи на правду?

Ну прямо как сестры. Посадишь рядом — не различишь. Потому они и сидят рядом. И в темницах, и в застенках, и в каторжных лагерях — всюду шутка сидит рядом с правдой.

Лжеорлеанская лжедева

До женитьбы Жан д'Арк носил другую фамилию, но, женившись, взял фамилию жены, посчитав ее более подходящей для мужчины.

У жены, правда, фамилия тоже была не своя. В то время многие строили из себя орлеанских девственников, уверяя, что им удалось избежать костра, и мужчины им верили, а некоторые даже на них женились...

Муж Жанны догадывался, что его жена не настоящая Жанна д'Арк, но закрывал на это глаза в интересах семейной жизни. Жена была красивая женщина, и к тому же хо-

рошая хозяйка, она так вкусно готовила, что, глядя на нее за обедом, муж буквально изнемогал от нежности и любви.

По праздникам к ним приходили гости. В эти дни жена особенно вкусно и много готовила, поэтому Жан д'Арк любил гостей и слыл в округе общительным человеком.

Уже на первом блюде он загорался любовью к жене и начинал рассказывать о ее подвигах, то и дело прося ее положить ему что-нибудь на тарелку. Но по мере насыщения он все чаще останавливался на том, что в подвигах его супруги было сделано не так, и говорил, как бы поступил он, если б ему поручили совершить эти подвиги. А к концу рассказа, уже отвалившись от стола, приходил к окончательному выводу, что подвиги — это вообще не женское дело.

Жена с ним соглашалась. Да, если б ей сегодня поручили вести в бой полки, она бы делала это совсем по-другому. Потому что теперь она знает, муж ее научил.

И все было хорошо, все было бы хорошо (потому что без «бы» ведь хорошо не бывает), но Жан д'Арк все чаще думал с досадой: ну почему, почему его жена не настоящая Жанна д'Арк? Она могла бы научиться готовить, ухаживать за детьми, она бы делала все, что положено делать женщине, но при этом в их семье все было бы совсем по-другому.

Все было бы по-другому, если б она, его Жанна, не сгорела на костре. Они ведь даже не успели познакомиться, а она уже сгорела на костре. Ну почему, почему она сгорела на костре?

Он уже любил ее — ту, сгоревшую на костре, больше этой, на костре не сгоревшей, и пепел от костра Жанны д'Арк засыпал его семейный очаг, который становился все холоднее и холоднее...

День поминовения

В день поминовения собрались бывшие соратники и друзья, чтобы почтить память нашего незабвенного Григория Лукьяновича, светлой памяти Скуратова Малюты. Тут были и Грязной, и Нагой, и братья Собакины. Младший Собакин порывался сказать речь.

- Сегодня, в день повиновения
- Не повиновения, а поминовения!
- Кто сказал неповиновения?

Говорили о Малюте. Он был добрый человек, но время требовало от него другого. Он принес свою доброту на алтарь отечества.

Добрый быть легко, но если все будут добрыми, кто будет проявлять твердость? Кто будет вызывать в людях содрогание? Наш незабвенный Малюта вселял в нас ужас, но и сам постоянно пребывал в ужасе. Потому что ужас был основой нашего государства.

Мы должны быть благодарны Григорию Лукьяновичу за то состояние оцепенения, без которого не бывает стабильности государства. Стабильный мир — это мир, пребывающий в оцепенении.

Малюта погиб на войне, но еще раньше прославил русское оружие. Причем оружие он понимал широко: топор, кол, раскаленная сковородка. Сейчас говорят, что многие замучены ошибочно. После смерти каждого можно оправдать, после смерти человек становится уже неопасным. А кто сделал его неопасным, чтоб его можно было посмертно оправдать?

Сегодня, в день поминовения, мы поминаем всех — и замученных, и замучивших, потому что без них не было бы истории нашего государства.

Анекдоты про Ивана Грозного

Иван Грозный уезжает в деревню

Узнал государь о недовольстве им некоторых слоев населения.

— Ах, вы так, — говорит. — Вы такие нежные, что вас уже нельзя и повесить? Нельзя посадить на кол, четвертовать? В таком случае живите без меня, я уйду в отставку.

Уехал в деревню, живет, давит мух. Мухи, между прочим, тоже недовольны.

А вокруг страна голосит:

— Соколик ты наш! Милостивец! Убивец! На кого ж ты нас покинул, отец родной?

Уже и Малпота не выдержал:

— Ты что ж это, государь, с народом делаешь? Такой бессердечности я от тебя не ожидал.

Стыдно стало Ивану Васильевичу.

— Ладно, — говорит, — Малпота. Бери топор, пошли домой.

Затрещали кости, покатались головы. Содрогнулся народ:

— Наконец-то наш батюшка вернулся!

Иван Грозный ищет политическое убежище

Что-то боязно стало царю в своей державе. Тут такое творится! Людей четвертуют, на кол сажают, живыми жгут. То ли дело Англия, цивилизованная страна. Вот где настоящее уважение к человеку!

И передал царь Иван английской королеве через ее посла: так, мол, и так, страна дикая, варварская, нет никакой возможности править. А посему нижайше прошу политического убежища.

Сел в карету, отъехал метров двадцать в направлении Англии, а тут навстречу Малюта. То ли из Англии, то ли еще откуда.

— Ты что ж это, государь? Опять куда-то намылился? А о народе подумал?

Подумал царь о народе и говорит:

— Ладно, Малюта, будь по-твоему. Бери топор, пошли домой.

— То-то, — говорит Малюта. — Тут работы выше головы. И не одной головы: вон их сколько — просто руки опускаются!

Иван Грозный женится при живой жене

На старости лет захотелось царю Ивану жениться. Правда, он в то время был женат. Жена у него была Мария Нагая, но это его не устраивало. Мне, говорит, эти нагие и босые уже вон где сидят. А что это за страна — одни нагие и босые!

Приглядел невесту в Англии. Правда, не сам глядел, ему лейб-медик, англичанин, о ней рассказывал. Есть, говорит, в Англии принцесса королевских кровей. Невыносимо красивая. Тоже сначала Мария, но дальше уже

не так. Дальше Гастингс. Мария Гастингс. Тоже, может, нагая, но по-английски, а это, может, даже лучше, чем по-нашему.

Послал царь своего человека к королеве Елизавете с предложением. Елизавета говорит: черт-те что. Никак этот московский царь не угомонится: то ему подавай убежище, то английскую жену.

А принцесса Гастингс не хочет за русского царя. Во-первых, говорит, он женатый, а во-вторых, характер у него неустойчивый. Посадит на кол, а ей сидеть.

И велела английская королева вместо принцессы показать посланцу царя какую-нибудь выдру. Не настоящую выдру, а девицу примерно такой внешности. Как увидел посланец эту образину, так до самой Москвы бежал, даже моря под ногами не заметил.

Описал царю английскую принцессу своими словами. Такая выдра, говорит.

Тут лейб-медика английского, конечно, в застенки. Показали ему, что такое настоящая болезнь. От этой болезни он уже не оправился.

А царь остался с прежней супругой. С Марией Нагой. По-английски, может, и Гастингс, но царь теперь и про Гастингсов слышать не хотел. Такие выдры эти англичане!

Пенсионеры Средневековья

Кончилось Средневековье, начались новые времена. Старенький отец-инквизитор вышел на пенсию, ходит в парк, где собираются такие же старички-пенсионеры. Сидят вспоминают прежние времена.

— Помните того чудака? — вспоминает отец-инквизитор. — Ну, того, что сказал, что она вертится?

— Кто вертится? Жена его, что ли?

Отец-инквизитор напрягает память:

— Да нет, вроде не жена.

— Может, дочка?

— Может, и дочка... Я хорошо помню, как он сказал. А все-таки, говорит, она вертится.

— Хорошенькая? — оживляются старички.

— Может, и хорошенькая. Они же так вертятся, что лица не разглядишь. — Отец-инквизитор помолчал, вспоминая. — У этого чудака, кроме дочки, был еще сын. Такой способный мальчишка. Ему доверили быть при отце осведомителем — все-таки следит и доносит не чужой человек. Отец, бывало, слова не успеет сказать, как оно уже известно органам инквизиции.

Кто-то вспомнил о феноменальном ребенке, который засадил в тюрьму родителей, а потом всю жизнь носил от них передачи. Не им носил передачи, а от них носил передачи, потому что был у них любимый и единственный сын. Так и жил всю жизнь на передачах, нигде не работая...

Все вздыхают: да, дети сегодня уже не те. И родители сегодня уже не те. Э, да что вспоминать! Давайте лучше играть в стукалочку!

Все опять оживляются. Стукалочка — замечательная игра. Ставки, правда, небольшие, но какие ставки при нашей пенсии!

Старики вздыхают: пенсии, конечно, не те. Такие маленькие пенсии — за такое большое Средневековье!

Отречение Галилея

— Между нами говоря, дорогой Галилей, я и сам думаю, что она вертится. — Отец-инквизитор покрутил пальцем, показывая, как вертится Земля. — Но одно дело — думаю, а другое дело — говорю. Вы ученый человек, неужели вы до сих пор не поняли разницы?

— Нет, я понял, — сказал Галилей, — и именно поэтому я говорю, а не только думаю.

— В таком случае говорите так, чтобы вас никто не слышал. А то ведь — я не хочу вас пугать — у вас могут произойти неприятности... Вспомните Джордано Бруно.

Галилей вспомнил.

«Я уже стар, — подумал он, — и у меня впереди большая работа. Это очень важная работа, и не хочется умереть, не закончив ее...»

Святая церковь пышно праздновала отречение Галилея. Рекой лилось вино, приготовленное из крови Спаси-

теля. А когда был провозглашен тост за дружбу науки и религии, отец-инквизитор подмигнул Галилею и шепнул:

— А все-таки она вертится!

Праздник на улице Варфоломея

В жизни каждого Варфоломея есть своя Варфоломеевская ночь. Была такая ночь и у святого Варфоломея.

Она пришла с большим опозданием, где-то в середине средних веков, когда о самом апостоле уже почти забыли. Но он не унывал, он знал, что и на его улице будет когда-нибудь праздник.

И вот наконец...

Варфоломей побрился, надел свой лучший костюм, доставшийся ему в наследство от распятого учителя, и вышел на улицу.

На улице была ночь. Варфоломеевская ночь.

— Спасибо, родные, порадовали старика, — бормотал апостол, глядя, как братья во Христе уничтожают друг друга, — господь не забудет ваше святое дело!

Варфоломей прослезился. Потом выпрямился и крикнул громко, впервые за всю свою безответную жизнь:

— Так их! Истинно так! А теперь — тих!

К нему подошли двое.

— Именем Варфоломея! — сказали они и взяли святого за шиворот...

Была ночь. Варфоломеевская ночь. Варфоломеевская ночь, но уже без Варфоломея.

Простая старушка

Старушка подошла к костру, на котором сгорал Ян Гус, и сунула в него вязанку хвороста.

— О святая простота! — воскликнул Ян Гус. Старушка была растрогана.

— Спасибо на добром слове, — сказала она и сунула в костер еще вязанку.

Ян Гус молчал. Старушка стояла в ожидании. Потом она спросила:

— Что ж ты молчишь? Почему не скажешь: «О святая простота»?

Ян Гус поднял глаза. Перед ним стояла старушка. Простая старушка.

Не просто простая старушка, а старушка, гордая своей простотой.

Аже-Петр, самый первый

Он стал Петром задолго до Петра, он, словно месяц, вышел из тумана...

Была глухая, смутная пора, испуганная временем Ивана.

Как из былин, он вырос из былъя, поднялся на опасную ступеньку. Он был, по сути, Муромец Илья, но назывался сдержанно: Илейка.

Он позабыл фамилию свою и отчий дом и Муром свой покинул. Ну кто поверит в Муромца Илью? Ведь жизнь — она не сказка, не былина.

Он имя взял царевича Петра, но взял его, должно быть, слишком рано. Была глухая, смутная пора, испуганная временем Ивана.

Когда еще о нем узнает мир? История плетется помаленьку...

Но в Англии уже творил Шекспир, когда казнили Муромца Илейку.

История, былинная страна, пройдут века и новые настанут.

Но будут долго длиться времена, испуганные временем Ивана.

Памятник Мигелю Сервету

Кальвин сжег Мигеля Сервета. Кальвинисты воздвигли ему памятник.

— Вот здесь, — говорили кальвинисты, — на этом самом месте, безвременно сгорел великий Сервет. Как жаль, что он не дожил до своего памятника! Если б он так безвременно не сгорел, он бы сейчас порадовался вместе с нами!

— Но, — говорили кальвинисты, — но он недаром сгорел. Да, да, друзья, великий Сервет сгорел не напрасно! Ведь если б он здесь не сгорел, откуда б мы знали, где ему ставить памятник?

Спектральный анализ

На вкус и цвет товарищей нет, и когда Ньютон заговорил сразу о семи цветах, у него стало в семь раз меньше товарищей.

— Он и прежде любил утверждать, что белое — это черное, — припоминали бывшие товарищи. — А теперь выходит, что белое — это красное, оранжевое, желтое, зеленое, голубое, синее и фиолетовое? Так, что ли, надо его понимать?

Все знали, как надо понимать, и все ничего не понимали. И тогда, чтобы им объяснить, Ньютон взял семь цветов и соединил в один белый цвет.

— Ну, знаете! Семь цветов — в один! — зашептались вокруг. И у Ньютона стало еще в семь раз меньше товарищей.

Зачем России двуглавый орел?

Можно просто сказать: одна голова хорошо, а две лучше.

Можно ответить в плане экономическом: чтобы добычу высматривать одновременно на западе и на востоке.

Можно ответить в плане демократическом: одна голова без царя — это просто глупость, а две головы без царя — это уже демократия.

А можно опять-таки просто сказать: когда все в государстве наперекосяк, очень удобно валить с больной головы на здоровую.

Ошибка Петра

Александр Николаевич Романов в бытность свою императором Александром Вторым любил задавать разные вопросы. А что будет, если освободить крестьян? А что будет, если разрешить свободу слова?

Кинули в него бомбу, чтоб меньше спрашивал, но он и на том свете не утомился.

— Послушайте, — говорит, — Владимир Ильич. Вот вы умный человек, совершили победоносную революцию. Ответьте мне: почему у нас в России так много воруют?

— Кто ворует? У кого ворует? — прицелился в него взглядом Владимир Ильич. — Воровство, батенька, — понятие классовое.

Решил Александр у Сталина поинтересоваться.

— Воруют? — стал раскуривать трубку генсек. — А кто оттяпал Кавказ? Кто оттяпал Среднюю Азию? Но это я не в упрек, я понимаю, что вы это сделали в интересах укрепления дружбы народов.

Отыскал император Никиту Сергеевича. Дескать, вот какой интересный вопрос: почему у нас в России так много воруют?

Хрущев сдвинул на затылок шляпу, под которой обнаружилась кепка из пролетарской молодости. Надвинул он на лоб кепку и говорит:

— Скажу тебе как освободитель освободителю. Вот мы все освобождаем, освобождаем. А кого мы освобождаем, ты хоть раз задумался?

Задумался Александр, поднял глаза к небу. Почему, спрашивает, у нас так много воруют?

И ответила ему самая звездная часть голосом Леонида Брежнева:

Кто ворует, кто ворует? А ты за руку поймал? Это все твой родственник Петро: прорубил, понимаешь, окно в Европу, а в окна кто лазит? Вот и соображай. Надо было ему, Александр, двери прорубить, тогда б у нас с тобой было все нормально.

Плохо быть вторым

В России было три Александра, но бомбы удостоился только один — Александр Второй.

Было два Николая, но казнили только Николая Второго.

Было четыре Василия, но ослепили лишь одного — Василия Второго.

А какой Наполеон был между Первым и Третьим? Почему о нем ничего не слышно? Потому что он так никогда и не вззошел на престол.

Два — число несчастливое. Это двойка, которую составляет судьба своему избраннику, чтобы подчеркнуть, что он — не избранник.

Муравьев и Каракозов (1866 год)

Попав в места, определенные высшей мерой наказания, председатель судебной коллегии Муравьев был крайне удивлен и обескуражен. «Интересно, как я здесь оказался? Разве мы приговорили меня?»

И тут он увидел приговоренного.

— Дмитрий Владимирович! А я уже за вас волновался!

Каракозов встрече не обрадовался. Он даже слегка отшатнулся, если такое возможно в местах, определенных высшей мерой наказания.

— Ну что вы за мной увязались? Суд окончен, приговор приведен в исполнение, чего вам еще от меня надо?

— Извините, Дмитрий Владимирович, — смутился генерал, — нехорошо как-то получилось: меня называют вешателем, а я здесь оказываюсь раньше повешенного.

Он был крайне обижен этой несправедливостью. Если между вешателями и повешенными стирается грань, ничего хорошего ждать не остается.

— Вы меня, господин Каракозов, извините за повешение, я ведь в молодости сам был декабрист. Ого, еще какой декабрист! Нас, Муравьевых, среди декабристов было что муравьев, — рассмеялся он подвернувшемуся ка-

ламбур. — Все мы в молодости декабристы. А потом, как говорится, жизнь берет свое... — Он помолчал, вспоминая, как его обобрала жизнь. — Все мы были декабристами. Не было бы нас, декабристов, не было бы и вас, царевубийц. А не было бы вас, не было бы и нас, вешателей. Декабристы, как говорится, разбудили вешателей, возможно, я цитирую неточно.

На земле послышался плач. Это проснулся Александр Ульянов.

Родина Аляска

Развитие капитализма в России двигалось полным ходом, но медленно. На переход от феодализма к капитализму требовались солидные инвестиции, или, как тогда говорили, деньги. И тогда возникла идея продать Аляску Америке.

Но тут воспротивилось население страны: как вы смеете продавать нашу Аляску? Ведь Аляска — это наша Родина. Не позволим продавать нашу Родину Аляску!

Экономисты говорят: может, лучше освободить цены? Тогда можно будет Аляску не продавать. Крестьян же освободили, почему же цены нельзя освободить? Вообще-то их надо было раньше освобождать, до крестьян, сначала цены, а потом уже крестьян, так полагается по экономике. А теперь крестьян освободили, отделили от земли, как же они до нее дотянутся, чтоб ее обработать?

Давайте, говорят экономисты, хоть теперь цены освободим. Но Александр Второй — ни в какую. Не соглашается. А еще называется Освободитель — цены ему неудобно освобождать!

Он считает, что от этого понизится жизненный уровень. Мол, у этих цен и уровня жизни обратная зависимость: чем цены выше, тем уровень ниже. Нет уж, говорит, давайте лучше Аляску продадим.

А население ходит с плакатами: «Не отдадим Аляску!» Пусть, говорят, мы по миру пойдем, но пойдем с плакатами: «Не отдадим Аляску!»

Но царь — он же самодержец. Взял и продал Аляску. Какой с него спрос?

Правда, потом в него бомбу кинули. Может, за Аляску. Чтоб другим было неповадно продавать Родину.

С тех пор мы живем без Аляски. Плохо, конечно, живем. Что это за жизнь — без Аляски?

Когда совсем станет тошно, распечатаем бутылочку, вспомним Курилы, Карпаты, Хибинские края... Где ты, Аляска, родная наша Родина?

Учение о диктатуре пролетариата

(Альтернативная история)

Летом 1882 года гимназист Володя У. приехал на каникулы с мамой в Лондон и познакомился там с дедушкой Карлом, который жил в эмиграции и работал над теорией классовой борьбы.

Володя с мамой прогуливались по Гайд-парку, а дедушка Карл сидел на скамейке и читал книгу собственного сочинения.

— Ой какой хороший мальчик! — сказал дедушка Карл. — А как тебя зовут? А как ты учишься?

— Меня зовут Володя, и я отлично учусь, — сказал Володя У. — Только по логике у меня четверка, но я не собираюсь подчинять свою жизнь логике.

— Отлично сказано! — похвалил дедушка Карл.

Потом они долго говорили о диктатуре пролетариата. Володя еще не знал, что это такое, и дедушка Карл ему объяснил:

— Диктатура пролетариата — это власть одних от имени других. Власть партии от имени пролетариата, власть отдельного человека от имени партии.

— А почему человек не может просто взять власть — без партии, без пролетариата?

— Одному не дадут. Кто он такой, чтоб ему дали власть? А когда власть берет целый класс, это более авторитетно.

— Вот здорово! — сказал Володя У. — Я когда вырасту, непременно возьму власть от имени пролетариата.

— Только учти: сначала нужно организовать классовую борьбу, — сказал Володе дедушка. — Потому что только классовая борьба ведет к диктатуре пролетариата.

— А можно я уже сейчас останусь в эмиграции и отсюда буду организовывать классовую борьбу?

Дедушка Карл и Володина мама переглянулись и улыбнулись.

— Володя, а как же гимназия? — с мягким укором сказала мама.

А дедушка Карл сказал:

— Ты ведь еще даже не овладел суммой всех знаний, которые выработало человечество. А для этого нужно что?

И Володя, подумав, сказал:

— Учиться, учиться и учиться.

Эволюция на службе революции

— Профессор Дарвин, вы писали, что человек стал человеком в процессе борьбы за существование.

— Совершенно верно. К сожалению, лучшие погибли в борьбе.

— А как же естественный отбор? Вы ведь большое место отводили естественному отбору?

— К сожалению, были отобраны далеко не лучшие.

— Профессор Дарвин, посоветуйте, как нам быть в нашей революционной практике: нужно ли начинать с борьбы и лишь после этого переходить к отбору или лучше сначала все отобрать, а уж потом пусть они борются за существование?

Дарвин не ответил, поэтому были использованы оба варианта. Начали с борьбы, от нее перешли к отбору, затем отобрали всё — и с тех пор героически боремся за существование.

Железные рыцари революции

Железный Владимир

Мама Надежды Константиновны Крупской уже совсем потеряла надежду, что ее дочь сможет составить себе подходящую партию. Но тут появился железный Владимир и сказал:

— Есть такая партия!

Железный Карл

Этот железный рыцарь считал главным достоинством женщины ее слабость.

Потому что, если нет таких крепостей, которые не могли бы взять железные рыцари, то, уж конечно, женщина такой крепостью быть не должна. Чтобы не затруднять великое дело революции.

Железный Максимилиан

Железный рыцарь Робеспьер любил женщин, но только как товарищей по оружию. Вместо цветов он дарил женщинам тексты своих речей и очень возмущался, что коллега Дантон может требовать от женщины что-то другое.

Железный Стенька

Обычный рыцарь, конечно, может бросить женщину, но он никогда не бросит ее за борт, да еще вдобавок в набежавшую волну, как это сделал один из наиболее железных рыцарей революции.

Железный Феликс и другие

Чем отличается железный рыцарь революции от обычных рыцарей средних веков?

Когда дама входит, железный рыцарь может и встать, а обычный продолжает сидеть, потому что сидит он не на стуле, а на лошади.

Когда дама выходит, железный рыцарь пропускает ее вперед, а обычный бросается первым навстречу опасности.

И, наконец, средневековый рыцарь закован в латы, а рыцарь революции железный и без того, поэтому он держится в достаточной мере раскованно. Настолько, что даже может женщину шлепнуть. А почему бы ее не шлепнуть, если это в интересах революции?

Анекдоты про Клина Ворошилова

Луганский слесарь

Царская Россия была тюрьмой народов. Нужно было сломать запоры и решетки этой тюрьмы. И тогда появился этот человек:

— Слесаря вызывали?

Ворошилов в Петербурге

Город понравился Ворошилову. Особенно те здания, которые строил Растрелли (судя по фамилии, настоящий был большевик!). Поэтому Ворошилов был не прочь стать в городе Петербурге градоначальником.

Но город оказался трудным. Еще бы — колыбель революции! Причем в одной колыбели и революция, и контрреволюция, и нужно точно знать, кому агукать, а кого в колыбели удушать.

Шутка комбрига Городовикова

Увидев, как Ворошилов сидит на коне, лихой казак Ока Городовиков критически заметил:

— Это вам не по тюрьмам сидеть, тут требуется умение.

Ока Иванович оказался прав. Где только потом не сидели большевики — и во главе страны, и во главе народного хозяйства, — но нигде они не достигли того профессионализма, какого достигли, сидя в тюрьме. Если б эти профессиональные революционеры и дальше сидели в тюрьме, какая бы жизнь у нас была, господа!

Одлинная история строительства Земли обетованной

Краткий курс

На 17-м километре корабль дал течь, и с тех пор он у нас терпит бедствие. Течь заделать было нечем, и ее приходилось затыкать живыми людьми. «Гвозди бы делать из этих людей!» — воскликнул корабельный поэт в тоске по настоящему строительному материалу.

На 37-м километре стали разгружать корабль от людей, а там случились такие события, что разгрузка пошла полным ходом. На 45-м километре разгрузку притормозили, но вскоре опять пошли разгружать. Так помаленьку и дотянули до 85-го километра.

А там спохватились: надо корабль починить. Сколько можно на нем терпеть бедствие?

Но чем заделать пробоины? Их столько набралось за семьдесят километров! Если гвозди не делать из людей, дыры заделывать просто нечем...

Пришлось и дальше разгружать. Немного по-другому, не так, как в прежние времена: кого на дно, а кого уже и на берег...

Вот несколько разделов из этой истории. История в данном случае состоит из разделов: первый раздел, второй раздел, третий раздел... И хоть бы кто-нибудь одел... Но что уж тут поделать — такая история...

Первый раздел:

НАША ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Наша великая революция не была ни великой, ни революцией, поскольку свершилась тихо, мирно и совершенно бескровно. Чтобы стать полнокровной революцией, ей пришлось впоследствии пролить много крови.

И она пролила. Наверстала упущенное. Сегодня уже никому не видно, какая она великая, потому что стоит она по уши в крови и в ужасе таращит глаза на свои дела, взывая о помощи.

Второй раздел:

НАША ВЕЛИКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

В то время у нас уже была одна война. Правда, не гражданская, а военная. Но большевики сказали: превратим войну военную в гражданскую войну. Потому что на военной войне нужно воевать с целым государством, с целой вражеской армией, которая вдобавок еще вооружена, а на гражданской — только со своим собственным гражданским населением.

Гражданская война так понравилась большевикам, что они воевали со своим населением все то время, что оставались у власти. Правда, войну эту они не называли

войной, а называли классовой борьбой и революционной политикой своего государства.

Третий раздел: НАШ ВОЕННЫЙ КОММУНИЗМ

Существует два коммунизма: военный и первобытный. Третьего коммунизма не дано, хотя о нем-то, о третьем, больше всего было разговору. Ради него, несуществующего, мы затеяли нашу революцию, наш голод, разруху, нищету и одичание.

Чем отличается военный коммунизм от первобытного коммунизма? Главное отличие: первобытный коммунизм — это эпоха от появления первобытных людей до возникновения между ними классовых противоречий, а военный коммунизм — период от торжества классовых противоречий до появления первобытных людей.

Определяющим фактором является военный потенциал. Чем больше потенциала, тем больше первобытности. По мере поднятия потенциала опускается жизненный и культурный уровень, грозя дойти до первобытной отметки.

Четвертый раздел: НАШ СОЦИАЛИЗМ

У нашего социализма был один неоспоримый плюс, и заключался он в том, что социализм определялся как советская власть ПЛЮС электрификация.

Но остается неясным: что же такое советская власть? Что мы в данном случае должны вычитать из социализма?

Простое арифметическое действие дает возможность установить, что советская власть — это социализм МИНУС электрификация. Все лампочки выкручены, сидим в темноте. А главное, плюс, который был дан в определении, куда-то исчез, и вместо него появился первый непредвиденный минус.

Любопытная вещь: плюс у нас лишь до тех пор, пока мы не пытаемся произвести действие. А стоит произвести действие, как наружу выходят все минусы, заложенные в системе.

Теперь мы видим, что определение было неполным. Полно оно должно было звучать так: социализм — это со-

ветская власть плюс электрификация и минус все остальное.

Пятый раздел:

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА ПРИВАТИЗАЦИИ

С русским языком у иностранцев бывают сложности. Например, слово «ограбление» некоторые понимают как обеспечение граблями. Можно, конечно, заменить это слово словом «грабеж», но тут уже наши окающие граждане могут неверно понять и пойдут гробить всех, кто подвернется под руку.

Чтобы избежать недопонимания на русской почве, привезли из Франции слово «национализация», хорошо зарекомендовавшее себя во времена французской революции. То же ограбление, а иногда и гробеж, но с патристическим, национальным оттенком.

Когда все национализировали, вплоть до граблей, выяснилось, что патриотизм не может мобилизовать народ в ущерб личной заинтересованности. Тут пригдилось опять же французское слово «приватизация», зарекомендовавшее себя во времена реставрации Бурбонов.

Но на нашей почве в этом французском слове стал все больше проступать наш отечественный грабеж (окающие граждане тоже не ошибутся). Филологически объяснить это невозможно. Национализация — грабеж, приватизация — грабеж. Вроде разные слова, но у нас приобретают одинаковое значение.

Шестой раздел:

НАШ ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС

Железный занавес пал — и народ пошел по миру. Случилось то, что так долго пытались предотвратить многие поколения наших революционеров. Чтоб народ не пошел по миру, большевики национализировали все средства передвижения, а затем и пропитания, чтоб народ не носил ноги и не могли никуда унести. Крестьян объединили в колхозы, детей — в пионеры, писателей — в союз писателей, чтоб люди не могли оторваться друг от друга. А в школах учили так, чтоб человек не мог пойти по миру. Чтоб он не мог даже спросить дорогу.

Наиболее активных окружили колючей проволокой, а всю страну — железным занавесом. Специально для этого страна вышла на первое место по производству стали.

И вот железный занавес пал. И народ пошел по миру. Ни о чем спросить не может, ничего сказать не может, только руку протягивает. Дома ноги протягивает, здесь руки протягивает — стоило ли ради этого железный занавес городить?

Седьмой раздел:

КАК МЫ ЗАЛОЖИЛИ НАШЕ ГОСУДАРСТВО

Великая революция заложила основы нашего государства. Основы — это фундамент, а фундамент тем и отличается от остального строения, что его не видно. Его закапывают в землю, как покойника, и никто не знает, что там в основе этого государства.

А когда то, что было заложено в фундаменте, вышло наружу, населению пришлось заложить последнее, чтоб удержаться на поверхности, а не пойти вслед за фундаментом в землю.

Потом, когда закладывать стало нечего, принялись закладывать друг друга. Некоторых так далеко заложили, что до сих пор не могут найти.

И тогда на них махнули рукой. И на себя махнули рукой. И стали просто закладывать за галстук. А когда и галстука не осталось, стали закладывать за воротник.

В общем, заложили государство... Так заложили, что теперь не знаем, у кого выкупать.

Притча о борьбе за свободу

Перед смертью в Брюсселе в 1928 году барон Врангель вспомнил, как они с батькой Махно били большевиков, и рассказал такую притчу.

Добро и зло боролись за свободу. Локоть к локтю, плечо к плечу. Отвоевали свободу и не знают, как дальше быть. Как поделить между собой свободу?

На этом барон Врангель умер, и притча осталась недосказанной.

Перед смертью в Париже в 1934 году батяка Махно вспомнил, как они с большевиками били Врангеля, и рассказал такую притчу.

Добро и зло боролись за свободу. Локоть к локтю, плечо к плечу. Борьба за свободу объединяет добрых и злых, но что делать со свободой, ни те ни другие не знают.

Тут батяка испустил дух, и притча осталась недосказанной.

В тридцатые годы, перед смертью в застенках НКВД, красные командиры вспоминали, как они били Врангеля и Махно, но эти показания следствие не интересовали, поэтому притча опять осталась недосказанной.

До конца ее узнали много лет спустя, когда рассекретили секретные архивы. И вот что тогда выяснилось.

Добро и зло боролись за свободу. Локоть к локтю, плечо к плечу. Отвоевали свободу, но это оказалась не свобода, а что-то другое, совершенно на нее не похожее.

Добро, конечно, тут же репрессировали. А за ним потащили и его родственников — доброту, добропорядочность и даже самую маленькую, еще несовершеннолетнюю, добродетель.

Вышли люди из секретных архивов и говорят: так вот почему мы такие недобросердечные, недоброжелательные. И в работе недобросовестные, и живем не по-добро-соседски. И что мы ни произведем, все у нас какое-то недобротное, недоброкачественное...

И вздохнули не по-доброму. Разучились по-доброму вздыхать.

Всенародный праздник трудящихся

Ясным весенним днем, стоя на трибуне Мавзолея и приветствуя дружные колонны трудящихся, Андрей Андреевич Андреев спрашивал у Анастаса Ивановича Микояна:

— Слышь, Анастас, а ты знаешь, почему называется «мавзолей»? Раньше я как-то над этим не задумывался.

— И дальше не задумывайся, — посоветовал Микоян.

— Если хочешь знать, спроси у Лазаря. Ему рассказывал Коля Ежов.

Услышав популярную в народе фамилию, Анастас Иванович попробовал отвернуться, но Андрей Андреевич потянулся за ним, горя желанием удовлетворить его любопытство.

— Они одного историка прихватили. Так вот, этот историк говорит, что слово «мавзолей» происходит от имени какого-то древнего деятеля. Не то Мавзола, не то Мавзула, в протоколе допроса точно записано. И вот представь себе, этому Мавзулу построили мавзолей.

Анастас Иванович молчал, опасаясь, как бы эта древняя история не имела современных последствий. Он вытер со лба холодный пот, Андрей Андреевич тоже вытер холодный пот, но при этом продолжал:

— Лазарь говорит, что Коля пытался вытянуть имена соучастников этого Мавзола, но историк помнил только Геродота, тоже якобы историка, которого он даже назвал отцом истории, представляешь? Конечно, Коля вышел из себя. В общем, в этот день подследственный уже не мог давать показаний. А на следующий день, когда он пришел в себя, он признался, что этот Геродот не был отцом истории, но неосторожно упомянул, что их мавзолей был одним из семи чудес света. Лазарь говорит, что, когда Коля это услышал, с ним сделалось что-то нехорошее. «Ах, так это их мавзолей — чудо света?» — спросил он тихим голосом. Подследственный сразу скис, я, говорит, оговорился, чудо света — это наш мавзолей, причем самое первое чудо света, а мавзоловский мавзолей называли так только временно, пока не построили наш. Тут он потерял сознание.

Анастас Иванович изо всех сил махал руками трудящимся, чтобы не слышать этого разговора, но при этом старался ни слова не пропустить, чтобы в случае чего быть во всеоружии.

— Лазарь говорит, — продолжал Андрей Андреевич, — этот подследственный много бы чего рассказал, если б держал язык за зубами. Но он не сдержался, назвал Мавзола сатрапом. Тут Коля прямо взъярился. Это ж, дескать, кого он имеет в виду? Это он имеет в виду того, кто лежит в мавзолее? Историк стал объяснять, что он имел в виду Мавзола, но Коля уже не мог успокоиться. В каком смысле Мавзола? Пусть, дескать, выкладывает, в каком

смысле Мавзола! Подследственный стал бормотать, что в слове «сатрап» в то время не было ничего обидного, так, мол, называли правителя, как сегодня называют Председателя Совнаркома. «Так как же называют нашего Председателя Совнаркома?» — очень тихо спросил Коля Ежов. Можешь себе представить, что там было дальше. Следствие по делу историка пришлось прекратить за отсутствием историка. Поэтому о мавзолее больше ничего узнать не удалось. Ну, Анастас, что ты думаешь по этому поводу?

Анастас Иванович подумал и сказал:

— Первое мая — замечательный праздник трудящихся.

Съезд победителей

(Альтернативная история)

Сталина арестовали прямо на съезде. Он успел только крикнуть: «Слава товарищу Сталину, лучшему другу советских чекистов!» — и его увели. Тут же, на съезде, состоялся Пленум, избравший Политбюро. В его состав вошли любимцы партии Бухарин, Рыков, Каменев, Зиновьев и другие товарищи. Одно место зарезервировали за Троцким, которому съезд послал приветственную телеграмму, приглашая его вернуться в Москву, в Кремль. Но Троцкий ответил, что в данный момент вернуться не может, у него много дел в эмиграции, семья пустила корни, внуки пошли в школу, но, когда они выучатся, он непременно вернется и просит его место в Политбюро пока не занимать.

В Бутырской тюрьме перестукивались Ворошилов и Буденный. Стук их напоминал кавалерийский цокот копыт, а также тот стук, к которому в стране уже привыкли.

Сталину устроили очную ставку с Молотовым. Они сначала делали вид, что не знают друг друга, и Сталин спрашивал со своим известным сталинским акцентом:

— Молотов? Разве есть такая фамилия — Молотов?

Но когда их как следует прижали, они, конечно, друг друга вспомнили и принялись все валить друг на друга. Сталин говорил, что это Молотов был отцом народов, на что Молотов спрашивал:

— А кто был вождем и учителем?

— Вождем и учителем был Каганович, — соврал бывший вождь не моргнув глазом.

Очень кстати подвернулся Каганович. Эти кагановичи всегда копали под Россию, а этот и сейчас копает под видом, что прокладывает метро. Почему никто другой не копает метро? Вот над чем стоит задуматься следствию.

Свидетельница Крупская показала, что ее муж Владимир Ильич Ульянов (Ленин) никогда не любил Сталина, на что подследственный Сталин ответил, что это он ее, Крупскую, не любил, поскольку нашел ей замену в лице товарища по партии Инессы Арманд, а ему, Сталину, замены не мог найти, поскольку видел в нем настоящего товарища по партии.

Подследственный даже пытался обвинить свидетельницу, что она из ревности стреляла в своего мужа под видом эсерки Каплан и что вообще никакой эсерки Каплан не было в природе. Но ему показали фотографию эсерки, кстати, почему-то похожую на фотографию Надежды Аллилуевой, в которую тоже стреляли, не будем говорить о присутствующих, и подследственный поспешил свое обвинение снять.

Видный партийный работник Ежов направил следствие заявление, в котором категорически утверждал, что не имеет никакого отношения к своему далеко идущему переводу из Средней Азии в Москву, и изъявлял готовность немедленно вернуться в Среднюю Азию. С заявлением Ежова удивительным образом совпала телеграмма Первого секретаря ЦК Грузии Лаврентия Берии, который просил избавить его от далеко идущего перевода в Москву. Оба заявляли, что подследственного Сталина знают только по портретам.

Подследственного Сталина водил на допросы комсомольский вожак Юра Андропов. Он сожалел, что не может увидеть бывшего Иосифа Виссарионовича в лицо, поскольку находится у него за спиной, и сам не разрешает ему оборачиваться. И думал Юра Андропов, что в жизни его мало что изменил съезд Победителей: он как шаггал под предводительством Сталина, так и дальше шагает, поскольку подконвойный у него впереди.

Октябренек Вовочка Семичастный, в честь альтернативного съезда досрочно принятый в пионеры, выступал на пионерских слетах, призывая пионеров теснее сплотиться вокруг комсомола, как его товарищи октябрюта сплотились вокруг пионеров, а товарищи комсомольцы сплотились вокруг партии.

Государственный обвинитель Вышинский готовил обвинительную речь. Он писал ее по ночам, поскольку такие дела на свету не делаются. То и дело оглядываясь и прислушиваясь, не пришли ли за ним, он писал: «Раздавите гадину!», «Расстреляйте бешеных псов!» Фамилии он пока не проставлял, потому что дело могло по-всякому обернуться.

Андрей Януарьевич Вышинский, сочетавший в своем имени холодный январь и высшую меру наказания, подстерег обвиняемых с неожиданной стороны, увязав их преступную деятельность с гибелью затертого льдами парохода «Челюскин». Он неопровержимо доказывал, что враги готовили эту акцию к съезду, но опоздали: съезд закончился 10 февраля, а «Челюскин» погиб 13-го. Эти три дня разрушили замыслы врагов: все челюскинцы были спасены благодаря заботам партии и всего советского народа. Тут обвинитель счел нужным назвать некоторые героические имена: Бухарин, Рыков, Каменев, Зиновьев, Водопьянов, Леваневский, Ляпидевский и другие товарищи.

Максим Горький написал статью «Если враг не сдается — его уничтожают». Слова великого пролетарского писателя были восприняты судом как руководство к действию. В честь исполнения приговора весь советский народ встал на трудовую вахту и садился лишь в крайних случаях, да и то не по своей воле.

А через тридцать лет Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Буденный, Калинин и другие товарищи были реабилитированы.

А еще через тридцать лет были реабилитированы бывший комсомольский вожак Юра Андропов и бывший октябренек и пионер Вовочка Семичастный. А также все остальные советские граждане.

Наш человек на пути от капитализма к коммунизму и обратно

Нет ничего лучше коммунизма в качестве светлого будущего. Нужно только, чтобы он никогда не становился настоящим.

*

На пути от капитализма к коммунизму наш человек неколебимо стоял за советскую власть. Но на самом деле он просто стоял за власть, не отличая советскую власть от антисоветской.

*

На пути от капитализма к коммунизму охота на козлов отпущения не решала ни мясной, ни тем более молочной проблемы.

*

На пути от капитализма к коммунизму самым трудным бывает взять в свои руки власть. Но отдать ее бывает еще труднее.

*

На пути от капитализма к коммунизму наш человек все делал с большим подъемом. Если б у нас не было столько подъема, мы бы так больно не падали.

*

На пути от капитализма к коммунизму у нашего человека было много интернациональных долгов, и он выполнял их, принося свободу в другие страны. Но остается загадкой: откуда он брал свободу? Ведь своей свободы у него не было.

*

На пути от капитализма к коммунизму экономика была обратной стороной политики. Стоило одной появиться, как другая исчезала из вида.

*

... из телячьего — только восторг! (Экономика социализма)

*

Любимый принцип нашего человека: кто не работает, тот не ест — постепенно превращался в принцип: никто не ест, никто не работает.

*

Социалистический строй — это такой строй, который строй не строй, а он все равно разрушается.

*

На пути от капитализма к коммунизму наш человек преследовал высокую, благородную цель. Непонятно только, за что он ее преследовал.

*

Аграрное государство вывозит сельскохозяйственную продукцию и ввозит промышленную. Промышленное — вывозит промышленную и ввозит сельскохозяйственную. А как назвать государство, которое ввозит то и другое и вывозит полезные ископаемые? Ископаемое государство?

*

Когда появилась возможность выносить сор из избы, из нее понесли вообще все, что выносятся.

*

На пути от коммунизма к капитализму железный занавес пал — и народ пошел по миру. Ничего сказать не может, ни о чем спросить не может — только руки протягивает. Дома ноги протягивал, здесь руки протягивает — стоило ли ради этого железный занавес городить?

*

Когда постсоветский человек покинул пост советского человека, он узнал, что такое настоящий пост.

*

На пути от коммунизма к капитализму наш человек настолько утратил веру в реальную жизнь, что запросто общается с пришельцами, духами, призраками, ужасаясь только одного призрака — призрака коммунизма.

*

Если бы все наши палки в колеса поменять по бартеру на колеса, как далеко бы мы уехали по нашему пути!

*

Обычно из двух зол выбирают меньшее, но вот уже не осталось из чего выбирать. И мы тоскуем по меньшему злу, не по добру, а по меньшему злу... А его — как в государственном магазине обуви: одни большие размеры.

*

Бездозволенность и безнаказанность ничего не умеют делать, поэтому занимают руководящие посты.

*

Стоило ли преодолевать застой, чтоб потом столько лет безуспешно добиваться стабильности?

*

Система убита, но некуда вывезти труп. Он разлагается, гниет, и жить при нем еще невыносимей, чем было при живой системе.

*

Вместе с тем, что ему принадлежит, человек составляет единое целое. Поэтому чем он больше имеет, тем меньшую часть составляет сам.

И за определенным пределом он сам начинает принадлежать — тому, что ему прежде принадлежало.

*

На пути от капитализма к коммунизму и от коммунизма к капитализму наш человек всегда решал вопросы экономики за счет свободы и вопросы свободы за счет экономики.

*

Отнять у человека свободу несложно, а куда ее девать? Когда скапливаются огромные запасы отнятой у людей свободы, она может так рвануть... И вот она рванула.

*

На всех путях своего движения туда и обратно наш человек всегда умирал за худшую жизнь. Думал, что умирает за лучшую, а умирал за худшую... Может, когда не за что будет умирать, мы сможем наконец жить по-человечески?

*

Мы шагаем шагом победным — и все время по бедным, по бедным!

*

Уезжают наши пророки в чужие отечества...

Гулливеры мысли

Мир мыслей переменчив: одни появляются, другие исчезают. Нередко исчезнувшие появляются вновь. Мысли-

лилипуты легко становятся мыслями-гулливерами, нужно только им взобраться повыше, чтоб было откуда звучать.

Книга «В мире мудрых мыслей», 1963 год. 4 мысли Сократа. 10 мыслей Канта. 20 мыслей Гегеля.

И 62 мысли Никиты Сергеевича Хрущева.

Очень умный человек. С ним почти сравнялся его соотечественник Лев Толстой, но одной мыслью у него все же меньше. Не дотянул Лев Николаевич до Никиты Сергеевича. Теперь понятно, кто у нас зеркало русской революции, а кто просто так.

А вот книга «Мысли о религии», 1962 год. Тема узкая, специальная, поэтому здесь у Никиты Сергеевича лишь 7 мыслей. Но у Толстого-то — одна! У Канта — одна! А у Гегеля, у бедняги, и вовсе ни одной мысли.

Уж на что Сократ умный человек, но и у него ни одной мысли о религии. Как-то они избегают этой темы. А Никита Сергеевич не избегает. Нашему Никите Сергеевичу ни одна тема не страшна.

И вдруг... Что-то, видно, в мире произошло: все мысли Никиты Сергеевича куда-то исчезли. В какую книжку ни загляни — все мысли на месте, но ни одной мысли Никиты Сергеевича.

Видно, между 1963-м и 1965-м годом что-то произошло. Может, родился новый Гулливер мысли, затмивший прежнего?

И точно — родился. Немолодой уже человек, но до 65-го ни одной мысли, а с 65-го — как из дырявого ведра. Видно, думал человек, не сидел сложа руки.

Но и его мысли куда-то канули. Открываем новые книги — ни одной мысли Леонида Ильича.

Ничего, без мыслей не останемся, процессы уже пошли. Вот уже на смену прежним движутся новые Гулливеры мысли.

Избранные даты

До октября 4004 года до нашей эры. По одним источникам, ничего еще не было, по другим — все уже было. И Земля до сих пор вертится из последних сил, пытаясь ог-

лечь на свое прошлое, чтобы ответить на гамлетовский вопрос: быть ей или не быть до октября 4004 года?

8 — 7-е тысячелетие до н.э. Начало цивилизации. Письменность, культура, искусство. Правда, не всегда начало цивилизации имело продолжение, а иногда от продолжения цивилизация возвращалась к началу, как это было в недавние времена.

4904, 23 октября. 9 часов утра (до н.э.). Наконец-то появился Адам, первый человек. Время его появления с точностью до часа вычислил в конце прошлого века Джон Лейт-фут, профессор Кембриджского университета. То-то удивился первый человек, увидев на земле такое скопище народу! В таких условиях нелегко было стать первым человеком, но он все же стал им и остается до нашего времени.

3266 г. до н.э. Построена пирамида Хеопса. Время ее постройки вычислил профессор Петри, проводивший два года внутри пирамиды, чего не удалось даже самому Хеопсу, не прожившему внутри пирамиды и одного мгновения.

XIV век до н.э. Фараон Рамзес Второй потерпел сокрушительное поражение, но приказал прославить его как победу. На памятниках в честь прошлых побед соскоблены имена победителей и вписано имя Рамзеса Второго. Постепенно народ привык радоваться поражениям как победам и до сих пор не перестает радоваться.

597 г. до н.э. Навуходоносор взял Иерусалим. Потому что когда пророк Иеремия предупреждал, все плевали на Навуходоносора, все говорили: да мы его, да он у нас! Наступательный оптимизм — это хорошо, но плохо, когда наступает один оптимизм, а все остальное пребывает в паническом бегстве.

279 г. до н.э. Первая пиррова победа. С тех пор было много пирровых побед, из самых недавних — победа революции 1917 года.

44 г. до н.э. В Риме к власти приходит Цезарь Октавиан, положивший основу демократическому цезаризму. Суть его состоит в том, что вперед пускают народ, чтобы было кому свернуть себе шею. А когда все шеи свернуты, приходит Цезарь и берет в свои руки власть.

945. Князь Игорь, который не стяжал славы, хотя много чего стяжал, стал жертвой своей ненасытной налоговой политики. Налогоплательщики привязали его к двум деревьям, и он окончил жизнь, разодранный вдвое, поскольку хотел получить больше вдвое. Наглядный урок для всех государственных деятелей — и политиков, и экономистов.

1000. Накануне этого юбилейного года население тщательно готовилось к концу света. Враги мирились, грабители переставали грабить, убийцы убивать, мошенники мошенничать. Непонятно, почему накануне 2000 года все происходит как раз наоборот.

1186. Бракосочетание между Россией и Грузией в лице князя Юрия Боголюбского и царицы Тамары. Была без радости любовь, но разлука была не только с печалью, но и с длительной войной: российский князь легко разлюбил жену, но не мог разлюбить Грузию, как его потомки не могли разлюбить Чечню и другие полюбившиеся земли.

1300. Первый юбилейный год, отпразднованный отцами церкви по распоряжению папы всех отцов Бонифация VIII. Юбилеи были введены для того, чтобы годы поражений можно было проводить празднично, отмечая прежние победы.

1480. Выведение татаро-монголов из русской земли странным образом совпало с введением в Испании инквизиции. Наступившее полвека спустя царствование Ивана Грозного соединило в себе черты инквизиции и татаро-монгольского ига, что, видимо, не было случайным совпадением.

1492. Когда евреев изгоняли из Испании, очень кстати подвернулся Колумб, который не замедлил от-

крыть Америку, найдя наилучшее решение еврейского вопроса.

1564. В Европе умер Микеланджело, родились Шекспир и Галилей. А в России — первая волна эмиграции. У князя Курбского оказалась легкая рука, в данном случае — легкая нога, и после него, как на море в бурю, покатались волны русской эмиграции...

Но и там, в чужой земле, они любили родную землю. Есть такие земли, которые легче любить на расстоянии.

1644. Основана Колыма, важнейший пункт на пути развития русской прогрессивной мысли.

1649. В России впервые узаконены права человека: принят закон о крепостном праве.

1673. Мольер занемог и в порядке самолечения написал и сыграл на сцене комедию «Мнимый больной». Но убедить себя в собственном здоровье ему, однако, не удалось, и он умер на четвертом представлении.

1711. Петр Первый проездом побывал в Холмогорах, после чего там родился Ломоносов, подозрительно похожий на Петра. Впрочем, возможно, это сплетни позднейших исследователей, и Ломоносов родился сам по себе, без высочайшего вмешательства.

1743. Родились Пугачев и Лавуазье. Одному и другому впоследствии отрубили голову: одному — за революцию, другому — за контрреволюцию.

1805. Русская армия потерпела поражение под Аустерлицем. В честь этой победы французы построили Аустерлицкий вокзал, откуда регулярно отправляются поезда в Сент-Женевьев, к русскому кладбищу.

1821. Умер Наполеон, и весь мир вздохнул с облегчением. И с облегчением родились Достоевский, Некрасов, Флобер.

1847. Почти через триста лет после Курбского Герцен поднял вторую волну русской эмиграции. Вслед ему тоже

говорились разные слова, которые сначала были плохими, но потом постепенно стали хорошими.

1855. На российский престол взошел Александр Второй Освободитель, давший России много свобод, в том числе и свободу охотиться на освободителей. В результате этой свободы Александр Второй был убит.

1870. Миклухо-Маклай договаривается с людоедами, чтоб они были людьми. Оставалось договориться с людьми, чтоб они не были людоедами, но по несчастному совпадению в том же году в России родился Ленин.

1917. В Россию из эмиграции возвращается Ленин, после чего полстраны уходит в эмиграцию. Наверное, было бы лучше, если б все оставались на своих местах: полстраны — в России, а Владимир Ильич — в эмиграции.

1918. Начало гражданской войны. В то время у нас уже была одна война, военная, но большевики сказали: превратим войну военную в гражданскую войну. Потому что на военной войне нужно воевать с целым вражеским государством, а на гражданской — только со своим собственным мирным населением.

1919. Первый коммунистический субботник, положивший начало стиранию граней между рабочим и нерабочим днем. После введения воскресника трудящиеся уже не знали, когда работать, а когда отдыхать, поэтому предпочитали не делать ни того, ни другого.

1920. Полная победа коммунизма. Правда, военного. С продовольственной диктатурой, всеобщей трудовой повинностью, чрезвычайными мерами и другими благами военного, а в сущности единственно возможного коммунизма.

1921. Голодный год как следствие полной победы коммунизма (военного). На Украине продовольственную политику возглавляет Вышинский, впоследствии известный другим видом деятельности.

1923. Основан СЛОН (Соловецкий Лагерь Особого Назначения). Где СЛОН, там и СТОН (Соловецкая Тюрьма Особого Назначения).

1926. Последний год в Политбюро Троцкого и первый год Ворошилова. На смену незадачливым троцкистам приходят ворошиловские стрелки.

1932. Досрочно выполнена первая пятилетка, но сотни тысяч строителей продолжают отбывать срок.

1935. Первая очередь Московского метро, глубоко упрятанного под землю, чтоб не увеличивать количества наземных очередей.

1937. Год Быка под ножом мясника.

1941—1945. Если раньше государство воевало со своим народом один на один, то теперь на народ навалились двумя государствами. Впереди стреляют, чтоб отступал, сзади стреляют, чтоб наступал, а в плен попадешь — домой не возвращайся.

1946. Силы, сэкономленные в борьбе с фашизмом, партия направляет на борьбу с литературой (Постановление о литературе).

1948. Силы, сэкономленные в борьбе с литературой, партия направляет на решение национального вопроса («Дело еврейского антифашистского центра»). Фашизм умер, но дело его живет.

1948—1952. Борьба с космополитизмом опережает космические исследования, поскольку космическая политика опережает космическую науку. Страна больше готова к борьбе с генетикой, чем к самой генетике, к борьбе с кибернетикой, чем к самой кибернетике. Страна, как и прежде, больше готова к борьбе.

1953. Наконец-то год Змеи смилоствивился! После змеиногo 1905-го, змеиногo 1917-го, змеиногo 1929-го (год Великого Перелома Хребта), змеиногo 1941-го — на-

конец-то Змея, которая безжалостно жалила всех, ужила хозяина: умер Сталин.

1985. Стопятидесятилетие Великой Комедии отмечено ее стремительным вторжением в жизнь. Городничие стали ревизорами.

Ляпкины-тяпкины стали ревизорами. Все великие воры и взяточники стали ревизорами, а Хлестаковым отвели почетное место в парламенте, чтоб они разговорами отвлекали народ, пока ревизоры грабят награбленное и гробят все остальное.

1991. Год Козла отпущения в независимый огород, где он продолжает оставаться козлом отпущения.

В карете прошлого

Когда человек изобрел первую дверь, он искал не входа, а выхода.

*

Исторический роман — это роман прошлого с настоящим.

*

Историю здоровья не пишут. Пишут историю болезни.

*

История — это расписание поездов, уже давно отправленных на свалку и не оставивших после себя ничего, кроме этого расписания.

*

История — это деньги, вышедшие из обращения, среди которых к тому же немало фальшивых купюр.

*

История — это судьба, обращенная вспять и осознавшая свои ошибки.

*

Если бы между прошлым и будущим не было настоящего, все плохое было бы уже позади, а впереди было бы только хорошее.

*

Вероятно, время такое же круглое, как наша Земля. Иначе почему человек, отправляясь в будущее, рано или поздно оказывается в прошлом?

*

Запасы времени в природе неограниченны, но как мало приходится на каждого человека!

*

Мироздание строилось по принципу всех остальных зданий: с самого первого кирпича оно уже требовало ремонта.

*

В процессе борьбы за существование и динозавры, и бронтозавры ухитрились вымереть в древние времена, задолго до своего полного уничтожения.

*

Живое умирает, а мертвое существует миллионы лет, потому что оно совсем не расходует времени.

*

Когда обезьяна взяла в руки палку, она еще не знала, что палка имеет два конца.

*

Вот интересно: кого бы выбрала обезьяна, если бы выбирала из своей среды человека демократическим путем?

*

Когда человек пришел к власти, обезьяна ушла в оппозицию. Но время от времени она возвращается, и тогда в оппозицию уходит человек.

*

Поразить потомков своей наследственностью, а предков — своей изменчивостью — в этом суть приспособления к окружающей среде.

*

Что такое человек разумный? Человек разумный — это человек, раз умный — раз нет, раз умный — два нет, раз умный — три нет... И так далее, по мере развития человечества.

*

Кто назвал человека разумным? Человекообразные? Обезьяноподобные? Человеком разумным назвал себя

сам человек, и не было случая, чтобы его разумным называли другие.

*

Во времена первобытного коммунизма каждый человек на земле был коммунист...

*

Собственность рождалась в муках, как и все, что рождается на земле. Главная трудность состояла в том, чтобы отделить свое от чужого. У чужого много преимуществ, о нем не нужно сушить голову, сторожить его день и ночь. А чужие болезни? Чужие неприятности? Нужно ли доказывать, что они намного лучше, чем свои?

*

Мыслей не хватало, поэтому все люди были единомышленниками.

*

Появилась мысль добыть огонь. Так, на всякий пожарный случай.

*

Для того чтобы стать человеком, обезьяне понадобились нечеловеческие условия. Такие же условия годятся и для обратного процесса.

*

На смену первобытному коммунизму пришло рабовладельческое общество. Из бывших коммунистов получились отличные рабовладельцы, а из менее удачливых — неплохие рабы.

*

Все вздыхали о коммунизме. Но он был детством человечества и повториться мог лишь как впадение в детство.

*

А помните наш Каменный век? Камня, конечно, не хватало, но зато какой был энтузиазм! От всего этого мы камня на камне не оставили, хотя камня, конечно, не хватало.

*

Не из каменного ли века дошла до нас привычка стоять на пьедестале, простерши руку в неведомую даль, и указывать народу путь, по которому сам не можешь сделать и шагу?

*

Как бы настоящее ни старалось доказать, что ему нет альтернативы, все равно ему на смену приходит будущее.

*

Реплика обезьяны: «Иногда опасно уходить от достигнутого. Даже вперед».

*

Законы были первые произведения письменности, по характеру своему драматические, поскольку предназначались не столько для чтения, сколько для исполнения.

*

Вавилоняне раскапывали культуру шумеров, при этом закапывая свою.

*

Пирамиды — посмертные дворцы фараонов, наглядно показывающие, как в великолепную форму можно вложить совершенно ничтожное содержание.

*

История мертва, но выглядит подчас более живой, чем современность.

*

Современность — это то, что понимается только со временем.

*

Современность — это сырье, из которого делается история, а история — готовый продукт, существующий только на бумаге.

*

И до конца своих дней Гомер слепо верил в прозрение своих современников.

*

Александр Великий родился в тот самый день, когда Герострат сжег храм Артемиды, а умер в тот самый день, когда умер знаменитый философ Диоген. Уж на что Александр был великий человек, а не было у него своего отдельного дня. Ни дня рождения, ни дня смерти.

*

... и тогда Демосфен выплюнул свои камни и набрал в рот воды.

*

Когда Калигула ввел в сенат своего коня, все лошади Рима воспрянули духом.

*

Гунны всю жизнь проводили на лошадях. Они и спали на лошадях, и женились на лошадях — не в том смысле, что женились на лошадях, а в том, что женились, не сходя с лошади. Вот откуда пошло выражение: солдат спит — служба идет.

*

Римского императора Юлиана называли Отступником, по-латыни — Апостатом. Нечто среднее между апостолом и супостатом.

*

Рюрик, Синеус и Трувор, три брата из варяжского племени руссов, или, как их еще называли, родов, пришли в страну, которую отныне стали называть Русью, а также Родиной.

*

На покоренных землях Чингисхан не оставлял никого в живых: с мертвыми ему было спокойнее. Десятитысячная армия телохранителей окружала юрту Чингисхана, охраняя его от живых людей. И вся эта армия была умерщвлена на его могиле, чтоб о Чингисхане и на том свете было кому позаботиться.

*

Варяги и татаро-монголы встретились посреди могучей и славной державы и выпили за дружбу народов, которые сплотила навеки великая Русь.

*

А помните, как мы жили при татарском иге? Вы помните, как мы жили при иге? Трудности, конечно, всякие строгости, не без этого. Но тогда мы по крайней мере знали, в какую обращаться инстанцию.

*

Когда не хватает человеческого тепла, его заменяют костры и пожары.

*

Древние персы учили своих детей лишь трем вещам: стрелять из лука, ездить на лошади и говорить

правду. Лошадей уже почти нет. Луков тоже нет. Остается говорить правду, но это-то как раз самое трудное.

*

Англичане по просьбе французов сожгли Жанну д'Арк. Если и прежде политики любили таскать каштаны из огня чужими руками, то теперь они приспособились таскать их чужими руками в огонь.

*

А что касается войн Алой и Белой розы, то это были только цветочки.

*

Ермак Тимофеевич был настоящий разбойник, по нему давно плакала Сибирь. Но если б по нему не плакала Сибирь, мы бы сегодня не имели Сибири.

*

Одна голова — хорошо, а две — лучше. Поэтому, отрубив голову своему королю, французы на этом не успокоились. И полетели головы — одна лучше другой.

*

Из века в век бродя по дорогам, рыцари одичали, отбились от своих дам и превратились в настоящих разбойников.

*

Декабристы, которые должны были разбудить Герцена, разбудили более темные силы в стране, и те спросонья, не разобравшись, пошли крушить все, что попадет под руку.

*

Маркс говорил, что пролетариям нечего терять. Знал ли он слова Гёте: «Страшен тот, кому нечего терять»?

*

Факты — солдаты истории: они всегда подчиняются генералам.

*

Свидетели истории могут быть как свидетелями защиты, так и свидетелями обвинения. Все от того зависит, кто их вызывает на суд.

*

Суд истории — это суд, всегда выносящий приговор, но никогда не приводящий его в исполнение.

*

Что-то общее есть даже у евреев с нацистами: для тех и других еврейский вопрос — это вопрос жизни и смерти.

*

Ума всего человечества не хватит, чтобы создать на земле такое безопасное положение, какое существовало до появления человека.

*

Как жаль, что Геродот, отец истории, слишком рано умер и не смог позаботиться о ее судьбе!

*

Отец истории — Геродот, а сын истории — анекдот. И это утешительно: ведь дети — единственная наша радость.

*

Все проходит, кроме истории. Потому что она уже прошла.

*

История состоит из разделов. Первый раздел, второй раздел, третий раздел. И хоть бы кто-то одел... Вот такая история.

*

Поразительно, как это человек ухитряется жить во времени и пространстве, не имея подчас ни пространства и ни минуты свободного времени.

*

Это только так говорится, что годы берут свое. На самом деле они берут не свое, а чужое.

*

Человек уходит, и затихают в пространстве его шаги. Но иногда они еще долго звучат во времени...

*

... а старые обезьяны все еще вспоминают, как они жили до эволюции...

Лето в декабре

И в декабре не каждый декабрист.
Трещит огонь, и веет летним духом.
Вот так сидеть и законный свист,
Метельный свист ловить привычным ухом.
Сидеть и думать, что вокруг зима,
Что ветер гнет прохожих, как солому,
Поскольку им недостает ума
В такую ночь не выходить из дома.
Подкинуть дров. Пижаму запахнуть.
Лениво ложкой поболтать в стакане.
Хлебнуть чайку. В газету заглянуть:
Какая там погода в Магадане?
И снова слушать законный свист.
И задремать — до самого рассвета.
Ведь в декабре — не каждый декабрист.
Трещит огонь. У нас в квартире — лето...

Требуется
слуга народа

Требуется слуга народа

Правда о великом переселении

Работая в одном

из рассекреченных архивов, молодой постсоветский ученый Петя Ласточкин наткнулся на стенограмму судебного процесса над индийским студентом Сингх-Сингхом, убившим двух стариков из благотворительных соображений. Процесс проходил в 1809 году, в том же году, в каком было совершено преступление. Правда, Сингх-Сингх отказывался считать это преступлением, он называл это переселением душ, причем утверждал, что сделано это было по просьбе переселяемых. Каждый из этих переселенцев (так называл убийца свои жертвы) за всю свою долгую жизнь так и не сумел показать, на что он способен, а способны они были на многое. Поэтому им хотелось получить еще один шанс.

— И куда же вы их переселили? — спросит судья, плохо скрывая свою обличительную иронию.

— Согласно их желанию, — просто ответил студент. — Один мечтал стать великим ученым, но у него было только начальное образование. А начинать в восемьдесят лет было, согласитесь? уже поздновато. А второй хотел стать выдающимся государственным деятелем, хотя понятия не имел, что такое государство.

Студент Сингх-Сингх удовлетворил оба желания: одного переселил в Дарвина, а другого — в Авраама Линкольна.

— А Линкольн — это ученый? — спросит судья. Нет, оказывается, ученый — это Дарвин, а Линкольн — государственный деятель. К тому же почему-то американский.

— Кто-нибудь слышал об упомянутых личностях? — спросит судья, обращаясь к залу.

Никто не слышал ни о Дарвине, ни о Линкольне.

— Там был еще один старик, — сказал убийца, может быть, в расчете, что добровольное признание облегчит его участь. — Он очень хотел переселиться в писателя. Я уже для него и писателя подобрал, но старик внезапно умер, не дождавшись переселения. Старый был очень.

— А как фамилия писателя? — спросил судья уже просто из любопытства.

— Вы, наверно, не знаете. Это русский писатель. Гоголь его фамилия. Теперь придется этому Гоголю целиком рассчитывать на себя.

Дальше из дела следовало, что суд приговорил студента Сингх-Сингха к пожизненному заключению, но он отсидел только девять лет. В 1818 году он был внезапно убит членом подпольной террористической организации, специально севшим в тюрьму для совершения теракта. На суде террорист назвал себя сообщником убитого и заявил, что не убил его, а, наоборот, вызволил из тюрьмы, переселив его в великого экономиста. Оказывается, покойный занимался на экономическом факультете, поэтому переселить его в экономиста было самое правильное. На вопрос судьи, как фамилия экономиста, подсудимый ответил, что его фамилия Карл Маркс, чем вызвал оживление в зале, поскольку такой фамилии никто не слышал.

Они же не могли слышать, догадался постсоветский ученый Петя Ласточкин. Ведь процесс проходил в 1818 году, когда Маркс только родился. Души переселяют в новорожденных, чтоб они легче там прижились, а новорожденные еще никак о себе не заявили.

Он стал искать годы рождения Дарвина и Линкольна, а также Гоголя, который фигурировал на процессе только в добровольном признании обвиняемого, и обнаружил, что все они родились в 1809 году. Удивительное совпадение! Во-первых, совпадение, что все они родились в один год — хотя что может быть общего между Гоголем и Линкольном? А во-вторых, в тот самый год, когда они родились, вдруг происходят два убийства и одно покушение.

Постсоветский ученый задумчиво листал энциклопедию, из которой выудил годы рождения вышеупомянутых лиц, и вдруг наткнулся на Ампера, великого фран-

цузского физика, который, оказывается, родился в 1775 году, в том самом году, когда у нас казнили Пугачева. А что если их Ампер — это наш Пугачев?

Он стал листать энциклопедию более внимательно. И что же оказалось? Оказалось, что Ампер — это мелочь, сам великий Эйнштейн — тоже наш человек. В 1879 году у нас казнили революционера Осинского, и вдруг в этом же году как ни в чем не бывало у них рождается Эйнштейн. Наш Эйнштейн!

Если присмотреться к их великим людям, то выясняется, что все они выходцы из России. Мы здесь убиваем, убиваем, а они там рождаются, рождаются. В сущности их хваленое Возрождение — это наше Возрождение, только оно у нас проходит в форме убийства. Первая стадия переселения душ. Сколько в мире появилось великих людей только за время деятельности нашего Малюты Скуратова! Джордано Бруно, Галилей, Кеплер Баренц, открывший Баренцево море, философ Фрэнсис Бэкон и даже великий Шекспир! Дух захватывает! Оказывается, великий Шекспир — выходец из России!

А мы-то думаем, что у нас одни убийцы. Ругаем Ленина, Сталина. А они, оказывается, проводили репрессии неспроста, они работали на будущее Возрождение. Их только нужно поставить в один ряд с Малютой Скуратовым — и сразу все станет ясно.

Боже, Ленин, дорогой наш Владимир Ильич! Наш отец и учитель Сталин Иосиф Виссарионович! Боже мой, Россия! Не это ли имел в виду великий Пушкин, говоря «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет»? Он не уточнил, где именно пахнет, но это ясно и без того. По всему свету пахнет и будет пахнуть до тех пор, пока Россия будет осуществлять великую миссию, убивая своих людей, чтобы способствовать великому всемирному Возрождению!

Улица памяти

Постойте, постойте,

разве Бебель жил в Одессе? Это Бабель жил в Одессе, а Бебель жил в Германии. Но почему же тогда улица называется именем Бебеля, причем улица не в Германии, а в Одессе? Или, может, в Германии есть улица Бабеля? Может, между Германией и Одессой заключен договор: мы будем называть свою улицу Бабеля, а вы — Бебеля? А может, это Бебель жил в Одессе, а Бабель в Германии?

— Здравствуйте, мадам прокурорша!

Мадам прокурорша не живет на улице Бебеля, просто она иногда вспоминает о ней. Иногда вспоминается одно, иногда другое, но чаще забывается, чем вспоминается. А живет она на углу Богдана Хмельницкого и Шолом-Алейхема — тоже два хороших человека встретились в Одессе и разошлись, вернее, улицы их встретились и разошлись...

— Здравствуйте, мадам прокурорша!

Уже давно нет на свете ее прокурора, а она все еще мадам прокурорша. К таким профессиям люди относятся с уважением. Сколько лет прошло, а они помнят, хотя пора бы забыть.

И адвоката тоже нет. Все они росли вместе на улице Бебеля (или Бабеля?), играли в разбойников, потом — в фанты, в мнения... Адвокат однажды оскандалился, когда кто-то во время игры в мнения признался ему в любви. Он сразу указал на нее, потому что ему так хотелось. Ему очень хотелось, чтоб она призналась ему в любви, а это, оказалось, признался прокурор, и все над адвокатом смеялись. Адвокат долго обижался на прокурора, но потом они помирились, потому что вообще-то они были друзья.

Да, они были друзья, вместе готовили уроки, причем адвокат всегда списывал у прокурора... Нет, это прокурор списывал у адвоката... Что это такое делается с памятью? Прокурор так хорошо списывал, что получал даже

лучшие отметки, чем адвокат. Потом они вместе учились на юридическом факультете, вместе влюбились в нее, и тут прокурор так хорошо списывал письма адвоката, что она стала мадам прокуроршей. Какую-то роль здесь сыграла внешность прокурора, который был от природы большой человек, а маленькому адвокату, чтобы стать большим, нужно было много учиться и работать, и все равно он оставался таким же маленьким.

Когда они выступали на процессе, адвокатом заслушивались, а на прокурора засматривались. У них во дворе жили две собаки: Кусай и Целуй. Кусай был здоровенный бульдог, а Целуй — комнатная собачка. Так это примерно выглядело дело, когда прокурор и адвокат выступали на процессе.

Лучше один раз услышать, чем сто раз увидеть. Нет, не так. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Что-то совсем у нее плохо с памятью. Один раз увидеть — может быть, но когда она стала видеть прокурора каждый день, ей все чаще хотелось услышать адвоката. У адвоката были и другие преимущества: он одевался и ел, как ребенок, а зарабатывал, как взрослый человек. Так говорил мамин папа... нет, папина мама, которая желала счастья своей внучке.

Внучка стала прокуроршей, хотя в душе она была адвокатшей. Ей больше нравилось, когда защищали людей, чем когда их обвиняли.

Прокурор только и делал, что обвинял. И наконец она ушла от него к адвокату. Она сказала, что не может жить с человеком, который только обвиняет людей. Она тогда хорошо говорила, потому что не забывала слова, ей не приходилось так много вспоминать, чтобы сказать одну единственную фразу.

И что же ответил ей адвокат? Он сказал, что сам мечтал стать прокурором. Просто у него не получилось, поэтому он адвокат. Он сказал эту неправду, как адвокат: защищая интересы друга своего прокурора.

Но когда его самого обвинили, защищать его было некому. Прокурор пытался, но что он мог, прокурор? Защищать он не научился.

Она долго ждала адвоката. Уже с войны люди повозвращались, уже повозвращались и издалека, а его все не

было. Вот тогда она от кого-то услышала, что адвокат погиб на фронте. От кого она это услышала? Да, конечно, от прокурора. Он даже, помнится, говорил (что помнится? Ничего не помнится...), он говорил, что встретился на фронте с адвокатом и адвокат вынес его на себе...

Хорошо, что прокурор так сказал. Она не верила, но все равно хорошо, что он так сказал. Значит, он умел сказать о человеке и что-то хорошее. И на памятнике прокурору, когда прокурор умер и она поставила ему памятник, она написала несколько слов про адвоката. У него не было своего памятника — где же еще можно было о нем написать? Она написала, что здесь лежит человек, спасенный при жизни другим человеком, который лежит неизвестно где, но о котором тоже нужно помнить на этом кладбище. Потому что, если бы жизнь сложилась иначе, он мог бы лежать на этом кладбище...

— Здравствуйте, мадам прокурорша. Вы не против, если я посижу с вами на скамеечке?

Рядом с ней садится такая же старая женщина, с такими же больными ногами.

— Вы меня не помните? Мы с вами встречались в суде. Я часто бывала в суде по делам моего покойного мужа. По каким делам? Ну, не будем об этом говорить. У каждого свои дела, так уж заведено в мире... Я, когда вас увидела, будто помолодела на тридцать лет... Знаете, я недавно была в суде. Там совсем, совсем другие люди...

Миллион лет до любви

Московское время

двадцать часов. В Париже восемнадцать. В Вашингтоне одиннадцать утра. А в Чите уже два часа ночи.

Зажав под мышкой бутылку водки и букетик гвоздик, наш герой появился у двери нашей героини.

Но — отведем часы назад на несколько суток и даже на несколько лет, а для самого начала — на несколько столетий. Итальянец Казанова, покончив счеты с жизнью в Богемии, вторично объявился в России под именем Казáнова.

Любить не хотелось. Но ничего другого он не умел. Да и, откровенно говоря, тоже не очень хотелось.

В своем восемнадцатом веке знаменитый Джакомо совращал доверчивых итальянок с истинного пути на путь, как он полагал, еще более истинный, а в двадцатом веке его не смущали истинные пути: их было много, и вели они зачастую в противоположные стороны, поскольку жизнь становилась все более многосторонней.

Работал Казáнов в справочном бюро, что отдаленно приближало его к французским энциклопедистам. Энциклопедия — это, в сущности, справочная литература, и если уж продолжать начатое великими французами, то не в университетах, не в научно-исследовательских институтах, а здесь, в справочных бюро. Есть ли бог? Бессмертна ли душа, или ее вообще не существует? В чем смысл жизни? Платите две копейки и получайте ответ. Но клиент измелъчал, от него не услышишь подобных вопросов.

Будка Казанова стояла на пересечении главных магистралей города, но возле нее никогда не бывало очереди. Жителям города хватало незнциклопедических знаний, и любая неквалифицированная тетка легко и охотно выполняла функции справочного бюро.

Преимущество энциклопедической службы состояло в том, что из будки был прекрасный обзор, открывавший путь притоку справок со стороны, в этом смысле будка

была поистине справочной. Но, хотя и сидеть в будке, и смотреть по сторонам — занятие в достаточной степени увлекательное, со временем оно утомляет. Чтобы отдохнуть от притекающей со всех сторон информации, Казанов опускал глаза в книжку — это осталось от тех, прежних времен, когда он служил библиотекарем у графа Вальдштейна, который сейчас, возможно, тоже служит в каком-то справочном бюро, и лишь надменное выражение лица и грубые ответы выдают его графское происхождение.

Странное дело: когда помотришь вокруг, создается впечатление, что все бывшие графы и князья работают сегодня в сфере обслуживания. Их выдает надменное выражение лиц и грубое обращение с посетителями. И это весьма грустное обстоятельство, высокомерие и даже хамство графа не столь губительно для окружающих, потому что в графах никто не испытывает такой нужды, какую испытывают в продавцах, водопроводчиках и официантах.

Сначала Казанов брал в библиотеке только справочную литературу, благодаря чему заметно повысил свою квалификацию. Но невостребованные сведения быстро забывались, вследствие чего он к справочникам охладел и обратил внимание на литературу художественную. Детективов он не читал: за ними всегда были очереди. Фантастикой, из уважения к своей работе, не увлекался. Любовная тематика... Но в прежней своей жизни он от нее устал, хотя в нынешней об этом и не догадывался.

Исключение этих трех жанров значительно сужало и без того не слишком широкий круг имеющейся в библиотеке литературы, но Казанов чувствовал себя неплохо в узком кругу: это придавало чтению некоторую интимность.

Шло время. Казанов все читал и читал, постепенно приближаясь к французским энциклопедистам, и не только французским, ибо читал он переводы не только с французского, то есть был в определенной степени полиглотом. В свое время он выстоял в очереди немецкую писательницу Марию Ремарк, которая вела рассказ от мужского лица и говорила о таких вещах, о которых женщинам говорить не пристало. Без особых трудностей сме-

нив перевод с немецкого на перевод с английского, Казанов взялся читать Джека Лондона, немного смутившись тем обстоятельством, что Лондон находится в Англии, а Джек Лондон — в Америке, хотя и переводят его с английского языка.

Когда на абонементе уже ничего, кроме очередей, не осталось, Казанов направился в читальный зал. Был разгар рабочего дня, в читальном зале было пусто, и только библиотекарша лихорадочно листала книгу, торопясь выполнить план, который ей срывали читатели. Казанов походил возле полок, поглазел на разнокалиберные книжные корешки, но его все время отвлекала книга, которую читала библиотекарша.

— Что вы там разглядываете, как в театре? — спросили бы у него в билетной кассе или в ремонтном ателье, а то и на почте, в посылочном отделении. Но библиотека относится к тем немногим местам, где с посетителями обращаются вежливо, чтоб не отбить у них желания ходить в библиотеку. Спутнете посетителя — кто вам тогда будет книги читать?

— Вам помочь, товарищ? — робко спросила библиотекарша. Казанов покосился на ее книгу.

— А сами что читаете?

— Это не библиотечная книга, — замялась библиотекарша, — это мне дали почитать.

— Да, видно, книги у вас, если вы сами со стороны читаете...

— Книги у нас хорошие, — оскорбилась библиотекарша. — С Германской Демократической Республикой переписываемся. По поводу «Фауста» на немецком языке.

— Неужели прямо по-немецки читаете?

— Я по-французски читаю, — потупилась библиотекарша. — А по-немецки только со словарем.

— Как же вас зовут, извините за нескромный вопрос?

— Люба.

— Понимаете, Люба, я что хочу сказать? Вы, конечно, переписываетесь с Германской Республикой, но меня возмущает: куда ни придешь, на прилавке — одно, под прилавком — другое. Между прочим, я тоже работаю с людьми, но у меня так не водится. У меня любую справку бери, я ничего не держу под прилавком. Как проехать на

вокзал? Как проехать на рынок? Пожалуйста — сведения для всех. Ко мне в любой день приходи с ревизией...

Казанов наконец оторвал взгляд от книги и перевел его на библиотечаршу. И — осекся...

Московские куранты пробили двадцать ноль-ноль. В Париже восемнадцать. В Вашингтоне одиннадцать утра. А в Чите два часа ночи... Мы вернулись в то время, с которого начали.

Итак, зажав под мышкой бутылку водки и букетик гвоздик, Казанов появился у двери библиотечарши Любы.

Она была уже здесь, за дверью, но, услышав звонок, минуту подождала — для приличия. Чтобы не получилось, что она ждала его, выглядывала из окна, хотя было, конечно, и то, и другое.

Они не договаривались о времени. Просто после того, как Казанов осекся в библиотеке, он ушел, потом снова пришел, потом опять ушел и пришел и, наконец, сказал:

— Можно я к вам приду?

— Вы же уже пришли.

Казанов замялся.

— Не в библиотеку, — сказал он уклончиво.

— А куда же?

— Не в библиотеку. Можно я зайду к вам в пятницу не в библиотеку?

В пятницу в библиотеке был выходной.

— Не в библиотеку? — неуместно удивилась библиотечарша, потому что как бы он зашел к ней в библиотеку, если в библиотеке был выходной?

— Не в библиотеку, — стоял на своем Казанов.

— Но куда же тогда? — растерялась библиотечарша. —

В пятницу я целый день дома.

Казанов решился:

— Можно, я туда к вам зайду?

— Куда — туда?

— Ну, туда, куда вы сказали.

— Заходите, — густо покраснела библиотечарша.

— Спасибо, — покраснел Казанов и ушел.

Он даже забыл спросить адрес. Но узнать его ничего не стоило: ведь он же работал в справочном бюро.

В четверг библиотечарша отпросилась с работы на два часа, из которых два с половиной потратила на ма-

газины и три с половиной — на парикмахерскую. Вечер у нее ушел на уборку, первая часть ночи — на приготовление блюд по книге «Для студентов и влюбленных», вторая часть ночи — на личный туалет. В восемь утра она уже стояла у окна, из которого хорошо просматривалась улица.

Он появился в восемь вечера. Она тихонько, чтоб он не услышал на улице, подкралась к двери и затаилась.

Московские куранты, лондонский Биг-Бен и колокола собора Парижской Богоматери ударили одновременно. Библиотекарша открыла дверь.

— Это вы? Так неожиданно...

— Извините. Шел, дай, думаю, зайду... Это вам, — он протянул ей бутылку водки, пряча за спиной букетик гвоздик. — Нет, вот это вам...

— Спасибо. Входите, пожалуйста. Располагайтесь.

Двадцать тридцать московское время. В Париже восемнадцать тридцать. В Вашингтоне половина двенадцатого. А в Чите уже половина третьего ночи.

Отвлеченный разговор:

— Вы читали?

— Нет, как-то пропустил.

— Непременно прочтите.

На столе — раскрытая французская книга, рядом с ней — поллитровка Казанова.

Любимый герой библиотечарши — Мартин Иден. Сейчас таких мужчин нет.

Любимая героиня Казанова — артистка Белохвостикова. Сейчас таких женщин нет. Как это нет? А Белохвостикова?

Французскую книгу начинает теснить закуска. Библиотекарша не пьет. А немножко? Нет-нет. А самую капельку?

Самую капельку — можно, соглашается библиотечарша и с непривычки выпивает полстакана.

И тут выясняется, что Казанов тоже не пьет. Как, совсем? Представьте себе, не употребляет. А немножко? А самую капельку?

Казанов выпивает стакан.

И сразу возникает непринужденность общения.

— Люба... Меня зовут Вася...

— Очень приятно... Вы закусывайте, закусывайте...

Поговорили о раскрытой французской книге. Она называется «Миллион лет до любви». Да, давно было дело. И неужели не было любви? Надо выпить за любовь.

Он налил полстакана.

— И себе.

Он налил полстакана себе.

Пусть он пьет, а ей достаточно. Она уже и так пьяна. Ну вот еще, пьяна! Не таких пьяных видали! Где видали? В вытрезвителе? Но здесь же не вытрезвитель, можно выпить. Капельку? Самую чуточку.

Библиотекарша выпила полстакана. И заплакала:

— Вася, вы меня не обидите? Не обижайте меня, Вася, меня еще никто никогда не обижал...

Казанов выпил.

— Я, наверно, лягу, — сказала библиотекарша. — Голова что-то кружится. Вы не будете возражать, если я лягу?

— Ну вот еще! — запротестовал Казанов. — У вас гость, а вы — лягу. Выпить надо.

— А разве я не выпила? — библиотекарша взялась за казановский стакан. — Раз надо выпить, я выпью. А потом лягу. Хорошо?

— Да что вы все лягу, лягу! Еще только девять часов. Давайте лучше вашу немецкую книжку.

— Эту? Нет, Вася, эту я не решусь. Там такое написано... Уж лучше вы читайте, если решитесь...

Казанов решится, но по-немецки он не умеет. Совсем? Совсем. А по-английски? Тоже совсем. Но это французская книжка. Все равно. Для Казанова все нации равны, он и по-французски не понимает.

Библиотекарша соглашается читать. Только пусть Вася отвернется. Пусть не смотрит на нее. Потому что там такое написано...

Казанов грозит ей пальцем:

— Отвернусь? Я отвернусь, а вы ляжете...

— Как вы боитесь, что я лягу! — оскорбилась библиотекарша. — Не беспокойтесь, я не лягу. Просто, если вы не отвернетесь, мне будет стыдно читать.

— Ладно, я отвернусь. Только сначала я выпью.

Библиотекарша читала, переводя текст на русский язык. Некоторые слова, которые ей стыдно было перево-

дить, она оставляла на французском, а некоторые пропустила, не решаясь произнести их даже по-французски — вдруг Казанов поймет.

Суть книги сводилась к следующему. Первобытный человек ушел из семьи. Из своей коллективной, полигамной семьи. Он оставил плачущих жен и погрузневших мужей, он оставил десятки детей, называвших его папой.

Семья была очень большая, таких сейчас уже нет. Мужья артелью ходили на охоту, а жены воспитывали детей, как в солидном дошкольном учреждении (школ тогда не было, поэтому все дети были дошкольниками).

Не обходилось и без семейных сцен. Это были такие массовые сцены, какие в наше время можно устроить только на сцене Гранд-опера или Большого театра, — объяснила библиотечарша. Когда семья первобытная, для нее первое — быт, а не какие-нибудь высокие идеалы. Поэтому и сцены были бытовые, мелкотравчатые, какие порой встречаются и в современной драматургии.

Первобытный человек не любил семейных сцен. Он мечтал о любовных сценах. Дальше на нескольких страницах очень живописно были нарисованы любовные сцены, о которых мечтал первобытный человек. Когда библиотечарша это переводила, она почувствовала, как у нее краснеет спина, которой она повернулась к Казанову.

Впрочем, это были всего лишь мечты о любовных сценах, самих же любовных сцен первобытному человеку никто не устраивал, потому что, хотя семья в то время уже была, никакой любви еще не было.

И он решил уйти из семьи.

Одному уходить ему не хотелось, ему хотелось, чтобы кто-то о нем заботился, но ни одна жена уйти с ним не соглашалась, все они боялись разрушить семью. И пришлось первобытному человеку разрушить еще одну семью: увести жену от чужих мужей и жен, которые, конечно, ее не отпускали, потому что считали, что первое — это быт. Не любовь, а быт.

Так и сейчас некоторые считают, но в первобытном обществе это мнение было господствующим. Только два человека согласились строить семью на любви: первобытный человек и ушедшая с ним чужая супруга.

Как они строили семью на любви, библиотекарьша пропустила, потому что не нашла в русском языке подходящих выражений, чтобы перевести это с французского языка.

Они искали третьих и четвертых, чтобы создать нормальную коллективную семью, но не было желающих ради любви отказаться от быта. И пришлось им строить семью из двух человек, хотя они знали, что двух человек для семьи недостаточно.

С тех пор — вот уже миллион лет — люди пытаются доказать, что из двух человек семью построить можно. Но это и сейчас, спустя миллион лет, очень трудно доказать.

Библиотекарьша наконец решилась повернуться к Казанову. Она вся раскраснелась от французского языка.

Но Казанов этого не увидел. Казанов спал. Положив голову на опрокинутый стакан, он спал так, как спали за миллион лет до него, когда никакой любви еще не существовало.

В Париже пробило двенадцать ночи. В Вашингтоне — пять часов дня. В Чите — восемь утра. Пора на работу.

Полковник Пономарев и жена его Катенька

Сколько людей, столько и судеб.

А если город большой, с миллионным населением, то и судеб в нем не меньше миллиона. Но человека хоть можно отличить по внешности, а у судьбы внешности нет, поэтому ее легко с другой перепутать.

И случилось так, что отбилась судьба от своего человека. Засмотрелась на другого, более симпатичного, и подумала: вот бы мне такого! Хватилась, а своего-то и нет.

Человек тоже был хорош. Чего было от судьбы бегать? Ему сколько раз было говорено: от судьбы не уйдешь. А он ушел, теперь пусть на себя пеняет.

А жил еще в этом городе полковник Пономарев с молодой женой Катенькой. Красивая была жена, а полковник так себе. Как говорят, ни кожи ни рожи. В таком высоком звании можно было выглядеть попримячнее.

Но человек был хороший, к тому же большой шутник. С тех пор как он познакомился со своей женой, она все время смеялась и сама не заметила, как вышла за него замуж.

И вот лежат они как-то в постели. Жена читает книжку, полковник предается размышлениям. Надо будет, думает, сделать в этой спальне ремонт. А то жена у него молодая, а спальня какая-то старая.

Судьба полковничья между тем дремала в углу, но, услышав такие мысли, проснулась и говорит: «Дурак ты, хотя и полковник. Разве дело в помещении? Ты посмотри, что твоя жена читает! Ты бы ей для постели какую-нибудь другую книжку припас. Или нитки мулине. Для вышивания гладью».

Жена читала книжку «Отцы и дети». Очень ее интересовал этот вопрос. Но начинать надо было не с книжки. Но и не с ремонта, о чем и доложила полковнику его судьба. Однако он, занятый своими мыслями, не услышал.

Утром вызывает к себе полковник начхоза, то есть начальника по всяким хозяйственным делам, и говорит,

что так, мол, и так, надо ему в квартире спальню отремонтировать. Переклеить обои, побелить потолок. Пусть берет начхоз пару-тройку солдат и начинает завтра с утра пораньше.

А про себя думает: эх и разыграю я этого начхоза! Посмеемся мы над ним с женой Катенькой.

Между тем судьба, которая тут же в кабинете сидит (она и в кабинете полковника сидит, хотя сама не в полковничьем звании), шепчет ему из-за спинки кресла:

— Не разыгрывай! Даже и не думай разыгрывать!

Но полковник то ли не слышит, то ли не подчиняется. Кто такая для него судьба? У него по три звезды с каждой стороны, а у нее вообще ни одной, с какой же стати он будет ей подчиняться? Начхоз щелкнул каблуками и говорит:

— Есть!

И судьба начхозовская тоже сказала: «Есть!» Такова судьба армейская: только успевай щелкать каблуками.

С утра пораньше привел начхоз целый взвод, как для военных действий. Соседи позапирались, выглядывают из щелей: неужели, думают, война, как бы в дом бомба не шарахнула.

Правда, клеить обои умел только один, остальные слонялись по квартире, рассматривали семейные фотографии и при виде на них Катеньки чмокали губами, а при виде полковника вытягивались во фрунт.

Полковник в это время читал на балконе газету и давал сверху вниз какие-то указания. Даже дома не знаешь покоя — такова офицерская жизнь.

В общем, выполнил взвод поставленную задачу. Переклеил обои, побелил потолок. После этого полковник отправил его в казарму, а начхозу говорит тоном Мюллера из кинофильма «Семнадцать мгновений весны»: «А вас, товарищ начхоз, я попрошу задержаться».

Начхоз — ничего не поделаешь — щелкнул каблуками и задержался. И тут полковник неожиданно говорит:

— Может, пообедаем?

Начхоз подумал: почему бы и не пообедать? Он вообще обедал каждый день, почему же сегодняшний день должен быть исключением?

— Сейчас я позвоню в ресторан и скажу, чтоб принесли обед, — говорит полковник. — В какой позвонить ресторан: в «Националь» или в «Звезды Парижа»?

Начхоз выбрал «Звезды Парижа». Его не удивило, что полковник звонит в ресторан. Если бы звонил какой-нибудь лейтенант, ресторан мог бы не подчиниться, но полковника не слушаешься.

Звонит полковник в ресторан «Звезды Парижа».

— Але, это «Звезды Парижа»? Принесите мне обед на две персоны. — И спрашивает у начхоза: — Ты борщ будешь? Значит, борщ два раза. Котлеты будешь? Котлеты два раза. Два раза компот. Ну и закуску разную. А что будем пить? — спрашивает у начхоза. — Пол-литра два раза, потом — судя по обстоятельствам.

Дал полковник точный адрес, чтоб в другую квартиру не занесли, и сидят они с начхозом, разговаривают на различные строевые темы. Хотя у начхоза должность не строевая, но ему приятно на строевые темы поговорить.

А тем временем судьба, которая отбилась от человека, бродит по городу, пристаёт то к одному, то к другому, но всюду ей от ворот поворот. Поскольку не зря сказано: у каждого человека своя судьба, и другой судьбы ему не положено.

Однажды даже попала в милицию. Не в саму милицию, а в то, что было написано милиции на роду. Очень страшное, прямо-таки бандитское оказалось место, напрямую связанное с тем, что написано на роду мафии и всяким бандитским группировкам.

Кое-как вырвалась, выдав себя за судьбу известного в городе уголовного элемента. И, ища прикрытия, увязалась за хорошенькой женщиной, легкомысленная судьба которой задержалась у ее приятельницы, вернее, у судьбы ее приятельницы. А женщина эта была той самой официанткой, которая несла полковнику обед, заказанный в ресторане «Звезды Парижа».

Но на самом деле это была не официантка, а жена полковника, и шла она не из ресторана, а от своей приятельницы, где готовила для полковника обед на две персоны. Так полковник хотел разыграть начхоза, чтобы тот подумал, будто ему подчиняются все рестораны города.

Жена полковника так спешно должна была нести обед, что ее судьба не успела закончить разговор с судьбой приятельницы и продолжала с ней болтать как ни в чем не бывало. А заблудившаяся судьба, увидев женщину без судьбы, да еще вдобавок такую хорошенькую, увязалась за ней и явилась на квартиру полковника.

Как увидел начхоз официантку (он думал, что она официантка), то хоть и был он начхоз и ему было на все начхать (каламбур полковника), но тут он вскочил, вытянулся во фронт и от восхищения ничего не мог добавить.

— А эта официанточка ничего, — поддал жару полковник. Кое-как пришел начхоз в себя, но не садится, а приглашает сестр официантку

— Только, — говорит, — после вас. Разрешите, товарищ полковник, сестр после женщины.

Полковник подмигнул женщине и разрешил. Женцина подмигнула полковнику и села.

Сидят обедают. Начхоз, с разрешения полковника, приглашает официантку выпить и закусить, но она отказывается, говорит, что она на работе. Конечно, она на работе, быть женой полковника, да еще такого непривлекательного, это работа — будь здоров, но начхоз ведь этого не знает и, с разрешения полковника, пристаёт все настойчивей. Говорит ей разные комплименты, ах, какая вы, дескать, вся из себя. Полковник слушает и внутренне смеется над начхозом. Он думает, что и жена его внутренне смеется, но душа женщины — темный лес, и никогда не знаешь, когда она в душе смеется, а когда серьезная.

Полковник доволен. Он уже устал говорить жене комплименты, пусть, думает, пока начхоз их поговорит, а он, полковник, пока отдохнет и пообедает.

А жена Катенька, которая никакая не официантка, про себя смекает: а этот начхоз ничего, симпатичный. И какие у него бицепсы! Это даже не бицепсы, а трицепсы. И даже четырецепсы. Так подумала жена Катенька, потому что по-латыни умела думать только до трех.

А заблудившаяся судьба уже так прилепилась к жене полковника, что стала выбирать для нее кавалера и выбрала, конечно, начхоза, как более молодого и более симпатичного.

Судьба полковника ей говорит:

— Ты что это, идиотка? Это же посторонний человек! А муж ее не он, а тот, что постарше званием.

А судьба начхоза молчит. Она, конечно, на стороне начхоза, но, как армейская судьба, не может нарушить субординацию.

Полковник между тем жене подмигивает: давай, мол, давай! И начхозу подмигивает в том же смысле. И даже выходит на балкон — посмотреть, что бы там такое отремонтировать.

Начхоз наливает уже из второй пол-литры себе и официантке (он все еще думает, что она официантка), пододвигает ей бутерброд и уже хочет выпить на брудершафт, но все время путает брудершафт с бутербродом. А жена полковника смеется и стесняется, и говорит: «Никак нет!» — уже подражая обращению начхоза к полковнику, а потом, уже сдаваясь, но продолжая подражать, говорит: «Так точно!», но на брудершафт пока не пьет, потому что по-немецки она дошла только до бутерброда, а до брудершафта еще не дошла, тем более с малознакомым, хотя и симпатичным ей человеком.

Судьба полковника, пользуясь своим более высоким званием, пытается приструнить судьбу начхоза, требует, чтобы этот пьяный солдафон не приставал к женщине, но судьба якобы официантки и якобы жены полковника, а на самом деле совсем другого, никому не известного человека, тем более, возможно, неразборчивого в любовных связях, не желает смотреть на звездочки и, вопреки субординации, выбирает начхоза.

В общем, начхоз искушает женщину, женщина искушает судьбу, причем даже не свою, потому что ее судьба все еще гостит у судьбы ее приятельницы, а полковник хохочет на балконе. Он так хохочет на балконе, что соседи выглядывают из щелей, а выглянув, успокаиваются: значит, угроза войны прошла, раз полковник в таком веселом расположении.

Но напрасно полковник веселился. Его судьбу, оставшуюся в подавляющем меньшинстве, уже связывали веревками, точнее, тем, что было начертано на роду у веревки, чтоб она не мешала тому, что начертано на роду у жены полковника и его начхоза. И вот она уже лежит,

связанная, а ее сторожат две судьбы, которые смотрят все с большей симпатией друг на друга.

Отсмеявшись, полковник приходит с балкона, одним глазом подмигивая жене, а другим начхозу. Он видит, что жена его смеется, и радуется за нее, не понимая истинной причины ее веселья. А глядя на начхоза, он предвкушает, как будет всем рассказывать о том, как опростоволосился начхоз, потому что еще не понимает, кто по-настоящему тут опростоволосился.

С разрешения полковника начхоз провожает жену полковника в ресторан, потому что все еще принимает ее за официантку. Там они еще немножко выпивают и закусывают, а потом начхоз провожает жену полковника еще дальше, уже в совершенно неведомом направлении.

А полковник, оставшись один, уже не сдерживается и смеется так, что соседи думают, будто все-таки началась война, и начинают звонить во все концы, чтобы узнать подробности. Полковник смеется так, что новые обои начинают в некоторых местах трескаться. Такая удачная получилась шутка.

Наконец прибежала от приятельницы судьба его жены и, увидев связанную судьбу полковника, схватилась за то, что было ей предначертано на месте головы. И было от чего. Потому что она поняла: жена полковника больше к нему не вернется. Она ведь, судьба, знала, что будет с женой полковника наперед.

Такова была судьба. Жена полковника осталась жить с начхозом, поступила на работу в ресторан, правда, не в «Звезды Парижа», потому что такого ресторана в их городе не было. Может, в Париже был, но она не особенно верила, что ее начхоза переведут когда-нибудь в Париж, поэтому поступила в ресторан типа закусочной, без названия, а просто под номером 27. Закусочная № 27. Тоже звучит неплохо.

А полковник Пономарев остался один со своей судьбой и с судьбой своей бывшей жены, которой просто некуда было деться. Теперь о нем заботятся две судьбы, так что ему вроде бы можно позавидовать, но никто ему не завидует, потому что судьбы никому не видны, а то, что полковника бросила жена, это видно каждому.

Это только кажется, что две судьбы лучше, чем одна, на самом деле от этого одни неприятности. Две судьбы никак не могут поладить между собой, никак не могут принять ни одного решения.

Поэтому полковника до сих пор не повысили в звании. Судьба полковника говорит:

— Надо дать ему звание генерал-майора.

А судьба его бывшей жены возражает:

— Почему майора? Он же уже полковник, а полковник выше, чем майор!

— Но он же будет генерал-майор! — доказывает сведущая в этих делах судьба полковника.

— Генерал, но все же майор! — не соглашается судьба бывшей жены полковника.

Слушает высокое начальство эти пререкания и ничего не может понять. Так и остается полковник полковником.

Луна в продуктовой сумке

- Сколько повторять:

искать нужно не глазами, а ноздрями!

Петрович говорит это Францику — и совершенно напрасно: ищет-то не Францик, ищут Францика.

— Францик, Францик, ну где же ты, Францушка, ну иди сюда, Франц!

Вот, наверно, икается там, во Франции! Хотя к Франции Францик отношения не имеет, Франц — немецкое имя, а не французское. Но он и к немцам не имеет отношения, потому что никогда не выезжал из России. И не только из всей России, но даже из этого двора. Просто называли его Франциком. У нас по-всякому могут назвать. Петровича и вовсе никак не называли. Петя, доставивший его во двор, вскоре уехал вместе с родителями, а собаку оставили — как ее называть? Стали звать Петровичем, в память о Пете. Хоть человек и выехал, но о нем не следует забывать. Конечно, по отчеству звать собаку не принято, тем более что Петрович был в то время щенок, но совсем не называть тоже нельзя. Так у нас во дворе заведено: кто здесь живет, непременно должен как-нибудь называться.

Теперь Петрович уже большой, вырос на Францевых хлебах, верней, на хлебах Францевой старухи, нашей общей кормилицы. К Францевой старухе половина двора ходит, как в ресторан, а к другой половине она сама ходит. Выйдет во двор, пройдет между кустиками — и все сыты, довольны.

А живет у старухи только Францик, здоровье у него слабое, не может он, как другие, под забором. В детстве его кто-то помял — не со зла, а так, от избытка силы, — и с тех пор Францик никак не отойдет. Старуха его на инвалидность перевела, держит под специальным присмотром. Хорошая старуха. Всех дворовых котов и собак она уважительно называет: животные. Для человека такое название унижительно, а кота и со-

баку оно возвышает, приобщает ко всем животным земли.

— Совсем не умеют искать, — сокрушается Петрович, сидя рядом с Франциком в его укрытии.

Дорос Петрович до своего отчества, теперь его можно смело так называть. Умное животное, со всех сторон жизнь понимает. Это он открыл глаза Францику на общественное и личное счастье. Францик о них ничего не знал, хотя бессознательно стремился к личному, пренебрегая общественным. Трудно строить сразу оба счастья, каким-то из них приходится пренебречь. Тех, которые пренебрегают личным, называют героями, а тех, которые общественным, — рвачами. Францик не рвач, но он и не герой. И он не виноват, что его личное счастье стало поперек дороги общественному...

Общественное счастье заключалось в том, что внучка старухи начала самостоятельную семейную жизнь, а жить ей с мужем было негде — только в этой квартире, где жили Францик и старуха Францева. Старуху на радостях определили в Дом ветеранов труда. Прекрасный дом, но не для Францика, поскольку Францик не был ветераном труда. У него жизнь складывалась совсем по-другому.

Старуха медлила, не хотела переезжать, пока Францик не будет пристроен. В какой-нибудь дом — пусть не ветеранов труда, но не менее приличный. А молодоженам не терпелось строить свое счастье, причем именно там, где два счастья — Францика и старухи — были уже построены. Вот они и искали Францика, чтоб отправить его в Приличный Дом. А он, не желая менять свою жизнь, естественно, прятался.

Молодоженов тоже можно понять, им под забором не позволит жить домоуправление. Хотя здоровье им позволит, но домоуправление не разрешит. Потому они и пристроили бабушку к ветеранам труда — потому, что она уже ветеран, а они еще не ветераны. Ветер есть, а ран нету, как говорит старуха. Житейских ран.

— Искатели! Не умеют искать. В этом твое, Франц, спасение.

Противоречит себе Петрович. Кто, извините, говорил, что спасение не может быть где-то на стороне, что

каждый носит в себе собственное спасение, как и собственную гибель? Петрович говорил. И был совершенно прав. Францик чувствовал в себе как свое спасение, так и свою гибель.

Разве он не знал, зачем нужен молодоженам? Знал! Но ему хотелось сомневаться. Он даже подумал: а что, если они любят его? Что, если не могут строить без него свое счастье? Старуха, например, не могла. А они, в сущности, ее родственники. Родственники от родственников недалеко падают, так, кажется, в этих случаях говорят.

Может, они счастье свое общественное построят рядом с его личным счастьем. Вот здесь их счастье, а здесь его. А там где-то счастье старухи Францевой — в Доме ветеранов. Пусть она себе там живет, а он, Францик, останется с молодыми. С молодыми ему даже веселее, да и им веселее, потому что он тоже еще, в сущности, молодой.

А они и правда не умеют искать. Зовут, зовут, думают, он откликнется. А чего ему откликаться? Если только что-то важное, неотложное... Ужин, к примеру. Или коврик под радиатором... А может, они волнуются, беспокоятся, что его долго нет? Родственники все же. Старухины. Они там волнуются, а он здесь сидит.

Францик тихонько подал голос — так, чтоб его не услышали. И огорчился, что его не услышали. И подал громче.

— Ох, доведет тебя твой язык! — вздохнул Петрович. Так оно и случилось. Довел Францика его язык. И понесли Францика в продуктовой сумке в неизвестном направлении. Сначала приласкали, погладили, потом посадили в сумку — и привет. Привет Петровичу и всем, кто нас помнит.

Путешествие в продуктовой сумке, даже наглухо застегнутой, таит в себе массу волнующих впечатлений. Взять колбасу, к примеру. Сейчас-то ее нет, но она оставила о себе отчетливое воспоминание. А ведь жизнь, говорит Петрович, наполовину состоит из воспоминаний, на треть из надежд и только на самую малую часть из того, что мы имеем в действительности. Поэтому действительность нас не может прокормить; нас кормят воспоминания и надежды.

Путешествие в закрытой сумке, конечно, не может радовать глаз, но это истинный праздник для обоняния. Хотя и здесь не обходится без борьбы между чем-то плохим и чем-то очень хорошим. Вот пробивается из далеких прошедших дней тонкий запах голландского сыра, но его тут же заглушает одуряющий запах табака. Ничего. На табаке наша жизнь не кончается. Прислушайтесь: откуда-то из самых глубин доносится волнующий запах селедки... Но что это? При чем здесь запах стирального порошка? Терпение, терпение... Ну вот, опять колбаса... «Полтавская»? «Столичная»?.. Пожалуй, это «Столичная водка»... Не нюхайте, не дышите! А теперь дышите! Сквозь все преграды пробился живительный запах молока...

Жаль, что нет Петровича, это по его части. А хорошо бы посидеть здесь вдвоем за ужином, за запахом ужина... Сидеть, покачиваясь на ходу, как в каком-нибудь вагоне-ресторане... Угощайтесь колбасой, нюхайте! А селедочки не хотите понюхать?.. А там, глядишь, и Приличный Дом — выгружайтесь, приехали! Двери гостеприимно открыты, радиаторы тепленькие, любой выбирай, и во всех углах блюдечки, блюдечки, и каждое с молоком...

И вдруг Францик понял, что никакого Приличного Дома не будет. Будет мокрая, холодная ночь, пустынная лесная дорога, о которой рассказывали бродячие коты. С этого у них начиналась бродячая жизнь, и у Францика начнется. Одичает он в этом лесу. Петровича когда-нибудь встретит — не поздоровается.

Он ведь и раньше все понимал, только ему хотелось сомневаться. Когда ожидаешь плохого, хочется сомневаться, чтоб оставить местечко для хорошего. Вдруг случится хорошее, а для него нет местечка.

А так — он понимает: избавиться от него хотят. Чтобы там, где он жил, строить свое семейное счастье.

Он, Францик, тоже по-своему виноват: не лезь со своим личным счастьем в счастье общественное. Не маленький, должен понимать: личное должно уступать дороге общественному.

Сумка раскрылась, пропуская сырую, холодную ночь. Пустую и такую одинокую, несмотря на присутствие двух молодоженов. Там, во дворе, один Петрович, быва-

ло, развеивал его одиночество, а эти двое — не могут... Хоть бы сумку оставили... Как ему выходить из сумки — в такую ночь?.. Сумка раскрылась шире, и в нее вкатилась луна. Круглая, желтая, пахучая луна, похожая на голову голландского сыра.

Проходной двор на проспект Независимости

Недоулок жил на окраине города,

в странном месте без адреса. Собственно, он был сам себе адрес: стоило его назвать, и сразу было ясно, где он находится. Если, конечно, знаешь город.

Недоулком его называли, чтоб подчеркнуть его отличие от переулка, вложив в это слово нехороший, насмешливый смысл. А официально его называли тупик. Тоже не бог весть какое название. Тем более что, если разобраться, никакой он был не тупик: в том месте, где у тупика дальнейшего хода нет, у него был проходной двор — прямиком на проспект Независимости, бывшей Свободы. С недавнего времени стало ясно, что свобода и независимость — понятия не только разные, но иногда прямо противоположные. Например, независимость от правил уличного движения лишает свободы передвижения и оставляет свободу только катастрофам.

Вот тут, в двух шагах от этой Свободы-Независимости, и протекала жизнь недоулка, причем не одна. Пройдет по нему человек — а у него уже жизнь. Собака пробежит — опять жизнь. Пусть собачья, но все-таки. Другие по одной жизни проживают, но это потому, что они не замечают, сколько жизней вокруг.

А недоулок замечает. Не такой уж он тупик. Он все еще помнит тех людей, которых вели по нему через проходной двор на проспект бывшей Свободы, нынешней Независимости. Колонна была длинная, и недоулок радовался: сколько у него появилось жизней! Но эти жизни оказались недолгими — только до того места, куда их вели.

Там было много детей и стариков, и все они шли с вещами, как будто переезжали на другую квартиру. Но они переезжали на такую квартиру, где никакие вещи им уже не понадобились.

Пусть он тупик, но он все это понял и перестал радоваться. И все надеялся, что где-то откроется дверь, распахнутся ворота, у него ведь по обе стороны хватает и

дверей, и ворот... Они могли бы впустить, спрятать этих людей, но двери и ворота оставались закрытыми.

В него навсегда впечатались шаги этой колонны, он их чувствует до сих пор, хотя прошло столько времени. Они впитываются в бульжные камни, упираются, сопротивляются, потому что теперь-то они знают, куда их ведут!

А тогда не знали. Особенно вот эти, самые маленькие. Не потому ли они сегодня больше других болят, почему-то больше всего в ясную, солнечную погоду.

Удивительно, что их никто не замечает, никто о них не спотыкается, и машины ездят ровно, плавно, будто под ними ничего нет.

Вот к третьему дому подкатывает автомобиль марки «Мерседес», и ничего под собой не чувствует. Вот из дома выходит владелец «Мерседеса», народный депутат и коммерческий деятель, и тоже ничего под собой не чувствует. Оба они, и депутат, и «Мерседес», ничего под собой не чувствуют и ничего вокруг не замечают, и депутат садится в «Мерседес», а тот везет его в аэропорт, чтобы оттуда лететь в заграничную командировку. Не то чтобы депутат любил за границу, он даже относится к ней довольно критически, но обожает ездить туда в командировку. Чтоб освежить свои чувства к родине и укрепиться в мысли, что он ее никогда не оставит и разделит с ней все страдания. Страдания между тем растут по мере того, как народный депутат ездит в заграничные командировки, потому что он всякий раз что-то с родины увозит и вкладывает на Западе неизвестно куда.

И пока депутат где-то ездит, в его доме продолжается жизнь, временами даже более бурная, благодаря отсутствию депутата. И в других домах продолжается жизнь.

Жизнь недоулка только из этих жизней и складывается, и он не раз пытался себе представить, как бы он зажил собственной жизнью. Вот он приходит домой, а на пороге его встречает жена-недоулочка, спрашивает, как у него дела, не устал ли он на работе. Как же, не устал! Он чувствует себя так, словно по нему целый день ходили и ездили. Жена, конечно, станет успокаивать: это ничего, это пройдет. По проспекту Независимости за день прошли четыре демонстрации, да еще сколько митингов, сколько очередей... И сразу станет легче, и сядут они друг против дружки посудачить о чужих делах. Оказывается, бульвар Демократии опять дома не ночевал. Вот и

вся демократия: теперь каждую ночь ночует на площади Прогресса. А недоулок ночует дома, так его называют «тупик». Но это ничего, пускай тупик, ему бы только быть рядом со своей недоулочкой.

В последнее время, правда, и у них стало небезопасно. То кого-то ограбят, то прибьют, то навяжут любовь в принудительном порядке. Однажды из проходного двора выскочила размундированная до полного штатского состояния милицейская группа захвата и с криком: «Помогите!» понеслась по недоулку, оставляя в холодном ночном асфальте глубокие босые следы, и столько в их мужественных голосах было ужаса, что вся милиция шарахалась в стороны и там затаивалась до утра.

Недоулок мечтал о подвиге, но все подвиги производятся из собственных жизней, а у него было много жизней, и все не собственные. Он, правда, считал их своими, и совершенно правильно, но ни одной не мог пожертвовать или хотя бы рискнуть, что для подвига совершенно необходимо.

Но однажды...

Однажды была темная ночь, и недоулок дремал, растянувшись на своем коротком пространстве. И когда в его сон ворвался крик: «Помогите!», он, не соображая, что делает, выскочил из своего сна и устремился за преступниками.

Не без труда протиснувшись сквозь стены и деревья проходного двора, он выбежал на проспект Независимости. Наконец-то! Здесь была такая широта, такая впереди перспектива, что он понесся легко, как ветер, а преступники в панике кричали: «Вы посмотрите на этого сумасшедшего! Он нас сейчас раздавит своими домами!»

Милиция, переодевшись в штатское, чтоб ее не узнали, выстроилась по обе стороны проспекта и старательно изучала, как нужно преследовать преступника. А собаки, жившие в недоулке, бежали с ним вместе и все наперебой брали след.

Это были не те собаки, которые сопровождали людей, которых вели из жизни туда, где она кончается. Может, это были дети тех собак. Может, внуки тех собак. Сейчас говорят, что это были немецкие овчарки. Исключительно немецкие. Но недоулок не такой уж тупик, он помнит, что там были собаки не только этой породы.

Да, это была погоня! Дома тяжело топают, деревья скрипят, окна дребезжат, и все это несется по проспекту Незави-

симости. Вот как нужно бороться с преступниками, думала милиция, переодетая в штатское, чтоб ее не узнали. Нужно, чтоб все улицы включились в борьбу, а не только, понимаешь, одна милиция, один ОМОН, одна, понимаешь, государственная безопасность.

Там, где кончался проспект бывшей Свободы, начиналась настоящая свобода — широкая степь, а что такое степь для недоулка, который всю свою жизнь прожил в тесном каменном городе? Он почувствовал, что растворяется в этой степи, а вместе с ним растворялось, рассыпалось все, что его составляло.

И вдруг перед ним возникли люди из колонны. Они нисколько не изменились: старики были такими же стариками, а дети по-прежнему оставались детьми. И вещи у них были те же — не разжились новыми за столько лет. «Вот мы и встретились, недоулок, — сказали люди из колонны. — То ли мы пришли к тебе, то ли ты к нам прибежал. Ты так быстро бегаешь, почему же ты тогда не побегал, почему не унес нас из этого страшного места?»

Недоулок не знал, что ответить. Почему он тогда не побегал? Сейчас побегал, а тогда не побегал? А ведь тогда он был намного моложе.

У них, сказали люди из колонны, была надежда только на него, потому что больше им было не на кого надеяться. Но он не спас их. Он не научился спасать. Он научился бежать, лишь когда надо кого-то преследовать.

Рассыпался, развеялся недоулок по степи — тут тебе и свобода, тут тебе и независимость. Никто ни от кого не зависит, ничто ни от чего не зависит, благодать!

И долго еще мотался по городу автомобиль марки «Мерседес» в поисках своего народного депутата, который жил в недоулке, а недоулка-то не было. Как сквозь землю провалился народный депутат.

Спросили у народа — народ ничего не знает. Народ никогда ничего не знает. Он только потом, когда ему скажут, все узнает.

Зиновий Дракохруст и Мухаил Ильянович Гробоедов

Зиновий Дракохруст был поэт,

и на прозу его перевели в принудительном порядке, с применением статьи 58-10, за антисоветскую агитацию. У него получилось, как в известном разговоре с фининспектором нашего лучшего, талантливейшего поэта. Там, если помните, поэт сравнивает рифму с бочкой, наполненной взрывчатым веществом, а строчку — с фитилем, приложенным к бочке. И когда строка додымит, развивал свою мысль поэт, бочка взрывается и на воздух может взлететь целый город. Не в буквальном смысле, конечно, а поэтической строкой.

У Дракохруста результат был еще более сокрушительный, поскольку на воздух взлетел он сам, приземлившись вдали от родных стихов в незнакомой, весьма прозаической местности. Приложившийся к фитилю аноним был первым слушателем взрывчатых этих стихов, поскольку жил у Зиновия на квартире. Он жил со своей подругой, с которой ему негде было жить, а очень хотелось — для своего и ее вдохновения. Аноним был поэт, а его подруга — машинистка в издательстве, оба занятия достаточно нудные, так что без вдохновения тут было не обойтись.

Стихи, в результате которых Дракохруста перевели на прозу, были такие:

Бабье лето, бабье лето
Бродит по лесам.
И не вспомнишь, Бабель это
Или Мопассан.

Тут нужно было обратить внимание на рифму, аноним же обратил на запрещенного Бабеля и заграничного Мопассана. Получилось так, что Мопассан с Бабелем бродят по нашим советским лесам, а вся их бабья тематика — это маскировка.

Как честный человек, прежде чем изложить на бумаге эти соображения, аноним поинтересовался: почему Дракохруст не взял какие-нибудь другие имена? Разве нельзя было написать:

Бабье лето, бабье лето
Бродит по лесам.
И не вспомнишь, Горький это
Или Маяковский?

Аноним был поэт, но ритму он чувствовал слабо. Может, потому, что ему катастрофически не хватало вдохновения, и одной подругой тут было, пожалуй, не обойтись.

В сущности, он был неплохой человек, и Дракохруст вложил немало сил в его поэтическое образование. Он старался поменьше бывать дома и даже по возможности не ночевать, чтобы постоялец его подзарядился вдохновением. Но аноним заряжался слабо, как отсыревший аккумулятор.

После того как Дракохруста перевели на прозу и аноним остался в его квартире полным хозяином, вдохновение его и вовсе куда-то исчезло, он стал такое писать, что подруга его машинистка сбежала от него обратно в издательство, а новая подруга, присмотревшись и прислушавшись, выгнала из квартиры его самого — и так они замелькали, подруги и друзья, поочередно сменяя друг друга, как при игре в шашки на высадку, и когда Дракохруст вернулся из прозаических мест, он застал в квартире совершенно незнакомых людей, к тому же с детьми и еще какими-то родственниками.

Что оставалось делать? Зиновий Дракохруст нашел единственный выход из этого положения: он отправился на квартиру Евгения Валентиновича Лебедятко.

Этот Лебедятко был муж его жены (кстати, как называется муж жены? Шурин — брат жены, деверь — и вовсе брат мужа), и этот сводный муж, для родственных отношений с которым еще не придумано название, был интеллигент в энном поколении и происходил от тех предков, которых во все времена не знали, куда посадить и куда повесить. Как гласило родословное древо, теперь уже срубленное, предки Евгения Валентиновича были

интеллигентами еще при дворе князя Всеволода Большое Гнездо. Этим первым интеллигентам, по образному преданию, доставалось так, что для них татарское нашествие началось задолго до появления татар — не только в России, но, может быть, и в природе.

Сводный муж Дракохруста жил исключительно духовной пищей, непонятной человеку, привыкшему к нормальному питанию. Зиновий, интеллигент в самом первом, пробном поколении, слушал его, раскрыв рот, по привычке к старой, естественной пище.

Евгений Валентинович, в качестве скульптора-ваятеля, ваял свою жену задолго до того, как она стала его женой, еще когда она была в девятом классе. Потом он ваял ее, когда она переходила в десятый, и позже, когда она снова училась в девятом, и, оторвав ее наконец от школы, вплоть до свадьбы снова ваял. Говорят, гений — это процент таланта и девяносто девять процентов труда, но это если иметь процент таланта. А если таланта меньше, можно себе представить, сколько тут понадобится труда.

Скульптор-ваятель не переставая ваял жену, вся квартира была полна ее изваяниями, так что когда гости приходили в дом, они не знали, к кому обратиться. Но зарабатывал он при этом — смешно сказать. Он ваял совсем не тех, которые продавались.

На свадьбе у них Дракохруст громче всех кричал «горько!», потому что ему было действительно горько, что Клавдия досталась другому человеку. Вытирая на кухне тарелки, он рассказывал матери невесты Степаниде Матвеевне, как бы он, Дракохруст, строил семью. Степанида Матвеевна, как интеллигентка вообще в нулевом поколении, для приличия поинтересовалась его заработками, а потом уже напрямую спросила, куда у нас продают эти изваяния.

Медовый месяц прошел для Клавдии без следа, и ни на один свой вопрос Степанида Матвеевна не получила вразумительного ответа. Клава что-то плела о каком-то Давиде, огромном и совершенно голом, но при чем здесь голый Давид, когда медовый месяц у нее был совсем с другим человеком? Степанида Матвеевна забеспокоилась, не проглядела ли она чего в жизни дочери, но выс-

шей точки ее волнение достигло тогда, когда она обнаружила в супружеской постели книгу о скульпторе Микеланджело, о котором прежде никогда не слыхала.

В довершение всего Клавдия повесила фотографию скульптуры Давида и грозилась повесить Моисея, уверяя, что это работа того же скульптора. Степанида Матвеевна подумала, уж не замешан ли здесь Давид Моисеевич из соседнего подъезда, но тот был старый, женатый и к тому же ни капельки не похож на скульптурного Давида.

Клавдия сообщила, что своего Давида Микеланджело вынашивал несколько лет. Евгений Валентинович свои скульптуры тоже вынашивал (правда, уже готовые, на продажу). Но Степаниду Матвеевну, как каждую мать, больше интересовало, что вынашивает ее дочь Клавдия.

А она, как выяснилось, ничего не вынашивала и даже не знала, откуда нести. Вот каким оказался этот потомственный интеллигент. Он весь ушел в предков, так что на потомков ничего не осталось.

И тогда вспомнили о Зиновии. Извлекли его из супружеского небытия и вручили ему отлученную от скульптора Клавдию. Скульптора, правда, не выгнали, позволили ему дальше лепить, но Степанида Матвеевна взяла его под контроль, чтобы он лепил только тех, которые продаются. Потомственный интеллигент, друг Моисея и Давида, не погнушался новой родней, вступив с Дракохрустом в неведомые родственные отношения. Он целиком ушел в работу, лепил детей, которые не заставили себя ждать, лишь только им сменили родителя. Семья росла — и в камне, и во плоти, — девяносто девять процентов труда значительно опережали процент таланта. Клавдия умилялась, глядя на своего мужа-скульптора: оказывается, чтобы ваять детей, ему нужна была только натура.

Это была такая идиллия, такая поэзия...

И именно в этот момент Дракохруста перевели на прозу.

Собственно, к этому времени он уже чаще жил у себя, посвящал анонима в основы стихосложения. Это было кстати, поскольку никак не запятнало его семью, и она продолжала жить и множиться в камне.

Теперь это оказалось кстати и для Зиновия, потому что ему было куда вернуться. Но застал он в квартире только постаревшую Степаниду Матвеевну и несколько изваяний нестареющего Владимира Ильича, перешедшего из разряда тех, которые продаются, в разряд тех, которые годятся только на слом.

Скульптор Лебедятко уехал с семьей в Америку, где Владимир Ильич никогда не пользовался спросом, а Степанида Матвеевна осталась при нем, вернее, при них: стирала с них пыль, прибирала вокруг, иногда беседовала о текущих событиях.

Все четыре скульптуры были изображены с протянутой рукой, что прежде понималось как указание пути, а со временем стало пониматься как символ осуществления идеалов. Евгений Валентинович расселил их по всей квартире, чтоб они не напоминали партийное собрание, а одного, того, что в кепке, поставил в прихожей, словно он уже надел кепку, чтобы уходить, и рукой, устремленной вперед, показывает себе дорогу.

Гости Степаниды Матвеевны не стеснялись вешать на Владимира Ильича пальто и даже головные уборы, хотя на нем уже была одна кепка. Поэтому Ильич постоянно переодевался, как в былые времена, когда он скрывался от полиции.

И Зиновий Дракохруст остался жить в этой квартире. Он садился в ноги у Владимира Ильича, как сидел Владимир Ильич на известной картине в ногах у президиума, хотя за столом было для него приготовлено место. Ильич сидел на ступеньке и что-то быстро писал, а у Дракохруста быстро не получалось; перевести со стихов на прозу в принудительном порядке легко, но не так-то легко вернуться к стихам от этой прозы.

Он бродил по городу, который был ему когда-то родным, и однажды на улице его окликнул человек, который, оказывается, узнал его по походке. Кто может узнать по походке? Конечно, тот, кто неотступно следует за тобой. Дракохруст его тоже узнал и по привычке взял руки за спину.

Звали этого человека Мухаил Ильянович Гробоедов. Но на самом деле он был Грибоедов. Отец его, потомственный дворянин и интеллигент Ульян Иннокентьевич

Грибоедов, связал свою жизнь с победившим пролетариатом и не хотел его дразнить своей слишком дворянской фамилией. Время было такое, к власти пришли люди незначительные, кто был ничем, становился всем, а кто был всем, подвергался большой опасности. В таких условиях фамилия Грибоедов не сулила никаких перспектив. А чем ваши предки занимались до революции? Писали комедию «Горе от ума»? В то время как горе народа происходило не от ума, а от классового неравенства и социального гнета, ваши предки отвлекали внимание трудящихся от истинных причин всенародного горя и представляли дело так, что все это якобы от ума, то ли от недостатка ума, то ли от избытка ума, но ум, товарищ Ульянов, это понятие не классовое, и не умом мы разрушили старый мир и собираемся строить новый.

В общем, пришлось Ульяну Грибоедову походить, доказывая, что он не имеет ничего общего с писателем и вообще с литературой, что он не только ничего не писал, но и ничего не читал, ничем не омрачал свое классовое сознание.

Воспользовавшись малограмотностью новорожденного революционного аппарата, товарищ Ульянов задурил-таки ему голову и, совершив внутренний обмен между именем своим и фамилией, стал из Ульяна Грибоедова Ильёном Грубоедовым, что вполне естественно для потомственного пролетария, предки которого ели грубо, поскольку не знали этих дворянских деликатностей. Да и еда была соответственная — не деликатесы.

После смерти отца сын его, Михаил Ильич Грубоедов, недолго наслаждался своей пролетарской фамилией. Писатель Грибоедов, давным-давно умерший, вдруг пошел в гору: сам народный комиссар Луначарский назвал его своим товарищем и протянул ему нашу пролетарскую руку. Так прямо и сказал: мы, мол, протягиваем через смерть Грибоедову нашу пролетарскую руку и говорим ему: «Здорово живешь, товарищ Грибоедов!»

Михаил Грубоедов узнал об этом приветствии с большим опозданием, когда в стране уже было много и протянутых рук, и протянутых ног, а узнав, заходил по инстанциям, требуя свою потомственную фамилию обратно. Следуя примеру родителя, он пытался совершить внут-

ренный обмен, стать Михаилом или, еще лучше, Мухаилом Грибоедовым, но бывший революционный, а теперь резолюционный аппарат за это время укрепился, окостенел, и его не так легко было обвести вокруг пальца.

Целый месяц он поил деверя паспортистки, который как раз устанавливал с паспортисткой новое родство: становился мужем, а мужа делал деверем. За установлением этих отношений деверь рассказал своей родственнице, что у его товарища по причине фамилии не налаживается семейная жизнь, поскольку нежный пол отпугивает его грубая фамилия.

Паспортистка, разомлев от ожидания своего собственного внутреннего обмена, легко согласилась на обмен между именем и фамилией незнакомого и мало интересного ей человека, но допустила на первый взгляд незначительную, но, если вдуматься, весьма существенную опisku, и когда отставной Гробоедов раскрыл документ, он прочитал выведенное красивым каллиграфическим почерком: «Мухаил Ильянович Гробоедов».

Он хотел возмутиться, но тут у него вообще отобрали паспорт, призвав на службу во внутренние войска МВД, где можно возмущаться только в одном, государственном направлении.

Так он и остался Гробоедовым. Фамилия не для слабоверных. Но и работа его была не для слабонервных, так что никакого несоответствия тут не было.

Увидев Дракохруста на улице Готвальда, Гробоедов обрадовался, потащил его к нему домой, послал Степаниду Матвеевну за водкой, и они всю ночь просидели, вспоминая, как они, бывало, ходили в тех местах. Вот были времена! — восхищенно восклицал гость. И хозяин тоже восклицал, но исключительно ради приличия.

Дракохруст про себя отметил, что гостя ничуть не удивило количество Ильичей: на своей работе он привык их видеть в значительно большем количестве.

Потом они часто встречались, гуляли вместе по городу, причем по старой привычке Дракохруст шел немножечко впереди, а Мухаил Ильянович немножечко сзади. Конечно, этим просторам до сибирских просторов далеко. Да и если судить по выдающимся личностям: сколько их в Сибири перебивало! Профессоров было больше, чем на всех

университетских кафедрах. А писатели! Какие писатели! Сейчас в Сибири тоже большие писатели, но эти по своей воле живут — возможно, для более свободного изображения: отобразит писатель что-нибудь недозволенное, а куда его посылать, если он и так живет в Сибири?

Раньше в Сибири писателей было мало. Ну, Достоевский. Ну, Чернышевский. По пальцам можно пересчитать. Зато в наше время, когда интеллигенция была брошена на великие стройки светлого будущего, сколько там перебивало ученых и писателей! Всех привлекал лозунг: пятилетка в четыре года. Хорошо поработаешь — освободишься досрочно.

На Мухайла Ильяновича это, конечно, не распространялось. Такая у него была работа — с винтовкой наперевес. Что перевесит — человек или винтовка? В наше время то ли человек измельчал, то ли винтовка в весе прибавила, но она всегда перевешивает человека. Гробоедову по молодости это нравилось: вперед винтовка — и шагай, куда она тебя поведет, главное — не спускай глаз с того, кто шагает перед винтовкой.

Походили они с Дракохрустом. Так случилось, что у них оказалась одна судьба, только повернута была к ним по-разному: к одному лицом, а к другому задом. Зад у судьбы был широкий, а лицо узенькое, сразу и не заметишь, что она повернулась к тебе лицом, только по тому и определишь, что зада не видно. А присмотришься — тут уже лицо проступает ясней, и даже замечаешь прищур: не то она разглядывает тебя, не то, наоборот, видеть не хочет.

Прищур судьбы был недобрым и не обещал ничего хорошего. У Гробоедова даже возникало сомнение: уж не лучше ли, чтоб она была повернута откровенно задом? Но поменяться с Дракохрустом он бы не согласился. Тогда — не согласился. Другое дело — теперь.

Вот недавно прошумела книжка Ивана Блюма. Он же, Блюм этот, у Гробоедова камни возил, причем как возил! То сам падал, то тачка переворачивалась. А теперь — пожалуйста: написал роман. А ведь они там были вместе, вместе, можно сказать, над материалом работали.

В сущности, они видели одно и то же, Гробоедов даже больше, потому что и самого Блюма держал в поле зрения. И Дракохруста, и кого только не держал...

А этот эстонец Тааам? Чудная фамилия. Будто означает, как далеко он был, а на самом деле — просто фамилия. Теперь кто услышит: «Тааам», — сразу понимает, что это великий поэт, а не те места, где прошли его жизнь и творчество.

Чтобы написать книжку, главное — иметь материал. На каждого действующего человека иметь материал. Блюм его имеет. И использует. А они с Дракохрустом пока не используют. Они свою биографию используют для себя, а Блюм ее использует для литературы. И они могли бы использовать для литературы, вдвоем это даже сподручней — все равно как носилки груженные или с пилой на лесоповале.

Там, где они собирали свой материал, Гробоедов никогда не брался за носилки, он за винтовку брался, за автомат, но этим оружием творческую работу не сдвинешь. Однако советский человек знает, что литература добывается не только киркой и лопатой, но и винтовкой. Это совсем другой взгляд на жизнь. И лишь на пересечении этих взглядов может возникнуть полная картина.

У Ивана Блюма подход к материалу односторонний, а они могли бы подойти с двух сторон, одновременно ударить с фронта и тыла, развивал Гробоедов свой потаенный замысел. Дракохруст попытался представить такого рода соавторство: «Белинский и Бенкендорф. Взгляд на русскую литературу». «Буденный и Деникин. Гражданская война». Может, римляне были правы, когда предлагали выслушать обе стороны?

Раньше мы выслушивали одну, а теперь выслушиваем другую. Первая недовольна, она привыкла, что слушают только ее, а вторая намолчалась, теперь ее не остановить. Так обычно бывает: тот, кого не слушают, настаивает на римских правах, а тот, кого слушают, говорит: нет, слушайте только нашу сторону.

Для объективности лучше писать парами, чтобы с двух сторон эту жизнь охватить. «Достоевский и Толстой. Преступление, наказание и воскресение». Ну, и они, конвоир и подконвойный, надо только придумать парный псевдоним.

Правда, вокруг таких авторов, как Гробоедов, сложилось нездоровое мнение. А ведь они тоже там были. Та-

аам. И даже таааам. И, между прочим, работали, не сидели. Накопили жизненный материал. Неужели он никому не нужен? Но ведь литература складывается из разных материалов, ей всякая правда нужна — и та, что сверху, и та, что внизу. Ей, литературе, не важно, как ты эту правду узнал: подсмотрел в щелочку или добыл на допросах. А кто у нас добывал правду? Иван Блюм? Такие, как Иван Блюм, только затрудняли работу следствия.

Вот майор Хохряков — этот добивался правды похище Тургенева. У него, бывало, любая правда заговорит.

Но майора Хохрякова не станут печатать. Печатают только тех, кто у него сидел. А он не сидел, он работал. Если бы все сидели, работать было бы некому. И выходит, что майор Хохряков как никто стал жертвой этого времени. Он мог бы стать ученым, писателем, композитором, но ведь кто-то же должен допрашивать людей. Так что, выходит, и у него исковеркана судьба. Кстати, у Ивана Блюма судьба не исковеркана, она даже очень удачно сложилась. Причем не без помощи майора Хохрякова. Если б майор Хохряков его не засадил, Блюм никогда не стал бы писателем.

Они сидели у подножия Владимира Ильича и листали книгу Ивана Блюма. Ильич заглядывал в книгу через их головы, что-то там прочитывал, принимал или не принимал, прикидывал, какие бы сделать пометки на полях, и в своей прижизненной манере думать только об одном, все подчинять одной цели, одной идее молчаливо и упорно протягивал руку туда, откуда не возвращаются.

Требуется слуга народа

Один товарищ,

по фамилии Баренбойм, приехал в Москву на теоретический семинар по национальному вопросу. Нельзя сказать, чтобы он представлял какую-нибудь крупную нацию — русскую, допустим, или украинскую. Он представлял маленький гагаузский народ, да и то лишь потому, что настоящий гагауз заболел и вместо него послали товарища Баренбойма.

Хороший город Москва, плохо только, что гостиницей не обеспечивает. И ходит представитель гагаузов по городу, любуется красотами, а глаза слипаются, живот в одном месте подвело, а в другом вроде как бы и отпустило. В общем, срочно надо где-то останавливаться, только где?

И тут на одном из домов товарищ Баренбойм читает объявление: «Требуется слуга народа».

И хотя товарищ Баренбойм в слугах никогда не был, он всю жизнь проходил как хозяин необъятной родины своей, но, поскольку глаза слипались, живот в одном месте подвело, а в другом — и объяснять уже некогда, он подумал: переночую в слугах, а утром дальше пойду хозяином.

Заходит в дом, а там внутри дворец. И идет товарищ Баренбойм по паркету, по мрамору, по коврам, любуется красным деревом, карельской березой. Открывает массивную дверь, на которой по дереву вырезано то ли взятие Зимнего, то ли штурм гастронома.

За дверью ковровый кабинет, резной стол с инкрустированными телефонами. Дай, думает товарищ Баренбойм, посижу за этим столом, никогда не сидел за такими столами.

И только сел в кресло, появляется человек. В штатском костюме, но с военной выправкой. Товарищ Баренбойм, как говорится, струхнул стариной, сейчас, думает, будут брать, но предчувствие это не показывает, а говорит как ни в чем не бывало:

— Я от гагаузов. А вы от кого?

Тут человек пустил в ход всю свою военную выправку.

— Я, — говорит, — обслуживающий персонал. Из обслуги.

Ого, думает товарищ Баренбойм, персонал! И вдобавок из обслуги! Но если я, допустим, слуга, а он из обслуги, то кто же тут кого должен обслуживать?

На всякий случай говорит:

— Что-то я устал. Заработался в этом кабинете.

— В таком случае пожалуйста в комнату отдыха, — говорит человек из обслуги и открывает перед ним дверь. Сам, естественно, остается за дверью.

И выходит товарищ Баренбойм, можете себе представить, в огромный банкетный зал, в котором столы ломятся от выпивки и закуски. Видно, хозяин ждет гостей, но никого пока нет — ни гостей, ни хозяина.

Сел товарищ Баренбойм за стол, стал накладывать себе на тарелку. И тут входит хозяин. Во всяком случае, держится хозяином.

Подходит он к товарищу Баренбойму, здоровается.

— Что-то, говорит, лицо мне ваше знакомо, вы откуда будете?

— Я, — говорит товарищ Баренбойм, — от гагаузов. Такая национальность в Одесской области.

Хозяин сразу как-то подобрел:

— Это хорошо, что от гагаузов. А то я смотрю — что-то лицо мне ваше знакомое.

Наливает себе и товарищу Баренбойму. Со знакомством, говорит.

И тут сразу гости заполнили зал. Накладывают себе, наливают.

— Поскольку, — говорят, — мы все здесь слуги народа, выпьем за народ.

Так вот, оказывается, что! Оказывается, они тут все слуги. А едят и пьют, как хозяева. Это хорошо.

Постепенно стали замечать товарища Баренбойма.

— Что-то, — говорят, — лицо его нам знакомое.

— Все в порядке, — успокаивает Хозяин, — он от гагаузов.

Выпили за гагаузов. Никогда не знаешь, за кого пьешь.

Звонок из Габрова. Аккомпанирует щедриновед Д.Николаев.
Габрово, 1979.

Не дают устам младенца глаголить истину! Вместо этого их заставляют есть кашу. Внуку четыре года. До свободы слова еще целых пять лет. Ужгород, 1980.

Поэт П.Скунц — большой специалист листать ноты. А художника А.Кашшая больше привлекает покрой пиджака. И лишь один у композитора С.Мартона внимательный слушатель. Ужгород, канун 1981-го.

Одному уже не справиться! 1983.

В гостях у Жан-Мишеля, хирурга-скрипача, и его жены Жаклин, меломанки-анестезиолога, — французов по фамилии Кривин. Сидят уже полные музыканты: скрипачка Айман (слева), пианистка Ольга (справа) и в центре — Михаил Копельман, первая скрипка квартета имени Бородина (Москва). Предместье Парижа, 1989.

Разговор с Жан-Мишелем, который ни на минуту не закрывает рта. Там же, тогда же.

Непринужденная беседа с кандидатом в президенты Франции
Аланом Кривином. Париж, 1989.

С кошкой по имени
Кошка в ее родовом
имении под Парижем.
1989.

В гостях у Самуила Ротенберга в Щецине (Польша). 1966.

В гостях у Самуила Ротенберга в Копенгагене (Дания), 1990.

У гамлетовского
замка Эльсинор
с Мирой
Ротенберг, 1990.

Потомки Гамлета
(Енсены-
Ротенберги).
Эльсинор, 1990.

На какой улице Толстого лучше жить: на той, на которой я живу в Ужгороде, или на этой? Копенгаген, 1990.

Здесь ясно видно:
 Андерсен велик,
 Но почему он отвернул
 свой лик?
 Как видно, опасения
 не лживы:
 Не замечают нас, пока
 мы живы.

Копенгаген, 1990.

Работа спорится с бездельем. Много воды с тех пор утекло из страны... Начало 90-х.

Пустыня в лесу всегда куда-то дорога... Закарпатье, 1992.

Трое в пустыне Негев, не считая собаки. Беэр-Шева, 1994.

Извините, что мы с Татьяной заслоняем вам Иерусалим! 1994.

С Михаилом Булановым. Опять светлое будущее не с той стороны! Ужгород, середина 90-х.

После скрипичного концерта в Ужгороде. Исполнители: слева от центрального ребенка Владимир Палей (Ужгород) и справа от центрального ребенка — Жан-Мишель Кривин (Париж). Ужгород, 1995.

На международном фестивале пантомимы в Ужгороде.
Судя по лицам, смех действительно дело серьезное, 1996.

После спектакля «Крыша поехала в гости к забору»
(кажется, теперь уже приехала). В центре автор и режиссер
(в полумаске, на всякий случай) в окружении исполнителей.
Ужгород, 1997.

Снимок на память о Борисе Чичибабине. Друзья поэта после вечера его памяти в Нетании (Израиль), 1998.

В гостях у Давида Лившица, гостеприимно не попавшего в кадр и вообще находящегося по другую сторону фотоаппарата. В кадре по часовой стрелке: М.Коробов, М.Носоновский, Ф.Кривин, Ю.Арустамов, И.Бирбраер (пародист). Беэр-Шева (пустыня Негев), 1998.

Наконец-то портреты вышли из рамок дозволенного, чтобы соединиться в один групповой портрет, именуемый литературным клубом «Среда». Кроме упомянутых на предыдущем снимке, Илья Войтовецкий (сидит) и Давид Лившиц (стоит) в окружении прекрасных дам Виктории Орти (стоит) и Аси Рудницкой (сидит). Там же, 2000.

Возвращенная
молодость.

Товарищ Баренбойм говорит:

— Я только что из Одесской области, так у нас таких продуктов нет. У нас вообще ничего нет, кроме преступности.

Маленький слуга народа с остренькой такой лысинкой говорит:

— Что это ты вдруг про экономику? У тебя, собственно, какой профиль?

Тут товарищ Баренбойм опять стухнул стариной, стал поворачиваться так, чтоб не было видно профиля.

— Я, — говорит, — от гагаузов.

Все рассмеялись, а рассмеявшись, выпили. Потом пошли закусывать во всю ширь стола. А ширь такая — глазом не охватить. Есть где разгуляться.

Набил рот до отказа товарищ Баренбойм и сквозь всю эту вкуснятину протискивает:

— У нас в Одесской области ничего такого нет. У нас за хлебом нужно стоять два часа, а за такими продуктами, может быть, целый месяц.

Остролысенький опять насторожился:

— Нет, ты все-таки скажи: какой у тебя профиль?

Завертел головой товарищ Баренбойм, не знает, как повернуться. У него такой профиль, что каждый кричит «фас!».

— Какой у тебя профиль, уважаемый? — спросил с другого конца стола Длинный слуга народа.

Такой вопрос можно задать по-разному. Можно спросить через запятую и с вопросительным знаком на конце, а можно без запятой и с восклицательным знаком: «Какой у тебя профиль уважаемый!» Вроде комплимента.

Но товарищ Баренбойм не ждал на этот счет комплиментов, поэтому скромно сказал:

— Я от гагаузов.

— Кстати, есть такой гагаузский анекдот, — говорит Щекастый слуга народа. — Умирает у себя на работе гагауз. Посылают к нему домой гагауза, чтобы он осторожно подготовил жену к печальному событию. Приходит гагауз, звонит: «Здесь живет вдова Рабиновича?» — «Я не вдова, я жена». — «Фига вы, а не жена: он умер!»

Долго смеялись над этим анекдотом. Кто-то вспомнил еще один гагаузский анекдот. «Что такое с Рабиновичем?» — «Он умер». — «То-то я смотрю — его хоронят!»

Пошли другие гагаузские анекдоты с очень высокой смертностью. А если и не смертность, то другие неприятности. Приходит домой муж, а тут любовник. Приходит к жене любовник, а тут муж.

Как раз когда смеялись, подходит к Хозяину человек из obsługi. Там, говорит, у центрального входа собрался народ. Какой-то шутник приклеил объявление: «Требуется слуга народа». Ну, они и повалили. Объявление удалось снять, но народ не расходится. Охрана пока сдерживает, но надолго охраны не хватит.

Хозяин говорит:

— Срочно уходим. Через запасный ход. Встречаемся у центрального входа.

Пока проходили мимо стола, он стал чистый, как стеклышко. Еле пробились к центральному входу. Длинный, стоя как на трибуне, сказал речь. О том, что будем в слуги проходить только на альтернативной основе.

Проходили на альтернативной основе. Товарища Баренбойма не хотели пускать, но Длинный сказал:

— Это от гагаузов.

Когда все прошли, народ успокоился, стал расходиться.

А в банкетном зале опять ломаются столы. И сидят за столами те же самые слуги народа.

— Ну, вот мы и опять все вместе, — говорит Длинный слуга народа. — А где наш товарищ с гагаузским профилем?

— Я здесь, — говорит товарищ Баренбойм и по привычке прячет профиль, хотя теперь его прятать уже нечего. — Если не возражаете, я вспомнил еще один гагаузский анекдот. Едут в трамвае два гагауза. Один вздохнул, а другой говорит: «Кому вы рассказываете?!»

Ну что за народ, эти гагаузы! Все они вздыхают в своих анекдотах, все они умирают в своих анекдотах... И тяжело им, и не смешно в анекдотах, а люди — смеются!

Дух Наполеона

В одном из российских городов —

может, в Курске, а может, в Волоколамске, но совершенно точно, что на улице Ленина, — жил человек, в котором жил дух Наполеона. Этот дух поселился в России давно, сразу после Святой Елены, где окончились земные дни императора. Чем-то ему еще при жизни приглянулась наша страна — может быть, тем, что в ней самые безумные идеи осуществлялись, а разумные не могли пробиться в течение веков.

После смерти человек останавливается на той точке развития, какой ему удалось достигнуть при жизни. Кто на этом свете не поумнел, на том уже не поумнеет. На том свете многие думают: надо будет в очередном земном воплощении что-нибудь подчитать, подучить, пытаются даже завязать на память узелок, но в тех местах завязать его практически не на чем.

С этими воплощениями иногда случаются пренеприятные казусы. Дух одного из столпов антисемитизма после его смерти вселился в еврея. Зачем? Чтоб иметь под рукой постоянное поле деятельности? И всю жизнь этот еврей испытывал какое-то внутреннее неудобство (о внешних неудобствах еврея не будем говорить). Что-то в нем такое происходило, а что именно, он понять не мог. Его все время тянуло изменить в паспорте национальность, рассказать в неподходящей компании еврейский анекдот, напиться и нахулиганить так, чтобы все хулиганы и алкоголики считали его своим человеком.

И вдруг все заговорили об исторической родине. К тому времени у еврея в паспорте значилась уже совсем другая национальность, и пришлось потратить немало сил и средств, чтоб вернуть свою, историческую. Наконец-то все было хорошо, можно было пожинать плоды своей национальности, однако неисторическая родина не дремала. Она решила вообще убрать в паспорте графу «национальность», чтоб не было видно, кто еврей, а кто не ев-

рей. То ли для того, чтоб никого не выпускать, то ли для того, чтобы все граждане выглядели как потенциальные евреи и могли уехать на свою историческую родину.

Тут даже дух великого антисемита не выдержал. Он стал шуметь, что, дескать, нечего нам ставить паспортные заслоны, что мы, евреи, должны жить на своей исторической родине. Зачем ему это было нужно? Может, он хотел иметь под рукой более широкое поле деятельности?

А вы посмотрите, в ком живет дух Льва Толстого. Мало того что он сопротивляется злу насилием, и даже не злу, а добру сопротивляется насилием, но он же за всю свою жизнь ни разу не раскрыл книжки. А человек, в котором обосновался дух Антона Семеновича Макаренко, в буквальном смысле лишен родительских прав. Он из тюрьмы не вылезает, в то время как дух его, великий педагог, пытается его перевоспитать и даже открыл у него внутри маленькую колонию имени Дзержинского.

Но вернемся к духу Наполеона. Долго мыкался он по российским медвежьим углам, мечтая перебраться в Москву и зажить нормальной цивилизованной жизнью. Но это были ему не прежние времена: тут хоть какое войско соберай, вокруг Москвы выставлен железный заслон прописки. Да и армию вести на Москву, для этого нужно быть Наполеоном. А он уже давно не Наполеон. У него другое имя, другая фамилия. Да и должность другая: заведующий прачечной. Только дух остался прежний. Наполеоновский дух.

Духу, конечно, спокойней в директоре прачечной. Сколько с этими победоносными войнами хлопот! Сам заведующий, правда, не стирает, но когда он собирает тех, кто стирает, и обращается к ним с привычным воззванием: «Сорок веков смотрят на вас с этих пирамид!» — простирая руку к горам грязного белья, — у кого тут не займется сердце: Наполеон, чистый Наполеон!

В не такие уж давние времена, руководя мясокомбинатом, он тоже обращался к своим людям по-наполеоновски: «Каждый солдат носит в своей сумке...» — но что именно носит, не проверял, за что его и любили подчиненные.

В прачечной коллектив тоже опытный, толковый: умеет отличить чистое белье от грязного. Но клиенты все равно недовольны, осаждают заведующего жалобами.

Слушает их заведующий, и вдруг закрывает глаза, и замрет без движения. Со стороны можно подумать, что он уснул, убаюканный критикой, а он не уснул, просто в данный момент кто-то вызвал дух Наполеона.

Живешь, как на экзамене: вопросы, вопросы. Сколько дали Ванькины, чтоб сына протащить в университет? С кем живет жена Сенькина и с кем живет сам Сенькин? И на такие вопросы должен отвечать Наполеон!

Обычно, уже ответив, он немного задерживается: а вдруг вызовут кого-нибудь из знакомых или просто великих людей. Так познакомился с Гюмером (оказывается, это сплетни, будто его не было). Хотелось встретиться с Лениным, но его никто не вызывал, поскольку на все вопросы он еще при жизни ответил (неправильно).

Жена у Наполеона была Жозефина, а теперь стала Лизавета Васильевна. Ты ждешь, Лизавета, от друга привета. Это она в песне ждала, а в жизни у нее совсем другие ожидания. Тут к привету приходится из зарплаты добавлять. Жозефина бы взяла и еще благодарила, у нее культурное французское воспитание, а этой все мало. Из зарплаты — мало. Приходится искать другие источники.

Однажды пригласили его в один дом. Там гости собрались пить чай, но из посуды осталось одно блюдечко. Что делать с одним блюдечком? Гость Толик предлагает: давайте духов вызывать. А вокруг все материалисты, атеисты, марксисты. Каких духов, говорят, ты что, офонарел, все духи давно перемерли.

А дух Наполеона тем временем не дремал. Это он с женой дремал, но в данный момент находился совсем с другой женщиной. Замечательная женщина, не Лизавете чета. И даже, если напрямую сказать, не Жозефине. Он с ней на улице познакомился. Посмотрел — что за женщина! Не женщина, а воплощение наполеоновской стратегии боя: лучшие части выдвинуты вперед, но и тылы укреплены основательно. А фланги, какие фланги! Против таких флангов ни один противник не устоит.

Взыграл в заведующем наполеоновский дух, подошел он к женщине. «Может, вам, — говорит, — чего-нибудь постирать? Потому что я — заведующий прачечной».

Женщине сначала не понравилось, что к ней прямо посреди улицы подходит незнакомый мужчина, но тема

разговора ее заинтересовала. Действительно, думает, почему бы не постирать? Дома горы белья, накопилось за два месяца. Тем более муж пошел на повышение, теперь ему чаще понадобятся чистые рубашки.

Заиграла женщина глазами, выражая желание постирать, а заведующий говорит: «Приходите ко мне, я вам лично все устрою».

В назначенный день сам помылся, сменил белье. Оделся во все чистое — как в гроб ложиться. Подобрал стишок, подходящий к случаю: «Я помню чудное мгновение» неизвестного автора. Стишок он у дочки из тетрадки списал, автор там не был обозначен.

Клиентка заявила с супругом, который притаранил два чемодана белья. При виде супруга дух Наполеона вначале увял, но супруг едва отцепился от чемоданов, только его и видели.

Между тем Толик ведет непринужденный разговор с Жанной д'Арк. Интересуется, какие ей больше нравятся мужчины — блондины или брюнеты. Жанна смущается: ей ведь только исполнилось девятнадцать. После смерти, конечно, больше набежало, но душа сохранила возраст прижизненный.

«Мне, — говорит Жанна, — нравится Франция, моя отчизна».

Такой ответ еще больше распалил Толика, ему эти разговоры про отчизну во где сидят. Стал он флиртовать с девушкой, задавать все более рискованные вопросы, чем окончательно ее смутил, и она надолго замолчала, как замолчала в тот памятный день 30 мая 1431 года.

Толик, однако, не унимался: крутит блюдечко, вызывая девушку на разговор. Хозяйка говорит: «Перестань к девушке приставать, блюдечко разобьешь, а сейчас у нас посуды вообще не купишь».

Тут вокруг стали собираться духи разные, хотя их никто не вызывал. Жизнь у них монотонная, однообразная, только и прислушиваются, не запахнет ли где скандалом.

Пришел дух Клима Ворошилова, знаменитого полководца. Он пока еще ни в кого не вселился, все выбирал. Ему по его высокому положению не так просто было найти человека. Были здесь и другие духи, которые в ожида-

нии назначения слонялись в загробных мирах, пребывая, так сказать, на заслуженном отдыхе.

Дух Ильи Семеновича Рыженбаха, учителя иностранного языка провинциальной неполной средней школы, слонялся по тому свету со своим неизменным вопросом: «Меня не вызывали?»

«Я вас не вызывал», — отрубил ему Климент Ефремович.

Илья Семенович проследовал дальше. Никто его не вызывал. У него было много учеников, среди них были люди достаточно выдающиеся — не только в районном и городском, но даже в областном и республиканском масштабе, были среди них орденосносцы, кандидаты различных наук, но ни разу никому не пришло в голову вызвать дух Ильи Семеновича Рыженбаха.

А учительницы? Он был единственный мужчина в неполной средней школе, и когда он призывал свой класс к порядку, порядок воцарялся во всей школе, включая соседнее профессионально-техническое училище. На переменах учительницы, как пчелки, роились вокруг него, наперебой предлагая свой мед, а теперь хоть бы одна о нем вспомнила.

Никто не вызывает Илью Семеновича Рыженбаха. А он все ждет, все надеется и спрашивает у каждого встречного: «Меня не вызывали?»

Познакомившись с духом Наполеона, Илья Семенович призадумался: «Наполеон... Наполеон... Где-то я слышал эту фамилию. Ну-ка припомните: вы у меня не учились?»

Дух Наполеона отверг это предположение и при этом заметил, что Наполеон — это вовсе не фамилия, что фамилия его Бонапарт ...

«Бонапарт? — насторожился дух учителя Рыженбаха. — Где-то я слышал и эту фамилию. Но вы точно помните, что у меня не учились?»

Чего только не услышишь на этом свете. Теперь уже, правда, не на этом, но все равно... Кто-то у кого-то учился, кто-то с кем-то встречался, но теперь это уже все равно... Дух Наполеона подробно излагал историю Франции, а тем временем Илья Семенович Рыженбах рассказывал о специфике преподавания иностранного языка в провинциальной неполной средней школе.

«Но вы совершенно уверены, что у меня не учились?»

Нет, не учился у него Наполеон Бонапарт.

Между тем заведующий прачечной усадил клиентку на диван, выставил на столик конфеты, которые прятал на работе от семьи, и вообще повел себя так, будто не она у него клиентка, а он у нее клиент. Бумажку со стишками достал. «Я, — говорит, — помню чудное мгновенье».

На такие слова клиентка ближе к конфетам придвинулась. Надо было, думает, еще два чемодана припереть, тут уже точно, что будет постирано.

В ответ на расположение клиентки заведующий решил еще одну строчку прочитать и даже вставить между строчками какое-нибудь действие, но в этот самый кульминационный момент слышит — его вызывают. Какой-то ненормальный Толик, который в своем доме, может, всю посуду перебил, на чужом единственном блюдечке гнусит: «Вызывается дух Наполеона».

Тут уже никуда не денешься — такая работа. Смотрит клиентка: заведующий вроде как уснул. Какой позор: во-первых, на работе, а главное — рядом с женщиной. Еще чего доброго проснется, станет рассказывать, как он с ней спал. А спал, между прочим, он один, она и глаз не сомкнула.

Сидит клиентка в полной растерянности, смотрит, как он с ней спит, а белье между тем грязнеет в ожидании стирки. Но клиентке все же интересно, что там дальше в стишке написано. Заглянула в бумажку, а там — прямо про ее визит к заведующему: «Передо мной явилась ты...» И стало ей так приятно, и она уже не сердилась на заведующего: это ж надо — такие стишки специально к ее приходу сочинил!

А дух Наполеона, прибыв по вызову, еле пробился сквозь толпу любопытных духов. Ворошилов никак не хотел дорогу уступать, считая, что он более великий полководец. Дважды Герой Советского Союза, это вам не Наполеон.

Крутит Толик блюдечко, как пьяный шофер баранку, пока дух Наполеона пререкается с духом Ворошилова. Жанна д'Арк смущается, слыша незнакомые мужские слова, но уходить не уходит. Любознательная девушка. Наконец дух Наполеона пробился к Толику, и пошел у них разговор. Про политику, про всякие житейские дела.

Будут ли старые деньги на новые менять. Наполеон понятия не имеет, но отвечает утвердительно. «А в какой пропорции?» — не унимается Толик. На всякий случай дух брякает: два луидора за один наполеондор. «Это он по-своему, — объясняет Толик гостям. — Будут менять двадцать восемь рублей за доллар».

«Спроси, не повысят ли цены на мясо», — подсказывает хозяйка.

«И на водку», — добавляет хозяин.

Дух Наполеона и тут проявляет эрудицию: на мясо повысят, на водку оставят без изменения, поскольку ее уже больше некуда повышать.

Разговор о водке слегка опьянил дух Наполеона, и он, ответив на все наблевшие вопросы, пошел знакомиться с Жанной д'Арк. Поговорили о любимой Франции, о том, что теперь уже нет былого патриотизма, и на этой почве дух Наполеона пошел Жанну провожать. Ему нравилось, что она моложе его на тридцать пять лет, хотя фактически она была старше на триста пятьдесят с гаком.

У вечности свои законы. Когда человек приходит в вечность, он приносит из жизни свой возраст, который остается неизменным уже навсегда. Если ты умер в семнадцать лет, быть тебе в вечности вечным юношей, а если в семьдесят — вечным стариком. Мы удивляемся: почему у нас одни люди с детства старики, а другие — до старости младенцы. А все от того зависит, чей дух в них вселился — младенца или старика.

Два великих духа шли по вечности, разговаривая о разных вещах и задавая друг другу вопросы, которые никому из живых не пришли бы в голову. Дух Наполеона рассказывал, какая у него была спокойная жизнь, когда он был императором Франции. Сходил на одну, на другую войну — и отсыпайся. А тут не отоспишься: у всех столько вопросов, и кто-то же должен на них отвечать. Причем вызывают одних и тех же, ничтожный процент. А остальные преспокойно себе отсыпаются. Знать бы при жизни, как придется эту славу отрабатывать, мы бы старались прожить потише... И покороче — добавил дух, покосившись на свою юную спутницу.

У Жанны на этот счет было другое мнение. Хуже всего, когда тебя забывают. Потому что забвение — это и

есть настоящая смерть. А пока ты нужен, пока ты по свету мотаешься — пусть даже не по этому, а по другому свету, — до тех пор ты живешь.

Какие у нее молодые мысли! — восхитился дух Наполеона. — А ведь этим мыслям лет пятьсот... — как истинный француз, он слегка убавил возраст женщины. — Это все оттого, что ее сожгли в девятнадцать лет, — позабывал он. Но тут же спохватился: сожгли б его в девятнадцать лет, он бы навеки остался капралом.

Тут им навстречу выплыл дух Ильи Семеновича Рыженбаха и осведомился, не вызывали ли его. Затем он поинтересовался, не училась ли у него Жанна д'Арк и не он ли ставил ей произношение.

Произношение у Жанны было действительно отличное: иностранное, но совсем как родное.

Девушка не все поняла в его разговоре и на всякий случай сказала, что полюбить она может только Францию.

«Так должна отвечать каждая порядочная девушка», — подумал дух Наполеона, и впервые его мысли совпали с мыслями школьного учителя.

«Конечно, вы у меня учились», — сказал Илья Семенович Рыженбах.

Когда заведующий открыл глаза, клиентка сидела за его столом и переписывала стихотворение. Она так старалась, что даже высунула язычок, и он подумал: какой у нее красивый язычок. Не плоский, как подошва, не корявый и пористый, как асфальт, а остренький, аккуратненький. Он словно соревновался с пером, показывая ему, как надо писать: вот так и вот так, а потом вот так...

Она заметила, что заведующий проснулся, но сделала вид, что не замечает, что она даже не заметила, как он уснул, и она спросила, будто он и не засыпал, будто они все время сидели и разговаривали: «Как это у вас хорошо написано! Мне даже неловко... такие стихи... Мне еще никто не писал такие стихи... А гений чистой красоты — это тоже про меня? Или это про вашу прачечную?»

Передача мыслей на расстояние и обратно

Много было сказано и написано

о феномене Сен-Жермена, Мессинга и Кашпиrowsкого, но значительно меньше известен Александр Иванович П. А между тем именно он обнаружил фантастическую способность принимать правильные государственные решения на большом расстоянии от государственного руководства. Это тем более поразительно, что на протяжении новейшей нашей истории государственные решения принимались исключительно ошибочные, а некоторые могли быть отнесены даже к разряду преступных.

Между тем Александр Иванович говорил, он предупреждал. Но простому человеку, который принимает важные правительственные решения, без передачи мыслей на расстояние не обойтись: ни в одно правительственное учреждение ему не пробиться, письма его туда не доходят, номера телефонов засекречены. Что же остается? Передача мыслей на расстояние.

К сожалению, этой способностью Александр Иванович П. не владел. Принять решение — это да, но чтоб его передать, тут нужны совсем другие свойства личности.

По случайному совпадению, Степкин из того же двора передавал мысли на расстояние. В собственной его голове никаких значительных мыслей не рождалось, но передать чужие мысли на расстояние — это он пожалуйста, сколько угодно.

Вот ему-то и стал рассказывать Александр Иванович П. как и что. Что нужно делать правительству в данный момент, как развивать свою политику на дальнейших этапах. Степкин все внимательно выслушивал, кое-что записывал и говорил в заключение: «Непременно передам!»

Возможно, он не очень точно передавал, но правительство совершенно не следовало советам Александра Ивановича. Оно принимало такие глупые решения, что Александру Ивановичу было просто неловко. А вдруг

кто-то подумает, что это Александр Иванович им такое посоветовал? Ведь Степкин может кому-то сказать, что передает мысли Александра Ивановича, а то, что их извратили до неузнаваемости, потом уже никому не докажешь.

Самое невероятное, что две такие выдающиеся, можно даже сказать — феноменальные способности соединились в одном дворе. Вообще-то наши люди обладают самыми разными способностями, кроме единственной — покупательной способности, которая у нас только в последнее время стала престижной, оставаясь, впрочем, на прежнем уровне.

По этому поводу Александр Иванович передал в правительство такое решение: нужно дать возможность каждому человеку заработать на себя. Но в правительстве поняли неправильно и стали давать возможность заработать не всем, а только некоторым, причем не просто так, а за солидную взятку. Александр Иванович возмущался, призывал Степкина в свидетели, что о взятках он ему ничего не передавал.

«Сумародок!» — восхищался Степкин, ни на что не намекая, а просто не справляясь с произношением. Как известно, справиться с произношением — почти непосильная задача не только для широких народных, но и для узких правительственных масс. При этом Степкин что-то записывал в свой блокнот, переходя от неправильного произношения к неправильному написанию.

Александр Иванович между тем говорил: «Приход социализма на смену капитализму был разрушителен для экономики. Приход капитализма на смену социализму разрушителен для экономики. Можно ли два раза разрушить, ни разу не построив?»

«Сумародок!» — восклицал Степкин и опять записывал.

Были у этих двух феноменальных людей и свои маленькие слабости. Степкин, например, был влюблен в тетю Женю по имени Катерина Ивановна. Тетей Женей Катерину Ивановну называли за выдающиеся свойства ее фигуры, и Степкин любил в ней именно ту часть, которая называлась Женя, а к остальной Катерине Ивановне относился несколько настороженно. Особенно его настораживало то, что Катерина Ивановна ходит к

Александру Ивановичу — и это при живом муже Хренопуло, алкоголике и мечтателе, которого трезвым можно было застать либо в раннем детстве, либо уже в могиле, куда вряд ли кто-то захотел бы за ним последовать. Не было у Хренопуло на этом свете столь верных и любящих людей.

Поэтому Хренопуло Степкина не смущал, его смущал Александр Иванович П., к которому тетя Женья (Катерина Ивановна) ходила на квартиру. Он ведь не знал, что она ходит в самом хорошем смысле, хотя и тот смысл, о котором думал Степкин, тоже не плохой и довольно-таки в нашей жизни распространенный.

И пока тетя Женья находилась у Александра Ивановича П., Степкин шел к ее мужу Хренопуло, который по обыкновению был после получки и тихо и отрешенно мечтал во дворе, принимая каждого подходящего к нему за представителя внеземной цивилизации. А когда тетя Женья выходила от Александра Ивановича, Степкин направлялся к нему и ревниво осматривал поле своего поражения, но ничего компрометирующего обнаружить не мог, поскольку Александр Иванович успевал все привести в порядок и встречал Степкина с неизменно умным лицом и словами, обращенными к политике нашего государства. Степкин слушал о политике и обещал это все передать, непременно передать и даже кое-что записывал для памяти.

Устав от разговоров о политике, Степкин возвращался к Хренопуло, надеясь выяснить некоторые обстоятельства касательно его жены, но Хренопуло не помнил своей жены и воспринимал ее как планету Женю на орбите звезды Катерины Ивановны, а Степкина как пришельца с этой Жени, который прилетел за Хренопуло, чтоб забрать его туда для дальнейшего прохождения жизни.

«Ни в коем случае, — говорил Хренопуло и кивал головой. Собственно, он качал головой, но по ошибке не в ту сторону. — Я ни в коем случае никуда не поеду. Потому что я, во-первых, люблю Родину, а во-вторых, меня не пустят. Ни в какую цивилизацию. Потому что у меня такая анкета. Ты никогда не видел мою анкету? Обязательно посмотри, это что-то особенное!»

Конечно, Степкин видел его анкету. Он вообще многое в жизни повидал.

Жизнь у Степкина была сплошной детектив, но кое в чем отличалась от детектива. Там, в детективе, главное лицо — человек, который ищет преступника, а в жизни элемент риска отсутствовал, все преступники сидели по своим квартирам и тихо ждали, когда за ними придут. Поэтому в жизни главным лицом становился не сыщик, а следователь. Без него преступник прожил бы жизнь, да так бы и не узнал, что он преступник.

Степкин, однако, следователем не стал, но из него получился секретный сотрудник. Он следовал за объектом и передавал его мысли на расстояние, так что в определенном смысле он все же стал следователем.

В его записной книжке в качестве эпиграфа были написаны такие слова: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная. А.С. Пушкин». С одобрения Пушкина он и занимался своей деятельностью, которой оценка великого поэта сообщала и поэзию, и высокое благородство.

Фамилия Степкин была не его, а жены. В своей жизни, чтоб замести следы, он постоянно переходил на чью-то фамилию. Он и женился не по любви, а для конспирации, а рассекретившись, разводился.

Громких фамилий он избегал. Чем громче фамилия, тем ее лучше слышно. Когда-то его увлекла женщина по фамилии Лермонтова, и только из-за ее фамилии он на ней не женился. Он опасался стать Лермонтовым, Лермонтовы долго не живут. Вместо Лермонтовой он тогда женился на обыкновенной женщине Ивановой — не Татьяне Ивановой, не Наталье Ивановой, а просто на Ивановой. Была такая женщина.

Три года он прожил под незаметной фамилией Иванов. А потом внезапно прогремел Иванов — не то писатель, не то государственный деятель, — и пришлось Степкину разводиться с женой, чтоб не греметь такой громкой фамилией.

Для него не было отдыха, не было свободных от работы минут. Однажды он разговаривал по междугородному телефону с женой, и вдруг, как это бывает, в его разговор вклинился другой, весьма подозрительный по содержа-

нию. При этом назывались такие нетелефонные имена и должности, что он уже не слушал, что там кричала жена, а мучительно соображал, кто такие эти вклинившиеся в разговор абоненты, из каких они городов, из каких учреждений и как бы их подольше задержать на линии. Жена уже давно повесила трубку, а он все кричал из кабины телефонистке: «Дайте еще пять минут!» — хотя и не знал, что будет делать с этими разговорами, каким образом они могут ему пригодиться.

Больше всего он любил очереди, потому что в очередях люди бывают особенно откровенны. А кроме того, там непременно что-то дают. Если из соображений конспирации нельзя стать в ту же очередь, можно стать в другую: у нас хватает очередей. Они, допустим, стоят за водкой, а ты займи за колготками и отсюда, от колготок, слушай, о чем там, за водкой, идет разговор.

Разговоров было много. Особенно о нашей отечественной промышленности и не менее отечественной торговле. О том, что кому-то привозят колготки непосредственно домой, минуя все магазины, прямо из Франции. Или из Италии. Или из других государств. Но тут колготки кончались, и Степкин оказывался перед диаграммой в виде чулка: «Рост чулочного производства по сравнению с 913 годом» (началом княжения великого князя Игоря). Приходилось становиться за какими-нибудь билетами — то ли на выезд, то ли на въезд, то ли просто на сидение где-нибудь, допустим, в театре.

Он жил среди людей, которые были, как кусты в ночном парке под колеблющимся фонарем: то одна веточка высветится, то другая. И не узнать, что у них там, в тени: какие мысли, какие настроения. Вся их открытость от верхнего света: как фонарь повернется, какой бросит луч. Люди — только блики в глубине ночи, как волны под луной: поднимется большая волна, а высветится маленьким бликом. Маленькая же может высветиться большим. И не поймешь в темноте, какая там из них больше.

Это — в темноте. А на свету Степкин жил во дворе, как остальные соседи: как Александр Иванович П., как тетя Женя и ее муж, алкоголик и мечтатель Хренопуло. Всякий раз, расставшись с очередной женой, он возвращался в

этот дом — к своему детству, к своей юности и к своей любви, которую осуществить не мог, и не только потому, что в этом случае ему пришлось бы стать Хренопуло, а становиться Хренопуло не хотелось,— но он не мог позволить себе открытой жизни при столь закрытой профессии. Он мечтал о конспиративной квартире, в которой можно жить с конспиративной женой, воспитывать конспиративных детей... Но тетю Женю слишком хорошо знали в городе, потому что она работала в гастрономе.

Вот и все, что можно узнать о Степкине. Маленькой его слабостью была его большая любовь, а в остальном это был феноменальный человек, передавший на расстояние больше мыслей, чем передал Сократ всем своим ученикам, хотя передавал их в одно-единственное учреждение.

А какая слабость была у Александра Ивановича П.? У этого поистине государственного ума, способного принимать поистине государственные решения, была слабость, о которой можно догадаться, если намекнуть, что была она связана с любовью к прекрасному в сочетании с любовью к хорошим деньгам.

Нет, он не спекулировал картинами и не пел в эстрадном ансамбле, он не поставлял девочек в зарубежные дома благородных девиц.

Александр Иванович шил лифчики, отдавая дань красоте и принимая дань за работу.

Это была его вторая, древнейшая профессия, потому что занимался он ею с юных лет, и первой своей профессией он стал заниматься намного позже.

В первой, основной, профессии Александра Ивановича не было ничего интересного ни с точки зрения эстетической, ни с точки зрения материальной, поэтому и говорить о ней ни к чему. А вот вторая, древнейшая, была его вечной слабостью и вечной любовью.

Многие считают, что эта работа не для мужчин, но Александр Иванович отдавался ей с увлечением. Он умел так снять мерку, что создавалось впечатление, будто это вовсе и не работа, а нечто более возвышенное, окрыляющее, хотя крыльям положено расти с другой стороны.

Все это началось давно, еще в молодости, когда Александр Иванович ухаживал за своей невестой. Он прихо-

дил к невесте, и она засаживала его шить лифчики. Сначала он не умел, да и мысли были совсем не об этом, но она ему объяснила, показала, работа оказалась довольно простой. На первых порах он пришивал пуговицы, потом еще что-то пришивал, и лишь тогда, когда научился пришивать, невеста ему доверилась.

Так они сидели все вечера и шили лифчики. «Может, на диване посидим?» — предлагал Александр Иванович, опасаясь, что его неправильно поймут, но и не желая, чтоб его поняли правильно. «Посидим! — отзывалась его любимая. — Нам это сидение не меньше пяти рублей обойдется!»

Время было действительно прямо золотое. Час — два рубля. Сидеть в кино — и то дешевле. И постепенно Александр Иванович научился временем дорожить и уже сам подгонял невесту, когда она пыталась расслабиться в обществе жениха.

Невеста жила далеко: сорок минут езды с двумя пересадками. Чтобы сэкономить время, Александр Иванович решил работать дома.

Были трудности с клиентурой. Первая женщина, которую он привел, чтобы снять с нее мерку, поначалу согласилась довольно охотно, но, увидев, что он действительно лезет мерку снимать, устроила скандал и ушла, хлопнув дверью. Он тогда не знал, что нельзя снимать мерку с первой попавшейся женщины, случайные знакомства тут ни к чему хорошему не ведут.

Вторую клиентку Александр Иванович решил сначала поближе узнать. Познакомились на базаре, стояли в очереди за грушами. Женщина была изрядной комплекции, из тех, что нуждаются в индивидуальной работе. Когда он предложил снять с нее мерку, она засмеялась и согласия не дала. Сказала, что они для этого мало знакомы. Лишь на третий день она решила, что они знакомы достаточно, но когда он, приведя ее домой, полез к ней с сантиметром, она закричала и стала звать на помощь соседей.

Постепенно, однако, все наладилось. Клиентки сами стали к нему ходить и даже приводили других клиенток. Все они знали, зачем идут, и Александр Иванович оправдывал их ожидания.

Между тем невеста писала ему письма, просила зайти, соблазняла какими-то особыми пуговицами. Но он уже раздумал жениться. Зачем ему было жениться? Бесплатно шить лифчики?

Чтобы не вляпаться в такие дела, он стал подбирать клиенток с нестандартными возрастом и фигурой. Этим было все равно: примерять так примерять, лифчики так лифчики. Невеста не выдержала конкурентной борьбы, стала шить подворотнички, вышла замуж за военного и укатила с ним на Восток. Не на Ближний Восток, как это теперь вошло в моду, а на Дальний, который был в то время ближе Ближнего.

Здесь же, вдали от Востока, все больше ощущалось влияние Запада, где женщины прекрасно обходились без лифчиков (поэтому у них от лифчиков ломились магазины, а у нас все лифчики были на женщинах, поэтому в магазинах их было не найти). В условиях острого дефицита предметов первой необходимости наша отечественная мораль все внимательней присматривалась к западной нравственности. По телевизору показывали, как должна выглядеть женщина, если она хочет обходиться без лифчика, а также других предметов нашего дефицита. В кино о лифчиках вообще не вспоминали — разве что в фильмах из времен Ивана Грозного, а также победоносных сталинских пятилеток. Клиентура Александра Ивановича старилась у него на глазах, и работа приносила ему все меньше удовлетворения. Впечатление было такое, что он изготовляет емкости либо для жидкостей, либо для совершенно сухих предметов, и в его профессии оставалось все меньше от высокого и трепетного искусства.

А тут еще одинокие клиентки, у которых настолько окаменели мечты, что о них разбивались последние их надежды, стали как-то по-другому смотреть на Александра Ивановича. Увидев, что одинокий мужчина так хорошо шьет, они решили, что он выполняет и другую домашнюю работу, и в целях установления более близкого знакомства тормозили рабочий процесс, просили снять мерку и там, и тут, и в таких местах, которые не имели никакого отношения к лифчику.

Александр Иванович удвоил, затем утроил тариф, но не отпугнул самых пылких и самых одиноких. Повыше-

ние цен только подстегнуло их мечты: им нравились мужчины, которые хорошо зарабатывают.

И все чаще Александру Ивановичу вспоминалось то время, когда он все это только начинал. Наверное, он не так начинал. Наверно, нужно было сесть с невестой на диван и потерять эти пять рублей, черт с ними, с пятью рублями. Тогда бы у него все сложилось не так, он имел бы свою личную жизнь и не должен был бы соваться в чужую, общественную. Он бы имел любовь вместо лифчиков, а сейчас у него сплошные лифчики вместо любви.

«Слышь, Степкин, — говорил в такой момент Александр Иванович, — а может, мы с тобой прожили жизнь не так?»

И Степкин отвечал: «Может, и не так. Но так или не так, надо за нее, прожитую, держаться».

Но однажды события, которые столько лет топтались и пылились во дворе, сорвались со своих мест и помчались с бешеной скоростью. И алкоголик Хренопуло вдруг проснулся, совершенно трезвый перешел через дорогу и замер у административного здания с плакатом: «Свободу Отечеству!» Тут же набежали его соотечественники, у которых было много свободного времени, а им хотелось еще каких-то свобод (впоследствии они получили свободные цены).

Пролетарии, которым нечего было терять, поскольку все, что можно было потерять, они пропили, требовали призвать к ответу руководителей Учреждения. Руководители сначала затаились, потом долго не отзывались, а потом вышли тихонько через черный ход и присоединились к толпе, требуя призвать к ответу уже неизвестно кого. Чтобы как-то разрешить эту проблему, кто-то высказал требование призвать к ответу еврейский вопрос, но можно ли призывать к ответу вопрос, или вопрос можно призвать лишь к вопросу?

Александр Иванович имел несколько мыслей на этот счет, но ему не удавалось передать их на расстояние, а близко подходить к толпе он боялся.

Правда, был изобретен другой способ передачи мыслей на расстояние — с самого низа на самый верх, с трансляцией их оттуда на всю страну по телевизору. Степкин буквально не отходил от микрофона. Все те мысли, которые он прежде изымал из низов, он теперь

провозглашал сверху в микрофон, и не последнее место среди них занимали мысли Александра Ивановича.

Александр Иванович сидел перед телевизором и слушал свои самые сокровенные мысли. Это были старые мысли, сейчас он думал уже не так. Он, например, не одобрял, что покупательная способность, которая прежде у нас отставала от других способностей, теперь становится самой престижной, хотя тоже пока еще отстает.

Иногда к нему заглядывал Степкин, но уже не с той целью, с какой заглядывал в прежние времена. Степкин хотел узнать, как реагируют избиратели, которых он прежде держал под колпаком, на наши сегодняшние парламентские достижения. Для этого Степкин слегка приподнимал колпачок и заглядывал к Александру Ивановичу.

Степкин рассказывал о приватизации конспиративных квартир: теперь они передаются конспираторам в личное пользование. Он, Степкин, давно пытался это сделать и за это пострадал, не зря его выбрали в народные депутаты.

Они сидели, вспоминали прежние времена, в которых Александру Ивановичу больше всего запомнились лифчики, помогавшие держать в секрете то, что сегодня выставляется на всеобщее обозрение. Народный депутат с ним соглашался: не все нужно выставлять на всеобщее обозрение, многое народ может не понять.

Степкин уходил и вскоре появлялся на экране телевизора. Александр Иванович сидел и слушал собственные мысли. Они дошли до него, наконец-то дошли: поднялись на самый верх и спустились к нему, словно никогда от него не уходили.

Показания, данные писателями
Гомером, Шекспиром и Львом Толстым
в отделении милиции
города Ивано-Петровска
по делу о сожжении
газетно-журнального ларька*

Шекспир Василий Иванович, Показание Шекспира

будучи доставлен в отделение милиции для дачи показаний, сообщил следующее.

12 июля текущего года он, Шекспир, вместе с двумя своими товарищами — Гомером Иваном Михайловичем и Львом Толстым Степаном Николаевичем — зашли в закусочную «Ветерок» на предмет препровождения времени. Здесь он, Шекспир, заказал пол-литра с огурцом, Лев Толстой заказал пол-литра с огурцом, а Гомер ничего не заказал, ссылаясь на то, что ему сегодня еще предстоит работать над бессмертной поэмой «Одиссея». Но когда принесли заказ, Гомер пил, как троянский конь, и чуть ли не один прикончил всю выпивку, а заодно и закуску. Воспользовавшись отлучкой Гомера по мелкой надобности, Лев Толстой Степан Николаевич и Шекспир Василий Иванович разработали план, как высадить Гомера из денег.

Когда Гомер Иван Михайлович вернулся по отбытии мелкой надобности, Шекспир якобы неожиданно вспомнил, что в журнале «Отечественные записки» лежит разгромная рецензия на поэму Гомера «Илиада», написанная их общим товарищем по перу Данте Алигьери Петром Семеновичем. После этого сообщения Гомер сразу протрезвел и мог опять сойти за непьющего человека.

* По понятным причинам подлинные фамилии живых писателей заменены фамилиями умерших, но не менее известных читателю. Названия литературных произведений и журналов также изменены.

Оказывается, у них с Данте приятельские отношения и последний даже высказывался в том смысле, что «Илиада» — лучшее его произведение, если не считать «Одиссею», которую Данте знает пока лишь в отрывках, но которая в отрывках еще лучше, чем «Илиада» целиком, потому что она быстрее читается. И еще Данте говорил, что, если Гомер, кроме «Илиады» и «Одиссеи», больше вообще ничего не напишет, имя его все равно в литературе останется.

В своих показаниях Шекспир вынужден был признать, что Гомер был очень расстроен таким вероломством со стороны приятеля и даже заказал пол-литра с огурцом. Когда выпили и закусили, Шекспир как бы между прочим обронил, что на месте Гомера он бы не смолчал, тем более что по «Божественной комедии» Данте давно плачет отрицательная рецензия. Шекспир сказал это просто так, для затравки, поскольку «Божественную комедию» он, естественно, не читал. «Илиаду» он тоже не читал. На заданный ему вопрос, что же он в таком случае читал, Шекспир назвал три произведения: «Гамлет», «Король Лир» и «Ромео и Джульетта».

Упоминание о «Божественной комедии» до того разозлило Гомера, что он заказал еще пол-литра с огурцом, наскоро выпил и ушел, сославшись на то, что ему еще нужно сегодня работать над «Одиссеей». Но Шекспиру показалось, что он шел работать не над «Одиссеей», а над рецензией на поэму Данте Алигьери «Божественная комедия».

Показание Гомера

Гомер Иван Михайлович, доставленный в отделение милиции для дачи показаний по делу о сожжении газетно-журнального ларька, на заданный вопрос: над чем он работал в тот вечер, вернувшись из закуской «Ветерок», — откровенно признался, что работал не над «Одиссеей», а над рецензией. Не то чтобы он читал «Божественную комедию», он ее скорее не читал, чем читал, а рецензию стал писать не от прочтения, а от обиды.

При этом Гомер начал приставать к работникам милиции с компрометирующим правоохранные орга-

ны вопросом: а читали ли они сами «Божественную комедию»? На это ему было указано, что здесь не он задает вопросы, и Гомер мог лишь добавить, что еще не встречал человека, который прочитал бы «Божественную комедию» от начала и до конца.

Только теперь Гомеру стало ясно откровенное восклицание Данте: «Умри, Гомер, лучше не напишешь!» То есть лучше умри и не пиши. Разве такое говорится между друзьями?

Далее в своих показаниях Гомер Иван Михайлович сообщил, что как раз в то время, когда он работал над рецензией, к нему зашел Лев Толстой Степан Николаевич и сказал, что рецензию из «Отечественных записок» можно забрать, используя толстовские личные связи. Придется только Гомеру съездить в редакцию и повести сотрудников в ресторан.

Предложение было соблазнительное, но требовало больших затрат. Дорога туда и обратно, гостиница, да еще сколько выложишь в ресторане. Может, ограничиться корчагой вина? Привезти и распить прямо в редакции.

Пока что Гомер решил закончить рецензию — уж очень она складно получалась. Это даже хорошо, что он не читал «Божественную комедию»: когда пишешь о том, чего не читал, не так привязан к тексту и можно говорить по большому счету, не мелочась.

В общем, рецензия получилась. Отправив ее в журнал «Сын Отечества», который имел давние счеты с «Отечественными записками», Гомер стал готовиться в дорогу. Он раздобыл корчагу вина, жена наготовила целый чемодан всякой снеди, и Гомер двинулся в столицу — выручать из беды свое бессмертное произведение.

Показание Льва Толстого

Лев Толстой Степан Николаевич, доставленный в отделение милиции для дачи показаний о сожжении газетно-журнального ларька, подтвердил, что действительно советовал Гомеру забрать из редакции рецензию и подсказал, как это можно сделать. Но везти с собой

корчагу — такого Лев Толстой не мог посоветовать. Он сам, когда пробивал издание романа «Война и мир», привез в издательство Брокгауза и Ефрона корчагу вина и оставил ее за дверью — не вваливаться же с корчагой к незнакомым издателям. А когда познакомились и Брокгауз с Ефроном согласились выпить по маленькой, за дверью корчаги не оказалось. Хотя на вид — вполне культурное учреждение.

Работники милиции посмеялись над незадачливым коррупционером и предложили держаться поближе к предмету дознания. Но Лев Толстой еще припомнил, как ездил в Министерство культуры пробивать пьесу «Власть тьмы». Там он тоже оставил корчагу за дверью, и ее тоже увели. Это в Министерстве культуры! Как же он после этого может советовать возить корчаги товарищам по перу?

На вопрос, откуда им с Шекспиром было известно, что в редакции «Отечественных записок» лежит рецензия Данте Алигьери, Толстой объяснил, что там никакой рецензии не было. Это уже потом, после того, как они разыграли Гомера, Толстой попросил Данте написать рецензию. А то получилось бы неудобно: Гомер приезжает за рецензией, а никакой рецензии фактически нет. Гомер мог подумать, что Толстой с Шекспиром его обманули. В милиции спросили: а почему, когда в Толстом заговорил о его знаменитая толстовская совесть, он не признался Гомеру, что они его разыграли с рецензией? Тогда не пришлось бы Гомеру ездить в столицу, а Данте писать рецензию. Но Толстой сказал, что тогда бы тоже получилось, что они с Шекспиром Гомера обманывали. А этого Толстому не хотелось: он был слишком большой правдолюб.

По признанию Толстого, Данте не сразу согласился писать рецензию, поскольку рецензии — это не его жанр. Написать поэму на четырнадцать тысяч строк — это его жанр, но это сейчас от него не требовалось. И все же Данте согласился. Очень уж ему хотелось напечататься в «Отечественных записках». Ему оттуда все время возвращали рукописи, даже «Божественную комедию» вернули, сославшись на то, что она написана ямбом, а у них от этих ямбов уже трещит редакционный портфель. Пред-

ложили переделать на анапест, который, в сущности, тот же ямб, только в стопе на один слог больше. Но это же надо все переписывать. А тут Лев Толстой обещал похлопотать. Пусть, говорит, для начала хоть рецензию напечатают.

Вот так и оказалась рецензия Данте в «Отечественных записках». Что, в общем, естественно: и автор солидный, и вполне солидный журнал.

Дополнительное показание Гомера

Гомер Иван Михайлович сделал дополнительное признание о том, как он ехал в столицу нашей родины, имея при себе корчагу вина и чемодан с продуктами для коррупционных действий. Компания в купе подобралась веселая, всю дорогу пили и закусывали, и Гомер сослепу не разглядел, что пьют и закусывают из его корчаги и чемодана. Он-то думал, что угощают его, а получилось, что угощает он. Совершенно посторонних людей — вот какая получилась накладка.

В общем, приехал он в редакцию пустым, и пришлось вести сотрудников в ресторан, плюс еще увязался кое-кто из авторского актива. Он, Гомер, сослепу не разглядел актив, а обнаружил лишь тогда, когда расплачивался.

Провожали его на поезд всей редакцией, и он опять не разглядел актив. Хорошо посидели, чуть не пропустили поезд на Ивано-Петровск. И только утром, уже подъезжая к Ивано-Петровску, Гомер спохватился прочитать: что же этот графоман написал в своей разгромной рецензии.

Прочитал — и ахнул: рецензия была положительная!

Нет, положительная — это не то слово. Рецензия была хвалебная, восторженная. Ведь они же были приятели — разве мог Данте что-то другое про него написать? И он, Гомер, своими руками забрал эту рецензию из журнала! Да еще, чтоб отдали, два дня поил и кормил всю редакцию и авторский актив!

Давая эти показания, Гомер плакал, как малый ребенок, прямо в отделении милиции. Потому что Данте Алигьери, этот истинный, великий поэт, вложил всю

свою звонкую силу поэта в рецензию, а как Гомер его отблагодарил? Лживо-пасквильной стряпней на его нетленную, поистине божественную поэму!

Нужно было что-то срочно предпринимать, как остановить эту ужасную, несправедливую клевету на великую книгу. Толстой тут ничем не мог помочь: у него не было никого в «Сыне Отечества». И не могло быть. Это был такой журнал, который нужно бросить в огонь, не читая.

Но если нельзя остановить рецензию, может, как-то остановить журнал, перехватить его на последнем этапе?.. Тогда Гомер вспомнил пожар Трои, Лев Толстой вспомнил пожар Москвы... А Шекспир... Вы же знаете Шекспира... Если он загорелся идеей, то будет гореть до тех пор, пока не сожжет, не испепелит все вокруг...

— Вы имеете в виду ларек? — спросили в милиции.

— Ларек. Газетный и журнальный ларек, — сказал Гомер, плача уже не только об одном товарище по перу, но и о другом своем великом товарище.

Теория вероятности

немеет перед невероятной практикой нашего века. Начальник уголовной полиции, хорошо известный как в полицейских, так и в уголовных кругах, задержал сам себя. Это был конец детективного жанра, за которым начинался жанр сомнительно научной фантастики.

Конец жанра, особенно такого популярного, как детектив, является настоящим потрясением для общества. Вот уже свыше ста лет общество участвует в постоянной, непрекращающейся погоне, в прыгает в окна и выпрыгивает из них, сличает следы, пепел от сигарет, пуговицы и отпечатки пальцев. И вдруг на полном скаку — стоп! Кто кого поймал, кто от кого убегает? Сыщик стоит в пустой комнате и держит за шиворот сам себя. Конец жанра! Конан Дойл, Эдгар По, хорошо, что вы не дожили до этого несчастного времени!

В течение долгих месяцев начальник полиции шел по своему следу, то себя настигая, то внезапным рывком снова уходя от себя, совершая чудеса находчивости одновременно в двух противоположных видах деятельности. Знаменитый детектив, известный во Франции под именем Жана Грейо, в Англии под именем Джона Грея, а в России под именем Ивана Григорьева, оказался вором-рецидивистом, известным во Франции под именем Большого Жака Фонтена, в Англии — под именем Большого Джека Фонтенза, а в России — под именем Жорика с Большого Фонтана.

Параллельные прямые пересеклись в точке, представляющей не бесконечно малую, а, напротив, довольно значительную величину, и даже не одну, а две величины: великого сыщика и великого рецидивиста.

Сенсация.

Впрочем, разве в уголовном и вообще в мире мало сенсаций? Мир, в том числе и уголовный, устроен так, чтобы человек, живущий в нем, не переставал удивлять-

ся. Конечно, если начальника полиции взять под стражу, он уже не будет вызывать того удивления, я бы даже сказал — восхищения, какое он вызывал тогда, когда стоял во главе полиции. Вычеркнутый из настоящего, он будет вычеркнут также из прошлого, где у него имелись некоторые заслуги. Таково удивительное свойство человеческой памяти: она способна забывать.

И не только человеческой. Если б семя не забыло, что было когда-то семенем, оно никогда бы не стало побегом. Если бы побег не забыл, что был когда-то побегом...

Я прошу прощения у тюремной администрации, что употребил неуместное в данном тексте слово «побег», но таков закон развития и маленького семени, и взрослого, уважаемого человека...

Итак, является Жак Фонтен к Жану Грейо (дело, конечно же, происходит во Франции) и говорит:

— Напрасно ты, Ваня, за мной гоняешься: я, между прочим, сижу у тебя в кабинете.

Жан Грейо от удивления теряет дар своей французской речи, но тут же обретает английскую:

— Джек! — восклицает он. — Большой Фонтенз! Что тебе нужно здесь, во французской полиции?

— Я здесь работаю, — усмехается Джек. — В этом кабинете.

Ну, тут, конечно, удивление, выяснение, кто где работает и кто где ворует. После чего Жак Фонтен говорит:

— Ваня! Совсем ты одичал у себя в полиции, оторвался от жизни. Разве ты не заметил, что у нас давно уже воруют так же систематически, как и работают? Потому что у нас стерта грань между воровством и работой.

— Джек! — воскликнул Жан Грейо, упрямо не желая переходить на французский язык, чтоб не компрометировать родимую Францию. — Я привык делить мир на честных и бесчестных людей, на полицейских и, откровенно говоря, воров. И ты меня не собьешь с этой позиции!

— Эх, Ваня, Ваня... — вздохнул Большой Жак Фонтен. — Ты все еще думаешь, что на свою полицейскую зарплату живешь, а ведь ты уже давно не живешь на зарплату. Ты одного ворапустишь, а другого выпустишь, вот на что ты, Ваня, живешь. А кафель? Ты, я

знаю, кафелем свой санузел покрыл, а ведь кафель этот не честный...

— Я купил его!

— В магазине? Вот то-то и оно. Не на Елисейских Полях ты купил его, Ваня, а в Булонском лесу, там, где у нас продают краденое.

— Так ведь санузел, — смутился начальник полиции. — С кафелем он совсем по-другому смотрится.

— Смотрите! Не смотреть туда ходишь, мог бы и обойтись.

— Мог бы, Джек.

— А шуба норковая? На твоей жене шуба норковая, откуда?

— Это подарок, Джек! Это по-честному.

— А кто подарил? Не каждой жене такую шубу подарят. Не каждого мужа жене.

— Жак! — Жан прикрыл дверь поплотней и перешел на французский: — Что же мне теперь?

— Не ссориться же нам. Мы же с тобой в одном деле, в одном теле... Либо ты меня за шиворот и к себе, либо я тебя под ручку и напротив.

Они перешли на шепот, и дальше уже было ничего не слышать. Только одно слышалось: Булонский лес. Тот самый лес, где у нас продают краденое.

Сошел на станции

Диалог на двух языках

Сквер. На скамейке сидит ЧЕЛОВЕК С ФОЛИАНТОМ. К нему подходит
ЧЕЛОВЕК С ЧЕМОДАНОМ.

ЧЕЛОВЕК С ЧЕМОДАНОМ. Не подскажете, как мне найти сапожника?

ЧЕЛОВЕК С ФОЛИАНТОМ. Сапожника?

Ч. С Ч. Сапожника. Ботинок у меня порвался, а я горюда не знаю, только что сошел с поезда.

Ч. С Ф. Сапожник у нас рядом живет. Но вам лучше сходить к парикмахеру.

Ч. С Ч. *(трогает волосы)*. Вы считаете?

Ч. С Ф. Не в том смысле. Сапожник у нас не чинит обуви. Ее чинит парикмахер.

Ч. С Ч. А сапожник?

Ч. С Ф. Лечит больных. Вместо лекаря.

Ч. С Ч. Неужели в городе нет лекаря?

Ч. С Ф. Есть, и очень хороший. Но он шьет костюмы.

Ч. С Ч. А портной?

Ч. С Ф. Разносит почту.

Ч. С Ч. А почтальон?

Ч. С Ф. Заседает в суде.

Ч. С Ч. Как странно... И давно у вас так все перепуталось?

Ч. С Ф. Кто его знает.

Ч. С Ч. Вы разве не здешний?

Ч. С Ф. Можно сказать, что здешний. А скорее — нет. У нас в городе все нездешние. Трубочист, мой приятель, он работает маляром, не раз говорил мне: «Я красил в этом городе все дома, но ни один не казался мне таким чужим, как тот, в котором я родился». *(Углубляется в фолиант.)*

Ч. С Ч. Как странно... Я ехал в поезде, и вдруг порвался ботинок. Я почти не ходил, все время лежал — и вдруг он порвался.

Ч. С Ф. Сходите к парикмахеру.

Ч. С Ч. Да, вы правы. *(Трогает волосы.)* Заодно можно будет постричься.

Ч. С Ф. Постричься у парикмахера? Ну нет! Для этого вам нужно сходить к прокурору.

Слышен свист, топот.

Ч. С Ф. *(вскакивает и, сложив ладони рупором, кричит).* Держи полицейского! *(Садится и спокойно поясняет.)* Это наш полицейский. Опять что-то украл. Он у нас в городе вместо вора.

Ч. С Ч. *(хватается за голову).* Полицейский вместо вора... Ох ты, господи, все перепуталось! Позвольте мне вашу книжечку... *(Тянет к себе фолиант, лихорадочно листает его.)* Ну вот, все стало на место. Рыбы дышат жабрами. Лошади кушают овес.

Ч. С Ф. У нас лошади не едят овес.

Ч. С Ч. Как это — не едят? Лошади кушают овес, это всем известно.

Ч. С Ф. У нас лошади не едят овес.

Ч. С Ч. Но позвольте, как же так? Если лошади не кушают овес, тогда вообще все летит вверх тормашками.

Ч. С Ф. А вы знаете, где у них верх?

Ч. С Ч. У кого?

Ч. С Ф. У этих... тормашек. Мы не знаем, поэтому нам наплевать, как это все летит — вверх или вниз тормашками.

Ч. С Ч. Вниз тормашками не бывает.

Ч. С Ф. Еще как бывает! И это-то как раз самое страшное. Одно утешительно, что никогда не знаешь, где у них верх, а где низ.

Ч. С Ч. И надо же было, чтобы в поезде порвался ботинок!

Ч. С Ф. Что ботинок! Я вот двадцать лет прожил с чужой женой.

Ч. С Ч. С чужой?

Ч. С Ф. Ну, вообще-то она моя. Считается, что моя. Но где-то у нее есть муж, с которым она не живет, потому что она с ним не встретилась.

Ч. С Ч. Какой муж? Ведь вы ее муж.

Ч. С Ф. Это потому, что я встретился с ней, а вы посчитайте, с кем я не встретился... Вот и получается: двад-

цать лет живу с чужой женой, а она — с чужим мужем. И дети у нас какие-то не свои, и семья наполовину чужая... Сапожнику проще, он человек холостой, и он ходит в семью художника. Там у него все свои: и жена художника, и дети.

Ч. С Ч. А как же художник?

Ч. С Ф. Художник ходит в семью пирожника.

Ч. С Ч. А пирожник?

Ч. С Ф. В семью чертежника.

Ч. С Ч. Но зачем это? Ведь у каждого есть своя семья!

Ч. С Ф. Если бы знать, что своя. Но тут никогда не бывает уверенности. Вот вы, к примеру, ехали в поезде. У вас была своя полка, а потом вы сошли на этой станции, потому что у вас порвался ботинок. А ведь могло быть так, что билет на эту полку дали бы совсем другому пассажиру, и тогда бы он сошел на этой станции.

Ч. С Ч. Я взял билет в предварительной кассе.

Ч. С Ф. А если тот пассажир должен был прийти раньше вас? Если он задержался — вы об этом не подумали? А что у вас в чемодане? Это ваш чемодан?

Ч. С Ч. Ну, знаете!

Ч. С Ф. А что ж тут удивительного? Ведь чемодан могли купить не вы. Возможно, его настоящий хозяин случайно не зашел в магазин или зашел, но у него случайно не оказалось денег...

Ч. С Ч. Если так рассуждать, тогда и все, что в чемодане...

Ч. С Ф. И все, что в чемодане, и все, что на вас.

Ч. С Ч. Но я купил это все на свои деньги!

Ч. С Ф. А деньги? Разве они не могли достаться кому-то другому? Ведь вы же с ними не родились!

Ч. С Ч. Ох, опять у меня что-то в голове... Разрешите? *(Нервно листает фолиант.)* Дважды два — четыре. Пятью пять — двадцать пять. Уф! Кажется, я снова соображаю.

Ч. С Ф. Пятью пять никогда не было двадцать пять. Это было бы слишком просто.

Ч. С Ч. Прошу вас, не сбивайте меня!

Ч. С Ф. Не волнуйтесь. Главное — знать, что чем заменяется, и тогда в нашем городе ориентироваться совсем просто. Например, вы хотите пойти в театр, но вместо театра у нас стадион, а вместо стадиона больница. Про-

сто, не правда ли? А вместо кондитерской фабрики у нас построили прачечную, которая за час обстирывает весь город. Но это только так говорится — обстирывает, наши люди сами любят себе постирать, поэтому даже один этот час прачечная работает вхолостую. А конфеты мы завозим из соседнего города. Ежедневно три эшелона конфет. Их у нас едят вместо семечек. Только вы не подумайте, что у нас семечек не едят, их у нас едят вместо хлеба.

Ч. С Ч. У вас нет хлеба?

Ч. С Ф. Полные закрома. Его у нас едят вместо масла. А масло вместо мяса. А мясо вместо рыбы.

Ч. С Ч. А рыбу?

Ч. С Ф. Вместо молока.

Ч. С Ч. Рыбу вместо молока — можно расстроить желудок. И разве молоко едят?

Ч. С Ф. Пьют. Вместо картошки.

Ч. С Ч. Но разве картошку пьют?

Ч. С Ф. Не задавайте глупых вопросов. Я же вам сказал, что у нас одно другим заменяется.

Ч. С Ч. Удивительно!

Ч. С Ф. Самое удивительное у нас то, что совсем не удивительно, а самое неудивительное — то, что всех удивляет. Вот я сижу здесь, читаю. Удивительно? А у нас это в порядке вещей.

Ч. С Ч. Что ж тут удивительного, если человек читает?

Ч. С Ф. Но кто читает? Я! Вам это не кажется странным?

Ч. С Ч. Нет, почему же...

Ч. С Ф. Потому что я — неграмотный.

Ч. С Ч. Неграмотный — и читаете?

Ч. С Ф. Читаю. А что делать? Меня, видите ли, записали читателем. В библиотеку. А вообще-то я не умею читать. Но, как говорится, назвался читателем... У нас один назвался писателем — уже десятитомник издал. От него у нас и наша неграмотность: люди просто перестают читать.

Ч. С Ч. Такого я не слышал. За всю мою жизнь.

Ч. С Ф. А вы уверены, что ваша жизнь — это ваша жизнь? Я, например, не уверен. Иногда мне кажется, что я проживаю не свою, а чужую жизнь. С вами так не бывает?

Ч. С Ч. Никогда.

Ч. С Ф. Когда-то я читал... Раньше, когда я еще читал... Так вот, я читал, что на других планетах тоже есть жизнь... И я подумал: может быть, как раз там моя жизнь? С вами так не бывает?

Ч. С Ч. Господь с вами!

Ч. С Ф. Значит, вы не сомневаетесь, что проживаете свою жизнь?

Ч. С Ч. Я могу вам рассказать свою биографию.

Ч. С Ф. Биографию! Спросите трубочиста — и он вам расскажет биографию маляра. А почтальон расскажет биографию судебного заседателя. И каждый назовет эту биографию своей...

Ч. С Ч. Боже мой! Парикмахер вместо сапожника. Прачечная вместо кондитерской... Разрешите? (Тянет к себе фолиант.)

Ч. С Ф. (удерживает фолиант). Нет, вы сами подумайте. Как быть, если лошади не едят овес и дважды два не дает четыре?..

Ч. С Ч. (тянет к себе фолиант). Прошу вас... только на одну минуту... У меня все в голове вниз тормашками... (Пытается восстановить прежний порядок.) Я ехал в поезде... у меня порвался ботинок... и я сводил его к парикмахеру... Может быть, я... а может быть, не я... может быть, почтальон или трубочист... (Вскакивает, кричит.) Держи полицейского!

Ч. С Ф. (встает, с чувством пожимает ему руку). Не беспокойтесь. Полицейский от нас не уйдет. У нас на каждого полицейского по три вора.

Привет из литературы

Привет из литературы

Привет из литературы

У нас на улице живет Некрасов. Не писатель, конечно. И живет у нас на лестнице Белинский — тоже не критик, а так. И вот Белинский (не наш) написал статью про Некрасова (тоже не нашего). Вообще-то он ее написал давно, только мы о ней недавно узнали.

Наш Белинский говорит:

— Неудобно хвалить, но написано здорово. Я специально, чтоб почитать, записался в библиотеку. Прочитаю — выпишусь.

— Надо и себе записаться, — говорит наш Некрасов. — Интересно, как там твой моего...

Некрасов — тот еще — выпустил сборник. Не то московский, не то ленинградский, словом, по какому-то из городов. Правда, он не весь сборник написал, были там еще, не с нашей лестницы. А Белинский (тот) возьми и грохни статью.

Наш говорит:

— Их там на сборник человек десять, а он один — про всех.

— Ну, мой-то, наверно, тоже что-нибудь еще написал. Помимо сборника.

Это наш Некрасов вступился за своего. Кто ж еще за него заступится?

— А ты думаешь, Белинский только про этот сборник написал?

У него там и про других, только я фамилий не запомнил.

И правда, всех запоминать — мозгов не напасешься. Тут хоть бы со своей лестницы.

У нас на лестнице хватает жильцов, и каждый норovit, чтоб его запомнили. Один говорит: меня запомнить легко, потому что, говорит, моя фамилия Менделеев. А чего ж, говорю, легко, фамилия довольно-таки длинная. А он: это был великий химик. Ты бы, говорю, придумал чего поинтересней. Полководец Менделеев.

Или космонавт.

Но — запомнил. Через химию эту самую. Теперь как про химию услышу, вспоминаю Менделеева и смеюсь. Каждому хочется, чтоб его фамилия прозвучала. С Некрасовым-то легко звучать — под одной фамилией. И с Белинским. Как начнут они на лестнице звучать — битый час, и все о литературе.

— Сейчас, — говорит Белинский, — уже не та критика. Нет того, чтоб про целый сборник — статью.

— А сборники? — поддает Некрасов. — Кто их теперь пишет, сборники?

Словом, разговор. Пошел и я в библиотеку.

— Дайте, — говорю, — что-нибудь под моей фамилией. Чего, думаю, не бывает. А вдруг?..

Не надеялся, честно говоря. А она — выносит. Видно, писателей у нас развелось, в какую фамилию ни ткни...

Полистал книжечку — стихи.

— А про него у вас нет? Статейки хоть маленькой?

— Две статьи Белинского. Добролюбова. Чернышевского. Салтыкова. Щедрина...

— И все про него? Про одного?

Про одного, оказывается.

С тех пор пошел у нас разговор на троих. Соберемся мы — Белинский, Некрасов и я, Кольцов, — и давай про литературу! Наконец и я себя человеком почувствовал, веселей зашагал по жизни.

Недавно встретил Менделеева.

— Ну, как твоя химия? — смеюсь. — Привет тебе из литературы!

Ирония славы

Хорошая слава лежит, а худая бежит и иногда довольно далеко забегает.

Допустим, вы Держиморда. Знаменитый педагог. Тот самый, что построил школу для педагогически одаренных детей и сам же в ней преподает педагогику.

И вдруг вы, Держиморда, совершенно случайно узнаете, что ваш однофамилец в какой-то комедии ведет себя черт знает как, позорит ваше доброе и (чего там скром-

ничать!) знаменитое имя. Вы потратили жизнь, поднимая над миром это имя, а он его — в грязи!

Можете ли вы утешаться, что это было давно и что того Держиморду, возможно, уже забыли? Нет, не можете. Потому что скорее забудут вас, несмотря на ваши несомненные педагогические заслуги.

Потому что хорошая слава лежит, а худая бежит, и не вам обогнать этого бегущего Держиморду.

Путь истины

Шумер собрался истину сказать. Хотел ее нарисовать на камне. Нашлось немало истин под руками, но только камня негде было взять.

И египтянин пил из родника, наполненного мудростью и силой. Ему б куска папируса хватило, но не хватало этого куска.

А древний грек? Ведь этот древний грек избороздил всю Грецию кругами. Но было даже в городе Пергаме с пергаментом неважно как на грех.

И в наши дни заботится прогресс об истине как о великом благе. Но что же делать, если нет бумаги?.. Для истины ее всегда в обрез.

Орфей

Орфей спустился в ад, а там — дела все те же: ни песен, ни баллад — один зубовный скрежет. Кипящая смола да пышущая сера, да копоть — вот и вся, по сути, атмосфера.

И здесь, в дыму печей, в жару котлов чугунных, стоит певец Орфей, перебирает струны. О райских берегах, о неземных красотах...

Кипит смола в котлах — в аду кипит работа.

Орфей спустился в ад, но ад остался адом: шипенье, грохот, смрад — каких тут песен надо? Когда живой огонь воздействует на чувства — какой уж тут глагол? Какое тут искусство?

Гомер

А ведь старик Гомер был когда-то молодым человеком. Он пел о могучем Ахилле, хитроумном Одиссее и Елене — женщине мифической красоты.

— Вы знаете, в этом Гомере что-то есть, — говорили древние греки. — Но пусть поживет с наше — посмотрим, что он тогда запоет.

И Гомер жил, хотя многие теперь в этом сомневаются. И он пел — в этом теперь не сомневается никто. Но для древних греков он был просто способный молодой поэт, сочинивший пару неплохих поэм — «Илиаду» и «Одиссею».

Ему нужно было состариться, ослепнуть и даже умереть, для того чтобы в него поверили.

Для того, чтобы сказали о нем:

— О, Гомер! Он так хорошо видит жизни!

Одиссей

Одиссей не странствовал по свету — он все годы просидел в окопах. Шла война. Гремели залпы где-то. Ожидала мужа Пенелопа.

Одиссей не встретил Навсикаю. Не гостил у влюбчивой Калипсо. Линию огня пересекая, он ходил с ребятами на приступ.

И не в море, не во время бури погибли отважные ребята. Полифем, одноглазо щурясь, покосил их всех из автомата...

И опять — атака за атакой вместо шумных пиршеств Алкиноя. Не вернулся Одиссей в Итаку. Он остался там, на поле боя. И теперь забыты «Илиады», «Одиссеи» все сданы в музеи: ни к чему поэмы и баллады — на войне убило Одиссея.

Лаокоон

Высший совет богов постановил разрушить Трою.

— Подкиньте им троянского коня, — сказал Зевс. — Да не забудьте посадить в него побольше греков.

Воля Зевса была исполнена.

— Ну как Троя? Разрушена?

— Пока нет, громовержец. Там у них нашелся какой-то Лаокоон...

— Что еще за Лаокоон?

— Личность пока не установлена. Но этот Лаокоон не советует ввозить в город троянского коня, он говорит, что надо бояться данайцев, даже если они приносят дары.

— Уберите Лаокоона. Личность установим потом.

Воля Зевса была исполнена. Два огромных змея задушили Лаокоона, а заодно и его сыновей.

Смелый троянец умирал как герой. Он не просил богов о помиловании, он только просил своих земляков:

— Бойтесь данайцев, дары приносящих!

— Сильная личность! — похвалил его Зевс, наблюдая с Олимпа за этой сценой. — Такому не жалко поставить памятник.

Воля Зевса была исполнена. И, учитывая последнюю просьбу Лаокоона — не ввозить в город троянского коня, — ему воздвигли красивый памятник: Лаокоон въезжает в город на троянском коне.

После Трои

...И на много, на много дней стала слава пустой и ненужной. Табуны троянских коней разбрелись по своим конюшням. Кони мирно щипали траву и лениво плелись к водопою. И все реже им наяву рисовались картины боя. И все реже слышался вой, сотрясавший древние стены...

Тишина. Безмятежье. Покой. Чистый воздух. Свежее сено. Бесконечный разгон степей. Стойла чистые. Прочная кровля. В мире — мир.

Троянских коней прибавляется поголовье.

Олимпийское спокойствие

Ах, каких детей породила Ехидна! Старший — настоящий лев. Младший — настоящий орел. Средние — Цербер и Гидра — умницы, каких мало: на двоих двенадцать голов.

Выросли дети, и каждый нашел для себя занятие. Цербер трудился под землей — сторожил подземное царство Аида. Орел действовал с воздуха — клевал печень Прометея, прикованного к скале. А лев и Гидра работали на земле — опустошали окрестности Немей и Лерны.

Все дети пристроены, все при деле, Ехидне бы жить да радоваться. Но тут подвернулся Геракл со своими подвигами. Он задушил немейского льва, отрубил головы лернейской гидре, застрелил из лука орла, а Цербера связал и бросил в темницу. Хорош герой — убивать чужих детей! Да его б за такие подвиги...

— Господа олимпийцы, перед вами несчастная мать! Она породила детей, которые стали ее единственной радостью и надеждой. И вот приходит какой-то Геракл, давно известный своими подвигами, и убивает этих детей. Он убивает их на наших глазах, а мы храним олимпийское спокойствие. Господа олимпийцы, до каких пор наши Гераклы будут уничтожать наших гидр, которые опустошают наши города? До каких пор наши Гераклы будут уничтожать наших орлов, которые клюют наших Прометеев?.. Отвечайте, господа олимпийцы!

Яблоко раздора

Богини спорят о красоте:

— Ну-ка, Парис, кому ты отдашь яблоко?

Медлит Парис: Гера предлагает ему власть, Афина — славу, Афродита — самую красивую женщину.

Медлит Парис: он любит и власть, и славу, и женщин... Но больше всего Парис любит яблоки.

Суд Париса

Войдите в положение Париса: он выбирает все же из богинь. У них и стан стройнее кипариса, и воспитанье не в пример другим... Ну, словом, все богини в лучшем виде. Парис не хочет никого обидеть, он очень мягкий человек, Парис. И, пользуясь своей судейской властью,

он разрезает яблоко на части и всем троим вручает первый приз.

— Ну вы видали этого кретина? — вскричала возмущенная Афина. — Он у меня отрезал два куска!

— Нет, у меня! — не менее сердито воскликнула богиня Афродита, на остальных взирая свысока.

А Гера, настоящая мегера, металась, как пантера по вольеру, грозя сослать Париса на галеры, суля ему холеру и чуму.

А он не знал, за что такая участь. И он стоял, казня себя и мучась и вопрошая небо:

— Почему?!

Божеский разговор

Титаны восстали против богов-олимпийцев.

— Что это вы, ребята? — журил их Зевс. — Ай-ай, неплохо! Давайте говорить по-божески. Только не все сразу, подходите поодиночке!

Подошел первый титан-одиночка. Смотрит Зевс — здоровенный титан! Где с таким говорить по-божески!

Пришлось поставить его на колени.

Стоит на коленях титан — и все равно выше Зевса на целую голову.

Пришлось отрубить ему голову.

— Ну вот, — сказал Зевс, — с этим как будто договорились. Давайте дальше — поодиночке!

Сизиф

Он катил на гору свой камень.

Он поднимал его до самой вершины, но камень опять скатывался вниз, и все начиналось снова.

Тогда он пошел на хитрость.

Он взял щепочку, подложил ее под камень, и камень остался лежать на вершине.

Впервые за много веков он свободно вздохнул. Он вытер пот со лба и сел в стороне, глядя на дело своих рук.

Камень лежал на вершине горы, а он сидел и думал, что труд его был не напрасен, и был очень доволен собой.

Один за другим проходили века, и все так же стояла гора и лежал камень, и он сидел, погруженный в мысли о том, что труд его был не напрасен. Ничто не менялось вокруг. Сегодня было то, что вчера. Завтра будет то, что сегодня.

У него отекали ноги и онемела спина. Ему стало казаться, что если он еще немного так посидит, то и сам превратится в камень.

Он встал и полез на гору. Он вытащил щепочку, и камень с шумом покатился вниз, а он бежал за ним, прыгая с уступа на уступ и чувствуя прилив новых сил.

У подножия горы он догнал камень и остановил его. Потом поплевал на руки и покатил камень вверх, к вершине горы...

Манталовы муки

— Кланяйся, Тантал, кланяйся!

Века и века стоит Тантал по шею в воде и склоняется к ней, мучимый жаждой. Но вода исчезает, не уступая ему ни глотка. Под ногами сухая земля, а рядом журчат ручьи, плещет река, и гром гремит в небесах:

— Кланяйся, Тантал, кланяйся!

Тантал бросил вызов богам, его соблазнили лавры Прометея. Но Прометей оставил людям огонь, а что оставит после себя Тантал? Только свои Танталовы муки?..

— Кланяйся, Тантал, кланяйся! Ты уже давно служишь богам, хотя убежден, что борешься с ними.

Мифы

По ночам, когда землю окутает мгла, загораются звезды над нею. Есть созвездие Ворона, Пса и Орла — нет созвездия Прометея. То ли сфера небесная слишком мала — Прометей на ней не отмечен...

Но горит над землею созвездье Орла, что клевал Прометееву печень. И горит над землею созвездие Пса, злого Цербера, стража ночи. И стоглавая Гидра таращит глаза, словно миру погибель пророчит. Скалит пасти Дракон, извивается Змей...

Но от них на земле не светлее...

Среди тысяч и тысяч ночных огней ищут люди огонь Прометея.

Нарцисс

Женщины ходили за Нарциссом по пятам и делали ему самые заманчивые предложения. Но Нарцисс отвечал каждой из них:

— Я не могу любить сразу двоих — и себя, и тебя. Кто-то из нас должен уйти.

— Хорошо, я уйду, — самоотверженно соглашались одни.

— Нет уж, лучше уходи ты, — пылко настаивали другие. Но результат был один и тот же.

Только одна женщина сказала не так, как все.

— Да, действительно, — сказала она, — любить двоих — это дело хлопотное. Но вдвоем нам будет легче: ты будешь любить меня, а я — тебя.

— Постой, постой, — сказал Нарцисс, — ты — меня, а я?

— А ты — меня.

— Ты меня — это я уже слышал. А я кого?

— Ты меня, — терпеливо объяснила женщина.

Нарцисс стал соображать. Он шевелил губами, что-то высчитывал на пальцах, и на лбу у него выступил пот.

— Значит, ты меня? — наконец сказал он.

— Да, да! — радостно подтвердила женщина.

— А я?

Женщина ничего не ответила. Она посмотрела на Нарцисса и подумала, что, пожалуй, ей трудно будет его полюбить.

— Знаешь что? — предложил Нарцисс. — Зачем так все усложнять? Пусть каждый любит сам себя — это гораздо проще.

Семейные дела

Зевс полюбил прекрасную Ио.

— Этого еще не хватало! — возмущалась его жена. — Объясните мне хоть, кто она такая!

— «Ио» значит «исполняющая обязанности», — объяснил Гере всезнающий Гименей.

— Ну, знаете! Мне ничья помощь не нужна, я могу сама исполнять свои обязанности!

Услышав, что ее помощь не нужна, Ио ударилась в слезы. Зевс стал ее утешать:

— Ладно, будет реветь, как корова!

Что значит в устах бога даже простое сравнение! Ио тут же превратилась в корову. И Зевсу ничего не оставалось, как помириться с женой.

— Забудем прошлое, — сказал он. — Хочешь, я подарю тебе корову?

А_дмет и Алкестида

Действующие лица:

Адмед — царь,

Алкестида — его жена.

На просцениум выходит Адмет.

АДМЕТ. Велика милость богов, но трудно ею воспользоваться. Они сохранят мне жизнь, если кто-нибудь добровольно согласится за меня умереть. Население оповещено, в награду обещаны царские похороны, но хоть бы один нищий соблазнился. А рабы? Тому, кто за меня умрет, я пообещал свободу, однако желающих тоже не видно... Но я же все-таки царь, за меня должны умирать мои подданные. Они должны быть готовы отдать за меня все свои жизни, а тут, выходит, и одной не допросишься. На словах-то они все — мы за царя... в огонь и в воду... не щадя живота... — а как дойдет до дела — вот тебе и пожалуйста! Рабу своему говорю: ну ты сам посуди, если на одну чашу весов положить жизнь раба, а на другую — царя, что перетянет? А он отвечает: это с какой чаши смотреть. Любимого брата в первый раз попросил об одолжении — не согласился... Но я же все-таки царь, за меня должны умирать мои подданные... Впрочем, «должны» — здесь не годится, здесь надо только по собственной воле.

Но у них никогда не было собственной воли. Вот положение... Прямо хоть ложись и умирай. Но я же все-таки царь... Люди! Люди! Неужели никто не согласится за меня умереть? Вы все получите свободу, я вам устрою царские похороны... А? Молчите? Воздерживаетесь? Так-то вы любите своего царя?

Входит царица Алкестида. Адмет бросается к ней.

Алкестида, они не хотят! Они готовы пожертвовать своим любимым царем, лишь бы сохранить свои жалкие жизни. Я уже говорил, и убеждал, и упрашивал — ничего не помогает. О Алкестида, моя возлюбленная жена, видно, нам с тобой придется расстаться!

АЛЕКСТИДА. Успокойся, Адмет, я приняла решение. Я умру вместо тебя.

АДМЕТ. Ты? О родная моя, любимая, как я мало тебя ценил! А тебя не смущает то, что нам тогда все равно придется расстаться?

АЛЕКСТИДА. Что же делать? Если такова воля богов...

АДМЕТ. Да, конечно, это воля богов, это все воля богов! Если б не воля богов, разве б я позволил тебе умереть? Тем более теперь, когда я узнал тебе настоящую цену... О Алкестида, я этого не переживу, я умру от тоски по тебе!

АЛЕКСТИДА. Ничего, ты утетишься. Найдешь себе другую жену. Вы еще будете счастливы.

АДМЕТ.. Счастливы? Прошу тебя, не произноси этого слова. Больше в этом доме не будет счастья. Какой бы ни была моя вторая жена, она не даст мне счастья такого, как дала ты. Я всегда буду помнить тебя, Алкестида,

АЛЕКСТИДА. Спасибо, Адмет, ты хороший муж.

АДМЕТ.. О, если бы я мог умереть вместо тебя! Но это невозможно. Боги лишили меня такой возможности. Я могу умереть только сам за себя, а я не такой эгоист, чтобы умирать за себя, Алкестида!

АЛЕКСТИДА. Милый! Я не стою такой любви.

АДМЕТ.. Прощай, Алкестида, тебе пора! *(Обнимает ее.)* О, почему я не могу за тебя умереть, почему я не могу умереть за ту, которую люблю больше жизни?

Алкестида уходит. Адмет остается один.

О боги, зачем вы мне оставили жизнь, если за нее приходится так расплачиваться? Неужели нельзя было что-нибудь придумать, чтобы оставить мне и жизнь, и жену? О боги, теперь я никогда не утешусь! Тем более в наше время, когда не так-то просто найти жену, которая согласится за тебя умереть... Я вне себя. Я просто убит горем. Я могу в любую минуту сойти с ума или покончить с собой, или еще что-нибудь в этом роде. Никогда мне не было так тяжело, меня еще никто не видел в таком состоянии. Подданные не узнают своего царя. Конечно, я буду крепиться, чтобы их не расстраивать, я даже буду казаться веселым, но долго ли можно быть веселым, когда умирает жена? И все-таки я — царь, я должен показывать пример своим подданным. Пусть они видят, что царь и в горе царь, и в радости царь, и всегда, всегда царь, потому что иначе быть не может.

Входит Алкестида.

Как, ты еще не умерла?

Алкестида. Я уже умерла, но меня опять оживили.

Адмет. Не понимаю. Каким образом?

Алкестида. Все случилось как-то неожиданно. Понимаешь, я умерла и лежу себе, жду, когда за мной прилетит Танат и унесет меня в царство теней. Но тут откуда ни возьмись Геракл...

Адмет. Какой это Геракл? Такой большой, представительный?

Алкестида. Да, да.

Адмет. Продолжай, Алкестида.

Алкестида. Ну вот. И этот Геракл напал на Таната и стал с ним бороться. Ну, всего я не видела, потому что я тогда была мертвая, но я слышала, как Танат просил Геракла его отпустить, а Геракл за это потребовал меня...

Адмет. Он потребовал тебя?

Алкестида. Нет, не то чтобы совсем потребовал, а просто чтобы Танат меня оживил и не уносил с собой в царство теней.

Адмет. Продолжай, Алкестида.

Алкестида. Танат сначала отказывался, говорил, что он выполняет поручение Аида, что если он не выполнит поручение, то у него там, в царстве теней, будут большие неприятности. А Геракл сказал, что здесь у него будут не меньшие неприятности, и тогда Танату пришлось согласиться. И вот я опять жива.

Адмет. Все это, конечно, хорошо, только я не пойму, с какой стати Гераклу было за тебя вступаться? Ты, наверно, заговорила с ним или как-то на него посмотрела?

Алкестида. Что ты, Адмет! Я же лежала мертвая!

Адмет. Продолжай, Алкестида. Значит, Геракл — твой освободитель? Может быть, он готов был за тебя умереть?

Алкестида. Быть может, наверное. Ведь это не шутка — драться с самим богом смерти.

Адмет. Продолжай, Алкестида.

Алкестида. Я когда ожила...

Адмет. Продолжай, Алкестида.

Алкестида. Я когда ожила, чуть опять от страха не умерла, увидев, какой огромный этот Танат. Но потом я посмотрела на Геракла и успокоилась.

Адмет. Замолчи, Алкестида! Я тут беспокоюсь, места себе не нахожу, а она там успокаивается — и отчего? Оттого, что смотрит на какого-то Геракла!

Алкестида. Он же меня спас, Адмет!

Адмет. Замолчи, Алкестида! В первый раз мы с тобой расстались, и вот к чему это привело. Я здесь страдаю, я готов в любую минуту сойти с ума, а ты... Так вот для чего тебе понадобилась наша разлука?!

Алкестида. Но ведь я была мертвая.

Адмет. Замолчи, Алкестида! Я сам чуть не умер, так что ж из этого? Значит, Геракл? Знаем мы этих Гераклов... Но у меня это не пройдет. Я все-таки царь, и я сейчас докажу это! *(Берет жену за руку, ведет со сцены.)* Ты умрешь, Алкестида!

Мидасов суд

— Ерунда-с! — отметил Мидас, игру Аполлона послушав.

За это ему, согласно уму, достались ослиные уши. Отличные уши, роскошные уши, сокровище для меломана!

Теперь-то Мидас уж спуску не даст ни Аполлону, ни Пану. Стараются Пан, заливаются Пан, леса и долины радуя. Но...

— Ерунда-с! — роняет Мидас, лениво ушами прядая.

Гремит Аполлон, забирая в полон все сущие в мире души. Но...

— Ерунда-с! — роняет Мидас, развесив ослиные уши.

Прокрустово ложе

Тесей уже занес свой меч, чтобы поразить великана Прокруста, но вдруг опустил его:

— Нет, не могу я так, без суда. Судите его, люди!

И вот начался суд.

Говорили о том, сколько людей загубил Прокруст, калеча их на своем прокрустовом ложе. Вспоминали маленьких, которых он вытягивал, и больших, которым обрубал ноги.

— Ты, разбойник, что ты можешь сказать?

Великан встал. Лицо его было печально, печальны были его глаза.

— Я виновен... Виновен в том, что слишком любил людей...

Его засыпали градом насмешек.

— Да, я любил людей, — убежденно сказал Прокруст. — Я любил их, хотя понимал, как они далеки от идеала. Человек — мера всех вещей, но какой мерой мерить самого человека? Где эта мера, где?.. Вот она! — И Прокруст показал на свое ложе.

— Я все измерил, все подсчитал. Идеальный человек должен быть таким — только таким, ни больше ни меньше. Так судите же меня, люди, за то, что я сделал для вас, за то, что я пытался приблизить вас к идеалу!

Прокруст помолчал, внимая гулу толпы, которая не слушала ничего, кроме своего возмущения. И он продолжал, все больше загораясь:

— Судите меня, люди, за мои трудные дни, за мои бессонные ночи. За то, что в то время, когда вы тешились жизнью, я мучительно искал ту единственную меру, которой достоин человек. Судите меня за мою к вам любовь, за то, что я постоянно думал о вас и хотел, чтобы вы

стали лучше. Все, что я делал, знал и умел, — все это было для вас... И ложе это — оно тоже для вас!

— Для нас? — зашумела толпа. — Нет, с нас довольно! Эй, Тесей, положи-ка его самого!

И тут случилось невероятное: великан, еще недавно наводивший страх на всю округу, вдруг стал уменьшаться. И когда его подвели к ложу, он уже был самый простой человек, ниже среднего роста.

Так стоял он, небольшой человек Прокруст, перед своим прокрустовым ложем, которое было явно ему велико, так стоял он и бормотал:

— Люди, не судите меня... Просто я ошибся в расчетах...

Пигмалион

Персей много говорил о своих подвигах, но был среди них один, о котором он не любил рассказывать.

Отрубив голову Медузе Горгоне, Персей по дороге домой заехал на остров Кипр к знаменитому скульптору Пигмалиону. Пигмалион в то время был влюблен в только что законченную статую, как обычно бывают влюблены художники в свое последнее произведение.

— Это моя самая красивая, — сказал Пигмалион, и статуя вдруг ожила.

От таких слов ожить — дело вполне естественное, но скульптор увидел в этом какое-то чудо.

— О боги! — зывал он. — Как мне вас отблагодарить?

Боги скромно молчали, сознавая свою непричастность. Пигмалион долго не находил себе места от радости. Потом наконец нашел:

— Я пойду в мастерскую, немножко поработаю, — сказал он ожившей статуе. — А ты тут пока займи гостя.

Женщина занимала гостя, потом он занимал ее, и за всеми этими занятиями они забыли о Пигмалионе.

Между тем скульптор, проходя в мастерскую, наткнулся на голову Медузы Горгоны, которую оставил в приходежей неосторожный Персей. Он взглянул на нее и окаменел, потому что таково было свойство этой головы, о котором знали все, кого она превратила в камень.

Прошло много долгих часов, и вот в прихожую вышли Персей и его собеседница.

— Какая безвкусица! — сказала ожившая статуя, глядя на скульптора, превращенного в камень. — Знаете, этот Пигмалион никогда не мог создать ничего путного!

Так сказала женщина, и Пигмалион навеки остался камнем...

Лепил Пигмалион...

Лепил Пигмалион
Красотку Галатею.
Извлек из глины он
Прекрасную идею:
Идею рук и ног,
Кудрей, густых и длинных...

А может, не извлек —
Вложил идею в глину?

Ведь глина — прах, балласт,
Бездушная порода.
Но ты хотя бы раз
Вложить в нее попробуй
Все то, о чем тужил,
Одним резцом владея...

Но, может быть, вложил
Он вовсе не идею?

Над глиною корпя,
Не думая о чуде,
Вложил всего себя
В несбыточные груди.

Лепил Пигмалион...
От дел земных отринув,
Извлек из глины он
(А может, не из глины?)
Творение свое —
Красотку Галатею...

А может, не ее?
Ну, что ж, тогда бог с нею!

Но что-то он лепил —
Творец, художник, мастер —
И так себя влюбил
В несбыточное счастье,
Что было все — как сон,
Томлением и бредом...
«Наверно, спятил он», —
Сосед шепнул соседу.

Лепил Пигмалион.
И пусть иной ваятель —
Ну не пигмей ли он? —
Осклабится некстати,

Пусть горе-знатоки
Хулят его творенье.
Творенье — пустяки,
А главное — горенье.

Вторая жена Пигмалиона

Жена Пигмалиона была худышка и коротышка, невыразительная в тех местах, где женщине положено быть выразительной. Из всего, что может у женщины выступать, у нее выступали только лопатки и ключицы.

Но Пигмалион гордо смотрел на дело своих рук. Он сказал, что никогда не добивался такого блестящего результата.

— А где ее... бюст? — спросил один из гостей.

Пигмалион подмигнул и показал на стенку.

— А эти... бедра... так, кажется, они называются?

Пигмалион подмигнул и показал на стенку. Он так подмигивал, что гости тоже стали перемигиваться: видать, Пигмалион вылепил кого-то на стороне. И даже не на одной стороне, учитывая убогие формы его супруги.

— Мы с мужем хотим сделать выставку. Мы еще ни разу не выставлялись, все даже удивляются, — улыбнулась

жена, но улыбка получилась жалкая, вымученная. А как еще женщина должна улыбаться, если муж лепит ко-го-то на стороне?

Пигмалион продолжал подмигивать и показывать на стенку. Гости посмотрели на стенку. Она была вся увешана грамотами.

За экономию на бедрах. За экономию на бюсте. За экономию на лебединой шее и жемчужных зубах...

И над всем этим — такие знакомые, такие выстраданные слова:

«Экономика должна быть экономной».

Янус

Не беда, что Янус был двулик, в общем-то он жизнь достойно прожил. Пусть он был одним лицом ничтожен, но зато другим лицом — велик. Пусть в одном лице он был пройдоха, но в другом был честен и правдив. Пусть с людьми он был несправедлив, но с богами вел себя неплохо. Пусть подчас был резок на язык, но подчас довольно осторожен.

Не беда, что Янус был двулик. В среднем он считается хорошим.

Легенда о происхождении Дании

В старину одной скандинавской женщине было обещано столько земли, сколько она успеет вспахать в течение дня и ночи. Это было хорошее предложение, но хотелось вспахать побольше, и женщина превратила своих детей в быков.

Четверо их было. Четверо сыновей. Стало четверо быков.

— Мальчики мои, — сказала женщина, — наконец у нас будет своя земля, наконец вы заживете по-человечески. Но для того, чтоб вы зажили по-человечески, вас нужно сначала превратить в быков. Это ненадолго, всего день и ночь, но зато потом у вас будет долгая, счастливая жизнь, человеческая.

Поверили дети матери, стали быками. Целый день пахали, целую ночь пахали, очень много вспахали, можно было возвращаться домой.

Но мама сказала:

— Мальчики, побудьте еще быками. Чтоб у нас не отняли нашу землю, нужно отделить ее от чужой земли.

Это была самая трудная работа. Еще никому не удавалось оторвать часть земли от материка. Мать стегала быков и плакала, стегала и плакала:

— Мальчики, поднатужьтесь! Постарайтесь, мальчики мои!

Оторвали все-таки свою землю, но работа на этом не кончилась. Столько всего нужно сделать, чтобы создать счастливую жизнь! И женщина стегала быков, стегала быков, готовя их к новой жизни, человеческой...

Они никогда не станут людьми. Слишком изнурительной была работа, слишком долгой была ночь, слишком больно их стегали... Да и слишком часто нужен был труд быков. Не людей, а быков. И им говорили:

— Мальчики, побудьте еще быками!

Штаны Диогена

Александра Македонского, который варился у Данте в аду, Рабле наказал еще и тем, что заставил чинить штаны Диогена.

Там, в аду, у Диогена появились штаны. Хоть и дырявые, но все же штаны... Плохо только, что из-за них его поместили в ад — поближе к месту новой работы Александра.

Видно, правильно говаривал философ: лучше ничего не иметь. Стоило появиться штанам, как начались неприятности.

Письмо папаши Портинери своему зятю Симону

Любезный зятек, я вот что хочу спросить: почему твоей жене пишет стихи посторонний мужчина? Или у нее нет мужа и ей уже и стихи написать некому?

Я знаю этого Данте, он живет на нашей улице, но мы не настолько близкие соседи, чтобы он обращался к моей дочери со стихами. Хотя она заслуживает и не таких стихов, и даже намного лучших стихов (те, которые он пишет, не особенно хорошие: сразу видно, что писал чужой человек). Ты, дорогой Симон, знаешь не хуже меня, каких стихов заслуживает наша Беатриче. Когда ты ее взял из родительского дома, она была чиста, как слеза ребенка, а теперь она чиста, как слеза замужней женщины. Боже мой, Симон, неужели моей дочери суждены одни только слезы? Потому что, когда тебе пишет стихи чужой человек, в этом, поверь, мало радости.

Интересно, о чем бы писал этот Данте, если б не наша девочка? Это она сделала его поэтом, но почему именно его? Ведь у нее есть законный муж, так почему же она сделала поэтом совершенно постороннего человека? Хотя они и знакомы с детства, но ты-то знаешь ее лучше, ведь ты ее муж. Так почему же ты не пишешь стихи, как Данте? Я уверен, что у тебя получится, стоит только тебе захотеть. Еще как получится! Когда Данте прочитает твои стихи, он вообще забудет, как стихи пишутся. Он и сейчас не очень хорошо это знает, иначе б не писал, что глаза Беатриче излучают свет. Уж мы-то с тобой знаем нашу Беатриче, разве ее глаза излучают свет? Лично я этого не заметил. Я уже со всех сторон присматривался — ну не излучают они света, Симон! Возможно, где-то рядом горела свеча, а ему показалось, что свет излучают глаза Беатриче. Так стихи не пишут. Писатель должен знать жизнь, а в жизни глаза светятся только у кошек.

У меня к тебе, зятек, большая личная просьба: покажи этому Данте, как нужно писать стихи, пусть он убедится, что с законным супругом тягаться нечего. Ты сможешь, Симон, у тебя получится. Если у чужого человека получилось, то у мужа получится лучше в тысячу раз.

Отец нашей девочки, чистой, как слеза (господи, сколько слез!), Фолько Портинери.

Посмертное приглашение Данте Алигьери вернуться на родину

Политические страсти устарели.

Поэтические остаются в силе.

Возвращайся, Данте Алигьери, мы тебя давным-давно простили!

Мы тебя неправильно изгнали, пусть бы оставался ты со всеми. Это мы сегодня осознали, но учти — какое было время!

Гении расплачивались кровью, и кого за них призвать к ответу? Одолело нас средневековье, затравили мы своих поэтов. Сколько их, талантливых и ярких, заклеить народ поторопился! Был бы у Флоренции Петрарка, но и он в изгнании родился.

Мы отменим твой позорный выезд, все твои скитанья и мученья. Ты ж у нас почетный флорентиец, основоположник Возрождения! На твоих ботинках много пыли, мир велик, но ты у нас родился. Мы с тобой ужасно поступили, но сегодня мы тобой гордимся.

Отмечаем даты, годовщины... Жаль одно — что наши ротозеи превратили Дантов дом в руины, а не сохранили для музея.

Посмотри, как годы пролетели, но тебя они совсем не старят. Ты такой, как был на самом деле, — самый лучший флорентийский парень.

Ни к чему печалиться о давнем. Вспомни, кто ты есть, откуда вышел! Ты стоишь у нас сегодня в камне, только вот стихов уже не пишешь.

А писал ведь. Как писал ты прежде! Был поэт от Бога, настоящий! Вспомни, как сказал ты о надежде: мол, оставь ее, сюда входящий...

Пусть же торжествует справедливость, пусть в нее Флоренция поверит!

Возвращайся, славный флорентиец! Возвращайся, Данте Алигьери!

Ответ шексмарловедам

Я отвергаю гипотезу, что Уильям Шекспир и Кристофер Марло были одним человеком.

Вы, ученые мужи, почтенные шексмарловеды, возможно, обвините меня в невежестве, возможно, даже поднимете на смех и пригвоздите к позорному столбу — что ж, я буду стоять пригвожденный, но не убежденный. Вернее, убежденный, но не в вашей, а в своей правоте. Ибо я верю, что Шекспир и Марло — это два отдельных писателя.

Вы, конечно, сошлетесь на то, что они родились в один год. Ну и что, я вас спрашиваю? Шекспир и Галилей тоже родились в один год, не станете же вы утверждать, что это Галилей написал «Ромео и Джульетту».

Ваш второй аргумент: Шекспир не взял пера до тех пор, пока Марло его навеки не выронил, и не следует ли из этого, что Шекспир подхватил именно это выроненное перо? Но, во-первых, это не вполне соответствует истине. Шекспир уже писал, когда Марло еще писал. Конечно, не исключено, что еще писал уже не Марло, а Шекспир, — с равной допустимостью, что уже писал не Шекспир, а еще Марло, но теперь попробуй в этом разобраться.

Вы говорите: «не зря «Шекспир» означает «Потрясающий копьем». С чего бы, мол, ему потрясать копьем, если б его не пытались уже однажды зарезать? Да, говорите вы, Марло не зарезали, а только пытались зарезать, и он своим врагам в устрашение назвался Шекспиром — Потрясающим копьем.

Как будто в мире нет больше поводов, чтобы потрясать копьем. Особенно для человека, имеющего дело с трагедиями.

И, наконец, последний ваш довод: не свидетельствует ли простое сравнение творчества двух писателей, что Марло — это ранний Шекспир, а Шекспир — поздний Марло?

Нет, нет и нет, достопочтенные мужи, просвещенные шексмарловеды Шекспир — это Шекспир, а Марло — это Марло, и каждому отведено отдельное место в литературе.

Хотите еще гипотезу? Она не претендует на научность, на достоверность фактов и неоспоримость доводов, она строится не на знании жизни Шекспира и Марло, а на знании жизни вообще, что тоже бывает небезынтересно.

Итак, гипотеза.

Да, Шекспир был, но он не был писателем. Он не имел никакого отношения к литературе. Может быть, в ранней юности он пробовал себя в сонетах или трагедиях, но оставил это занятие, не обнаружив у себя таланта. Талант ведь дается не каждому, и это вовремя нужно понять.

Вас интересует: а кто же в таком случае был писателем? Если Шекспир не писатель, то кто же тогда писатель?

Я отвечаю: писателем был Марло. А кем был Шекспир? Шекспир был, как известно, актером.

И была там еще актриса — согласно этой гипотезе. Прекрасная, как Офелия, а может быть, как Дездемона. И вот эту Дездемону-Офелию полюбил Шекспир, рядовой актер и к тому же неудавшийся писатель.

Конечно, Дездемона-Офелия полюбила не его, а Марло, молодого, но преуспевающего писателя своего века. Но Марло не замечал этого. Занятый своими великими трагедиями, он прошел мимо маленькой трагедии девушки, которая безнадежно его любила.

Итак, Дездемона-Офелия любила Марло, а Шекспир любил Дездемону-Офелию, и это создавало совершенно четкий трагический треугольник. Как же вы, проницательные шексмарловеды, не заметили треугольника?

Теперь представьте: Шекспир играет в трагедии Марло, но любит не так, как написано у Марло, а масштабней, глубже, сильнее — по-шекспировски. Потому что любит он не только на сцене, но и за кулисами, он всюду любит — из этого состоит его жизнь.

Молодую актрису пугают эти шекспировские страсти: ведь она живет во времени еще дошекспировском. Хотя Шекспир уже есть, но время для его страстей еще не настало.

И актриса любит Марло, чье время уже настало.

И в это самое время внезапно умирает Марло.

Его убивают, как в бездарной трагедии, без малейшей мотивировки. Пустячная ссора в трактире — и великий писатель убит.

Трагический треугольник лишается очень важного угла, но продолжает существовать, ибо по двум извест-

ным углом нетрудно восстановить третий. Он восстанавливается в памяти Шекспира и Дездемоны-Офелии, и это усугубляет их горе. Они оба любили Марло, хотя и по-разному. И оба они страдают. Да, да, хотя Шекспир избавился от соперника, но он страдает. Он умеет страдать за других. И это — залог того, что он со временем станет писателем.

Вы не согласны со мной, дипломированные шексмарловеды, вы привыкли считать, что Шекспир был прирожденным писателем. Прирожденным бывает косоглазие, плоскостопие или другая болезнь, а писателем становятся. Писателем делает жизнь. Не утробная, не эмбриональная, а сознательная.

Шекспир видел, как страдает его любимая девушка, и он решил заменить погибшего. Не примитивно, не пошло, как заменяют друг друга ничтожества, а крупно, значительно, как заменяют великие великих. Он решил продолжить Марло не в любви, а в литературе. Он решил продолжить дело Марло.

Вот тогда он и взял себе это имя — Потрясающий копьем, — не для того, чтобы стать Шекспиром в литературе, не для того, чтобы занять высокое положение, а для того единственно, чтобы защитить дело Марло. Некоторые всю жизнь потрясают копьем, благодаря чему добиваются высокого положения в литературе, но они не становятся Шекспирами, как ни потрясают копьем.

А Шекспир — стал. Потому что он любил эту девушку. Марло не любил, и он остался Марло. И никогда — слышите: никогда! — не удалось ему стать Шекспиром.

Все дело в любви. Что бы ни написал Шекспир о любви, не Шекспир творит любовь, а любовь творит Шекспира. Из писателя-неудачника она делает гения литературы.

Такова эта гипотеза, многомудрые и высокочтимые шексмарловеды. Впрочем, в жизни она уже столько раз подтверждена, что давно из гипотезы стала законом. Кем был бы Данте без Беатриче? Кем был бы Петрарка без Лауры?

Что же касается Дездемоны-Офелии, то она полюбила Шекспира, потому что время Шекспира уже пришло. Так

устроены эти прекрасные девушки: они любят тех, чье время пришло. А тех, чье время прошло, девушки забывают.

Монтекки и Капулетти

Для чего на землю солнце светит, и сады шумят, и плещут реки?

— Для добра, — нам пояснят Монтекки.

— Для добра, — нам скажут Капулетти.

Но ведь солнце в черных тучах меркнет, а сады ломает град и ветер!

— Это зло, — вздыхают Капулетти.

— Это зло, — печалятся Монтекки.

И еще вдобавок — войны эти. Люди гибнут, множатся калеки.

— Для добра, — храбрятся Капулетти.

— Для добра, — воинствуют Монтекки.

Но ведь станет пусто на планете. Воевать ведь скоро станет некем!

— Не беда! — отвечают Монтекки.

— Не беда! — смеются Капулетти.

Ну а если... И леса, и реки -- все сгорит... И кто тогда в ответе?

— Капулетти, — говорят Монтекки.

— Нет, Монтекки, — молвят Капулетти.

Остров лилипутов

Если бы у лилипутов не было Гулливера, то как бы лилипуты писали свою историю?

Но у лилипутов был Гулливер...

«Лемюэль Гулливер, лилипут по рождению, воспитанию и вероисповеданию. Происходил из довольно низкого рода, но сумел подняться до невиданных высот и высоко поднять знамя нашей великой, славной Лилипутии...»

Лилипуты читают эти строки и вырастают в собственных глазах.

Дон Кихот

1.

Говорят, что в самом конце Дон Кихот все-таки женился на своей Дульсинее. Они продали Росинанта и купили себе козу. Коза дает два литра молока, но это, говорят, не предел. Говорят, бывают такие козы, которые дают в день до трех литров...

Впрочем, это только так говорят...

2.

Санчо Панса, трезвый человек, человек не сердца, а расчета, вот уже подряд который век ходит на могилу Дон Кихота.

И уже не бредом, не игрой обернулись мельничные крылья... Старый рыцарь — это был герой. А сегодня он лежит в могиле.

Был старик до подвигов охоч, не в пример иным из молодежи. Он старался каждому помочь, а сегодня — кто ему поможет?

Снесены доспехи на чердак, замки перестроены в хоромы. Старый рыцарь был большой чудак, а сегодня — мыслят по-другому...

Видно, зря идальго прожил век, не стяжал он славы и почета... Санчо Панса, трезвый человек, плачет на могиле Дон Кихота.

Дульсинья Тобосская

Семейная хроника

Действие происходит в доме Дульсины, у очага.

В глубине сцены большой портрет Дон Кихота. Под ним кресло, в кресле — Санчо Панса, толстый мужчина лет 60-ти. Рядом с ним, на низенькой скамеечке, Дульсинья, толстая женщина лет 45-ти, вяжет кофту.

САНЧО ПАНСА (заклячая рассказ). А потом я закрыл ему глаза...

ДУЛЬСИНЬЯ. Ах, Санчо, вы опять разрываете мне сердце! Вот уже сколько лет вы разрываете мне сердце, а я все не могу прийти в себя. Но, пожалуйста, вернитесь к

тому месту, где вы встретились с этим рыцарем и ваш господин сказал...

САНЧО ПАНСА (*возвращается к тому месту*). Он сказал: «Сеньор, если вы не разделяете мнение, что Дульсинея Тобосская — самая красивая дама, то я всажу в вас это мнение вместе с моим копьём!»

ДУЛЬСИНЕЯ (*ликуя и сочувствуя*). Бедный рыцарь! Он был на волосок от смерти!

САНЧО ПАНСА. Определенно. Но он не захотел спорить, он сказал, что лично ему не попадалось ни одной приличной женщины и что, быть может, такой и является Дульсинея Тобосская. Он сказал, что наш сеньор счастливее его.

ДУЛЬСИНЕЯ. Бедный рыцарь!

САНЧО ПАНСА. Да, он оказался неплохим человеком. И знаете, Дульсинея, ведь мы чуть не убили его. А сколько бывает, что человека сначала убьют, а потом уже выясняют, какой он был хороший...

ДУЛЬСИНЕЯ (*погрустнев*). Я была глупой девчонкой. Санчо, я ничего не понимала. Когда ваш сеньор назвал меня дамой своего сердца, я решила, что он спятил... И вот прошло двадцать лет... У меня выросли дети. Старший, Алонсо, служит в армии короля, средний, Алонсо, работает с отцом в поле, младший, Алонсо, пасет овец. У меня трое детей, и всех их я назвала в память о нем.

САНЧО ПАНСА. Да... (*Обращаясь к портрету.*) Алонсо Кехана, Дон-Кихот, славный рыцарь Печального Образа. Лежите вы, сеньор, в земле и не подозреваете, что делается с вашим именем. А оно, имя ваше, живет, его дают маленьким детям, чтобы они вырастали такими же, как и вы. Нет, сеньор, вы не должны были умирать.

ДУЛЬСИНЕЯ. И подумать только, что все это из-за меня, что я, я одна виновата в его смерти!

САНЧО ПАНСА. Ну нет, это вы уже говорите лишнее. Он умер от болезни. Я сам закрыл ему глаза.

ДУЛЬСИНЕЯ (*на самой высокой ноте*). Санчо, не спорьте с женщиной, у которой трое детей и которая знает толк в этом деле. Он умер от любви.

САНЧО ПАНСА (*с сомнением*). От любви рождаются, а не умирают.

ДУЛЬСИНЕЯ. И рождаются, и умирают. Все Санчо, все, что происходит на свете, — все это от любви.

САНЧО ПАНСА (*не убежден, но не желает продолжать спор*). Да, отчаянный был человек. Не могу забыть, как он воевал с этой мельницей. «Сеньор, — говорю ему, — не связывайтесь вы с ней!» И знаете, что он мне ответил? «Санчо, — говорит, — мой верный Санчо! Если я не захочу связываться, и ты не захочешь связываться, и никто не захочет связываться, то что же тогда будет? Сколько нехорошего совершается на земле, и все оттого, что люди не хотят связываться». — «Сеньор, — говорю я ему, — но зачем же нам воевать с мельницами?» — «Санчо, — отвечает он и смотрит на меня близорукими глазами, — верный мой Санчо, если я не стану воевать с мельницами, и ты не станешь воевать с мельницами, и никто не станет воевать с мельницами, то кто же будет с ними воевать? Настоящий рыцарь не гнушается черной работы».

ДУЛЬСИНЕЯ. Я это мужу всегда говорю.

САНЧО ПАНСА. Да, поездили мы с ним. Бывало, не только поспать — и поесть некогда. Только пристроишься, а тут: «Где ты, мой верный Санчо? Погляди, не пылится ли дорога!» — «А что ж, — говорю, — дорога на то и дорога, ей пылиться положено». — «Нет, добрый мой Санчо, дороги бывают разные, и люди по ним ездят разные, так что ты, пожалуйста, погляди!» — «Сеньор, — говорю, — это и не люди вовсе, это стадо какое-то». — «Тем более, Санчо, тем более! На хорошего человека у меня рука не поднимется, а это... Так что вперед, храбрый Санчо, пришпорь своего осла!»

ДУЛЬСИНЕЯ (*восхищенно*). Страшно-то как!

САНЧО ПАНСА. Еще бы не страшно! Их, этих свиней, сотни три, а нас двое. После этого он полдня в себя приходил, а как пришел, первым делом: «Где ты, мой верный Санчо? Погляди, не пылится ли дорога!» Близорукий он был, за два шага ничего не видел.

Оба задумываются.

Дульсинея вяжет кофту. С охапкой дров входит муж Дульсинен, высокий, тощий мужчина лет 50-ти. Хочет пройти тихо, чтоб не помешать, но роняет полено.

САНЧО ПАНСА (*привстав*). Здравствуйте, сосед. Как поживаете?

Муж. Да так... (*нерешительно смотрит на жену*).

ДУЛЬСИНЕЯ. Он хорошо поживает.

Муж. Спасибо... Я хорошо...

ДУЛЬСИНЕЯ (*мужу*). А мы тут говорили о покойном сеньоре. Ты помнишь покойного сеньора? (*Санчо*.) Он помнит покойного сеньора. (*Мужу*.) Он был настоящим рыцарем и никогда не брезговал черной работой. Он был смелым. И он любил... Ты понимаешь, что значит — любить? (*Санчо*.) Он не понимает, что значит — любить. (*Мужу*.) А как он воевал! Он дрался, как лев!

Буж (*нерешительно*). Совсем как наш старший Алонсо.

ДУЛЬСИНЕЯ. А? Ну да, ты прав. (*Санчо*.) Он прав. Наш старший — весь в сеньора.

САНЧО ПАНСА. Я рад за вас, потому что мои дети пошли бог знает в кого. Ведь теперь какие дети? Хорошие примеры на них не действуют.

Муж подбирает полено и роняет второе. Подбирает второе и роняет третье. Дульсинея и Санчо следят за его работой.

ДУЛЬСИНЕЯ (*Санчо*). Он у меня ничего. (*Мужу*.) Правда, ты у меня ничего? (*Санчо*.) Он согласен... Между прочим, вы ничего не заметили? Ну-ка присмотритесь к нему! А? Особенно в профиль...

Муж в смущении роняет дрова.

Ладно, не будем ему мешать. Расскажите еще, сосед, о сеньоре.

САНЧО ПАНСА (*задумывается*). Мы с ним были два сапога пара. Я тоже любил разные приключения. Куда он, туда, бывало, и я. Сколько раз после боя лежим мы с ним рядом — не двинуть ни рукой, ни ногой, а он говорит: «Санчо, знаешь ли ты, сколько в мире звезд?» — «Тьма», — говорю. «Правильно, Санчо, тьма — и еще одна. И эта одна — моя Дульсинея!»

Муж Дульсинеи с поленом в руке улыбается и с гордостью смотрит на жену. Он очень внимательно слушает рассказ Санчо Пансы.

Ох, и любил он вас, соседка. Уж так любил, так любил — ну просто никакого терпения. Извините, сосед. ДУЛЬСИНЕЯ. Он извиняет.

САНЧО ПАНСА. Настоящий рыцарь. Иной раз так поколотят, лежит — ну хоть сейчас на кладбище. «Санчо, — шепчет, — послушай, как у меня бьется сердце!» А сердце — еле еле тик-так, как дамские часики. «Санчо, — говорит, — оно бьется любовью к ней!» Это значит, к вам, соседка. Извините, сосед.

Дульсинея прикладывает к глазам кофту, встает.

ДУЛЬСИНЕЯ. Извините, я пойду. Я больше не могу. У меня столько дел на кухне. (*Быстро уходит.*)

МУЖ (*после ухода жены сразу обретает дар речи*). Вот так она всегда: чуть вспомнит — тут же расстроится. Никак не может забыть. Я, конечно, понимаю — разве можно так просто забыть человека? Тем более такой человек. (*Говорит быстро, словно спеша выложить все, что накопилось за многие годы.*) Между нами говоря, я сам не могу забыть — все время что-то напоминает. А она тем более женщина. Разве ж я не понимаю? Ваш сеньор замечательный был человек, хотя сам я его не знал, но жена мне рассказывала. Ну просто удивительно, какой это был человек. Между нами говоря, я стараюсь быть на него похожим. Вы слышали сегодня, она уже замечает. Пока это только так, чисто внешнее сходство, но я стараюсь. И детей своих так воспитываю. В общем, между нами говоря, в нашем доме ваш сеньор пользуется большим уважением. Мой младший Алонсо сказал недавно: «Когда я вырасту, я буду таким, как мамин сеньор!»

САНЧО ПАНСА. Мне приятно это слышать. Пожалуй, вы действительно немного похожи на рыцаря Печального Образа. Он был такой же худой.

МУЖ (*доверительно*). Между нами говоря, я расположен к полноте. Но я стараюсь. Я ем через день и почти ничего не пью, потому что от этого дела полнеют. Кроме того, я совершенно не ем мучного, молочного и мясного, а также жирного, сладкого и острого. Хотел еще отказаться от овощей, но у меня не хватает силы воли. Но погодите, я заставлю себя, вот тогда вы меня сравните с вашим сеньором!

САНЧО ПАНСА. Вы еще попробуйте ездить на лошади. Для рыцаря это первое дело.

МУЖ. Что вы, с лошади я упаду! Между нами говоря, я даже с кровати падаю! И кроме того, для того чтоб поху-деть, надо больше ходить пешком.

САНЧО ПАНСА. Все рыцари ездили на лошадях.

МУЖ. Не нужно об этом, с лошадьё у меня не получится. (*Посмотрел на портрет и вздохнул.*) И еще вот — драть-ся я не умею.

САНЧО ПАНСА. Ну, без этого и вовсе нельзя. Мой сень-ор всегда дрался до потери сознания.

МУЖ. Боюсь я как-то. Крови не выношу. Курицу — и то не могу зарезать. Жена у меня кого угодно зарежет, а я не могу. Это у меня с детства.

САНЧО ПАНСА. Положим, мой сеньор тоже никого пальцем не тронул. Главным образом били его.

МУЖ. Чтоб меня били, это тоже я не могу. Я, между на-ми говоря, не переносу физической боли. Какую угодно, только не физическую. Однажды, вы знаете, полено на ногу уронил, так со мной потом сделался нервный при-падок. Я вам честно говорю, это у меня, наверно, такая болезнь. (*Вздыхает.*) Он бы на моем месте, конечно... Мне даже совестно и перед женой, и перед детьми, что это я, а не он на моем месте. Конечно, я стараюсь, но все что-нибудь не так получается.

САНЧО ПАНСА (*обдумав последнее замечание*). А что, е-сли вам не стараться, а? Я вам вот что, сосед, посоветую: ешьте каждый день, даже три раза в день, ешьте мучное, мясное, молочное, соленое, кислое и сладкое. Пейте сколько влезет, толстейте, раз вы к этому расположены. В общем, сосед, будьте самим собой.

МУЖ (*испуганно*). Самим собой? Но кому я такой ну-жен? Меня выгонят в первый же день. Ни старший Алон-со, ни средний Алонсо, ни младший Алонсо — никто не захочет меня знать, не говоря уже о жене. Они терпят ме-ня лишь потому, что я на него похож, а попробовал бы я не быть на него похожим!

Входит Дульсинья. Муж сразу умолкает.

ДУЛЬСИНЕЯ. Вот она, участь женская: все пригорело. Вам, мужчинам, этого не понять. Пока за молоком про-

сведишь, суп выкипит, пока тесто замесишь, молоко убежит. И посуда три дня невымытая — вот они, женские дела. (Мужу.) Пойди суп помешай. Когда закипит, всыплешь картошку. Только почистить не забудь. Соли ложку столовую... Только грязную ложку не сунь, помой сперва. Ты понял? (Санчо.) Он понял.

Муж подбирает дрова и уходит. Дульсинея садится на скамеечку, опять принимается за свою кофту.

Ну, а потом что?
САНЧО ПАНСА. А потом я закрыл ему глаза...

Медленно идет занавес.

На фоне музыки, которая звучит то тише, то громче, слышны отдельные фразы.

ДУЛЬСИНЕЯ. Ах, Санчо, вы опять разрываете мне сердце! Прошу вас, вернитесь к тому месту, где вы встретились с этим рыцарем...

САНЧО ПАНСА. Он сказал: «Сеньор, если вы не разделяете...»

ДУЛЬСИНЕЯ. Я была глупой девчонкой, Санчо...

Дальнейшие слова звучат уже при закрытом занавесе. У левой кулисы появляется Муж. В одной руке у него щетка, в другой ведро. Печально опустив голову, он идет к правой кулисе, словно иллюстрируя звучащие в это время слова.

ГОЛОС САНЧО ПАНСЫ. Алонсо Кехана, Дон Кихот, славный рыцарь Печального Образа!..

ГОЛОС ДУЛЬСИНЕИ. Все, Санчо, все, что происходит на свете, происходит от любви!

Комедия масок

Простак, Убийца и Король, играя без подсказки, со временем входили в роль и привыкали к маске.

И, даже кончив свой спектакль и сняв колпак бумажный, держался простаком Простак, Убийца — крови

жаждал, Скупой — копил, транжирил — Мот, Обжора — плотно ужинал, Любовник — все никак не мог вернуться к роли мужа...

И не поймешь в конце концов — где правда, а где сказка. Где настоящее лицо, а где — всего лишь маска.

Йорик

Мне хочется во времена Шекспира, где все решали шпага и рапира, где гордый Лир, властительный король, играл не выдающуюся роль; где Гамлет, хоть и долго колебался, но своего, однако, добивался; где храбрый Ричард среди бела дня мог предложить полцарства за коня, где клеветник и злопыхатель Яго марал людей, но не марал бумагу; где даже череп мертвого шута на мир глазницы пялил неспроста.

Мне хочется во времена Шекспира. Я ровно в полночь выйду из квартиры, миную двор, пересеку проспект и — пошагаю... Так, из века в век, приду я к незнакомому порогу. Ссудит мне Шейлок денег на дорогу, а храбрый Ричард — своего коня. Офелия, влюбленная в меня, протянет мне отточенную шпагу... И я поверю искренности Яго, я за него вступлюсь, презрев испуг. И друг Гораций, самый верный друг, меня сразит в жестоком поединке, чтобы потом справлять по мне поминки.

И будет это долгое — потом, в котором я успею позабыть, что выпало мне — быть или не быть? Героем — или попросту шутом?

Панург

— Панург, друг мой, — сказал брат Жан, — пожалуйста, не бойся воды! Твое существование прекратит иная стихия.

Рабле

Всем известно — кому из прочитанных книг, а кому — просто так, понаслышке, сторонкой, — как бродяга Панург, весельчак и шутник, утопил всех баранов купца Ин-

дюшонка. После торгов недолгих с надменным купцом он купил вожака, не скупясь на расходы. И свалил его за борт. И дело с концом. И все стадо послушно попрыгало в воду.

Ну и зрелище было! И часто потом обсуждал этот случай Панург за стаканом. И смеялся философ, трясая животом, вспоминая, как падали в воду бараны.

Но одно утаил он, одно умолчал, об одном он не вспомнил в застольных беседах: как в едином порыве тогда сгоряча чуть не прыгнул он сам за баранами следом. Он, придумавший этот веселенький трюк, испытал на себе эти адские муки, когда ноги несут и, цепляясь за крюк, не способны сдержать их разумные руки. Когда знаешь и помнишь, что ты не баран, а что ты человек и к тому же — философ... Но разумные руки немеют от ран, от жестоких сомнений и горьких вопросов...

А теперь он смеется, бродяга хмельной, а теперь он хохочет до слез, до упаду... Но, однако, спешит обойти стороной, если встретит случайно на улице стадо.

Сии малые

«Горе тому, кто соблазнит единого из малых сих!» Соблазненные такими речами, сии малые захотели большего. Они обивали высокие пороги, высиживали в приемных, предъявляли справки о том, что они действительно малые. Власти предержавшие выслушивали их со вниманием.

— Вы добрые малые, и горе тому, кто вас соблазнит! — говорили предержавшие власти и выдавали малым самые лестные характеристики.

— Вы добрые малые... — говорили они и заверяли характеристики своими подписями.

Но время шло, воздавалось кесарю кесарево, богу богово, а добрым малым никто ничего не воздавал. И они сидели в приемных с заверенными характеристиками.

Овцы и козлища

Стали отделять овец от козлищ.

— Ты кто есть?

— Овечка.

— А откуда рога?

— Честным трудом добыты.

— А борода?

— В поте лица нажита.

— Проходи, проходи, овечка!

Отделяют дальше.

— Ты кто?

— Овечка.

— Где ж твоя борода?

— Беда ободрала.

— Где ж твои рога?

— Нужда обломала.

— Проходи, проходи, овечка!

Проходят козлища, лезут, прут, нагоняют страх на честных овечек. «Ох, — трясутся овечки, — трудные времена пошли! Не знаешь, когда бороду отпускать, когда постригаться!»

К истории необитаемости

Когда количество краж на острове превысило количество всех остальных деяний, возникла идея выбирать воров демократическим путем, на основании прямого, равного и тайного голосования. Чтобы воровали не все, а лишь те, кто будет облечен доверием народа.

Избирательная кампания носила поистине всенародный характер. Полиция сбилась с ног. Коррупция сбилась с ног. Но выбрали самых достойных, самых известных органам правосудия.

Однако и те, которых не избрали, не прекратили своей деятельности. Они только не могли делать это открыто, всенародно, как народные избранники. И зарплату им за это никто не платил, и не было у них статуса неприкосновенности, который защищал бы их от закона.

А народные избранники были и высокооплачиваемы, и надежно защищены. За короткий срок общими усилиями опустошили остров, и воровать стало практически нечего. А поскольку ничего другого островитяне не умели, они разбежались кто куда, и остров стал совершенно необитаемым.

Впоследствии на этом острове высадился Робинзон и стал приводить его в порядок. Но может ли один человек привести в порядок то, что разрушалось и разворачивалось всенародно? Поэтому Робинзон тоже в конце концов сбежал с острова. И началась история необитаемости, которой до сих пор не видно конца.

Метопись

Рукописные, рукописные... И когда это все написать, чтоб узнали далекие присные то, что ближним не ведено знать?

Зря ты, Пимен, ушел в писатели, грозный царь на расправу крут. И ко времени ли, и кстати ли этот Богом завещанный труд о вещах, от которых бы спрятаться, о которых бы лучше молчать?

Ох, не скоро тебе печататься — ведь когда еще будет печаты!

И когда еще будут издания и читатели этих книг...

Но сказанья идут за сказаньями... И последнего — нет среди них.

Флауст

1.

Над землей повисло небо — просто воздух. И зажглись на небе звезды — миф и небыль, след вселенского пожара, свет летучий...

Но закрыли звезды тучи — сгустки пара. Слышишь чей-то стон и шепот? Это ветер.

Что осталось нам на свете? Только опыт.

Нам осталась непокорность заблуждению. Нам осталась вечный поиск — дух сомненья.

И еще осталась вера в миф и небыль. В то, что наша атмосфера — это небо. Что космические искры — это звезды... Нам остались наши мысли — свет и воздух.

2.

— Доктор Фауст, хватит философий, и давайте говорить всерьез!

Мефистофель повернулся в профиль, чтобы резче обозначить хвост.

Все темнее становилась темень, за окном неслышно притаясь. За окном невидимое время уносило жизнь — за часом час. И в старинном кресле — неподвижен — близоруко щурился на свет доктор Фауст, маг и черно-книжник, утомленный, старый человек.

— Доктор Фауст, будьте оптимистом, у меня для вас в запасе жизнь. Двести лет... пожалуй, даже триста — за здоровый этот оптимизм!

Что он хочет, этот бес нечистый, этот полудемон-полушут?

— Не ищите, Фауст, вечных истин. Истины к добру не приведут... Мало ли иллюзий есть прекрасных? Доктор Фауст, ну же, откажись!

Гаснут звезды. В доме свечи гаснут. В старом кресле угасает жизнь.

Легенды

В эти годы бродил по германским дорогам
Доктор Фауст, впоследствии ставший легендой.
И была его жизнь лишь коротким прологом
К той, веками прославленной жизни — посмертной.

Его первая жизнь протекала спокойно
И как будто бы даже совсем незаметно.
А вокруг полыхали пожары и войны,
Умирили бойцы и рождались легенды.

Но, уже пожилой, сорокапятилетний,
Согласуясь в делах не с душой, а с рассудком,
Доктор Фауст, впоследствии ставший легендой,
Не хотел совершать легендарных поступков.

Он служил своей чистой и мирной науке,
Созерцая парящие в небе светила.

Не давал он науке оружия в руки,
Чтоб не стала наука нечистою силой.

И когда поднимался народ за свободу,
Он стоял в стороне, согласуясь с законом.
Не за эти ль заслуги в грядущие годы
Его имя присвоили фаустпатронам?

Эти годы прошли. И в далекие дали
Убегает истории пестрая лента,
Где стоит, затерявшийся в самом начале,
Доктор Фауст, впоследствии ставший легендой.

Фигаро

- Где Фигаро?
- Он только что был здесь.
- Где Фигаро?
- Он там еще как будто.
- Где Фигаро?
- Он есть.
- Где Фигаро?
- Он здесь. Он будет здесь с минуты на минуту.

Ах, этот Фигаро! Ему недаром честь. Поможет каждому и каждому услужит...

Жаль, что он там, когда он нужен здесь, и здесь тогда, когда он здесь не нужен.

Слово, провозглашенное

одним поэтом в тесной компании в честь другого поэта, смелого и бескомпромиссного Сирано де Бержерака, известного особенно широко по пьесе третьего поэта — Эдмона Ростана.

Беспощадный Сирано,
Стань приятным Все Равно,
Посмотри на вещи проще и шире.
И не суй свой длинный нос

Ни в один чужой вопрос,
Разбирайся, где свои, где чужие.

И костюм смени, поэт,
Слишком ярко ты одет,
Мы сегодня по-другому одеты.
Может, это серо, — но
Ты оценишь, Сирано,
Пользу этого неброского цвета.

Наливайте, сэр, вино,
С вами выпьет Сирано,
Хоть ублюдок вы, подлец и скотина,
Хоть ничтожество и мразь,
Подходите не стыдясь:
Разве это, чтоб не выпить, причина?

Торжество победителя

Ну какие тут нужны слова?
Не мечтая о другой победе,
Унтер-офицерская вдова
Высекла себя — на страх соседям.

И пошла по городу молва,
От которой сникли все мужчины:
Унтер-офицерская вдова —
Автор небывалого почина.

А она сечет себя, сечет,
Вдохновенно, истово и гордо...
Снег ложится...
Солнышко печет...
Без работы ходят держиморды.

Воспоминание о Казанове

Сколько в мире женщин — тех, что не про нас! До от-
каза их, но суть не в этом.

Казанова плакал, получив отказ, потому что он привык к победам.

И не раз хотел покончить он с собой, добираясь до жены соседа. Затянуть на шее шарфик голубой, потому что он привык к победам.

Мы не казановы, и во цвете лет нас не сломят мелкие беды. Поражений в мире больше, чем побед, но из них мы делаем победы.

Если кто чего-то в жизни не нашел, он не станет ахать или охать. Потому нам так живется хорошо — хорошо, что сделано из плохо.

Мушкетеры

Бражники, задиры, смельчаки — словом, настоящие мужчины... Молодеют в зале старики, женщины вздыхают беспричинно. Горбятся почтенные отцы: их мечты — увы! — не так богаты. Им бы хоть бы раз свести концы не клинков, а собственной зарплаты.

Но зовет их дивная страна, распрямляет согнутые спины — потому что женщина, жена, хочет рядом чувствовать мужчину.

Бой окончен. Выпито вино. Мир чудесный скрылся за экраном.

Женщины выходят из кино. Каждая уходит с д'Артаньяном.

Мюнхгаузен

Ври, Мюнхгаузен!
Выдумывай, барон!
Выдавай за чистую монету!
Не стесняйся, старый пустозвон, —
Все равно на свете правды нету!
Скептическая песня

— Итак, я летел с двадцать третьего этажа...

Мюнхгаузен посмотрел на своих слушателей. Они сидели, ухмылялись и не верили ни одному его слову.

И тогда ему захотелось рассказать о том, что у него на душе, о том, что его давно печалило и волновало.

— Я летел и думал, — заговорил он так правдиво и искренне, как не говорил никогда. — Земля, думал я, в сущности, неплохая планета, хотя не всегда с ней приятно сталкиваться. Вот и сейчас она тянет меня к себе, даже не подозревая о возможных последствиях. А потом, когда я больше не смогу ей противиться, она спрячет меня, как прячет собака кость. Прячет, а после сама не может найти. Земля тоже не сможет меня найти — если станет искать когда-нибудь...

Мюнхгаузен опять посмотрел на слушателей. Они по-прежнему ухмылялись и не верили ни одному его слову.

И ему стало грустно — так грустно, что он величественно поднял голову и небрежно окончил рассказ:

— Я задумался и пролетел свою конечную остановку. Только это меня и спасло.

Дон Жуан

Сколько нужно порывов темных, чтобы разум один заменить? Сколько нужно иметь невинных, чтобы было кого обвинить?

Сколько немощи — для здоровья? Сколько горечи — чтобы всласть? Сколько нужно иметь хладнокровья, чтоб одну заменило страсть?

И победы — совсем не победы, и блестящие латы твои ни к чему тебе, рыцарь бедный, Дон Жуан, донкихот любви....

Сколько крика нужно для шепота? Сколько радости — для печали? Сколько нужно позднего опыта, чтобы жизнь была — как в начале? Сколько, сколько всего, что хочется, когда хочется так немного?.. Сколько нужно иметь одиночества, чтобы не было одиноко?

Квазимодо

Сколько стоит душа? Ни гроша. На нее не придумана мода. И живет на земле, не греша, золотая душа — Квазимодо.

Он живет, неприметен и сер, в этом мире комфорта и лоска, в этом веке, где каждый нерв обнажен, как Венера Милосская.

Недоросток, уродец, горбун. Красоты молчаливый свидетель, тащит он на своем горбу непосильную ей добродетель.

Молчалины

Молчалину неумоготу молчать, лакействовать, чужих собачек гладить. Неумоготу с начальниками ладить, на подчиненных кулаком стучать. В нем тайно совершается процесс, невидимый, но давний и упорный. Сейчас он встанет, выразит протест, оспорит все, что почитал бесспорным. Куда там Чацкому, герою громких фраз, которые достаточно звучали! Но ждите, слушайте, настанет час, придет пора — заговорит Молчалин!

Нет, не придет... Он знает их тщету — всех этих фраз, геройства и бравады. Молчалину молчать неумоготу, но он смолчит — минуя все преграды. И будет завтра так же, как вчера, держать свое бунтарство под запретом.

Когда со сцены уходит пора — молчалиным не подадут карету.

Слово

Человек простой и неученый, всей душой хозяина любя, Пятница поверил в Робинзона. Робинзон уверовал в себя. Он уверовал в свое начало и в свои особые права. И — впервые Слово прозвучало. Робинзон произносил слова. Первое — пока еще несмело, но смелей и тверже всякий раз. Потому что, став превыше дела, Слово превращается в приказ. И оно становится законом, преступать который — смертный грех. Ибо должен верить в Робинзона Пятница, туземный человек.

Письма Вольтера Екатерине Второй

(Альтернативная история)

Письмо первое

Москва, Бутырская тюрьма, 10 января 1775 года.

Сударыня!

Должно быть, это какая-то шутка. Меня, как Вы изволите знать, обменяли на Вашего Пугачева. Видимо, я был в тягость моему королю, а Вам необходимо было избавиться от человека, который набивался Вам в мужья и ради этого взбудоражил всю Россию.

Теперь Ваш Пугачев на Елисейских Полях, а я в этом отвратительном каземате. Но если Вам непременно нужно держать кого-нибудь в каземате, пусть бы там сидел Пугачев, зачем было везти меня из Парижа?

Не могу не обратить Вашего благосклонного внимания на то, что прежде, когда мы жили в разных странах, между нами была оживленная переписка. Теперь же я пишу, пишу, а ответа нет. Следует ли это понимать так, что Вы больше не хотите со мной переписываться? Может быть, Вам больше нравится переписываться с Дидро? Этот человек годится мне в сыновья, не понимаю, о чем с ним можно переписываться.

Мы тут перестукивались с товарищами, и они уверяют, что письма в этой тюрьме вообще не идут дальше надзирателей. Но мне кажется, этого не может быть: ведь переписка охраняется государством.

Напишите мне. Если и Ваши письма не пойдут дальше надзирателя, придется, видимо, заменить этого человека.

Искренне Ваш узник Бутырской тюрьмы Мари Франсуа Вольтер.

P.S. Меня крайне беспокоит, чем занимается во Франции Ваш названный супруг. Это ж надо было — напустить на Францию Пугачева!

Письмо второе

Москва, Бутырская тюрьма, 12 апреля 1775 года.

Государыня-матушка!

Осмелюсь доложить, что я дважды сидел в Бастилии, но там я не сидел сложа руки. Я мыслил, читал, писал. Со мной постоянно находились Гомер, Вергилий, Горацій, мои верные и вечные спутники, а здесь я сижу в полном одиночестве (как говорят у Вас, в одиночке).

Книг мне не носят, а если бы и носили, я все равно их не смог бы читать, потому что меня держат в темнице и только обещают перевести в камеру. Каждый человек имеет право сидеть в камере, почему же меня держат в темнице?

У нас в Бастилии было все по-другому. Правда, просьбу мою столоваться с комендантом Бастилии не удовлетворили, но там я по крайней мере столовался. А здесь я не столуюсь. Я не могу столоваться тем, чем у Вас здесь столуются. Если же учесть, что я лишен и духовной пищи, то можно без преувеличения сказать, что я не столуюсь ни духовно, ни физически.

Вот в Бастилии я жил полнокровной жизнью, там я мог даже шутить. Когда на допросе у меня потребовали назвать место хранения моих бумаг, я заставил их переворошить все нужники Парижа. Так я шутил в Бастилии. А попробовал бы я пошутить у Вас. Мне бы тут же вкатили десять лет без права переписки. И как бы мы тогда с Вами переписывались?

Остаюсь все там же и с тем же искренним уважением Франсуа Вольтер, заключенный Бутырской тюрьмы,

P.S. Интересно все-таки, чем занимается в Париже Ваш сомнительный супруг. Ведь он у Вас самозванец, любое имя возьмет, а мои соотечественники к громким именам равнодушны.

Письмо третье

Бутырская тюрьма, 19 августа 1776 года.

Ваше императорское величество!

Мы тут перестукивались с товарищами, и мне сообщили ужасную вещь: будто бы Бастилию собираются разрушить.

Не сомневаюсь, что это затея Вашего супруга, от которого Вы отделались таким варварским способом. Он ведь еще в России говорил, что весь мир насилия он разрушит до основания, а затем... Что же он собирался сделать затем? Память у меня здесь в Бутырках стала совсем никуда, а ведь мне всего лишь слегка за восемьдесят.

Так о чем это я? Все о Вашем мнимом супруге. Он обещал разрушить мир насилия, а Бастилия — орудие насилия, как это ни печально признавать. Значит, первое, что должен сделать в Париже Эмиль Иванович — это разрушить Бастилию.

Я очень встревожен. Если Бастилию разрушат, где же мы, писатели, будем сидеть? А писатели должны где-то сидеть, такая у них сидячая работа. Неужели нас всех ждут Бутырки, Ваше величество?

Нет, Вашего лжемужа нельзя было выпускать в Париж. Он не остановится перед тем, чтобы начать грабить награбленное, а ведь награбленное — это все наше богатство. Я не защищаю государство, но его развалины страшней, чем оно само, извините за неуместную философию.

Если это случится, весь цивилизованный мир должен знать: Великая французская революция экспортирована из России. И Россия со временем об этом пожалеет, потому что Франция со временем экспортирует эту революцию обратно.

Надо сохранить Бастилию! Надо сохранить насилие в цивилизованных формах!

А для этого прошу: верните меня во Францию! Обменяйте меня на Пугачева или на Ивана Болотникова, чтобы я мог спокойно жить у себя в Бастилии и способствовать ее сохранению для блага свободного французского народа.

Ваш покорный зек № 0081/0034 (фамилию забыл).

P.S. А супруга Вашего Эмиль-Яна можно при случае обменять на Вашингтона, Америка ведь не Франция и тем более не Россия, Америка выкрутится.

Листовка, расклеенная по всему Парижу

Граждане! Французы! Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои! Вы меня не узнали? Это же я, ваш король Людовик Пятнадцатый! Вот это радость, не правда ли? Вам сказали, что я умер, а я, получается, жив. На

престоле уже сидит мой внук Людовик Шестнадцатый, а я всенародно заявляю: ему еще рано там сидеть, пусть сначала сам станет дедушкой.

Не верьте моему внуку, граждане французы, это неудачный внук, и когда-нибудь ему еще отрубят голову!

А пока я, ваш король Людовик Пятнадцатый, иду на Париж!

Превратим монархию в республику!

Превратим республику в империю!

Превратим империю... ну, это мы после решим, во что.

Ваш король, но не в этом дело. Ваш друг и соотечественник Людовик Пятнадцатый (Лже! — Прим. департамента полиции).

Державин

Солдат по имени Гаврила и по фамилии Державин влюбился в гордую царицу, да и замужнюю к тому ж. Влюбляться было бы не нужно, учтя устав солдатской службы; солдат ведь присягал престолу, а там сидел царицын муж.

Чтоб верность сохранить престолу, пришлось согнать оттуда мужа и посадить взамен царицу. Солдат был в этом деле тверд.

Царица правила без мужа, но правила его не хуже. Но тут внезапно и некстати явился убиенный Петр.

Он был, конечно, самозванец, еще похлеще, чем Лжедмитрий, но был он родом из народа и тем опасен был вдвойне. Хоть он и был Петра пригожей и на пятнадцать лет моложе, не соблазнилась им царица и так сказала: «Быть войне!»

И оседлал коня Державин, и поскакал на Пугачева. Он так любил свою царицу, что постоянно рвался в бой. А отстояв ее от мужа, он в тот же час, в минуту ту же, талант поэта обнаружив, в стихах воспел свою любовь.

Он сочинял за одой оду (они как раз входили в моду), он отдавал литературе весь свой талант и ум, и пыл.

Когда ж на свет явился Пушкин, поэт от пяток до макушки, старик тотчас его заметил и, в гроб сходя, благословил.

Действующие лица

Датский принц давно уже не тот, не рискует с тенью разговаривать. Доктор Фауст в опере поет, у него на все готова ария. И на самый каверзный вопрос он готов ответить без суфлера.

Ленский ожил. Недоросль — подросток.

Хлестаков назначен ревизором.

Среди прочих радостных вестей новость у Монтекки с Капулетти: скоро будет свадьба их детей, и о том объявлено в газете.

И, как денди лондонский одет, Плюшкин прожигает все до цента.

Собакевич поступил в балет.

Пришибеев стал интеллигентом.

Дон-Жуан — семейный человек, у него отличная семья.

Полюбивший службу бравый Швэйк стал недавно капитаном Швейком.

И Мюнхгаузен, устав от небылиц, что ни слово — так и режет правду...

Сколько в мире действующих лиц действуют не так, как хочет автор!

Если бы такое случилось

Нас окружают привычные истины:

Земля вертится, курить — здоровью вредить, от перестановки мест сомножителей произведение не меняется...

Привычные истины,

в прошлом наши поводыри,

превращаются со временем в наших стражников и берут нас в плен, и ведут под конвоем.

Дважды два, с неизменным знаком наперевес, шагает сзади, чеканя свою любимую песенку:

Равняется,

равняется,

равняется —

четыре!

А другие истины, идущие по бокам, чеканят о том, что вода — мокрая, что стол — это стол, а стул — это стул, а весна — это весна (а не осень!).

Привычные истины окружают нас плотным кольцом, частоколом и зорко следят, чтобы мы не шмыгнули куда-нибудь в сторону, туда, где газы при нагревании не расширяются, где вода при кипении не испаряется, где выталкивающая сила совсем не равна весу вытесненной телом жидкости...

Привычные истины нам отводят привычную роль, и игра начинается...

Каждый играет кого-то;
злодей играет злодея,
короля играет король
(хотя ему по вкусу совсем другая работа).

Но если бы, если бы, если бы,
отбросив привычную роль,
герой сумел одолеть привычку свою и природу..
Итак, игра начинается.

На сцене известный герой,
Широко известный герой —

ДОН ЖУАН СТАНОВИТСЯ КВАЗИМОДО

О Дон Жуане написано много трагедий, поэм и статей, вокруг него давно разгораются страсти.

Его обвиняют:

он сделал несчастными столько счастливых семей!

Его оправдывают:

ведь он и сам был несчастлив!

Он слишком долго разыскивал свой идеал...

Свой идеал!..

Его считаешь своим лишь до тех пор, пока
не находишь...

И тогда ты уходишь,

Дон Жуан!

И однажды после очередного ухода,
размышляя о бренности человеческой красоты,
Дон Жуан увидел в себе Квазимодо,

и отвернулся от зеркала, узнавая его черты.
Он вышел на улицу,
некрасивый, немолодой человек,
и красивые девушки проходили с ним рядом.
Но —
ни одной улыбки из-под опущенных век,
ни одного перехваченного запретного взгляда.
Что-то изменилось.
Не только в нем, но вокруг.
Даже серое небо как-то выше и чище стало.
Некрасивые женщины превратились в красавиц
вдруг,
и каждая казалась ему идеалом.
Мир перевернулся.
Закат превратился в рассвет.
Изменились улицы, деревья и лица...
Неужели оттого, что изменился один человек,
целый мир должен вокруг измениться?
Дон Жуан остановился. Он глубоко страдал.
Не так,
как человек, что в своих идеалах обманут.
А так, как человек страдает,
сознавая,
что сам он — не идеал,
в целом мире — ни для кого...
Страдания, незнакомые Дон Жуану.

Привычные истины выпускают нас из кольца,
меняя сюжеты пьес, героев их и названия...
И старый веселый шут сгоняет улыбку с лица —

БЕДНЫЙ ЙОРИК СТАНОВИТСЯ КОРОЛЕМ ДАНИИ

Бедный Йорик,
бедный Йорик,
нищета и голь,
всех министров и шутов
насмешил до колик:
он корону нацепил,
крикнул:

— Я — король!
И взобрался на престол —
вот так бедный Йорик!
В шутку крикнул, конечно, — ведь он был шутом,
и на престол-то он просто присел на минутку.
Но все поверили: если шут сел на престол,
то, простите, какие тут могут быть шутки?
— Вы видите этот череп? — шут продолжал шутить. —
Попробуй-ка отгадай, что у него в середке!
Ведь для того, чтоб корону на голову нацепить,
нужны не мозги, а наличие этой коробки.
А коробки у всех одинаковые. Вот и поди
разберись!

Так он смешил публику, но публике расхотелось
смеяться.

— Поди разберись! — сказал Йорик, и первый
министр
приказал второму министру пойти разобраться.
— Вы видите этот череп? Потом поди разберись,
чей это череп: шута или самого короля Дании.
— Короля Дании! — заверил первый министр,
которому все известно было заранее.

Бедный Йорик,
бедный Йорик,
шут и весельчак,
сколько в жизни он шутил,
сколько веселился!
Сколько умных
в дураках
оставлял дурак,
не смущался никогда,
а теперь — смутился.

— Сейчас — допустим. А как через двадцать лет?
Через лет пятьдесят, через сто или триста?
Кто узнает его — когда он будет в земле?
— Он не будет в земле! — заверили хором министры.
Призадумался Йорик.
— Тогда я еще спрошу:
если так рассуждать, то выходит, что жить мне —
вечно?

Так выходит? — спросил, посерьезнев, шут.

И министры ответили хором: — Конечно!
— Пусть и двести, и триста, и тысяча лет пройдет, —
молвил шут, и лицо его стало торжественно-строгим. —
Я вовек не умру, и мой череп никто не найдет
и не будет над ним сочинять монологи.

Бедный Йорик,
бедный Йорик,
шут или король,
посмеется над тобой
будущий историк!
Чересчур уж ты всерьез
принял эту роль...
Бедный Йорик!

Привычные истины свой расширяют круг,
и мир становится вдруг непривычным и небывалым.
и конь Дон Кихота, заезженный, старый друг, —

РОСИНАНТ СТАНОВИТСЯ БУЦЕФАЛОМ

Ветряные мельницы остались далеко позади,
и теплый сарай, и небо мирное, голубое...
Росинант поднял голову и увидел себя посреди
настоящего поля боя.
Это поле щетинилось копьями и вздымало к небу
мечи,
и оно бряцало угрозами и взрывалось хохотом:
— Кляча!
Старая кляча!
Ну-ка давай, скачи!
Ну-ка давай, вручи битве свою удачу!
Росинант загремел доспехами, которые состояли
из выпирающих ребер, ключиц и мослов,
и хвост его затрепетал от неумения стлаться по ветру...
Старая кляча... От этих обидных слов
ноги подкашиваются, как от пройденных километров.
Старая кляча... Об этом забываешь, когда вокруг
ветряные мельницы с амбразурами дыр и щелей,
и тогда хочется вскинуть голову и ударить копытом
о камень,
и помчаться навстречу опасности — все быстрее
и быстрее,

распластавши по ветру хвост, не касаясь земли ногами.
Старая кляча... Росинант глубоко вздохнул,
отчего еще явственней проступили его доспехи,
и заржал, и ударил копытом, и гривой опавшей
тряхнул,
и шагнул — прямо в пасть, оскалившуюся
в дьявольском смехе.

Старая кляча... У каждого свой талант,
свой удел. Но когда прозвучат боевые клики,
Буцефалом становится Росинант,
Дон Кихот становится Александром Великим.

Все это на сцене мы называем игрой,
рассчитанной на публику, — в назидание или в угоду.
Но если бы, если бы, если бы,
отбросив привычную роль,
человек сумел одолеть привычку свою и природу!
И Мальчик-с-пальчик в кармане бы не зачах,
а, выйдя в широкий свет, превратился в такого детину,
что весь этот свет широкий жал бы ему в плечах,
а небо мешало бы распрямить спину.
Если б всем надоевшая Баба Яга
выступала почаще в роли Спящей Красавицы
(и чтоб ее не будили), если б умный слуга
не делал глупостей, чтоб своему господину
понравиться.

Если б шут стремился стать мудрецом
(но только не королем — поскольку это для него
понижение),
если б Дон Жуан, красавец, хотя б не меняясь лицом,
сумел Квазимодо понять и войти в его положение.
Если бы, если бы, если бы,
отбросив привычную роль,
трус повел бы себя, как герой,
лгун за правду стоял бы горой,
а мошенник боролся бы за справедливость,
и каждый в жизни играл только самую, самую,
самую

достойную роль...
Если бы, если бы, если бы,
если бы такое случилось!

Литературная хирургия

Сатира, которая призвана вскрывать язвы общества, достигла больших успехов по части анестезиологии. И хотя вскрывает хуже, но значительно лучше умеет усыплять.

Черный юмор

Черный юмор — это не смех сквозь слезы. Это смех вместо слез.

Борьба противоположностей

Одни смехом уничтожают страх, другие страхом уничтожают смех, поэтому в мире не убывает ни смеха, ни страха.

Надежды

Одни надежды оправдались, другие не оправдались... Почему-то надежды наши — как преступники перед судом: им постоянно нужно оправдываться.

Удовлетворение желаний

Счастье — в самих желаниях, а не в удовлетворении желаний. Требуя у жизни удовлетворения, мы вызываем собственную жизнь на дуэль.

А там уж как повезет: либо мы ее прикончим, либо она нас ухлопает.

Жанры жизни

Живешь эту жизнь, как эпопею, а в конце поглядишь — она вся на одном листке умещается. Стоило ее жить, как эпопею? Может, лучше было прожить ее, как афоризм: коротко, но со смыслом? Так бы она лучше запомнилась...

Жизнь с препятствиями

Жизнь — это бег с препятствиями.

Потом — шаг с препятствиями.

Потом — медленный шаг с препятствиями.

Меняется темп движения, но препятствия остаются.

Слабость чистого разума

Когда разум пытается заменить чувство, ему требуется вся его сила, вся эрудиция — там, где чувству достаточно одного вдоха.

Нуть мысли

Почему у нас в мозгу извилины? Видно, слишком много преград встречается на пути мысли.

Из него вышел Моцарт...

Из него вышел Моцарт — и ушел в неизвестном направлении. Из него вышел Пушкин — и ушел в неизвестном направлении. Сколько из него вышло великих людей! И все ушли в неизвестном направлении...

Маленькая печаль

Жила в анекдоте маленькая печаль. Все вокруг смеялись, а она не смеялась. Ей говорили:

— Смейся! Ведь у нас анекдот!

Но она не смеялась, а только печалилась.

— Если тебе так хочется плакать, ты можешь смеяться до слез, — убеждали ее те, что смеялись.

А она все равно не смеялась. Даже до слез. Потому что жила в таком неудачном месте.

То есть место было удачное — для тех, кто хотел посмеяться, а для тех, кто хотел погрустить или, допустим, задуматься, место это не очень подходило.

Время шло, и маленькая печаль все росла. Чем больше вокруг смеялись, тем больше она росла.

И никто не заметил, как она выросла.

Маленькие печали быстро растут.

Особенно когда живут в анекдоте.

Крылатые слова в районе их приземления

Горе побежденным (Тит Ливий), но еще большее горе победителям.

*

Эврика! (Архимед). Э, ври-ка!

*

Дайте мне точку опоры (Архимед), или я переверну земной шар!

*

Платон мне друг, но истина дороже (Сократ) обходится.

*

Когда говорит оружие, музы молчат (Цицерон), и это молчание принято считать знаком согласия.

*

Деньги не пахнут (Веспасиан). Особенно когда деньгами не пахнет.

*

Все течет, все изменяется (Гераклит). Но течет быстро, а изменяется медленно.

*

Где хорошо, там и родина (Аристофан), а хорошо там, где нас нет.

*

О времена! О нравы! (Цицерон). Все вы по-своему правы...

*

Аппетит приходит во время еды (Рабле), но не всегда еда приходит во время аппетита.

*

Знание — сила (Бэкон). Иногда — нечистая сила.

*

Все модные пороки слывут добродетелями (Мольер), поэтому добродетели никак не войдут в моду.

*

Великие умы сходятся (Вольтер), но не всегда для великих дел.

*

Во Франции надо быть либо молотом, либо наковальней (Вольтер). В России обычное положение человека — между молотом и наковальней.

*

Цель оправдывает средства (Гоббс), но — увы! — не всегда их дает.

*

Да, может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов (Ломоносов), но ни один Ньютон отечеству не в тон.

*

Блажен, кто верует (Грибоедов), блаженней — кто ворует.

*

Дела давно минувших дней (Пушкин) из современности видней.

*

Еще одно, последнее сказанье (Пушкин) — и станет неизбежным наказание.

*

Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная (Пушкин) для соответствующих учреждений.

*

Да, жалок тот, в ком совесть не чиста (Пушкин) и в ком чиста, и вообще в ком совесть.

*

Любви все возрасты покорны (Пушкин), но одного покорства бывает недостаточно.

*

Поэзия должна быть глуповата (Пушкин), но не до такой же степени!

*

Несчастье порождает равенство (Бальзак), поэтому у нас так много товарищей по несчастью.

*

И скучно, и грустно, и некому руку подать... (Лермонтов). Но зато есть кому подать в руку.

*

История всех существовавших до сих пор обществ есть история борьбы классов (Маркс) с цивилизацией.

*

В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот достигнет ее сияющих вершин (Маркс), кто сумеет их отличить от зияющих пропастей.

*

Родимые пятна капитализма (Маркс), где вы, родимые?

*

Свобода есть осознанная необходимость (Энгельс) сидеть в тюрьме.

*

Смотри в корень (Козьма Прутков), но и на плоды иногда поглядывай.

*

Печальник горя народного (Достоевский) стал начальником горя народного...

*

Преступление и наказание растут на одном стебле (Эмерсон), но преступление лучше плодоносит.

*

Коммунизм есть советская власть плюс электрификация (Ленин) и минус все остальное.

*

Каждая кухарка должна научиться управлять государством (Ленин), потому что варить будет все равно нечего.

*

Дело чести, дело славы, дело доблести и героизма (Сталин) карается по статье за измену Родине.

*

Теория без практики мертва, практика без теории слепа (Сталин). И куда же они нас завели, эти слепые и мертвые!

*

Такое бытие, что оно уже не в силах определять сознание (Приземленный Маркс).

*

От великого почина — к великой починке! (Приземленный Ленин).

*

Головокружение от успехов (Приземленный Сталин).

*

Если враг не сдается — его уничтожают (Горький).
Если друг не сдается, с ним делают то же самое.

*

Превосходная должность быть на земле человеком (Горький). Только за нее мало платят и много расплачиваются.

*

Дети — цветы жизни (Горький), а ягодки будут впереди.

*

Я к вам приду в коммунистическое далеко (Маяковский), если кого-нибудь там застану.

*

Клячу истории загоним (Маяковский), а на вырученные деньги купим себе другую историю.

*

Не хочу, чтоб к штыку приравняли перо, пусть его приравняют обратно! (Приземленный Маяковский)

*

Мы ехали шагом, мы мчались в боях и яблочко-песню держали в зубах (Светлов). А что сегодня у нас в зубах? Ни песни, ни яблочка.

*

Хлеб открывает любой рот (Лец). И закрывает.

*

Человечество смеясь расстается со своим прошлым (Маркс) и плача встречается со своим будущим.

*

Финансовая пропасть — самая глубокая: в нее можно падать всю жизнь (Оскар Уайльд), но пока падаешь — не расшибешься.

Долой
потребности!

Долой потребности!

Шпильки и шпульты

Преступная банда токарей по металлу должна была выпускать шпульты, а выпускала шпильки, экономя металл и пуская его на сторону.

Преступная банда работников торговли получала шпильки, которые в накладных значились как шпульты, но продавались как шпильки, имеющие значительно больший спрос.

Преступная банда правоохранительных органов, разматывая эту цепь преступлений, вышла на преступников, но арестовала честных людей, не имевших отношения ни к шпилькам, ни к шпультам.

Преступная банда судей, ясно видя невиновность обвиняемых, намотала им порядочный срок.

Честный журналист попытался разоблачить все эти преступления, но, вовлеченный в преступную банду журналистов, написал серию хвалебных очерков о работниках производства, торговли и, конечно, нашей славной милиции.

Честный читатель никогда бы не стал их читать, но, вовлеченный в преступную банду читателей, прочитал всю серию, от первой до последней строчки, и даже написал благодарственный отзыв в редакцию.

Чтобы рассеять все эти бандформирования, прогрессивные силы страны стали объединяться в партии, союзы, моторизованные дивизии, но при этом объединялись в банды. В бандформирования. Потому что ведь и партия, бывший их рулевой, тоже была не партия. И Союз нерушимый республик свободных тоже, в сущности, был не союз, а одно из наиболее крупных в истории бандформирований.

Ничто человеческое

В основополагающей формуле: «Кто был ничем, тот станет всем» — заключена вековая мечта всех нищих, голодных, бесправных, бездарных, безмозглых, бесчестных, бесстыжих и бессовестных. Государство победившего люмпен-пролетариата было рассчитано именно на них.

Говоря, что ничто человеческое им не чуждо, древние вряд ли могли предположить, что это ничто, отделившись от человека, возьмет над ним власть и начнет его перелепливать по своему образу и подобию. Что возникнет государство, в котором на всех руководящих постах будет восседать ничто человеческое. А если пост окажется не руководящим, то ничто человеческое все силы приложит, чтобы сделать его руководящим, — будет ли это пост чиновника, дворника, сантехника или просто мальчика на побегушках. Потому что в стране победившего люмпен-пролетариата каждый, кто был ничем, должен непременно стать всем, чтобы подняться над другими из своего ничтожества.

Конечно, это ничто, придя к власти, прежде всего постаралось избавиться от тех, кто представлял собой что-то. Сначала оно избавилось от богатых, национализировав чужое добро, затем от недостаточно нищих (коллективизация и раскулачивание) и, наконец, от умных, талантливых, с царем в голове, потому что царь в голове опасен для любой власти.

Эссе, сэр! Время, однако, шло, и ничто, которое стало всем, все больше тревожилось: а вдруг оно снова станет ничем? И тогда оно отменило диктатуру люмпен-пролетариата и объявило, что отныне мы все будем жить по-человечески, поскольку ничто человеческое нам не чуждо. И пока население соображало, как это нужно жить по-человечески, ничто человеческое уже стало так жить.

Но от этого, сэр, оно не стало более человеческим. Ничто есть ничто, в нем всегда нечеловеческого больше, чем человеческого, хотя в чем-то оно человеческому не чуждо.

Сорок два банана

Слух о том, что профессор Гамадрил изобрел способ превращения современных обезьян в человека, оказался настолько преувеличенным, что репортеры нескольких европейских газет были уволены без выходного пособия. Им было указано, что, как бы фантастически ни развивалась наука, она не должна лишать репортера здравого разума. Можно писать об антиматерии, о преобразовании времени в пространство, о любой теории, не нуждающейся в немедленном подтверждении практикой, — но превращение обезьяны в человека — тут уж позвольте... Где этот человек? Познакомьте меня с ним!

— Мне нужен месяц, — сказал Натти Бумпо, репортер, уже уволенный, но еще не выставленный из кабинета редактора. — Дайте мне месяц, и я вас познакомлю с таким человеком.

Натти Бумпо — это был его псевдоним, взятый в честь героя любимого писателя Купера. Не то, чтобы он любил его больше других, просто Купер был единственный писатель, который запомнился ему с детства — с того времени, когда человек еще имеет время читать.

— Натти, — сказал редактор, — зачем вы говорите о каком-то месяце, когда вы свободны теперь на всю жизнь?

— Ладно, — сказал Натти Бумпо, — пусть я сам превращусь в обезьяну, если через месяц мы не встретимся здесь втроем. — С тем его и выставили из кабинета.

Профессор Гамадрил ел банан где-то в северной части Южного полушария, когда перед ним предстал репортер европейской газеты. В руках у репортера был блокнот, на носу очки, на голове шляпа, и все это отвлекало внимание профессора и мешало сосредоточиться на прямо поставленном вопросе:

— Что думает профессор о возможности очеловечивания современных обезьян, разумеется, в связи с достижениями современной биологии и генетики?

— Не хотите ли банан? — спросил профессор, явно желая выиграть время на размышление. Он в последний раз надкусил банан и протянул его Натти Бумпо.

Натти поблагодарил. Он не ел с тех пор, как покинул южную часть Северного полушария, чтобы вступить на северную часть Южного, и он охотно разделил профессорский обед или даже скорее ужин, потому что день уже клонился к вечеру.

— Так что же вы думаете? — протиснул он сквозь сладкую мякоть банана.

— Это как посмотреть, — рассеянно вымолвил Гамадрил, все еще продолжая отвлекаться очками. — Один говорит одно, другой — другое... Мой сосед Бабуин целыми днями сидит на дереве, так ему, конечно, видней...

Репортер европейской газеты впервые слышал о Бабуине, и он решил, что это тоже, наверное, какой-то профессор. А у них тут наука шагнула, подумал он.

— В последнее время наука очень шагнула, — вслух продолжил он свою мысль. — Взять хотя бы дельфинов — ведь это почти разумные существа...

Профессор Гамадрил не читал газет, поэтому он позволял себе сомневаться. Он сомневался во всем, чего нельзя было попробовать на ощупь или на вкус, в этом отношении он был чистый эмпирик. Он знал, что банан сладкий, а дождь мокрый, но о дельфине он ничего не знал, потому что ни разу в жизни его не пробовал.

— Если дельфины мыслят, — гнул свою линию репортер, — то что же тогда говорить об обезьянах? По науке, им остается только превратиться в людей.

— Слишком долгая история, — сказал Гамадрил так, словно он сам прошел всю эту историю. — Да и результаты, как показывает опыт, весьма неутешительны.

Натти Бумпо почувствовал, что почва уходит из-под его ног вместе с редакцией европейской газеты. Если не верит сам профессор Гамадрил, то как же тут убедишь редактора?

Таким печальным размышлениям он предавался, когда внезапно в голову ему угодил банан. Второй банан угодил в голову его собеседнику.

— Это сосед Бабуин, — пояснил Гамадрил, поднимая оба банана и один из них протягивая гостю. — Берите, не стесняйтесь, это он угощает.

Вслед за тем появился и сам Бабуин, который, оказывается, сидел тут же, на дереве.

— Привет компании! — сказал Бабуин. — Что за шум, а драки нету?

— Какая там драка, коллега, — кивнул ему Гамадрил. — Просто сидим, разговариваем.

Сосед Бабуин тоже присел и принялся разглядывать гостя, точнее, его шляпу, блокнот и очки. При этом он почему-то чесал не в затылке, что обычно выражает недоумение, а где-то под мышкой, что уж и вовсе непонятно, что выражает.

— Меня удивляет, — продолжил Натти свой разговор, теперь уже обращаясь к двум собеседникам, — неужели обезьяны, ближайшие собратья людей, не могут оценить всех преимуществ цивилизации? Человек рождается свободным, человек — животное общественное, и ничто человеческое ему не чуждо... — Натти Бумпо говорил, вспоминая все, что читал и писал по этому поводу, и слова его строились, как колонки на первой воскресной полосе. — Человек — мера всех вещей, — говорил он, — и не только вещей, но и животных. И пусть ему иногда свойственно ошибаться...

— Не так быстро, — попросил Гамадрил, — я не успеваю улавливать.

— Ешьте лучше банан, — предложил Бабуин.

После этого они долго ели бананы.

Между тем стало уже почти темно, и репортер зажег свой репортерский фонарик, чем доставил огромное удовольствие новым друзьям. Сосед Бабуин взял этот фонарик и посветил им Гамадрилу в глаза, а профессор зажмурился от яркого света, впрочем, тоже не без удовольствия. Потом, посвечивая себе, Бабуин сбросил еще по банану.

После ужина профессор, привыкший к строгому режиму, почувствовал, что его клонит ко сну. Было странно, что вокруг светло, а его клонит ко сну, и профессор подумал, что это, видимо, следствие переутомления. Надо больше следить за собой, подумал он и совершен-

но по-английски, то есть не простившись с компанией, уснул.

Профессор Гамадрил дышал так, словно находился на приеме у доктора. Грудь его то вздымалась, то опадала, нос шумно втягивал и выбрасывал воздух, а рот... но что делал профессорский рот, так и осталось невыясненным, потому что в этом месте Бумпо погасил свой фонарик.

Проснулся Бумпо в самом зените дня, когда в европейской редакции уже в разгаре работа. Просыпаясь, он испугался, не опоздал ли, потом успокоился, вспомнив, что опаздывать больше некуда, потом сообразил, что теперь опаздывать решительно некуда, и снова заволновался. В сумятице этих мыслей и чувств он открыл глаза и увидел Чакму.

Чакма не была образцом красоты — Натти, у которого хранились все образцы, начиная с 1949 года, мог судить об этом с полной ответственностью. Больше того, внешность Чакмы была словно вызовом всем установленным нормам и образцам и этим, пожалуй, импонировала Натти Бумпо, который, профессионально привязанный к штампу, душевно тяготел ко всякой неповторимости.

Чакма разглядывала его, как ребенок разглядывает взрослый журнал: без понимания, но с непосредственным интересом. Так и казалось, что ей не терпится его перелистнуть, чтобы разглядеть с другой стороны, но Натти не спешил удовлетворить ее любопытство. Она смотрела на него, а он смотрел на нее, и было в этом молчаливом смотре что-то древнее и новое, как мир. Что-то очень знакомое, идущее от далеких предков, и неизвестное, из еще не рожденных времен.

— А где профессор? — спросил Натти Бумпо, опуская лирическую часть знакомства и переходя к деловой.

Чакма не ответила. Теперь, когда она не только видела, но и слышала его, она была совершенно переполнена впечатлениями, и ей не хотелось говорить, ей хотелось только видеть и слышать.

— Что же вы молчите? — услышала она и опять не ответила.

Затем наступило долгое молчание, прерванное наконец Чакмой.

— Я уже давно здесь сижу, — сказала она. — Сначала шла, потом села... И вот сижу... — Чакма помолчала в надежде снова что-то услышать, но Натти не спешил вступить в разговор, он ждал, когда Чакма как следует разговорится. — Как утром встала, так и пошла... Да... А теперь сижу. Так и сижу...

— Вы пришли к профессору?

— Что вы, я к нему никогда не хожу! Мне совсем не нужно ходить к профессору... Просто я встала и пошла. А потом села...

— Привет компании! — сказал с дерева сосед Бабуин. — Я слышу, вы уже разговариваете?

Натти Бумпо не замедлил спросить, не видел ли сосед Бабуин профессора, на что тот ответил, что видел, когда было светло, а когда стало темно, тогда он его уже не видел. Он и теперь его не видит, хотя уже снова светло, добавил сосед Бабуин и замолчал у себя на дереве, что было весьма кстати, потому что Чакма как раз открыла рот, чтоб сказать:

— Я еще немножко посижу и пойду.

— Сидите сколько хочется, — сказал Натти Бумпо.

— Тогда я долго буду сидеть, потому что мне хочется сидеть долго. Сама не знаю, отчего это: раньше я всегда похожу, потом посижу, потом опять похожу, и так все время...

У нее были неправильные черты лица, в которых, казалось, отразился весь ее неправильный образ жизни. Конечно, можно и сидеть, и ходить, но нельзя же все сводить только к этому.

— У нас не так, — сказал Натти Бумпо. — У нас человеку всегда найдется занятие. Днем работа, вечером — театр или кино. Сходишь с друзьями в ресторан или просто посидишь у телевизора. Бывают довольно интересные передачи.

Чакма была превосходной слушательницей, потому что для нее все было в новинку. Она затаив дыхание слушала и про кино, и про ресторан, потом, осмелев, задала какой-то вопрос, который подсказал Натти новые темы, и вскоре разговор вылился в широкое русло международных проблем и, в частности, отношений между Западом и Востоком (которые оба находились на севере).

— Угощайтесь! — крикнул с дерева сосед Бабуин и бросил им два банана.

Это было кстати, потому что время завтрака давно прошло и приближалось время обеда.

— Мы как в ресторане, — сказала Чакма, надкусывая банан.

Ей было хорошо сидеть с этим человеком, еще недавно совсем незнакомым, а сейчас таким знакомым, что просто невозможно и выразить. И она сидела, и не спешила уходить, и радовалась, что он тоже никуда не торопится. И представляла Чакма, как они сидят с ним вдвоем где-то там, в его ресторане, и смотрят телевизор — такой ящик, в котором показывают разные чудеса.

— Повсюду улицы, — сказал репортер, — тротуары... Киоски с газированной водой...

— Как хорошо! — тихонько вздохнула Чакма.

Натти Бумпо рассказывал о городе Роттердаме, где ему однажды пришлось побывать. Потом, по ассоциации, он заговорил о художнике Рембрандте, жившем в городе Амстердаме, и о Ван Гоге, жившем не в Амстердаме, но тоже художнике. От Ван Гога он перешел к Вану Клиберну, уже не художнику, а музыканту из штата Луизиана, затем еще в кому-то, не музыканту, но тоже из этого штата. От Александрии в штате Луизиана он перешел к Александрии в штате Вирджиния, затем к Александрии европейской, Александрии африканской и Александрии австралийской. И так, за короткое время, он набросал общую картину Земли и проживающего на ней человечества.

Под грузом всех этих Александрий сосед Бабуин свалился на землю вместо банана. Он извинился, спросил, а почему, собственно, так одинаково называются такие разные города, и, не получив вразумительного ответа, полез обратно на дерево.

— Что же касается способности человека одним усилием воли влиять на радиоактивный распад, — развивал репортер еще одну смежную проблему, — то профессор Шовен говорит по этому поводу следующее...

Профессор Гамадрил так и не вернулся в тот день, и на следующий день он тоже не вернулся. Как выясни-

лось потом, он гостил где-то у дальнего родственника, в то время как его собственный гость был предоставлен чужим заботам. Это не было профессорской рассеянностью или бестактностью, как принято считать в цивилизованном мире, — просто профессор на минуту забыл о своем госте и вспомнил о родственнике, и в ту же минуту отправился к нему, чтобы вернуться через неделю.

Для соседа Бабуина это была беспокойная неделя, потому что ему приходилось кормить профессорских гостей, которые вели внизу общеобразовательные беседы. Для Натти Бумпо это была неделя отдыха от всяких забот. Он дышал свежим воздухом, ел бананы и беседовал с Чакмой, поражая ее своей эрудицией, которой бы хватило на целую газетную подшивку. А для нее, для Чакмы, эта неделя была новой жизнью, вторым рождением, той эволюцией, на которую в других условиях потребовались многие тысячи лет. И хотя черты ее, с точки зрения общепринятых норм, все еще продолжали оставаться неправильными, образ мыслей ее уже вполне соответствовал этим нормам.

— Как жаль, что у нас не ходят троллейбусы! — говорила она на третий день.

— Конечно, Матисс интересней, чем Сезанн, — говорила она на пятый.

— Интеллектуальная жизнь имеет все преимущества над жизнью биологической, — говорила она на седьмой.

А на восьмой день вернулся профессор Гамадрил.

Он мог бы доставить значительно большую радость, если б вернулся раньше на несколько дней. Все уже как-то привыкли к его отсутствию: Бабуин привык, Натти Бумпо привык, а уж о Чакме и говорить нечего. Она и прежде не стремилась видеть профессора, а теперь у нее возникла к нему какая-то неприязнь, то, что она бы назвала духовной отчужденностью.

Семь дней она приходила сюда, и здесь не было никакого профессора, и она сидела и смотрела, как спит Натти Бумпо, и ждала, когда он проснется, а когда он проснулся, они начинали говорить об авангардизме и гамма-лучах, и ели бананы, которые им бросал с дерева Бабуин, и говорили, говорили до самого вечера.

Семь дней Натти Бумпо просыпался и засыпал с чувством внутреннего успокоения, не думая о делах, за которые его могут уволить или, наоборот, принять на работу. Он съел четыре десятка бананов и увидел четыре десятка снов, и ни в одном из них не было редактора европейской газеты.

Семь дней сосед Бабуин чувствовал себя гостеприимным хозяином, который не зря сидит у себя на дереве, потому что он нужен тем, кто сидит внизу. И он хлопотал, беспокоился, как бы не пропустить время завтрака или обеда, он выбирал для гостей самые большие бананы, а себе оставлял самые маленькие... Но он не был хозяином, хозяином был Гамадрил, который появился на восьмой день, если считать за день время между рассветом и наступлением темноты.

Он появился, как будни после праздников, как послесловие, которое никто не хочет читать, хотя оно многое объясняет. И, объясняя свое появление, он сказал:

— Ну вот я и дома.

Он сказал это, словно хотел подчеркнуть, что они-то не дома, что они у него в гостях. Чакма это сразу почувствовала.

— Пойдемте, Натти, — сказала она. — Нам нечего здесь оставаться. Пойдемте отсюда в Роттердам.

— В Роттердам? — удивился профессор. — В какой еще такой Роттердам?

И Чакма ему рассказала. Она рассказала и о городе Роттердаме, и о городе Амстердаме, и об Александриях со всех четырех материков. Она сказала, что газы при нагревании расширяются, а Юпитер — это такая планета, а еще прожектор, который зажигают на киносъемках, чтобы артистам было светло играть. И еще она сказала, что работа в газете — сущая каторга (профессор не знал, что такое каторга, потому что никогда не работал в газете). Она сказала, что редактор может уволить за любую неверную информацию, и тогда ему нужно доказать, что информация была верная.

— И мы ему докажем, — заверила Чакма профессора Гамадрила. — Правда, Натти, мы ему докажем?

Сосед Бабуин сбросил с дерева три банана. Чакме не хотелось есть, она была переполнена всем этим огромным количеством информации, и Натти взял себе два.

— Человек рождается свободным, — говорила Чакма профессору Гамадрилу. — Человек — мера всех вещей. И если стоит жить на нашей земле, то лишь для того, чтобы быть на ней человеком. Правда, Натти?

Натти Бумпо не отвечал. Он занял очень удобное место под деревом и теперь думал, как бы не уступить его профессору Гамадрилу.

— Сейчас уже, наверно, часов пять, — сказала Чакма. — По средневропейскому времени.

Только Натти Бумпо мог сказать ей, который час, потому что в кармане у него были часы с месячным заводом. Но ему не хотелось лезть в карман за часами — да и не все ли равно, который теперь час? Пять или шесть — от этого ничего не изменится...

— Пойдем, Натти, — сказала Чакма. — Мы найдем твоего редактора и докажем ему, что ты был прав.

А почему, собственно, он должен быть прав? Разве человек, который не прав, дышит не тем же воздухом? Разве он не ходит по той же земле?

— Пойдем, Натти, — сказала Чакма.

Профессор Гамадрил пытался их удержать — в конце концов, им совсем нечего торопиться. Пусть посидят у него под деревом, погостят.

— Нет, — сказала Чакма. — На погруженное в жидкость тело действует выталкивающая сила, равная весу вытесненной им жидкости. Две величины, порознь равные третьей, равны между собой. Мы не можем здесь оставаться. Пойдем, Натти!

Натти Бумпо подумал, что если он встанет и пойдет, то профессор Гамадрил тотчас же займет его место. Тут только встань, подумал он, только отойди на пару шагов...

— Возьмите чего-нибудь на дорогу, — предложил с дерева сосед Бабуин.

— Мы поедем на поезде, — успокоила его Чакма. — Потом на самолете. Потом на троллейбусе, трамвае и метро. Все будет очень быстро, правда, Натти? Ну что же ты сидишь?

— Я уже давно здесь сижу, — сказал Натти Бумпо, адресуясь больше к профессору, чтобы как-то узаконить свои права.

— Натти, — сказала Чакма, — не забывай, что тебя ждет редактор. Тебя ждут европейские газеты и весь цивилизованный мир.

— Я как встал, так и пошел, — объяснил Бумпо профессору. — А теперь сижу... Шел, шел, а потом сел. Так и сижу. Давно сижу.

Чакма готова была заплакать. Этот Натти был совсем не похож на того, которого она увидела в первый раз и которого видела потом каждый день, целую неделю.

— Натти, — сказала она, — неужели ты все забыл? Неужели ты забыл, что Земля вращается вокруг Солнца, а сумма углов треугольника равна двум d ? Неужели и античастицы, и мягкая посадка на лунной поверхности для тебя теперь пустой звук?

Это был даже не звук, потому что Натти его не услышал.

— Прощай, Натти, — сказала Чакма, — раз ты остаешься, я уйду одна. Я пойду к твоему редактору и докажу ему, что ты был прав... Тогда, раньше был прав... А потом я пойду в Роттердам... — Чакма заплакала. — Я буду гулять по городу Роттердаму, и по городу Амстердаму, и по Александриям я тоже буду гулять... И мне будет весело, мне будет хорошо и весело, слышишь, Натти?

Нет, Натти ее не слышал.

— Мне будет очень хорошо, — говорила Чакма, размазывая слезы по щекам, — потому что я буду чувствовать себя человеком. Потому что когда чувствуешь себя человеком... Ты же это знаешь, Натти, ты знаешь это лучше меня... Я научусь читать и прочитаю «Ромео и Джульетту». И «Тристана и Изольду». И я постараюсь быть такой же красивой, как были они... У меня будет красивое платье... И если мы с тобой когда-нибудь встретимся, ты меня не узнаешь... О Натти, ты никогда не узнаешь меня!

И она пошла прочь, маленькая, одинокая Чакма, вся мокрая от слез. Она шла туда, к своему человечеству, потому что теперь, когда из глаз ее текли слезы, она уже тоже была человек...

— Обезьяна, — сказал профессор Гамадрил, но было непонятно, о ком он это сказал.

Профессор Гамадрил иногда выражался очень загадочно.

Эволюция продолжается

Интересно, сколько в наше время понадобилось бы обезьяне лет, чтобы превратиться в человека. Сто лет? Тысяча лет? Три тысячи лет?

Да нисколько! Ее бы просто назначили человеком. Допустим, кто-то у нее в людях есть, какой-то знакомый или дальний родственник, он бы с кем-то там переговорил, нельзя ли, мол, обойтись без эволюции, уж очень достойная обезьяна и семейные обстоятельства у нее, не может она, ну не может дожидаться эволюции... И нашлись бы возможности: кого-нибудь бы переместили, кого-то понизили, и обезьяну в люди — хлоп! И на дверях кабинета написали бы: «Человек» — хотя там, за дверью, сидела бы обезьяна.

И никто бы не усомнился, что это человек. Ну подумаешь, немножко зарос, столько дел, некогда было побриться. А то, что не соображает, тоже можно понять: работа ответственная, широкий масштаб, все это охватить — не хватит никакого соображения.

И просидела бы обезьяна в кабинете до пенсии, да еще получала бы благодарности, если б начальству не возражала. А она бы и не возражала. Возражают те, у кого членораздельная речь, а эти нечленораздельные, да еще в уютном кабинете, на приличном довольствии — эти всегда со всем согласны, если это, конечно, лично их не касается. Наступи такой обезьяне лично на хвост, она еще как завопит, запротестует, хотя вообще-то, в принципе, против наступления на хвосты она не возражает. Пока это собственного хвоста не касается.

Мне, конечно, могут возразить, что это путь не эволюционный, что такого в природе не может быть. В природе — конечно. Потому что природа развивается по своим законам. А если обойти законы, как мы это делаем? Сколько мы таких обезьян в люди произвели! Да еще, как в старые, первобытные времена, дали им в руки палку!

Мы и сейчас их производим, вы разве не заметили? Производим, производим! Очеловечиваем обезьян. Эволюция продолжается!

Проект профессионализации любительской страны

У нас любительская страна, для нее главное, чтоб ее любили. Поэтому к профессионалам она всегда относилась с некоторым опасением: а вдруг они не будут ее любить? И кроме того: профессионалам надо платить, а любители готовы работать бесплатно.

Хотя начиналась наша страна не с любителей, а с профессионалов. С профессиональных революционеров. Но когда революция закончилась, им негде было проявить свой профессионализм, и они попытались продлить в стране революцию, разжечь затухающую классовую борьбу. Ведь это было единственное, что они умели делать.

Но с годами стало ясно, что любовь к своей стране не может заменить профессионального к ней отношения. Как бы врач ни любил больного, он его не вылечит, если не умеет лечить. И как бы глава правительства ни любил быть главой правительства, он, помимо этого, должен уметь профессионально руководить государством.

И тогда в стране широким фронтом развернулось сражение за профессионализм. Первой, как ей и положено, вступила в сражение армия. Солдаты и офицеры были за профессиональную армию, генералы и маршалы — за непрофессиональную. Потому что непрофессиональной армией легче руководить. С любителей вообще меньше спрашивается.

А кто у нас будет делать бесплатную работу? Наша государственная система рассчитана на то, чтобы какая-то часть населения делала бесплатную работу. Раньше ее делали колхозники в колхозах, заключенные в лагерях, а теперь вся надежда на армию. Поэтому генералитет высказывается в том смысле, что для профессиональной армии страна еще не созрела. Понадобится слишком много времени и средств: ведь каждого солдата нужно обучить и при этом им деньги платить, а не то, что платят сегодня.

Но на самом деле это не так: в нашей армии все профессионалы. Генералы — профессиональные офицеры,

офицеры — профессиональные сержанты, сержанты — профессиональные солдаты, солдаты — профессиональное гражданское население. И для того, чтоб создать профессиональную армию, понадобится всего несколько передвижений: маршалы разжалуются в генералы, генералы — в офицеры, офицеры — в сержанты, сержанты — в солдаты, солдаты — в гражданское население.

И сразу вся армия станет профессиональной. Сэкономленные средства пойдут на повышение зарплат. И сразу отпадет необходимость воровать, эксплуатировать труд солдат, продавать оружие частным бандам.

То же самое и на производстве: разжаловать академиков в профессора, профессоров — в инженеры, инженеров — в рабочие. И рабочих разжаловать: лишить жалованья, если работать не хотят.

Но пока не получается. Наша привычная классовая борьба все больше переходит в кассовую борьбу: кто больше загребет, тот и победитель.

Донкихоты и мельницы

Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой. И когда не прикажет, становится любой. Кто ее слушает, эту страну? Недавно она, если помните, приказала долго жить, а мы еще больше умираем.

Экономисты говорят: государству нужны не донкихоты, а мельницы. Потому что фантазий у нас хватает, а с хлебом зарез. Пора, говорят экономисты, перестать молоть ерунду и руками размахивать, надо и молоть, и размахивать с толком.

В известном споре донкихотов с мельницами государство всегда принимало сторону мельниц. И все государственные учреждения, начиная с дошкольных и кончая правительственными, делали все, чтоб из донкихотов вырастали хорошие мельницы. Мельницы, которые, не отвлекаясь фантазиями, трудолюбиво и добросовестно мелют муку.

Как сказал по телевизору известный в то время писатель: что такое подвиг, друзья? Подвиг — это когда каждый занимается своим делом.

Страну, в которой любое дело — подвиг, можно смело назвать героической. Голодной, нищей, криминальной, но — героической. Мельницы героически борются за каждый мешок зерна, а донкихоты борются за отсутствующую справедливость. Что нам нужно больше: чтоб у нас было вдоволь зерна, а справедливости не хватало, или чтоб справедливостью мы завалили страну, а зерно привозили из Америки?

Вопрос, конечно, можно поставить, но с ответом не получается. И со справедливостью не получается. И особенно с зерном.

И уже мельницы, не решив проблему зерна, расправляют крылья для борьбы, а донкихоты, махнув рукой на борьбу, продают свои рыцарские доспехи за предметы первой домашней необходимости.

Исторический выбор

Сегодня цель уже не так оправдывает средства, как оправдывала в прежние времена. Сегодня она говорит: средства были ошибочные. Нехорошие были средства.

Но цель-то была хорошая! Она потому и оправдывала средства, что была добрая, гуманная. Была бы она другая, разве б она могла такие ужасные средства оправдать?

Цель у нас была высокая: построение социализма. Сначала она была еще выше, аж до самого коммунизма, но потом мы решили: пусть будет социализм. Такой мы сделали исторический выбор.

Какие средства оправдывала эта цель? Ну, сначала, конечно, революцию, гражданскую войну. Потом, уже в мирное время, классовую борьбу со всеми вытекающими последствиями. И все это время нужно было людей кормить, причем не после, а до построения социализма. И не как-нибудь выборочно, а всех кормить, сверху донизу.

К сожалению, еды хватало только на начальный период: начнем сверху — и еды уже нет. Опять начнем сверху — и еды опять нет.

Как же сверху донизу людей накормить, если стоит сверху начать, как вся еда на этом кончается?

Те, которые снизу, шеи повытягивали, изо всех сил тянут, чтоб сверху еду ухватить. Им говорят: спокойно. Накормим всех сверху донизу. Но лишь сверху начинаем — и еды снова нет.

А цель-то вообще хорошая. Просто замечательная. И средства, которые она оправдывает, хорошие, не такие, как прежде.

Жаль, что среди этих хороших, замечательных средств нет одного-единственного: средства к существованию.

Страна показателей

У нас легкая атлетика опережает легкую промышленность, ее не стыдно вывозить за рубеж, а легкую промышленность стыдно держать и у себя дома.

Легкой атлетике легче. Здесь один спортсмен может быть показателем общих достижений. А один пиджак — это не показатель, его не вывезешь за рубеж. В крайнем случае в нем может выехать руководитель делегации.

Мы — страна показателей. Выставок достижений, а не народного хозяйства. Показатели культурного роста нам заменяют культурный рост, а показатели экономического развития — экономическое развитие.

Только в стране показателей могло появиться высокое звание «корова-рекордистка». Потому что при нормальном развитии животноводства коровы не ставят рекорды, а дают молоко.

В латинском языке слово «рекорд» означает воспоминание. Помните, какое мясо было до войны? Помните, какая птица была до революции? Новое — это хорошо забытое старое, поэтому, если мы по-настоящему стремимся к новому, нам ничего не остается — только вспоминать.

Инструкция для перегибающих палку

Перегибать палку — дело серьезное, тут главное — не наломать дров. Хотя и дрова — дело хорошее. Особенно в осенне-зимний период.

Но меру в любой период надо знать. А то наперегибаем, наломаем, глядишь — ни перегибать, ни ломать нечего.

И что тогда остается? Разве что те палки, которые мы — помните? — ставили в колеса.

Много мы их наставили. Если все эти палки повытаскивать из колес да в землю повтыкать, можно восстановить весь лес, вырубленный за последние полстолетия.

А если все эти палки взяться перегибать, какие дела можно делать!

Только вот проблема: как тогда быть с колесами? Ведь надо же палки и в колеса ставить, а не только перегибать.

Все надо учесть, обо всем позаботиться. И о том, чтобы палок хватило на колеса, и о том, чтобы, перегибая их, не наломать дров, и о том, чтобы и дров наломать, — сколько потребуется в осенне-зимний период.

И еще что важно: в какую сторону палку перегибать. Если вчера мы перегибали концами внутрь, то сегодня — обратите внимание — мы перегибаем концами наружу!

Русские мозганы

Жизнь в России была бы совсем другая, если бы в ней вовремя перекрывали утечку мозгов. Узнал, допустим, первый царь Николай, что декабристы разбудили Герцена, и назначил его министром по делам мозгов. С такого высокого поста не прыгнешь в направлении ближнего, а тем более дальнего зарубежья. И «Колокол» Герцена не будил бы кого не надо, а созывал все российские мозги под священные знамена царя и отечества.

А второй царь Николай вызвал бы своего министра по делам мозгов и спросил бы:

— Кто там у нас за границей? Плеханов? Ленин? Но это же наши лучшие мозги! Немедленно верните их и назначьте моими заместителями!

И вернулись бы Георгий Валентинович и Владимир Ильич, и дали бы им все, чтобы им не хотелось устраивать революцию. И жили бы мы без революции — какая бы у нас была сегодня атмосфера!

В Израиле приборы, создающие необходимую атмосферу, называют мозганами, потому что хорошую атмосферу без мозгов не создашь. В России с приборами хуже, но с мозгами хорошо, здесь не приборы, а люди истинные мозганы. И разве эти мозганы не могли бы создать в России приличную жизнь: согреть страну, когда ей холодно, и освежить, когда ей жарко и душно? Но они утекают на запад, чтобы их чего доброго не отправили на восток. В России такой суровый восток, и всех мозганов почему-то туда отправляют.

И все-таки мозги утекают на запад. Текут и текут. Их гонят на восток, а они утекают на запад.

И если на западе сегодня так хорошо, если там такая приятная атмосфера — когда надо, теплая, когда надо, прохладная, — то, может быть, это в какой-то степени и потому, что над ней трудились русские мозганы?

Ведь не зря в Израиле называют кондиционеры мозганами — на русский манер. Хотя работают они на другой манер, о чем ясно говорится в гарантии.

Гений — это терпение

Посредственность придумала утешительную поговорку: гений — это терпение. Гению-то что: ему стоит распрямиться — и он уже на высоте, а посредственности, чтоб подняться на высоту, приходится долго и трудно взбираться. Не раз на пути сорвешься, на спинку упадешь, ножками сучишь, пока кто-то не сжалится, не поможет перевернуться. А только на ноги поставили и снова ты полез, пополз, покарабкался... И опять сорвался, ножками сучишь. Но все равно лезешь.

Зато как до самого верха долез, тут ты гений, тут ты уже ни в ком не нуждаешься. Они все внизу остались, рты пораскрывали, слушают, что ты им оттуда, сверху рассказываешь. И записывают твои слова: гений — это терпение. Ге-ний — э-то тер-пе-ни-е...

И ты уже не только гений, ты уже и герой. Потому что геройство — это тоже терпение. Ох какое это терпение! За своей Звездой Героя легендарный Клим Ворошилов простоял одиннадцать лет мирного времени, легендар-

ный Буденный — тринадцать лет мирного времени. А легендарный Брежнев — двадцать один год за первой, тридцать один за второй, тридцать три за третьей, тридцать шесть за четвертой...

Чтобы дожить до таких подвигов, нужно жить очень долго. Тут мало не погибнуть на войне, приходится и после войны запастись богатырским терпением.

А главное — наверх взобраться, ножками отсучив, преданно заглядывая в глаза тем, кто на этом пути ставит тебя на ножки.

Граждане большой дороги

Мы живем на большой дороге, и жизнь наша полна неудобств: либо она на колесах, либо под колесами. Жизнь на колесах утомительней, но длинней, а под колесами короче, но спокойнее.

Дорога наша уходит вдаль. Одним концом — в светлое будущее, другим — в проклятое прошлое, но каждый ее отрезок находится в настоящем, и от этого масса неудобств. Потому что большая дорога не приспособлена для жизни в настоящем. Здесь у тебя в любую минуту могут потребовать: «Снимай пиджак!», «Отдай кошелек!» А то вдруг скамандуют: «Ложись!» — не посмотрят и на то, что ты женщина.

Дорога наша не в пустыне, она проходит мимо городов, и каждый из нас норовит в них забежать, глотнуть свежего воздуха. Или еще чего-нибудь глотнуть, потому что на большой дороге глотать практически нечего. Когда мы появляемся в этих городах, нас сразу узнают: а, это те, что с большой дороги!

Да, мы с большой дороги, мы спешим в светлое будущее, но спешить все трудней, потому что дорога неровная и опасная, колеса снимают прямо на ходу, и на дороге уже вообще ничего не осталось, кроме дорожных указателей.

И вдруг выясняется, что указатели повернуты не туда. Их уже давно отвернули от светлого будущего, но до прошлого недовернули, и теперь мы не знаем куда идти. Правда, идти уже никуда не хочется, хочется нормально

пожить в настоящем, как живут люди в окружающих городах.

И тогда все громче начинают звучать голоса, требующие отставки регулировщиков: «Долой регулировщиков!»

Но регулировщики не уходят. Куда им с такой дороги уходить? Кто им где безропотно отдаст кошелек, снимет пиджак и ляжет по команде «ложись!» в сырую, плохо заасфальтированную землю?

Проект борьбы с преступностью

С преступниками надо поступать с той же строгостью, что и с остальными гражданами государства, поскольку все граждане должны иметь с преступниками равные права.

Обчистил, допустим, вор квартиру, выбирается из окна, а под окном его дожидается налоговый инспектор. Оценивает украденное, выписывает квитанцию — сколько нужно внести в пользу государства. Украл на сто тысяч — девяносто девять отдай государству, а тысячу можешь оставить себе. Вынул у прохожего тысячу из кармана — девятьсот девяносто отдай государству, а на твою десятку оно не станет претендовать.

Частично это уже делается: украденное у частного лица конфискуется в пользу государства.

Можно и для пострадавших ввести налог на украденную стоимость. Для государства это будет добавочная стоимость — плюс к той добавочной, которую оно получает с продаж.

Надо чтобы преступник не мог сделать шаг без налогового инспектора, чтобы на всех углах вместо милиционеров стояли налоговые инспектора. Надо так придавить преступников налогами, чтоб им невыгодно было воровать. Точно так же, как мы придавили остальное производство.

Производство уже остановилось, преступность тоже остановится. Надо лишь создать такие условия, чтоб невыгодно было грабить, чтоб невыгодно было насиловать, убивать.

Римское право гласит: ищи, кому это выгодно. А если никому невыгодно, тогда некого будет и искать.

Светлый путь

Вы помните, как мы шли с вами к свету? Вышли затемно, чтобы прийти до темноты. Идем — и за каждым темнота в виде тени. Мы от нее уходим, к свету идем, а она за нами тянется. Правда, внизу, у наших ног, а это уже победа над мраком.

Вы помните наш мрак? Один что-то взял по-крупному, другой что-то дал по-крупному. Третий в тени собственной жены завел себе совершенно постороннюю женщину. А у четвертого — надо же такое! — раскрыли в тени целую организацию. Он, конечно, оправдывается: все, мол, делалось за его спиной. Но спина-то его, а деньги казенные.

Да, темно мы жили. На иного посмотришь: сам маленький, плюгавенький, а темноту отбрасывает на километр. Но уже скоро, скоро с этим будет покончено. Наконец-то мы идем к свету!

Некоторые, правда, упираются: раньше, когда тени были длинные, они могли чего хочешь достать. И до пятого этажа достать. И до десятого этажа достать. А теперь и до второго не дотянешься: тени сокращаются по мере приближения к свету.

Сокращаются, но становятся гуще, темней. Меньше темных дел, но они более темные. Режут, не зная кого. Грабят, не зная кого. А какой-то старик завел себе новую семью, причем не в тени жены, а в тени совершенно незнакомой женщины. Ну, народ, понятно, восхищается: молодец, говорят, на старости лет!

Когда совсем к свету придем, будем жить как на ладони. Источник света над головой, и никуда от него не спрячешься. А как жить при этом у всех на виду? У нас такое окажется на виду, что прошлая темнота покажется нам светлым раем.

Большая судьба маленького человека

У меня к вам вопрос: почему маленький человек, столь популярный в литературе прошлого, совершенно исчез в советской литературе? Нас уверяли, что маленькие выросли, но, может, это потому, что больших укоротили?

Если напустить на литературу девятнадцатого века наши тридцатые, сороковые, пятидесятые годы, куда денутся ее Чацкие, Дубровские, Рудины, где будут ее Рахметовы и Тарасы Бульбы? Чацких ликвидируют за космополитизм, Тарасов Бульб — за национализм, Рахметова и Рудина — за революционные мысли, Дубровского — за революционные действия. И сразу маленький человек станет выше, потому что ниже станут великие. Самыми великими станут Онегины, Печорины, Обломовы, но и они покажутся лишними, и их устранят как лишних людей.

Потому что — вы заметили? — мыслящие люди всегда лишние в нашем государстве.

Глядишь, и Акакий Акакиевич станет большим человеком. Только вряд ли. Ему не дадут. Потому что над ним поднимутся пришибеёвы, над пришибеёвыми — угрюмбурчеевы, а там посмотришь — над всеми возвышаются смердяковы.

Инструкция по выпусканию джинна из бутылки

Знающие люди говорят: из бутылки джинна нужно выпускать постепенно. До пояса выпустить, а дальше пусть пока посидит. Тем более место привычное, насиженное.

Он посидит, а вы подумаете, выпускать его дальше или не выпускать. Если его выпустить совсем, тогда поздно будет думать.

Он, конечно, будет лезть из бутылки, что-то доказывать и качать права. Но какие права, скажите, какие права, когда ты наполовину сидишь в бутылке?

Объясните ему это. Скажите, что его время еще не пришло. Мы все думали, что оно пришло, а оно не пришло, оказывается. Мы еще не готовы к этому, нам спокойней, когда он там. В конце концов, ему никто не давал гарантии...

Но он уже почувствует, что значит быть выпущенным, хотя бы частично, будет качать права... Хотя какие права? Там, в бутылке, у него были права? Откуда же они сейчас появились?

Смотрите: он уже сердится. Продолжайте его сердить. Говорите, что он еще не дорос до свободного существования, пусть сначала дорастет там, внутри...

Сердите его, сердите!

И когда он до того рассердится, что полезет в бутылку... Вы потихоньку пробочку в бутылочку... И поплотней, поплотней...

Ну вот, наконец-то! Хорошо, что мы не сразу, не целиком, а постепенно, исподволь, выпускали джинна из бутылки!

*М*айная полиция Андорры

Тайная полиция существует для охраны государства от внешних врагов, которые, как правило, живут внутри страны и даже составляют основное ее население. Население в государстве составляет наиболее ненадежную его часть, и в истории известны примеры, когда государство было занято только тем, что воевало со своим населением.

Казалось бы, в Андорре государству воевать с населением легко: население маленькое, да и территория такая, что ее ничего не стоит окружить железным занавесом, китайской стеной или просто колючей проволокой, поставив с четырех сторон пулеметные вышки. Но как тогда быть с демократией, национальной гордостью андоррцев?

Особая трудность состоит в том, что благосостояние андоррцев неуклонно растет, а тайной полиции лучше, чтоб оно падало. Ведь тайная полиция нужна там, где требуется сохранить тайну пустых магазинов и ко-

шельков, а также раскрыть тайну того, что по этому поводу думает население. Тайная полиция нужна там, где населению, как в известной сказке, приходится варить суп из топора...

Не к этому ли топору звал свою страну выдающийся революционный деятель?

Плач инда

Из конца в конец некогда Древней Руси раздается плач инда по утраченному величию.

В ту далекую пору жили на земле три братских народа: инды, укры и евры. Инды происходили из Индии, но прошли через всю Европу. Укры происходили из Европы, но прошли через всю Индию. И в результате тут и там образовалась индоевропейская культура, к которой древние евры не имели никакого отношения, поскольку не проходили ни через Индию, ни через Европу, а прошли через пустыню Синай, возвращаясь из плена египетского.

Праматерь всех языков и сейчас еще называют санскритом, но, согласно новейшим источникам, это был язык древних укров. Сами укры об этом не знали и очень удивились, узнав, поскольку на языке санскрите не разговаривали. Но плач инда расставил все по своим местам.

На место был поставлен и древний город Иерусалим, который, как оказалось, первоначально назывался Руса-Лель — в честь Леля, бога русов, как любили называть себя укры (теперь уже не любят — не те времена!).

При таком известии в Руса-Леле поднялся переполох. В местной газете «Беседэр» (что-то вроде нашего «Собеседника») была напечатана статья Маркони Галицкого, который нагнал страху на евров, вспомнив галицкие свои времена. Статья немедленно была переведена на санскрит, еврит и укрит, но плач инда не вызвал сочувствия в сердцах этих благородных народов.

Однако плач не унимался. Он настаивал на том, что этрусски — это никакие не руски, а украински. Это на их

территории возник Древний Рим, а за ним Италия со своим Возрождением. Со своим Леонардо, Миколой Анджело и Петраркой (правильнее — Петренкой). И вся эта индтальянская культура является украденной индской (сокращенно — украиндской).

Теперь понятно, кто изобрел колесо, а кто его не изобретал, кто первым приручил коня и вообще положил начало цивилизации. А кто положил начало, должен положить и конец — не случайно автор плача баллотируется в народные депутаты.

Тут уже переполошились и франки, и англы, и те же инды, заявившие, что с автором плача они не имеют ничего общего. А благородные укры смеялись: не зря этот автор придумал Руса-Лель. Не иначе как в эти трудные для всех времена и он затосковал по исторической родине.

Долой потребности!

От каждого — по способности, каждому — за труд. А потом, от труда, каждому — по потребностям.

Но у некоторых способности маленькие, а потребности — будь здоров. Способности только учатся головку держать, а потребности уже тянутся за государственной премией. Причем наблюдается такая закономерность: чем меньше способности, тем больше потребности. Как же их удовлетворить, если способностей не хватает?

Приспособились жить, минуя способности. Просто получать по труду. От каждого — по труду и каждому — по потребностям.

Но и труд у нас только учится головку держать. Потребности уже разъезжают на «Мерседесах», дети их уже получили американское гражданство, а труд все еще агукает в колыбельке и делает ручкой: дай, дай! Головку не держит, а уже соображает, что такое потребности!

Пусть пока подрастет, наберется сил. Мы ведь призывали работать, минуя труд, и не по способностям, а исключительно по потребностям.

Так что же делать? А ничего. Способности миновали, труд миновали, даст бог, минуем и потребности.

Правда, их миновать трудней. Очень уж они большие. Говоря словами поэта, их не объехать, не обойти, единственный выход — взорвать.

Вот это было бы хорошо: уничтожить потребности. Стереть их с лица земли, развеять по ветру.

Но это трудно. Считай, невозможно. Труд-то у нас маленький, крохотный, вроде Чеченской Республики, а потребности — огромные, безграничные, как вся необъятная Россия.

Могу молчать

Приглашает меня наше партийное руководство. «Хотим, — говорят, — знать ваше мнение».

Раньше мое мнение знали все, потому что оно было у всех одинаковое. А теперь, когда мнения разные, приходится интересоваться.

Я говорю: вот этот лозунг, «Вся власть Советам!». Что-то я в нем недопонимаю, наверное.

«Как это — недопонимаете? У нас этот лозунг семьдесят лет, а вы все еще недопонимаете?»

Я говорю: если Советам вся власть, то что же тогда партийному руководству? Прежде оно — дзинь-дзинь! — и советская власть — топ-топ — на доклад является. Оно дзинь-дзинь, а она топ-топ. Неужели теперь советская власть будет нажимать на кнопки?

«Демократия, — улыбается партийное руководство. — Демократия нам нужна. Но вот какая нам нужна демократия?»

Когда мне говорят, что нам нужна не та демократия, я понимаю, что никакая демократия нам не нужна. Или я сказал что-то лишнее? Ладно, могу молчать.

«Ну вот, сразу уже и молчать. Чуть что — сразу молчать. Нам же интересно знать ваше мнение!»

Я говорю, что целиком согласен с замечательными словами: «Этим людям хотелось бы уверить себя и других, что застой лучше движения».

Восхищенная пауза.

«Это сказал Михаил Сергеевич?»

«Нет, Виссарион Григорьевич».

«Как вы сказали? Виссарионович?»

Объясняю, что это сказал Белинский.

Облегченная пауза: Белинский нам не указ.

«А что вы вообще думаете о гласности?»

О гласности я думаю много. Во всяком случае, больше, чем говорю. Говорить я стараюсь поменьше. Особенно в таком высоком учреждении.

«Напрасно вы так, — говорит партийное руководство. — Ведь напрасно?»

«Мне кажется, нет».

«Напрасно, напрасно. А каково ваше мнение?»

«Не напрасно».

«А каково ваше мнение?»

Гласность наша в бою, но не на коне, а в тачанке. Она несется вперед, а стреляет назад. По задним целям. По прошлым. По пройденным.

Напрасно я так о тачанке — она наше славное прошлое.

И напрасно я так о гласности — она наше славное настоящее.

Напрасно я так, напрасно...

Ладно, могу молчать.

Дистрофики

Дистрофики

Пусть успокоятся все худые и тощие, сухопарые и костлявые, — это книга не о них. О них можно сказать коротко и похвально.

*Кто поджарый
И худой,
Тот и старый —
Молодой.*

И все. И покончить с этой темой, перейдя к дистрофикам, которые по-гречески означают «две строфы». Всего лишь две строфы — и готово стихотворение.

Некоторые дистрофики в прошлом были длинными, но время выбросило из них все строфы, кроме двух, самых необходимых. Этим дистрофики-стихи напоминают дистрофика-человека, от которого остались кожа да кости, то есть самое главное.

То, что дистрофики иногда используют древние сюжеты, наводит на мысль, что им тоже несладко приходится, но из этого положения они стараются выйти с честью. Литература ведь, как известно, дело рискованное, тут уже не до славы — хотя бы честь сохранить.

Но, конечно, не ту честь, о которой сказано в полудистрофике:

*Мой друг, благородных порывов не счесть
На ниве высокой морали,
И эти порывы нам делают честь,
Которую мы потеряли.*

Наши дистрофики чести не потеряли. Пока. А в будущем... Кто может поручиться за будущее?

*

Проворный пес, а зайца не догнал.
Пришлось ни с чем с охоты возвращаться.
Ох этот заяц! Он хотя и мал,
А бегаёт — большому не утнаться.

А почему? Не взять собаке в толк.
Она ведь тоже бегаёт не хуже...
Собака только выполняет долг,
А заяц в пятки вкладывает душу.

*

За волком гонятся собаки.
Сопротивляться — что за толк?
Чтоб избежать неравной драки,
Не быть затравленным, как волк, —

Смирив жестокую натуру,
Пошел матерый на обман:
Он нацепил овечью шкуру
И был зарезан, как баран.

*

«Ты след медведя не заметил?» —
Спросил охотник лесника.
«Не только след. Наверняка
Ты встретишь самого медведя».

Попятился стрелок бывалый:
«Да нет, мне нужен только след...»
Чтоб жить на свете много лет,
Умей довольствоваться малым.

*

Сказали оленю: «При виде врага
Всегда ты уходишь от драки.
Ведь ты же имеешь такие рога,
Каких не имеют собаки».

Олень отвечал: «Моя сила в ногах,
Иной я защиты не вижу,

Поскольку витают рога в облаках,
А ноги — к реальности ближе».

*

Подстрелили беднягу орла,
И сказал он в последних мученьях:
«Нет, не ядом смертельна стрела,
А орлиным своим опереньем».

И поникнул орел, и затих,
И сложил свои крылья большие.
И куда улетать от своих?
Как понять, где свои, где чужие?

*

«Ты бы не гонялась, рыбка, за наживой.
Без наживы плохо, но и с ней паршиво.
Клюнешь на наживу — сделаешь ошибку:
Ведь нажива — это, в сущности, наживка».

Так однажды щука просвещала тюльку,
Старую рыбачку, но душой — фитюльку.
Рот раскрыла тюлька: что творится в мире!
Но, конечно, щука рот раскрыла шире.

*

Погнался за рыбой прожорливый жерех,
И оба с разбега влетели на берег.
И думает жерех: нет, рыба, шалишь!
На суше, поди, от меня не сбежишь!

И думает жерех, что рыба погибла,
И, радуясь, шлет благодарность судьбе.
И вдруг вспоминает, что сам-то он — рыба!
В такую минуту забыть о себе!

*

«Отпусти меня, рыбак, — говорит рыбешка, —
Дай возможность мне, рыбак, подрасти немножко.
Будут у меня, рыбак, и семья, и дети —
Вот тогда-то мы, рыбак, попадемся в сети.

Будет знатная уха — с луком и картошкой...»
Соблазняет рыбака хитрая рыбешка.
Ох, рыбешка, что-то ты размечталась шибко:
Редко сходятся мечты рыбака и рыбки.

•

Лягушка попалась в рыбацкую сеть:
«Какая ж я рыба? За что мне терпеть?»
Когда ж на опушке попалась в ловушку,
«Да разве ж я зверь?» — завопила лягушка.

Ловцы на земле расставляют силки,
И реки сетями прудят рыбаки...
В такой обстановке, смертельно опасной,
Спасается тот, кто ни рыба ни мясо.

•

Обильные яства к добру не ведут,
В еде соблюдайте культуру.
Недаром не ест по неделям верблюд:
Верблюд сохраняет фигуру.

Сухую колючку верблюд пожует —
И дальше спокойно шагает.
От голода впальтый верблюжий живот
С другой стороны выпирает.

•

Лев на обед барана пригласил.
В расчете на приятную беседу
Пришел баран. И тут сообразил,
Что приглашен он в качестве обеда.

Баран, конечно, был весьма задет:
Лев поступил не слишком благородно.
Вздыхнул баран: «Эх, пропадай обед!
Чем так гостить, пойду домой голодный»

•

Овцы ели, ели, ели
До отвала, до победы —

Так, что волки еле-еле
Дожидались конца обеда.

И с таким же аппетитом
Волки ели, ели славно.
А теперь и овцы сыты,
А уж волки — и подавно.

•

Пригласили правду отобедать враки.
И узнала правда, где зимуют раки.
Как дошло до драки из-за пятака,
Наломали правде честные бока.

Видно, только голод правде по карману,
Ни гроша у правды за душою нет.
А когда покормится правда у обмана,
То обычно дорого платит за обед.

•

Спросили осла для решения спора:
Как любит ходить он: с горы или в гору?
В какую бы пору охотней он шел?
«Я лучше бы ездил, — ответил осел. —

Запряг бы осла да шарахнул дубиной,
Иначе не сладишь с упрямой скотиной.
С ослами ленивыми — просто беда!»
Прекрасная вещь — верховая езда!

•

Недаром каменные львы
Поставлены у входа в здание:
По утверждению молвы,
Лев спит с открытыми глазами.

Он охраняет отдых наш,
И можем мы сказать без лести:
Он самый неусыпный страж
Из спящих на рабочем месте.

•

Я звезда. Я горю, как свеча,
Вырывая из мрака вселенную.
И работаю я по ночам,
Тратя время особенно ценное.

Но кому это нужно, друзья,
Чтобы в небе трудились, как негры, мы,
Если девять десятых энергии
Все мы, звезды, расходует зря?

•

Да, лебедь рвется ввысь, и в этом есть резон.
И щука в холодок стремится не напрасно.
Рак пятится назад: что сзади, знает он,
А что там впереди, ему пока не ясно.

А воз стоит. И простоит сто лет.
И о другой он жизни не мечтает.
Пока в товарищах согласия нет,
Ему ничто не угрожает.

•

Сокрушались гномики:
Нет печальней повести,
Мы всю жизнь работали
Для очистки совести.

Не щадили ни себя,
Ни родных, ни близких...
Плядь — а совести-то нет:
Вся ушла в очистки.

•

Смотрели мышки, как дерутся кошки,
Кричали браво, хлопали в ладошки.
Уж так-то разыгрались их страстишки!
Но в драке кошек проиграли мышки.

И так они расстроились, бедняжки!
Обидны мышкам кошкины замашки.

И все же мышки, встав едва на ножки,
Еще сильнее хлопали в ладошки.

*

Лимон и лимонка шли по дорогам войны,
Лимон и лимонка видели мирные сны:
Как будто война окончилась,
И в мирный такой вечерок
Они, лимон и лимонка, сидят,
Попивают чаек.

Лимонка в бою погибла.
Такие-то, брат, дела!
Себя под вражеским танком
Лимонка подорвала.
Лимон дождался мира,
Но после военных дорог
Мирного чаепития он пережить не смог.

*

Пока кричит комарик,
Не надо опасаться.
Вот замолчит комарик,
Тогда начнет кусаться.

И, это твердо зная,
Иди вперед, не труся, —
Кричащими облаян,
Молчащими искусан.

*

Добродушная пчела
Жалит не со зла:
Яд последний отдает,
Защищая мед.

Гибнет пчелка ни за грош —
Так устроен свет,
Что без меда проживешь,
А без яда — нет.

•

Нет у нас ни покоя, ни сна:
Все боимся, боимся чего-то.
То боимся, что будет война,
То боимся, что снимут с работы.

То боимся, что скажет сосед,
То дрожим, от ревизии кроясь...
Трудно жить не за страх, а за совесть:
Страху много, а совести нет.

•

Все армии под знаменем добра,
И ни одной под знаменем порока.
По всей земле кричат добру ура,
А зло клеймят нещадно и жестоко.

Все о добре пекутся, не о зле,
И даже зло кричит: «Добру дорогу!»
Как рыцари без страха и упрека,
Упрек и Страх шагают по земле.

•

Даже в самом, так сказать, необычном
Совершается обычный процесс.
Был когда-то Мальчик-с-пальчик с мизинчик,
Вырос мальчик — с указательный перст.

Хорошо это? А может быть, плохо?
Понапрасну кличет рыбку рыбак...
Царь Горох, что был когда-то с горохом,
Основательно сидит на бобах.

•

Среди многих загадок на свете
Есть загадка семи мудрецов:
Почему нас не слушают дети?
Почему они против отцов?

И ответов найдется немало,
Вот один, подходящий как раз:

Как бы зеркало нас отражало,
Если б не было против нас?

*

Подложили наседке змеиные яйца.
Удивляйся, наседка, горюй, сокрушайся!
Ну и дети пошли! Настоящие змеи!
Может быть, мы воспитывать их не умеем?

А змею посадили на яйца наседки.
У змеи получились примерные детки.
Потому что змея относилась к ним строго.
До чего же ответственна роль педагога!

*

«Погляди сюда, сынок, —
Учит краба мама, —
Ты ползешь куда-то вбок,
Надо ползать прямо».

«А сама ты как ползешь?
Тоже — мастерица!»
Каждый всех учить хорош,
И никто — учиться.

*

Из него вышел Моцарт —
и ушел в неизвестном направлении.
Из него вышел Пушкин —
и ушел в неизвестном направлении.

Сколько из него вышло великих людей!
И все ушли в неизвестном направлении...

*

Краснеет солнце на закате,
Краснеет солнце на рассвете.
Оно краснеет, на ночь глядя,
Расставшись с ней и снова встретясь.

И день немало озабочен,
Гадает, но спросить не смеет:
Что делало светило ночью,
Что утром так оно краснеет?

•

Отвертки крутят головы винтам,
На кухне все от примуса в угаре.
Будильнику не спится по ночам,
Он все мечтает о хорошей паре.

Дрова в печи поют, как соловьи,
Они сгореть нисколько не боятся.
И все пылинки только по любви
На этажерки и шкафы садятся.

•

Лев одряхлел. И всякий мелкий сброд
Ему грубит и правду-матку рубит,
Как ошибался он на этот счет!
Ведь думал он — его и вправду любят.

Любили силу. Слабость не простят.
Как поздно эту истину открыл он:
У сильного всегда бессильный виноват.
А у бессильных — потерявший силу.

•

Когда хоронили беднягу оленя,
Надгробную речь поручили гиене.
И долго гиена над гробом рыдала
И слезы — а может быть, слюни? — глотала.

И было на это смотреть непривычно:
Пиена, что так откровенно грустила,
К живому оленю была безразлична.
За что ж она мертвого так полюбила?

•

Однажды заспорили солнце с бореем,
Кто снимет с прохожего шубу скорее.

Борей попытался сорвать ее грубо —
Прохожий плотнее закутался в шубу.

А солнце пригрело — и сразу прохожий
Снял шубу и шапку, и валенки тоже.
Поистине ласка — великое дело:
Кого она только из нас не раздела!

•

Покрытая снегом, озябшая елка
Прильнула к окну, подобравши иголки,
И жадно глядела на елку в огнях,
Мечтая о собственных радостных днях.

А елка домашняя, в ярком уборе,
Вздыхала о ветре, о снежном просторе,
О том, что она променяла вчера
На пеструю роскошь и блеск серебра.

•

У апельсина не доля, а долька,
Но апельсин не в обиде нисколько.
Сладкая долька ему суждена,
Да и к тому же еще не одна.

Прячутся дольки под толстою кожей,
Здесь их не сушит ничто, не тревожит.
Доля ж открыта, у всех на виду,
Всем на потеху, себе на беду.

•

Трагическую маску нашла в траве лисица
И усмехнулась горько: какой позор и стыд!
Хозяин-то, наверно, с друзьями веселится,
Меж тем как под забором лицо его грустит.

И заключила гордо: нет, мы живем иначе!
Не выставляем морды на посторонний суд.
И хоть и мы, бесспорно, в душе нередко плачем,
Но морды, наши морды улыбками цветут!

*

Хотя богатству бедность не чета,
Но как-то встретились они на рынке:
Богатство — о карете возмечтав,
А бедность — просто чтоб купить ботинки.

И как же были счастливы они,
В карете сидя и в ботинках стоя!
У всех на свете радости одни,
Но беднякам они дешевле стоят.

*

Человек впадает в детство,
Как река впадает в море.
Вырывается из тесных
Берегов и категорий.

Прочь заботы! Прочь напасти!
Снова каждый юн и холост...
Выпадает в жизни счастье,
Как последний зуб и волос.

*

Светлая радость на каждом лице,
Каждое сердце поет и трепещет.
Все говорят о счастливом конце,
Все улыбаются и рукоплещут.

Крики слышны: «Молодец! Мо-ло-дец!»
Вот и фанфары уже прозвучали...
Грустно вздыхает счастливый конец:
Если бы все это было вначале!

*

Плачьте, плакальщицы, плачьте,
Горя горького не прячьте.
Почему бы вам не плакать?
Вам за это деньги платят.

Нелегка у вас задача,
Но она вполне понятна.

А иной бедняга плачет
Целый век — и все бесплатно!

*

Ходит в золоте луна, в серебре — вода.
Ходит в мягком тишина, в зябком — холода.
Ходит в пышном торжество, в пестром — суета.
И совсем без ничего ходит доброта.

Ей бы серебро воды, золото луны —
В мире не было б нужды, не было б войны.
Это не ее вина, а ее печаль....
Ходит в мягком тишина, голубеет даль.

*

Умный умничать не будет,
Он и без того умен.
А дурак стремится людям
Показать, что умный он.

Дураку живется тяжко,
У него на сердце мрак.
Как дурачиться бедняжке,
Если он и так дурак?

*

Всем как будто дурак хорош,
Но держите его подальше.
Правда в устах дурака — это ложь,
Его искренность хуже фальши.

Он тиран, если даже добряк.
Он злодей, пусть он злости не знает.
Если камень на камень кладет дурак.
Он не строит, а разрушает.

*

Мы далеко не так глупы,
Как в поговорках говорится.
И расшибаем мы не лбы,
Когда заставят нас молиться.

Вы слышите чугунный стук?
О чем он миру возвещает?
Все расшибается вокруг,
И только наши лбы — крепчают.

•

Хотел я поехать в Одессу.
Пришел на одесский вокзал.
Кассир посмотрел с интересом
И мне деликатно сказал:

«Я вас бы отправил экспрессом
В Житомир, Москву, Ленинград.
Но все поезда до Одессы
У нас не идут, а стоят».

•

Шел серьезный и толковый, умный разговор.
Я пытался вставить слово — разгорелся спор.
Все кричат, один другого оскорбляют — страсть!
Я пытался вставить слово — драка началась.

Ну, у них, допустим, повод. А за что меня?
Я пытался вставить слово — началась резня.
Что же сделал я плохого, почему убит?
У пожарника лихого все в руках горит.

•

Синица хвасталась, что море подожжет.
Вы слышали? Какое горе!
На берегу волнуется народ:
Хватает ведра, носит воду к морю.

Синица хвасталась, но моря не зажгла.
Одумалась злодейка, вероятно.
Тут у народа новые дела:
Хватает воду и несет обратно.

•

Пешеходу легко на улице:
Транспорт движется — ты стоишь.

И покуда ты будешь умницей,
Под колеса не угодишь.

А прогрессу труднее дышится,
Даже если проезд открыт:
Попадает здесь все, что движется,
Под колеса того, что стоит.

*

Говорит сосна травинке:
«Распрями, подруга, спинку.
Если хочешь быть в чести».

Но травинка гнется ниже:
«Я уж тут, к земле поближе.
Мало радости, сестра,
Быть в чести у топора».

*

Мы на лень всегда смотрели косо,
От нее не ждали мы добра.
А она изобрела колеса
И вообще на выдумки хитра.

Так зачем же мыслить однобоко?
Лучше постараемся понять:
Может, лень не только мать пороков,
Может быть, она пророков мать?

*

У лошади в шпоре
Рождается истина,
У лошади в шоре
Рождается истина.

Но самая главная
Истина та,
Что лошадь рождает
При виде кнута.

*

Синонимы зреть и смотреть
Не стали в глаголах стареть.

Но первый остался зрителем,
Второй же пробился в зрители.

*

Прокричала весенняя птица,
Уходя в лучезарную высь:
«Если хочешь летать научиться,
Не летать, а падать учись!»

И умчалась подрута крылатая,
Рассекая небесную гладь.
И с тех пор я падаю, падаю...
Скоро буду, наверно, летать.

*

В одном лесу избрали зайца мэром,
Чтоб послужил он скромности примером,
Избавил зверя от привычки дерзкой
С обратом-зверем поступать по-зверски.

Ох, тяжело досталось это мэрство,
Не видел зверь еще такого зверства.
И он ворчал, пугливо озираясь:
«Мэр заяц! О, ну погоди, мэр заяц!»

*

Что ни вечер воеет ветер:
«Всем пора на боковую!
Не беда, что солнце светит,
Я сейчас его задую!»

Воеет ветер на рассвете,
Заступая в караул:
«Эй, вставайте, солнце светит!
Это я его раздул!»

*

Пластилиновая память — не игрушка, не каприз.
Сколько этих зубами заяц до смерти загрыз.
А теперь кладет на полку, если нечего погрызть.
Был он волк, но смяли волка, потому что это — жизнь.

Не ему б ушами хлопать да усами рисковать,
У него огромный опыт всякой твари кровь пускать.
Может, зайцем быть недолго? Наша жизнь полна чудес.
Может, снова слепят волка? Потому что это — лес.

*

Гулливеры не внушают веры, слишком в гору забирают круто.
И высокий титул Гулливера присуждают чаще лилипутам.
Человечки маленькие ловко лезут и карабкаются в гору,
И гора вскружает им головки, но не расширяет кругозора.

На земле не видимые глазу и невразумительные уху,
Лилипуты произносят фразы, высшего исполненные духа.
Лилипуты издают законы, лилипуты подают примеры...
И за ними следуют покорно рядовые люди — гулливеры.

*

Мне как-то приснился загадочный сон
Без явной на это причины:
Не грудь колесом, а спина колесом
В том сне украшала мужчину.

И тайного смысла подобной игры
Не смог я понять по сю пору:
Все груди-колеса катились с горы,
А спины-колеса — все в гору.

*

Кто имеет настоящий вес,
Вряд ли вознесется до небес.

Лишь пустые чаши на весах
Могут помышлять о небесах.

*

Известно, что гений — это терпение,
Об этом написано много книг.

Не потому ли в истории гении
Всегда терпели больше других?

*

Если в глубины веков заглянуть
Или же просто поверить исследователям,

Для всех великих — единственный путь:
Путь от преследователей — к последователям.

*

Пусть иные становятся в позу,
Это тяжкое бремя неся, —
Проза жизни — прекрасная проза,
От нее оторваться нельзя.

Хоть приносит она огорчения
И исход ее предрешен —
Лишь в бездарном произведении
Все кончается хорошо.

*

Человек рождается, и его утешают:
«Агу!»
Он растет, подрастает, и его поощряют:
«А ну!»

Он стареет, и молодость новая свищет:
«Ату!»
И уходит он так далеко, что его не отыщешь:
«Ау!»

*

Как складывается жизнь?
Она просто складывается и складывается,
Иногда из того,
О чем не думалось, не гадалось.

Но как-то незаметно
Все скрадывается и скрадывается,
Как будто она не складывалась,
А вычиталась.

•

На базаре времени
Вечно одно и то же:
Споры, ссоры,
Швыряние шапок о землю...

Старики пытаются
Прошлое продать подороже,
Молодым не терпится
Будущее купить подешевле.

•

— Братцы вы мои! Родные! Близкие!
Губим мы друг друга, это факт.
Сгоряча кому-то правду выскажешь,
Смотришь — тут инсульт, а там инфаркт.

И хотел бы, да нельзя иначе ведь,
Все-то мы у жизни на краю.
Если жизнь другим не укорачивать,
Нечем будет удлинить свою.

•

Когда я, последнее слово сказав,
Исполню суровую волю природы,
Сойду я со сцены в зрительный зал,
Где столько уже отдыхает народу.

И буду на сцену смотреть в тишине,
Стараясь держаться к сюжету поближе...
Но место такое достанется мне,
С которого я ничего не увижу.

•

Итак, пустыни больше нет.
На этом месте вырос город.

Фонтаны. Опера. Балет.
Проспекты. Фауна и флора.

А в центре озеро. Причал.
Плывут суда по глади синей.
И только слышен по ночам
Глас вопиющего в пустыне.

•

Когда сотворяли индийские боги
Того, кому судьбы природа вверяла,
Когда извлекали и руки, и ноги
Из первобытного материала,
Когда праотца человеческого рода
Они поднимали над бездною праха,
То выкроили слона из отходов — с таким они
Делали это размахом.

Ухлопали дикому зверю в угоду
Такое количество материала!
С тех пор человек, совершенство природы,
Никак не постигнет: чего ему мало?
Хоть он — украшение каждой эпохи, хоть он
Покоряет и горы, и реки,
Но все-таки, все-таки... Боги вы, боги,
Нельзя экономить на человеке!

•

Когда Сократа хоронили,
Он был вниманием согрет:
Слезу на камень уронили,
Сочувственно вздохнули вслед.

Потом немного погрузили
О бренности бегущих лет
И написали на могиле:
«У нас незаменимых нет».

•

Нетрудно быть Сократом
в век Сенеки,

Сенекой —
в бурный век Джордано Бруно...

Чужому веку
угодить нетрудно.
Все трудности —
от собственного века.

*

Революции гром оттремел и затих,
Но опять возникают знакомые лица.
Якобинец Фуше апогея достиг:
Дослужился до чина министра полиции.

То ли это добро дослужилось до зла,
То ли зло утомились делами кровавыми...
Или наша планета не в меру кругла —
Слишком левые взгляды становятся правыми?

*

Рукописные, рукописные... И когда это все
написать,
Чтоб узнали далекие присные то,
Что близким не велено знать?
Зря ты, Пимен, ушел в писатели,
Прозный царь на расправу крут.
И ко времени ли, и кстати ли этот богом
завещанный труд —

О вещах, от которых бы спрятаться,
О которых бы лучше молчать.
Ох, не скоро тебе печататься —
Ведь когда еще будет печать!
И когда еще будут издания и читатели
этих книг...

Но сказанья идут за сказаньями
И последнего нет среди них.

*

Искушение послано, и карают сурово
Муравьевы-Апостолы палачей Муравьевых.

Муравьев — это вешатель? Или тот, что в гулаге?
Преступление замешано на общественном благе.

Только память прикована к безымянным погостам...
Но никак не припомнить ей, кто палач, кто апостол...

•

Размечтался комарик в ночной тишине
О грядущей поре изобилия,
Когда будет всего, что кусаем, вдвойне,
И притом — никакого усилия.

Будем просто сидеть. Или даже лежать
На какой-нибудь скатерти плюшевой.
Лишь мизинчиком кнопку легонько нажать —
И уже готово. Укушено.

•

Несовершенство государства
Пуškai не ставят нам в вину.
Мы строили его по Марксу,
Построили — по Щедрина.

И это было не случайно:
Хоть Маркса каждый почитал,
Для нас любой градоначальник
И «Манифест», и «Капитал».

•

Мельница, крылатая пехота,
Потрудились на своем веку.
Одолела столько донкихотов,
Муку их перемолов в муку.

Край родимый, как ты сердцу дорог,
Как твои просторы широки!
Отчего же на твоих просторах
Муки много больше, чем муки?

*

Барокамеры, барокамеры, голубой небосвод,
И бараки, и камеры — вот наш истинный взлет.
Обошлась нам недешево эта звездная высь,
Перестраивать прошлое было легче, чем жизнь.

Голубая история, голубые пути,
Сколько мы перестроили у себя позади —
Там, где все было прожито по-другому, не так,
Строя светлое прошлое для ушедших во мрак.

*

Было все неподвижно и бело,
Так спокойно все было — и глядь:
Лед сошел, и река зашумела,
Прежде было ее не слышать.

Но прибрежные скалы не рады,
Вспоминают сошедший лед:
Может, был он излишне тверд,
Но при нем у нас был порядок.

*

Как завещано Крыловым, так тому и быть:
Каждый повар ищет повод власть употребить.
Даже кот, воруя драный, корча важный вид,
Как директор ресторана, на тебя глядит.

Хоть в душе, конечно, каждый не спесив, не груб.
Это наш они бумажник пробуют на зуб.
Где же встретят нас с почетом и накормят всласть?
Там, где платят за работу больше, чем за власть.

*

Бежишь — и все бежит обратно:
Столбы, деревья, небеса.
Особенно бежать приятно,
Когда бежишь не от, а за.

Дорога стелется покорно,
И даль волнуется и зовет...

Особенно бежишь проворно,
Когда бежишь не за, а от.

*

Отпустила реку высота,
И река потекла, понеслась,
Выбирая пониже места,
О высокие камни дробясь,

Рассыпаясь на тысячи брызг
На опасном пути своем...
Так бывают легки на подъем
Те, которые катятся вниз.

*

Через годы и непогоды
Мчатся реки к мечте голубой,
Но их чистые, светлые воды
Солонют в пучине морской.

Ведь пока доберешься до моря,
Нахлебашься горя сполна.
Сколько горя стекается в море...
Оттого в нем вода солона.

*

Больной пообещал за то, чтоб стать здоровым,
Отдать своим врачам последнюю корову.
И он здоровым стал. Но в тяжком бескоровье
Он за нее отдал последнее здоровье.

И снова обещал отдать врачам корову.
И снова обнищал, но стал зато здоровым.
Ну прямо колдовство, коловращенье света:
Есть это — нет того, есть то — исчезло это.

*

Наконец-то! Наконец произошло!
Время замерло, от счастья онемев:
Постоянство постояло и пошло,
Переменчивость дождалась перемен.

Но минута за минутою текла,
И мгновенья умирали на лету,
И так крепко переменчивость спала,
Что казалось — постоянство на посту.

•

На солнце шурился малыш, вертя в руке кристалл:
Вот так посмотришь — камень рыж,
А так посмотришь — ал.
А так посмотришь — камень желт...

Малыш еще не знал,
Что мир, в который он пришел, — один
большой кристалл.
И жизнь, что будет впереди, окажется такой:
Из детства смотришь — цвет один,
Из старости — другой.

•

Хоть эта истина бесспорна,
И с детских лет известно нам,
Что мыслям быть должно просторно,
А тесно быть должно словам, —

Но мыслям это неизвестно,
И потому-то с давних пор
Они рождаются там, где тесно,
Хотя вокруг — такой простор!

•

Ползет черепаха, а заяц лежит,
Он знает, что первым и так прибежит.
Куда торопиться? С его-то размахом
Он быстро домчится. Ползет черепаха.

Вторую неделю ползет и ползет.
Она уж у цели. И зайцы в тревоге:
Везет черепахам, а им — не везет!
Да, братцы, обходят у нас длинноногих.

•

Старый век свое отвековал,
Но торопит годы и события.
Прошлое не требует похвал
И не обижается на критику.

Будущему тоже все равно —
Что ругай его, что возвеличивай,
Только настоящее одно
Суетно, тщеславно и обидчиво.

•

Современность читает — и все о себе,
Даже то, что писалось когда-то.
И находит себя она в каждой судьбе,
И вмещает все лица и даты.

Потому что ей нужно в себе сочетать
Все, что было и будет за нею.
То, что было, уже не умеет читать.
То, что будет, — еще не умеет.

•

Как чужую женщину, ту, что недоступна,
От которой ничего не ждешь,
Прошлое и будущее полюбить нетрудно,
Потому что с ними не живешь.

Как родную женщину, близкую, как воздух,
Тот, каким попробуй надышись,
Прошлое и будущее разлюбить непросто,
Потому что между ними — жизнь.

•

Там, где река утратит имя
И перестанет быть рекой,
Ее в свои объятия примет
Неведомый простор морской.

И, окунувшись в неизбежность,
Тогда почувствует река,

Насколько плата велика
За бесконечность и безбрежность.

*

Не оставляет рыба в море след,
И след не оставляет в небе птица.
В немом пространстве вереница лет
На мертвый камень камнем не ложится.

У времени и веса даже нет,
Его нести и муравью нетрудно.
Столетия невесомы, как секунды...
Откуда же на лицах наших след?

*

Не нужно сетовать, река,
Что время мчит тебя куда-то,
Что уплывают берега,
К которым больше нет возврата,

Все уплывает без следа,
Тебя же гонит мимо, мимо...
Не нужно сетовать: вода
Свежа, пока она гонима.

*

По знакомой улице иду,
По дорогам дальним и селениям.
Обгоняю мысли на ходу,
Оставляю их без сожаления.

Сколько я рассеял их в пути —
На лесной тропе, на горном склоне.
Может быть, идущий позади
Их еще когда-нибудь догонит.

*

Что сказать нашей памяти, ожиданию, нас томящему,
Что сказать нетерпению: когда наконец, когда?
На суде над прошлым все голоса принадлежат настоящему.
А будущее томится за дверью, и его не пускают в залу суда.

И пока настоящее все рассмотрит, изучит и визнает,
И пока сбалансирует шансы возможных побед и потерь,
Гадает за дверью будущее: вызовут или не вызовут?
И смотрит с надеждой будущее на закрытую дверь.

*

На поэта влияет поэт,
На планету влияет планета.
Вы заметили: даже цвет
Подражает другому цвету.

Он бывает темней и светлей,
Принимает оттенки любые.
Если в небо глядит муравей,
То глаза у него голубые.

*

Осени еще нет. Она лишь в усталости лета,
В его дурном настроении и недовольстве собой.
Быть может, настало время убавить немного света?
И, может, к зеленому цвету добавить цвет золотой?

Осени еще нет. Она лишь в готовности лета
Слегка позябнуть на холоде, слегка помокнуть в воде.
Пониже надвинуть тучи, плотней опоясаться ветром,
Впредь экономить на солнце и тратить на дожде.

*

Протоптана тропинка на реке.
Когда морозом все заледенило,
Наперекор морозу и пурге
Два берега она соединила.

Прошла зима. Оттаяла река.
Над нею бури больше не кружили.
И радовались солнцу берега,
Счастливые — и снова как чужие.

*

Если сон не приходит, а ночь на исходе уже
И едва ли уснуть до рассвета удастся,

Хорошо бы присниться какой-нибудь доброй душе,
Той, что любит поспать и не против с тобой повидаться.

Хорошо побродить под покровом чужой тишины,
Поболтать о таком, что словами и выразить сложно.
Ах, чужие, чудесные, нам неизвестные сны!
В них приятно бывать, жаль, что выспаться в них
невозможно.

*

Гора с горой не сходятся никак.
Не сходятся сияние и мрак.
Расходятся дороги и пути,
А также те, кому по ним идти.

Несовместимы иней и роса,
Земные и иные полюса.
Но неразлучны меж собой навек
Вчерашний день и прошлогодний снег.

*

Я, как пламя свечи, трепещу,
Я мечусь между бездной и высью,
Я мечтаю покинуть свечу,
Чтоб пылать, от нее не завися.

Опадаю, себя пригасив,
Чтобы с пламенем новым собраться,
И не знаю — то ветра порыв
Или мой — от свечи оторваться.

*

Пейзажу сельскому навстречу, забыв о шуме городском,
Течет дорога через речку и называется мостом.
Струится каменно и строго, в движенье обретя покой,
А под мостом течет дорога и называется рекой.

Бегут, бегут пути земные, спешат неведомо куда.
Стоят столбы, как часовые, и называются — года.
И каждый постоит немного и растворится без следа.
А мимо них бежит дорога и называется — судьба.

*

Уж так на земле повелось оно, и нет в этом чьей-то вины,
Что золото все — у осени, а молодость — у весны.
От золота веет холодом, и осень ненастной порой
Срывает с себя все золото, чтоб стать опять молодой.
И, снегом укрывшись от холода, уходит в объятия сна,
Где все, что состарилось, молодо...

А после приходит весна.

*

Он сказал: «Ничего, держись!
Вы, поэты, живучие, черти.
У хороших поэтов жизнь
Начинается после смерти».

И вздохнул: «Не хочу грешить,
Я б не смог. Ни за что на свете.
Очень хочется жить до смерти.
Просто до смерти хочется жить!»

*

В анекдоте любовник умер
И повесился муж.
Так рождается новый юмор —
Юмор каменных душ.

Не печальный и не серьезный —
Как по коже мороз,
Этот юмор — не смех сквозь слезы,
Это смех — вместо слез.

*

Очередь — как длинные стихи.
Тянется, потом свернет за угол.
Женщины, мужчины, старики
Медленно рифмуются друг с другом.

Тянется огромная страна,
Думает безрадостную думу...

Но в стихах изюминка нужна,
А его как раз и нет — изюма.

*

Пословицы лгут. В них проворный язык
Легко торжествует над логикой разума.
Бродяга Вийон знаменит и велик
Не тем, что водился с подонками разными.

А вы говорите — скажи, кто твой друг...
О друге Вийона и думать не хочется.
Ведь важно не то, с кем поделишь досуг.
А то, что заполнит твое одиночество.

*

Был талант божьей милостью,
Стал талант божьей милостьюней.
В этой серости, в этой сирости
Предъявляет он счет судьбе.

Не живи, талант, подаяннем,
Не суди судьбу по даяниям.
Подает судьба по деяниям.
Жаль, конечно, что не тебе.

*

Простое понимается с трудом,
Когда слова красивы и цветисты.
Как будто автор этим языком
Отпугивает собственные мысли.

И безответна каждая строка,
И с нею сладить не хватает мочи...
Как будто взял читатель языка,
А тот молчит и говорить не хочет.

*

Не знает легкой участи ТАЛАНТ.
Когда ТАЛАНТ в работе, он — АТЛАНТ.
Когда ж спадает творческий накал,
Он мучится, страдает, он — ТАНТАЛ.

Из тех же букв,
Из тех же самых букв
Он создан для блаженства
И для мук.

•

Крылья у правды не выросли,
Ноги болят и томятся.
Хочется правде стать вымыслом,
Чтоб от земли оторваться.

Нет в небесах справедливости:
Высшие блага приемля,
Хочется правдой стать вымыслу,
Чтоб опуститься на землю.

•

Новые будни и новые праздники,
Новые песни — все же,
Старая классика, старая классика,
Ты все мудрей и моложе.

Время не старит тебя быстротечное,
И не выходит из моды:
Сейте разумное, доброе, вечное...
В неурожайные годы.

Смешные стороны печали

Смешные стороны печали

Разговоры про любовь

— Сегодня четверг или пятница? — спросил мужчина, присаживаясь на край скамьи, на другом краю которой сидела Зинаида.

— Пятница, — буркнула Зинаида и подумала: «Сейчас начнет приставать».

Она видела этих мужчин насквозь, хотя опыт у нее был небольшой, скорее даже маленький. Вышла замуж Зинаида уже после пятидесяти. До пятидесяти как-то никто не попадался, а после попался, да еще какой! Красивый, представительный. На двадцать лет старше Зинаиды. Конечно, на пенсии, целыми днями дома, мог уделить внимание. Не то что другие мужья, которые с утра до вечера на работе.

Разговаривали. О здоровье, о погоде, о хозяйственных делах. С Зинаидой раньше никто не говорил про любовь, и она считала, что это и есть самые любовные разговоры.

— В пятницу у меня пенсия, — донеслось с противоположного края скамейки.

Мужчине было хорошо за семьдесят, но сидел он еще крепко, не заваливался на бок, как некоторые. «Сейчас заговорит о погоде», — подумала Зинаида. Обычно они сначала говорили о погоде, а потом о пенсии, но этот был решительный, видно, привык брать быка за рога.

— Получу пенсию — вешалку куплю.

Костюмчик на нем, видно, еще с молодости, колени худые, торчат. Вешалку он купит. Хочет показать, какой он хозяйственный.

Муж Зинаиды был тоже хозяйственный. И в магазин ходил, и в аптеку. А если что прибить на стенку, всегда сам прибывал.

Приятно было смотреть, как он возится по хозяйству. Или в кино с ним пойти. Погулять. Или просто посидеть вот здесь на скамеечке, когда по телевизору ничего инте-

ресного не дают. А когда дают — у телевизора посидеть. Обменяться впечатлениями.

Старик на противоположном краю скамейки молчал. Но Зинаида не верила его молчанию. Это он с мыслями собирается, чтоб заговорить о погоде.

С мужем они жили хорошо. Она готовила ему специальные блюда, какие рекомендуют врачи для пожилого возраста, а он заставлял ее регулярно делать зарядку. Зарядка ему помогала. Зарядка и жена.

Так он шутил. А потом взял и умер. Ничего не помогло. От старости не вылечишь.

Теперь она приходила на скамейку одна, но ей никогда не удавалось побыть одной, потому что к ней приставали незнакомые старики со своими любовными разговорами. О погоде, о болезнях, о пенсионных делах. О том, о чем она привыкла говорить с мужем...

— Дни стали короче... Время к осени... — старик положил руки на свои худые колени, словно пытаясь прикрыть их от холода.

Не утерпел все-таки. Заговорил о погоде. Все они одинаковые, не могут, чтоб к женщине не приставать.

— Что-то спину ломит, — продолжал старик приставать, — видно, погода переменится.

Зинаида встала, и старик как-то сразу завалился на бок, как прежние старики, словно, сидя на противоположном краю скамьи, она удерживала его в равновесии.

Исповедь сидящего на сук

Мы тут рубим сук, на котором сидим. Все мы — потомственные сукорубы. Сук-то рубили еще наши деды, но таким дедовским способом, что нам его еще рубить и рубить.

А в сукпромхозе у меня девушка — красавица на весь суктрест. Посмотришь на нее — сразу жениться хочется.

Я бы давно женился, но бригадир говорит:

— Пока не срубим сук, на котором сидим, о женитьбе и не думай.

Не думать, конечно, можно, но дети рождаются. Вот уже и первый родился.

Бригадир возмущается:

— Что ж это вы, сукины дети? Тут конец квартала, конец месяца, а они чего надумали — детей рожать!

Смутился я, взял повышенные обязательства. Тут и второй сынок родился. Сук попался крепкий, а человек слаб.

Время тем временем идет. Старший наш уже и сам сукоруб, средний учится на сукоруба, а самый младшенький пока на горшке сидит. Сидит, а уже задумывается: где он будет завтра сидеть? Когда срубят сук, на котором ему завтра сидеть, где он будет сидеть?

Пусть подумает, пока сидит на горшке. Вырастет, возьмет в руки топор — некогда будет думать.

Человечество научилось извлекать пользу из своих бед, чтобы потом всю эту пользу употребить для одного огромного всеобщего бедствия.

Ишакович

Когда мы с Григорием виделись последний раз, этих людей вообще не было в природе. Где они были — извечная загадка для всех, но в природе их не было.

Ничего удивительного: мы с Григорием не виделись тридцать лет. Разве мог я предположить, что он станет директором школы?

То ли от солидной этой должности, то ли оттого, что прошло столько лет, Григорий и сам посолиднел, покрупнел и раздался вширь, как его имя. Раньше он назывался узенько: Гриша, а теперь — широко: Григорий Исакович. За тридцать лет каждый станет Григорием Исаковичем, если он, конечно, Гриша и отец его был Исаак.

Григорий Исакович движется по коридору, как Эльбрус, и внимательно следит за тем, что происходит у его подножия. С такой высоты эти люди кажутся маленькими, но они действительно маленькие, потому что только начинают расти.

— Что тут происходит? — задает директор традиционный вопрос, возвышаясь над местом наиболее драматических событий. — Почему деретесь?

— Он обзывается.

Обзывался вот этот, самый маленький. Из первого «И». И обзывал не кого-нибудь, а самого директора школы.

— Как же ты обзывался?

— Я говорил... я говорил... Григорий Ишакович...

Так директора еще никогда не обижали. Конечно, на этой работе станешь не только Ишаковичем, тут работы на десять Ишаковичей...

Григорий Исаакович приводит оскорбителя в кабинет, устанавливает на таком расстоянии, чтоб его было хорошо видно, а сам садится на директорский стул и долго смотрит на этого человека, которого еще и в природе не было, когда он уже сидел на директорском стуле.

— Ты посмотри на меня, — устало говорит директор Григорий Исаакович, — я такой большой, я директор школы... Я так много работаю... Но это еще не повод называть меня Ишаковичем.

Сам он не уверен, что это не повод. Может, только так его и следует по справедливости называть. Но если всех называть по справедливости... Справедливость — жесткая вещь.

По щекам оскорбителя текут слезы. Он стоит, опустив повинную голову, так, что видны все его три макушки — верный знак, что природа еще с ним наплачется.

— Ну вот, ты уже все понял, — смягчается директор Григорий Исаакович. — Обещай, что ты больше не будешь меня обзывать. Нехорошо директора обзывать.

Оскорбитель молчит. Потом говорит еле слышно:

— Я не обживался, Григорий Ишакович...

Доброе дело

Как хотелось сделать что-то хорошее! Какое-нибудь доброе, нужное, полезное дело...

Семенов снял со стола кастрюлю, окунул в нее половую тряпку и принялся мыть пол. В кастрюле был недавно сваренный кофе.

Кофе лучше всего подходит для мытья полов: кофе коричневый и полы коричневые. И все же Семенову посоветовали бы заняться чем-то другим. Каким-то другим хорошим и нужным делом.

Но никого поблизости не было. Семенов был в квартире один. А было в ту пору Семенову три года.

Он обмакивал тряпку в кастрюлю, но выкрутить ее не умел и тащил тряпку по полу, истекающую этой непривычной для нее влагой. И, наступив на тряпку, падал и сам окунался во влагу, так что вскоре уже не мог отличить тряпку от рубашки своей и штанов.

Он был весь во власти вдохновенного творческого труда. В первый раз он понял, что труд может приносить радость. И, уже совершенно обессилив, он возил тряпкой по полу, который становился все коричневее, потому что мыл его Семенов коричневым кофе.

Мыл и думал: вот мама обрадуется! Придет, захочет мыть пол, а он уже чистый. «А кто это у нас так хорошо вымыл пол?» — спросит мама, но Семенов ей не скажет. Пусть сама догадается.

Что было дальше, Семенову не хочется вспоминать.

А еще дальше он вырос.

И, несмотря на первую неудачу, у него не пропало желание делать добро. Сколько в жизни доброго, но еще не сделанного.

Семенов это делал всю жизнь. И всякий раз испытывал радость труда и надежду, что кто-то обрадуется. Труд ведь должен приносить радость не только тому, кто трудится, но и другим...

— Подсудимый Семенов, встаньте!

Семенов продолжал сидеть. Он сидел в грязной коричневой луже и смотрел на дело своих рук...

Если бы мама была жива... Она б, наверно, опять не обрадовалась...

Рубашка

Меня всю жизнь считали счастливым человеком, потому что я родился в рубашке. Ведь не каждый рождается в рубашке. Некоторые всю жизнь не имеют рубашки. А я родился в рубашке. Значит, я — счастливый человек.

Началось все, как водится, со счастливого детства.

— Смотри не порви рубашку, — говорила мне мать. И я смотрел. Когда мои товарищи покоряли вершины дере-

вьев, заборов и крыш, я оставался внизу и смотрел. Поэтому что я родился в рубашке.

— Лучше сядь и почитай, — говорила мне мать. — А еще лучше — приготовь уроки.

И я читал и готовил уроки, аккуратно готовил, чтоб не посадить на рубашку пятно.

В моем счастливом отрочестве пришла ко мне первая любовь. Вернее, пришла она не ко мне, а к моей матери: это была ее подруга.

— Вот это рубашка, о которой я тебе говорила, — сказала ей мать, показывая на меня. И подруга сказала:

— Очень миленькая.

И она ушла, так и не заметив того, кто скрывался за этой рубашкой, и даже не скрывался, а, напротив, изо всех сил старался попасться ей на глаза.

Так пришла и ушла моя первая любовь. Потому что я родился в рубашке.

Моя счастливая юность щеголяла в рубашке даже там, где все ходили в одних трусиках. Я не лежал на песке. Я не сидел на песке. Я стоял на песке, прикрываясь от солнца рубашкой.

Зрелость, счастливая пора, свела меня с женщиной, которая стала стирать мою рубашку. Когда мы впервые встретились, она опустила глаза и вздохнула:

— Хорошо бы постирать вашу рубашку.

Я не возражал.

По вечерам, оставаясь вдвоем, мы садились у окна и смотрели, как загораются звезды. Мы сидели так близко, что я чувствовал ее сквозь рубашку, и она говорила с нежностью:

— Милый, не помни рубашку...

Это было чудесное время. Мы никуда не ходили, ни с кем не встречались, мы были вдвоем, вернее, втроем: я, она и наша рубашка.

Сейчас у меня счастливая старость. Прекрасная пора! Я много бываю на воздухе, потому что в старости полезно бывать на воздухе. Я начал заниматься спортом. Театр — моя страсть. Кино — моя страсть. У меня есть немало страстей, о которых не место здесь распространяться.

Я отдал сыну рубашку, в которой родился. И теперь он — счастливый человек.

Неконвертируемый Сидоров

В палату впорхнула сестричка.

«А кто у нас мама министра Иванова? Кто у нас мама маршала Петрова? За вами приехали кортеж и эскорт...»

В руках она держала конверты с маршалом и министром и, подпархивая на месте, говорила:

«Гули-гули-гули, вот и мы, вот и мы...»

«А как же мы?» — спросила мама Сидорова.

Сестричка перестала подпархивать и прошла по палате тяжелым солдатским шагом.

«Не шумите, мама Сидорова. Вы поедете на трамвае».

Тут же появился и Сидоров. Без конверта, в пеленке с чужого плеча. Никто его и не приносил в палату — уж не сам ли пришел?

Услышав про трамвай, Сидоров заревел, хотя ему никто не давал слова. Мама принялась его успокаивать: «А-а-а, мой маленький, теперь ты видишь, куда ты родился. Подумаешь — мама министра, мама маршала! Может, из нас вообще вырастет президент».

Министр и маршал мгновенно затихли, как затихают перед президентом министры и маршалы. Неконвертируемый Сидоров от радости открыл все шлюзы, тем более что не нужно было экономить конверт.

Сестричка смутилась: «Разве я сказала «мама»? Я хотела сказать — дочка маршала, дочка министра... — Сестричка сделала к ноге и равнение направо. — А с вами мы разберемся, мама Сидорова. Выясним, как вы попали в наш роддом».

Это был такой роддом. Такой род дома, в котором обязательно даже рожать, а можно просто лежать для укрепления общего состояния. Но попасть в такой роддом — все равно что попасть с дальнего расстояния в копеечную монету. Все зависит, из какого положения стреляешь.

Министр и маршал из своего положения попадут, но их надменные потомки (как зорко заметил из прошлого века поэт), почему они стреляют из этого положения?

Министр Иванов, теперь уже бывший министр, покосился на бывшего маршала, и оба скривили физиономии, готовые зареветь. Да и как тут не зареветь: не успели родиться на свет — и уже бывшие...

Неравнодушный человек

Жил на свете Неравнодушный человек. Добрый и порядочный, только увлекающийся, как многие неравнодушные люди.

Увлёкся он как-то одной симпатичной девушкой. Девушка тонула в море, а он мимо проплывал и увлёкся.

Подхватил девушку и поплыл. Плывет и думает: если эту девушку откачать и привести в чувство, возможно, это будет как раз такое чувство, какое он к ней испытывает.

И вдруг он видит: плывет какой-то человек стилем брасс и держит в зубах вещи. Наверно, украл. Совершил преступление, а милиция недоглядела.

Закинул Неравнодушный человек девушку в первую попавшуюся рыбацкую лодку, а сам погнался за вором. Плывет и думает: если этого вора поймать и сдать в милицию, одним вором будет меньше, и это, конечно, будет хорошо.

А девушка в лодке осталась, вышла замуж за рыбака. Много детей у них родилось, много рыбы наловилось.

Между тем Неравнодушный человек догонял преступника. Догонял, догонял, но еще не догнал, когда увидел, что на берегу хулиганы пристают к девушке. Не к той, которая тонула, а к другой, но тоже очень симпатичной.

Оставил преступника Неравнодушный человек, бросился девушке на помощь. Большая драка была.

А тут и милиционер подходит. Тот самый, который плыл стилем брасс. Он тогда переплывал с одного участка на другой, а в зубах держал свою милицейскую форму.

Объяснил ему Неравнодушный человек, что тут хулиганы приставали к девушке, но девушка неожиданно говорит:

— А если я хочу, чтоб ко мне приставали? Что я буду за девушка, если ко мне не будут приставать?

Тут милиционер посмотрел на Неравнодушного человека и узнал в нем того подозрительного субъекта, который за ним гнался, когда он плыл стилем брасс. И не исключено, что хотел отобрать у него его милицейскую форму.

— Пройдемте, гражданин, в отделение, — сказал милиционер, радуясь, что форма у него уже не в зубах и он может приступить к выполнению своих милицейских обязанностей.

«Вискас» по телевизору

Кот Барсик уезжал на историческую родину.

Вообще-то у них и на старой родине исторического хватало: исторические решения, исторические свершения, — но в последнее время обо всем этом историческом почему-то забыли и заговорили об исторической родине. И стали готовиться уезжать.

Барсику на этот случай купили специальное помещение, все в решетках, клеткой называется, и закрытую корзину со щелочками, чтоб любоваться природой. Корзина была средством передвижения, а клетка про запас, вроде карцера, если в корзине провинится. Вот в этой корзине его и выносили на часок-другой, приучая к перемещению в открытом пространстве.

Дорога предстояла дальняя, а Барсик был домосед, его и на балкон не пускали, помня, как он однажды перепрыгнул на соседский балкон, надеясь найти там киску, которая по телевизору ела «Вискас».

В окно Барсику был виден двор, и он, сидя на окне, вел созерцательный образ жизни. Среди всего пейзажа ему особенно нравилась киска, которая по телевизору ела «Вискас». Днем она бегала во дворе, а вечером по телевизору ела «Вискас». «Ваша киска купила бы «Вискас», — говорили по телевизору, и Барсик разделял эту точку зрения. Он бы и сам купил себе «Вискас», но сами подумайте: кто же ему продаст? Да и денег нет, он еще не заработал. Говорят, на исторической родине хорошо зарабатывают, но Барсику, откровенно говоря, не хочется работать. Ему больше хочется отдыхать. Лежать

перед телевизором и смотреть эти замечательные передачи.

Но однажды телевизор унесли, и с передачами пришлось распрощаться. А когда унесли все остальное, квартира быстро стала наполняться людьми. Знакомые, которые раньше приходили по очереди, теперь пришли все сразу, и никто даже не опоздал, потому что, если опоздать, в квартире будут жить уже совсем другие люди.

Потом его понесли в корзине, и он смотрел в щелочку, любуясь природой. И среди всей этой природы он вдруг увидел киску, которая ела «Вискас» по телевизору. Он впервые увидел ее так близко, правда, в щелочку, и это ему так понравилось, что он закричал: «Стоп! Приехали!» — но, конечно, не очень громко, чтоб его не услышали и, чего доброго, не перевели в карцер.

Его не услышала даже киска. Она смотрела на него без всякого интереса, потому что в закрытой корзине его не узнала, да она его и не знала — как же она могла его узнать?

А может, она смотрела без интереса вовсе не потому. Просто когда все уезжают, а ты остаешься, как же можно на это смотреть?

И тут пришло время раскрыть секрет. Эта киска никогда не кушала «Вискас». Она даже не знает, как его кушают. Она сама по себе рыженькая и с телевизором вообще не имеет дела. Дома ее не пускают к телевизору, ее вообще в комнату не пускают. Ее даже в коридор не всегда пускают, иногда приходится ночевать во дворе.

Просто она похожа на ту, которая по телевизору кушает «Вискас», но жизнь у нее другая, может быть, вообще на жизнь не похожая. Хотя ей трудно сравнивать, для того, чтобы сравнивать, нужно испытать и то и другое...

Барсик испытает и сможет сравнить. И тогда он, может быть, вернется кушать «Вискас» по телевизору. А может, и не вернется, и тогда придется жить без него. Конечно, трудно жить без него, но киске все же легче хотя бы потому, что она не знает о его существовании.

Завтрашние покупатели

Город Сузрань лежит как раз на полдороге между древним Суздалем и древней Сызранью и населен частично суздальцами, частично сызранцами, а более всего коренными сузранцами. Или сыздальцами, как они любят себя называть. Они часто спорят, как себя называть, нередко за спорами забывая поестъ, тем более что из еды им мало что на глаза попадается.

Любимые книги сузранцев — «Философия нищеты» и «Нищета философии» Прудона и Маркса. К «Блеску и нищете куртизанок» писателя Бальзака они относятся более сдержанно. Причина состоит в том, что в Сузрани куртизанок нет. В этом месте у них разрыв: после женщин высоконравственных сразу начинаются проститутки. Вот так идут нравственные, нравственные, и вдруг — хлоп! — пошли косяком проститутки. Потому что куртизанки — женщины легкого поведения, а проститутки — женщины тяжелого труда. А при тяжелом труде не до легкого поведения.

Приехал однажды в Сузрань человек из города Сузгорода. Походил по городу, а в городе ничего нет. Кроме, конечно, памятников архитектуры. А так, чтоб в магазинах, этого нет. Когда идея овладевает массами, она овладевает всем, чем владели массы.

Был поздний вечер, магазины были закрыты, но у дверей каждого кто-то сидел. Сузгородец подумал, что это сторожа, но это оказались завтрашние покупатели. Так сказать, завтрашний день сузранской торговли.

— Будете за мной, — сказал приезжему покупатель с цветочком в петлице, который он время от времени понюхивал, чтобы не уснуть.

— А вы за чем сидите?

— Откуда я знаю? Что выбросят, за тем и сижу. А не выбросят — и так посижу. — Он понюхал цветок. — Вообще-то мы люди везучие, нам только с начальством не везет. Особенно с Главным Руководителем Области, сокращенно — ГРОБ, так мы его называем. Вообще-то все они люди хорошие, только неопытные. Мы-то думаем, что

выбираем опытных, но только выборы кончатся, они начинают мотаться за опытом по всему свету. ГРОБ-коммунисты мотались во Францию, в Италию, ГРОБ-демократы — в Америку и в Японию, ну и еще в Швейцарию, где очень хорошие банки. А нынешние независимые уже и на карту не глядят, носятся как угорелые по всему свету. Они ведь не только для себя набираются опыта, а и для детей, и для родственников, и на продажу. ГРОБ-коммунисты и ГРОБ-демократы до конца жизни запаслись, теперь эти запасаются.

— Послушайте, — сказал приезжий человек, — я в ваших газетах читал, что сегодняшняя нищета — залог завтрашнего процветания. Но почему именно нищета, а не, допустим, богатство?

— Ну вот еще, откуда у нас богатство? Нам едва хватает на командировки за опытом. Мы ведь живем по пословице: с миру по нитке...

— Голому сорочка? — блеснул эрудицией гость.

— Ну почему же голому? Одетому — сорочка. А с голого — нитка. Если с голых не брать по нитке, тогда одетых не во что будет одеть. А если одетых не одевать, они же будут раздетые...

Сузранец вынул из петлицы цветок.

— Посмотрите на этот цветок. Он бы тоже хотел процветать со всех сторон, но это противоречило бы законам его природы. Процветать можно только сверху — и народам, и цветам. Посмотрите на наш народ: уж на что нищий, а разве он сверху не процветает?

К ним подошла женщина тяжелого труда. Жила бы она в какой-нибудь богатой стране, она бы была женщиной легкого поведения, но здесь об этом нечего и думать.

— Посидите с нами, — сказал женщине сузранец и вручил ей цветок. Но женщина сидеть не могла: у нее была совсем другая работа.

Мысли в клетках

Один человек по фамилии Капустин до того додумался, что в голове начало стучать. Доктор говорит: ничего особенного. Это мысли в клетках стучат. Мысли золотые,

клетки деревянные, вот и стук получается. Постарайтесь не думать о таких вещах. Лучше думайте о работе.

Стал Капустин думать о работе. Думает и думает. Стук действительно прекратился, но появилось какое-то дребезжание.

Доктор говорит: это серебряные мысли в железных клетках дребезжат. Думаю, что вы еще недостаточно думаете о работе. Думайте больше, а остальные мысли гоните прочь.

Стал Капустин еще больше думать о работе. Его даже в должности повысили, в два раза увеличили зарплату. А мысли уже не дребезжат, а звенят.

Доктор объясняет: это железные мысли в серебряных клетках звенят. Серебра в голове стало больше, поэтому звон получается. Уверен, что на службе у вас все хорошо, на что же вы жалуетесь, зачем беспокоите медицину?

Ушел Капустин в работу с головой, чтоб не слышать этого проклятого звона. Звон прекратился, но появился, представьте, стук. Как в прежние времена, когда стучали золотые мысли.

Но доктор говорит: это не золотые мысли, а золотые клетки. Об них ваши деревянные мысли стучат.

Совсем затосковал Капустин. А нельзя ли, спрашивает, золотые мысли вернуть? И чтоб совсем без клеток. Неужели нельзя мыслить без клеток?

Попробуйте, говорит доктор. Перестаньте зарабатывать деньги, постарайтесь думать о чем-то более значительном.

Ушел Капустин со службы, деньги зарабатывать перестал. Старается думать о чем-то значительном, но ничего значительного в голову не приходит. Стука, правда, нет и дребезга, но и мыслей тоже. Свободно в голове, просторно, а мыслей нет.

Доктор говорит:

— Ничем не могу помочь. У нас медицина государственная, нам третий месяц зарплату не платят. А что касается ваших значительных мыслей, то они, я думаю, в свободном состоянии просто не существуют. Возможно даже, извините за смелое предположение, все значительное, что рождается у нас в голове, может существовать только в клетках.

Что касается литературы, то она делится на одноклеточную и многоклеточную. Многоклеточную — когда каждый автор носит клетку в себе, и одноклеточную — когда все сидят в одной клетке.

Лучшее место в автобусе

В автобусе самое удобное место у водителя, поэтому на нем любят сидеть даже те, которые не умеют водить автобус. Кстати, нередко именно они, неумеющие, лучше всех умеют сидеть у руля.

Но пассажиры, конечно, недовольны. Им неважно, как водитель сидит у руля, им важно, чтоб автобус двигался.

Начинают выяснять, почему автобус не двигается. Спрашивают у водителя, но он не может отвлекаться на разговоры: он занят тем, что сидит у руля.

Да и что он может сказать? Что он не умеет водить автобус? Но тогда его заменят другим водителем. А этого ему бы не хотелось. Он уже привык сидеть у руля и даже не представляет себя на другом месте.

И что ему остается? Переложить свое неумение на других, внушить пассажирам, что это они не умеют ездить в автобусе. Пускай сначала научатся ездить, а потом уже требуют, чтоб автобус двигался.

Неумение ездить — самое уязвимое место у пассажиров. Их ведь никогда этому не учили, они вообще не задумывались, умеют они ездить в автобусе или не умеют.

Тут же находятся самые неумелые, и их дружно высаживают из автобуса те, которые не умеют средне или чуть-чуть.

Потом те, которые не умеют чуть-чуть, высаживают тех, которые не умеют средне.

В результате все пассажиры оказываются высаженными из автобуса и начинают дружно его толкать.

Наконец-то автобус движется! Скорость, правда, не слишком большая, да и пассажирам приходится нелегко, но только так они научатся ездить в автобусе. К тому же их вдохновляет вид сидящего у руля водителя. Конечно, он никакой не водитель, и откуда он только взялся на нашу голову, но зато вы на него посмотрите, нет, вы только на него посмотрите: как он замечательно сидит у руля!

Футболист № 1

Капитан нашей команды очень здорово бегал за мячом, но по мячу не бил, чтоб не попасть чего доброго в свои ворота. Такое в футболе бывает: ударишь по воротам, а они, оказывается, свои. Однажды самый красивый гол сезона вынужден был уступить место другому, менее красивому, потому что оказался голом в свои ворота, что сильно снижало его достоинства.

Наш капитан в свои ворота не забивал. И в чужие не забивал, не отличая свои от чужих в стремительной атаке. Но от мяча капитан не отставал, все время находился с ним рядом. И кто бы ни ударил, и куда бы ни ударил — капитан уже тут как тут, бежит за мячом в заданном направлении.

Трибуны сотрясались от восторга. Болельщики — свои и чужие — устраивали капитану овации. В газетах крупным планом печатались фотографии: капитан бежит за мячом. Тут же анализировались различные эпизоды: однажды капитан через все поле бежал за мячом и бежал бы и дальше, но дальше уже были ворота. И капитан очень технично не ударил по мячу, что было особенно кстати, учитывая, что ворота оказались свои. Газеты отмечали и заслугу вратаря, который вовремя взял мяч, буквально сняв его с ноги своего капитана, но при этом газеты выражали уверенность, что в последний момент капитан все равно увернулся бы от мяча, как уже не раз уворачивался.

Всемирная ассоциация болельщиков признала капитана футболистом № 1. Главными качествами его игры были названы стремительность, неудержимость, напор и неустрашимая осторожность.

Потеря качества
при выигрыше темпа

На десятой минуте гроссмейстер сделал первый ход. Он играл белыми. И все вокруг болели за белых. Кроме черных, которые болели за себя.

После первого, очень сильного хода белых черные пришли в замешательство. Такого начала еще не было в теории, да и вообще в истории шахмат. Просчитав все варианты, черные нашли очень сильное продолжение.

На двадцатой минуте гроссмейстер понял, что черные наступают. Он пожертвовал качество, но, не найдя более действенного средства защиты, повернул доску на сто восемьдесят градусов и стал играть за черных.

Белые надолго задумались. Затем невероятным усилием воли они выровняли игру и медленно пошли в наступление.

Теперь пришла пора задуматься черным. Гроссмейстер лихорадочно искал контригру. Он пожертвовал качество, на этот раз качество черных, но, так и не найдя контригры, повернул доску и стал играть за белых. При этом он напомнил, что с самого начала играл за белых и даже был инициатором первого хода.

Болельщики вздохнули с облегчением: они могли снова болеть за белых. Они старались не вспоминать те минуты, когда болели за черных, поддавшись авторитету гроссмейстера.

Но черные не сдавались. Постепенно они выровняли игру и пошли в наступление.

Гроссмейстер пожертвовал качество и стал играть за черных.

Тогда белые пошли в наступление.

Гроссмейстер пожертвовал качество и стал играть за белых.

Тогда черные пошли в наступление.

Доска вертелась все в более быстром темпе, теряя качество с обеих сторон, и когда уже совсем никакого качества не осталось, гроссмейстер вышел из партии. Он вышел из партии и стал играть совсем в другую игру.

А шахматная партия продолжалась. С потерей остатков качества и количества фигур оба пути к победе вели к поражению, и болельщики, уже не имея сил болеть, ругали гроссмейстера, который довел партию до такого катастрофического состояния...

Наверно, они забыли, кто начал эту партию, кто был инициатором первого хода...

Сны Вассермана

Вассерману снились исторические сны. В одном сне он был Сократ, в другом Юлий Цезарь. Кстати, познакомился с Клеопатрой, симпатичная женщина.

А однажды приснилось Вассерману, что он Чингисхан и ведет на Русь орду, причем не татаро-монголов, а татаро-евреев. Несметное войско, и все на лошадях. И вдруг евреи взбунтовались: не хотим, говорят, идти на Русь, там наши родные братья украинцы. Лучше мы пойдем на Америку или на Западную Европу. Там, кстати, лучше с продуктами.

В другой раз Вассерману приснилось, что он Фердинанд Арагонский. А жена у него Изабелла Кастильская. Они надеялись, что от этого брака родится Испания, а она все не рождалась, потому что ей мешали местные арабы.

Торквемада говорит: надо арабов отделить от государства. А заодно и евреев. Почему евреев? Разве кто-нибудь говорил про евреев? Почему у нас чуть что — сразу евреи?

Торквемада говорит: нельзя арабов отделять без евреев. Они связаны исторически.

— Но евреи — богатство нации, — доказывает Вассерман-Фердинанд.

— Отделять надо по-умному, — объясняет Торквемада. — Сначала отделить богатство от евреев, а потом уже евреев от государства.

— А куда девать евреев? — забеспокоился Фердинанд, оставаясь и во сне Вассерманом. — У арабов хоть есть арабские страны, а евреям вообще деваться некуда.

Жена Изабелла говорит:

— Пусть Колумб откроет Америку, и тогда евреям сразу будет куда податься.

Так оно и случилось. В текущем у Вассермана во сне 1492 году арабов и евреев с треском вышибли из Испании, и в том же 1492-м (надо же, успел!) Христофор Колумб открыл Америку.

Правда, арабы и евреи долго еще не могли отделаться друг от друга. Вассерман уже давно проснулся, а они все никак не могли отделаться.

«И это называется — товарищи по несчастью! Столько было несчастья, что уже давно можно было стать товарищами!» — думал Вассерман, погружаясь в сон, где народы его страны становились товарищами после известного несчастья 1917 года.

Вассерман — новый русский

Вассерману приснилось, что он новый русский. Старым русским стать не удалось, а новым — пожалуйста. Были бы деньги.

У Вассермана во сне было много денег. Так уже в его жизни складывалось: деньги у него бывали только во сне. Но зато много. Как в том анекдоте про грузина, которого не пускали в ресторан с чемоданом, а он объяснил: это не чемодан, это кошелек. Вот такой же кошелек был и у Вассермана.

Конечно, с таким кошельком он легко стал новым русским. Стоило ему появиться на своем «БМВ» в сопровождении десятка «Мерседесов» охраны и единомышленников, как все начинали кричать:

— Да это же Вассерман, новый русский! Да он же самый русский со времен Ивана Даниловича Калиты!

А из соседнего государства кричат:

— Вассерман — новый украинец! Со времен Владимира Красна Солнышка!

Потому что родился Вассерман не где-нибудь, а на Украине. На Украине многие рождаются, даже из старых русских немало на Украине родилось. Вот и о Гоголе спорят: русский он писатель или украинский? А теперь Гоголя оставили, за Вассермана схватились.

До того доспорились, что стали делить между собой Черноморский флот, город-герой Севастополь, перекрывать каналы телевидения.

— Успокойтесь, — говорит Вассерман, — даже неудобно, честное слово. Ну, я новый русский, новый украинец, стоит ли из-за этого делить Черноморский флот? Вот я вам сейчас предъявлю документы.

Полез за документами, а предъявил кошелек. Теперь так предъявляют — и у новых русских, и у новых украинцев. Предъявил Вассерман кошелек, а в нем пусто. Вытащили все деньги — то ли охрана, то ли единомышленники, вы же знаете нашу преступность.

И сразу всем стало ясно, что никакой он не новый русский, никакой не новый украинец. А мы, говорят, из-за этого Вассермана чуть Черноморский флот не поделили, чуть Севастополь друг другу не отдали!

И тут подходит грузин из братского анекдота. С пустым чемоданом.

— И ты, — говорит, — поверил, что это у меня был кошелек? У нас сейчас на всю Грузию ни одного кошелька, одни пустые чемоданы.

Проснулся Вассерман в знакомом холодном поту. Кинулся к кошельку, а в нем пусто.

Господин вечный двигатель

Вассерману приснилось, что он — вечный двигатель. И будто приходит он в областную администрацию и говорит:

— Я — вечный двигатель. Что бы такое вам подвигать?

— Двигай отсюда, — говорят в администрации. — По науке, вечный двигатель не может существовать.

— Если по науке, у нас полстраны не может существовать. Но как-то же существует.

— Существой, — разрешили в администрации. — Только девяносто процентов вечного движения будешь уплачивать в виде налога.

— Девяносто процентов? Но при таких налогах не только вечно, но и временно не просуществоешь!

— Не существой, — разрешили в администрации. — Другие вечные двигатели не существуют, вот и ты не существой.

Вышел Вассерман на улицу, а там уже собрался народ. Представители вечного уличного движения. Лозунги выкрикивают: «Вечному двигателю — вечную жизнь!», «Вечно вперед, к победе коммунизма!» А один кричит прямо из Маяковского: «Которые тут временные? Слазы!» Это, конечно, в адрес администрации.

Откуда ни возьмись — представитель вечного движения за отделение Киевской Руси от Великого (якобы) княжества Московского. Мы, говорит, отделили нашу вековую Украинскую Русь от извечного северного соседа.

— Напрасно отделили, соседа надо было присоединить, — возразил представитель встречного освободительного движения. — Вон Белоруссия уже присоединяет к себе Россию...

— Да здравствует президент Лукашенко! — крикнул представитель вечного партизанского движения, вышедший из белорусских лесов.

Представитель вечного стахановского движения напомнил, что прежде всего надо работать. Но ему говорить не дали: посмотрели бы мы на его стахановское движение без зарплаты!

Представитель колхозного движения советовал объединяться в колхозы. Потому что в колхозах тоже не платили зарплату, но колхозники ухитрялись выживать.

— Это что за бардак? — спросил представитель вечного броуновского движения, выразившего интересы мельчайших масс, пребывающих во взвешенном состоянии в жидкостях и газах. — Мало того что держат во взвешенном состоянии, так еще и воды не дают. И газ отключают.

Тут такое поднялось! Левостороннее уличное движение поперло на правостороннее, создав аварийную ситуацию, сулившую многим вечную жизнь, но тут появился представитель администрации. Точнее — представитель вечного движения администрации за лучшую для администрации жизнь, ставя во главу движения приобретение недвижимости.

— Успокойтесь, господа, — сказал представитель администрации. — Вы же знаете, что нет ничего вечного под солнцем. Не навечно же вам задерживают зарплату, не навечно отключают газ, воду и электричество. А вы помолчите, господин вечный двигатель, вам дана исчерпывающая оценка в научной литературе. И если кого не устраивает затяннувшееся взвешенное состояние, то придется выбирать между взвешенным и подвешенным состоянием...

После таких окончательных слов все движения стали расходиться по улицам, по базарам, по домам. А Вассерману деваться некуда, ну, он и проснулся.

Мазальтов-2

У Мазальтова и прежде двоилось в глазах, но это было нормально. Вместо одного дерева — два дерева, вместо одного человека — два человека, причем совершенно одинаковых. А тут однажды зашел он с ребятами посидеть. Заказали портвейн под огурец, а у Мазальтова портвейн вдруг раздвоился на портвейн и шампанское, а огурец на цыпленка-табака с тем же огурцом. И целый вечер Мазальтов пил шампанское по цене портвейна, а закусывал цыпленком под названием табака.

Хорошо посидели. Мазальтов и домой прихватил пару шампанского по цене портвейна, чтобы и дома как следует посидеть, но жена уже спала, сидеть было не с кем.

Хотя, в общем-то, как сказать. Случайно взглянув на себя в зеркало, Мазальтов увидел рядом с собой совершенно постороннего мужчину. Он кинулся к жене, но рядом с ней в постели увидел незнакомую, но весьма привлекательную женщину.

Осторожно, чтоб не разбудить жену, Мазальтов стал пробираться к прекрасной незнакомке. Оглянулся на зеркало, а мужчина тоже лезет в постель. Стал его Мазальтов выталкивать, но повыталкивал женщин, а мужчина продолжал оставаться в постели, что ясно было видно в зеркале.

Большой получился скандал. Соседи вызвали милицию. Милиция пришла в количестве четырех милиционеров. Было бы их по два одинаковых, это было бы нормально, но четверо разных могли отсандаить за четверых. В предвидении такого исхода Мазальтов выскочил на улицу, прихватив с собой пару шампанского, чтоб не скучать.

Первый попавшийся столб раздвоился на столб и африканскую пальму. Сидит Мазальтов под пальмой, любит Африкой, на которую раздвоилась привычная Европа. Когда прикончил бутылку, какой-то козел раздвоился

на козла и верблюда. Сел Мазальтов на верблюда и поехал по Африке, запивая эту сказочную страну второй бутылкой шампанского.

И привез его верблюд прямо к дому, в котором обитала его старая знакомая по фамилии Шанатова.

Нашарив в кармане ключ, Мазальтов отпер хорошо знакомую и уже порядком поднадоевшую квартиру и вошел тихонько, чтоб не сразу Шанатову разбудить, потому что она со сна могла запустить чего-нибудь в голову.

Но Шанатова была не одна. Рядом с ней в постели находилась совершенно очаровательная негритянка (дело происходило в Африке!).

Осторожно, чтоб не разбудить Шанатову, Мазальтов стал пробираться к прекрасной негритянке. Но, случайно оглянувшись на зеркало, обнаружил, что еще кто-то лезет в постель. Это был все тот же посторонний мужчина, который неизвестно как оказался здесь, — может быть, тоже приехал на верблюде. Стал его Мазальтов выталкивать, но сбросил с постели женщин — Шанатову и негритянку. Женщины подняли крик, соседи подняли крик, милиция подняла крик, и Мазальтова взяли в тот момент, когда он садился на верблюда.

Поскольку милиция явилась вчетвером (она теперь ходила только вчетвером), то Мазальтова отделали как раз для больницы.

В больнице собрался консилиум в количестве двух человек. Один — молодой врач, второй — пожилой профессор. На самом деле это было просто неправильное раздвоение: врач средних лет раздвоился на юношу и старика, как это постоянно бывает в жизни.

Врачи долго спорили между собой, но в конце концов пришли к выводу, что у Мазальтова нарушен механизм раздвоения. При нормальном раздвоении оба изображения зеркально отражают друг друга, а у Мазальтова это было по-другому. Хотя и не так плохо, в конце концов. Пить шампанское по цене портвейна, разъезжать на верблюде по Африке, не покидая Европы, и видеть молодых прекрасных женщин рядом с немолодыми и прекрасными...

Они, кстати, посещали его в больнице — все четверо, пока ему лечили механизм. Это были самые счастливые

дни в его жизни. Но потом его вылечили, и теперь у него нормально двоится в глазах, как должно двоиться у нормального человека.

Персидская мафия

Жил в нашем городе один человек. Условно назовем его Крез, чтобы иметь представление о его богатстве. Но он не всегда был таким богатым и, чтобы как-то прожить, вынужден был преподавать историю партии. А когда история партии кончилась, Крез устремился в противоположную сторону и стал богатеть, как на дрожжах, которые у него были припасены еще со времени развернутого строительства социализма.

У Креза была жена Лидия. У древнего Креза, кто помнит, была страна Лидия, а у нашего только жена. Но она доставляла не меньше хлопот, чем страна, потому что обладала несметными внешними богатствами. Многие заглядывались на эти богатства и даже пытались получить к ним доступ, и жене Лидии это нравилось, она старалась расположить свои богатства так, чтобы ни одно из них не осталось незамеченным.

История повторяется. Когда древний царь Крез заметил, что персидский монарх Кир заглядывается на его страну, он объявил ему войну. В нашем городе в положении Кира оказался начальник городской милиции. Известно, заглядывался ли он на Лидию, скорее он заглядывался на ее мужа, представлявшего для него чисто служебный интерес, но, поскольку начальник милиции немного косил, взгляд его смещался с Креза на его жену, не упуская, впрочем, из поля зрения мужа.

История повторяется. Милиция обложила Креза со всех сторон, и он, подобно своему предшественнику, потерпел сокрушительное поражение. У него отобрали его несметные богатства, и жену Лидию он тоже потерял, потому что из тюрьмы ему трудно было следить за ее действиями на свободе.

Кир женился на Лидии, но при этом все время косил глазом на других женщин, раскрывая одно за другим все новые и новые преступления, пока его самого не засади-

ли. Потому что начальник милиции Кир, как оказалось, был тесно связан с персидской мафией.

Только благодаря этой связи ему удалось сокрушить такого могущественного человека, как Крез, который столько лет преподавал историю партии, а потом, перечеркнув историю партии, стал успешно строить капитализм на месте бывшего строительства социализма.

Но мафия и начальника милиции засадила. Потому что — кто же мог еще его засадить? Только благодаря мафии наша милиция до сих пор еще на свободе.

Две любви писателя Петрова

Когда знаменитый писатель Иван Петров был еще совсем молодым писателем и даже еще совсем не писателем, он приехал в Москву по своим литературным, в то время еще мало литературным или вообще не литературным делам. И здесь, в столичной гостинице, он познакомился с женщиной, ну просто потрясающей женщиной, если учесть, что у себя в провинции она работала секретарем обкома. Но это он узнал позже, а сначала он смотрел на нее просто как на женщину, а она смотрела на него как на молодого человека. Это было ей тем более интересно, что сама она не была такой уж молодой, ей было сорок лет, а ему всего только двадцать. Но они легко преодолели эти разделяющие их двадцать лет и, запершись в гостиничном номере, три дня яростно любили друг друга. Она махнула рукой на свои партийные дела, он наплевал на свои еще не вполне литературные, и они занимались только тем, что принадлежали друг другу. Так земля, даже самая скудная, буйно колосится, когда она кому-то принадлежит, а когда никому не принадлежит, превращается в безжизненную пустыню.

Всю жизнь писатель Иван Петров не мог забыть эту женщину. То есть имя ее он, конечно, забыл и лицо забыл, но помнил, что она была секретарем обкома. И рассказывая впоследствии об этой трехдневной любви, он прежде всего сообщал: «Она была секретарь обкома». Или еще более интригующе: «Вам никогда не случалось иметь

дело с секретарями обкома?» Или даже так: «О, секретари обкома — это нечто! Уверяю вас, это нечто!»

Случилось это давно, еще в начале тридцатых. А в начале семидесятых Иван Петров уже был знаменит, он жил в Москве, вернее, семья его жила в Москве, а он на даче под Москвой, чтоб иметь свободу для литературной деятельности.

И в какой-то день, в разгар его литературной деятельности, на дачу к нему постучали. У калитки стояла девушка и смотрела на него широко открытыми глазами.

«Это вы?» — спросила девушка.

«Да, — сказал писатель, — это я».

«К вам можно войти?»

Писатель сказал: «Войдите».

Девушка вошла.

«Так вот вы какой, — сказала она, продолжая смотреть на него широко открытыми глазами. — Я вас таким и представляла. Я вас знаю с детства, вы для меня такой близкий человек. Ближе, чем мой муж. Потому что мужа я знаю только год, а вас я знаю с детства. Можно я сяду?»

«Садитесь», — сказал писатель Иван Петров.

«Я вас полюбила с первой книжки, так что, можно сказать, вы — моя первая любовь. Мне подарили вас на день рождения. И на всю жизнь. Можно я вас поцелую?»

«Поцелуйте», — сказал писатель Иван Петров.

Утром они пили чай.

«Петя...» — нежно сказала девушка.

«Почему Петя?» — поинтересовался писатель Петров.

«Потому что Петя... Потому что знаменитый Петр Иванов для меня теперь просто Петя».

«Но я не Петр Иванов, а Иван Петров», — сказал писатель Иван Петров с некоторым раздражением.

«Так вы не Петя Иванов? — удивилась девушка. И засмеялась. — Я думала, что вы Петя Иванов, а вы, оказывается, Ваня Петров. — Она поцеловала его. — Значит, я всю жизнь любила писателя Ивана Петрова».

Сидоркин и другие

Поэт Сидоркин, находясь инкогнито среди читателей, провел анкету для выяснения своего места в литературе. Он раздал читателям бумажки с фамилиями: Пушкин, Лермонтов, Сидоркин, Есенин, Маяковский — и предложил ненужное зачеркнуть.

Все вычеркнули Сидоркина.

Это было невероятно. Как будто читатели договорились между собой. Но они не договаривались, они даже не были знакомы друг с другом. И при этом — все! — вычеркнули Сидоркина.

Махнув рукой на классическое прошлое нашей литературы, Сидоркин составил новый список: Вознесенский, Евтушенко, Рождественский, Сидоркин, Николай Доризо. И опять все вычеркнули Сидоркина.

Тогда Сидоркин решил увеличить список. На этот раз читателям были представлены: Пушкин, Лермонтов, Есенин, Маяковский, Сидоркин, Тюткин, Вознесенский, Рождественский и Николай Доризо. Одну лишнюю фамилию предлагалось читателям зачеркнуть.

На этот раз читательские мнения разделились. Одна треть с упорством, достойным лучшего применения, продолжала считать лишним Сидоркина. Но две трети вычеркнули Тюткина, фамилия которого показалась им менее благозвучной.

Теперь Сидоркин имел все основания написать: «В проведенной среди читателей анкете почти семьдесят процентов опрошенных любителей поэзии в числе самых любимых своих поэтов назвали такие имена: Пушкин, Лермонтов, Маяковский, Сидоркин и другие».

Простое, как мычание

(Рассказ коровы)

Родилась я в городе, в областном центре.

Город большой, промышленный, три института и университет, ну и, само собой, театры и кинотеатры. Парк культуры и отдыха. Молокозавод.

По документам я, правда, в селе родилась, но я-то помню, что родилась в городе. Нас тогда целое стадо в одной комнате родилось — на шестом этаже, в самом центре города. Как замычали мы в один голос, Андерсен от радости на стуле подскочил.

— Умницы, — говорит, — чтоб вам всем быть здоровенькими. Ваше здоровье — это наше здоровье.

У Андерсена жизнь длинная и однообразная, как проспект в нашем городе. Живет Андерсен давно и каждый день ходит на работу. Для него, говорит он, идти на работу все равно что идти на казнь. Только на казнь один раз сходил — и все, а на работу нужно ходить ежедневно.

И при этом Иван Иванович еще упрекает Андерсена, что тот мало любит свою работу. Кто ж это будет любить свою казнь? Разве что какая голова отчаянная.

В нашем поголовье мало отчаянных голов, но все же иногда попадают. Когда мы только еще родились, Андерсен спросил у нас:

— Ну, красотки, какая из вас на молоко, а какая на мясо? Все, конечно, дружно кричат, что на молоко, а одна голова отчаянная радостно завопила:

— На мясо!

Андерсен улыбнулся — так грустно, как улыбается он, когда его вызывают к Ивану Ивановичу, — и говорит:

— Это хорошо, что ты такая сознательная, только радоваться зачем? Не в театр идешь, а на мясо.

Жизнь, я вам скажу, пролетает — не успеваешь оглядываться. Только что Андерсен поздравил меня с рождением — и вот я уже даю молоко. Много молока, в среднем по три тысячи на корову. И другие дают столько же — и те, что в городе, и те, что в районе, и даже те, что в селе, хотя у них там плохие условия и кормов не хватает. И это при том, что у них там и доярки, и зоотехники, а у нас только Андерсен — и больше никого.

И даже не Андерсен — просто его так Иван Иванович называет.

— Ты, — говорит, — слыхал про Андерсена?

Андерсен — наш — вытягивается столбиком, опускает глаза в стол и начинает там что-то отколупывать. Всякий раз отколупывает и никак не отколупает.

— Это великий сказочник, что ли?

Иван Иванович кивает:

— Великий. Только не по сравнению с тобой. По сравнению с тобой он маленький сказочник.

После такого разговора Андерсен долго не смотрит в нашу сторону, говорит, что мы ему надоели, что он не дождется, когда уйдет от нас на пенсию. Мы, оказывается, должны быть там, в селе, а не здесь, в городе. Каждая из нас приписана к какому-то колхозу. Одни еще там, в колхозе, приписаны, другие в районе приписаны, а мы уже здесь, в областном центре. Нас Андерсен собственной рукой приписал.

Сам приписал — и сам недоволен.

— Что-то, — говорит, — больно много вас развелось, вот погодите, я вас всех в колхоз отправлю. Будете там в холодных коровниках стоять по колено в грязи, будете просить, чтоб вас покормили.

Это он так грозит. А на самом деле — куда нас пошлешь? Мы здесь, в городе, родились, какая от нас в колхозе польза?

Сын Андерсена, пианист, ездит в колхоз на уборку картофеля, а какая там от него польза?

Андерсен хоть нас и ругает, но не заругивает до конца. Он ругает потому, что его ругает Иван Иванович. А Иван Иванович ругает потому, что его тоже кто-то ругает. И даже того, кто ругает Ивана Ивановича, тоже кто-то ругает.

Все ругают друг друга.

И все — за нас. Как будто все они нами недовольны.

А на самом деле без нас им не обойтись. Мы и кормов не требуем, и коровников нам не надо. Живем мы все в одной комнате, на шестом этаже, — и те, которые в колхозе приписаны, и те, которые в районе приписаны, и те, которые в области приписаны, и даже те, которых сам Иван Иванович собственной рукой приписал.

Зайцы

Последний трамвай. Остановка — улица Трифоновская. В вагоне двое: один входит, другой уже сидит.

— Семен Семенович, это вы? Так поздно?

— Иван Степанович, это я. Здравствуйте, дорогой. Садитесь, там все равно нет билетов. Поедьте зайцем. Все контролеры спят.

— Вы думаете, это удобно? Кстати, у меня проездной.

— Спрячьте! Никому не показывайте! А я думаю: что это Ивана Степаныча давно не видать? А вы, оказывается, по ночам ездите. Да еще зайцем!

— Вот именно: зайцем. Хотя, между прочим, у меня проездной.

— Прекрасно придумано: проездной. У каждого зайца — проездной. Поди догони их с проездными.

Остановка «Рижский вокзал». Никто не входит, никто не выходит.

— Время-то позднее: половина второго. А вы, Семен Семеныч, живете в другом конце города. Куда это вы среди ночи, если не секрет?

— Иван Степаныч, у зайца не спрашивают куда, зайцы бегают не куда, а откуда. Спутнут их, они и побежали. У них, как у «Запорожца», двигатель с задней стороны.

— У вас что, на работе неприятности? Или дома? Семен Семеныч, может, вы ушли от семьи?

— Нет, оттуда еще не ушел. Но уже спутнули меня, Иван Степаныч, спутнули, дорогой.

— Вы рассуждаете, как настоящий заяц.

— А разве нет? Я и есть настоящий заяц. И как зайцу мне положено ездить в общественном транспорте без билета. И вам положено.

— Ну, у меня-то проездной...

— Спрячьте. Никому не показывайте. Вы заяц, вам положено без билета.

— В чем-то я с вами согласен, Семен Семеныч, но в чем-то не согласен. Хотя и приходится оглядываться и уши прижимать, но в чем-то я не заяц... Не настоящий заяц...

— А кто же? Случайно не контролер?

— Возможно, контролер.

Опыт показывает: из двух зайцев непременно один контролер.

— Напрасно вы меня спутнули, Иван Степаныч. Так хорошо ехали...

Семен Семеныч достал билет и предъявил Ивану Степанычу — на случай, если тот контролер.

Иван Степаныч предъявил проездной — на случай, если контролер Семен Семеныч.

Предъявили и поехали. И каждый спрятал билет.

Разве настоящий заяц осмелится ездить без билета?

Исповедь книголюб

Полюбил я книги. Крепко полюбил. И решил составить из них библиотеку.

Прихожу в книжный:

— Пушкин есть?

— Пушкина нет. Есть Пешкин, заменитель Пушкина. Александр Пешкин, вполне приличный поэт.

— Может, Бунин есть?

— Есть Дунин. Евдоким Дунин. Заменитель Бунина.

Ладно, Дунин так Дунин. Пешкин так Пешкин. Набрал я этих заменителей — ставить некуда.

Прихожу в мебельный:

— Книжные полки есть?

— Полки нет. Вы на почту сходите, — советуют. — Купите посылочные ящики, сложите один на другой. Или на стенку повесьте — вот вам и полки.

Прихожу на почту:

— Посылочные ящики есть?

— Ящиков нет, есть заменители ящиков. Берете вот эту тряпочку, обшиваете ею посылочку...

— А как из этого сделать книжную полку?

Иду и думаю: как из тряпочки сделать полочку?

Прихожу в аптеку:

— У вас что-нибудь сердечное есть?

— Сердечного нет, возьмите желудочное. Незаменимый заменитель.

Принимаю желудочное, звоню в «Скорую помощь».

— Врача мне!

— Врача нет. Есть заменитель врача. С дипломом, со стажем, все как положено.

Скончался я. Являюсь к Богу.

— И это, — говорю, — была жизнь?

— Какая жизнь? — удивляется Бог. — Все жизни давно кончились. Это был заменитель жизни.

Хотел я устроить ему скандал, но он улыбнулся примирительно:

— А что вы хотите? Я ведь не Бог.

И тут я вспомнил: ведь Бога действительно нет. Мне, как книголюбу, это должно быть известно.

Об этом и у Дунина написано, и у Пешкина написано...

Нет Бога. Должность такая — есть. А на должности кто? Заменитель...

Главная правда — не в строчках, а между строк. Мы настолько привыкли читать между строк, что теперь, когда между строчками нечего читать, стало неинтересно читать то, что в строчках.

Исповедь голого человека

Голого человека голыми руками возьмешь.

Лежу я как-то в лечебной ванне. Тут же и сестричка в белом халатике смотрит на меня внимательным взглядом.

Я начинаю соображать. Она здесь, в водолечебнице, столько видит нашего брата. Могла бы уже и не смотреть. Могло бы ее мутить от этого зрелища. А она смотрит. Ну прямо не отрывает глаз. Значит, я чем-то выделяюсь из общей курортной массы.

Я откидываю прядь со лба и придаю лицу задумчивое выражение. И вытягиваюсь, чтобы казаться выше. И лежу.

С женщинами у меня сложные отношения. Не то чтобы мне жениться не хотелось, мне хотелось, мне многие нравились, и я многим предлагал руку и сердце. Но этих женщин разве поймешь? Одна на руку согласна — сердце ее не устраивает, другой только сердце и подавай, кричит: «Убери руки!»

И вот впервые на меня смотрят не отрывая глаз. И вдобавок такая молоденькая. Ее бы с ее внимательным взглядом в девятый класс, на урок географии. Но, наверно, ей здесь интересней. Потому что я такой человек. Хоть и голый, но способный заинтересовать женщину.

Я плотней прикрываю рот, где у меня недостает переднего зуба, и поворачиваю голову в профиль, чтобы как-то красить свой фас.

И лежу. И так мне хорошо, как будто я сбросил тридцать лет, — так эти ванны действуют на человека.

И тут она наклоняется ко мне и шепчет еле слышно, только для нас двоих:

— Вам не нужна водолазка для мальчика?

От этих слов я проваливаюсь под воду, будто я сам водолаз.

— У меня нет мальчика, — говорю, появляясь на поверхности.

— А колготки для девочки?

— У меня нет девочки.

— А комбинация для жены?

Сказать, что у меня нет жены, она может подумать, будто я с ней заигрываю. А заигрывать в таком виде...

В конце концов я покупаю и водолазку для мальчика, и колготки для девочки, и две комбинации — для жены и еще для одной женщины.

Потому что голого человека голыми руками возьмишь.

Мауэр

Кто за рублем, кто за рублем, а остальные все пьющие. Сидим мы за столиком и ведем между собой разговор.

— У нас один вернулся из Англии.

— Из Великобритании?

— Черт его знает. Из Англии, говорит. Из туристической поездки.

— У нас один был в Испании. Тоже по путевке.

— Этот, из Англии, был там в тюрьме.

— По путевке?

— Я же рассказываю: у них тюрьма — это музей... Да нет, по-другому. Музей, понимаешь, — это тюрьма. Тауэр.

— В тюрьме я бывал. А в музее не приходилось.

— У нас в Мелитополе есть музей.

— Не бывал. В Мелитополе я не бывал.

— Там, в этом музее в Тауэре, все осталось, как было в тюрьме.

— И свидания разрешают?

— У них не свидания, а посещения. Это же музей.

— Но если ничего не переменилось...

— Это для посетителей не переменилось. У них там служебный персонал переодет в тюремщиков и арестантов. Одни в тюремщиков, другие в арестантов. Сходство удивительное. Наш, который туда приехал, специально поинтересовался: настоящие они или их только для вида переодели?

— Ну и как?

— Сами не помнят. То ли они в музее работают, то ли по-настоящему сидят. Настолько, понимаешь, все убедительно.

— Великобритания, ничего не скажешь!

Да, хорошо за рулем, хорошо за рублем, хорошо и где-нибудь в туристической поездке. Но лучше всего вот так, за столиком.

Правда, не всегда помнишь, где сидишь. С кем сидишь. Почему сидишь.

Как те, в Тауэре.

Урок ивритского

Приехав в Израиль, Леня Блох не сразу нашел работу по специальности. В Израиле, как и в Союзе, русских филологов было перепроизводство.

После нескольких занятий в ульпане Леня попытался совместить изучение иврита с его преподаванием, но вакансий для преподавания в ульпане не оказалось.

Тогда Леня решил открыть свое дело. Помещения у него не было, но многие музыканты и артисты открывали свое дело прямо на улице, под открытым небом, получая плату за труд без помощи бухгалтерии. А почему нельзя давать без бухгалтерии уроки ивритского языка?

Первое свое занятие под открытым небом Леня начал с самого слова «иврит». Почему «иврит», а не «еврит»? Это же еврейский язык, а не иврейский. К тому же обратите внимание: мы пишем Европа, а не Ивропа. А что такое Европа? Сокращенно: Еврейская Опа.

Зазвенели монеты. Публике понравилось такое истолкование. Но нашелся и оппонент, который парировал его вопросом:

— А что такое Опа?

Леня снисходительно улыбнулся:

— Разве не ясно? Опа — это земля. Когда вы приземляетесь после прыжка, что вы кричите? Опа! Колумб кричал: «Земля!», а вы кричите: «Опа!» Значит, Опа — это Земля.

К ногам Лени упало еще несколько монет: авторитет Колумба возымел свое действие.

— А что вы скажете про Еврипида? — не без ехидства спросил некий любитель античности.

Леня не дрогнул духом:

— Еврипид — это сокращенно еврейский эпид, то есть писатель.

Оппонент промолчал, и любитель античности промолчал: публика была на стороне Лени. И, почувствовав это, учитель ивритского продолжал:

— Еврипид написал о Евридике (еврейской идике, то есть девушке), как она попала в аид (тогдашний ад), а потом была вызволена из аида, в честь чего всех евреев стали называть аидами.

Хорошее название. Так звали владыку подземного царства, который, хоть и был богом греческим, но, оказывается, тоже был Аид.

Те самые граждане, которые прежде делились на иудеепричастных и иудеенепричастных, теперь делятся на иудееспособных и иудеенеспособных.

Открытие Франции

Во Францию Семенов прибыл с единственной фразой: «Парле ву франсе?» — что должно было означать: «Вы разговариваете по-французски?»

Первый же француз, которому он задал этот вопрос, остановился и выразил желание поговорить по-французски. С минуту Семенов соображал, о чем бы поговорить по-французски, но, так и не вспомнив, повторил свое единственное: «Парле ву франсе?»

Разговор как будто налаживался. Семенов улыбался француз, француз улыбался в ответ, а затем, чтобы под-

держат разговор, Семенов как бы между прочим спросил: «Парле ву франсе?» («Вы разговариваете по-французски?»)

— Шпрехен зи дойч? — внезапно спросил француз, перейдя почему-то на немецкий язык, хотя разговор велся по-французски. Однако Семенов не стал разговаривать по-немецки: в конце концов, они были во Франции. Поэтому Семенов вернулся к французскому языку.

— Спик инглиш? — осведомился француз, но Семенов отказался разговаривать и по-английски. На этом разговор и кончился.

Другие французы вели себя точно так же: с минуту послушав Семенова, они переходили на другой язык, потом на третий и так далее.

— Французы — славные ребята, — рассказывал Семенов, вернувшись домой. — Они такие любезные, общительные. Но знаете, какая у французов главная национальная черта? Больше всего они не любят говорить по-французски.

Сновидец

В детстве мне приснилось, что я бросился под трамвай.

Я уснул так, чтобы помнить, что я сплю, и стал во сне приставать к прохожим. Прохожие не знали, что все это происходит во сне, вся их жизнь протекала во сне, и они относились к нему, как к действительности. Конечно, они вызвали милицию. Вот тогда я и бросился под трамвай, и мне оставалось только проснуться.

Потом я часто думал: что было бы, если б я не проснулся? Какое было бы у этого сна продолжение?

В другой раз я уснул так, чтобы пойти в цирк, но там, во сне, забыл, что сплю, и стал за билетом в очередь. Людей было много, билетов мало, и все мы волновались, что билетов нам не достанется. А тут еще какой-то тип с чемоданом полез без очереди, объясняя это тем, что он опаздывает на поезд. Я запротестовал, он ударил меня чемоданом по голове, и я проснулся, так и не узнав, достался мне билет или не достался.

Ну, ладно. Чтобы как-то утешиться, решил я по-настоящему пойти в цирк. Смотрю — очереди нет, билетов нет, если, допустим, уснуть, то и смотреть нечего.

И тут выходит из цирка человек в белом свитере.

— А, — говорит, — это ты. Которого чемоданом ударили. Но ты не волнуйся, тот тип все равно на поезд опоздал. Его, когда ты проснулся, в милицию повели и обнаружили в чемодане сейф, который он украл из сберегательной кассы.

— Так вот от чего я проснулся!

— Да, от этого. От такого можно и совсем не проснуться.

Я пожаловался:

— Всегда я просыпаюсь в самых интересных местах.

— А ты хотел бы знать, какое у сна продолжение?

— Просто интересно узнать, достался бы мне билет или не достался, если бы тот, с сейфом, не помешал.

— Ничего нет проще, — говорит человек в белом свитере. — Я как раз решаю сны. Как задачи. По известному началу нахожу неизвестное продолжение.

Он уточнил некоторые подробности: за кем я очередь занимал, не стояла ли за мной дама с коровой на цепочке, не чихал ли кто на афише, а если чихал, то кто именно. Выяснив все это, он сказал:

— Билет тебе, мой друг, не достался. Нужно раньше ложиться спать, чтобы раньше занимать очередь.

Потом я его долго не видел. Уже и школу кончил, и в институт поступил.

И приснилась мне как-то девушка из нашего института. Она мне не только во сне нравилась, но там, не во сне, я не решался ей об этом сказать. А здесь решился.

— Ты, — говорю, — мне нравишься. А как я? Я тебе нравлюсь? Или, может, тебе нравится кто-то другой? Она хотела ответить, но тут я проснулся. Разбудили меня: вставай, опоздаешь на лекции! Какие там лекции, когда такой разговор!

Укрылся с головой, чтоб она опять мне приснилась. И она приснилась. Только почему-то в мою сторону не глядит.

— Ты обиделась?

— А ты считаешь, нечего обижаться? После того, что ты так трусливо сбежал...

— Я не сбежал, я проснулся. Меня разбудили, а теперь я опять...

Но она не стала слушать. Она ушла, даже не посмотрев в мою сторону.

Долго я ломал голову: что там могло быть, если б меня не разбудили. И, раздумывая над этим, сам не знаю как, очутился около цирка.

И хоть было это уже совсем в другом городе, смотрю — из цирка выходит тот самый человек. Но уже не в белом, а в голубом свитере. И постарел немного.

— Ну, — говорит, — рассказывай, где вы с ней встретились, под какими часами. Если на них не было цифр и стрелок, то это хорошо. Если они были желтые и светящиеся, то это еще лучше. А если висели они прямо на небе, среди звезд, то это так хорошо, что лучше и не придумаешь.

Я рассказал, он выслушал.

— Что было бы, если б ты не проснулся? Ну, что бывает в таких случаях? Сам понимаешь...

Значит, я ей понравился. Мы, возможно, даже поцеловались. Верней, могли бы поцеловаться, если б меня не разбудили на лекции.

Потом я все равно женился на этой девушке и все наверстал. И в цирк стал ходить только с детьми, а спустя недолгое время — с внуками.

Сейчас я на пенсии. Все сны досматриваю до конца. Но как-то раз опять пошел в цирк, хоть вроде и не было повода.

И опять вышел ко мне мой сновидец, на этот раз в фиолетовом свитере, и рассказал я ему всю свою жизнь, как будто она мне приснилась. Рассказал, чтоб узнать ее до конца. А то вдруг не доживу до конца, тогда и узнавать будет некому.

Улыбнулся сновидец:

— Помнишь, как ты когда-то бросился под трамвай? Трамваю бы зарезать тебя за твою хулиганскую выходку, но вожатый попался добрый, свернул с рельсов в сторону. Потому ты и живешь, что вожатый попался добрый. Так что живи и не спрашивай.

И я живу.

Маленький еврейский погром

Ходаев женился на еврейке, чтобы иметь у себя дома свой маленький еврейский погром. В больших погромах он боялся участвовать, а потребность была. У многих есть такая потребность, только она наружу не всегда прорывается.

Погромы ведь существуют не только для сведения национальных или идеологических счетов, но и для самоутверждения, укрепления веры в себя. Ах, вы такие умные? Такие образованные? А мы вас — пуф! — и куда оно денется, все ваше превосходство.

В нищей стране погромы решают и проблемы экономические. Давно замечено, что проблемы нищей страны не имеют справедливых решений.

У себя на работе, — а он работал, между прочим, в милиции — Ходаев был тише воды ниже травы, преступность с ним делала что хотела. И он все терпел, помалкивал, дожидаясь того часа, когда в спокойной домашней обстановке сможет проявить необузданную силу своего характера.

Жена у него была красавица, но он этого не замечал. Потому что жена ему была нужна не для любви, а для погромов.

Звали жену Рита. Ходаев нашел ее в только что освобожденной от румын Бессарабии, а с началом войны эвакуировался с ней в город Ташкент, где продолжил робкую милицмейскую деятельность, сопровождаемую безудержной домашней разрядкой.

Рита была соучастницей его погромов, изо всех сил старалась, чтоб соседи не услышали, а потом, когда он засыпал, долго себя отхаживала, обкладывая пластырями, маскировала ссадины и синяки, чтоб соседи не увидели. Можно сказать, что на их семейном поле боя он был солдатом, а она медицинской сестрой, выносившей себя с поля боя.

Однажды, когда Ходаев был на ночном дежурстве, в комнате у Риты появился Боренька. Он появился как-то странно: залез в окно и стал осматриваться по сторонам, приглядываясь к разным предметам.

И вдруг он увидел Риту и сразу понял, что она-то ему и нужна, что все, что он вынес из прежних квартир, не стоит одного ее взгляда.

— Меня зовут Боря, — сказал Боренька.

— А меня Рита.

— Да, конечно, Рита, — сказав он, не сводя с нее потрясенных глаз. — Я пришел за тобой, Рита.

Она не удивилась. Она давно ждала, что за ней кто-нибудь придет. Она только спросила:

— А откуда ты меня знаешь?

— Я всю жизнь тебя знаю, — сказал Боренька. И сразу началась их любовь. А чего им было тянуть? Главное было сказано

— Боренька, — говорила Рита, — я все время тебя ждала. Я так долго тебя ждала...

— А я тебя искал. Все квартиры излазил. Но в какую ни залезу — тебя нет.

Он рассказывал о своей маме. Они до войны жили в Киеве. Как хорошо, что освободили Бессарабию, иначе бы они никогда не встретились здесь, в Ташкенте.

Она ему ничего не сказала о своих домашних погромах. Боренька мог бы неправильно понять и выместить свой гнев на Ходаеве. А разве Ходаев виноват, что у него такой необузданный характер, но он нигде не может его проявить — ни с начальством, ни с преступниками? Только в семейной жизни, потому что только в семейной жизни человек может быть до конца собой.

Она написала ему записку: «Дорогой Ходаев, ты не сердись, пожалуйста, но я встретила человека. И я уйду».

Они стали собирать ее вещи. Только самое необходимое. Раньше Боренька брал самое ценное, а теперь — только самое необходимое, да и то не для себя.

Его схватили, когда они вылезали из окна. Могли бы выйти в дверь, но не хотелось встречаться с соседями.

Сначала вылез он — и тут же его схватили. Его уже искали.

Рита всю ночь проплакала. Во время погромов сдерживалась, а тут — не смогла.

За окном занимался день, день нового погрома. После дежурства, на котором приходилось себя сдерживать, Ходаеву требовалась особенная разрядка.

Боренька появился через три года. Стал собирать Ритины вещи — только ее, и только самые необходимые. Чтоб не подвергать Риту опасности, попросил ее выйти в дверь. Но когда она вышла на улицу, его уже взяли.

На этот раз он вернулся через пять лет, на следующий — через восемь. Его считали закоренелым рецидивистом, хотя он лазил только в одно окно — в окно любимой женщины.

Между тем жизнь с Ходаевым превращалась для Риты в один сплошной погром. Она бы давно ушла от мужа, но боялась, что Боренька ее не найдет: город большой, а страна еще больше.

А он спешил отсидеть очередной срок, но отсидеть поскорей никак не получалось.

Он спешил поскорей отсидеть, она спешила поскорей дожидаться, и, подгоняемая ими обоими, жизнь летела быстрее и быстрее.

Ходаев первый устал от погромов и ушел от Риты к другой женщине. И теперь Рита могла спокойно ждать Бореньку и об одном лишь беспокоилась: сумеет ли он забраться в окно. Все-таки он был уже не так молод.

Как-то летней ночью ее разбудили странные удары под окном. Как будто что-то там падало, тяжело ударяясь о землю.

Она выглянула из окна и увидела Бореньку. Он лез к ней в окно. Срывался, падал, но упорно лез к ней в окно.

Она протянула ему ключ от двери. Он улыбнулся и покачал головой.

За все эти годы, прошедшие вдали от нее, он так и не научился ходить в двери.

М тургеневские места

Писатель Гарий Цыбуляк живет во Франции. Как Тургенев. И также пишет литературные произведения, которые, правда, пока не печатают. До лучших времен. А лучшие времена во Франции все почему-то не наступают.

Когда он жил у себя на родине, там тоже не наступали лучшие времена. Родина была большая, на нее лучшего не напасешься, но она у Гария была не одна. Родины его

были расположены по принципу матрешки: сверху самая большая, на весь Союз, за ней родина поменьше, на республику, затем на город, на улицу, на дом, а в самой середине — он, Гарий Цыбуляк, самая родная, самая любимая родина.

Так уже исторически сложилось, что в большой родине было сосредоточено все плохое, поэтому Гарий боролся за независимость родины той, что поменьше, от самой большой. Но когда удалось отделить меньшую родину от большей, оказалось, что все плохое никуда не делось, его даже стало больше, потому что оно сконцентрировалось на меньшей территории.

Тогда Гарий стал бороться за независимость еще меньшей родины от сравнительно большой. Но плохое опять никуда не делось, а стусилось еще на меньшей территории.

Так доборолся Цыбуляк до самой маленькой матрешки и, спасая ее, уехал во Францию. В тургеневские места. Хотя можно их назвать и гоголевскими местами. Русская литература всегда частично писалась во Франции, так почему бы здесь не появиться и цыбуляковским местам?

Живя в Париже, Гарий часто прогуливался по рю де Ришелье, которая чем-то ему напоминала его родную улицу Ришельевскую. И однажды, прогуливаясь, он встретил Толика с Малой Арнаутской, который метался по французской столице, ища, где бы тут преподавать физику.

Толик был учитель физики, один из лучших в Одессе. Но быть лучшим в Одессе его не устроило. И вот он в Париже. Ампер, Кулон, Гей-Люссак. Супруги Кюри, супруги Жолио-Кюри. Этот город трудно удивить хорошими физиками.

— Гарик, — сказал Толик с Малой Арнаутской, где он тоже в свое время боролся за независимость, — ты знаешь, Гарик, независимость и зависимость — это два полюса одного магнита. Сколько ни дели на части магнит, в нем невозможно отделить положительный полюс от отрицательного. Точно так же и в жизни: положительное нельзя выделить в чистом виде.

Они стояли на рю де Ришелье, тоже, в сущности, улице Ришельевской, которую, однако, никогда не переиме-

новывали в улицу Ленина, поэтому на ней было приятно стоять. Но и немного грустно. Потому что с той переименованной улицей была связана вся их жизнь, а с этой ничего не было связано.

Связано — это зависимость, не связано — независимость, и в целом они составляют магнит. Но почему-то так получается, что этот магнит тянет тебя в Париж, когда ты стоишь в Одессе на улице Ришельевской, и начинает тянуть в Одессу, едва ты перемещаешься на рю де Ришелье...

Граждане

Полководцы

*
Карл Великий был сын Пипина Короткого. Легко быть великим, имея такого отца.

*
Много побед одержал великий Пирр, но в историю вошла только одна пиррова победа.

*
Пришел. Увидел. Победил. Еще раз посмотрел. Ушел обратно.

*
Жребий был брошен вместе со всеми доспехами при попытке обратно перейти Рубикон.

*
Карла Великого даже смерть не могла уложить в постель, и его похоронили сидящим на троне, в полном воинском облачении и с мечом в руке.

*
Битвы за свои убеждения никогда не бывают столь кровавы, как битвы за свои заблуждения.

*
«От великого до смешного — один шаг», — сказал Наполеон и все-таки не сделал этого шага. Но у Наполеона были последователи.

*
Белый полководец Колчак спас от расстрела красного полководца Котовского. Колчака расстреляли красные. Котовского — тоже красные. Потому что на красный цвет товарищей нет, хотя все называют друг друга товарищами.

*
Такому полководцу, как Сталин, не нужны были военные действия: он и в мирное время прекрасно шагал по трупам.

*
Начинается с того, что живые шагают по трупам, а кончается тем, что мертвые шагают по живым.

*
Жизнь учится у смерти на все закрывать глаза.

*
С древних времен человечество разделено на тех, кто воюет, и тех, кто воюет.

*
Там, где чужие жизни идут по дешевке, на собственную возрастает цена.

*
Умертвить живое намного легче, чем оживить мертвое. Видимо, между жизнью и смертью туда и назад совершенно разные расстояния.

*
Армия побеждает, но не сдается.

*
Победителей не судят. А зря.

Политики

*
Философии, которая учит счастьем каждого человека в отдельности, никак не поспеть за политикой, которая учит счастьем человечество в целом.

*
Жизнь на Земле появилась тогда, когда появилась первая клетка.

*
Не могучие эвкалипты и пальмы, а ползучие стебли и кустарники — вот что делает джунгли непроходимыми.

*
Высокие ранги — это бумеранги.

*
Когда человек поднимает одну руку, он отдает только голос, а когда две руки — он отдает все.

*
Самое страшное в наших гражданах — это уши и глаза, потому что их боится целое государство.

*
Страх — это тюрьма на самообслуживании, поскольку в ней человек одновременно арестант и тюремщик.

*
В цивилизованном обществе антисемитизм — нижнее белье, в нецивилизованном — верхняя одежда.

*
Слово «фашизм» в переводе означает «вязанка хвороста». Поэтому его так легко разжечь.

*
Если бы люди вели себя, как ангелы, а работали, как черти!

*
В десятичных дробях самая значительная величина — запятая.

*
Когда много власти, она начинает мыслить и чувствовать за человека. Когда много денег, они начинают мыслить и чувствовать за человека. И лишь когда нет ни власти, ни денег, человек может мыслить и чувствовать сам.

*
Не только глухота ведет к немоте, но и немота ведет к глухоте. Умеющие молчать, как правило, умеют не слышать.

*
Сколько у нас камней преткновения на зарплатах краугольных камней!

*
Кто был ничем, тот станет всем, чем угодно.

*
В семнадцатом году мы обменяли Временное правительство на временные трудности, и с тех пор никак не удастся произвести обратный обмен, потому что ни одно правительство не согласно считать себя временным.

*
Мазохизм — удел великих. Маленькие могут быть только садистами.

*
Маленькие люди не амбициозней больших. Просто все их амбиции концентрируются на меньшем пространстве.

*
Наш предок, лишенный власти среди дикой природы, обрел мудрость в качестве компенсации. Поэтому, чем большую мы получаем власть, тем больше мы теряем мудрости.

*
Чувство юмора — самое легкое из всех чувств и одновременно — самое тяжелое: его невозможно поднять на вершины власти.

*
В тоталитарном государстве молчание — знак несогласия.

*
Антифашист, но весьма умеренный: в меру анти, в меру фашист.

*

Отстоим этот мир от себя!

*

Когда перед тобою мечут бисер, не чувствуешь ли ты себя свиньей?

*

Когда народ безмолвствует, он тише воды ниже травы. В народе тихость нередко сочетается с низостью.

*

И если культ личности портит народ, то и культ народа портит личность.

*

В наше время просить политическое убежище уже мало. Надо сразу просить не убежище, а бомбоубежище.

*

Быть без царя в голове — еще не значит быть демократом.

*

Мы вырубим все оазисы, чтоб они не заслоняли от нас пустынь, которые нам еще предстоит засадить деревьями.

Поэты

*

Обезьяна взяла в руки палку, чтобы развивать критическое направление, а потом потерла палкой о палку и стала воскурять фимиам...

*

Каждый поднявшийся на Олимп видит у ног своих вершину Парнаса.

*

В литературе цель оправдывает средства лишь при условии, что средства — художественные.

*

Время — как вода, и не потому, что оно течет, а потому, что скрадывает расстояния. Как будто из одного Ренессанса Данте и Рабле, а расстояние между ними — как между Носовым и Ломоносовым.

*

Древнегреческая трагедия возникла из дифирамба. Так всегда бывает: то, что начинается дифирамбом, оканчивается трагедией.

*

Мало выйти из гоголевской шинели. Надо еще знать, куда идти.

*
Конечно, гений — это терпение. Но кто же согласится его терпеть?

*
Что такое писательская кухня? Это обычная кухня, в которой днем варится суп, а ночью создаются бессмертные произведения.

*
Перечеркните минус — и он станет плюсом. Этим и занимается сатира: все ее плюсы — из наших минусов.

*
Краткость — сестра таланта, но далеко еще не талант.

*
Двести лет назад вышел сборник сказок под названием: «Лекарство от задумчивости и бессонницы». Бессонница до сих пор не проходит, но задумчивость удалось излечить.

*
Данте писал о девяти известных ему кругах ада.

*
Умирают на земле имена. Сейчас уже редко встретишь Харлампия — Сияющего Любовью. И Калистрата — Прекрасного Воина. А куда девался Павсикакий? Есть Акакий — Беззлобный, есть Иннокентий — Безвредный. А куда девался Павсикакий — Борец Со Злом? Либо зло слишком сильное, либо Павсикакии уже не те, что были когда-то.

*
Никому не известные имена легко уживаются в одном тексте. Известным трудней. Больно видеть, как они, чужие и несовместимые, живут в нем, втайне ненавидя друг друга, но подчиняясь общему смыслу, которому призваны служить. Разве можно спокойно читать вот такую фразу: «Сестры Наталья Гончарова, в замужестве Пушкина, и Екатерина Гончарова, в замужестве Дантес...»?

*
В басне Крылова трудяге псу несладко приходится, а комнатная собачка горя не знает. Одна у нее забота — на задних лапках ходить. Тот, кто ходит на задних лапках, освобождает от работы передние.

*
Повествовательное предложение отличается от других тем, что там, где хочется спрашивать или кричать, оно умеет сохранить спокойную интонацию.

*
Слово, которое обобщает все краски земли, самое невыразительное и бесцветное слово.

*
Чтобы ПРИдать чему-нибудь новый смысл, необязательно ПРЕдать старый.

*
Архаизмы — это слова, забывшие о том, что и они были когда-то неологизмами.

*
На всех процессах жизни литература выступает одновременно в роли обвинителя и в роли защитника. Обвинителя зла и защитника добра.

Последняя роль наиболее трудная — особенно если думать не о том, чтобы оправдать подзащитного, а о том, чтобы оправдать доверие начальства.

*
Если крыловская Мартышка узнает себя в зеркале, плохо будет зеркалу, а не Мартышке. Таков закон отражения действительности: чем сильнее литература отражает действительность, тем сильнее действительность отражает литературу.

*
Аллегория выдает свой костюм за чужой, а риторика нахально щеголяет в чужом костюме.

*
Сатира, которая призвана вскрывать язвы общества, достигла больших успехов по части анестезиологии. И хотя вскрывает хуже, но значительно лучше умеет усыплять.

*
Юмор — это соломинка, которая не спасает. Но когда за нее хватаешься, делаешь движение, которое помогает держаться на воде.

*
Строгий порядок букв в алфавите обретает смысл лишь тогда, когда его нарушают.

*
«Нам нужна вся правда!» — говорит полуправда.
«Нам нужна полуправда!» — говорит четвертьправда.
А что говорит правда? Она молчит. Ей опять не дают слова.

*
У советских издателей к писателям было двойное отношение: одних они любили печатать, но не читать, а других — читать, но не печатать.

*
Квалифицированная цензура читает не тексты, а мысли автора.

*

И вот уже он стал таким великим художником, что мог не видеть ничего вокруг, как Гомер, и ничего не слышать вокруг, как Бетховен.

*

И почему бы не писать о бескорыстии, если за это хорошо платят?

*

В романе отдельные неудачи возвышаются, как утесы, над плоской гладью посредственности.

*

Сладость сатиры — в ее запретности.

*

Советские читатели так привыкли читать между строк, что разучились читать то, что в строчках.

*

Распрямись ты, ложь высокая, правду свято сохрани!

*

Не напасешься шутов, чтобы говорить королям правду.

*

Одни смехом уничтожают страх, другие страхом уничтожают смех, поэтому в мире не убывает ни страха, ни смеха.

Актеры

*

Театр начинается с вешалки и кончается вешалкой. Но помните: главное — всегда в середине!

*

Театр от жизни отличается тем, что у него всегда есть запасной выход.

*

Свободное место — это место, занятое только собой.

*

Даже первая скрипка, если она слушает только себя, может испортить любую музыку.

*

Галерка: настоящего зрителя искусство всегда возвышает.

*

Суфлерская будка специально отвернулась от зрителей, чтобы никто не услышал ее секретов. И она шепчет свои секреты, шепчет свои секреты, — бог ты мой, стоит

ли так тихо шептать секреты, если они тут же провозглашаются на весь зал?

*

Что значит свободно держаться на сцене? Это значит — держаться так, как тебе самому хочется. И еще — как хочется автору. И еще — как хочется режиссеру. А главное — как хочется публике, которой сегодня хочется одно, а завтра — совершенно другое.

*

Со сцены доносились кряхтенье, сопенье, треск материи, хруст костей... Это актер лепил образ.

*

Актер Н. проснулся, открыл глаза и сунул ноги в куртаны, которые носил целый день и снимал только выходя на сцену, где очень искусно и естественно играл роль простака.

*

Он прошел по сцене так, словно нес на плечах земной шар, но вовремя сбросил его и теперь спешил уйти от ответственности.

*

На сцене герой-любовник заламывал руки и метал громы и молнии. Потому что перед ним стояла его героиня и была она хороша, и была молода и прекрасна, а в зале сидела его жена и следила в бинокль за этой сценой.

*

И, вливая яд в ухо датского короля, его брат прошептал: «Не тревожься, брат, борьба идет не против тебя, а за тебя!» И в этом была вся трагедия.

*

«Коня! Коня! Полцарства за коня!» — «Стоп! Не верю!» — «Полцарства за коня!» — «Не верю. Я не верю в то, что у вас есть полцарства, и не верю в то, что у вас нет коня!» — «Но... у меня действительно нет коня...» — «А полцарства у вас есть?» — «Нет...» — «Так какого дьявола вы здесь делаете, если сами не верите в то, что говорите?»

*

Умирающий так естественно испустил дух, что его наградили бурей аплодисментов. И он встал, поклонился, затем снова лег и испустил дух. И так он вставал, кланялся и выпускал дух, все время кланялся и выпускал дух и спешил лечь и испустить дух, чтобы опять встать и опять поклониться.

*

И где-то еще в самом начале действия какой-то второстепенный персонаж вызвал на дуэль главного героя. Он

знал, что вызывает на свою голову, потому что без главного героя в спектакле не обойтись, но он все-таки вызвал, потому что верил в свою звезду, потому что нет такого персонажа, который считал бы себя второстепенным.

Маленький человек, потерявшийся в самом последнем ряду за колоннами, никому не был виден, но он видел себя, видел в самом центре событий, в блеске софитов и юпитеров, и он там жил, он там любил и страдал, и смеялся и плакал вместе с героями.

Хочется вмешаться, хочется встать и крикнуть: «Люди! Остановитесь! Опомнитесь! Что вы делаете?» Но потом сам опомнишься, поудобней устроишься в кресле и продолжаешь наблюдать. Интересно, чем это все кончится?

Условность постановки дошла до того, что на сцене не было никаких декораций, а в зале не было никаких зрителей.

Уходя из театра, каждый зритель уносит с собой по лавровому листку.

Откуда-то с галерки сорвался первый хлопок — и покатился вниз, увлекая за собой второй, третий... Все громче, дружнее, раскатистее... И уже давным-давно утих, забылся первый хлопок, когда гремели бурные аплодисменты.

Одни исступленно вызывают на бис, а другие лениво бросают: «На биса?»

На сцену жизни человек совершает один-единственный выход, и его никогда не удастся вызвать на бис.

Возвратясь из театра домой, комик долго смеется над своими номерами и показывает домашним, как он там падал, ходил колесом и кувыркался через голову.

Уведомление зрителей: сегодня и завтра, в любой сезон, билеты на сегодняшнюю трагедию действительны на завтрашнюю комедию!

Мыслители

Все началось с того, что правду отделили от истины...

Мудрые мысли погребены в толстых книгах, а немудреные входят в пословицы и живут у всех на устах.

В древние времена в Греции было два высших учебных заведения: академия Платона и Аристотеля и бочка Диогена.

Диогена называли сумасшедшим Сократом, и это должно было ему льстить. Сойти с ума — дело нехитрое, тут важно, с какого ума сойти.

Когда у Фалеса спросили, что труднее всего, он ответил: познать самого себя. А когда спросили, что всего легче, он сказал: давать советы.

Впоследствии была создана целая Страна Советов. Но, чтобы избежать чрезмерной легкости, в ней были предусмотрены специальные органы для познания каждого человека в отдельности.

«Лучшее — это мера», — сказал философ. «Высшая мера», — уточнил политик.

«Все подвергай сомнению», — сказал философ. «Всех подвергай сомнению», — уточнил политик.

Что бы ни уточнял политик, все получается высшая мера для философии...

Счастье — в самих желаниях, а не в удовлетворении желаний. Требуя от жизни удовлетворения, мы вызываем собственную жизнь на дуэль. А там уж как повезет: либо мы ее прикончим, либо она нас ухлопает.

Прошлое нас тянет назад, а будущее — вперед. К сожалению, оно тянет вперед, выдерживая из настоящего.

Истина, рожденная в споре, уже по этой причине не может быть бесспорной истиной.

Там, где нельзя говорить то, что думаешь, нужно думать, что говоришь.

Человек — не застывшая статуя, его постоянно лепит жизнь. И не знает он, сколько его еще лепить, когда наконец он станет законченным произведением. Потому что, пока жизнь нас лепит, нам процесс дороже, чем результат.

С каждым годом время летит все быстрее, и если бы человек жил тысячу лет, время сдувало бы его с земли, как ветер пушинку.

Рожденные в споре, порою неистовые, стареют и с горю становятся истинами...

Каждый на свою стенку лезет, а истина между тем лежит внизу, у всех под ногами.

Чем глупее человек, тем больше ему требуется ума, чтобы скрыть свою глупость. Вот откуда берутся великие умники!

Редко встретишь мыслителя, играющего в дурака. И намного чаще — дурака, играющего в мыслителя.

Идеальный дурак — это такой дурак, который способен вместить всю свою глупость в минимальное количество слов.

Сладость иных плодов ограничивается их запретностью, и для них смертельно снятие запрета.

Они мыслили точно так, как Сократ. А цикуту им заменяла цитата.

Чем просвещенней век, тем меньше в нем Сократов.

В двадцатом столетии мыслительный процесс так и не стал процессом века, поскольку на всех процессах присутствовал в качестве ответчика.

Романтики

В звездную ночь песчинки смотрятся в небо, как в зеркало, и каждая легко находит себя среди других, подобных ей, песчинок. Это так просто — найти себя: стоит

посмотреть в небо и поискать самую яркую звезду. Чем ярче звезда, тем легче жить на свете песчинке.

*

Драконы — это змеи, мечтавшие о крыльях и оставившие в легендах свои мечты.

*

Легендарная птица Феникс, птица из времени легенд... В то легендарное время птица Феникс была обычным воробьем, в то время быть воробьем означало постоянно возрождаться из пепла.

*

Чем живы верблюды? Только тем, что, бродя по выжженной, голой пустыне, они носят повсюду милый сердцу горный пейзаж.

*

В благородном порыве идти нам навстречу ветер нередко сбивает с ног.

*

Если бы отрезок не считал себя бесконечной прямой, он вряд ли бы дотянул от одной до другой точки.

*

Когда разум пытается заменить чувство, ему требуется вся его сила, вся эрудиция — там, где чувству достаточно одного вдоха.

*

Птицы поднимаются в небо, изо всех сил отмахиваясь от земли. Тем-то от птицы и отличается человек, что он не может ни от чего отмахнуться.

*

Иногда хочется стать на голову, чтобы лучше увидеть небо. Но мы привыкли твердо стоять на ногах.

*

Лишь теряя почву под собой, вода приобретает стремительность водопада.

*

Иное озарение — сплошное разорение.

*

С одним свернешь горы, с другим свернешь шею.

*

Охотник, собака и дичь — и все это слито в одном человеке. Он одновременно берет след, стреляет и падает под выстрелом. И всякий раз, как он делает очередной выстрел, в нем остается меньше человека и больше собаки и охотника.

*

Воспитанные революцией, мы пели: «Но настанет пора, и проснется народ...» Мы-то думали, что это народ так спит, а на самом деле он так бодрствовал.

*

Между доспехами и успехами Дон Кихот выбирает доспехи. Другие выбирают успехи, потому что мода на доспехи прошла. Мода на доспехи обычно либо прошла, либо еще не пришла, а на успехи — всегда сохраняется.

*

Дон Кихот — это поднятый на смех Иисус Христос, которому нет места внизу, на среднежизнейском уровне. То его поднимают на щит, то поднимают на смех — в те редкие удачные времена, когда не поднимают на Голгофу.

*

Нимбы носят вокруг головы, а петли — вокруг шеи.

*

Скептицизм — опьянение трезвостью.

*

Не скупитесь отдать золотые часы за золотые минуты!

*

Запретный плод сладок, пока его не вкусишь.

*

Счастье — ненадежный друг: оно приходит, когда нам хорошо, и уходит, когда нам плохо.

*

Сочетание желтого и зеленого на склоне горы — как сочетание осени и весны на склоне жизни.

*

Листы старых мудрых книг желтеют, как листья деревьев, но они никогда не бывают зелеными... А быть может, в этом зеленом — вся мудрость...

*

Живешь эту жизнь, как эпопею, а в конце поглядишь — она вся на одном листке уместается. Стоило ее жить, как эпопею? Может, лучше было прожить ее, как афоризм: коротко, но со смыслом? Так бы она лучше запомнилась...

*

Люди не раз отдавали жизнь за свои убеждения. Но убеждения они отдавали только за хорошую жизнь.

Влюбленные

Когда грабители, пробираясь в дом, глядят во дворе сторожевую собаку, это вовсе не значит, что они любят ее больше, чем хозяина. Глядят — не обязательно любят. Ласкают — не обязательно любят. Ласка нередко лишь один из видов оружия, а любовь, как правило, безоружна.

Не покупайте любимым дорогих подарков, чтоб на их фоне не выглядеть слишком дешево!

В делах любви любители всегда предпочтительнее профессионалов.

В любовном треугольнике по меньшей мере один угол тупой.

Любовь — это такое явление, которое, укорачивая жизнь каждому человеку в отдельности, удлиняет ее человечеству в целом.

А ревность — это цемент, соединяющий крупницы любви в сплошную стену, отделяющую человека от общества. Чем меньше крупниц, тем больше требуется цемента.

И любовь к себе бывает плодотворной. У одноклеточных.

Доступным женщинам многое недоступно.

Заслуживает внимания пример жуков-богомолов. Жена богомола в пылу страсти буквально поедом его ест, но, даже съеденный до половины, он продолжает выполнять свои супружеские обязанности. Богомол понимает: супружеские обязанности не ограничиваются любовью. Настоящий супруг должен не только любить, но и кормить свою супругу.

Мужья, не спорьте с женами! Не может быть хорошим мужем тот, кто любит истину больше, чем женщину.

Для иной современной свадьбы нужны не свидетели, а понятые.

*

«То, что муж этой женщины алкоголик, распутник, хулиган и дурак, что он истязает жену и живет на ее изживении, что он тупое, невежественное, ленивое и грязное существо, — все это еще не самое страшное. Самое страшное — что он однолюб».

*

Любовь примиряет врагов. Такие враждебные, непримиримые слова, как «слабый» и «прекрасный» (прекрасные стихи — слабые стихи), примирились, подружились и стали синонимами в слабом и одновременно прекрасном поле.

*

Женщина говорит о своем знакомом: «Он такой молчаливый!»

И о другом своем знакомом: «Он такой молчаливый!»

У нее все молчаливые: она же никому не дает слова сказать.

*

Подходите к ветреным женщинам с подветренной стороны!

*

В санаторий, где лечат женщин, желающих иметь детей, охотно ездят мужчины, желающие иметь женщин.

*

Они бегают от инфаркта — и всё за женщинами!

*

Женишься на красоте, а живешь с характером.

*

Оживив себе жену, Пигмалион пожалел, что не создал ее из более мягкого материала.

*

Очнувшись от своей игры, Орфей застал жену в объятиях Морфея.

*

Египетская куртизанка Родопис продавала свою любовь царю за деньги, а Эзопу — за остроумие. Одни платят остроумием за любовь, другие — любовью за остроумие, и только те, кому нечем платить, расплачиваются деньгами.

*

Робеспьер любил женщин, но только как товарищей по оружию. Вместо цветов он дарил женщинам тексты своих речей и очень возмущался, что коллега Дантон может требовать от женщины что-то другое.

*
То, что не проникает в сердце, ложится камнем за пазухой.

*
В какой-то степени ревность — это плод любви добра и зла.

*
Зло любит ревностью.

*
От судьбы не уйдешь, а если уйдешь, то тебя будут разбирать на общем собрании.

*
В лирике, в отличие от физики, чем больше расстояние, тем сильнее притягиваются тела.

*
За столько веков Амур испробовал все виды оружия: стрелы, ружья, пушки, бомбы разных систем...

И все это для того, чтоб люди полюбили друг друга.

Граждане

*
Между голландской и японской живописью больше общего, чем между голландской живописью и голландским сыром. Но не все голландские граждане способны это понять.

*
На суде, который над нами идет, родители наши — свидетели защиты, а дети наши — свидетели обвинения.

*
Человек уходит из жизни, как выходят из трамвая: на его уход обращают внимание те, кого он толкнул или кому уступил место.

*
Если всех преступников выпустить на свободу, честного человека сможет защитить только тюрьма.

*
Мы такие люди: если мы сидим в тюрьме и нам говорят: сидите осторожно, а то тюрьма развалится, — мы будем сидеть очень осторожно, не шелохнувшись, чтоб чего доброго не развалилась наша тюрьма.

*
Только в тюрьме чувствуешь себя как за каменной стеной.

*
После того как у нас ввели сухой закон, наши граждане стали меньше уважать друг друга.

*

Голове легко быть умной, она наверху.

*

Чужие радости бывают ближе, чем свои. Чужая молодость рядом, а своя так далеко, что до нее и за сто лет не доберешься.

*

Некоторые наши граждане, как палки, вытащенные из колес, любят повспоминать, как они способствовали нашему движению.

*

Мы так быстро бегаем от инфаркта, что прибегаем к нему с другой стороны.

*

Всю жизнь мечтал обрести почву под собой, а обрел почву над собой.

*

Говорят, в состоянии клинической смерти некоторые чувствуют себя очень хорошо. Но разве это не естественно после нашей клинической жизни?

*

Самоопределение — вплоть до отделения милиции.

*

Жизнь безжалостно сдирала с него рубашку, в которой он родился.

*

Если больной и протянет до утра, то только ноги.

*

После удаления слепой кишки больной стал значительно лучше видеть.

*

Евреи так глубоко пустили корни в России, что они теперь выходят в Америке.

*

Если хочешь жить по большому счету, придется по этому счету платить.

*

Мы такой народ: мы способны только на подвиги и преступления. На другие, менее значительные дела мы не способны.

*

Ему многое было на роду написано, только он, к сожалению, так и не научился читать.

*

Здоровье, граждане, — это единственное, что невозможно накопить к концу жизни.

*

В будущем мы живем хорошо. Нам бы еще научиться жить в настоящем.

*

В имени ИВАН — вся жизнь Ивана: НИВА — для работы, ВИНА — для удовольствия, детский НАИВ — в неумении отличить одно от другого и вечная ВИНА по этому поводу.

*

Еврейский вопрос есть всюду, где есть евреи, потому что надо же кому-то нести ответ.

А кому хочется нести ответ?

Поэтому евреи на вопрос отвечают вопросом.

*

Не зря врачи советуют ограничивать себя и в том, и в другом. Все ограниченные обладают завидным здоровьем.

*

Жизнь — как единственное дитя: ее любишь тем больше, чем меньше она того заслуживает.

*

Если перед тобой возникнет стена, вбей в нее гвоздь, повесь на него шляпу и чувствуй себя как дома: одна стена у тебя уже есть.

*

Одни надежды оправдались, другие — не оправдались. Почему-то наши надежды — как преступники перед судом: им постоянно нужно оправдываться.

*

Граждане! Употребляйте с пользой все, что направлено против вас! На Диогена тоже катили бочку.

Библиография

БОЖЕСТВЕННЫЕ ИСТОРИИ. Издательство политической литературы. М., 1966.

ПОДРАЖАНИЕ ТЕАТРУ. Издательство «Карпаты». Ужгород, 1971.

НЕСЕРЬЕЗНЫЕ АРХИМЕДЫ. «Молодая гвардия». Москва, 1971.

ГИАЦИНТОВЫЕ ОСТРОВА. «Советский писатель». Москва, 1978.

СЛАБЫЕ МИРА СЕГО. «Правда». Библиотека «Крокодила». Москва, 1979.

ПРИНЦЕССА ГРАММАТИКА, ИЛИ ПОТОМКИ ДРЕВНЕГО ГЛАГОЛА. Ужгород. Издательство «Карпаты», 1981.

КРУТИ НА ПЕСКЕ. Ужгород. Издательство «Карпаты», 1985.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ВЕЧНОСТИ. Москва. «Советский писатель», 1985.

ХВОСТ ПАВЛИНА. Ужгород. Издательство «Карпаты», 1988.

Я УГНАЛ МАШИНУ ВРЕМЕНИ. Ужгород. Концерн «Карпаты». Общество «Украина — Израиль». Областная организация Общества книголюбов Украины, 1992.

ЗАВТРАШНИЕ СКАЗКИ. Ужгород. Концерн «Карпаты». Общество «Украина — Израиль». Областная организация Общества книголюбов Украины, 1992.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В АНЕКДОТАХ. Ужгород. «Бокор», 1993.

ПЛАЧ ПО ЦАРЮ ИРОДУ. Ужгород. «Unqvar holding LTD». Издательство «Карпаты».

ТЮРЬМА ИМЕНИ СВОБОДЫ. Ужгород. РЭК. Производственно-издательский комбинат «Патент», 1995.

ДИСТРОФИКИ. Ужгород. ТО «Падюн». Производственно-издательский комбинат «Патент», 1996.

БРЫЗГИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ. Ужгород. «Аудиотех». «Патент», 1996.

ПОЛУСКАЗКИ И ДРУГИЕ ИСТОРИИ. Ужгород. «Аудиотех». «Патент», 1997.

ИЗБРАННОЕ. Тель-Авив. Библиотека «Ивруса», 1999.

Литературно-художественное издание

Кривин Феликс Давидович

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Том восемнадцатый

Ответственный редактор *М. Яновская*

Автор серийного оформления

Евгений Поликашин

Корректор *Е. Самолетова*

Компьютерная верстка *В. Мороз*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 19.11.2001

Формат 84х108^{1/32}. Гарнитура «Букман».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,28.

Тираж 5000 экз. Заказ 2021.

ЗАО «Издательство «ЭКСМО-Пресс». Изд. лиц. № 065377 от 22.08.97.
125190, Москва, Ленинградский проспект, д. 80, корп. 16, подъезд 3.

Интернет/Home page — www.eksmo.ru

Электронная почта (E-mail) — info@eksmo.ru

Книга — почтой: Книжный клуб «ЭКСМО»

101000, Москва, а/я 333. E-mail: bookclub@eksmo.ru

Оптовая торговля:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1.

Тел./факс: (095) 932-74-71

Сеть магазинов «Книжный Клуб СНАРК»
представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «ЭКСМО».

Информация в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Книжный магазин издательства «ЭКСМО»

Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»)

ООО «Медиа группа «ЛОГОС». 103051, Москва, Цветной бульвар, 30, стр. 2

Единая справочная служба: (095) 974-21-31. E-mail: mg1@logosgroup.ru

contact@logosgroup.ru

ООО «КИФ «ДАКС». Губернская книжная ярмарка.

М. о. г. Люберцы, ул. Волковская, 67.

т. 554-51-51 доб. 126, 554-30-02 доб. 126.

ISBN 5-04-009023-4

9 785040 090235 >

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Ка каими доним мир
арост с милою тобою
дот Рина дружная,
спроси пожелания
кван! влюбленный тобою
и имен! Твоя камен
когда влюбленных. Ну
иная коза. Влюбленные
их любви - коза всеобщая
Р, то коза - в тою ко
всего во времени Вас
и звезд, лучи. Значит
иная коза.
Сам может в приключе
воображении 20-ю приключе
оно - приключе?
оно не мертво, в нем
оно. Можно войти

В мире малое го-
ди сравниваем. С.
трудно, но если по-
и, неблагородный,
янеш.

В романе „От М, ко-
вобленен: „Да ко-
говеще мигает!“

Но от ко-
отт зрелая, более тел-
чб. Это она та ко-
навис.

Кто мог себе пред-
ст свет? В ней с-
и Карлота. Тол-
ловы — соавтор Бар-
В прошлом свет...

В? Как может в нем
и его больше не, е-
Но оказывается, про-
совсем то-то про-

...и. На кааки дочи живе
...тароси с моадоство бля
...адося Пла дружан, 40
у строси поваломе в
...кван! в моблевный говор
...ет ииче! Тоаго качет

ногью в аюбленнх. Шу
...енне козь, Вурдоломеевса
...ер мовы - козь всеобщ

...и, 200 когн-и в тоб ко
...по степу во времее Васи
...ице звезер, мучи. Змиеи
...рмиевсови когн.

...Каа мовет в прощан
...и воооше 200-ю прощан
...и оло-прощане?

...ное не мерто, в нем
...хорис мови

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Феликс Кривин

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Каин

Уже на заре истории была уничтожена
половина человечества: Каин убил Авеля.

Потом потекли мирные дни. Каин оказался
дельным хозяином: он быстро освоил Землю
и заселил ее обильным потомством. И своим
детям, которые не могли всего этого оценить,
Каин не раз говорил:

— Берегите, дети, этот мир, за который
погиб ваш дядя!

России XX века

России XX века

а России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века

Антология Сатиры и Юмора России XX века